

Николай Макаренко.

СЕРБЕРЯННАЯ ЧАШКА

МУЗЕЯ

ОРЕНБУРГСКОЙ

Ученой Архивной Комиссии.

ТРУДЫ ОРЕНБ. УЧ. АРХ. КОМИССИИ.

Вып. XVII.

Oeuvres de la Commission scientifique des Archives d' Orenbourg.
Russie.

Tome XVII.

ОРЕНБУРГЪ.

Паровая Типо-лит. Т-ва «Каримовъ, Хусаиновъ и К'».

1907.

17140

H.D.
b. 200, 100, 98
n. 17 Tn. 3000 H.C. 1.
Rec. Jan. 19, 23

n. 18-19
Exchange with
The Society
Rec. 1914

Печатанс по постановленію Оренб. Ученой Архивной Комиссіи.

ЧАШКА МУЗЕЯ ОРЕНБУРГСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ.

Серебряная чашка

МУЗЕЯ

Оренбургской Ученой Архивной Комиссии.

Принадлежащая Музею Оренбургской Ученой Архивной Комиссии нижеописываемая чашка перешла въ Музей изъ бывшаго собранія Неплюевскаго Кадетскаго корпуса, въ числѣ тѣхъ немногихъ вещей, которыя тамъ къ счастью уцѣлѣли, какъ остатки отъ погибшаго Музея Оренбургскаго края, основаннаго въ 1831 г. Ген.-Губернаторомъ графомъ Сухтеленомъ. Мѣсто находки ея неизвѣстно; въ инвентарномъ каталогѣ Музея свѣдѣній объ этомъ не имѣется.

Чашка представляетъ собою полушаровидный сосудъ съ усѣченнымъ сегментомъ при діаметрѣ по отверстію—12 сантим., діаметрѣ кружка у основанія—ок. 5 1/2 стм. и высотѣ—4 сантим. (см. табл. снимковъ въ натуральную величину). Матеріаль—серебро; чашка вѣситъ 30 зол. 15 дол. и является однимъ изъ украшеній названнаго Музея.

Бѣглый общій взглядъ на чашку, ея форму и матеріаль, а также внѣшнія украшенія, словомъ ея общій видъ, говорятъ за возможность отнести чашку къ тѣмъ произведеніямъ «восточной» культуры, которыя носятъ общее названіе—«сассанидскихъ» издѣлій и извѣстны въ находкахъ особенно Сѣверо-Востока Россіи.

Вся внѣшняя поверхность чашки, какъ и внутренняя, украшена семью пучками, схематически переданныхъ листьевъ, выходящихъ изъ подъ основанія чашки, группами по четыре листа; каждая группа перетянута тройнымъ рядомъ поясковъ и отдѣлена другъ отъ друга овальными промежутками. Листья, промежутки между ними и пояски представляютъ собою выпуклыя наружу поверхности, а контуры, ихъ раздѣляющіе снаружи, глубоко какъ бы вдавлены, и внутри чашки представляютъ собою значительно выступающіе пояски, вслѣдствіе этого каждый листъ, каждый промежутокъ между ними получилъ ложкообразную форму.

Бортъ чашки представляется въ видѣ двухъ бордюровъ: верхняго—гладкаго, плоскаго снаружи и выпуклаго изнутри, и слѣдующаго—расположеннаго ниже перваго, болѣе узкаго, также выпуклаго изнутри, но нарѣзаннаго грубымъ поперечнымъ чеканомъ.

Результатъ какихъ техническихъ приѣмовъ представляетъ верхній бордюръ, значительно толще листа, изъ котораго вычеканена вся чашка трудно сказать: загнутъ-ли здѣсь бортъ листа, или припаяна такъ искусно пластинка, или примѣненъ какой-либо иной способъ.

При соединеніи бордюровъ съ верхними частями листьевъ, въ уголкахъ соединеній ихъ, вдавлены снаружи, выпуклыя внутрь, крупные точки.

При бѣгломъ взглядѣ на чашку не остаются не замѣченными у ея, основанія слѣды обломанной подставки въ видѣ кольца изъ пластинки, припаянной на ребро; внимательный же осмотръ ея покажетъ, что подставка была плохо припаяна, слѣды спаекъ подставки съ днищемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ едва замѣтны; повидимому, она припаяна была весьма непрочна, что и было одной изъ главныхъ причинъ ея потери.

Надо полагать, что техника паянія у мастеровъ, изъ рукъ которыхъ вышли даннаго рода чашки, не стояла высоко, доказательствомъ чему можетъ служить значительное количество изъ извѣстныхъ намъ серебряныхъ чашекъ и блюдецъ, нынѣ уже неимѣющихъ своихъ подставокъ, отъ которыхъ остались только слѣды плохой припайки.

Дно чаши—кружокъ—5 сантим. (внутри)—окружено бордюромъ въ видѣ рельефнаго кантика съ грубой перпендикулярной насѣчкой линіями, нѣсколько изогнутыми. Здѣсь выпуклый рельефъ бордюра выдавленъ съ внѣшней стороны (внутри чаши-валикъ, снаружи-вдавленная полоска).

Вся внутренняя поверхность чашки въ свое время была вызолочена; позолота теперь стерлась на выпуклостяхъ и осталась только въ углубленіяхъ, что говоритъ либо за значительный промежутокъ времени пользованія ею, либо за плохую технику золоченія.

Подобной формы, величины и съ такими же элементами украшеній, но безъ изображенія на донышкѣ чашка найдена въ пос. Верхне-Березовскомъ Пермской губ., хранящаяся нынѣ въ коллекціи гр. Строгоновыхъ, другая той же формы и величины, но съ нѣсколько другими деталями украшеній и съ подставкой, наход. въ собр. Теплоухова *).

*] Теплоуховъ. Археолог. Дневникъ, стр. 160.

Наконецъ чашка, найденная французкой экспедиціей (подъ руков. Мор-гана) въ Сузахъ (1899—1902 гг.) *) представляетъ собою ту же форму, тотъ же размѣръ, и главное ту же орнаментировку пучки листьевъ, перевязанные лентой съ промежуточными остроконечными овалами; матеріалъ—бронза, принадлежитъ она по опредѣленію г. G. Jéquier'a періоду ахеменидовъ (?). Это какъ бы родная сестра нашей чашкѣ.

По борту нашей чашки съ внѣшней стороны идетъ вѣзанная опредѣленными твердыми чертами какая-то восточная надпись (см. рис. № 1). Она нѣкъмъ до сихъ поръ не прочтена. Извѣстный знатокъ академикъ Залеманъ, любезно согласившійся просмотрѣть по моей просьбѣ снимокъ съ надписи, полагаетъ, что надпись принадлежитъ къ числу такъ назыв. Пехлевійскихъ и вовсе не поддается усиліямъ прочесть ее.

[Рисунокъ № 1). 1/2 н. в.

Не читаетъ ее и А. К. Марковъ, которому я показывалъ снимокъ.

Надпись скопирована мною точно.

Чеканное изображеніе на внутренней части донышка является самой интересной частью описываемой чашки. Видимо на ложѣ, по восточному поджавъ ноги и опираясь локтемъ на подушку, сидитъ фигура безбородаго и безусаго царя. **) Рельефное изображеніе фигуры, какъ и остальные украшенія, чеканено и съ наружной стороны обильно пройдено также чеканкой (съ наружной стороны вся фигура вдавлена внутрь, чѣмъ полученъ рельефъ внутри) съ цѣлью вызвать появленіе деталей на внутренней лицевой сторонѣ.

Приступая къ болѣе детальному описанію изображенія, нельзя не отмѣтить общаго характера расположенія фигуры—видимо мастеръ справился съ задачей: вся площадь заполнена, безъ большихъ кричащихъ пятенъ фона и безъ уродства фигуры.

Сидящая фигура, не наклоняя торса, локтемъ лѣвой руки упирается на подушку; той же рукой не то держится за длинный эфесъ длиннаго же меча, не то за поясъ.

*) Delegation en Perse. Memoires Tome VII. Recherches archeologiques, deuxième série p. 41 fig. 54.

**) Изъ извѣстныхъ намъ изображеній царей Сасанидскаго періода на металлическихъ (серебр.) блюдахъ, кажется, только на одномъ блюдѣ подобная же безбородая и безусая фигура—на блюдѣ изъ Собр. Дехачева въ Казанскомъ Городск. Музеѣ.

Въ правой рукѣ, поднятой вверхъ, но согнутой въ локтѣ, фигура держитъ какой-то предметъ, съ тремя какъ бы зубцами, средній изъ которыхъ выше остальныхъ; весь предметъ усаженъ продолговатыми наколами, должны изображать, повидимому, вѣтви, собранныя въ пучки. Предметъ этотъ можетъ быть тотъ „баресманъ“, который употреблялся въ Персіи жрецами при религіозныхъ таинствахъ, извѣстный намъ изъ Авесты. ¹⁾

Въ изображеніяхъ религіозныхъ процессій, оставшихся какъ на барельефахъ на камняхъ, такъ и на предметахъ металлическаго производства, временъ даже значительно древнѣе періода Сассанидовъ, можно видѣть нерѣдко фигуру, держащую въ той или другой рукѣ или цвѣтокъ, часто съ тремя лепестками, или пучекъ травы, напр.: одна изъ фигуръ на рельефахъ Ниневійскихъ несетъ въ правой рукѣ цвѣтокъ ²⁾; на каменномъ барельефѣ ³⁾ на скалахъ Малтаи фигура съ пучкомъ какъ бы травы; затѣмъ, на золотыхъ пластинкахъ Аму-Дарьинскаго клада ⁴⁾, наход. нынѣ въ Британскомъ Музеѣ, шествующія фигуры держатъ передъ собой то въ правой, то въ лѣвой рукѣ или цвѣтокъ или пучекъ травы. На чашкѣ изъ Тургайской области, приобретенной Импер. Археолог. Комиссіей въ 1903 г. ⁵⁾ одна изъ фигуръ процессіи держитъ въ рукѣ цвѣтокъ изъ 3-хъ лепестковъ.

По словамъ Дальтона, въ рукахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ—цвѣтокъ лотоса. Повидимому, описываемый религіозный предметъ былъ въ употребленіи не только у Персовъ, но какъ видно и у другихъ народовъ, болѣе древнихъ, и игралъ быть можетъ ту же роль. Изъ болѣе позднихъ изображеній возможно указать на барельефъ, хранящійся въ Кенсингтонскомъ Музеѣ ⁶⁾, происходящій изъ Индіи сидящая на тронѣ фигура царя держитъ въ рукахъ пучекъ травы.

Голов. уборъ фигуры нашей чашки состоитъ изъ шапки съ атрибутами: спереди надъ лбомъ—полумѣсяцъ, далѣе надъ вискомъ и ухомъ — крыло, нѣсколько изогнутое кверху; сзади изъ подъ шапки выходятъ и развиваются двѣ ленты, обѣ расширяющіяся къ концамъ и надрѣзанныя грубымъ поперечнымъ че-

¹⁾ Вѣтви, связанныя иногда въ пучки. Срѣзались они разъ въ годъ съ извѣстными молитвами и церемоніями и хранились при храмахъ.

²⁾ Прохоровъ В. Христіанскія древности и Археологія. 1846 г.

³⁾ Place. Ninive et Assyrie, pl. 45.

⁴⁾ Dalton. The Treasure of the Oxus t. XIV и отчасти XIII.

⁵⁾ Въ кол. Импер. Эрмитажа въ СПБ.

⁶⁾ The journal of indian Art. 1904 г. № 88.

каномъ, должнымъ изображать складки. Если мы обратимся къ изображеніямъ Сассанидскихъ царей на монетахъ, какъ къ источнику, дающему портреты изображаемыхъ на нихъ лицъ, то прежде всего столкнемся съ положеніемъ, говорящимъ не въ нашу пользу. Почти всегда изображеніе царя на монетахъ не соотвѣствуетъ изображенію на произведеніяхъ металлическаго производства (имѣю въ виду Сассанидскія блюда). Кажется, нѣтъ еще ни одного блюда, изображеніе на которомъ было бы совершенно аналогично изображенію на монетѣ и обратно—всегда тамъ или здѣсь отыщется какая нибудь значительная особенность. Но тѣмъ не менѣе попытки подобнаго рода неизбѣжны. Головной уборъ царя Варахрана II-го ¹⁾ (275—292 гг.) имѣетъ сверху на головѣ кружокъ, откинутое назадъ крыло, безъ полумѣ-

а; на монетномъ изображеніи царя Пируза ²⁾ (см. рис. № 2) (459—485 г.) видимъ два крыла, спереди полумѣсяцъ и сверху шаръ; если мы будемъ смотрѣть сбоку на шапку, то конечно будемъ видѣть одно крыло, но тутъ является сверху шаръ, котораго на изображеніи нашей шапки нѣтъ. Конечно, возможно допустить, что мастеръ пренебрегъ кружкомъ и не помѣстилъ его; это во первыхъ (хотя подобное толкованіе трудно допустимо), во вторыхъ онъ не могъ помѣститься неправильно разсчитали мѣсто для фигуры—это скорѣе. Есть шансы отыскать аналогію нашему изображенію на монетѣ, хранящейся въ Парижской National Bibliothèque ³⁾ (см. рис. № 3), но къ сожалѣнію имени царя, изображеннаго на ней, я не могъ узнать ⁴⁾; здѣсь не хватаетъ надъ лбомъ полумѣсяца.

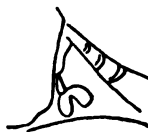
Въ лѣвомъ ухѣ фигуры —серьга, въ видѣ шарика, разщепленнаго на двое, на подобіе бубенчиковъ въ русскихъ (финскихъ) древностяхъ (см. увелич. вдвое рисунокъ № 4).

[Рисунокъ № 2].

[Рисунокъ № 3].

[Рисунокъ № 4].

Подобныя серьги находимъ видѣнными въ уши царскихъ фигуръ на упо-

¹⁾ B. Dorn. Collections des monnaies sassanides de feu de lieutenant-general L. de Bartolomei CHB. 1873г. tabl. IV.

²⁾ Dorn, указанное изданіе pl. XV.

³⁾ Dieulafoy, L'art antique de la Perse vol V. pl. II, des 7.

⁴⁾ Подъ изображ. этой монеты у Dieulafoy, откуда беру воспроизвод. здѣсь снимокъ, сказано: «Normisdas II [301—309 г.]», но просмотрѣвшій эту монету въ натурѣ Я. И. Смирновъ и основываясь на словахъ г. Канова. назыв. «Варахранъ» (который?). А. К. Марковъ, которому я показалъ прилагаемый снимокъ, склоненъ отрицать, какъ первое опредѣленіе, такъ и второе, но самъ не предлагаетъ никакого, имѣя въ виду плохой снимокъ.

минаемыхъ ниже блюдахъ, происходящихъ изъ Персіи, временъ Сассанидовъ ¹⁾, и изъ Индіи; кромѣ того, на фигурахъ чаши, происходящей изъ Сѣверной Индіи и хранящ. въ Британскомъ Музеѣ, ²⁾ изъ пяти, помѣщенныхъ на внѣшней поверхности, головъ на четырехъ ясно замѣтна аналогичная серьга, расщепленная на двое. Повидимому, подобный типъ серегъ былъ распространенъ на Востокѣ, быть можетъ, на значительномъ пространствѣ и не обнимаетъ ли онъ извѣстный періодъ времени?

Очень интересное замѣчаніе о ношеніи серегъ восточными народностями высказано Я. И. Смирновымъ въ его работѣ «о серебр. Сирійскомъ блюдѣ, найд. въ Перми». ³⁾

Приступая къ описанію одежды фигуры, считаю не лишнимъ одно общее замѣчаніе: она аналогична одеждѣ многихъ фигуръ царей періода Сассанидовъ, изображенныхъ на серебр. блюдахъ того времени: на блюдѣ, извѣстномъ подъ именемъ „блюда царя Соломона“, наход. нынѣ въ Національной Библіотекѣ въ Парижѣ, а прежде въ ризницѣ аббатства св. Діонисія ⁴⁾: изображенный царь Хозрой Ануширванъ (531—579 по Р. Х.) одѣтъ въ такую же одежду, но болѣе длинную; на серебр. блюдѣ, изъ собр. Лихачева ⁵⁾, охотящійся царь одѣтъ въ такую же одежду; на блюдѣ, происходящ. изъ дер. Мальцево Соликамск. у. Пермской губ., наход. въ собр. гр. Строгоновыхъ ⁶⁾, фигура съ той же одеждой; на блюдѣ изъ села Вереино Пермск. у., наход. въ собр. Строгоновыхъ ⁷⁾, царь Сапуръ II одѣтъ въ такую же одежду; на блюдѣ, приобрѣтенномъ Археологич. Комиссіей въ 1893 г. въ Тифлисѣ, изъ Кутаиса и нынѣ наход. въ собр. Эрмитажа, та же одежда; на блюдѣ, происходящемъ изъ Россіи и находящемся въ Національной Библіотекѣ въ Парижѣ ⁸⁾, на изображенномъ царѣ Хозроѣ II одѣта такая же одежда (на шеѣ двойное ожерелье); на всѣхъ указанныхъ изображеніяхъ упоминаемыя фигуры имѣютъ, повидимому, характерный царскій костюмъ

¹⁾ Блюда изъ с. Вереино Пермскаго у. въ собр. гр. Строгоновыхъ; блюдо изъ Калгановскаго клада—тамъ же; блюдо изъ дер. Берчева Чердынск. у. Пермской губ. въ собр. Эрмитажа; блюдо изъ Индіи въ Британскомъ Музеѣ (Dalton, The Treasure... pl. XXVII et. XXVIII fig. 191).

²⁾ Dalton, The Treasure of the Oxus pl. XXVII. № 191. (London 1905)

³⁾ Матеріалы по археологич. Россіи, изд. Инп. Археол. Ком. вып. 22 стр. 42. Прилѣч. 2-е.

⁴⁾ E. Babelon, Le Cabinet des antiques a la bibliothèque nationale... 2-me ser. pl. XXI; Dieulafoy, L'art antique de la Perse vol. V. pl. XXII; Linas, Les origines de l'orfèvrerie cloisonnée I. pl. V bis; Odo-besco A. Le trésor de Pétrossa, tome II, page 98.

⁵⁾ Казанской городской Музей № 25; Труды V Всерос. Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ въ 1881 г.; Толстой и Капдаковъ. Р. Др. в. III. стр. 92 рис. 97.

⁶⁾ Антропологическая выставка въ Москвѣ т. II. стр. 360—361 (сообщеніе).

⁷⁾ Отч. Инп. Археолог. Комиссін за 1878—1879 г.г. табл. VII. 2.; Linas, Les origines de l'orfèvrerie II. pag 45 и pl. Aspelin, Les antiquités du Nord-Finno-Ougrien, p. 142 № 610; Толст. и Конст.. Р. Др. в. III стр. 86 рис. 90; Odo-besco A. Le trésor de Pétrossa II. стр. 56.

⁸⁾ Longperier, Oeuvres complètes, I ad p. 87. Luynes, Annali de l'instituto, XV (1843) p. 98; Dieu-

Сассанидскаго періода. На всѣхъ перечисленныхъ блюдахъ отдѣлка принадлежностей одежды грубая, но тщательная и сухая, чего мы не видѣли на нашей чашкѣ.

Подобныя же одежды, между прочимъ, встрѣчаются и на барельефныхъ изображеніяхъ Керманшаха; изобр. Сапора II и Сапора III въ аналогичныхъ, но длинныхъ одеждахъ и съ такими же вязями на груди. ¹⁾

На нашей чашкѣ мы видимъ аналогичную одежду, доходящую до колѣнъ и украшенную здѣсь двойнымъ рядомъ орнаментальныхъ бордюровъ; у шеи широкій круглый вырѣзъ, изъ подъ котораго виденъ воротникъ нижней одежды, украшенной такимъ же бордюромъ. Рукава одежды узки, въ обхватъ, у кистей оканчиваются такой же каймой, плотно обхватывающей руку.

Весьма возможно и другое толкованіе, именно, что воротъ одежды верхней—это второй бордюръ, а первый широкій изображаетъ ожерелье, какое мы видимъ почти на всѣхъ вышеперечисленныхъ блюдахъ. Это послѣднее толкованіе даетъ намъ право предположить, что мастеръ, исполнявшій чашку, не понимая передаваемыхъ деталей фигуры, копировалъ ихъ безсознательно, а это уже наводитъ на небезосновательную мысль, что чашка есть копія съ Сассанидскаго образца.

Ноги обуты, повидимому, въ кожаную мягкую обувь, не имѣющую каблукъ, у колѣнъ ссѣзанную наискось и украшенную по борту голенища бордюромъ. Трудно сказать, доходитъ ли обувь до колѣнъ, гдѣ явственно замѣтенъ бордюръ, украшенный треугольниками, или же оканчивается ниже колѣнъ, гдѣ также имѣется параллельный первому и такъ же украшенный бордюръ. Обувь кверху идетъ раструбомъ.

Подушка, на которую опирается фигура, украшена крестообразно бордюромъ; по угламъ, образованнымъ бордюрами, вдавлены по три крупныя точки.

У бордюра, подъ сидящей фигурой, вдавленъ съ внутренней стороны наружу рядъ точекъ, постепенно утолщающихся къ срединѣ. Между прочимъ, по поверхности фигуры, съ внѣшней стороны, во многихъ мѣстахъ прорѣканены черточки и точки, повидимому, съ цѣлью сдѣлать ихъ выпуклыми

l'art antique de la Perse, V. p. 103, fig. 94 (напечатано въ обратную сторону); Revue archéologique 1884 годъ; Odobesco A. Le trésor de Pétrouss II pag 56.

¹⁾ Dieulafoy, L'art antique de la Perse V. fig. 104.

на внутренней поверхности доньшка, т. е. на изображении, и тѣмъ выдѣлить ту или другую часть убора, украшенія и пр., но цѣль не достигнута — черточки и точки не выступаютъ.

Каково назначеніе нашей и подобныхъ ей чашъ, возможно разгадать, указавъ на нѣсколько изображеній на тѣхъ же блюдахъ и чашкахъ періода Сасанидовъ въ древней Персіи: а) чаша, находящаяся въ собр. гр. Строгоновыхъ (въ Римѣ) ¹⁾ изъ Перми, имѣетъ на доньшкѣ изображеніе царя, держащаго въ рукахъ, повидимому, блюдо; б) блюдо Британскаго Музея, изданное у Дальтона ²⁾; на — днѣ сидящая фигура царя, держащаго въ лѣвой рукѣ чашу; с) на чашѣ изъ Тургайской области Кустанайскаго у., приобрѣт. Археолог. Комиссіей въ 1903 г. и хранящ. въ собр. Эрмитажа — среди религіозной процессіи, изображенной на внѣшней поверхности чаши, въ рукахъ одной изъ фигуръ, передъ сидящимъ божествомъ, — подобная чашка; Тутъ же не лишнее отмѣтить барельефное изображеніе изъ Индіи, правда, уже болѣе позднихъ временъ, — двѣ сидящихъ фигуры бережно держатъ въ рукахъ подобныя же чашки (по формѣ). ³⁾

Въ дополненіе къ этому, если вспомнимъ священный «Гаома» — одинъ изъ главныхъ элементовъ культа Авесты — этотъ священный напитокъ, то этимъ мы пополнимъ наше представленіе о жертвенномъ напиткѣ и сосудахъ, вмѣщавшихъ его въ извѣстный моментъ.

Но какую службу несли, какое назначеніе выполняли эти чаши, а также и блюда, попадая на сѣверъ въ Пермскій край? Произведенія этого рода, занесенныя изъ разныхъ мѣстъ на сѣверъ (греко-римскіе, византійскіе, сасанидскіе, арабскіе и др.) служили религіознымъ потребностямъ сѣверныхъ финскихъ народностей; и въ самомъ дѣлѣ — прежде всего на упоминаемыхъ, преимущественно плоскихъ блюдахъ періода Сасанидовъ, найденныхъ въ Пермскомъ краѣ, часто встрѣчаются неразгаданныя до сихъ поръ изображенія, рѣже цѣлыхъ сценъ, чаще отдѣльныхъ фигуръ животныхъ, человѣка или комбинаціи тѣхъ и другихъ, нацарапанныя тонкимъ остриемъ, рисунка весьма примитивнаго, но проведеннаго увѣренной рукой. Отношеніе такихъ изображеній къ культу сѣверныхъ народностей, хотя и не выяснено вполне, но кажется, не подлежитъ сомнѣнію и именно — отношеніе къ шаманству.

¹⁾ Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien t. II p. 141 fig. 680; издано еще у Rigl'я, но у меня этого изданія подъ рукой не нашлось.

²⁾ Dalton, The Treasure of the Oxus pl. XXVI № 190.

³⁾ Барельефъ изображенъ въ книгѣ: I. Griffiths, The Paintings of the Buddhist Caves — temples of Ajanta; я привожу по Дальтону.

Въ литературѣ имѣется указаніе, трогующее событіе, относящееся къ XI в.: это сага періода викинговъ, гдѣ говорится, что на колѣняхъ у бога Юмалы стояли серебр. чаши, наполненныя монетами. ¹⁾

Другое указаніе находимъ въ краткихъ запискахъ о жителяхъ Березовскаго уѣзда, доставленныхъ въ 1826 г. Tobольскому Архіепископу: «въ храмѣ, посвященномъ Мастерлонгу, стоитъ большой мѣшокъ, по срединѣ сего мѣшка привязана серебр. тарелка, дномъ къ мѣшку, а углубленіемъ наружу» ²⁾ Упоминають о серебр. сосудахъ на сѣверѣ также путешественники Финшъ, Бремъ и Абрамовъ. ³⁾

Торговля сношенія обитателей сѣверо-востока нынѣшней Россіи съ Азіей, начавшіеся, повидимому, раньше VI в., всемъ достаточно извѣстны, благодаря отчасти значительному количеству кладовъ восточныхъ монетъ, найденныхъ въ предѣлахъ Пермской земли и по Волгѣ, а именно Сассанидскихъ V—VI и VII в. в. по Р. Х., а впоследствии также благодаря извѣстіямъ арабскихъ писателей. Вспомнимъ колоссальную мѣшовую торговлю мѣхами!

Предпріимчивые арабы, дойдя своими завоеваніями до береговъ Каспійскаго моря, проникли въ нынѣшнюю русскую равнину, заселенную тогда многими народами. Путь, по которому двигалась торговля, предполагается Каспійское море и Волга этотъ путь, предполагается, служилъ и для серебр. блюдъ и чашъ. ⁴⁾ Но есть другой путь, какъ мнѣ кажется, болѣе соотвѣтствовавшій требованіямъ торговыхъ сношеній съ Азіей — путь сухопутныхъ караванныхъ сообщеній черезъ нынѣшнія Киргизскія степи и землю Башкировъ.

Грубый рисунокъ изображенія, непомѣрно большой глазъ и носъ, грубая передача ракурса подогнутой ноги, грубая, аляповатая вообще вся чеканка; отсутствіе выдѣлки деталей, только иногда едва намѣченныхъ, въ противность другимъ сассанидскимъ подѣлкамъ, обработаннымъ въ деталяхъ до сухости. Почти навѣрное — непониманіе мастеромъ атрибутовъ головного убора, непонятая передача вязей на груди, техническія недочеты (напр. меча — очень изломанъ), даютъ поводъ придти къ заключенію такого рода:

¹⁾ Савельевъ. Мухамеданская Нумизматика СХІ—СХІІ. Каразинъ. т. II примѣч. 62 изд. Эйнерлинга.

²⁾ Толстой и Кондаковъ. Русск. Др. вып. III. стр. 73; ст. Теплоухова въ сборн. «Пермскій Край» — «Древности Пермской Чуды» т. III.

³⁾ ib.

⁴⁾ Между прочимъ см. Толст. и Кондаковъ. Русск. Др. в. II стр. 73. Я. И. Смирновъ «О серебр. сиріиск. блюдахъ» въ матеріалахъ по Археолог. Россіи вып. 22.

если это подѣлка персидскихъ мастеровъ, то можно сказать, что это самое небрежное произведеніе изъ извѣстныхъ намъ, или эта подѣлка — копія съ образцовъ Сассанидскихъ, выполненная средне-азиатскими мастерами. Склоняюсь къ послѣднему предположенію.

Не только доказать свидѣтельствами того или другого рода мѣсто производства нашей или подобныхъ ей чашъ, но даже указать это хотя бы предположительно, въ данное время, представляется задачей первостепенной важности для историка искусствъ и археолога и по сему весьма привлекательной. Но задача столь трудно выполняемая, источники столь слабы, что пройдетъ еще не мало времени, пока откроется возможность дать точное и ясное доказательство мѣста подобнаго рода производства.

Въ настоящее время надъ этимъ вопросомъ работаетъ Я. И. Смирновъ, сосредоточившій въ своихъ рукахъ громадный по количеству матеріалъ. Его работа и собранный воедино матеріалъ внесутъ въ этотъ отдѣлъ исторіи искусства безцѣнный вкладъ.

Къ какому времени относится описываемая нами чашка? Если бы возможно было опредѣлить время производства чашки изображенной здѣсь фигурой царя, то указаніе на изображеніе царя на монетѣ изъ Національной Библіотеки послѣдовало бы съ моей стороны, такъ же какъ и на монетное изображеніе царя Пирюза. Но такъ какъ подобная датировка мало вѣроятна въ силу предположенія, что чаша, быть можетъ, является копіей съ сассанидскаго оригинала, то слѣд. изображеніе можетъ опредѣлить, въ данномъ случаѣ, только время, не ранѣе котораго она могла появиться, т. е. не ранѣе царствованія изображеннаго на ней царя.

Обычно серебрян. чаши и блюда сассанидской Персіи, находимыя на Сѣвѣро-Востокѣ Россіи, относятся къ періоду V—VII в.в. по Р. Х. ¹⁾, но вышеописанная чашка принадлежитъ, по всей вѣроятности, времени не ранѣе VII вѣка.

Въ заключеніе считаю пріятной обязанностью принести мою искреннюю благодарность за указанія, относящіяся къ настоящей моей замѣткѣ, Я. И. Смирнову и А. А. Спицыну.

Ж. Макаренко.

¹⁾ Я. И. Смирновъ. «О Сассанидскихъ блюдахъ». Казань, Типо-литогр. Импер. Уста.

Т Р У Д Ы
О Р Е Н Б У Р Г С К О Й
У Ч Е Н О Й А Р Х И В Н О Й К О М И С С И И
O E U V R E S

DE LA COMMISSION SCIENTIFIQUE DES ARCHIVES
D'ORENBOURG. RUSSIE.

В Ы П У С К Ъ Х V I I I .

Tome XVIII.

О Р Е Н Б У Р Г Ъ .
Паровая Типо-лит. «Т-ва Печ. Дѣла Каримовъ, Хусановъ и К^о».
1907.

Печатано по постановленію Оренбургской Ученой
Архивной Комиссіи.

Отъ Архивной Комиссіи.

Издаваемые «Записки» Ивана Васильевича Чернова были найдены послѣ смерти автора въ его бумагахъ и переданы для изданія Архивной Комиссіи душеприказчикомъ И. В. Чернова д. чл. Комиссіи С. Н. Севастьяновымъ съ условіемъ, что при изданіи «Записокъ» изъ нихъ будетъ изъято все, что касается слишкомъ недавнихъ событій или лицъ, еще до нынѣ здравствующихъ. Согласно этому условію «Записки» многократно были просмотрѣны членами Архивной Комиссіи и многое, по постановленію Комиссіи, изъ нихъ опущено; подлинная же рукопись Ивана Васильевича оставлена на храненіе при музеѣ Комиссіи до времени, когда наступитъ судъ исторіи для недавнихъ еще событій и ихъ участниковъ.

Записки И. В. Чернова, какъ всякія личныя воспоминанія, во многихъ случаяхъ носятъ субъективную окраску въ оцѣнкѣ лицъ и событій, но ихъ интересъ и важность для исторіи мѣстной жизни и края оцѣнить всякій, кто ознакомится съ ними.

По просьбѣ Комиссіи правитель дѣлъ Иванъ Степановичъ Шукшинцевъ взялъ на себя трудъ переписать и подготовить для печати «Записки», безъ каковой подготовительной работы они не могли бы быть напечатаны, за что Архивная Комиссія выражаетъ И. С. Шукшинцеву свою благодарность.

Александра Васильевна Чернова—сестра покойнаго автора «Записокъ»—въ память дорогого брата пожертвовала 400 руб. на ихъ изданіе.

За столь цѣнный даръ Архивная Комиссія приноситъ жертвователю свою глубокую благодарность, такъ какъ иначе, при недостаткѣ средствъ у Комиссіи, столь цѣнныя историческія мемуары едва ли бы могли когда нибудь появиться въ свѣтъ.

И. В. Черновъ.

Иванъ Васильевичъ Черновъ.*)

Въ 1902 году, 15 октября, въ Оренбургѣ скончался извѣстный мѣстный старожиль, отставной генераль-маіоръ Оренбургскаго казачьяго войска, Иванъ Васильевичъ Черновъ.

Покойный родился 29 марта 1825 года, происходилъ изъ стариннаго казачьяго рода, ведущаго свое начало отъ Самарскихъ казаковъ—первоначальныхъ защитниковъ бывшаго въ прежнія времена пограничнаго г. Самары. Одинъ изъ Черновыхъ—Никифоръ значился въ спискѣ казаковъ, приложенномъ къ указу канцеляріи тайнаго совѣтника Наумова, данному атаману Самарскихъ дворянъ, иноземцевъ и казаковъ, Ивану Черному въ 1734 году.

Прадѣдъ Ивана Васильевича—Михаилъ Никифоровичъ перешелъ на житье въ Оренбургъ въ 1743 году, и съ тѣхъ поръ родъ Черновыхъ обосновался въ этомъ городѣ. Дѣдъ покойнаго—Степанъ Михайловичъ служилъ секретаремъ въ войсковой канцеляріи и, будучи большимъ любителемъ чтенія книгъ духовнаго содержанія, на досугъ самъ переписывалъ житія святыхъ на свободныхъ

*] См. „Оренб. Газету“ отъ 20 февраля 1903 г. № 1693, статья С. Н. Севастьянова „Памяти генераль-маіора Ивана Васильевича Чернова“.

Здѣсь она помѣщается цѣликомъ.

листахъ одной изъ прихода-расходныхъ книгъ войсковой канцеляріи.

Рукопись эта до сихъ поръ хранится въ домѣ генерала Чернова, представляя образчикъ строго-религіознаго направленія въ казачьей семьѣ прежнихъ временъ.

Отецъ Ивана Васильевича—сотникъ Василій Степановичъ, будучи въ чинѣ хорунжаго, служилъ въ 20 годахъ XIX столѣтія въ 3 Оренбургскомъ казачьемъ полку (бывшемъ сначала подъ командою маіора Бѣлякова, а потомъ маіора Лысова) въ должности адъютанта. Полкъ въ то время стоялъ въ мѣстечкѣ Млавѣ Царства Польскаго. Получая по тому времени значительное содержаніе — въ 400 руб. сер. (1500 р. на ассигн.), Василій Степановичъ, благодаря своей бережливости и скромному образу жизни, сумѣлъ скопить небольшія сбереженія, и по возвращеніи со службы въ Оренбургъ, выстроилъ деревянный домъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ каменный домъ покойнаго Ивана Васильевича Чернова. Эта черта бережливости и скромнаго образа жизни отца отразилась и на Иванѣ Васильевичѣ.

По возвращеніи изъ полка, Василій Степановичъ, согласно представленнымъ имъ документовъ, въ 1828 году постановленіемъ Оренбургскаго дворянскаго собранія былъ занесенъ въ дворянскую родословную книгу Оренбургской губерніи.

Василій Степановичъ былъ женатъ два раза: первая жена его — дочь хорунжаго Авдотья Петровна Камбулина, отъ которой родился Иванъ Васильевичъ, умерла въ 1831 году. Послѣ кончины матери Иванъ Васильевичъ остался четырехъ лѣтъ съ двумя братьями: старшимъ Иваномъ и младшимъ Григоріемъ.

Василій Степановичъ вступилъ во второй бракъ съ Авдотьей Петровной Федуриной, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей: Александру и Любовь и сына Льва. Воспитаніе своихъ дѣтей Василій Степановичъ велъ въ строго-религіозномъ духѣ: всѣ дѣти должны были посѣщать церковь и соблюдать посты, не исключая среды и пятницы. Въ Великій и Успенскій постъ рыбнаго на столъ не подавалось. «Ни одной праздничной заутрени», говорилъ Ив. Вас. «отецъ не позволялъ намъ пролежать въ постели и приказывалъ итти въ церковь. Даже, когда я уже былъ офицеромъ, отецъ выговаривалъ мнѣ, какъ и всѣмъ дѣтямъ, если я почему либо не ходилъ въ церковь».

Василій Степановичъ скончался 5 октября 1872 года—80 лѣтъ отъ роду.

Семья, строго воспитанная Василиемъ Степановичемъ въ началахъ православной церкви, имѣла въ этомъ отношеніи огромное вліяніе на Ивана Васильевича, а замѣчательно радушный и гостепріимный домъ дѣда по родной матери—хорунжаго Петра Михайловича Камбулина—весьма благотворно повліялъ на его душевныя качества. Въ лицѣ родной бабушки—Елены Дмитриевны Камбулиной (урожденной Качуриной) сироты мальчишки нашли ласку и разумное наставленіе.

Бабушка была по старой вѣрѣ, но заставляя внучатъ молиться Богу, не дѣлать никому худого и не заниматься виномъ, не отклоняла ихъ отъ церкви. Ея рассказы про жизнь св. угодниковъ глубоко западали въ душу Ивана Васильевича, и онъ до послѣднихъ дней не оставлялъ чтенія житія святыхъ и другихъ религіозныхъ книгъ.

Бабушка Елена Дмитриевна отлично помнила осаду Пугачевымъ Оренбурга, будучи тогда десятилѣтнимъ ре-

бенкомъ, и подробности того времени охотно передавала слушателямъ. Старушка скончалась въ 1853 году 90 лѣтъ отъ роду.

Въ этихъ то именно бесѣдахъ и надо искать разгадки той удивительной способности Ивана Васильевича знать всѣ подробности прошлаго Оренбургскаго края, которыя отмѣчены въ найденныхъ послѣ его смерти мемуарахъ.

Въ 1833 году Иванъ Васильевичъ поступилъ въ приходское училище и, сколько помнилъ, въ сентябрѣ того же года имѣлъ счастье видѣть въ стѣнахъ этого заведенія великаго поэта Пушкина, прїѣзжавшаго въ Оренбургъ для собиранія матеріаловъ о Пугачевскомъ бунтѣ. Поэтъ даже спрашивалъ что-то Ивана Васильевича, но за давностью лѣтъ онъ, конечно, упомянуть не могъ.

По окончаніи курса въ приходскомъ училищѣ, (помѣщалось за Троицкой церквью въ д. бывшемъ Карелина, а потомъ на базарной площади въ д. священника Розанова), Иванъ Васильевичъ поступилъ въ уѣздное училище (нынѣ 1-е городское 3-хъ классное), гдѣ и окончилъ курсъ въ 1839 году. Иванъ Васильевичъ всегда съ глубокимъ чувствомъ благодарности вспоминалъ время ученія въ уѣздномъ училищѣ. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ онъ учителя Сунгурова (по русскому языку) и Рутковского (по исторіи), пріучавшихъ мальчугановъ мыслить, а не изучать уроки путемъ безтолковой зубрежки.

«Изъ дополнительныхъ предметовъ, не относящихся прямо къ курсу», говорилъ Иванъ Васильевичъ: «было чтеніе сказокъ про русскихъ богатырей, къ которымъ почему-то относили Бову-королевича и ему подобныхъ. Ин-

интересно, что при чтении одной сказки нашли указание на нашу местность, а именно, что Добрыня нашел голову убитого богатыря в том же месте, где Касмартъ (Сакмара?) река впадает в реку Яикъ,—а это какъ разъ подъ Оренбургомъ».

По окончании курса в училищѣ Иванъ Васильевичъ ѣздилъ мѣсяца на 1½ в Никольскую крѣпость, отстоящую верстахъ в 140 отъ Оренбурга, къ родному дядѣ — Ивану Петровичу Камбулину, назначенному туда станичнымъ атаманомъ.

Здѣсь лицомъ къ лицу съ природой Иванъ Васильевичъ отдохнулъ, научился ѣздить верхомъ, смѣло плавать и вообще узналъ простую жизнь казака.

Такъ какъ Ивану Васильевичу оставалось до службы четыре года, то отецъ желалъ, по общепринятому порядку, зачислить его для письменныхъ занятій в войсковую канцелярію, но не имѣя ни связей, ни протекціи, Василій Степановичъ оставался в своихъ хлопотахъ ни при чемъ и рѣшилъ дать сыну возможность пробить себѣ дорогу внѣ войска.

Въ то время учрежденіями, гдѣ съ разрѣшенія командира Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса можно было служить казакамъ внѣ войска, были: корпусный штабъ, канцелярія военного губернатора, хозяйственные учрежденія, непосредственно подчиненныя губернатору, и канцелярія командующаго башкиро-менцерыкскимъ войскомъ. Въ послѣдней писцами и на писшихъ штатныхъ мѣстахъ служили казачьи чиновники и урядники. Канцелярія эта помещалась в зданіяхъ Караванъ Сарая.

Въ канцеляріи этой старшимъ адъютантомъ служилъ знакомый Василія Степановича—есаулъ Василій Петро-

вичъ Ветошниковъ, къ нему то и привелъ своего сына Василій Степановичъ.

Иванъ Васильевичъ скоро ознакомился съ канцелярской перепиской, но обладая плохимъ почеркомъ, по собственной инициативѣ избралъ себѣ другое занятіе: сталъ разбирать военно судныя дѣла о башкирахъ и дѣлать на оберткахъ надписи о содержаніи дѣла. Это было нѣчто въ родѣ открытія Америки въ прежнемъ рутинномъ порядкѣ веденія канцелярской переписки, такъ какъ въ отдѣленіи этомъ всѣ военно-судныя дѣла складывались въ одну связку, и много надо было труда, чтобы разыскать нужную бумагу. Сначала приняли все это съ большимъ недовѣріемъ, но, видя, что дѣло идетъ лучше, остались нововведеніемъ довольны.

Еще болѣе выдвинулъ Ивана Васильевича слѣдующій случай. Командующій башкиро-мещерякскимъ войскомъ гвардіи ротмистръ Балкашинъ поручилъ какъ-то есаулу Ветошникову сдѣлать нарядъ 6 тысячъ башкиръ пропорціонально народонаселенію cadaго кантона, служилый составъ которыхъ достигалъ 82 тысячъ человѣкъ.

Ветошниковъ какъ человѣкъ малограмотный, что по тому времени было нерѣдкость, не найдя примѣровъ въ прежнихъ дѣлахъ, такъ какъ наряды дѣлались на взглядъ, потерялъ голову и наконецъ спрашиваетъ: «Не можешь ли ты, Ваничка, помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ?» Иванъ Васильевичъ, какъ хорошо изучившій арифметику въ уѣздномъ училищѣ, охотно исполнилъ просьбу. За отличное исполненіе порученія Балкашинъ объявилъ Ветошникову полную благодарность по войску, а тотъ въ свою очередь сердечно благодарилъ своего подчиненнаго.

Черезъ два мѣсяца службы Иванъ Васильевичъ 6

декабря 1841 года былъ произведенъ приказомъ по Оренбургскому отдѣльному корпусу въ урядники, а затѣмъ 4 марта 1844 года въ чинъ хорунжаго, что было, конечно, весьма быстрымъ повышеніемъ.

Будучи урядникомъ, Иванъ Васильевичъ въ качествѣ писаря былъ назначенъ въ помощь адъютанту командующаго башкиро-мещеряцкимъ войскомъ при сформированіи въ 1843 году отряда башкиръ для усмиренія государственныхъ крестьянъ Челябинскаго уѣзда, не желавшихъ подчиниться распоряженію о переходѣ ихъ къ помѣщикамъ.

Въ походѣ по Башкиріи Иванъ Васильевичъ пробылъ съ 3 апрѣля по 9 мая, испытывъ всѣ невзгоды переѣзда въ весеннюю распутицу по убійственнымъ башкирскимъ дорогамъ.

Въ канцеляріи командующаго башкиро-мещеряцкимъ войскомъ Иванъ Васильевичъ прослужилъ до 20 октября 1847 года, достигнувъ должности столоначальника, и перешелъ затѣмъ на такую же должность въ канцелярію Оренбургскаго губернатора, гдѣ съ 1850 по 1861 годъ управлялъ отдѣленіемъ иррегулярныхъ войскъ этой канцеляріи. За это время Иванъ Васильевичъ получилъ чинъ подполковника и орденъ св. Станислава 2 ст. съ императорскою короною.

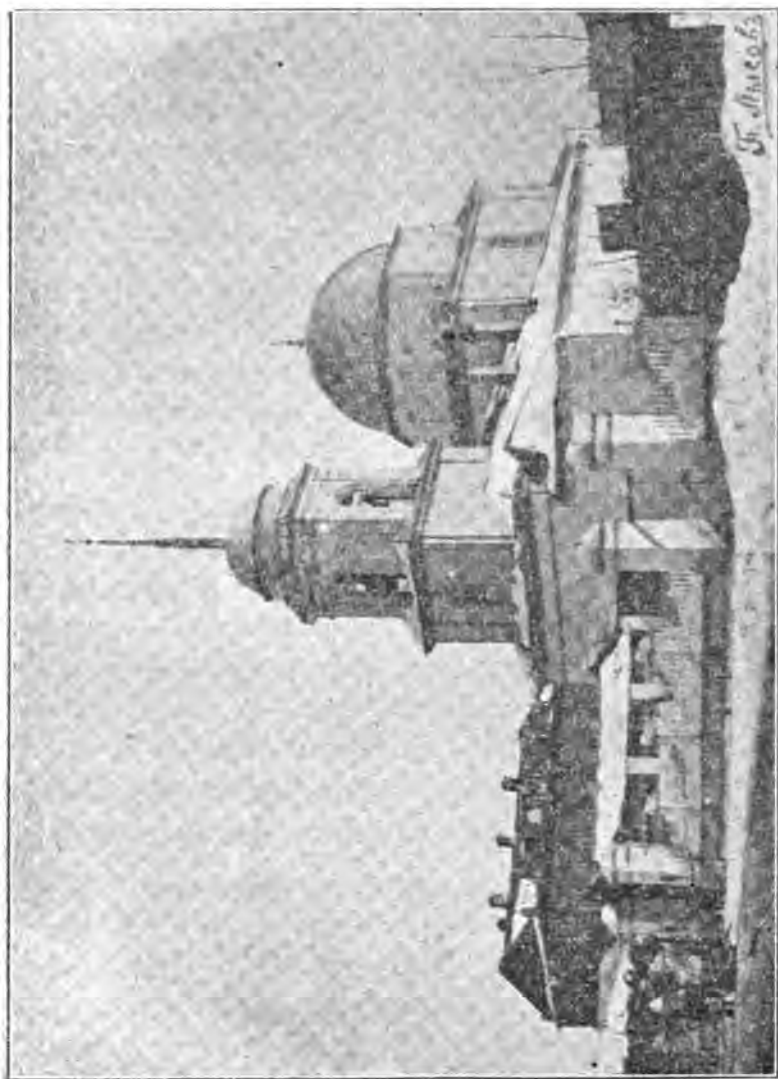
Служба на этой послѣдней должности значительно расширила кругозоръ Ивана Васильевича. Здѣсь сталкивались интересы различныхъ казачьихъ войскъ, разсматривались и вырабатывались проекты о башкиро-мещеряцкомъ войскѣ, Оренбургскомъ и Уральскомъ казачьихъ войскахъ; кромѣ того, и самая служба обставлена была несравненно лучшими условіями: съ подчиненными

обходились вѣжливо, не стѣсняли просиживаніемъ установленныхъ часовъ для занятій, а требовали только, чтобы извѣстная работа была исполнена добросовѣстно и къ назначенному сроку.

«До меня», говоритъ Иванъ Васильевичъ въ своихъ запискахъ: «начальникомъ отдѣленія иррегулярныхъ войскъ былъ титулярный совѣтникъ Ник. Вас. Смольяниновъ. Получивъ мѣсто правителя канцеляріи военнаго губернатора, Смольяниновъ оставилъ вакантнымъ мѣсто начальника отдѣленія иррегулярныхъ войскъ, и оно перешло бы къ столоначальнику № . . . , прежде меня служившему въ канцеляріи, бывшему даже въ университетѣ, но человѣку, любившему играть въ карты и весело проводить время. Гепераль Обручевъ не игралъ въ карты и не любилъ такихъ людей, особенно изъ числа мелкихъ чиновниковъ. Замѣтивъ у себя на балу упомянутаго столоначальника за картами, онъ, при назначеніи на градъ, исключилъ его изъ списка, сказавъ, что *этотъ чиновникъ имѣетъ деньги даже на игру, для чего еще увеличивать его средства?* Вскорѣ военный губернаторъ Обручевъ приказалъ уволить № отъ службы въ канцеляріи и отдѣленіе иррегулярныхъ войскъ досталось мнѣ.»

Сознавая недостаточность полученнаго въ уѣздномъ училищѣ образованія, Иванъ Васильевичъ, благодаря своей настойчивости, сумѣлъ самоучкою и частію съ помощью старшаго брата артиллериста, окончившаго въ 1843 году Неплюевское военное училище, и приглашенныхъ студентовъ, пройти курсъ кадетскаго корпуса и даже изучить французскій языкъ, причемъ съ помощью лексикона могъ читать и понимать французскія книги.

Независимо отъ того, Иванъ Васильевичъ для озна-

Церковь св. Петра и Павла.
въ которой Иванъ Васильевичъ долго былъ старостой.

комленія съ современнымъ законодательствомъ читалъ св. зак. и св. воен. пост.

Служебная дѣятельность Ивана Васильевича съ 1861 по 10 мая 1874 года (годъ выхода въ отставку генераль-маіоромъ съ мундиромъ) была разносторонняя. Онъ былъ попечителемъ 1, 2 и 3 башкирскихъ кантоновъ и начальникомъ 1-го кантона.

Съ 1865 до 1873 года состоялъ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, съ 1866 по 1869—депутатомъ дворянскаго депутатскаго собранія и до 1872 г. членомъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія.

По приглашенію генераль-адъютанта Безака Иванъ Васильевичъ въ октябрѣ 1861 года принимаетъ участіе въ работахъ комиссіи подъ личнымъ предсѣдательствомъ генераль-губернатора по устройству киргизъ, кочующихъ въ новолинейномъ районѣ Оренбургскаго казачьяго войска, въ ноябрѣ 1865 года—въ такой же комиссіи по вопросу о поземельныхъ правахъ башкиръ и о надѣленіи ихъ земель; въ 1867 году по вопросамъ о развитіи частной золотопромышленности въ Оренбургскомъ краѣ.

На него же возлагается по порученію генераль-губернатора въ 1872 году разсмотрѣть и высказать свое заключеніе по докладу о нѣкоторыхъ преобразованіяхъ Оренбургскаго казачьяго войска; всѣ эти вопросы представлены были на разрѣшеніе высшаго правительства.

За указанный выше періодъ службы Иванъ Васильевичъ получилъ чинъ полковника и орденъ св. Владимира 4 и 3 степени. Согласно прошенія Иванъ Васильевичъ въ 1874 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ генераль-маіора. Состоя въ отставкѣ, Иванъ Васильевичъ по

увольненіи предводителя дворянства г. Шоттъ отъ службы, какъ кандидатъ, избранный дворянствомъ 1 марта 1883 года, исполнять должность предводителя. Въ этомъ званіи Иванъ Васильевичъ имѣлъ счастье въ составѣ депутации отъ Оренбургскаго дворянства присутствовать на священномъ коронованіи государя императора Александра III и поднести хлѣбъ — соль отъ дворянъ. Государь императоръ, милостиво принявъ подносимую хлѣбъ — соль, соизволилъ отвѣтить: *«Благодарите отъ меня дворянъ.»* а затѣмъ спросилъ генерала Чернова: *«Вы казакъ Уральскаго войска?»* на что тотъ отвѣтилъ: *«Да, точно казакъ, но не Уральскаго, а Оренбургскаго войска. Наше войско слито съ губерніей въ административномъ отношеніи.»*

Бывая на всѣхъ торжествахъ коронаціи, Иванъ Васильевичъ познакомился со многими предводителями дворянства и близко видѣлъ весь блескъ и торжество св. коронованія. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ подробно описалъ свое пребываніе въ Москвѣ въ незабвенные для него дни мая 1883 г. За участіе на коронаціи Иванъ Васильевичъ получилъ орденъ св. Станислава 1 степени. Оставаясь на должности предводителя дворянства, Иванъ Васильевичъ былъ утвержденъ на оной 16 февраля 1884 года; награжденъ 30 августа 1886 года орденомъ св. Анны 1 степени и до 18 іюля 1891 года оставался на этой должности, когда по разстроенному здоровью, согласно его прошенію, былъ уволенъ отъ должности Оренбургскаго губернскаго предводителя дворянства.

По увольненіи отъ должности Иванъ Васильевичъ продолжалъ свое посильное участіе въ жизни губерніи и войска. Такъ въ 1897 году онъ участвуетъ по приглашенію наказнаго атамана генераль-маіора Ершова въ

Могила И. В. Чернова въ женскомъ монастырѣ.

Домъ И. В. Чернова.

комиссіи по введенію земства въ Оренбургской губерніи, какъ лицо вполне компетентное по данному вопросу въ виду участія своего въ 1867 году въ таковой же комиссіи, обсуждавшей попросъ о введеніи земства въ Оренбургской губерніи.

Удалившись съ 1891 года отъ дѣлъ служебныхъ, Иванъ Васильевичъ продолжалъ другое не менѣе полезное дѣло: онъ приступилъ къ составленію біографическихъ указаній о бывшихъ главныхъ начальникахъ Оренбургскаго края, частью на основаніи своихъ личныхъ воспоминаній, частію на основаніи разсказовъ достовѣрныхъ лицъ, свѣдѣній изъ дѣлъ и другихъ источниковъ и, состоя съ 1899 года членомъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, принималъ живое участіе при обсужденіи докладовъ, читаемыхъ на засѣданіи комиссіи, являясь какъ бы живою лѣтописью прошлаго Оренбургскаго края.

Но ни служебная карьера, доставшаяся Ивану Васильевичу не безъ труда, житейскихъ невзгодъ и служебныхъ терній, ни сравнительно значительное матеріальное обезпеченіе, которое онъ имѣлъ, ничто не могло искоренить основной черты душевныхъ качествъ Ивана Васильевича—его строго-религіознаго воспитанія и силы убѣжденія. Слѣдуя этому чувству, Иванъ Васильевичъ за послѣдніе годы своей жизни широко развиваетъ благотворительную дѣятельность, главнымъ образомъ на удовлетвореніе религіозно нравственныхъ нуждъ.

Благодаря его пожертвованіямъ, украшаются и поддерживаются бѣдныя церкви Оренбургской губерніи, какъ напр. въ поселкахъ Кассель и Требія, и въ Оренбургской станицѣ—Георгіевскій войсковой соборъ и Никольская церковь.

Съ тою же отзывчивостью относился Иванъ Васильевичъ и къ научно-просвѣтительнымъ нуждамъ.

Такъ еще при жизни онъ передалъ по принадлежности 14500 р. на учрежденіе двухъ стипендій въ Оренбургскомъ институтѣ императора Николая I для дочерей дворянъ Оренбургской губерніи и дворянъ Оренбургскаго казачьяго войска.

Дня за три до своей кончины Иванъ Васильевичъ собственноручно намѣтилъ тѣ пожертвованія, которыя онъ считалъ нужнымъ сдѣлать на разныя благотворительныя нужды. Во исполненіе воли завѣщателя, между прочимъ, передано на нужды миссіонерскія и борьбу съ съ расколомъ и сектантами 3000 р., въ православное Палестинское общество 500 р., на украшеніе Георгіевскаго войскового собора 5000 р., на Никольскую церковь въ Оренбургской станицѣ 3000 р., на кафедральный соборъ 1000 р. Кромѣ выдачъ на удовлетвореніе потребностей собственно религіозныхъ, Иванъ Васильевичъ оставилъ 4500 р. и на учебно-просвѣтительныя нужды; на этотъ капиталъ рѣшено учредить стипендіи для приходящихъ ученицъ Оренбургской женской гимназіи—дѣтей бѣднѣйшихъ офицеровъ и чиновниковъ Оренбургскаго казачьяго войска и выдавать пособія приходящимъ казачьяго сословія ученикамъ городскихъ училищъ и казачьяго педагогическаго класса въ г. Верхнеуральскѣ. Согласно той же волѣ завѣщателя передано было 500 р. на учрежденіе народной библіотеки въ поселкѣ Чернорѣченскомъ Павловской станицы, въ которой Иванъ Васильевичъ числился по спискамъ.

Иванъ Васильевичъ скончался, исполнивъ христіанскій долгъ, въ полномъ сознаніи утромъ 15 октября 1902 года.

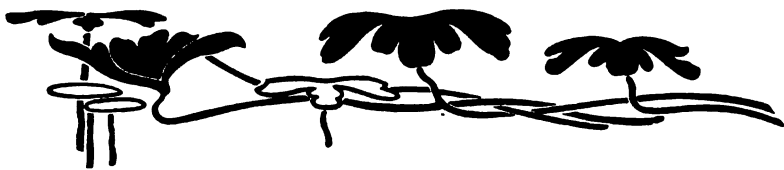
Да будетъ же вѣчная память незабвенному Ивану Васильевичу!

И. И. Неплюевъ

1742.—1757 г.
И. И. Неплюевъ.

Записки

генералъ-маіора Ивана Васильевича Чернова.

Основаніемъ настоящихъ моихъ замѣтокъ служить то, что я лично видѣлъ, слышалъ отъ достовѣрныхъ людей или взялъ изъ дѣлъ и другихъ источниковъ, нисколько не отступаая отъ правды.

Изъ словъ бывшихъ современниками основанія г. Оренбурга, въ моей молодости еще жившихъ, но уже стариками, я слышалъ сохранившіеся у нихъ отзывы о первыхъ губернаторахъ, наиболѣе памятныхъ въ народѣ.

I.

И. И. Неплюевъ.

(1742—1757).

Тайный Совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ былъ разумный, дѣятельный, но строгъ до жестокости въ исполненіи своихъ приказаній, которыя не отмѣнялъ, каждое дѣло доводилъ до конца, не стѣсняясь въ принятіи мѣръ къ устраненію препятствій. Онъ строгими мѣрами усмирилъ второй бунтъ башкиръ, казнями, имъ самими придуманными. Изъ нихъ приведу одну. Онъ при-

казалъ построить на льду р. Сакмары, когда она замерзла, избу; потомъ выкликивались изъ собранныхъ по именамъ башкиры, замѣченные въ неблагонадежности, для допроса. Какъ только входилъ башкиръ въ избу, стоявшіе внутри солдаты спускали его въ прорубь подъ ледъ. Такимъ образомъ исчезали съ лица земли всѣ входившіе и возвращавшихся не было; хотя и было оповѣщено, что народъ собирается для совѣщанія, но по объему избы догадались, что входящіе въ избу спускаются безъ всякаго шума въ воду, и народъ съ берега разбѣжался. Эта мѣра была принята послѣ повелѣнія сажанія на колъ и тѣлеснаго наказанія къ тѣмъ бунтовщикамъ, которые не попали въ руки правительства.

Когда башкиры, при прискѣдованіи ихъ силою, не могли сопротивляться и бѣжали за Уралъ въ Киргизскую степь, Неплюевъ разрѣшилъ грабить бѣглецовъ, отнимать у нихъ скотъ, женъ, дѣвокъ брать въ собственность, а мужчинъ обращать въ рабство.

Башкиры Оренбургскаго уѣзда, когда я былъ ихъ начальникомъ, передавали мнѣ, что отправляясь въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ на Сыръ-Дарью при заведеніи на послѣдней укрѣпленія по указанію киргизъ видѣли арыки, выкопанные бѣжавшими ихъ сородичами, носящіе доселѣ ихъ названіе.

Послѣ усмиренія башкиры возвратились на свои земли, были прощены съ возстановленіемъ ихъ правъ.

Въ управленіе Неплюева основалась Каргала (Сен-товскій посадъ) богатыми татарами Казанской и Вятской губерній для развитія въ краѣ торговли съ Хивою и Бу

харою, откуда приходившіе караваны первое время, до устройства Оренбурга, останавливались въ Каргалѣ.

Сейтовцы, получивъ съ Высочайшаго соизволенія извѣстныя привиллегіи, обязывались завести посѣвъ хлопка, сорочинскаго пшена и марены. Однако жъ опытъ не удался. Неплюевъ требовалъ и принуждалъ долгое время сѣять упомянутыя растенія, для чего указалъ имъ мѣсто недалеко отъ Оренбурга, по нынѣшней почтовой дорогѣ на Уфу.

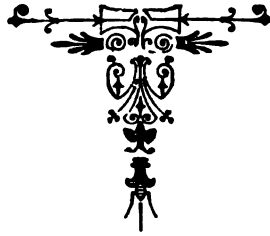
Сейтовцы очистили это мѣсто отъ росшаго тутъ лѣса, но ничего хорошаго не выходило, и оставили посѣвъ за увольненіемъ Неплюева.

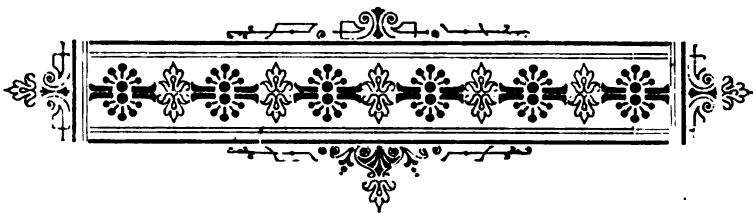
Объ этомъ мнѣ говорилъ протоіерей Челноковъ, козенной здѣшній житель, слышавшій все отъ своего отца.

Неплюевъ, понимая важность развитія въ краѣ горнаго дѣла, много содѣйствовалъ устройству горныхъ заводовъ первыми основателями Твердышевымъ и Мясниковымъ (туляками), построившими Преображенскій, Богоявленскій, Верхоторскій и другіе въ нынѣшнихъ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ. Земли покупались у башкиръ сотнями тысячъ десятинъ за ничтожную плату, рудники отводились даромъ по существовавшему тогда закону. Преображенскій заводъ купилъ 100 т. дес. за 300 р. и нѣсколько фунтовъ чаю; по такой цѣнѣ покупались земли и для другихъ заводовъ.

Тотъ-же Неплюевъ заботился о колонизаціи Оренбургскаго края русскими людьми всякаго сословія; прибывавшій сюда народъ, былъ ли это бродяга или бѣглый крѣпостной человекъ, оставались здѣсь навсегда на избранномъ мѣстѣ; возврата не было, и на этотъ случай

сложилась пословица: «На требованіе помѣщика Неплюевъ наплюетъ, Рычковъ надѣлаетъ крючковъ, а Мертваго завяжетъ, что и сатана не развяжетъ.»

II.

О. А. Игельстромъ.

(1784—1792, 1796—1798).

Губернаторъ, генералъ-отъ-инфантеріи, баронъ Осипъ Андреевичъ Игельстромъ оставилъ по себѣ память раздѣленіемъ всей Башкиріи, упрямляемой тогда родовыми старшинами, на кантоны (округа) съ назначеніемъ кантонными начальниками изъ башкиръ съ правомъ выслуги чиновъ. Мѣра эта служила къ внутреннему раздѣленію башкиръ и подчиненію ихъ благонадежнымъ лицамъ, а чрезъ послѣднихъ правительство узнавало нужды народа.

Такое же раздѣленіе тогда же послѣдовало для Оренбургскихъ казаковъ: внутреннія станицы поступили въ составъ кантоновъ, а прилинейные отряды и форпосты на дистанціи. Кантоновъ у башкиръ было, со включеніемъ мещеряковъ, 17—въ Уфимской, Вятской, Пермской, Самарской и Оренбургской губерніяхъ.

У казаковъ 5 внутреннихъ кантоновъ, начиная отъ Самары и Уфы до Оренбурга, и 5 дистанцій по р. Уралу.

Раздѣленіе это существовало у башкиръ до 1860 г., а у казаковъ до 1841 г., когда особо изданными для каждаго народа положеніями послѣдовало особое раздѣленіе первыхъ по уѣздамъ, а послѣднихъ на полковые округа.

III.

Н. Н. Бахметевъ.

(1798—1803).

Губернаторъ Николай Николаевичъ Бахметевъ поступилъ на эту должность молодымъ человѣкомъ въ царствованіе Павла I, былъ строгимъ притѣснителемъ и гонителемъ казаковъ.

Въ его время Оренбургъ состоялъ изъ бѣдныхъ домиковъ, въ которыхъ жили казаки. Силою выселять ихъ изъ города Бахметевъ не желалъ или считалъ незаконнымъ. По народной молвѣ онъ чрезъ особыхъ людей заставлялъ поджигать кварталы съ плохими домами и такимъ образомъ переселилъ ихъ изъ города въ форштадтъ, населенный тогда, какъ казаками, такъ и солдатами, жившими въ нижнихъ улицахъ къ Георгіевской церкви, гдѣ тогда расположенъ былъ артиллерійскій паркъ. *) Въ городѣ остались одни казачьи чиновники; они одни имѣли на это право, и распоряженіе это было подтверждаемо не разъ во время управленія военнаго губернатора Эс-

*) Въ саду при домѣ полковника Полозова, что противъ Георгіевской церкви, при копкѣ ямъ найдены картечи. Это подтверждаетъ сообщеніе генерала Чернова объ артиллерійскомъ паркѣ. Прим. С. Н. Севастьянова.

сеца, о чемъ я видѣлъ переписку въ архивѣ канцеляріи губернатора. — Съ переселеніемъ всѣхъ казаковъ въ форштатдт*, *) паркъ былъ вскорѣ выведенъ изъ Оренбурга, во время войны съ французами (1805—1807 гг.), и въ это же время ушли стоявшіе въ Оренбургѣ два пѣхотныхъ и одинъ кавалерійскій полкъ, извѣстный подъ названіемъ Оренбургскаго драгунскаго полка.

Одинъ изъ офицеровъ его, Капитоновъ, служилъ потомъ здѣсь уѣзднымъ стряпчимъ до 1845 г., въ которомъ умеръ.

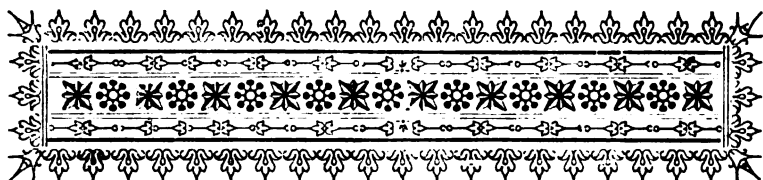
Одного изъ пѣхотныхъ полковъ солдаты, по послабленію ихъ шефа, генерала Бахметева, много обижали и даже грабили горожанъ; суда на нихъ не было, какъ говорилъ мнѣ Вас. Мих. Смольниковъ, лично помнившій Бахметева; Смольниковъ умеръ въ 1853 г.

*) Изъ дѣлъ видно, что это было при Эссенѣ, когда составлялись и планы на дома форштатта. Прим. С. Н. Севастьянова.

Князь Г. С. Волконскій.
(1803—1817).

IV.

Князь Г. С. Волконскій.

(1803 — 1817).

Князь Григорій Семеновичъ Волконскій назначенъ на мѣсто Бахметева въ 1803 г.

По общему отзыву онъ былъ человѣкъ старый, но способный для боевой службы, которая требовалась въ то время, со странностями и привычками, рѣзко отличавшимися отъ общепринятыхъ условій жизни: ходилъ по городу въ ночномъ колпакѣ, спальной курткѣ и простыхъ панталонахъ; при встрѣчѣ съ женщиной, если была молодая, красивая, цѣловалъ ее, давалъ денегъ, которыя за нимъ носилъ лакей или камердинеръ; иногда уходилъ далеко за городъ, уставалъ и подсаживался къ проѣзжающимъ съ возами крестьянамъ.

Былъ такой случай. Князь сильно усталъ отъ пѣшей ходьбы и присѣлъ на сани съ дровами. Хозяинъ гналъ его, говоря, что лошадь худая и съ трудомъ везетъ дрова. «Я самъ иду пѣшкомъ, а ты лѣзешь на возъ. Слѣзай прочь! а то видишь,» и показалъ кнутъ. Князь, не смотря на угрозы, остался въ саняхъ. При въѣздѣ въ городъ черезъ Сакмарскія ворота стоявшій тамъ на гаубтвахтѣ военный караулъ выбѣжалъ отда-

вать честь, барабанщикъ билъ въ барабанъ, офицеръ передъ фронтомъ командовалъ. Мужикъ испугался и сказалъ: «Это тебѣ, баринъ, отдають честь? скажи, баринъ, кто ты такой? да Бога ради прости меня за грубость.»

Князь указалъ улицу, въ которую ѣхать, а мужикъ подумалъ: «Должно быть въ полицію, отлупять тамъ меня на славу, что и внукамъ не забуду передать!»

Мужикъ ѣдетъ, а князь на возу. Подъѣхали къ дому. Тамъ на дворѣ встрѣчаютъ господа съ поклономъ, князь приказалъ взять у мужика возъ дровъ и выдать за нихъ щедрую плату.

Отецъ мой передавалъ мнѣ, что возвращаясь съ товарищами изъ школы обѣдать, встрѣтилъ князя у Орскихъ воротъ; тотъ потребовалъ его къ себѣ, приказалъ снять у него съ ноги сапогъ, потомъ снова надѣтъ. Князь пошелъ далѣе, сказавъ «спасибо». Такъ какъ все это происходило въ виду военного караула, то одинъ солдатъ, догнавъ отца, спросилъ: «А что тебѣ далъ князь?» Тотъ сказалъ, что рубль (счетъ велся на мѣдъ).

«Какое счастье! А мы вотъ стоимъ, хотя бы гривенникъ—и то было бы благополучіемъ.»

Въ сущности и отецъ мой не получилъ ничего.

Князь Волконскій, проходя иногда, бросалъ мѣдные деньги въ народъ, особенно въ большіе праздники, какъ св. Пасха, Троица, Вознесеніе.

Такой странный и причудливый образъ жизни, конечно, былъ извѣстенъ въ Петербургѣ, и говорили, что князя не разъ вызывали туда, но онъ прямо отвѣчалъ, что не поѣдетъ, потому что тотчасъ же по приѣздѣ умретъ въ тамошнемъ климатѣ.

По слухамъ, онъ пользовался особымъ благорасположеніемъ сколько за прежнюю службу, а болѣе—что былъ воспріемникомъ отъ купели при крещеніи Александра I. На сколько въ этомъ правды, не знаю.

Князь Волконскій давалъ у себя парадные обѣды, на которые приглашались начальники частей и даже не особенно значительные, напр. уѣздный казначей Алексѣй Михайловичъ Романовскій, который жилъ до 1852 г. и, будучи старикомъ, рассказывалъ о жизни князя Волконскаго, котораго ссужалъ казенными деньгами при истощеніи его собственныхъ и исправно получалъ уплату.

Князь Волконскій, будучи старикомъ, жилъ зимою въ нетопленыхъ комнатахъ. Ординарцы и вѣстовые были въ однихъ мундирахъ.

Одинъ казачій урядникъ, впослѣдствіи офицеръ Николай Ивановичъ Ситниковъ, говорилъ мнѣ, что не стерпѣвъ холода, снялъ ночью съ вѣшалки княжескую епанчу, въ какихъ ходилъ дома князь, покрылся и крѣпко заснулъ. Проходитъ князь, видитъ, что епанча съ орденскою звѣздою на урядникѣ, разбудилъ его и сказалъ: «Повѣсь, откуда взялъ, и впредь не смѣй этого дѣлать. Видишь, я старикъ, а холодъ переносу, а ты молодой мерзнешь».

Княжескія епанчи иногда съ дозволенія раздавались гостямъ, когда онъ видѣлъ, что послѣдніе синѣютъ отъ холода.

Случилось однажды такъ, что за обѣдомъ сидѣли нѣсколько человѣкъ. Входитъ курьеръ изъ Петербурга и глазами ищетъ, кто изъ нихъ князь—на всѣхъ одинаковыя епанчи. Князь сказалъ: «Подай сюда бумагу!», и прочіе глазами указали на него.

Князь Волконскій устраивалъ вечера для танцевъ, на которые приглашалъ женъ и дочерей казачьихъ офицеровъ въ ихъ казачьихъ нарядахъ: дѣвицы въ жемчужныхъ лентахъ или повязкахъ, а замужнія въ кокошникахъ. Онъ былъ послѣдній губернаторъ, къ которому на вечера приглашались казаки. Послѣ того женскій полъ даже у высшихъ чиновниковъ подвергся остракизму.

Князь Волконскій давалъ народныя увеселенія для всего населенія, особенно въ исключительныхъ случаяхъ. Вечера отличались своею затѣйливою программю: фейерверки, ракеты, разноцвѣтные огни въ видѣ каскадовъ.

Разсказываютъ, что очень блистательные были празднества во время прїѣзда къ нему жены съ семьей. *) Выставляемы были бочки пива и вина, на ногахъ стояли жареные быки и бараны съ золотыми рогами; вечеромъ фейерверкъ превзошелъ все, что оренбуржане доселѣ могли видѣть. Фокусникъ пустилъ огненного змѣя, который пролетѣлъ городъ и разсыпался надъ кладбищемъ.

Народъ говорилъ, что это былъ самъ чертъ, не могшій летѣть далѣе въ виду крестовъ на могилахъ, а самый фокусникъ за такую мистификацію былъ пораженъ смертью: онъ умеръ на другой день.

Впослѣдствіи, когда у Варвары Васильевны, урожденной Мансуровой и въ замужествѣ бывшей за французскимъ эмигрантомъ Габбе, въ молодыхъ лѣтахъ умеръ мужъ и она ежедневно съ горя ѣздила на могилу его, послѣдній въ видѣ огненного змѣя прилеталъ ночью въ домъ Габбе.

*) Семья князя жила въ Петербургѣ. См. «Труды Ор. Уч. Ар. Ком.» вып. XI, стр. 140. Прич. И. С. Шукшенцева.

Народъ говорилъ, что это былъ тотъ самый змѣй, котораго пустили при князѣ Волконскомъ.

Варвара Васильевна въ 1824 или 25 г. вторично вышла замужъ за молодого штабсъ капитана Балкашина, котораго за этотъ бракъ отставили отъ службы, но впослѣдствіи онъ снова былъ принятъ графомъ Сухтеленемъ, былъ адъютантомъ у него, дослужился до чина генераль-лейтенанта, былъ Оренбургскимъ гражданскимъ губернаторомъ и два раза командовалъ башкирскимъ войскомъ; умеръ въ 1859 г., а жена его лѣтъ чрезъ 10 послѣ.

Отъ перваго брака у нея былъ сынъ, ротмистръ Александръ Васильевичъ Габбе, служившій адъютантомъ у генераль-губернаторовъ Перовскаго и Обручева и потомъ перешедшій на гражданскую службу по удѣламъ; умеръ въ 1851 или 52 г.

Князь Волконскій, когда былъ помоложе, явилъ себя хорошимъ администраторомъ, усмиривъ въ 1805 г. въ Уральскѣ бунтовавшихъ казаковъ. Для усмиренія ихъ были посланы башкиры и имъ, по ходатайству князя Волконскаго, пожаловано знамя отъ императора Александра I при грамотѣ. Съ уничтоженіемъ башкирскаго войска, знамя и грамота переданы въ 1863 г. въ окружный штабъ Оренбургскаго округа.

А когда князь сталъ старикомъ, то занимался дѣлами мало, кромѣ важныхъ, направлять которыя безъ его вѣдома и указанія было не возможно.

Говорять, что присылаемыя для подписанія бумаги на ночь клалъ къ св. иконамъ, молился предъ послѣдними, а утромъ перекрестясь, все подписывалъ, не читая, и дѣло сходило благополучно.

Въ управленіе его явилась новая система, имѣвшая хорошія послѣдствія въ отношеніи башкирь.

Народъ этотъ до конца XVIII столѣтія управлялся выборными старшинами, подчиненными земской полиціи въ лицѣ исправника и дворянскихъ заสѣдателей, какъ извѣстно, людей корыстолюбивыхъ и вымогательныхъ на взятки.

Съ принятіемъ подданства Россіи, порядокъ управленія башкирами не измѣнялся. Хотя у башкирь были ханы, но аристократіи родовой не привилось: всѣ были равны въ правахъ, земли составляли общее всѣхъ владѣніе по родамъ.

Подчинившись русскимъ, башкирскій народъ испросилъ у царя Іоанна IV Васильевича сохраненія за ними магометовой вѣры и въ первое время былъ доволенъ своимъ положеніемъ.

Когда же стали появляться среди нихъ русскіе люди, дѣлившіеся на бояръ и черныхъ людей или крестьянъ, башкиры увидѣли себя приравненными къ послѣднему классу со всѣми лучшими своими людьми.

Прагительство за услуги жаловало немногихъ званіемъ тарханъ, т. есть лично свободныхъ отъ платежа ясака, но въ общемъ и лучшіе люди, считаясь въ разрядъ крестьянъ, подчинялись русскимъ чиновникамъ.

Такое унизительное состояніе, нѣтъ сомнѣнія, служило, въ числѣ другихъ, причиною ихъ частыхъ бунтовъ.

Въ 1796 г. бывшій военный губернаторъ баронъ Игельстромъ съ высочайшаго соизволенія раздѣлилъ всю Башкирію, заключающуюся въ предѣлахъ прежней Орен-

бургской губерніи, а также въ Пермской, Вятской и Саратовской (уѣзды Новоузенскій и Николаевскій) на 12 кантоновъ или округовъ и въ каждый кантонъ былъ назначенъ кантонный начальникъ, которому положено быть чиновникомъ.

Это нововведеніе было въ духѣ народа: лучшіе изъ него видѣли, что они могутъ быть чиновниками, подобно русскимъ, и кромѣ того эти кантонные, оставаясь въ подчиненіи исправникамъ, имѣли право непосредственно сноситься съ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, отъ котораго получали на свое имя предписанія, обходя губернское начальство, и въ этомъ высокомъ лицѣ видѣть своего защитника отъ стѣсненій земскихъ должностныхъ лицъ.

Чинъ желалъ получить каждый сколько-нибудь вліятельный башкирь, и онъ дорогъ былъ ему тѣмъ, что при выходѣ со службы ограждалъ его права и избавлялъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Находясь на службѣ, кантонные начальники производились въ классные чины отъ 14 до 12 класса, а за военныя отличія отъ прапорщика до маіора. Эти же чины были жалуемы и другимъ лицамъ за оказанную на службѣ полезную дѣятельность, но щедро награждать нельзя было многихъ.

Отправляя службу съ Оренбургскими казаками, у которыхъ существовали заурядъ-офицерскіе чины, башкиры награждались такими же чинами. Пожалованіе такимъ чиномъ зависѣло отъ военнаго губернатора и вмѣстѣ командира всѣхъ въ краѣ войскъ. При князѣ Волконскомъ награжденіе заурядъ-офицерскими чинами башкирь выходило изъ предѣловъ надобности въ такихъ лицахъ.

Носить саблю съ офицерскимъ серебрянымъ темля-

комъ желалъ почти каждый изъ нихъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что одна пятая часть башкиръ обрательлась въ заурядъ-офицеровъ и почти исключительно есауловъ, были и сотники, но хорунжаго мало получали, стремясь прямо къ высшему чину.

Придуманъ были не существующіе у казаковъ чины, напр. «Походнаго старшины», обязанность коего ограничивалась начальствомъ надъ башкирами во время слѣдованія на службу, — «дистаночнаго начальника», имѣвшаго въ подчиненіи нѣсколько башкирскихъ командъ, расположенныхъ въ одной мѣстности, но это было рѣдко.

На службѣ башкиры подчинялись казачьимъ офицерамъ.

Представленіе о награжденіяхъ заурядъ чинами исходило отъ кантонныхъ начальниковъ, которые брали за это хорошія взятки и посылали въ Оренбургъ къ всеильному тогда правителю канцеляріи подполковнику Алексѣю Терентьевичу Ермолаеву, а онъ выдавалъ здѣсь же въ руки прибывшимъ въ видѣ патента отъ князя Волконскаго указы на пожалованные чины.

Ермолаевъ позволялъ предъ большими праздниками своимъ писарямъ выбирать башкиръ и получать за это деньги. Князь Волконскій все подписывалъ и въ предписаніяхъ кантоннымъ начальникамъ объяснялъ, что пожалованіе имъ сдѣлано ради большихъ праздниковъ.

На сколько башкиры считали за честь имѣть чинъ, приведу сохранявшуюся долго поговорку: спрашиваетъ посторонній одного башкира, тотъ отвѣчаетъ: «передній не спроси, задній спроси, моя братъ урядникъ служить».

Такое введеніе чиновничества произвело въ народѣ

раздвоеніе: классъ этотъ считалъ себя выше простыхъ башкиръ и требовалъ иногда къ себѣ ихъ для услуги въ видѣ деньщиковъ. Солидарность народа рушилась и бунты сдѣлались немислимыми.

Ермолаевъ бралъ взятки и во многихъ другихъ случаяхъ, и съ казаковъ, и съ киргизъ и, держа все въ своихъ рукахъ, накопилъ огромный капиталъ, купилъ у башкиръ землю, но въ не большомъ количествѣ—какъ бездѣтнаго, недвижимость мало его соблазняла.

Другой правитель пограничной канцеляріи коллежскій совѣтникъ Савва Константиновичъ Хоменко, въ противоположность своему коллегѣ, отличался честностью, справедливостью и вообще хорошими качествами.

Въ 1845 г. я видѣлъ этого почтеннаго старца, былъ въ гостяхъ у его родного племянника, маіора Саввы Фомина Хоменко, къ которому перешло его наслѣдство: земля 700 десятинъ въ 7-ми верстахъ отъ Оренбурга, бывшая потомъ по наслѣдству у родныхъ перваго владѣльца Стоколенко, а ими недавно ¹⁾ проданная купцу Степанову. Земля эта была всемілостивѣйше жалована Хоменко государемъ Александромъ I въ 1807—1809 гг. по ходатайству князя Волконскаго.

Старикъ жилъ и умеръ дѣвственникомъ. У него въ прислугѣ не было женщинъ, и послѣднія явились, когда его племянникъ, Савва Фомичъ, женился на Самойловой, помѣщицѣ Бугурусланскаго уѣзда. Дѣтей у нихъ не было

Для характеристики того времени приведу еще слѣ-

¹⁾ Кажется, въ концѣ 1890 гг. Мѣстность эта находится за р. Сакмарою и до сихъ поръ называется «Мельница Стоколенко». Тамъ прекрасный рыбный прудъ. Прим. И. С. Шукшинаева.

дующее: князь Волконскій ѣздилъ въ казачій форштадтъ въ коляскѣ на парѣ лошадей. Тамъ были два силача — казаки. Фамилія одного сохранилась у меня въ памяти — Хлѣбниковъ,¹⁾ по народной кличкѣ «копна—казакъ». Этотъ „копна“ для шутки останавливалъ экипажъ, взявшись руками за заднія колеса. Князь не сердился; бросить изъ экипажа нѣсколько денегъ и скажетъ: „Пусти“. Казакъ поклонится и скажетъ: «Безъ платы нельзя». Отдавъ новую мзду, князь ѣздилъ по форштадту.

Другую характеристику того времени и суевѣрія народнаго показываетъ другой фактъ, приводимый здѣсь.

При князѣ Волконскомъ выдавался за неподлежащій сомнѣнію фактъ, что въ городѣ по ночамъ ходитъ оборотень «человѣкъ—свинья», нападаетъ на одинокихъ пѣшеходовъ и сбиваетъ съ ногъ. Падая со страху, они, когда придутъ въ сознаніе, не находятъ на себѣ цѣнныхъ вещей.

Казначей Алексѣй Михайловичъ Романовскій какъ-то ночью возвращался съ вечера отъ князя и на базарѣ встрѣтился со свиньею; послѣдняя, хрюкая, набѣжала на него и видимо желала сшибить его съ ногъ, какъ и другихъ, но онъ устоялъ и, замѣтивъ у свиньи руки, вступилъ съ нею въ борьбу, билъ по ушамъ шпагою, безъ которой не ходилъ къ начальству; при этомъ съ головы свиньи упала искусно придѣланная шапка, изображавшая свиное рыло. Романовскій увидалъ, что свиньею наряжался солдатъ и по ночамъ грабилъ трусливыхъ. На другой день отыскался этотъ солдатъ по полученнымъ на

¹⁾ Фамилія эта и теперь существуетъ въ форштадтѣ. Прим. И. С. Шукшинцева.

ушахъ ранамъ, преданъ суду, и съ того времени оборотней въ городѣ не было. Но много позднѣе, въ 1843 или 44 г., тоже показывался подобный оборотень-свинья, и случай кончился комически.

Противъ тюрьмы показался боровъ, отставшій отъ стада. Караульный на часахъ докладываетъ офицеру, что наконецъ-то оборотень явился. Офицеръ разрѣшилъ преслѣдованіе его и даже самъ принялъ въ этомъ участіе. Преслѣдуемый былъ дѣйствительнымъ звѣремъ, отъ страха забѣжалъ въ грязь и отъ безсилія повалился. Офицеръ было схватилъ его, но онъ вырвался... Офицеръ попалъ въ густую грязь и выпачкался весь. Такъ какъ для перемѣны платья не было времени, то въ этомъ обезображенномъ и перепачканномъ видѣ попался своему начальнику, который арестовалъ его и рассказалъ другимъ о его похожденияхъ. Офицеръ былъ прапорщикъ Дьяконовъ, кончившій курсъ Неплюевского военного училища.

Съ переводомъ Волконскаго изъ Оренбурга Ермолаевъ вышелъ въ отставку, а вновь назначенный губернаторъ Эссенъ, найдя въ дѣлахъ злоупотребленія, предалъ его военному суду, но это не имѣло для него послѣдствій. У него была на воспитаніи дочь киргизскаго султана, принятая дѣвочкою, потомъ окрещена и названа Екатериною, по крестномъ отцѣ Васильевою. Въ первый разъ вышла замужъ за адъютанта маіора Иванова и отъ него имѣла двухъ дочерей—старшую Анну Осиповну и младшую Вѣру Осиповну, жену бывшаго губернскаго предводителя дворянства Ипполита Даниловича Шоттъ, сынъ котораго послѣ меня съ 1893 г. былъ тоже губернскимъ предводителемъ дворянства. Къ нимъ перешло имѣніе Ермолаева.

Ермолаевъ былъ простаго происхожденія—солдатскій сынъ, служилъ въ пѣхотномъ полку барабанщикомъ, а потомъ писаремъ.

Мой дѣдъ, сотникъ Степанъ Михайловичъ, былъ вы-
требованъ въ дежурство, какъ тогда назывался корпус-
ный штабъ. Ермолаевъ вспомнилъ о немъ, когда отецъ
мой былъ представленъ въ заурядъ-хорунжіе, и конвертъ
съ бумагой о производствѣ понесъ, по приказанію вой-
скового атамана, Андрея Андреевича Углицкаго, въ де-
журство. Ермолаевъ спросилъ о своемъ сослуживцѣ и
награда состоялась.

Взяточничество составляло общій порокъ того вре-
мени. Быть можетъ, былъ грѣшенъ въ этомъ болѣе дру-
гого и Ермолаевъ, но въ общемъ, по отзыву знавшихъ
его, считался человѣкомъ религіознымъ и помогавшимъ
бѣднымъ. По его завѣщанію и на его капиталъ построе-
ны двѣ церкви въ принадлежавшихъ ему деревняхъ—
Рѣшневкѣ, перешедшей къ Аннѣ Осиповнѣ Жидковой, и
Кургазы, Вѣры Осиповны Шоттъ; послѣдняя церковь
обезпечена капиталомъ на содержаніе духовенства.

Домъ, въ которомъ жилъ Ермолаевъ, существуетъ и
въ настоящее время; онъ долго, до конца 1880 г., оста-
вался въ рукахъ наслѣдниковъ Скрыбиной; доставшись
по раздѣлу дочери Шотта Ольгѣ Штернбергъ, проданъ
былъ купцу Шихову. а отъ послѣдняго три года назадъ
(1899 г.,) купленъ попечителемъ Оренбургскаго учебнаго
округа тайнымъ совѣтникомъ Ростовцевымъ.

Къ этому дому подъ дворовое мѣсто прилегалъ поч-
ти весь прилегающій кварталъ, за исключеніемъ дома
Худояръ-хана, ¹⁾ но двѣ трети прежняго двора распро-
даны Ипполитомъ Даниловичемъ Шоттъ разнымъ лицамъ

¹⁾ Худояръ-ханъ, послѣдній ханъ Коканда, въ качествѣ почет-
наго плѣнника жилъ въ Оренбургѣ въ домѣ на углу Водяной и Пе-
ровской улицъ, который теперь принадлежитъ начальницѣ женской
гимназіи Жанколя. Послѣдняя его совершенно перестроила.

Прим. И. С. Шухинцева.

и послѣдними построены новые дома или исправлены прежнія барскія постройки.

Ермолаевъ давалъ гирушки и кормилъ обѣдами небольшое общество Оренбургскихъ интеллигентовъ, причемъ подавались преимущественно пельмени, которые дѣлались почти каждую субботу. Въ этотъ день Ермолаевъ ходилъ въ баню и за обѣдомъ подавалось всегда любимое здѣшними жителями блюдо-пельмени. Это соблюдалось во всѣхъ хорошихъ домахъ.

Это говорилъ мнѣ покойный нашъ войсковой атаманъ Иванъ Васильевичъ Падуровъ, заставшій еще старыя порядки.

Въ общежитіи шампанскаго пилось мало, да и людей, понимавшихъ вкусъ въ немъ, было не много.

Для характеристики князя Волконскаго приведу рѣзко выдающійся случай.

Въ военномъ дежурствѣ, или штабѣ, по недостатку офицеровъ, способныхъ къ письмоводству, временно исполнялъ должность адъютанта гражданскій чиновникъ. Не довольствуясь своимъ скромнымъ положеніемъ, онъ пожелалъ самъ себя поднять выше: въ спискахъ о наградахъ написалъ себя удостоеннымъ производства въ чинъ майора; какъ онъ сдѣлалъ это, т. е. послѣ подписи бумаги Волконскимъ или прежде, исторія умалчиваетъ, но князь узналъ о его продѣлкѣ, когда производство состоялось съ переводомъ смѣльчака въ армейскій полкъ, разсердился и высказалъ рѣшимость повѣсить смѣльчака, говоря: «Повѣшу и конецъ, а государь проститъ меня старика». Однако жъ этого не случилось. Фальшивый майоръ поступилъ въ армію и во время войны съ французами дослужился до генерала и былъ гдѣ-то губернаторомъ.

Аналогичный случай былъ въ болѣе позднее время

съ княземъ Воронцовымъ, новороссійскимъ генералъ губернаторомъ. Въ представленіи о наградахъ вписалъ себя одинъ мелкій чиновникъ его канцеляріи къ ордену св. Владиміра 4 степени, недостижимая награда по тому времени для мелкаго чиновника. Когда Воронцовъ получилъ бумагу объ утвержденіи его представленія, очень огорчился продѣлкой и наградой ему вовсе неизвѣстнаго лица. Открылось, что послѣдній сумѣлъ ловко вписать себя въ общій списокъ, и чтобы не компроментировать себя, Воронцовъ выгналъ этого чиновника въ отставку. Завѣдуя, какъ генералъ-губернаторъ, Новороссійскими губерніями, онъ никакъ не потерпѣлъ бы такое лицо на службѣ въ районѣ его власти. Господинъ этотъ уѣхалъ дальше о.ъ Одессы, на Кавказъ, въ Грузію, и тамъ строился отлично.

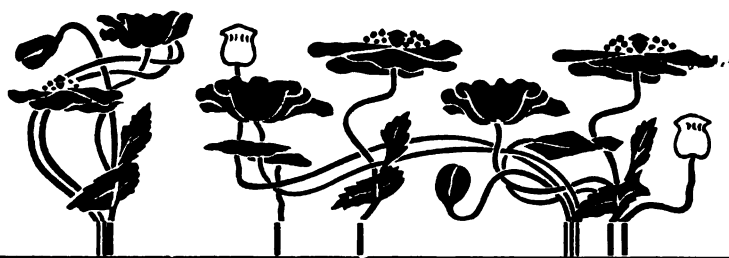
Воронцовъ пріѣхалъ въ Тифлисъ и первымъ долгомъ потребовалъ списокъ служащихъ у него, увидалъ знакомую фамилію, собралъ справки и, когда подтвердилось его подозрѣніе, снова прогналъ чиновника въ отставку, но судьба, видимо, покровительствовала ему. Въ Петербургѣ для дѣлъ Кавказа и Грузіи образованъ былъ комитетъ. Людей, хорошо знающихъ край, не находилось. Посланъ былъ туда статсъ-секретарь Бутковъ; къ нему-то явился гонимый. Изъ разговора съ нимъ Бутковъ увидалъ, что это умный и способный господинъ, отлично знавшій Кавказъ, его нужды и болячки, а такой знатокъ и требовался въ Петербургъ для Кавказскаго комитета, куда по пріѣздѣ Бутковъ опредѣлилъ его, тянулъ за уши, повышая его, и кончилось тѣмъ, что послѣ Буткова онъ занялъ его мѣсто — статсъ-секретаря, завѣдывавшаго дѣлами Кавказскаго комитета. Въ 1872 г. я его лично видѣлъ въ канцеляріи, приходя къ бывшему сослуживцу, помощнику этого статсъ-секретаря Николаю

Николаевичу Пасмурову, и отъ него слышалъ эту исторію, но фамилію чиновника позабылъ.

П. К. Эссенъ.
(1817—1830).

v.

П. К. Эссенъ.

(1817—1830).

На мѣсто князя Волконскаго губернаторомъ въ Оренбургъ назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ, а потомъ вскорѣ произведенный въ полные генералы, Петръ Кирилловичъ Эссенъ.

Карьера его, какъ генерала, составилаcя случайно. Служилъ онъ въ Гатчинскомъ, т. е. лейбъ-гвардіи Павловскомъ, полку, гдѣ всѣ офицеры были лично извѣстны Павлу I, который, полагаясь на ихъ вѣрность, неизмовѣрно быстро выдвигалъ ихъ зачастую и оригинальнымъ образомъ.

Встрѣтивъ Эссена на дорогѣ, идущимъ или ѣдущимъ въ Гатчину, государь посадилъ его въ свою карету и, разговаривая съ нимъ, за умные отвѣты пожаловалъ въ чинъ капитана, а черезъ часъ, когда высадилъ его изъ кареты, въ полковники, а погомъ очень скоро въ генералъ-маіоры.

Говорили съ этомъ служившіе при Эссенѣ и это весьма вѣроятно и согласно съ характеромъ Павла I-го. Онъ въ три или четыре года простого лейтенанта Кушелева довелъ до адмирала съ титуломъ графа, награждалъ крестьянами и женилъ на племянницѣ канцлера Безбородко, и отъ него пошла фамилія Кушелевыхъ-Безбородко.

Это я слышалъ, когда молодой кавалергардскій офицеръ графъ Кушелевъ—Безбородко былъ въ 1855 г. въ Оренбургѣ на вечерѣ, который для него устроилъ въ зауральной роцѣ князь Чингизъ, сынъ хана внутренней орды. Я былъ въ числѣ немногихъ его гостей.

Эссенъ былъ невысокаго происхожденія. Къ нему пріѣхалъ въ Оренбургъ его двоюродный братъ, мелкій чиновникъ, Иванъ Егоровичъ Эссенъ, котораго братъ генералъ опредѣлилъ на службу въ Оренбургскую пограничную комиссію, откуда получалъ онъ жалованье, но самой службы не несъ, завелъ себѣ на Сыртѣ въ казачьихъ владѣніяхъ хутора, занимался скотоводствомъ, имѣлъ одну или двѣ семьи крестьянъ; скупъ былъ до невѣроятности. Въ дорогое время, когда яйца, масло и молоко были дороги, требовалъ съ хутора присылки всѣхъ этихъ продуктовъ на продажу въ Оренбургъ и не позволялъ себѣ ѣсть ничего, что можно было продать. Лошадей изъ своего табуна продавалъ въ долгъ ямщикамъ, привозившимъ сюда товары, лишь бы дали подороже, но деньги, кажется, рѣдко получалъ: ямщикъ; купившій лошадь, уже не пріѣзжалъ въ Оренбургъ. У брата своего на кухнѣ требовалъ, чтобы всѣ оставшіеся куски и корки хлѣба сберегались и отдавались ему; ими онъ кормилъ телятъ и коровъ. Крестьянамъ запрещалъ пріѣзжать въ Оренбургъ на лошади, да и самъ за 40 верстъ ходилъ пѣшкомъ. Конечно, крестьяне не слушали его, пріѣзжали

на лошади, оставляли телѣгу подъ Соболевою горою, *) а сами шли до города пѣшіе и также возвращались, а потомъ далѣе ѣхали на телѣгѣ. Когда этотъ Эссенъ умеръ, то братъ похоронилъ его на свой счетъ; жилъ онъ одинокъ и послѣ смерти квартирныя хозяева обобрали его.

Управленіе генерала Эссена, продолжавшееся болѣе 10 лѣтъ, не было ознаменовано никакими реформами, которыя хотя и были проектированы, но высшимъ начальствомъ не приняты. При немъ открыто въ 1825 г. Неплюевское военное училище (нынѣ Неплюевскій кадетскій корпусъ) съ комплектомъ 80 человѣкъ, но мысль объ учрежденіи такого заведенія была заявлена далеко раньше и все дѣло останавливалось за недостаткомъ денежныхъ средствъ.

Другимъ важнымъ историческимъ событіемъ было посѣщеніе г. Оренбурга государемъ императоромъ Александромъ I., который пріѣхалъ сюда изъ Уфы и на память о своемъ посѣщеніи освободилъ городъ отъ воинскаго постоя. По поводу этого поставленъ былъ отъ города памятникъ около городской думы, гдѣ нынѣ водоразборная будка. Генералъ Обручевъ перенесъ его на настоящее видное мѣсто въ началѣ Николаевской улицы, на берегу р. Урала. Перовскому, вступившему во второй разъ въ управленіе краемъ, не понравилось это, онъ хотѣлъ перенести памятникъ на старое мѣсто, но узнавъ, что переносъ сдѣланъ съ высочайшаго соизволенія, отказался отъ своего намѣренія.

Государь, посѣщая острогъ, въ числѣ арестантовъ нашелъ одного человѣка безъ имени, привезеннаго въ

*) Соболевою горою называется лѣвый высокій берегъ долины Сакмары, въ которомъ прорытъ сѣздъ къ мосту на этой рѣкѣ. Отъ Оренбурга въ 7 верстахъ.

Прим. И. С. Шукшинева.

Оренбургъ для содержанія въ тюрьмѣ впредь до особаго повелѣнія; имя и званіе его не было означено, а велѣно считать его подъ № и содержать въ одиночномъ заключеніи; онъ былъ помѣщенъ въ тѣсной коморкѣ, гдѣ ему нельзя было стоять во весь ростъ и спать могъ, сгибая ноги; онъ сидѣлъ нѣсколько лѣтъ и по повелѣнію государя былъ освобожденъ. Объ этомъ была статья въ «Оренбургскомъ Листкѣ» въ половинѣ 80-хъ г.г.

Генераль Эссенъ предполагалъ сформировать изъ башкиръ нѣсколько конныхъ полковъ по образцу двухъ теутиарскихъ; но мѣра эта не осуществилась какъ по политическимъ, такъ и по экономическимъ причинамъ.

Изъ дѣлъ генераль губернаторской канцеляріи видно, что башкиры, узнавъ о такомъ предположеніи, подавали всенеподаннѣйшія прошенія государю императору, высказывая прямо свое нежеланіе служить въ регулярныхъ полкахъ, считая вмѣстѣ съ тѣмъ за собою право нести службу въ установившемся временемъ порядкѣ, т. е. общую очередную для каждого и въ національной одеждѣ.

Экономическія причины были—неимѣніе въ казнѣ денегъ, а политическая—возможность въ народѣ бунта, если обложить народъ особымъ сборомъ, отъ котораго башкиры всячески старались оградить себя, по магометанской религіи считаемаго, какъ окупъ головы каждого вольнаго человѣка и приравненіе къ рабскому положенію.

Внутренняя жизнь губерніи во всѣхъ сословіяхъ текла при взяточничествѣ чиновниковъ, общемъ правонарушеніи, устранить которое по тогдашнему времени не было возможности.

Шайки разбойниковъ изъ бродягъ всякаго рода, а болѣе изъ башкиръ, недовольныхъ вводимыми порядками, не составляли исключенія. Появленію такихъ хищниковъ

способствовали громадныя въ то время у башкиръ дѣла, большія пространства пустыхъ мѣстъ и сплошное инородческое магометанское населеніе въ уѣздахъ Стерлитамакскомъ, Оренбургскомъ и частию въ Троицкомъ и Уфимскомъ. У мѣстныхъ жителей разбойники находили пріютъ и всегда были ими скрываемы.

Въ Троицкомъ уѣздѣ кантонный начальникъ Утявовъ самъ принималъ участіе и покровительствовалъ образовавшейся шайкѣ, грабившей проѣзжавшихъ по тракту на ярмарки сибирскихъ купцовъ; былъ судимъ за это и, кажется, сосланъ въ Сибирь или умеръ, не дождавшись суда. Утявовъ, вытребованный для суда въ Оренбургъ, предвидѣлъ, что не воротится въ домъ, взялъ бывшія у него нѣсколько тысячъ ассигнацій и зашилъ ихъ въ свой бешметъ, простеганный ватою. Заболѣвъ, онъ поступилъ въ госпиталь, гдѣ отобрали его собственную одежду, а дали казенную. При выходѣ изъ госпиталя Утявовъ увидѣлъ, что бешметъ распоротъ и перешить снова, но деньги взяты. Виновнымъ оказался служитель, завѣдывавшій аммуниціей, у котораго найдено было нѣсколько прошитыхъ по краямъ ассигнацій; за это онъ былъ наказанъ, но жена, у которой при обыскѣ найдено было нѣсколько тысячъ ассигнацій, уже перемѣненныхъ, гражданскимъ судомъ не признана виновною, и Утявовъ навсегда лишился своихъ денегъ.

Послѣ Утявова долгое время была шайка Папейки, бѣглаго изъ тептярскаго полка унтеръ-офицера; она считала все для себя дозволеннымъ, т. е. грабежъ, убійство и всякое насиліе. Самъ Папейка въ одеждѣ купца открыто являлся на базары. Башкиры знали его, но не думали указать или выдать его въ руки начальства. Онъ былъ пойманъ въ 30-хъ г.г. при графѣ Перовскомъ и, наказанный по суду тѣлесно, сосланъ въ Сибирь.

Черезъ нѣсколько времени явился столь же смѣлый башкиръ Баишка, но это относится уже къ 40 мѣ г.г., когда его словилъ Верхнеуральскій исправникъ Скарятинъ, получившій нѣсколько ружейныхъ ранъ и награжденный за это орденомъ св. Владиміра 4 степени.

Мелкія разбойничьи партіи не обращали ни чьего вниманія и генералъ Обручевъ въ 1842 или 43 г. посылалъ Оренбургскихъ казаковъ для преслѣдованія такихъ отважныхъ витязей, грабившихъ даже подъ самымъ г. Стерлитамакомъ. Мѣра эта не была одобрена и онъ получилъ замѣчаніе, что до него военныя команды не употреблялись въ подобныхъ случаяхъ, и онъ долженъ ограничиваться при преслѣдованіи дурныхъ людей мѣстнымъ населеніемъ.

Въ киргизской степи баранты, угоны скота и разграбленіе каравановъ было обычнымъ дѣломъ. Посылались военные отряды подъ начальствомъ полковниковъ Щеглова, Цюлковскаго и другихъ, но дѣйствія ограничивались раззореніемъ попадавшихся отрядамъ киргизскихъ ауловъ, отогнаніемъ скота. Батыри и джигиты успѣвали скрыться и снова начинали свое дѣло въ другомъ мѣстѣ.

Русскіе люди въ большомъ количествѣ забирались въ плѣнъ киргизами и продавались въ рабство въ Хиву и Бухару на всемъ протяженіи линіи и на Каспійскомъ морѣ, куда выѣзжали преимущественно крестьяне. Замѣчательнымъ плѣнникомъ былъ адъютантъ командующаго Оренбургскимъ войскомъ есаулъ Падуровъ, взятый въ плѣнъ во время проѣзда по дѣламъ службы между Татищевской и Переволоцкой крѣпостями.

Во время управленія Эссена былъ посланъ въ Бухару караванъ русскихъ товаровъ, порученный Оренбургскому купцу Кандалову, подъ прикрытіемъ казаковъ Уральскаго и Оренбургскаго войска. Караванъ, дойдя до

Эмбы, былъ остановленъ скопищемъ хивинцевъ и киргизъ, брошенъ на мѣстѣ и потомъ разграбленъ, а войска возвратились на линію. Казна, купившая товары, понесла убытки *).

Начальникомъ отряда былъ полковникъ Ціолковскій, а главная причина возвращенія войскъ состояла въ томъ, что зимою, когда выступилъ караванъ, верблюды и лошади не находили подножнаго корма, а люди — довольствіи, отпущеннаго по расчету обыкновенной караванной ходьбы.

Для охраненія Оренбургской линіи выставлялась кордонная стража въ значительномъ числѣ изъ башкиръ, ставропольскихъ калмыкъ и казаковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ существовало распоряженіе преслѣдовать хищниковъ киргизъ только по внутренней сторонѣ, переѣздъ за Уралъ для преслѣдованія строго воспрещался, но впослѣдствіи дозволялось это не далѣе 5 верстъ въ глубь степи. Въ первомъ случаѣ киргизы, угнавъ скоть и плѣнивъ людей, спокойно останавливались на другомъ берегу рѣки, будучи вполне увѣрены, что погони не будетъ, а во второмъ — самихъ преслѣдователей ловили киргизы изъ близкихъ ауловъ, не участвовавшіе въ набѣгѣ, и привозили въ крѣпости комендантамъ какъ воровъ, памѣревающихся ограбить ихъ, мирныхъ жителей.

Вѣроятно, были и случаи наказанія такихъ смѣльчаковъ со стороны начальства, погнавшихъ за своимъ добромъ, которое они зорко ограждали въ своихъ домахъ, не допуская пропускъ киргизъ.

Въ 20-хъ г. былъ пущенъ слухъ въ приволжскихъ

*) Въ бібліотекѣ Архивной Коммиссіи хранится дневникъ Кандлова, оль напечатанъ въ газетѣ «Оренбургскій Край» за 1893 г.

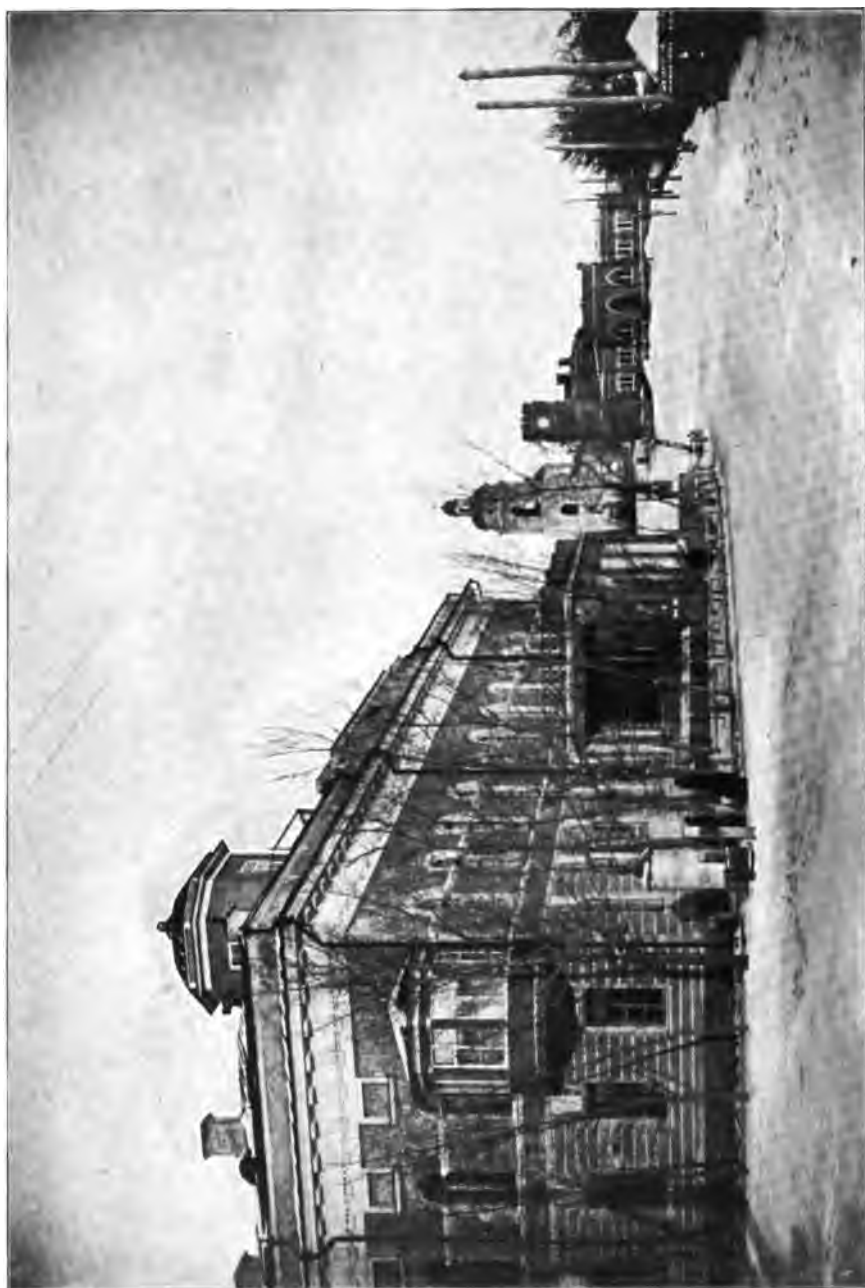
Прим. И. С. Шукшанцева.

губерніяхъ— Саратовской, Симбирской и смежныхъ съ ними за Волгою объ особенно плодородныхъ земляхъ въ степи, около Сыръ-Дарьи, которая по народному убѣжденію имѣла не воду, а молоко, берега кисельные, рыба вынималась изъ рѣки руками, нужны были только ложки, чтобы ѣсть кисель съ молокомъ; никакой барщины тамъ нѣтъ, а отъ царя—де есть дозволеніе переходить и селиться на Сыръ Дарьѣ всѣмъ желающимъ.

При такомъ слухѣ все крѣпостное крестьянство тронулось съ своихъ мѣстъ; тамошнія власти не могла ничего подѣлать; народъ валилъ тысячами въ Оренбургъ; нѣсколько казачьихъ полковъ изъ Оренбургскихъ и Уральскихъ казаковъ выставлены были по дорогѣ возвращать переселенцевъ въ прежнія ихъ мѣста жительства; нѣсколько партій однако-жъ добрались до Оренбурга, а довѣрчивые ихъ товарищи изъ разговоровъ съ простымъ народомъ убѣдились, что молочной рѣки съ кисельными берегами нѣтъ.

Въ управленіе Эссена краемъ вкрались большія злоупотребленія: въ тептарскіе полки рекрута, сдаваемые прямо въ полки, принимались безъ строгаго осмотра—слабые, больные и съ хроническими болѣзнями; за снисхожденіе давались взятки; лошади были мало способныя къ конному строю; овса вовсе не давали, а деньги за него оставались въ карманѣ полковаго командира и растрачивались на веселую жизнь; сѣно давалось сполна, но сотенные командиры тоже имѣли поползновеніе получить въ свою пользу что-нибудь, и благодаря этому лошади содержались зимою на одной соломѣ, а весною, когда нужно было итти въ Оренбургъ, много было паршивыхъ лошадей.

При вступленіи въ городъ полкъ входилъ не въ

Генераль-Губернаторский домъ. Преображенскій соборъ. Главная гауптвахта.
Набережная р. Урала.

разъ; больныя лошади одного полка замѣнялись здоровыми другого и даже изъ казачьей артиллеріи, гдѣ лошади были казенныя.

Генераль Эссенъ жилъ въ казенномъ губернаторскомъ домѣ на берегу Урала, около Преображенскаго собора, въ которомъ помѣщался покойный императоръ Александръ 1-й. На этомъ домѣ была прибита доска съ надписью золотыми буквами о семъ событіи, которую я самъ читалъ. Полагаю, что это было во второй половинѣ 30-хъ годовъ, когда я уже умѣлъ читать и когда мнѣ позволяли уходить съ товарищами такъ далеко.

Домъ этотъ былъ сломанъ и построенъ новый для житья генераль-губернаторовъ въ 1840 г., а съ 1885 г., занять казенною палатою.

Эссенъ жилъ въ Оренбургѣ одинокимъ и давалъ въ торжественныя дни обѣды, на которые приглашались выдающіяся по своему служебному значенію лица. На обѣды его въ простые дни приглашались ежедневно назначавшіеся къ нему ординарцами офицеры, что соблюдалось и при его преемникахъ, но при Перовскомъ этого не было, и самыя офицеры не наряжались.

По разсказамъ Эссенъ не пользовался особымъ уваженіемъ въ Петербургѣ и вліяніе его не было замѣтно. Награды по его представленіямъ давались рѣдко; у военныхъ шло повышеніе въ установленномъ порядкѣ. Въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ число штабъ-офицеровъ дошло до двухъ человѣкъ, присутствующихъ въ войсковой канцеляріи, а командирами непремѣннаго полка для того, чтобы представленіе Эссена было въ благопріятномъ смыслѣ разрѣшено, собирались складочныя деньги и посылались въ Петербургъ черезъ извѣстное лицо.

Образованныхъ офицеровъ и чиновниковъ было мало; въ число первыхъ входили свѣтски — воспитанные

люди, занимавшіе мѣста адыутанговъ, но дѣломъ не занимавшіеся; писмоводство лежало на военныхъ писаряхъ и казачьихъ урядникахъ, вытребованныхъ для письменныхъ занятій изъ войска подъ наблюденіемъ дежурнаго штабъ—офицера и начальника штаба, да и на этихъ должностяхъ были не всегда соотвѣтствующія своему назначенію лица, какъ напр. генераль Мистровъ, долгое время служившій бригаднымъ командиромъ и жившій въ казачьей станицѣ, по тогдашнему крѣпости; дежурный штабъ - офицеръ майоръ Матернъ, котораго устранилъ отъ должности генераль Перовскій, приказавшій ему написать у себя въ кабинетѣ экстренную бумагу, составить которую онъ не могъ.

Не лучше чиновники были и въ губернаторской канцеляріи; за исключеніемъ правителя и секретаря прочіе всѣ малограмотные и не всегда трезвые, о чемъ можно судить по слѣдующему. Нѣсколько человѣкъ этихъ господъ, порядочно подвыпивъ въ трактирѣ, вздумали идти гурьбой на вечерки забавляться съ собравшимися тамъ дѣвками, но хозяинъ, зная ихъ, не пустилъ, ворота заперъ запоромъ. Домъ былъ недалеко отъ крѣпостнаго вала, на которомъ стояло артиллерійское орудіе. Толпа чиновниковъ столкнула его на низъ, прикатила къ дому и, двигая назадъ и впередъ, ударила въ ворота, которыя не выдержали и упали, -- толпа вошла въ домъ къ общему ужасу бывшихъ тамъ женщинъ.

Доложено было Эсену о буйствѣ его чиновниковъ. Онъ потребовалъ всѣхъ къ себѣ. Идя къ губернатору, нѣкоторые говорили, что вѣрно всѣхъ накажутъ палками, а одинъ татаринъ сказалъ, что 100 палокъ для него ничего, лишь бы больше не пришлось получить. Это мнѣ говорилъ бывший въ числѣ участниковъ титулярный

совѣтникъ Василій Николаевичъ Астафьевъ, умершій въ концѣ 50-хъ гг.

Этотъ же Астафьевъ говорилъ мнѣ, что служа въ канцеляріи губернатора по пограничному отдѣленію, ввѣренному военному офицеру Герману, пришелъ къ нему по дѣлу, и тотъ, требуя отъ него какую то бумагу и не получая, пошелъ за саблею, стоявшею нѣсколько дальше, грозя изрубить Астафьева. Этотъ же тотчасъ выбѣжалъ на дворъ, который былъ обширенъ. Германъ за нимъ въ догонку съ обнаженною саблею. Бѣгая достаточно, Германъ усталъ и споткнулся. Пользуясь этимъ благопріятнымъ случаемъ, Астафьевъ вбѣжалъ въ комнату, дверь заперъ на крючекъ и спросилъ лакея, куда положилъ его баринъ принесенную имъ утромъ бумагу. Тотъ нашелъ ее и подалъ. Астафьевъ, отперевъ дверь, отдалъ бумагу Герману, а тотъ сказалъ: «Счастливъ, что не попался: изрубилъ бы тебя саблею!».

Конечно, у Эссена были способные и достойные помощники, которымъ вручались важныя дѣла; таковъ былъ инженерный штабъ-офицеръ Генсъ, который обратилъ на себя вниманіе и при этомъ губернаторъ получилъ мѣсто председателя Оренбургской пограничной комиссіи, на какомъ мѣстѣ былъ дотолѣ Оренбургскій комендантъ, генералъ, вовсе не подготовленный къ такому назначенію.

Въ краѣ по наружности было спокойно, но возмущенія въ степи не прекращались; туда часто высылались военные отряды казаковъ, башкиръ и частію пѣхотные солдаты. Подъ давленіемъ силы все укладывалось мирно до времени. Внутри же губерніи, особенно съ Башкиріи, разбои и грабежи происходили преимущественно въ лѣсистыхъ мѣстахъ и по большимъ дорогамъ, о чемъ мною было сказано выше. Такова картина Оренбургскаго края въ 20-хъ гг.

Гражданскія власти не дѣйствовали, даже высшія лица не гнушались взятками.

Мнѣ говорилъ чиновникъ Шипковскій, что бывшій земскій исправникъ князь Давлеткильдеевъ (изъ татаръ), по отрѣшеніи отъ должности, въ торжественный день въ губернскомъ городѣ Уфѣ нанялъ толпу пьяныхъ мужиковъ съ ломами и повелъ къ дому губернатора Дебу, намѣреваясь разломать въ домѣ фундаментъ. На вопросъ полицеймейстера, что онъ дѣлаетъ, отвѣтилъ, что желаетъ выломать фундаментъ, который сдѣланъ на его деньги, данныя во взятку губернатору.

Тотъ же исправникъ, служа въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, открыто всѣмъ говорилъ, что тотъ плохой исправникъ, который не соберетъ въ годъ 12 пудовъ серебра.

Отъ военного губернатора ему было предписано избрать на общемъ собраніи башкиръ уѣзда кантоннаго начальника. Конечно, въ желающихъ не было недостатка.

Выбирали трехъ лицъ: Ибрагимова, Каипова и Акчулпанова.

Давлеткильдеевъ, не обижая никого, поровну взялъ съ каждаго по 3 тысячи рублей, каждаго увѣрялъ и общалъ, а бывшіе при немъ земскіе чины выпили 12 ведеръ одной французской водки въ пуншѣ. Кончивъ свое дѣло, исправникъ сказалъ кандидатамъ, чтобы ѣхали въ Оренбургъ, такъ какъ дѣло въ рукахъ губернатора Эссена и его чиновниковъ. Утвержденъ былъ Ибрагимовъ, а у остальныхъ деньги пропали. Давлеткильдеевъ сказалъ, что плохо хлопогали и потому не успѣли, а на самомъ дѣлѣ избраніе рѣшалось числомъ шаровъ, чего простаки не понимали.

Кромѣ всего изложеннаго, въ сосѣдней Пермской губерніи грабежи и разбои были отъ каторжныхъ и бѣглыхъ изъ Сибири, скрывавшихся въ горныхъ заводахъ,

сосѣдственныхъ съ Оренбургскою губерніею, въ которыхъ все заводское наеленіе и самыя владѣльцы были раскольники.

Военный губернаторъ Эссенъ имѣлъ Высочайшее повелѣніе обозрѣть эти заводы и когда онъ пріѣхалъ на пермскіе частныя заводы, владѣльцы и управляющіе ихъ затруднявшіеся скрыть каторжныхъ, спускали ихъ живыми въ доменные печи. Выходилъ одинъ металлъ, а отъ людей исчезали всякіе признаки.

Передъ 12-мъ годомъ заводчикъ Демидовъ, живя за границей и зная о намѣреніяхъ Наполеона, который при удачѣ желалъ уничтожить крѣпостное право, продалъ свои Киштымскіе заводы съ нѣсколькими тысячами крестьянъ и 700 т. десятинъ земли купцу раскольнику Расторгуеву за 500 т. руб. асс. и послѣдній сдѣлался владѣльцемъ громаднаго имѣнія и теперь находящагося въ рукахъ его потомства.

Генералъ Эссенъ держался новаго направленія и Александровскихъ началъ, съ подкладкою Павловскихъ требованій. Былъ довольно строгъ, желалъ поднять военную часть на современное состояніе. Башкиры и всѣ казаки носили простую одежду, формы не существовало. Эссенъ старался ввести ее. Требованіе его въ отношеніи форменной одежды было особенно строго къ Оренбургскому войску. Жившіе въ форштадтѣ казаки считались на дѣйствительной службѣ, получали казенное довольствіе, а офицеры жалованье въ мизерномъ размѣрѣ: хорунжій 17 р., сотникъ 22 р., есаулъ 28 р. въ годъ на нынѣшнія деньги.

Эссенъ обязывалъ офицеровъ и по своимъ дѣламъ ходить въ формѣ, и въ этомъ отношеніи требованіе доходило до комичнаго. Одинъ офицеръ купилъ тушу баранины и несъ покупку самъ. Встрѣтился ему Эссенъ. Нуж-

но отдать ему честь. Офицеръ сталъ во фронтъ, одною рукою держалъ подъ козырекъ, а другою —рядомъ поставленную тушу баранины, которая какъ будто тоже отдаетъ генералу честь. Послѣ этого случая требованіе формы нѣсколько убавилось.

Во время Эссена изъ войскъ Оренбургскаго края составилъ отдѣльный Оренбургскій корпусъ и онъ носилъ званіе корпуснаго командира. Ежедневно къ нему посылались ординарцы отъ пѣхоты и отъ казаковъ конные офицеры, урядникъ или унтеръ-офицеръ и два рядовыхъ; съ конными Эссенъ выѣзжалъ, когда ѣхалъ куда верхомъ.

При немъ были сформированы два конныхъ полка изъ тептарей и конно-артиллерійская казачья бригада, въ коихъ командиры и большая часть офицеровъ были мѣстные помѣщики или регулярные офицеры.

На правахъ командира бригады тептарскими полками командовалъ чиновникъ особыхъ порученій, полковникъ Щегловъ; онъ же былъ начальникомъ лѣтней кордонной стражи изъ Оренбургскихъ казаковъ, башкиръ и ставропольскихъ калмыкъ.

Командиры частей имѣли большіе доходы отъ фуража и обмундированія нижнихъ чиновъ, а Щегловъ или распускалъ за деньги въ дома башкиръ до срока, или часть ихъ пребывала въ городѣ, а показывалась на Бердянско-Куралинской линіи, гдѣ полагалось казенное содержаніе; послѣднее выдавалось дѣйствительно стоявшимъ тамъ въ небольшомъ количествѣ, а на остальныхъ деньги оставались въ карманѣ Щеглова.

Въ лѣтнее время лица эти вели широкую жизнь на Маячной горѣ въ лагерѣ, куда часто пріѣзжалъ Эссенъ со свитой. Пѣсни, музыка, вино лилось рѣкою, ужины были великолѣпные. Въ особенности умѣнѣемъ пожить и

угостить отличались командиръ 1-го тептярскаго полка полковникъ Окуневъ и полковникъ Щегловъ. У обоихъ служилъ мой отецъ и часто вспоминалъ бывшее: о Щегловѣ всегда говорилъ, что для него былъ онъ отецъ, а для другихъ хуже собаки: наказывалъ башкиръ безчеловѣчно; если они усматривали издалика, что идетъ Щегловъ въ лагерь, то руки просто опускались, ибо рѣдкій оставался не наказаннымъ. При такихъ условіяхъ, очевидно не было недостатка въ желающихъ заплатить 25 или 50 р., хорошо не помню, и уйти домой. Деньги брались открыто, въ лагерь на устройство лѣтнихъ барачковъ; конечно, часть попадала по назначенію, но львиная доля оставалась въ карманѣ у полковника.

О такихъ злоупотребленіяхъ были доносы въ Петербургъ. Приѣзжалъ въ Оренбургъ флигель-адъютантъ Игнатъевъ, впоследствии Петербургскій генералъ-губернаторъ, но дѣла оставались въ прежнемъ видѣ до назначенія Эссена на должность Петербургскаго военнаго губернатора.

Въ его управленіе въ Оренбургъ завелось тайное общество съ политическою цѣлью; оно было какъ-бы отдѣленіемъ Петербургскаго общества и основателемъ его былъ морской офицеръ Завалишинъ, сосланный на житье въ Оренбургъ.

Цѣлью Завалишина было основать такое общество, потомъ открыть его предъ начальствомъ и тѣмъ оправдать себя и возвратить себѣ прежнее положеніе. Такъ и случилось. Изъ молодыхъ линейныхъ баталіоновъ и казачьихъ офицеровъ, едва-ли понимавшихъ что-нибудь въ политическихъ дѣлахъ, образовался кружокъ, писались протоколы и пьяные подписывали, не зная и не понимая ничего, а потомъ возникло дѣло.

Руководитель Завалишинъ, какъ хорошо образован-

ный и хорошей семьи, Эсеномъ былъ представленъ Государю, какъ человѣкъ, открывшій существовавшее общество и сумѣвшій отыскать необходимые для обвиненія факты, но дѣло не выгорѣло; при слѣдствіи обнаружено, кто былъ руководителемъ. По рѣшенію верховнаго суда сослали въ каторжную работу самого Завалишина, пѣхотнаго офицера Колесникова, другихъ въ Сибирь, а казачьихъ двухъ офицеровъ, одинъ Ветошниковъ, въ уваженіе ихъ молодости и чистосердечнаго сознанія, что они ничего не понимали, что подписывали, разжаловали и отдали въ пѣхотные полки для службы солдатами.

Завалишинъ чрезъ нѣсколько лѣтъ былъ прощенъ и жилъ въ Иркуткѣ. Моряки, ѣхавшіе на службу въ восточную нашу флотилію, считали долгомъ явиться на поклонъ къ Завалишину, въ чемъ ихъ благомыслящіе люди укоряли. Добавлю, что современники событію говорили, что въ бумагахъ общества найдены были приготовленныя предписанія башкирскимъ кантоннымъ начальникамъ о высылкѣ въ Оренбургъ нѣсколькихъ полковъ съ оружіемъ подъ предлогомъ посылки въ армію, причемъ подпись Эссена была прекрасно поддѣлана. Съ прибытіемъ полковъ полагали начать бунтъ противъ правительства и перебить своихъ начальниковъ.

Другое крупное уголовное дѣло при управленіи Эссена было погребеніе женою своего законнаго мужа, богатаго помѣщика Бугурусланскаго уѣзда. Усыпивъ его, жена положила въ гробъ и похоронила на кладбищѣ. Подземные стоны несчастнаго были услышаны проходившими людьми и переданы куда слѣдуетъ. Вдова вышла или думала выйти за своего управляющаго, съ которымъ была въ связи. и старый мужъ смотрѣлъ на все это сквозь пальцы, но влюбленнымъ не доставало возможности законнаго соединенія. Долго производилось дѣло, и

большія деньги помогли потушить его. Говорили, что бывший правитель канцеляріи губернатора Шамонинъ за свое содѣйствіе взялъ много и на эти деньги купилъ себѣ имѣніе въ 300 душъ.

При Эссенѣ состоялъ еще другой чиновникъ особыхъ порученій, его бывший адъютантъ, полковникъ Ціолковскій. Онъ отдѣльной части не имѣлъ, а занятъ былъ по башкирскимъ дѣламъ, и въ 1834 г. былъ назначенъ командующимъ башкирскимъ войскомъ и, женившись на дочери помѣщика Крашенинникова, оставался здѣсь до своей смерти. За послѣднее время Ціолковскіе обѣднѣли, а когда-то были богаты, гостепріимны, въ особенности самъ старикъ, который, какъ полякъ, покровительствовалъ ссылавшимся сюда полякамъ

Былъ еще одинъ военный офицеръ Германъ, занимавшійся при Эссенѣ дипломатическими дѣлами по сношеніямъ съ Хивинскимъ ханомъ и Бухарскимъ эмиромъ. Этотъ былъ какой то сумазбродъ, любитель женщинъ и безобразникъ по этой части; простыхъ женщинъ онъ останавливалъ на улицѣ, открыто обнималъ и цѣловалъ. Циникъ высшей руки, онъ въ одно время диктовалъ писарю какую либо важную бумагу, курилъ трубку и безобразничалъ. Но, говорятъ, въ обществѣ былъ человекъ любезный, и въ него влюбилась дочь сенатора Мансурова, дѣвица зрѣлыхъ лѣтъ, поѣхала за нимъ въ погоню, когда онъ уѣзжалъ изъ Оренбурга, но не добившись ничего, умерла въ началѣ 1846 г. дѣвою.

Про этого Германа говорили, что на почтовой станціи въ ожиданіи лошадей спали въ одной комнатѣ Германъ, проѣзжавшая барыня и священникъ. Ночью Германъ подошелъ къ барынѣ съ неблагонамѣренной цѣлью; та дала ему пощечину. Чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе, Германъ отпустилъ тяжеловѣсную плюху попу;

тотъ проснулся и говорить. «Кто это дерется?» Дама отвѣчаетъ: «Мало еще, надо бы больше». Германъ перевертывается на своемъ диванѣ и ворчитъ: «Что за шумъ, не даютъ и поспать!»

До прибытія генерала Эссена городъ Оренбургъ существовалъ уже 70 лѣтъ, и въ управленіе его, длившееся болѣе 10 лѣтъ, общественнаго дома для собраній интеллигенціи не было.

Чиновныѣ классъ собирался у своихъ начальниковъ по большимъ праздникамъ, а семейно проводили время болѣе значительные въ помѣщеніяхъ частныхъ лицъ, но и послѣднихъ было мало.

Въ лѣтнее время для народныхъ гуляній была зауральная роща, противъ города, между Ураломъ и Старицею.

Эссенъ первый изъ начальниковъ обратилъ вниманіе на благоустройство ея: построилъ бесѣдки для гуляющихъ, проложилъ дорожки какъ по Уралу и Старицѣ, такъ и поперечныя, онѣ выходили къ одной изъ бесѣдокъ; дорожки утрамбовывались и усыпались пескомъ и роща всегда содержалась въ опрятномъ видѣ. Работы исполнялись присылаемыми на лѣтнее время башкирами, какъ на службу; наблюденіе лежало на урядникѣ и нѣсколькихъ казакахъ.

Лѣтомъ въ праздники въ рощу посылались музыка и пѣсенники изъ казаковъ и солдатъ. Въ торжественные царскіе дни устраивались фейерверки. Существовалъ безплатный переѣздъ на паромѣ черезъ рѣку изъ города въ рощу и обратно, но простонародіе не перевозилось, а желающимъ не воспрещалось гулять въ рощѣ, но должны были ходить черезъ мостъ, гдѣ таковой и теперь существуетъ, а гуляющіе располагались далѣе середины рощи, противъ аллеи теперешняго общества садоводства

Къ отъѣзду Эссена построена была каменная бесѣдка на площадкѣ за рукавомъ старицы, гдѣ она оставалась долгое время и лишь въ 1890-хъ гг. перевезена въ скверъ противъ городской думы. Изъ этой бесѣдки уѣхалъ Эссенъ послѣ прощальной хлѣба-соли.

При князѣ Волконскомъ и Эссенѣ въ Оренбургѣ едва-ли кто жилъ изъ богатыхъ помѣщиковъ, кромѣ Тимашевыхъ. Изъ послѣднихъ Егоръ Николаевичъ былъ командующимъ Оренбургскимъ казачьимъ войскомъ и правилъ въ этой должности въ трудное для него время, когда богатые его имѣнія были распущены и находились подъ опекою.

Мансуровыхъ было двѣ — одна дѣвица, а другая вдова Габбе, о которой сказано выше, братъ ихъ, Николай Александровичъ Мансуровъ, служилъ въ Петербургѣ.

Даже богатыхъ купцовъ еще не было. Первымъ считался Осоргинъ, скоро раззорившійся; иногородніе — Пичугинъ, Веснинъ и Дюковъ жили здѣсь наѣздомъ, предпочитая свою родину — г. Ростовъ Ярославской губерніи; — почему общественной жизни въ Оренбургѣ не существовало, собраній не было, жили семейно по родству и по знакомству, и если собирались представители, то въ большіе праздники у губернатора. Онъ былъ первымъ лицомъ по значенію и по средствамъ жизни, а за нимъ выдѣлялись винные откупщики — Еникуцевъ, Звенигородскій, а уже послѣ Горячевъ.

Относительно благоустройства города генералъ Эссенъ требовалъ, чтобы около cadaго дома былъ полисадникъ и въ немъ насажены деревья. Домовладѣльцы, побуждаемые полиціею, садили деревья и огораживали ихъ полисадниками, а въ болѣе глухихъ улицахъ допускались изъ плетня. Казенные дома были обсажены лучшими деревьями. На большой или нынѣшней Николаевской ули-

цѣ насадка была по обѣимъ сторонамъ, и улица эта представляла аллею; поливка была постоянно аккуратная и деревья быстро разрастались; замѣчательныя по высотѣ деревья были по гостинодворской сторонѣ у домовъ де-визіоннаго и бригаднаго командировъ, дома нынѣшняго 2-го корпуса и у дома Тимашева, нынѣ Ладыгина. Тутъ деревья оставались до послѣдняго времени и срублены при перестройкѣ домовъ, какъ мѣшавшія работѣ. При домѣ киргизской школы, кажется, и теперь имѣются два или три дерева посадки того времени.

Въ прочихъ мѣстахъ полисадники съ деревьями первое время содержались исправно, но вслѣдствіе сухости воздуха, сильныхъ жаровъ, а зимою морозовъ, затруднительности поливки, для которой воду нужно было привозить изъ Урала, деревья сохли и уничтожались. Я посадилъ около своего дома, по Петропавловской улицѣ, нѣсколько березъ, которыя принялись и росли до 1840 г., а въ этомъ году раннею весною погибли вслѣдствіе поврежденія корней морозами.

По Николаевской улицѣ во всю ея длину былъ выложенъ тротуаръ, слѣды котораго сохранились противъ дома киргизской школы, прежде занимаемомъ Оренбургскою пограничною комиссіею, и противъ дома купца Оглодкова, а прежде генералъ губернаторскаго.

Гдѣ жили первые губернаторы, не слыхалъ; о князѣ Волконскомъ говорили, что домъ, занимаемый имъ, былъ на мѣстѣ нынѣшней женской гимназіи, а прежде Неплюевского училища, около Троицкой церкви. Здѣсь былъ центръ города; площадь, начиная отъ казеннаго дома, выходившаго на нее, со скверами (нынѣ собачій садикъ), простиралась до дома Исакова. Существующіе тутъ дома явились на моей памяти.

Мѣсто это представляло одно удобство для главнаго

Домъ, въ которомъ останавливался А. С. Пушкинъ и жили первые Оренбургскіе
Генераль-Губернаторы.

начальника края — положеніе въ центрѣ города. Неудобства были: близость базара, гдѣ всегда шумъ, и постоянная пыль. Въ этомъ отношеніи мѣсто на возвышенномъ берегу рѣки, гдѣ воздухъ чище и нѣтъ вовсе шума, было предпочтено, и туда перешелъ въ концѣ своего управленія князь Волконскій. Правитель его канцеляріи, Ермолаевъ, на другой сторонѣ, бокъ-о-бокъ съ нимъ. Тутъ жилъ Эссенъ, и останавливался государь Александръ I, но въ 1835 г. тутъ были уже развалины, а потому графъ Сухтеленъ избралъ частный домъ Тимашева, барски построенный, а самъ хозяинъ, избранный губернскимъ предводителемъ дворянства, уѣхалъ въ Уфу. Въ этомъ же домѣ проживалъ во время перваго управленія графъ Перовскій.

Оренбургъ до 1830 г., когда я сталъ понимать окружававшее меня, представлялъ изъ себя крѣпость, обнесенную землянымъ валомъ, составлявшимъ девятибастіонный фронтъ, по всей линіи въ частяхъ, примыкающихъ къ Уралу, эскарпы и контръ-эскарпы были насыпные изъ земли и обложены дерномъ; бастіоны, примыкавшіе къ выѣзднымъ воротамъ (которыхъ было четверо: Сакмарскія, Орскія, Чернорѣченскія и Водяныя), сложены были изъ тесанаго мѣстнаго краснаго камня, но не всѣ сплошь, а только въ выходящихъ углахъ и контръ-эскарпы куртинъ, а послѣднія, какъ хорошо защищенные перекрестнымъ огнемъ, были земляныя. Около Сакмарскихъ воротъ, за нынѣшнею Николаевскою улицею и кладбищемъ, противъ двухъ бастіоновъ были устроены параллельно имъ рavelины, которые носили въ народѣ названіе стараго или маленькаго вала

Отъ Водяныхъ воротъ, по нынѣшней Водяной улицѣ, поворотомъ къ Уралу валъ былъ каменный, не толще $1\frac{1}{2}$ —2 аршинъ и по свойству возвышающейся здѣсь мѣстности приспособленъ былъ для ружейной обороны;

этотъ валъ, гдѣ онъ по необходимости возвышался въ уровень съ другими бастіонами, поддерживался изнутри контръ-форсами, сдѣланными тоже изъ камня. По линіи бастіоновъ, отъ Орскихъ до Чернорѣченскихъ воротъ, стояли во входящихъ углахъ крѣпостныя пушки на лафетахъ, полагаю, не болѣе полупудоваго калибра.

Вотъ все вооруженіе Оренбурга со времени его основанія до половины 30-хъ г.г., а въ это время бывшій корпусный командиръ Перовскій призналъ необходимымъ усилить оборону устройствомъ оборонительныхъ казармъ, имѣющихъ окна, обращенныя къ форштадту, узкія, въ видѣ бойницъ, для ружейной обороны, а впереди ихъ ровъ, который былъ по всей линіи бастіоновъ одинаковой ширины и глубины и по тогдашнимъ фортификаціоннымъ правиламъ съ кругою обрѣзкою краевъ наружной стороны.

Постоянный гарнизонъ составляли два линейныхъ пѣхотныхъ баталіона, двѣ роты крѣпостной гарнизонной артиллеріи, военнорабочая инженерная рота и крѣпостные арестанты, употреблявшіеся на работы по военному вѣдомству.

Въ лѣтнее время, съ 15 мая, на усиленіе войскъ приходили одинъ тебтарскій конный полкъ, имѣвшій зимнія квартиры въ г. Стерлитамакѣ, двѣ конныя батареи Оренбургскаго казачьяго войска въ 12-ти орудійномъ составѣ, особыя команды въ нѣсколько сотенъ Оренбургскихъ казаковъ, Ставропольскихъ калмыкъ, башкиръ, мещеряковъ; число послѣднихъ доходило иногда до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ и они употреблялись преимущественно для казенныхъ работъ при возведеніи новыхъ и исправленіи старыхъ зданій.

Войска, имѣвшія назначеніемъ охрану—конная артиллерія, тебтарскій полкъ, казаки и частію башкиры,

Бесѣдка поставленная Эссеномъ первоначально
въ Зауральной рошѣ.

располагались лагеремъ на Маячной горѣ въ баракахъ; послѣдніе у артиллеристовъ и тептарей были лучше, чѣмъ у казаковъ и башкиръ, имѣвшихъ плетневые бараки. вполнѣ замѣненные деревянными.

Отъ покойнаго отца моего я слышалъ, что при этомъ работали башкиры и они же дали деньги на покупку лѣса и другого матеріала. Причина этого явленія заключалась въ томъ, что башкиры, внесшіе 50 р., освобождались отъ службы и уходили домой.

Рабочія команды башкиръ, за неимѣніемъ мѣста на Маякѣ, размѣщались за Ураломъ по берегу Старицы въ землянкахъ, а немногіе въ плетневыхъ мазанкахъ.

Вступленіе лѣтнихъ войскъ въ городъ каждый разъ было полнымъ церемоніаломъ. Чрезъ Сакмарскія ворота по Николаевской улицѣ тептари и артиллеристы вступали съ музыкою, за ними казаки, Ставропольскіе калмыки и башкиры; послѣдніе въ національныхъ костюмахъ: въ длинныхъ кафтаныхъ и остроконечныхъ войлочныхъ шапкахъ или колпакахъ, имѣвшихъ съ боковъ красные отвороты изъ кумача.

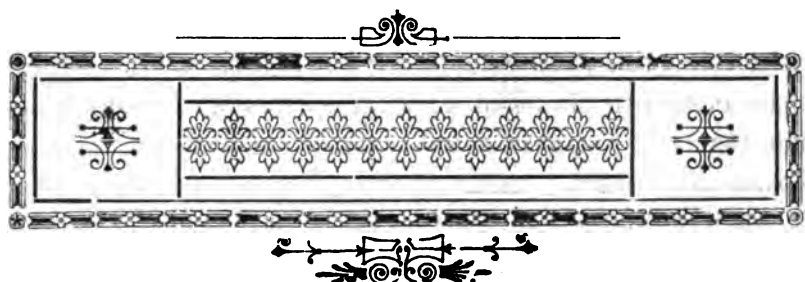
Войска, пройдя городъ, въ Водяныя ворота выходили изъ города и размѣщались въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Къ составу приходившихъ лѣтомъ войскъ относились казаки Оренбургскаго войска непремѣннаго тысячнаго полка, жившіе въ казачьемъ форштадтѣ, въ отрядахъ Бердскомъ, Каменно-Озерномъ и Нѣженскомъ, а вполнѣ замѣненные отсюда въ Благословенный, Угольный (нынѣ Богуславскій) и Григорьевскій, но въ лагери ихъ никогда не выводили.

Въ полномъ объемѣ сказанное относится до времени назначенія генерала Перовскаго военнымъ губернаторомъ и корпуснымъ командиромъ.

Графъ П. П. Сухтеленъ.
[1830—1833].

VI.

Графъ П. П. Сухтеленъ.

(1830—1833).

Съ переводомъ генерала Эссена въ С.-Петербургъ сюда назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса генераль-адъютантъ, графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ — человекъ добрый, сердечно относившійся къ каждому, гуманный въ обращеніи и замѣчательно выдававшійся своимъ умомъ.

При неустроенномъ положеніи дѣлъ въ краѣ онъ вѣрно понималъ, чего не доставало для общаго благоустройства, не сочувствовалъ мѣрамъ, предположеннымъ его предшественниками къ водворенію здѣсь спокойствія и охраненію отъ хищническихъ набѣговъ киргизъ въ предѣлы губерніи.

Трудъ предстоялъ огромный, и графъ Сухтеленъ старался найти себѣ способныхъ, дѣловыхъ и вполнѣ надежныхъ помощниковъ, каковыя нашлись и явились на

службу сюда по приглашенію. Они суть: маіоръ, а впоследствии генераль-маіоръ, Акимъ Ивановичъ Середа, подполковникъ Николай Александровичъ Мансуровъ, Геке, впоследствии генераль-лейтенантъ и наказный атаманъ Уральскаго войска; инженеръ-подполковникъ Генсъ, послѣ тайный совѣтникъ и предсѣдатель Оренбургской пограничной комиссіи; генеральнаго штаба полковникъ Тюфяевъ, Жемчужниковъ, остававшійся здѣсь безъ дѣла отставной штабсъ-капитанъ Балкашинъ, уволенный отъ службы за невѣрное составленіе въ историческомъ отношеніи маршрута путешествія государя Александра 1-го (причина была женитьба Балкашина на вдовѣ Габбе, которою онъ занимался болѣе, чѣмъ службою), правитель канцеляріи Николай Васильевичъ Жуковский.

Мансуровъ, Геке, Жемчужниковъ посылались съ военными отрядами въ степь; Генсъ все время занимался киргизскими дѣлами и по сношенію съ Хивой и Бухарою; Балкашинъ былъ его личнымъ адъютантомъ и имѣлъ дѣла въ Башкиріи и занимался изслѣдованіемъ мѣстностей, гдѣ впоследствии проложенъ былъ такъ называемый коммерческій трактъ черезъ Уральскія горы въ самой лѣсистой мѣстности, отъ Верхнеуральска до Стерлитамака, сдѣлавшій доступнымъ провозъ товаровъ съ р. Бѣлой отъ Уфы на Уралъ къ Верхнеуральску и доставившій удобное сообщеніе устроеннымъ тамъ заводамъ и вмѣстѣ движеніе войскамъ, если бы вспыхнулъ среди башкиръ бунтъ.

Много и другихъ лицъ нашелъ Сухтеленъ, способствовавшихъ и содѣйствовавшихъ прочному устройству края. Графъ лично обозрѣвалъ губернію, расположенныя въ ней регулярныя войска и казаковъ, отказался отъ предложенія Эссена сформировать 18 башкирскихъ полковъ для охраненія линіи, что стоило бы очень дорого и па-

дая на этотъ же народъ, справедливо могло произвести въ немъ ропотъ и даже возстаніе, усмирять которое пришлось бы вооруженною силою. Въ замѣнъ сего Сухтеленъ находилъ болѣе надежнымъ охраненіе безопасности линіи основать на коренныхъ русскихъ, для чего слѣдовало усилить Оренбургское казачье войско; въ этихъ видахъ полагалъ обратить въ казаковъ чегыре поселенные на линіи пѣхотные баталіона, мало полезные здѣсь какъ пѣшее войско, сюда же переселить казаковъ внутреннихъ кантоновъ, а равно бѣлопахатныхъ солдатъ и солдатскихъ малолѣтковъ, жившихъ въ Оренбургской и частію Симбирской губерніи; изъ башкиръ четыре кантона, въ Оренбургскомъ, Верхнеуральскомъ, Челябинскомъ и Троицкомъ уѣздахъ, оставить какъ войско на старомъ положеніи для несенія службы; остальныхъ башкиръ, жившихъ въ уѣздахъ нынѣшней Уфимской, Пермской и Вятской губерній, обратить въ податное состояніе съ подчиненіемъ удѣльному вѣдомству, по тогдашнему времени отличавшемуся своею системою управленія и заботливостью и имѣвшему болѣе способныхъ чиновниковъ; передачу предполагалось начать съ башкиръ Пермской губерніи

Всѣ эти предположенія были разсмотрѣны въ особомъ комитетѣ и удостоились высочайшаго одобренія, но преждевременная смерть этого государственнаго чловѣка остановила на время исполненіе его проектовъ.

При жизни графа Сухтелена послѣдовало одно весьма важное узаконеніе: это высочайшій указъ 10 апрѣля 1832 г. о признаніи башкиръ вотчинниками тѣхъ земель, коими они безспорно владѣли, съ правми продажи и отдачи въ кортому (аренду) лицамъ всѣхъ сословій и съ обязательствомъ надѣлить землею проживающихъ у нихъ припущенниковъ, поселенныхъ на ихъ земляхъ по согла-

шенію съ вотчинниками на различныхъ условіяхъ; число ихъ было по 7 ревизіи 100 т. душъ.

Кромѣ внутреннихъ административныхъ мѣръ графъ Сухтеленъ болѣе всего придавалъ значенія образованію инородцевъ, чрезъ которое они могли сближаться съ русскими, усвоить общій взглядъ образованныхъ людей на цѣль жизни и выйти изъ — подъ вліянія фанатическаго магометанскаго духовенства. Обученные медицинѣ молодые магометане могли бы лечить своихъ единовѣрцевъ, обращавшихся за помощью къ мулламъ и ишанамъ, проводившимъ всегда и во всемъ свой взглядъ, основанный на ложномъ толкованіи корана.

По ходатайству, начатому Сухтеленомъ, въ 1835 г. послѣдовало высочайшее соизволеніе на открытіе 20 стипендій при Казанскомъ университетѣ для магометанъ Оренбургской губерніи съ отпускомъ изъ казны 12 т. р. ас. ежегодно.

Мѣра эта была распространена и на башкиръ, которые посылались сначала въ Казанскую гимназію, а оттуда переходили въ университетъ; къ сожалѣнію очень немногіе оканчивали курсъ. Впослѣдствіи нѣкоторые татары чиновники помѣщали на эти стипендіи своихъ сыновей, но простой народъ ничѣмъ не высказывалъ желанія учиться въ университетѣ.*)

На сколько гуманенъ и вѣжливъ былъ въ обращеніи графъ Сухтеленъ, укажу на слѣдующее.

Замѣтивъ не совсѣмъ трезвое поведеніе одного частнаго пристава, временно исправлявшаго должность поли-

*) Объ этомъ см. нашу статью «Первые врачи изъ башкиръ въ Оренбургскомъ краѣ», помѣщенную въ XI вып. «Трудовъ Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи», стр. 11.

И. С. Шукшанцевъ.

цмейстера и являвшагося къ нему утромъ съ рапортомъ о благополучіи города нѣсколько выпившимъ, графъ сдѣлалъ ему отеческое наставленіе, какъ дурно чиновнику съ такимъ ароматомъ являться къ начальству, и высказалъ увѣренность, что впредь этого не будетъ.

Онъ требовалъ, чтобы каждый день дежурный чиновникъ канцеляріи являлся къ нему на случай надобности. Эти чиновники завтракали вмѣстѣ съ графомъ. Случилось быть чиновнику невысокаго полета дежурнымъ. Предъ завтракомъ человекъ разносилъ на подносѣ водку и въ числѣ другихъ подалъ дежурному. Выпивъ рюмку, онъ сказалъ: «Дай на закуску калача». Графъ любезно указалъ ему бѣлый и черный хлѣбъ, лежавшій на подносѣ съ другою закускою. Чиновникъ не видѣлъ ничего подобнаго ни у себя, ни у другихъ, смѣшался и взялъ, когда ему было указано.

Казачій ординарецъ урядникъ Ваулинъ (дворянинъ) отъ скуки игралъ въ карты въ носы съ лакеемъ губернатора. Все шло тихо, спокойно, пока Ваулинъ при розыгрышѣ билъ лакея по носу; но когда послѣдній получилъ самъ право бить его по носу, Ваулинъ началъ съ лакеемъ драку. Произошелъ шумъ. Графъ услышалъ это, вышелъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, выговаривалъ Ваулину, какъ неприлично и нетерпимо дворянину связываться съ лакеемъ играть въ карты и драться.

Графъ Сухтеленъ, не смотря на краткое время управленія и занятія дѣлами, обратилъ вниманіе на поднятіе военнаго дѣла у казаковъ: онъ приказывалъ собирать ихъ зимою въ избы, гдѣ инструкторы обучали ихъ поворотамъ, маршировкѣ, сабельнымъ приемамъ отданія чести и употребленія въ бою; коннымъ строемъ занимались весною, по посѣвѣ хлѣбовъ, а лѣтомъ бывали большія маневры.

Я помню, какъ насъ двоихъ старшихъ сыновей отецъ, служа въ кордонной стрѣжѣ, отпускалъ, конечно, въ сопровожденіи надежныхъ людей на лошадяхъ смотрѣть маневры.

Въ сборѣ были линейные баталіоны, пѣшая артиллерія, казаки, башкиры, калмыки и тептярскій полкъ одинъ, а можетъ быть и два, конная казачья артиллерія. Съ Маяка направлялись къ городу, останавливались около сада, потомъ госпиталя, окружали городъ отъ Сакмарскихъ до Чернорѣченскихъ воротъ и далѣе къ Уралу; на валу пѣхота стрѣляла изъ ружей въ наступавшихъ, дозволяя себѣ класть въ зарядъ песокъ и мелкую гальку, при чемъ стрѣляли прямо въ лицо.

Озлобленные башкиры и калмыки влѣзали на валъ и вступали въ драку, употребляя въ дѣло нагайки. Такая же защита была моста на р. Уралѣ. Маневры кончались часовъ въ 6 вечера. На другой день обнаружилось нѣсколько несчастныхъ случаевъ: временная потеря зрѣнія отъ засоренія, искалеченіе упавшихъ съ лошадей, и тогда пострадалъ, какъ говорили, казакъ артиллеристъ, прибивавшій зарядъ и не успѣвшій отнять руки, когда зарядъ вылетѣлъ; обѣ руки были оторваны.

Графъ Сухтеленъ жилъ и умеръ въ домѣ Тимашева, что противъ Вознесенской церкви. Хоронили его съ особенною пышностью: въ парадѣ были войска всѣхъ родовъ оружія, стрѣляли изъ пушекъ и ружей; предъ Шапошниковской богадѣльней было пустое мѣсто и на немъ стояла артиллерія; выстрѣлами побило много стеколъ въ домахъ.

Сухтеленъ былъ положенъ въ оградѣ Петропавловской церкви. Гробъ везли народомъ, пожелавшимъ отдать честь любимому начальнику.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ гробъ былъ увезенъ его дочерью въ родовой склепъ; на могилѣ остался одинъ па-

мятникъ въ видѣ скалы изъ гребенского камня съ вызолоченною доскою о времени кончины покойника. *) Въ 1835 г. или позже доска была украдена; вѣроятно, воръ полагалъ, что она цѣнная.

Лѣтомъ графъ Сухтеленъ жилъ въ саду, гдѣ нынѣ архіерейскій дворъ. Самый садъ въ то время былъ много лучше. Для работъ въ немъ назначались башкиры, а для караула зимою урядникъ и казаки.

Въ праздники бывали фейерверки за Ураломъ въ въ рощѣ; тамъ же бывала музыка и пѣсенники.

Вечеромъ въ торжественные дни ставили на окнахъ зажженные свѣчи, но не далѣе 10 часовъ, а въ отдаленныхъ частяхъ гасились раньше. Плошками иллюминировались рѣдкіе дома: казенные или самыхъ богатыхъ людей.

*) По другимъ свѣдѣніямъ прахъ Сухтелена не былъ потревоженъ и похороненъ на мѣстѣ первоначальнаго его погребенія. См. статью С. Н. Севастьянова въ IX вып. «Трудовъ Орнб. Уч. Ар. Ком.» стр. 81. И. С. Шукшяпцевъ.

Графъ В. А. Перовскій
(1833—1842).

VII.

Графъ В. А. Перовскій.

(1833—1842).

Послѣ смерти Сухтелена военнымъ губернаторомъ и командиромъ корпуса былъ назначенъ генераль-адъютантъ Головинъ, не пріѣзжавшій сюда и получившій назначеніе на Кавказъ, а въ Оренбургъ прибылъ генераль-адъютантъ, генераль-маіоръ Василій Алексѣевичъ Перовскій.

Въ Оренбургѣ былъ много старшій его по службѣ начальникъ 18-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенантъ Жемчужниковъ, долгое время здѣсь служившій; онъ въ порядкѣ подчиненности долженъ былъ поступить подъ начальство младшаго и совсѣмъ молодого генерала Перовскаго, которому было 36—38 лѣтъ.

Перовскій всецѣло слѣдовалъ высочайше одобреннымъ предположеніямъ графа Сухтелена и стремился всѣми мѣрами къ тому, чтобы скорѣе и безъ особой помощи привести ихъ въ исполненіе. При самомъ вступленіи

въ должность онъ озаботился привлечь себѣ сотрудниковъ молодыхъ, даровитыхъ и хорошо образованныхъ, а все, что не подходило подъ эти условія, получало отставку: начальникъ корпуснаго штаба генераль-маіоръ Мистровъ, дежурный штабъ-офицеръ Матернъ были замѣнены первый полковникомъ генеральнаго штаба Рокосовскимъ, а Матернъ другимъ.

Генераль Дренякинъ, имѣвшій квартиру въ крѣпости Кизильской, выслужилъ 20 лѣтъ въ нижнемъ чинѣ, получилъ знакъ св. Анны за безпорочную службу, потомъ уже чинъ прапорщика и дослужился до генераль-маіора по гарнизону и бригаднаго командира. Говорятъ онъ былъ прежде кузнецъ и хорошій хозяинъ. Съ увольненіемъ въ отставку онъ отправилъ на родину, въ Тамбовскую губернію, на 150 подводахъ собственныхъ лошадей разнаго имущества, включая сюда кадки соленого бараньяго мяса, приготовленнаго въ прокъ для двора. Два родные брата его, служившіе при императорѣ Павлѣ въ гвардіи, тоже были генералы и, сверхъ того, пожалованы помѣстьями.

Бригадные командиры на линіи, сверхъ прямыхъ обязанностей по сей должности, были начальниками кордонной стражи, высылавшейся на лѣтнее время для охраны линіи отъ набѣговъ киргизъ. Имъ поручали и другія дѣла, возникавшія у башкиръ и киргизъ, и отъ всего они извлекали доходы. Со вступленіемъ Перовскаго два бригадныхъ генерала и почти всѣ коменданты линейныхъ крѣпостей, за исключеніемъ Орска и Илецкой защиты, были упразднены. Четыре линейныхъ баталіона солдатъ обращены въ казаковъ. Оренбургская пограничная комиссія въ лицѣ новаго предсѣдателя, полковника, а потомъ генераль-маіора Генса, получила умнаго, энергичнаго и достаточно ознакомившагося съ краемъ началь-

ника. Генсъ все время пользовался уваженіемъ Перовскаго.

Башкирскій народъ, имѣвшій своихъ кантонныхъ начальниковъ и подчиненный земскимъ исправникамъ, получилъ отдѣльное управленіе по образцу казачьяго, такъ какъ обязанности его заключались въ отправленіи военной службы вмѣстѣ съ казаками. Начальникъ ихъ былъ названъ командующимъ башкирскимъ войскамъ и пребываніе его назначено въ Оренбургъ.

Какъ я уже говорилъ, въ Оренбургъ на высшія должности назначались старики генералы, служба которыхъ въ арміи являлась бесполезной. Генералъ-маіоръ Гельдъ, при назначеніи Перовскаго, командовалъ Оренбургскимъ казачьимъ войскомъ. О военныхъ дарованіяхъ его и заслугахъ его мало извѣстно, а неспособность свою онъ проявилъ на первыхъ порахъ.

Въ войскѣ въ 1835 г, вводилась общественная заплата для обезпеченія народнаго продовольствія. Эта благая по основанію мѣра, требовавшая обязательнаго труда, не была разъяснена казакамъ какъ слѣдуетъ. Казаки видѣли въ ней что-то новое, напоминавшее барщину, не повѣрили, чтобы государь требовалъ отъ нихъ сверхъ службы еще обязательной работы, отказались повиноваться и сѣять хлѣбъ. Замѣчательно, что отказы начались съ ближайшихъ къ Оренбургу станицъ, кажется, Чернорѣченской. Станичный начальникъ донесъ кантонному начальнику, жившему въ крѣпости Нижнеозерной; тотъ послалъ свое донесеніе обратнымъ путемъ въ войсковую канцелярію. Пока тамъ судили и рядили, что дѣлать, прошло болѣе недѣли; наконецъ рѣшено было довести военному губернатору. Перовскій получилъ рапортъ и его взорвала медленность и неумѣлость потушить дѣло въ самомъ началѣ. Тотчасъ же приказалъ онъ гото-

вить экипажъ къ отъѣзду, одному изъ баталіоновъ, расположенныхъ въ Оренбургѣ, слѣдовать за нимъ въ Чернорѣченскую крѣпость, гдѣ получить письменное приказаніе. Проѣздомъ черезъ Оренбургъ Перовскій заѣхалъ на квартиру генерала Гельда, котораго засталъ потерявшимся и ничего не предпринимавшимъ для подавленія волненія. Перовскій на слова генерала, что казаки не слушаются и бунтуютъ, отвѣтилъ, что онъ заѣхалъ къ нему для того, чтобы сказать ему, что онъ не генераль, а Запашка введена была съ принятіемъ крутыхъ мѣръ: шпицрутены и плети, отдача въ солдаты и выселеніе на болѣе отдаленныя мѣста (станции Новоорская и Кумацкая образовались изъ непокорныхъ казаковъ) укротили непокорныхъ.—Генераль Гельдъ былъ переведенъ на мѣсто коменданта въ Оренбургѣ, а командующимъ Оренбургскимъ войскамъ назначенъ генераль-майоръ Щуцкій, человѣкъ крутой, строгій, требовательный, ничего не спускавшій, а съ нижними чинами жестокій. Когда онъ ѣздилъ по войску, казаки трепетали. Розги и нагайки были въ постоянномъ ходу. Какъ администраторъ, Щуцкій ничѣмъ себя не заявилъ и Перовскій, убѣдившись въ малоспособности казачьихъ дѣятелей, ихъ безтолковости, важнѣйшія дѣла въ войскѣ, а именно: общественную запашку, заведеніе новой линіи отъ Орска до станицъ на р. Уѣ и всѣ подготовительныя мѣры къ переселенію казаковъ изъ внутреннихъ станицъ на новую линію велъ непосредственно отъ себя чрезъ особливо образованныя учрежденія.

Дѣлами общественной запашки первое время управлялъ инженеръ-капитанъ Агапьевъ, имѣвшій у себя и другія дѣла по хозяйственнымъ постройкамъ казенныхъ зданій въ Оренбургѣ, для чего въ его распоряженіи была большая команда рабочихъ башкиръ. Агапьевъ на свою

часть изъ урожая хлѣба, поступавшаго въ казну на довольствіе войскъ, получалъ отъ 10 до 12 тыс. руб. асс.; не довольствуясь такимъ громаднымъ содержаніемъ, онъ извлекалъ выгоды изъ употребленія башкиръ на работу по постройкѣ себѣ дома, для котораго пользовался казенными матеріалами.

Перовскій, узнавъ объ этомъ, лишилъ его своего довѣрія безъ особой огласки, а когда Агапьевъ пришелъ благодарить его за высокую по тогдашнему времени награду, орденъ св. Станислава на шею, Перовскій сказалъ ему, что онъ подлець и долженъ благодарить не за награду, которой не заслужилъ, а за то, что ошибся въ немъ, считая его честнымъ человѣкомъ, когда въ душѣ онъ былъ всегда подлецомъ, а потомъ въ приказѣ опубликовалъ всѣ его дѣйствія.

Общественная запашка впервые была введена въ селеніяхъ удѣльныхъ крестьянъ, откуда, нѣтъ сомнѣнія, она взята и примѣнена къ Оренбургскимъ казакамъ. Въ какихъ видахъ и въ какомъ размѣрѣ сѣяли хлѣбъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ не извѣстно; для учрежденія сего издававшіяся правила не опубликовывались; но какъ вѣдомство удѣловъ во всемъ считалось образцовымъ, то и было предположено подчинить его управленію башкиръ. Братъ генерала Перовскаго, Левъ Алексѣевичъ, состоялъ товарищемъ министра двора и удѣловъ, и отъ него могли быть заимствованы необходимыя указанія.

Изъ сего должно вывести заключеніе, что Оренбургскій военный губернаторъ желалъ кое-что изъ новыхъ порядковъ примѣнить къ казакамъ и былъ увѣренъ въ несомнѣнной пользѣ запашки у казаковъ. Составителемъ проекта былъ капитанъ Агапьевъ и по его проекту, получившему высочайшее утвержденіе, предполагалось: засѣвать ежегодно по одному пуду на каждаго казака,

исполняя всѣ относящіяся сюда работы — распашку, посѣвы, жнитво и молотбу — трудомъ казаковъ. Хлѣбъ въ извѣстномъ количествѣ долженъ былъ поступать для образованія запасовъ на неурожайные года у самихъ казаковъ, а остальная часть урожая подлежала сдачѣ въ казенные провіантскіе магазины на довольствіе войскъ по постоянно опредѣленной цѣнѣ, 25 или 26 коп. за пудъ. Полученныя деньги распредѣлялись въ процентномъ отношеніи въ денежный запасный продовольственный капиталъ, въ награду лицамъ, наблюдавшимъ на мѣстѣ за работами, и служащимъ въ центральномъ управленіи по запашкѣ, каковое было при канцеляріи губернатора отдѣльное, не входившее въ общій составъ.

Завѣдывали симъ отдѣленіемъ лица по назначенію военнаго губернатора изъ людей, пользовавшихся его довѣріемъ; остальные служащіе были писаря изъ казачьихъ урядниковъ.

Кромѣ намѣченной цѣли — обезпеченія казачьяго населенія въ неурожайные годы — имѣлось въ виду усилить войсковой казачій капиталъ, тогда почти не существовавшій, но необходимый для преобразованія войска.

Хлѣбъ предполагалось продавать киргизамъ по уменьшенной цѣнѣ, чтобы подорвать начавшіеся у нихъ посѣвы, угрожавшіе въ недалекомъ будущемъ хлѣбопашеству казаковъ и опасному въ политическомъ отношеніи: киргизы, заведя свои посѣвы, могли перейти въ независимое отъ русскихъ положеніе и плотнѣе общиться съ Хивою и Бухарою, имъ единовѣрными.

Неудача въ самомъ началѣ испортила дѣло. Ни простые казаки, ни ближайшее начальство не были убѣждены въ пользѣ запашекъ, видѣли въ нихъ одно обремененіе, выгодами же пользовались одни наблюдавшіе за работами, и запашка, по общему мнѣнію, считалась бар-

щиною, усилить которую, увеличить трудъ казаковъ въ-слѣдствіи зависѣло отъ начальства. Казаки не вѣрили, чтобы на это была воля государя, которому они служатъ во всемъ на своемъ содержаніи, а тутъ еще отъ нихъ требуютъ трудъ для наградъ наблюдающихъ.

Посѣять одинъ пудъ не требуетъ много времени, но на самомъ дѣлѣ было не то: въ семьѣ два—три казака, изъ нихъ одинъ на службѣ внѣ дома, отецъ старикъ, и одному работнику посѣять и убрать три пуда дѣло не легкое, ибо при усиленныхъ работахъ требовалось на это до двухъ недѣль, которыя нужно было взять въ дорогое время и въ ущербъ своему хозяйству.

При строгомъ требованіи начальства въ наблюдающіе избирались самые строгіе люди. Они, видя свой интересъ въ своевременной работѣ, прибѣгали къ палкѣ, плети, когда кого замѣчали нерадивымъ. Отчисленіе на долю наблюдающихъ доходило до довольно хорошаго вознагражденія—900 руб. асс. въ годъ; двумъ помощникамъ въ половинномъ размѣрѣ.

Въ первые года, пока Перовскій былъ губернаторомъ, запашка шла удовлетворительно, но съ 1839 года дѣла начали клониться къ упадку; въ этотъ годъ былъ сильный неурожай, и запашка ничего не могла дать. Черезъ годъ начались переселенія казаковъ изъ внутреннихъ станицъ на линію и запашка не могла производиться всѣмъ населеніемъ, а въ 1842 г. вмѣсто Перовскаго назначенъ былъ генералъ Обручевъ, съ первыхъ дней не сочувствовавшій многимъ проектамъ своего предмѣстника, а общественной запашкѣ въ особенности. Переселившіеся на линію казаки внутреннихъ станицъ, въ которыхъ сильно укоренилось отвращеніе отъ сего дѣла, передали это отвращеніе на новомъ мѣстѣ своимъ товарищамъ. Запашка ни въ комъ не находила сочувствія. Обручевъ

прекратилъ выдачи наградъ, упразднилъ существовавшее при его канцеляріи особое отдѣленіе, передавъ все дѣло на попеченіе войскового правленія, требуя однихъ отчетовъ. Запашка на дѣлѣ продолжалась, хлѣбъ сѣяли на плохо вспаханной землѣ и послѣ собственнаго казачьяго посѣва, и если родилось что-нибудь, убирали тоже по окончаніи своихъ работъ, вслѣдствіе чего хлѣба получалось очень мало. Все это повело къ ходатайству о прекращеніи запашки. Ко вторичному вступленію Перовскаго въ управленіе краемъ дѣло было рассмотрѣно въ министерствѣ и продолженіе его будетъ объяснено въ своемъ мѣстѣ.

Перовскій, желая изыскать положительные источники войсковыхъ доходовъ, ходатайствовалъ о дарованіи войску права на нѣдра земли и какъ по мѣстному положенію болѣе всего на казачьихъ земляхъ могла развиваться золотопромышленность, то просилъ объ отпускѣ изъ казны 150 т. руб. ас., или 43 т. р. по настоящему счету. Право это даровано въ 1835 г.; войско получаетъ вышеуказанную сумму, оставивъ за казною право распоряжаться допускомъ частныхъ лицъ къ разработкѣ золотовосныхъ розсыпей.

Первое время не было предпринимателей, казаки ничего не получали и министерство финансовъ высказалось за прекращеніе отпусковъ. Въ 1842—45 гг. явился предприниматель, казачій офицеръ Колбинъ, открывшій золото, и съ того времени промышленность эта развилась: золота добывается до 100 пудовъ въ годъ, а нынѣ найдено жильное золото въ Качкарской системѣ.

Неблагородные металлы и минералы войску предоставлено право отдавать въ арендное содержаніе особымъ закономъ, испрошеннымъ по представленію графа Перовскаго въ 1853—55 г., но до сего времени такихъ отдачъ

не было, но несомнѣнно, что рудныя богатства находятся въ нѣдрахъ войсковыхъ земель.

Естественныя богатства на башкирскихъ земляхъ были въ рукахъ частныхъ промышленниковъ, которые получали большія выгоды въ свою пользу, платя ничтожную арендную сумму и нанимая въ работу ихъ же за низкое вознагражденіе.

Народъ этотъ имѣлъ своихъ кантонныхъ начальниковъ и старшинъ, жившихъ на его счетъ и взятками обогащавшихся, — жалованье платить было не изъ чего.

Графъ Сухтеленъ обратилъ на это вниманіе и установилъ взимать особыя пошлыны съ частныхъ лѣсопромышленниковъ, заготовлявшихъ въ башкирскихъ лѣсахъ бревна, дрова и другія издѣлія, опредѣливъ самый размѣръ, сколько хозяинъ можетъ продать въ годъ, и съ тѣмъ условіемъ, чтобы продажа производилась на базарахъ, куда лѣсные матеріалы должны вывозиться гужомъ, а отнюдь не сплавомъ.

Закономъ, изданнымъ въ 1833 г., о продажѣ башкирскихъ земель постановлено третью часть договорной суммы обращать въ общественный капиталъ; тоже самое должно было соблюдаться при отдачѣ земель въ кортому. Такимъ образомъ положено было основаніе башкирскимъ капиталамъ, достигшимъ впослѣдствіи значительныхъ размѣровъ.

Правила эти произвели коренную реформу. Частныя лица не могли безъ общаго согласія вотчинниковъ-владѣльцевъ земли брать послѣднія съ нѣсколькими вліятельными хозяевами и эксплуатировать башкирскія угодья; для этого нужно было письменное согласіе вотчинниковъ, изложенное въ приговорѣ, утвержденіе приговора военнымъ губернаторомъ и заключеніе форменнаго контракта. Продѣлать всю эту процедуру требовалось много времени

и большихъ расходовъ въ раздачѣ на руки башкирамъ карманныхъ денегъ, на подарки кантоннымъ начальникамъ, старшинамъ, безъ содѣйствія которыхъ дѣло не могло осуществиться, а когда не получалось утвержденія приговора, то всѣ расходы пропадали, искать было не съ кого, такъ какъ башкиры расписокъ не давали. Такимъ образомъ изъ башкирскихъ лѣсовъ были изгнаны даже такіе промышленники, контракты которыхъ составлялись съ согласія вотчинниковъ, но являлось какое либо нарушение. Предъявлять иски сами башкиры не могли; за нихъ ходатайствовали ихъ стряпчіе по предписанію начальства, а послѣднее прямо предписывало изгонять промышленниковъ простымъ распоряженіемъ земской полиціи, которая не могла ослушаться приказанія военного губернатора.

Изъ такого положенія дѣла Перовскій находилъ возможнымъ извлечь доходъ въ общую пользу башкиръ, края и на другія потребности. Заведены были три поташныхъ завода, на которые лѣсъ доставлялся башкирами изъ ихъ дачъ за опредѣленную плату, передѣлывался въ шадрикъ, а потомъ въ поташъ, который отправлялся на баркахъ для продажи въ Нижній Новгородъ, куда ѣздили особый чиновникъ, специально занимавшійся этимъ дѣломъ, стряпчій Королевъ. Ежегодный доходъ достигалъ до 100 т. руб. по тогдашнему счету. Изъ этого капитала львиная доля уходила на награды служившимъ при Перовскомъ: командующій башкирскимъ войскомъ Цюлковскій и Балкашинъ получали по 10 т. руб. въ годъ, что при тогдашнемъ скудномъ содержаніи давало возможность жить на широкую ногу.

Наблюдавшіе на мѣстѣ довольствовались небольшими окладами, но и они также умѣли найти свои доходы: зола отъ башкиръ принималась вмѣсто пуда съ добавкою

10 фунтовъ; мочала, ободья и другія мелкія издѣлія браковались и бракъ принимался по низкой цѣнѣ.

Со вступленіемъ Обручева поташные заводы существовали не болѣе года и были имъ закрыты.

Въ другомъ видѣ доходъ отъ лѣсовъ получался въ самомъ Оренбургѣ, который всегда пользовался строевымъ лѣсомъ и дровами изъ Башкиріи. По ходатайству Перовскаго послѣдовало Высочайшее повелѣніе покупать у башкиръ лѣса, рубить на мѣстахъ по вольной цѣнѣ, а сплавъ производить по рр. Уралу и Сакмарѣ до Оренбурга башкирами, наряжавшимися для сего на службу, какъ и другія рабочія команды. По введеніи такого порядка дрова на отопленіе казенныхъ зданій доставлялись по самой низкой цѣнѣ—отъ 1 руб. 50 к. до 3 р. 50 к. за 3 хполѣнную сажень по нынѣшнимъ цѣнамъ; по такой же низкой расцѣнкѣ были и бревна для казенныхъ работъ. Въ заготовленіи лѣсъ обходился нѣсколько дороже и доплата разности относилась на частныхъ лицъ, которымъ лѣсъ продавался по довольно возвышенной цѣнѣ. Лѣсной операціей завѣдывало особое хозяйственное управленіе по заготовленію строительныхъ матеріаловъ, а другое, тоже хозяйственное отдѣленіе, вѣдало приготовленіе строительнаго камня, извести, кирпича, которые тоже приготовлялись башкирскими рабочими командами, содержащимися на счетъ своихъ обществъ, а за работу получавшими плату по низкой цѣнѣ: 5 1/2 к. пѣшему и 11 коп. конному за урокъ по урочному положенію, которое на столько было низко, что за дневную работу конный получалъ 5 коп., а пѣшій 2 коп.

Обоими отдѣленіями первое время завѣдывалъ инженеръ-полковникъ Тафаевъ, а впослѣдствіи въ первомъ были чиновники особыхъ порученій губернатора, а въ послѣднемъ инженерные офицеры.

Доходы отъ этихъ операцій были значительные, состояли въ полномъ распоряженіи Перовскаго и дали ему возможность увеличить составъ управленія главнаго начальника края. Въ его личномъ штатѣ было много лицъ образованнаго класса и извѣстныхъ фамилій. Личные его адъютанты были всѣ молодые гвардейскіе офицеры: Капустовъ, Челябинъ, Габбе, Виткевичъ, не оправдавшій себя въ политическомъ отношеніи и кончившій жизнь самоубійствомъ *). Изъ гражданскихъ чиновниковъ были братья Ханыковы, Даль, въ литературѣ «Казакъ Луганскій», — все извѣстные имена.

Весь этотъ кружокъ, со включеніемъ лицъ, занимавшихъ высшія должности, составлялъ интеллигенцію. Жизнь этого кружка была отраженіемъ жизни высшаго столичнаго общества и благотворно дѣйствовала на средній классъ.

Оренбургъ въ то время стоялъ далеко выше губернскаго города Уфы, въ которомъ богатые мѣстные помѣщики вовсе не жили, аристократію составляли председатели и совѣтники различныхъ палатъ, выслужившіеся изъ канцелярскихъ чиновниковъ; къ нимъ принадлежали нерѣдко вице-губернаторы, и самъ губернаторъ, если онъ былъ образованный человѣкъ, терялся между ними.

Перовскій въ первое время управленія оставался въ Оренбургѣ и много разнообразилъ общественную жизнь: на Пасху происходила борьба и скачки; призы Перовскій выдавалъ отъ себя хотя и не дорогіе, но въ общемъ на довольно значительную сумму; потомъ большія скачки бывали лѣтомъ около горы Сулака, въ 10 и 12 в. отъ

*) О немъ см. нашу статью «Дѣло о полякахъ въ Оренбургѣ 1833 г.» въ «Русскомъ Архивѣ» за 1902 г., стр. 661.

И. С. Шукшинцевъ.

Общій видъ Караванъ-Сарая.

Мечеть въ Караванъ-Сараѣ.

Оренбурга, и наконецъ для привлеченія къ себѣ народа Перовскій въ праздники, проѣзжая верхомъ подъ качелями и казачьемъ форштадтѣ, кидалъ въ толпу мелкія серебряныя деньги.

Перовскій нерѣдко посѣщалъ церкви, но чаще бывалъ въ Вознесенской, какъ самой ближайшей къ его квартирѣ. При выходѣ изъ церкви давалъ одному изъ молившихся купцовъ горсть мелкихъ серебряныхъ денегъ для раздачи нищимъ. Порядка этого Перовскій не измѣнялъ и при вторичномъ управленіи краемъ. Я самъ видѣлъ эту подачку въ церкви Петра и Павла. Вообще на раздачу народу денегъ Перовскій былъ очень щедръ. Послѣ него Катенинъ тоже не былъ скупъ на подачки за простую услугу, но милостыни нищимъ открыто никто изъ генераль-губернаторовъ не давалъ.

Изъ прибылей по торговлѣ мѣстными товарами составилъ такъ называемый экономическій капиталъ, состоявшій въ полномъ распоряженіи главныхъ начальниковъ края.

Перовскій въ первое управленіе построилъ караванъ-сарай, занятый нынѣ губернскимъ правленіемъ и квартирою губернатора; домъ, занятый нынѣ реальнымъ училищемъ, ко времени увольненія Перовскаго не былъ вполне отстроенъ, предполагался онъ для особаго назначенія, но по ходатайству генерала Обручева занятъ былъ 2-мъ эскадрономъ Неплюевского кадетскаго корпуса, а потомъ уже переданъ въ министерство народнаго просвѣщенія: въ немъ сначала помѣщался учительскій институтъ, замѣненный реальнымъ училищемъ. При немъ же выстроено дворянское собраніе, существовавшее подъ этимъ названіемъ до 1879 г.; въ этомъ году во время сильнаго пожара, уничтожившаго большую половину города, зданіе сильно пострадало; на ремонтъ его мѣстныхъ

средствъ не было и по распоряженію генераль-губернатора Крыжановскаго оно было передано городу и названо общественнымъ; поправка его произведена городомъ на долгосрочную ссуду, взятую изъ банка. Хотя оно носить названіе общественнаго собранія, но по прежнему служить для интеллигентовъ — чиновниковъ, а кушцы устроили свое коммерческое собраніе, для котораго занимаютъ частные дома.

Зданіе общественнаго собранія можно бы возвратить дворянству, но губернскій предводитель Шоттъ по недостатку у дворянъ средствъ и въ виду дѣла о раздѣлѣ общаго дворянскаго имущества между оренбургскимъ и уфимскимъ дворянствомъ нигдѣ не просилъ объ этомъ, а въ мое предводительство дворяне желали вернуть себѣ это зданіе, но такъ какъ оно юридически принадлежитъ городскому обществу и управляется старшинами, то послѣдніе не согласились на передачу и даже не прислали отвѣта на мое предложеніе объ условіяхъ.

Лѣсные доходы, кромѣ построекъ, расходовались и на другіе предметы по непосредственному усмотрѣнію начальника края. Прибылей было много въ управленіе Перовскаго, когда существовали особенно выгодные поташные заводы. Въ это время выдавались награды, пособія чиновникамъ, усиливалось содержаніе другихъ изъ нихъ. Перовскій на экстраординарные расходы получалъ изъ казны всего 10 т. руб. ас. въ годъ, расходовъ же у него было много: строилъ себѣ на кочевкѣ дворецъ, лѣтнія помѣщенія, имѣлъ большой штатъ служащихъ, жившихъ съ нимъ вмѣстѣ и на его счетъ. Для пособій обращавшимся къ нему бѣднымъ не было спеціальныхъ средствъ; для этого онъ изыскалъ мѣстные источники, покрывавшіе его дополнительные расходы.

Въ настоящее время начальники не могутъ собирать

Общественное собраніе.

Бывшая канцелярія Генераль-Губернаторовъ
нынѣ контрольная палата.

неуказанныхъ въ законѣ доходовъ, но въ то время не видѣли въ этомъ правснарушенія, и самъ Перовскій со спокойною совѣстью расходовалъ деньги, получавшіяся за труды башкиръ.

Тѣхъ точно опредѣленныхъ правъ, какія впослѣдствіи даны были Оренбургскимъ генераль-губернаторамъ, Перовскій не имѣлъ, строилъ и заводилъ, что находилъ полезнымъ, по своему усмотрѣнію, расходы производилъ и на такіе предметы, которые никакъ не могли относиться на общественный счетъ. Живя на кочевкѣ среди башкиръ, онъ изображалъ изъ себя полновластнаго царскаго намѣстника; въ жизни его и его штата являлись излишества: устраивались для башкиръ праздники, скачки, угощенія для привлеченія башкиръ къ русскому правительству, ибо они видѣли заботливость о нихъ, а не то приниженіе, какое было прежде и послѣ Перовскаго.

При немъ были учреждены два общественныхъ завода. Пчельный*) для ознакомленія башкиръ съ новыми, улучшенными приемами пчеловодства, для чего посылались малолѣтки въ школу пчеловодства въ Черниговскую губернію къ извѣстному пчеловоду Прокоповичу. Но изъ этой затѣи ничего не вышло: башкиры остались при своемъ способѣ пчеловодства въ бортихъ и въ выставныхъ комедахъ. Заводъ, не окупавшій себя, былъ закрытъ.

Другой заводъ — конскій былъ основанъ въ Оренбургскомъ уѣздѣ при деревнѣ Ислягуловой, на рѣчкѣ Ташлѣ при впаденіи ея въ р. Икъ. Производители даны были съ государственныхъ заводовъ, а матки — пожертвованы богатыми башкирами.

* Въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ на арендованной у башкиръ землѣ.

Улучшенной породы лошадей заводъ не далъ: жеребцы въ послѣднее время давались башкирамъ, не имѣвшихъ собственныхъ матокъ; хозяева обязывались не употреблять полученныхъ жеребцовъ въ работу, а на самомъ дѣлѣ этого не исполняли, кормили ихъ плохо, и жеребцы вскорѣ обезсиливали. Съ упраздненіемъ военнаго управленія заводъ былъ взятъ въ казну, на содержаніе его расходовалось много денегъ, въ 70 г.г. онъ былъ закрытъ.

Перовскимъ въ первое его управленіе краемъ были предпринимаемы на экономическія суммы, бывшія въ его распоряженіи, и другія полезныя предпріятія. Въ 1835 г. начать водопроводъ въ Оренбургѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ на берегу р. Урала, гдѣ онъ и теперь существуетъ. Вода шла въ бассейнъ на городской площади, существующій и нынѣ, но въ дома не была пущена; брали ее бочками бесплатно. Дрова для отопленія водокачки отпускались даромъ изъ хозяйственнаго заготовленія. Устраивалъ водопроводъ англичанинъ или нѣмецъ.*) Говорили, что онъ офицеръ, получалъ большое по тогдашнему времени жалованье—5 т. руб. ас.

Водопроводъ былъ неудовлетворителенъ, а генералъ Обручевъ мало отпускалъ на него казенныхъ дровъ, заготовленіе которыхъ и при немъ продолжалось.

Перовскій по образу своей жизни, щедрости, съ какою онъ сыпалъ деньгами на такіе расходы, которые не позволяли себѣ дѣлать ни одинъ изъ его преемниковъ, стоялъ выше всѣхъ прочихъ бывшихъ главныхъ начальниковъ края, привлекъ къ себѣ въ сотрудники людей

*) Объ этомъ см. статью А. П. Гра «Первая попытка устройства въ г. Оренбургѣ водопровода» въ XI вып. «Трудовъ Оренб. Учен. Архив. Ком.», стр. 49.

И. С. Шукшинцевъ.

талантливыхъ изъ служащихъ при немъ, давалъ имъ денежныя награды, но никто не зналъ, откуда онъ почерпаетъ нужныя ему суммы.

Гостей онъ постоянно принималъ съ полнымъ радушиемъ и хлѣбосольствомъ. Извѣстные путешественники, какъ напр. въ 1840 г. Мурчисонъ, находили у него привѣтъ, покровительство и полное содѣйствіе.

Башкирія съ ея Уральскими горами и кочевые ея жители-скотоводы, тогда довольно состоятельныя, привлекали сюда людей достаточныхъ, желавшихъ пожить лѣто на лонѣ природы, пить кумысъ, видѣть для нихъ новую жизнь, другой народъ, изобиліе воды въ ключахъ и мелкихъ рѣчкахъ, большіе лѣса, богатства разнаго рода дичи и охоты, о которыхъ во внутреннихъ губерніяхъ не могли имѣть понятія.

Въ 1841 г., послѣдній годъ его перваго управленія, на кочевкѣ у Перовскаго были извѣстныя по своему общественному положенію лица—графъ Алексѣй Толстой (извѣстный писатель и племянникъ Перовскаго по родной его сестрѣ), камергеръ Скарятинъ и другія лица въ числѣ 10 или болѣе человѣкъ.

Съ лѣтней кочевки на рч. Белгушъ лица эти отправлялись, подъ прикрытіемъ башкиръ, за р. Уралъ для охоты за сайгаками на киргизскую сторону, гдѣ тогда водились табуны этихъ животныхъ.*).

Содержаніе гостей, охрана ихъ изъ башкиръ, награды послѣднимъ требовали болшихъ расходовъ и Перовскій удовлетворялъ ихъ изъ собственныхъ средствъ.

*) Теперь въ предѣлахъ Оренбургской губерніи сайгакъ встрѣчается случайно (забѣгомъ); въ наиболѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ Уральской и Тургайской областей встрѣчается хотя и чаще, но вообще это довольно рѣдкій и для охотника цѣнный звѣрь.

И. С. Шукшинецъ.

Управляя хорошо, установивъ спокойствіе и порядокъ въ краѣ, Перовскій исполнѣ былъ увѣренъ въ дальнѣйшемъ благополучіи, которое ему сулило все окружающее, а главное полное довѣріе императора Николая Павловича, и по сему естественно стремленіе къ имени администратора прибавить славу завоевателя, но здѣсь оказалась его несостоятельность. Авторъ идеи, обсудивъ и обдумавъ исполненіе ея въ теоріи, передалъ исполненіе въ руки другихъ, которые занимались имъ подѣ его наблюденіемъ. Въ честности окружающихъ его нельзя было сомнѣваться, но онъ не зналъ своихъ помощниковъ съ той стороны, которая открылась на дѣлѣ. Простая или умышленная ошибка разрушила впоследствии все дѣло. Во время никто ничего не видѣлъ, а можетъ быть нѣкоторые и замѣчали, но не говорили, потому что Перовскій не любилъ противорѣчій и указаній, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ его проектовъ кончились неудачно. Больше всего неудача отразилась на хивинскомъ походѣ 1839 г., когда отрядъ, собранный изъ лучшихъ войскъ для разгромленія Хивы, не пошелъ въ степи далѣе Эмбы, гдѣ зимовалъ и обезсилилъ себя потерей людей отъ болѣзни, весною возвратился съ безславіемъ въ предѣлы Россіи не только ничего не достигнувъ, но показавъ кочевникамъ слабость силъ русскихъ.

Одна изъ главныхъ *причинъ неудачи* заключалась въ томъ, что снаряженіе отряда всѣмъ необходимымъ Перовскій предоставилъ въ полное распоряженіе генераль-маіора Цюлковскаго, прибывшаго сюда съ генераломъ Эсеномъ капитаномъ и дослужившагося здѣсь до высокаго чина и нарочно для него учрежденной должности командующаго башкирскимъ и мещерякскимъ войскомъ. Цюлковскій въ концѣ 20 г.г. два раза ѣздилъ въ Бухару. Первый разъ съ купеческимъ караваномъ зимою; съ

той же рѣки Эмбы караванъ, вслѣдствіе постоянныхъ нападеній киргизъ и хивинцевъ, вернулся на линію. Другой разъ—въ отрядѣ полковника Берга (впослѣдствіи генералъ-фельдмаршала и намѣстника царства Польскаго), имѣвшаго дипломатическое порученіе къ Бухарскому Эмиру. Цюлковскій почему-то рассчитывалъ, что за Эмбой климатъ мягче, морозовъ не бываетъ, а просто холодная погода, которую русскіе вынесутъ легко, и во всякомъ случаѣ люди легче вынесутъ холодъ, чѣмъ удушливые жары, и не такъ утомятся зимою при переходахъ по снѣгу, какъ лѣтомъ, когда придется итти по колѣно въ сыпучихъ пескахъ и при засыпающей глаза, ротъ, уши и стѣсняющей дыханіе людей и животныхъ пыли, а также при недостаткѣ воды.

Въ этихъ соображеніяхъ теплая одежда солдатъ приготовлена была изъ матеріала плохого качества. Вмѣсто мѣховыхъ полушубковъ верхняя одежда была сдѣлана на подкладкѣ изъ джебаги*), покрытой холстиной; сапоги съ укороченными голенищами, а чулки изъ кислой шерсти, получаемой при выдѣлкѣ овчинъ. Все это было сдѣлано по подряду весьма дурно, не прочно, и при первомъ осмотрѣ можно было видѣть, что въ такой одеждѣ люди не дойдутъ и до половины пути, что и случилось на самомъ дѣлѣ. Пальто на джебагѣ, не всегда приходившіяся въ пору, рвались, джебага отваливалась, а покрывка изъ холста, если и держалась нѣсколько долѣе, то никакъ не защищала отъ холода и не согрѣвала солдата. Чулки

* Джебагой называется шерсть, снимаемая съ овецъ весною и свалившаяся на самомъ животномъ. Джебага въ то время стоила очень дешево; ее употребляли бѣдные люди на стеганки, или короткія куртки, простегивая вѣстѣ съ холстомъ, и носили зимою сверхъ другой одежды при мокромъ снѣгѣ; она же шла на подстилку въ собачьихъ конурахъ зимою.

изъ кислой шерсти послѣ недѣльной носки дѣлались ни къ чему негоднымъ; какъ не обертывалъ солдатъ ноги, онѣ все зябли, а съ наступленіемъ морозовъ обмораживались; къ тому же и сапоги лопались по швамъ, такъ какъ голенища были не цѣльные, а сшивная изъ нѣсколькихъ кусковъ.

Обозъ, везенный на верблюдахъ въ тюкахъ, былъ сущимъ наказаніемъ для отряда. Верблюды ходятъ не рядами, а веревкою, одинъ за другимъ; масса въ десятки тысячъ головъ растягивалась на десятки верстъ, требовалась охрана отъ нападенія непріятеля. По приходѣ на ночлегъ нужно было съ каждого верблюда снять выюкъ, очистить до земли мѣсто для лежанія животнаго; на все это требовалось нѣсколько часовъ, столько же при поднятій отряда въ путь, такъ что люди едва успѣвали съѣсть что-нибудь, какъ ихъ поднимали для сбора и укладки выюковъ. Во время пути, если одинъ верблюдъ отъ безсилія падалъ, останавливался весь отрядъ, такъ какъ нужно было животное выводить въ сторону; послѣ нѣкотораго движенія впередъ—снова остановка, и при такомъ порядкѣ войско шло медленно, по 5 или менѣе верстъ въ зимніе короткіе дни.

Люди болѣли, умирали; животныя падали, бросались на мѣстѣ, и при такихъ усиліяхъ отрядъ достигъ Эмбы при урочищѣ Чучка-куль, гдѣ и остановился по изнуренію людей и животныхъ. Морозы въ ту зиму доходили до 30—35°R.

Непріятеля не видали, кромѣ небольшой партіи хивинцевъ, напавшихъ на роту солдатъ и сотню Оренбургскихъ казаковъ подъ начальствомъ капитана Ерофеева; это нападеніе было отбито съ большимъ урономъ для хивинцевъ.

По разсказамъ очевидцевъ Перовскій упалъ духомъ,

видя неудачу, предотвратить которую онъ имѣлъ возможность, не выступая съ мѣста.

Отправились на авось въ полной увѣренности, что русскимъ морозы не страшны, такъ какъ и прежде посылались отряды въ степь, возвращавшіеся иногда поздно осенью въ холода, но забывали, что эти отряды были изъ казаковъ, знавшихъ, куда они идутъ и что нужно взять съ собою, тогда какъ солдатъ долженъ былъ идти въ томъ, что дадутъ.

Едва ли не двѣ трети пѣхоты и кавалеріи погибло въ степи. Менѣе пострадали казаки Уральскаго войска, выступившіе въ составѣ полка исправно снаряженными.

Верблюды, лошади, провіантъ и другой багажъ были брошены, потому что везти было не на чемъ.

Къ этому нужно добавить, что нижніе чины за малѣйшую оплошность были жестоко наказываемы, для чего раздѣляли ихъ до нага и били плетью на сильномъ морозѣ. Общій отзывъ былъ о Цюлковскомъ, какъ о живодерѣ.

Такъ кончилась хивинская экспедиція, которая предполагалась быть грозою для Хивы и въ доказательство этого были задержаны въ Оренбургѣ пріѣхавшіе съ караваномъ хивинскіе купцы въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ. Они содержались, какъ арестанты, въ казенномъ домѣ, нынѣ занимаемомъ тургайскимъ губернаторомъ, а часть ихъ, по недостатку помѣщенія, была отправлена въ другое мѣсто, кажется, въ Бирскъ. Лѣтомъ 1840 г. хивинскій ханъ прислалъ всѣхъ бывшихъ у него въ плѣну русскихъ мужчинъ и женщинъ, всего до 400 человѣкъ, послѣ чего были освобождены хивинскіе купцы. Полагаю, что до половины ихъ умерло въ Оренбургѣ отъ тѣсноты и разныхъ болѣзней.

Неудача хивинскаго похода поселила въ здѣшнихъ

магометанахъ увѣренность, что Хива городъ святой и не можетъ быть взятъ христіанами, о чемъ будто-бы было написано и въ ихъ книгахъ. По этому поводу въ Уральскѣ была сильная драка у казаковъ съ татарами. Атаманъ Кожевниковъ успокоилъ казаковъ тѣмъ, что будетъ другой походъ въ Хиву и что русскіе разгромятъ хивинцевъ. Казаки удовольствовались этимъ увѣреніемъ и успокоились.

Причины враждебныхъ дѣйствій противъ Хивы заключались въ постоянномъ подстрекательствѣ ханомъ нашихъ киргизъ противъ русскихъ, во взаимныхъ барантахъ или грабежахъ, въ незаконномъ сборѣ ханомъ съ киргизъ зякета (подати), а главное держаніе хивинцами въ рабствѣ русскихъ людей, захваченныхъ на линіи, а болѣе на морскомъ рыболовствѣ, гдѣ ихъ ловили туркмены и продавали въ неволю въ Хиву. Трудомъ этихъ несчастныхъ производились всѣ полевые тяжелыя работы. Основаніемъ для возвращенія плѣнниковъ выступало то обстоятельство, что Россія никогда не имѣла войны съ Хивою, а потому и плѣнныхъ не можетъ быть; захваченныхъ разбойниками мирныхъ жителей хивинцы не могли покупать и держать въ неволѣ.

Ханъ на это отвѣчалъ уклончиво и въ 1839 году прислалъ въ Оренбургъ нѣсколько человекъ плѣнниковъ, но всѣхъ отпустить не захотѣлъ. Тогда то и была сформирована вышеописанная экспедиція, которая хотя и не вступала въ военныя дѣйствія съ хивинцами, но все таки имѣла хорошія послѣдствія: ханъ, видя угрозы, выслать плѣнныхъ и съ ними особое посольство, которое тѣзило въ Петербургъ и тамъ были установлены условія мира.

Письменный договоръ возилъ въ Хиву, по повелѣнію государя, полковникъ Данилевскій; отдавъ его въ руки

хану, взялъ отъ него обязательство за подписью хана.

При взятіи русскими Хивы въ 1873 году договоръ этотъ на русскомъ языкѣ нашли во дворцѣ хана среди разнаго ненужнагохлама.

Теперь все измѣнилось: хивинскій ханъ-подданный русскаго государя, генераль-лейтенантъ Оренбургскаго казачьяго войска, носитъ титулъ свѣтлости, въ 1883 г. присутствовалъ на коронаціи Александра III въ Москвѣ. Я обѣдалъ съ нимъ за царскимъ столомъ; между мною и имъ сидѣлъ Московскій генераль-губернаторъ князь Долгорукій, съ которымъ ханъ говорилъ объ измѣнчивости всего въ жизни. Бывшій злой врагъ русскихъ — гость русскаго государя, а я, никогда не думавшій такъ мирно встрѣтиться съ такимъ врагомъ, мирно обѣдалъ съ нимъ за однимъ столомъ.

Говорили, что на хивинскую экспедицію былъ отпущенъ миллионъ рублей по тогдашнему счету, но это далеко не вѣ. Провіантъ и другія принадлежности для похода были доставляемы изъ Оренбурга въ продолженіе лѣта 1839 г. транспортомъ на лошадяхъ въ устроенныя временно въ степи укрѣпленія, какъ этапы будущаго слѣдованія въ Хиву. Для этого былъ усиленный нарядъ башкиръ съ телѣгами въ двѣ и три лошади. Последнія всѣ погибли въ степи отъ изнуренія, телѣги были брошены, люди оборванные и больные прибывали въ Оренбургъ; здѣсь имъ выдавали по 5 р. ас. на человѣка и отправляли въ дома. Башкиры были изъ Пермской и Вятской губерній и изъ отдаленныхъ отъ Оренбурга уѣздовъ Мензелинскаго, Бирскаго, Бугульминскаго и другихъ. 1839 г. былъ голоднымъ; цѣна хлѣба доходила до 3 р. ас. за пудъ, сѣно до 10 р. и болѣе за возъ, и какъ можно было дойти бѣдняку и больному въ оборванной одеждѣ на 5 р. за нѣсколько сотъ верстъ? Оставшіяся у не-

многихъ лошади не могли ходить даже въ городѣ. Лошадей въ этотъ годъ погибло у башкиръ до 5 т. головъ.

Гордый характеръ Перовскаго послѣ неудачи хивинскаго похода сильно пострадалъ и самому ему пришлось выслушать много непріятнаго отъ высшихъ властей. По приѣздѣ въ Петербургъ, говорятъ, военный министръ Чернышевъ не пускалъ его къ государю, т. е. не докладывалъ о немъ, и Перовскій рѣшился самъ разрѣшить давившее его сомнѣніе. Избравъ время, когда Николай Павловичъ былъ на смотру или на парадѣ войскъ въ манежѣ, поѣхалъ туда, какъ генераль-адъютантъ, имѣвшій право быть въ присутствіи государя, который, увидавъ его, милостиво спросилъ, когда онъ прибылъ и почему не являлся. Перовскій указалъ на Чернышева. По окончаніи смотра государь посадилъ его въ свой экипажъ и повезъ во дворецъ.

Конецъ лѣта 1840 г. и слѣдующій 1841 г. Перовскій прожилъ въ Оренбургѣ и уѣхалъ въ концѣ ноября въ Петербургъ, откуда въ 1842 г. уволенъ въ Италію съ отчисленіемъ отъ должности.

Въ газетахъ писали, что Перовскій въ Берлинѣ представлялся прусскому королю и тотъ кольнулъ его самолюбіе, сказавъ, что знаетъ его по хивинскому походу.

Все участвовавшіе въ хивинскомъ походѣ офицеры, со включеніемъ генераловъ, получили награды чинами, орденами и даже деньгами. Начальникъ 22-й дивизіи генераль-лейтенантъ Толмачевъ, получилъ сначала орденъ Бѣлаго Орла, замѣненный потомъ пожалованіемъ 3 тыс. десятинъ въ Сараговской губерніи. Атаманъ Оренбургскаго казачьяго войска, а по тогдашнему командующій войскомъ, Молоствовъ, орденъ въ порядкѣ постепенно-сти; Цюлковскій Анну 1-й степени, но потомъ уволенъ былъ по прошенію въ отставку. Служба офицерская на

пенсію засчитана мѣсяць за годъ, а самый походъ за кампанію.

Цюлковскій, получивъ отставку, жилъ въ деревнѣ своей жены, Оренбургскаго уѣзда, и за жестокость обращенія со своими крестьянами былъ убитъ ими въ 1841 или 42 году. Трупъ его крестьянами же послѣ похоронъ былъ вырытъ и обезображенъ наказаніемъ плетью; родственники привезли его въ Оренбургъ и погребли на общемъ кладбищѣ. Бывшіе у него три сына умерли; одинъ въ званіи мелкаго чиновника; старшій Виталій, служившій предводителемъ нѣсколько 3-хъ-лѣтій, не былъ избранъ при открытіи Оренбургской губерніи, жилъ бѣдно, былъ отданъ подъ судъ за растрату денегъ и умеръ въ 1889 г.; Николай служилъ мировымъ посредникомъ и остался въ 1868 г. за штатомъ, нанимался въ лѣсную кампанію наблюдать за нерасхищеніемъ сплаваемого лѣса прибрежными жителями, занимался сельскимъ хозяйствомъ и на этомъ жилъ; умеръ въ 1891 или 92 г. на 72 г.

Въ октябрѣ 1840 г. пріѣхалъ въ Оренбургъ изъ Авангаристана маіоръ англійской службы, присланный англійскимъ правительствомъ для изслѣдованія причинъ неудачи хивинскаго похода; онъ жилъ въ Оренбургѣ едва-ли не мѣсяць, квартировалъ недалеко отъ нашего дома у чиновника Галявинскаго. Домъ этотъ сгорѣлъ въ 1879 году. Англичанинъ едва ли видѣлъ Перовскаго; онъ, кажется, въ это время былъ въ Петербургѣ.

Оренбургъ — главный пунктъ и мѣстожительство главнаго начальника Оренбургскаго края — въ началѣ 30 гг., когда пріѣхалъ сюда генералъ Перовскій, былъ небольшимъ городомъ съ населеніемъ не болѣе 5 или 6 тыс. душъ. Дома были почти исключительно деревянные въ 3, а лучшіе въ 5 оконъ, низенькіе, были даже полупланки — такъ домъ подъ одною крышею принадлежалъ двумъ

хозяевамъ, и каждый изъ нихъ имѣлъ особыя ворота; много было домовъ развалившихся и землянокъ; исправлять старые дома хозяева отказывались по бѣдности.

Для того, чтобы привести городъ въ лучшій видъ, Перовскій въ 1835 г. назначилъ особую комиссію, поручивъ ей осмотрѣть въ городѣ всѣ дома, ветхіе назначить къ слову черезъ два или три года, обязавъ владѣльцевъ въ этотъ срокъ построить новые дома по планамъ, а кто по бѣдности не въ состояніи былъ этого сдѣлать, тому предложено убрать свое строеніе, получить даромъ 50 бревенъ и 50 р. асс. и перейти на житіе во вновь образовавшуюся слободу, между караванъ-сараемъ и татарскимъ кладбищемъ, гдѣ мѣста стводились даромъ. Освободившіяся же мѣста въ городѣ отводились сосѣднимъ владѣльцамъ, которые уплачивали за нихъ стоимость полученнаго прежнимъ хозяиномъ пособія, а гдѣ стоимость мѣста была ниже послѣдняго, лѣсъ отпускался даромъ изъ хозяйственнаго заготовленія.

Такимъ образомъ городъ очистился отъ мелкихъ безобразныхъ избушекъ, землянокъ; дворовыя мѣста расширены и все приведено въ благообразный видъ. Скоро стали строиться хорошіе дома. Людямъ не богатымъ, особенно чиновникамъ, Перовскій выдавалъ лѣсъ изъ хозяйственнаго заготовленія съ разсрочкою платежа денегъ.

При Перовскомъ же начали строиться казенныя каменные зданія: оборонительныя казармы около Преображенской церкви, домъ благороднаго собранія на мѣстѣ разваливашагося зданія главнаго народнаго училища, ордонансъ-гаузъ, квартира плацъ-маіора и комендантское управленіе, а рядомъ съ нимъ домъ коменданта. Нынѣ первый занятъ ремесленнымъ училищемъ, а послѣдній квартирою одного изъ командировъ баталіоновъ, расположенныхъ въ Оренбургѣ.

Въ то же время построенъ генераль-губернаторскій домъ, но Перовскій не переходилъ въ него; первымъ помѣстился въ немъ генераль Обручевъ.

Частныхъ каменныхъ домовъ въ первое управленіе Перовскаго было два: одинъ-нынѣ занятый аптекой Герштейна, а другой-квартирой Тургайскаго губернатора. Оба дома принадлежали купцу Осоргину, впоследствии разорившемуся, и были проданы одинъ въ частныя руки, а другой въ казну за долги.

Домъ Еникуцева на Николаевской улицѣ, гдѣ нынѣ контрольная палата, былъ вчернѣ построенъ въ 1838 — 39 г., но не занимался владѣльцами по суевѣрному предразсудку, что новый домъ потребуеъ покойника, а ихъ было двое—мужъ и жена.

Въ 1852 г. домъ этотъ купленъ былъ для канцеляріи генераль-губернатора, и повѣрье сбылось: съ переходомъ канцеляріи и появленіемъ въ домѣ жильцовъ умеръ самый старей изъ нихъ—Звѣревъ, старикъ 80 лѣтъ, хорошо помнившій времена князя Волконскаго и генерала Бахметева.

Караванъ-Сарай былъ начать постройкою Перовскимъ чрезъ оповѣщеніе циркулярами башкирскихъ кантонныхъ начальниковъ для объявленія народу, что зданіе строится для прѣзжающихъ въ Оренбургъ по своимъ дѣламъ башкиръ, останавливавшихся ранѣе въ частныхъ домахъ, а съ постройкою караванъ-сарая будутъ имѣть болѣе удобное помѣщеніе для себя и своихъ лошадей. Зданіе въ началѣ было построено съ большими комнатами въ видѣ казармъ, съ нарами, а въ нижнемъ этажѣ конюшни. Все показываетъ, что Перовскій думалъ перенести на русскую землю азіатскіе караванъ сараи для странствующихъ мусульманъ и торговцевъ; въ этихъ видахъ онъ положилъ построить среди зданія мечеть, чтобы живущіе

въ караванъ-сараѣ башкиры имѣли полную возможность исполнять по своему закону требы и молитвы; этимъ желали показать народу, что правительство далеко отъ мысли насильственными мѣрами обращать магометанъ въ христіанство, каковыя слухи тайно распространяли казанскіе татары, извѣстные фанатики, а напротивъ, правительство строитъ на свои средства мечеть и не простую, а превосходящую всѣ извѣстныя въ краѣ мечети. Съ этою цѣлью приглашали башкиръ дѣлать пожертвованій для украшенія новой мечети. Для сбора послѣднихъ былъ посланъ дер. Нижней Чебенъки ахунъ Абдулла Давлетшинъ, родомъ татаринъ, приписанный въ башкирское войско. Онъ собралъ до 30 т. руб. асс.

Для освѣщенія въ зданіи мечети повѣшена дорогая люстра, купленная въ Петербургѣ въ англійскомъ магазинѣ. Къ завершенію всего построень каменный высокій минаретъ, облицованный снаружи бѣлыми изразцами.

Въ концѣ 1841 г. въ караванъ-сарай перевели канцелярію командующаго башкирскимъ войскомъ и дали квартиры чиновникамъ и командѣ башкиръ въ 50 человекъ, посылаемыхъ для несенія службы.

Помѣщенія для башкиръ не думали открывать и никто изъ нихъ никогда тамъ не останавливался. Обращеніе зданія въ постоялый дворъ стоило бы дорого по отопленію, содержанію въ чистотѣ и ремонту. Правый фасадъ зданія, гдѣ были казармы съ нарами, передѣляли подъ помѣщеніе канцеляріи, а лѣвый обратили въ помѣщеніе для губернатора; въ нижнемъ этажѣ, гдѣ были стойла для лошадей, оставшіеся своды показываютъ первое его назначеніе.

Для открытія мечети былъ приглашенъ муфтій и до 300 человекъ магометанъ; кромѣ того, было множество любопытныхъ, прибывшихъ безъ всякаго приглашенія.

Торжество открытія было приурочено ко дню коронованія государя Николая Павловича, 22-го августа. Устроены были въ азіатскомъ вкусѣ развлечения: борьба съ выдачею побѣдителю трехъ человѣкъ, безъ перерыва поборенныхъ, платка или шали, скачка на лошадяхъ съ призами изъ халатовъ или кафтановъ стоимостью въ 20 руб. и постепенно уменьшающимися до нѣсколькихъ аршинъ ситца.

Было одно крупное неудобство: у магометанъ была ураза (постъ), во время которой ѣда разрѣшается по заходѣ солнца, а для эффекта нужно было, чтобы обѣдъ начался нѣсколько ранѣе, засвѣтло. Гостей усадили въ нѣсколько рядовъ, поставлены были блюда съ говядиной, бараниной и кониной, причемъ строго подтверждено, чтобы никто не смѣлъ касаться пищи, пока не будетъ поданъ знакъ. Распорядителемъ былъ есаулъ Иванъ Ивановичъ Филатовъ, хорошо говорившій по-татарски. Для большой внушительности онъ верхомъ съ нагайкой въ рукахъ разѣзжалъ среди рядовъ, гдѣ поставлена была пища, угрожая при малѣйшемъ намѣреніи взять послѣднюю тутъ же расправиться своею плетью, хотя тутъ сидѣли и башкирскіе чиновники. Кантонные начальники вовсе не садились обѣдать. Все обошлось благополучно и гости разѣхались по домамъ, но тутъ случился небольшой скандалъ: въ дер. Имангуловой уфимскіе казы не слѣзали съ повозки; когда запрягли лошадей, онѣ повеслись и, наткнувшись на что-то, перевернули повозку; казы упали и у нихъ въ колѣняхъ разбился штофъ съ водкой, которою они запаслись въ Оренбургѣ; людей и осколки посуды подняли при жителяхъ-башкирахъ, которые плевали и ругали своихъ учителей-казыевъ, утѣшая, впрочемъ, себя тѣмъ, что они татары, а не башкиры.

Въ 65-ти верстахъ отъ Оренбурга, за р. Ураломъ,

въ киргизской степи находится знаменитое богатство каменной соли — Илецкія копи, составлявшіе собственность казны. Не касаясь исторической части, можно много сказать о самомъ промыслѣ.

Какъ собственность казны, илецкая соль вырубалась силою человѣческаго труда; для этого употреблялись ссыльно-каторжные, приговоренные судомъ къ этому тяжелому наказанію. По свойству своему относясь къ горнымъ работамъ, промыселъ состоялъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ по департаменту горныхъ и соляныхъ дѣлъ, но мѣстными распорядителями были всегда гражданскіе чиновники, которые служили въ особомъ учрежденіи, называвшемся Илецкимъ Солянымъ Правленіемъ, которое состояло изъ управляющаго, 2-хъ совѣтниковъ и нѣсколькихъ канцелярскихъ чиновниковъ.

Удаленное отъ своего непосредственнаго начальства, присылавшаго приказанія за 2 тысячи верстъ изъ Петербурга, и совсѣмъ изъятые отъ всякой зависимости и даже слабаго, поверхностнаго наблюденія мѣстныхъ губернаторовъ, правленіе это ознаменовало себя крупнымъ казнокрадствомъ. Соли вырабатывалось сотни тысячъ пудовъ и получались сотни тысячъ рублей; въ казну же поступало до половины 40-хъ гг. не свыше 180—200 р., остальная сумма оставалась въ карманахъ чиновниковъ, наживавшихъ тамъ въ короткое время громадныя капиталы.

Пользовались всѣ, начиная отъ управляющаго до смотрителя на ямѣ. Тутъ же былъ чиновникъ казенной палаты для наблюденія за исправною высылкою денегъ въ Оренбургское казначейство. Всѣ воровали, всѣ объ этомъ знали, но никто не рѣшался писать о злоупотребленіяхъ, считая это напраснымъ и бесполезнымъ дѣломъ. Въ 1839 г. воровство дошло до того, что сами чиновни-

ки видѣли, что дѣло можетъ кончиться плохо для нихъ. Надобно помнить, что чиновники брали свою часть не лѣтомъ, когда соли вывозилось немного по дороговизнѣ перевозки, а болѣе зимою, когда люди и рабочій скотъ свободны. 1839 г. былъ неурожайный: сѣно и хлѣбъ сильно вздорожали, вощикамъ не было расчета перевозить соль за низкую цѣну, а торговцамъ увеличивать провозную плату; заготовленная соль составила бы запасъ, а съ ожидаемымъ урожаемъ цѣны на все убавились бы, поэтому соль была бы въ убытокъ даже при дешевомъ подвозѣ. Соляные чиновники и въ этомъ случаѣ не потерялись. Приѣзжавшимъ за солью вощикамъ говорили, что съ новаго года соль будетъ продаваться на промыслѣ по 2 руб. сер., совѣтовали побольше запастись солью, чтобы безъ особаго труда и риска нажить хорошій капиталъ. Я помню это время. Кто только не покупалъ соль? Безденежные брали въ долгъ за большіе проценты у богатыхъ, а послѣдніе покупали соли столько, сколько можно вмѣстить соли въ помѣщеніяхъ.

Но какое же разочарованіе постигло всѣхъ! Прибавка была для округленія прежняго ассигнаціоннаго курса на серебро на 1 или $\frac{1}{2}$ коп. съ пуда, соображаясь съ сортами соли. Сколько было въ это время драматическихъ и трагическихъ сценъ: богатые, имѣвшіе деньги, хлопотали, чтобы хотя съ большими убытками продать соль, которой много утекало въ жаръ, когда распродать соль не было возможности. Долго помнилъ Оренбургъ дорогую соль!

Изъ чиновниковъ, обогатившихся на илецкомъ промыслѣ, болѣе извѣстны были слѣдующіе. Щедринъ, давшій за свою дочь при выходѣ ея замужъ за лѣкаря, служившаго тамъ при больницѣ, 300 т. руб. асс. Балахоновъ — совѣтникъ, служившій въ 50 гг., поѣхалъ лѣ-

читься и дорогою умеръ; бывшая при немъ дочь вышла замужъ за врача и послѣ отца получила 75 т. сер. Баранцевъ, служившій смотрителемъ на ямѣ, гдѣ производилась ломка соли, въ 50 и 60-хъ гг.; пропеходилъ изъ солдатъ, былъ писаремъ въ конторѣ госпиталя. Бывшій наказный атаманъ, Иванъ Васильевичъ Подуровъ говорилъ мнѣ, что въ чинѣ подполковника прѣзжалъ на праздникъ Пасхи къ смотрителю госпиталя, а впоследствии члену провіантской коммисіи Щетинину, и засталъ его за экзекуціей: Баранцева наказывали палками. Подуровъ замѣтилъ, какъ некстати наказаніе въ великій праздникъ. Ему отвѣтили: «Если бы вы знали, что сдѣлалъ этотъ мошенникъ!» Съ полученіемъ чина Баранцевъ перешелъ въ илецкое правленіе, а по закрытіи послѣдняго вышелъ въ отставку, имѣя капиталъ свыше 30 т. р.

Рыбаковъ, выслужившійся изъ писарей инженернаго вѣдомства, былъ въ илецкомъ правленіи на невысокой должности; по выходѣ въ отставку купилъ двухъэтажный каменный домъ въ Оренбургѣ на Николаевской улицѣ, гдѣ нынѣ аптека Герштейна, стоившій по тогдашнему времени (1840—42 г.) не менѣе 50 т. руб. Онъ говорилъ своимъ знакомымъ, отъ которыхъ и я слышалъ, что столько же осталось у него на прожитокъ. Былъ-ли онъ женатъ, не знаю, но въ послѣднее время у него была на содержаніи простая дѣвка, которую онъ потомъ выдалъ за отставного унтеръ-офицера и далъ въ приданое 20 т. р.

Сосланный въ Оренбургъ за политическія преступленія, а потомъ прощенный, извѣстный поэтъ Александръ Николаевичъ Плещеевъ женился въ Илецкой Западѣ на дочери чиновника Токарева, который далъ за дочерью 50 т. р. сер.

Но болѣе всѣхъ изъ служившихъ въ Илецкой За-

щитѣ извѣстенъ былъ Сергѣй Николаевичъ Щербачевъ. Въ первое управленіе Перовскаго онъ былъ въ Оренбургѣ полицмейстеромъ, имѣлъ чинъ ротмистра, хорошо образованъ и извѣстный кавалеръ, принадлежалъ къ мѣстной интеллигенціи и водилъ дружбу съ лицами свиты военнаго губернатора, особенно съ Балкашинымъ, бывшимъ тогда капитаномъ и адъютантомъ Перовскаго, съ которымъ до послѣднихъ дней былъ на «ты». По прибытіи въ Оренбургъ генерала Обручева Щербачевъ долженъ былъ оставить должность полицмейстера, Балкашинъ желалъ устроить его у себя и просилъ о назначеніи чиновникомъ особыхъ порученій, содержаніе которыхъ достигало тогда 1 т. р. въ годъ. Губернаторъ Обручевъ въ официальной бумагѣ отказалъ въ назначеніи Щербачева, какъ замѣченнаго въ склонности къ взяткамъ и лихоимствѣ. Щербачевъ поѣхалъ въ Уфу и, заплативъ председателю казенной палаты Случевскому 5 т. р., получилъ мѣсто чиновника казенной палаты при илецкомъ соляномъ правленіи. Обручевъ съ своей стороны, чтобы предупредить назначеніе Щербачева, писалъ о немъ гражданскому губернатору Талызину; тотъ въ свою очередь писалъ Случевскому, но послѣдній отозвался, что Щербачевъ опредѣленъ, вступилъ уже въ должность, и ничего неодобрительнаго о немъ онъ не знаетъ. Такимъ образомъ Щербачевъ прочно утвердился на мѣстѣ, служилъ болѣе 10 лѣтъ, нажилъ огромное состояніе, купилъ имѣніе Мансурова, село Спасское на р. Икѣ, а въ Харьковской губерніи другое съ сахарнымъ заводомъ. Будучи старикомъ, женился въ другой разъ на дочери илецкаго коменданта, полковника Бабствъ; отъ этого брака имѣлъ двухъ сыновей; оба они служили въ Оренбургѣ: одинъ на должности мирового посредника у башкиръ Орскаго уѣзда, откуда перешелъ къ бывшему здѣсь вице-губернаторомъ Лукошкову

въ Пермь; слышалъ я, что впослѣдствіи онъ былъ ирбитскимъ городничимъ и исправникомъ. Другой сынъ Щербачева служилъ сначала въ башкирскомъ полку, потомъ сотникомъ въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ, откуда перешелъ въ регулярную кавалерію.

Кромѣ недвижимаго имѣнія Щербачевъ имѣлъ, какъ говорили, до 200 т. р. капитала. Послѣ смерти жена Щербачева, увлекшись новыми идеями, устроила въ Харьковѣ пансіонъ для дѣвицъ, хорошо обставила его и преподавателями пригласила профессоровъ за хорошее вознагражденіе; соображаясь съ расходами, назначила довольно высокую плату за содержаніе и ученіе.

Дѣвицъ поступало мало; думали чрезъ рекламы и другія мѣры привлечь болѣе желающихъ, но надежды не оправдались и пришлось пансіонъ закрыть.

Щербачевъ, извѣстный всѣмъ своимъ корыстолюбіемъ, во все время пользовался уваженіемъ въ высшемъ оренбургскомъ обществѣ и каждый разъ, когда генераль-губернаторъ Перовскій давалъ свои большіе балы, ему высылался билетъ въ Илецкую Защиту.

Какъ-то при докладѣ мною одной бумаги о лихоимствѣ казачьяго офицера, взявшаго менѣе ста рублей, бывшему правителю генераль-губернаторской канцеляріи Глѣбову послѣдній замѣтилъ: «Вотъ какіе офицеры»; на это я отвѣтилъ: «Да гдѣ же этого нѣтъ?» и прямо указалъ на Щербачева, котораго никто не укоряетъ въ казнокрадствѣ и которому за 70 верстъ шлютъ приглашеніе на балъ генераль-губернатора. Глѣбовъ сказалъ: «Да-съ... но Щербачевъ помѣщикъ».

Генералъ Перовскій въ сношеніяхъ своихъ съ подчиненными на столько далеко держался отъ нихъ, что никто ничего не могъ говорить ему внѣ службы. Гордый и недоступный, онъ вселилъ къ себѣ какое-то осо-

бое почтеніе и покорность, доходившія до благоговѣнія предъ его личностью. Подчиненные ему генералы отъ ближайшей къ нему прислуги желали знать, въ какомъ расположеніи духа находится его превосходительство, прежде чѣмъ онъ выйдетъ. Камердинеръ его Николай Татариновъ, впоследствии экономъ дворянскаго собранія, говорилъ, что однажды онъ вошелъ въ кабинетъ генерала подавать ему одѣваться. Перовскій встрѣтилъ его крѣпкими русскими словами, помянувъ его отца и мать, за то, что намадился резедной помадой. Самъ Перовскій никогда не употреблялъ ни духовъ, ни помады. Перовскій своимъ адъютантамъ, чиновникамъ особыхъ порученій, даже генераламъ, если они были въ числѣ близкихъ къ нему, всегда говорилъ ты, даже ругалъ ихъ общео простою русскою бранью. Всѣ они, зная его вспыльчивый характеръ, переносили это терпѣливо, а если бы кто вздумалъ возмутиться и вслухъ высказаться, то получилъ бы прямое и положительное приказаніе убираться прочь.

Такой же характеръ унаслѣдовалъ сынъ Перовскаго Алексѣй, сосланный на Кавказъ рядовымъ изъ артиллерійскаго училища, гдѣ онъ воспитывался, за грубость и дерзость директору. Онъ мнѣ лично говорилъ, что за какую-то дерзость въ училищѣ былъ наказанъ розгами такъ жестоко, что легъ въ больницу. Объ сообщилъ отцу; послѣдній пріѣзжаетъ и спрашиваетъ сына, чѣмъ онъ боленъ. Молодой Перовскій, желая скрыть истину, называлъ какую-то болѣзнь. „Врешь!“ произнесъ отецъ: «покажи-ка з у!» Посмотрѣлъ и сказалъ: «Ничего, вздули, какъ слѣдуетъ». Впоследствии молодой Перовскій дослужился до офицера, но былъ разжалованъ въ солдаты за то, что въ пылу раздраженія убилъ своего слугу.

Введеніе хлѣбныхъ запашекъ вызвало волненія не

въ одной Оренбургской губерніи; они сильнѣе были въ Пермской, гдѣ губернское начальство не умѣло принять мѣръ къ водворенію спокойствія. О принятіи быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ Перовскій писалъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ силу чего послѣдовало высочайшее повелѣніе передать это дѣло въ его распоряженіе. Перовскій сумѣлъ и тамъ всѣхъ успокоить и посылаемые туда изъ Оренбурга курьерами казачьи урядники говорили, что тамошнее населеніе было довольно распоряженіями военнаго губернатора и на столько интересовалось видѣть его лично, что даже старики изъ-за этого салились на козлы править лошадьми, на которыхъ ѣхали нарочные. Мѣстныя власти трепетали при имени Перовскаго и боялись за свои грѣхи.

Въ первое управленіе краемъ Перовскаго были нерѣдки набѣги киргизъ на казачьи станицы по р. Уралу для угона скота у казаковъ. Удальцы пробирались до башкирскихъ селеній за р. Сакмарой. По обширности линіи и малонаселенности ея трудно было казакамъ усмотрѣть всѣ перелазы киргизъ, которымъ, какъ искони тутъ живущимъ, лучше были извѣстны броды въ рѣкахъ для переѣзда и прогона скота, а также и мѣста для сокрытія шаякъ отъ взора русскихъ.

Въ такихъ случаяхъ для наказанія виновныхъ посылались въ степь военные отряды изъ казаковъ, иногда съ артиллеріею и даже пѣхотою, посаженною на лошадей. Послѣднія давались въ рѣдкихъ случаяхъ, когда шайка барантачей выбирала себѣ предводителемъ извѣстнаго въ степи батыря, славнаго своимъ удалствомъ и уважаемаго народомъ. Въ этихъ случаяхъ шайки киргизъ доходили до 2—3 т. человекъ. Мелкіе ихъ отряды занимались угономъ скота съ линіи и у башкиръ, а крупныя съ батырями во главѣ грабили киргизъ же по указанію

враждовавшихъ родовъ изъ личной мести или за преданность русскому правительству.

Султаны-правители, прикрываемые казачьими отрядами, не были на столько сильны, чтобы наказывать виновныхъ барантачей, и для этой цѣли посылались команды казаковъ. При Перовскомъ такія командировки были часты и иногда достигали своей цѣли. Разгромивъ скопища киргизъ, убивали ихъ предводителей — дѣло весьма трудное и имѣвшее мѣсто только при счастливой случайности.

Въ 1839 г. нѣсколько сотенъ казаковъ бывшего не-премѣннаго полка были посланы въ степь подъ начальствомъ полковника Геке наказать извѣстнаго батыря Исета Кутебарова, не признававшего надъ собою никакой власти. Отрядъ этотъ, усиленный башкирами, долго искалъ по степи въ лѣтніе знойные дни Кутебарова. Тотъ, въ свою очередь желая прославиться какимъ-либо важнымъ подвигомъ, рѣшился разгромить султана-правителя съ его плохо вооруженнымъ русскимъ отрядомъ и чрезъ лазутчиковъ собиралъ свѣдѣнія, гдѣ и когда султанъ расположится на ночлегъ. Случилось такъ: лазутчики увидали султана, расположившагося на ночлегъ безъ особой предосторожности и тотчасъ поскакали извѣстить Кутебарова; но въ это время пришелъ ночью къ султану полковникъ Геке съ казаками, башкирами, пѣхотною ротою и дивизионною конной казачьею артиллеріей. Кутебаровъ по сообщенію лазутчиковъ, со всѣмъ своимъ болѣе чѣмъ 3 т. отрядомъ, пошелъ на султана правителя. Придя раннимъ утромъ на мѣсто, замѣтилъ, что онъ обманутъ, приказалъ лазутчиковъ повѣсить и не желая показаться трусомъ, пошелъ въ бой; результатъ его былъ плачевный для киргизъ: кинувшись массами, они были съ большимъ урономъ отбиты. Казаки пустились преслѣ-

довать ихъ. Небольшая кучка оренбуржцевъ увидала и узнала Исета Кутебарова, и болѣе ловкій и находчивый урядникъ Каменноозернаго отряда Богатыревъ поскакалъ на пересѣченіе его дороги; скрывшись за сурчину, онъ поджидалъ Исета; казаки преслѣдовали послѣдняго, посылали ему вслѣдъ пули; нѣкоторые изъ нихъ попадали въ него, но вреда не причиняли, такъ какъ на немъ была кольчуга.

Богатыревъ, сообразивъ это, пришелъ къ заключенію, что надо подстрѣлить коня; удачно пустивъ пулю, онъ попалъ лошади въ пахъ; послѣдняя упала и Исетъ остался на мѣстѣ.. Наскакавшіе казаки шашками изрубили его въ куски.

Обыкновенно, посылаемые въ степь отряды всегда имѣли вожakovъ изъ преданныхъ намъ киргизъ; послѣдніе служили и нашимъ и своимъ, которымъ передавали, куда двигаются русскіе, и шайка барантачей всегда шла позади отряда, или въ сторонѣ параллельно ему. Отряды наши громили попадавшіеся на пути аулы, угоняли весь скотъ и уничтожали всякое имущество, иногда и совершенно невинныхъ людей, по указанію вожakovъ, которые пользовались извѣстною долею разграбленнаго имущества и скота.

Послѣдній пригонялся на линію въ изнуренномъ безкормицею видѣ и продавался за безцѣнокъ. Такъ кончались обыкновенно наказанія киргизъ.

Заволжско-Камскій край, заключавшій въ себѣ нынѣшнія Оренбургскую, Уфимскую и Самарскую губерніи, въ началѣ настоящаго столѣтія до 40-хъ годовъ представлялъ собою окраину государства, сравнительно недавно присоединенную къ Россіи. Оренбургская линія занималась войскомъ, требующее число котораго составляли казаки. Они поселены были не только по линіи

для охраны ея, но и внутри края, отъ Самары до Оренбурга, по такъ называемой Самарской линіи и въ видѣ внутреннихъ крѣпостей въ Уфимскомъ, Стерлитамакскомъ, Бирскомъ и даже Красноуфимскомъ уѣздахъ. Такое разселеніе казаковъ на различныхъ пунктахъ, далеко отстоящихъ одинъ отъ другого, объяснялось политическими и военными причинами, заключавшимися въ частыхъ бунтахъ противъ правительства въ Башкиріи во все время прошлаго столѣтія и бывшими даже въ 1803—805 гг. Для усмиренія ихъ нужно было имѣть войско въ близкихъ мѣстахъ отъ бунтовщиковъ; если бы послѣдніе вздумали поднять возстаніе, оно подавлялось тотчасъ и не могло распространяться далѣе въ длину и ширину. Такая мѣра сама собою указывала башкирамъ на безполезность ихъ возстаній. Войска въ центрѣ Башкиріи и на границѣ ихъ земли съ киргизами не позволяли имъ соединяться съ послѣдними для совокупныхъ дѣйствій противъ русскихъ. За послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ до 1840 гг. башкиры сдѣлались мирными и вѣрными подданными, посылали своихъ людей на Оренбургскую линію для охраны ея совмѣстно съ казаками отъ набѣговъ киргизъ и въ душѣ ненавидѣли послѣднихъ, какъ враговъ, входили въ составъ военныхъ отрядовъ, посылавшихся въ степь, оставались всегда вѣрными русскому царю, по повелѣнію котораго въ памятный 1812 г. выставили 20 полковъ пятисотеннаго состава, дрались съ французами подъ Бородиною, Москвою, въ разныхъ мѣстахъ заграницею и въ числѣ другихъ войскъ занимали Парижъ.

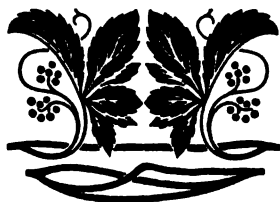
Миролюбіе башкиръ дѣлало ненужнымъ существованіе казачьихъ крѣпостей внутри Башкиріи и явилась мысль выселить казаковъ изъ всѣхъ внутреннихъ станицъ на Оренбургскую линію для большаго усиленія послѣдней. Въ 20 гг., во время управленія краемъ генерала Эссена,

состоялось повелѣніе о переселеніи красноуфимскихъ казаковъ, какъ болѣе удаленныхъ отъ Оренбурга, центра ихъ управленія. Для поселенія ихъ отрѣзали отъ киргизъ подъ названіемъ Илецкаго района участокъ между рѣкой Ураломъ съ лѣвой стороны и р. Илекомъ съ правой до впаденія въ него рч. Куралы. Возникшія здѣсь станицы стали грозою для киргизъ, которые не скоро примирились съ потерю своей земли, набѣги и бунты продолжались долго. Въ это время былъ взятъ въ плѣнъ небольшою шайкою киргизъ между Татищевской и Переволоцкой станицами есаулъ Иванъ Васильевичъ Подуровъ (впослѣдствіи наказный атаманъ), проѣзжавшій въ повозкѣ съ однимъ проводникомъ.

Съ прибытіемъ генерала Перовскаго казаки внутреннихъ станицъ составляли предметъ особаго его обсужденія. Онъ находилъ необходимымъ, въ видахъ государственной обороны восточной границы отъ вторженія въ предѣлы имперіи азіатскихъ полчищъ, усилить Оренбургскую линію для самостоятельнаго существованія и отпора ордъ. Перовскій предполагалъ однихъ изъ казаковъ внутреннихъ станицъ, по желанію, переселить въ линейныя станицы, а изъ другихъ образовать военныя поселенія по образцу чугуевскихъ. Для этой цѣли Перовскій предложилъ отмежевать огромный участокъ киргизской степи отъ крѣпости Орской вверхъ по рр. Ори и Кумаку до станицъ по р. Ую и этотъ участокъ заселить казаками внутреннихъ станицъ, крестьянами малоземельныхъ губерній и солдатами четырехъ баталіоновъ, которыхъ для этого перевести изъ линейныхъ крѣпостей, гдѣ они составляли мѣстные гарнизоны, на новыя мѣста по самой границѣ съ киргизами съ обращеніемъ въ казачье сословіе. Это было выполнено въ 1835—36 гг. На новую линію были выселены въ наказаніе и казаки внутрен-

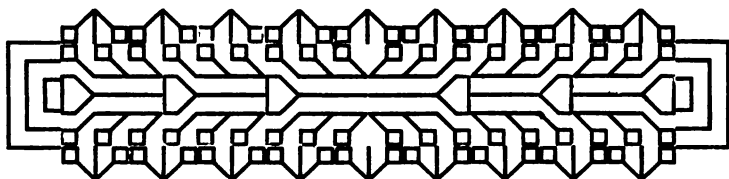
нихъ станицъ, оказавшіе сопротивленіе при введеніи общественной хлѣбной запашки

Эта мѣра была одна изъ важнѣйшихъ въ первое управленіе Перовскаго: она значительно увеличила районъ земель Оренбургскаго войска, которое по положенію 1840 г. образовало изъ себя особую область съ отдѣльною территоріею и отдѣльнымъ управленіемъ, независимымъ отъ губернской администраціи, дала возможность перевести туда всѣхъ казаковъ внутреннихъ станицъ со включеніемъ ставропольскихъ крещеныхъ калмыкъ и такимъ образомъ сплотила все войско въ одной мѣстности, уничтоживъ чрезполосицу.

В. А. Обручевъ.
[1842—1851]

VIII.

В. А. Обручевъ.

(1842—1851).

Съ назначеніемъ въ 1842 г. главнымъ начальникомъ края генерала Владиміра Аванасьевича Обручева, служившаго въ Новгородѣ начальникомъ дивизіи и, какъ говорили, ставленника графа Клейнмихеля, бывшаго не въ дружбѣ съ Перовскимъ, все измѣнилось: кочевка была заброшена, многія изъ учрежденій его предшественника предположены къ уничтоженію, и даже служившіе при Перовскомъ оставили Оренбургъ, чтобы занять лучшія мѣста.

Обручевъ, кромѣ одного адъютанта гвардіи капитана Николаева, не привезъ съ собой никого. Освободившіяся мѣста заняли второстепенные здѣшніе чиновники, или случайно кѣмъ-либо рекомендованные. Обручевъ, кажется, не имѣлъ въ виду никого изъ способныхъ и образованныхъ людей для замѣщенія должностей. Если не находилъ подходящихъ лицъ въ Оренбургѣ, то писалъ въ министерство, откуда сначала присылали хорошихъ людей, но Обручевъ не умѣлъ обращаться съ ними и привлекать къ себѣ.

Послѣ Рокоссовскаго, тотчасъ по отъѣздѣ Перовскаго оставившаго свой постъ, начальникомъ штаба былъ полковникъ Середа, бывшій правитель канцеляріи, но не поладилъ съ Обручевымъ и ушелъ. Послѣ него былъ Александръ Ивановичъ Верегинъ, служившій потомъ долгое время начальникомъ главнаго управленія казачьихъ войскъ; онъ тоже не сошелся съ губернаторомъ и скоро уѣхалъ. Говорили, что причина размолвки заключалась въ неявкѣ Верегина по вызову послѣ полуночи, когда онъ легъ спать, а губернаторъ прислалъ за нимъ. Послѣ него былъ генераль Озерскій, хорошій на мѣстѣ бригаднаго командира, но плохой начальникъ штаба. Далѣе слѣдовалъ генераль-маіоръ генеральнаго штаба Прибытковъ—человѣкъ больной физически и умственно. Послѣ Прибыткова начальникомъ штаба пріѣхалъ генеральнаго штаба полковникъ Фантонъ-де-Верражъ, сумѣвшій отставаться въ этой должности до увольненія Обручева и въ первые годы второго управленія краемъ Перовскаго; впоследствии онъ получилъ графское достоинство.

Причину быстрой перемѣны начальниковъ штаба и неудачнаго назначенія сихъ лицъ можно отнести и къ скудному окладу содержанія. Начальникъ корпуснаго штаба получалъ въ Оренбургѣ, если онъ былъ генераль-маіоръ, при казенной квартирѣ и прислугѣ 860 р. и столько же столовыхъ, всего 1720 р.—содержаніе крайне ограниченное, такъ какъ по своему положенію онъ долженъ былъ имѣть приличный выѣздъ и держать себя на положеніи лица, выше многихъ поставленнаго; если начальникъ штаба былъ полковникъ, то содержаніе его не превышало 1500 р.

Генераль Озерскій былъ вдовецъ, имѣлъ одну дочь невѣсту, и близкіе къ нему говорили, что онъ живетъ не лучше армейскаго штабъ-офицера, сберегая для дочери

на приданое до 500 р. въ годъ. Прибытковъ былъ одинокій холостякъ, а Фантонъ — человекъ семейный, имѣлъ жену и дѣтей, изъ которыхъ двѣ дочери.

Генераль Перовскій много помогалъ своимъ служащимъ, а особенно занимавшимъ высокія должности, выдачею наградныхъ изъ особыхъ хозяйственныхъ капиталовъ, имъ собранныхъ, а семействамъ служащихъ давалъ крупные подарки, особенно дамамъ на платья. При такихъ субсидіяхъ и дешевизнѣ жизнь была возможна и небогатому семейному человеку.

Съ увольненіемъ Перовскаго капиталы остались у его преемника, но положительнаго закона о расходованіи ихъ не было, нѣкоторые капиталы были даже совершенно неизвѣстны въ Петербургѣ, а равно и производившіяся хозяйственныя операціи. Обручевъ не позволялъ себѣ дѣлать то, что творилось при Перовскомъ.

Сокращеніе получаемаго содержанія, неувѣренность, а скорѣе невозможность сдѣлать карьеру службою при Обручевѣ, далеко не пользозызшагося тою силою и значеніемъ въ официальныхъ кругахъ Петербурга, какія имѣлъ Перовскій, особенно у императора Николая Павловича. — заставили всѣхъ служившихъ при Перовскомъ, начиная съ его личныхъ адъютантовъ, уѣхать въ Петербургъ, гдѣ почти всѣ они устроились отлично: генераль Рокоссовскій получилъ мѣсто генераль-провіантмейстера военнаго министерства, бывшій правитель канцеляріи Середа былъ назначенъ губернаторомъ въ Вятку, Балкашинъ губернаторствовалъ въ Саратовѣ, а потомъ въ Уфѣ и т. п.

Генераль Обручевъ, вступивъ въ должность, нашелъ въ Оренбургѣ общественно-дворянское собраніе, производшее большой переворотъ въ здѣшнемъ обществѣ. Правда, лучшіе изъ интеллигенціи уѣхали вслѣдъ за Пе-

ровскимъ, но это были большею частью лица, принадлежавшія къ высшему классу и постоянно тамъ обращающіяся; для нихъ собраніе не представляло потребности: они всегда могли найти развлеченія въ частныхъ домахъ. Въмѣсто нихъ стали пріѣзжать молодые, образованные люди, преимущественно военные-любители танцевъ и картежной игры.

Доступъ такихъ лицъ въ высшій кругъ производился съ крайней разборчивостью и въ ограниченномъ числѣ; иногда ихъ приглашали въ дома ихъ начальниковъ, но за то въ общественномъ собраніи они были всегда желанными гостями и танцы поддерживались почти исключительно ими. Но молодые офицеры, усердно посѣщая вечера въ собраніи, вскорѣ увидѣли, что на офицерское жалованье нельзя жить молодому человѣку, не отказываясь отъ общественныхъ увеселеній: одежда, бѣлыя перчатки, стаканъ чаю и рюмка водки приходились не по карману офицера на одномъ жалованьи; уплата по счетамъ буфета заставляла многихъ отказаться отъ посѣщенія собранія и сидѣть вечерами или дома, или у товарища; благодаря этому, они сдѣлались болѣе исправными къ службѣ.

Обыкновенные танцевальные вечера проводились собравшеюся публикою весело и пріятно, чему много содѣйствовали старшины собранія, которые выбирались изъ самыхъ почетныхъ и богатыхъ лицъ; они устраивали для дамъ угощенія въ видѣ десерта и прохладительныхъ напитковъ на свой счетъ.

Въ высшемъ кругу вечера съ танцами тоже продолжались, но это допускалось только богатыми людьми, имѣвшими дочерей, или у которыхъ были молодыя жены — любительницы танцевъ.

Въ Оренбургъ на зиму пріѣзжали изъ деревень по-

мѣщики съ своими семьями: Пасмуровы, Эннатскіе и другіе изъ сосѣднихъ уѣздовъ.

Обручевъ съ пріѣзда велъ какъ бы затворническую жизнь, хотя жена его Матильда Петровна была другого взгляда на жизнь. Говорили, что причина скромной жизни генерала заключалась въ недостаткѣ средствъ. Такъ или иначе, но дѣло дошло до Петербурга; оттуда было прислано 10 т. руб. для приличной жизни и содержанія, и Обручевъ сталъ устраивать въ своемъ обширномъ помѣщеніи вечера съ танцами и картами. Не любитель картъ, онъ слѣдилъ за тѣмъ, кто изъ его чиновниковъ играетъ въ карты и въ концѣ года, при назначеніи награды, или вовсе не давалъ ихъ такимъ чиновникамъ, или назначалъ мало. Я помню, что чиновникъ его канцеляріи Охочинскій, любитель картъ, ничего не получилъ, а когда правитель канцеляріи спросилъ о причинѣ, Обручевъ отвѣтилъ, что постоянно замѣчалъ Охочинскаго играющимъ въ карты, значить онъ не нуждался въ деньгахъ.

Вечера и обѣды устраивались у бывшихъ атамана графа Цукато и начальника дивизіи генерала Толмачева, на дочери котораго женился богатый помѣщикъ Николай Егоровичъ Тимашевъ; у нихъ собирался преимущественно высшій кругъ. Еникуцевъ, Звенигородскій и Горячевъ устраивали у себя едва-ли не каждый вечеръ карты съ хорошимъ ужиномъ и винами.

Вообще жизнь въ Оренбургѣ текла тихо, безъ треска и другихъ выдающихся проявленій. Надобно еще сказать, что въ первый день Пасхи у Обручева разговлялись всѣ бывшіе въ церкви; выбора и особыхъ приглашеній не практиковалось, но на обѣды въ торжественные дни приглашались избранные изъ высшихъ чиновниковъ, а въ новый годъ и въ день коронаванія Обручевъ приглашалъ почетныхъ киргизъ, на угощеніе

которых отпускалось ему изъ казны 6 т. руб. асс. въ годъ.

Генераль Обручевъ при своемъ управленіи обращалъ строгое вниманіе на подчиненныхъ ему и не жившихъ въ Оренбургѣ. Въ это время былъ наказнымъ атаманомъ Уральскаго войска полковникъ Кожевниковъ, вступившій въ эту должность по приглашенію Перовскаго, которому онъ случайно понравился при исполненіи порученія министра государственныхъ имуществъ графа Киселева объ образованіи у государственныхъ крестьянъ особаго управленія въ видѣ палатъ и окружныхъ начальниковъ. Перовскій пригласилъ Кожевникова на службу къ себѣ, какъ молодого хорошо образованнаго человѣка, знакомаго съ тогдашними стремленіями правительства о лучшемъ благоустройствѣ казенныхъ поселянъ. Кожевникова полюбили въ Уральскѣ казаки болѣе бывшаго до него атамана Покотилова, перваго изъ чужеродцевъ (т. е. не изъ казаковъ). Перовскій надѣялся при содѣйствіи Кожевникова ослабить въ Уральскомъ войскѣ расколъ, распространить просвѣщеніе и искоренить грубые обычаи. На сколько Кожевниковъ успѣлъ подготовить умы казаковъ, трудно сказать, но онъ имѣлъ крупный недостатокъ—любилъ выпить и, кромѣ того, тратилъ много изъ войсковыхъ суммъ. Онъ разошелся съ Обручевымъ, вышелъ въ отставку и получилъ потомъ мѣсто губернатора въ Саратовѣ. Атаманомъ въ Уральскѣ назначенъ былъ полковникъ Геке.

Послѣ неудачнаго хивинскаго похода и со вступленіемъ Обручева въ должность начальника края правительство измѣнило свои взгляды на киргизскую степь, ея обитателей киргизъ и на наши отношенія къ Средне-азиатскимъ ханствамъ: Хивѣ, Бухарѣ и Кокану. Прежнія требованія ограничивались установленіемъ спокойствія,

прекращеніемъ раздоровъ и баранты между отдѣльными родами киргизъ. Прежде при слухахъ о скопленіи значительныхъ вооруженныхъ шаекъ въ степи почти каждое лѣто высылались военные отряды казаковъ съ артиллерією. Разбивъ скопище, захвативъ или убивъ главныхъ зачинщиковъ, отряды возвращались на линію, и степь, повидимому, оставалась успокоенною подъ управленіемъ трехъ султановъ-правителей, черезъ которыхъ проводились всѣ новыя мѣропріятія. Но время показало, что султаны-правители не имѣли большого вліянія на киргизъ, и послѣдніе, можно сказать, не считали себя подданными русскаго царя; не отказываясь отъ наружныхъ знаковъ подчиненія, они болѣе держались хивинскаго хана, во владѣніяхъ котораго кочевали главные бунтовщики, платили ему дань (зякетъ) и въ то же время охотно вносили кибиточную подать, пополняя хивинскія скопища при вторженіяхъ ихъ въ нашу часть степи. Устраненіе такихъ безпорядковъ могло быть достигнуто содержаніемъ военныхъ отрядовъ въ глубинѣ степи, которые могли бы во всякое время усмирять начавшееся движеніе въ народѣ. Съ этою цѣлью въ 1845 и 46 гг. заведены были два укрѣпленія на рр. Тургаѣ и Иргизѣ въ составѣ 200 казаковъ, роты пѣхоты и нѣсколькихъ пушекъ съ прислугою. Первое укрѣпленіе названо было Оренбургскимъ, потому что гарнизонъ его составляли Оренбургскіе казаки, а второе Уральскимъ, въ коемъ были уральцы. Въ 1847 г. болѣе сильно укрѣпленіе было построено на р. Сырь-Дарьѣ, при ея устьѣ, на урочищѣ Раимъ, почему и названо Раимскимъ.

Устройство этихъ укрѣпленій вызвало необходимость назначенія особыхъ специалистовъ инженеровъ и флотскихъ офицеровъ. Прибывшіе были молодые, хорошо образованные люди. Они жили въ Оренбургѣ и разнообра-

зили мѣстное общество, особенно въ собраніи, которое улучшалось въ своемъ составѣ, а съ этимъ отжившіе порядки замѣнялись новыми, принятыми въ столичныхъ обществахъ.

Приливъ и отливъ молодыхъ людей продолжался во все время управленія Обручева.

Оренбургское общество конца 40 и начала 50 гг. далеко было не то, какимъ оставилъ его генераль Перовскій: тамъ былъ небольшой кружокъ людей, ему подчиненныхъ и во всемъ ему сочувствовавшихъ, а въ новомъ обществѣ замѣчалась нѣкоторая самостоятельность и оно вліяло на мѣстную жизнь.

Обручевъ, подобно своимъ предшественникамъ, обратилъ особенное вниманіе на башкиръ, находя своевременнымъ измѣнить ихъ кочевой образъ жизни, но въ этомъ потерпѣлъ неудачу.

Въ Оренбургѣ мужскія правительственныя школы существовали съ XVIII ст., какъ напримѣръ главное народное училище, что нынѣ первое 3-классное городское, но школъ для дѣвочекъ вовсе не существовало; дѣвочки учились у частныхъ лицъ, далеко неподготовленныхъ къ этому дѣлу. Первый изъ начальниковъ края, обратившій на это вниманіе, былъ графъ Сухтеленъ. При немъ была открыта первая дѣвичья школа по образцу существовавшихъ въ Петербургѣ при гвардейскихъ полкахъ. Въ школѣ обучали чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариметики, рукодѣліямъ и башмачному ремеслу. Предполагалось обучать дочерей нисшаго класса горожанъ: мѣщанъ, отставныхъ солдатъ и ремесленниковъ, а потому составъ школы былъ пестрый. Дочери небогатыхъ чиновниковъ, служившихъ въ Оренбургѣ, обучались наукамъ и рукодѣлію, а дочери горожанъ—одному мастерству.

Перовскій въ первое управленіе краемъ не обращалъ

никакого вниманія на женское образованіе и училище оставалось въ прежнемъ видѣ.

По ходатайству Обручева училище было преобразовано въ институтъ благородныхъ дѣвицъ съ комплектомъ на 80 дѣвочекъ, изъ которыхъ 40 были на иждивеніи училища и 40 пансіонерокъ съ невысокою платою— 80 или 90 руб. Для института построенъ былъ каменный домъ на занимаемомъ и теперь мѣстѣ. Средства для этого Обручевъ употреблялъ изъ мѣстныхъ источниковъ: пожертвованій частныхъ золотопромышленниковъ Оренбургскаго края, платившихъ по приглашенію главныхъ начальниковъ 1% съ добывающагося металла; изъ этихъ то пожертвованій составилъ довольно значительный капиталъ.

Оренбургское Неплюевское военное училище, открытое въ 1826 г., *) долгое время не имѣло опредѣленнаго штата, денегъ на свое содержаніе, и долгое время не давало обучающимся въ немъ особыхъ правъ по окончаніи курса и для поступленія на службу.

По ходатайству Перовскаго въ 1840 г. были дарованы этому училищу новое положеніе и права окончившимъ въ немъ курсъ воспитанникамъ примѣнительно къ кадетскимъ корпусамъ, но число воспитанниковъ оставлено прежнее—80 человекъ, изъ которыхъ половина пансіонеровъ на собственномъ содержаніи.

Обручевъ и здѣсь усмотрѣлъ недостатокъ вакансій для такого обширнаго района, какъ Оренбургскій край, и испросилъ высочайшее соизволеніе на переименованіе этого заведенія въ Оренбургскій Неплюевскій кадетскій корпусъ, увеличилъ число вакансій до 200, по 30 на каждое казачье войско, и столько же для киргизъ, отвѣся содержаніе первыхъ на войсковые капиталы, а по-

Оно открыто 2-го января 1825 г. И. С. Шукшинцевъ.

слѣднихъ на билетный сборъ; остальные 80 вакансій оставались на прежнемъ положеніи.

Такая благотѣльная мѣра была очень сочувственно принята въ войскахъ чиновничьимъ классомъ, получившимъ возможность давать своимъ сыновьямъ военное образованіе, какъ болѣе сообразное съ обязательною службою въ своемъ войскѣ. Въ такомъ видѣ Неплюевскій кадетскій корпусъ оставался до общаго преобразованія кадетскихъ корпусовъ въ 60-хъ гг. въ военныя гимназіи, доступъ въ которыя дозволенъ былъ всѣмъ сословіямъ. Такая перемѣна совершенно видоизмѣнила въ существѣ права войсковыхъ офицеровъ на образованіе своихъ сыновей. Писарь, урядникъ, жившіе въ Оренбургѣ, имѣли полную возможность учить своихъ дѣтей въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ и всегда могли развить ихъ способности болѣе сравнительно съ строевымъ офицеромъ, жившимъ въ станицѣ и всю службу проведеннымъ въ степныхъ укрѣпленіяхъ и другихъ мѣстахъ; сыновей своихъ онъ едва могъ съ большимъ трудомъ научить читать и писать. При вступленіи въ корпусъ сыновья писарей, урядниковъ, получившихъ классный чинъ, всегда были лучше дѣтей офицеровъ строевой службы, и они по конкурсу принимались въ корпусъ, а послѣдніе возвращались домой и потомъ служили нижними чинами, если отцы ихъ не находили возможности приготовить ихъ для поступленія въ юнкерское училище.

Обручевъ, заботясь о военномъ образованіи казачьихъ войскъ, оставилъ въ пренебреженіи спеціальное образованіе, начальное основаніе которому положилъ Перовскій учрежденіемъ въ Оренбургѣ училища земледѣлія и лѣсоводства для Оренбургскаго казачьяго войска, на содержаніе котораго 3500 р. отпускалось изъ казны, а 1500 р. изъ войскового хлѣбнаго капитала. Училище это,

открытое въ 1836 г., имѣло 20—25 учениковъ; спеціальнымъ предметамъ, земледѣлію и лѣсоводству, обучали два учителя съ высшимъ спеціальнымъ образованіемъ, получавшіе большое жалованье, а общіе предметы проходились не выше курса уѣзднаго училища и преподавались мѣстными учителями. Воспитанники изъ казачьихъ малолѣтковъ Оренбургскаго войска содержались на иждивеніи войска; кромѣ того, были 2 ученика изъ Уральскаго войска съ платою по 85 р. въ годъ. Нѣтъ сомнѣнія, что лучшіе ученики теоретически изучали свои спеціальности, но не видѣли на практикѣ примѣненія теории. Выпускъ изъ училища былъ прямо въ дома, гдѣ надѣялись видѣть въ нихъ піонеровъ новаго способа обработки земли. Не имѣя ни практическихъ указаній, ни новыхъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, ученики забывали все выученное и поступали на службу писарями и терялись въ массѣ. Лѣсоразведенія даже не начиналось, кромѣ небольшого разсадника или лѣснаго питомника при самомъ зданіи училища (нынѣ войсковой арсеналъ). Училище въ самомъ началѣ не оправдало ожиданій начальства; это должно отнести къ тому, что оно не имѣло особаго опытнаго руководителя. Подчиненное сначала директору Неплюевского военнаго училища, полковнику Маркову, а за смертью его—въ 1848 г.— Оренбургскому коменданту, генераль-маіору Лифлянду, а послѣ его смерти католическому ксенду Зеленко, *) училище клонилось къ упадку, а съ переходомъ подъ начальство есаула Гребенщикова прекратило существованіе, хотя официально не было закрыто; при вторичномъ управленіи краемъ Перовскаго оно вновь начало дѣйствовать

*) Скончался въ Оренбургѣ въ началѣ 60-хъ годовъ XIX ст.
Прим. С. Н. Севастьянова.

подъ начальствомъ капитана генеральнаго штаба Герна. При училищѣ была ферма въ 2500 десятинъ земли въ генераль-губернаторскомъ участкѣ, а для работъ ежегодно высылались башкирская команда. Гернъ, производя различные опыты, израсходовалъ сбереженные при Обручевѣ деньги до 20 т. руб., но не могъ поддержать училища, и оно было закрыто генераломъ Катенинымъ.

Генераль Обручевъ въ управленіи краемъ не имѣлъ определенной программы. Всѣ его мѣропріятія къ развитію и улучшенію края являлись случайными. Край былъ бѣденъ въ медицинскомъ отношеніи, а въ станицахъ и совѣтъ не было медиковъ, но на такой существенный недостатокъ не обращалось вниманія. Повальныя скотскія болѣзни, занесенныя изъ киргизскихъ степей и изъ Сибири, не прекращались въ краѣ и приносили громадные убытки мѣстному населенію. Оставивъ безъ вниманія здравіе казаковъ по станицамъ, Обручевъ испросилъ высочайшее соизволеніе на открытіе при Казанскомъ университетѣ по ветеринарному его отѣленію 10 стипендій на счетъ войска для приготовленія ветеринаровъ, которымъ воспрещалось переходить на общій медицинскій курсъ. Обручевъ находилъ болѣе сообразнымъ въ казачьихъ войскахъ и у башкиръ вмѣсто врачей имѣть фельдшеровъ; съ этою цѣлью существовавшая въ Оренбургѣ фельдшерская школа была увеличена; въ ней обучалось 40 учениковъ на капиталы казачьихъ войскъ; впоследствии для нея построенъ былъ каменный домъ, существующій и нынѣ.

Надобно отдать справедливость Обручеву въ томъ, что ни одно изъ учрежденій въ Оренбургѣ не оставалось безъ его личнаго надзора. Посѣщая кадетскій корпусъ во время обѣда, онъ пробовалъ пищу воспитанниковъ и, когда находилъ ее неудовлетворительною, призывалъ эко-

нома и тутъ же распекалъ его. Въ дѣвичьемъ училищѣ *) (нынѣ Оренбургскій институтъ Императора Николая I) онъ заходилъ въ церковь и, если находилъ, что въ ризницѣ ризы не были въ порядкѣ уложены, то посылалъ сказать священнику, что онъ «отмѣнно недоволенъ этимъ».

Обручевъ имѣлъ способность во время узнавать и открывать злоупотребленія. Замѣтивъ одного кантониста, ходившаго около его дома, онъ заключилъ, что тотъ же-лаетъ сказать ему о чемъ-либо, самъ вышелъ къ нему и спросилъ, что нужно. Тотъ сказалъ, что на другой день, рано утромъ, изъ дома кантонистовъ, гдѣ нынѣ 2-й кадетскій корпусъ, будутъ вывезены экономическій холстъ, сукно, кожаный товаръ. Обручевъ на другой день отправился самъ и накрылъ похитителей. Баталіонный командиръ, майоръ Сплотринскій, получилъ отставку.

Узнавъ, что солдаты линейныхъ баталіоновъ въ Оренбургѣ курятъ табакъ, привезенный изъ имѣнія дивизионнаго начальника генералъ лейтенанта Толмачева для продажи, приказалъ баталіонному командиру принести показать ему табакъ. Элегантный баталіонный командиръ, майоръ Чигирь, презгливо относившійся ко всему, употребляемому народомъ, явился къ корпусному начальнику съ двумя пачками листового табаку-махорки. Сдѣлано это было Обручевымъ съ цѣлью показать, что ему все извѣстно.

Вечеромъ въ лѣтнее время Обручевъ нерѣдко ходилъ по городу въ сопровожденіи ординарца урядника или унтеръ-офицера. Дѣлая лично взысканія съ попадавшихся ему чиновниковъ, онъ иногда смѣшивалъ лица и говорилъ невпопадъ. Такъ послѣ развода, увидавъ одного от-

*) Въ 1848 г. данъ новый штатъ, а въ 1855 г. переименовано въ Институтъ для благородныхъ дѣвицъ.

ставного офицера. онъ подозвалъ его и распекъ за дурное состояніе почтовыхъ дорогъ въ уѣздѣ, что онъ замѣтилъ во время недавней поѣздки. Распекаемый отвѣтилъ, что онъ дорогами не завѣдуетъ. Обручевъ спросилъ, развѣ онъ не земскій исправникъ, и узнавъ, что тотъ экономъ кадетскаго корпуса, распекъ его за беспорядки, найденные при последнемъ посѣщеніи корпуса, когда эконома не было дома.

Обручевъ былъ очень скупъ въ своей частной жизни. Однажды, во время масленицы, по его приказанію построили сани-лодку для катанья по Николаевской улицѣ избранной интеллигенціи. Лодку привезли къ его дому и доложили, что все готово, но немного не хватило денегъ для уплаты мастерамъ; по расчету нужно было добавить 2 или 3 р. съ копейками. Обручевъ отдалъ сполна и самъ считалъ мѣдяки.

Какъ главный начальникъ края, обязанный въ торжественные дни дѣлать большіе обѣды и балы, онъ долженъ былъ имѣть достаточно прислуги, но послѣдняя у него была въ ограниченномъ размѣрѣ, только для своей семьи; въ исключительныхъ случаяхъ для увеличенія штата прислуги брались изъ баталіоновъ солдаты, знавшіе это дѣло еще до вступленія въ военную службу. Ихъ одѣвали во фраки и они замѣняли лакеевъ. Иногда они служили у Обручева безсмѣнно долгое время. Предъ праздниками Рождества и Пасхи, когда принято дарить прислугѣ, Обручевъ собиралъ ихъ всѣхъ и каждому давалъ въ бумажкѣ завернутыя деньги, отъ 1 до 3 р., чтобы они на эти деньги покупали себѣ бѣлыя перчатки, и всегда подтверждалъ, чтобы деньги не пропивали.

Это мнѣ рассказывалъ правитель его канцеляріи Смольяниновъ, ближе другихъ стоявшій къ Обручеву и

хорошо знавшій порядки, установившіеся въ его семьѣ. Тотъ же Смольяниновъ, будучи пачальникомъ отдѣленія, вмѣстѣ съ войсковымъ старшиной Петромъ Ивановичемъ Корянымъ были взяты Обручевымъ въ Петербургъ. При ограниченныхъ своихъ личныхъ средствахъ они рассчитывали имѣть содержаніе изъ экстраординарныхъ казенныхъ суммъ, которыя взялъ Обручевъ на поѣздку. Квартира была въ гостиницѣ общая, обѣдъ общій съ генераломъ, но ужинъ и чай не полагались. Содержатель ресторана говорилъ имъ, что напрасно они стѣсняются, что генералъ заплатитъ и что дѣло устроится такъ, что чиновники останутся не при чемъ. Въ положенные часы ужинъ и чай исправно имъ стали подаваться, что продолжалось до отъѣзда. Когда поданъ былъ счетъ, Обручевъ раскричался на содержателя гостиницы. Тотъ сказалъ, что всѣ останавливавшіеся у него высокія особы содержали своихъ чиновниковъ; по этому онъ, не предупрежденный генераломъ, подавалъ имъ завтраки, ужинъ и чай. Чиновники въ свою очередь заявили, что они видѣли въ этомъ его приказаніе. Обручевъ уплатилъ по счету, но долго напоминалъ имъ, какъ они въ Питерѣ хозяйничали на его счетъ.

Въ отпускаемыхъ ему казенныхъ деньгахъ Обручевъ былъ экономенъ до скупости.*) Такія суммы, какъ отпу-

*) Обручевъ дѣйствительно берегъ казенную копейку, а подозрѣвая инженеровъ въ слишкомъ широкихъ замашкахъ по расходованію денегъ на постройки, съ великимъ неудовольствіемъ получалъ имъ казенныя работы. При постройкѣ, напр., житницъ для хлѣба въ Оренбургскомъ войскѣ—онъ, по словамъ старожиловъ, довѣрилъ это дѣло прямо казачьимъ офицерамъ, призвавъ ихъ къ себѣ и въ присутствіи инженеровъ обратился къ нимъ съ предложеніемъ построить житницы хозяйственнымъ способомъ, подчеркнувъ при этомъ, что

скаемыя на пособія бѣднымъ чиновникамъ 600 р. и на экстраординарные расходы—2800 р., расходовалъ, строго придерживаясь закона, и случалось такъ, что по истеченіи года Обручевъ возвращалъ въ казначейство до половины отпускавшихся денегъ, не позволяя брать изъ этого источника на награды служащимъ въ канцеляріи, которымъ выдавалъ то, что оставалось отъ штатныхъ суммъ. Первый его правитель канцеляріи Лебедевъ составлялъ исключеніе, получая по 150 р. въ треть изъ экстраординарной суммы въ добавленіе къ 1300 р. его штатнаго жалованья. Этотъ Лебедевъ оставался однимъ изъ немногихъ, привезенныхъ Перовскимъ на должность правителя канцеляріи, но не получившій при немъ этого мѣста потому, что Перовскій нашелъ болѣе талантливаго и уже знакомаго съ краемъ Акима Ивановича Середу. Лебедевъ согласился принять мѣсто секретаря съ сохраненіемъ содержанія правителя канцеляріи. Лебедевъ происходилъ изъ духовнаго званія, кончилъ курсъ духовной семинаріи; на своей родинѣ онъ былъ правителемъ канцеляріи Воронежскаго губернатора, потомъ перешелъ на службу въ Петербургъ, откуда приглашенъ былъ на службу въ Оренбургъ.

Съ отличными способностями и полученными на службѣ практическими знаніями онъ, пока состоялъ въ канцеляріи, умѣлъ удерживать Обручева отъ неудачныхъ мѣропріятій. Лебедевъ замѣтивъ, что Обручевъ увлекается чѣмъ—либо и желаетъ вести дѣло по своему, говорилъ ему, что такъ нельзя, неудобно, не по закону. Об-

они конечно не позволятъ себѣ мошенничать, какъ вотъ эти господа инженеры. При постройкѣ казенной мечети въ Оренбургъ Обручевъ заставилъ взобраться наверхъ одного толстяка инженера и раскричался на него за то, что голуби насорили наверху.

Прим. С. Н. Севастьянова.

ручевъ настаивалъ на своемъ. Лебедевъ исполнялъ приказаніе, а впослѣдствіи высшее начальство разъясняяло, что такъ неудобно поступать. Укажу на одинъ изъ такихъ случаевъ. Ханъ внутренней Букеевской орды Джангеръ Букеевъ, сумѣвшій лично просить государя Николая Павловича за оставленіе въ его семействѣ ханскаго достоинства, удостоился получить благопріятное увѣреніе, что сыновья его не будутъ забыты. Въ 1849 или 50 г. кончилъ курсъ въ пажескомъ корпусѣ сынъ Джангера Сагибъ-Гирей и черезъ преданныхъ ему лицъ заявилъ желаніе, согласно данному обѣщанію, занять нѣ ордѣ мѣсто отца, умершаго предъ тѣмъ. Сагибъ-Гирей, возведенный въ княжеское достоинство и корнета лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, долженъ былъ пріѣхать на нѣкоторое время въ Оренбургъ для ознакомленія съ предстоящими ему обязанностями и для изученія дѣлъ орды. Возникъ вопросъ о назначеніи ему содержанія. Необходимо замѣтить, что ханъ Джангеръ получалъ въ годъ собираемаго съ киргизъ зякета свыше 300 т. руб. асс. въ полное и безотчетное распоряженіе и содержалъ на эти доходы все внутреннее управленіе. Съ его смертью порядокъ этотъ измѣнился: сборъ зякета, какъ казенная подать, сталъ поступать въ распоряженіе правительства и расходоваться на опредѣленные предметы; поэтому Обручевъ никакъ не мирился съ мыслью, что новому князю Сагибъ-Гирею нужно дать приличное его званію содержаніе, и, послѣ всѣхъ соображеній Лебедева, настоялъ на своемъ, опредѣливъ сумму не свыше 1 т. р., а можетъ быть и меньше. Дѣло пошло въ министерство государственныхъ имуществъ, которому подчинена была внутренняя орда, и оттуда получена была бумага, въ которой первая страница оканчивалась словами *пятьсотъ руб.* Обручевъ потребовалъ Лебедева и сказалъ, что онъ

хорошо сдѣлалъ, не согласившись съ нимъ. Лебедевъ, вскрывавшій конверты прежде, отвѣчалъ: «Вы не дочитали, переверните страницу и увидите другое». Обручевъ посмотрѣлъ и увидѣлъ, что 500 р. назначены *въ мѣсяцъ*. Съ этого времени онъ въ сомнительныхъ случаяхъ слѣдовалъ руководительству Лебедева.

Обручевъ былъ необузданъ въ начинаніи дѣлъ и въ направленіи ихъ по своему усмотрѣнію, какъ это покажетъ дѣло подполковника Ив. Ив. Корина, служившаго дежурнымъ штабъ-офицеромъ Оренбургскаго казачьяго войска.

Съ образованіемъ Оренбургской линіи отправленіе по ней почтовой гоньбы составляло обязанность всего башкирскаго народа, какъ служебная повинность. Башкиры выставляли на опредѣленныя станціи извѣстное число лошадей съ телѣгами, а зимою санями, со всею сбруею и проводниковъ, содержа на свой счетъ какъ лошадей, такъ и людей. На самомъ дѣлѣ башкиры гоньбу сдавали мѣстнымъ жителямъ, отдавая имъ лошадей съ приплатою денегъ на содержаніе послѣднихъ, а сами уѣзжали въ свои дома. Такой порядокъ продолжался до половины 1835 г. Почту и проѣзжающихъ возили наемные ямщики; почтовыхъ станцій (домовъ) не существовало; опредѣленныхъ правилъ на счетъ возки, формы ямщиковъ и размѣра повозокъ не было,—возили въ чемъ и у кого что было. Въ 1835 г. по ходатайству Перовскаго натуральная поставка почтовыхъ лошадей была отмѣнена, а вмѣсто этого башкиры были обложены 80 коп. ассигн. (23 к.) сборомъ съ души. Почтовое вѣдомство старалось и на Оренбургской линіи ввести общія правила, но оно встрѣчало затрудненіе въ томъ, что не вся собираемая съ башкиръ сумма употреблялась по прямому ея назначенію, а многое уходило на внутреннее управленіе башкир-

скимъ войскомъ. Для управленія было желательно сдать почтовые станціи за низшую цѣну и оно черезъ особыхъ чиновниковъ выдавало почтосодержателямъ плату; вслѣдствіе этого стремленія почтоваго вѣдомства не могли исполняться на мѣстѣ, но все таки оно не оставляло своихъ требованій отъ держателей линейныхъ станцій и тѣснило ихъ во всемъ, касающемся исправности почтовой гоньбы. Дѣло дошло до того, что почтовыхъ станцій за прежнюю низкую плату никто ни съ торговъ, ни по распоряженіямъ не бралъ, да и опредѣлить дѣйствительную стоимость станцій мѣстнымъ жителямъ было нельзя: требовались извѣстнаго размѣра повозки, а на мѣстѣ такихъ не было, нужно было выписывать со стороны и т. и.

Подполковникъ Коринъ, прежде занимавшійся содержаніемъ станцій, хорошо зналъ, чѣмъ именно можно ублаготворить почтмейстеровъ, — а именно — не дѣлать особыхъ притязаній по буквѣ почтовыхъ правилъ. При содѣйствіи другихъ лицъ онъ добился согласія почтовыхъ чиновниковъ нѣсколько поблажать казакамъ-почтарямъ, составилъ анонимное товарищество, чтобы взять въ однѣ руки весь Оренбургскій линейный трактъ, и явился въ Оренбургское войсковое правленіе на торги, внеся установленный залогъ наличными деньгами. На торгахъ присутствовалъ самъ наказный атаманъ, графъ Цукато, съ полнымъ составомъ присутствія. Ни для кого не было тайной, что Коринъ — дежурный штабъ-офицеръ, знали также и негласныхъ его товарищей (адъютантъ атамана ротмистръ Жидковъ, жена котораго имѣла большой капиталъ, и чиновникъ Биберштейнъ, дочь котораго была за братомъ Корина, — ассесоромъ войскового правленія Петромъ Ив. Коринымъ). На торгахъ станціи остались за Коринымъ за много высшую плату и съ условіемъ содержать ихъ во всемъ согласно почтовыхъ правилъ.

Военному губернатору тоже было хорошо известно, кто Коринъ, но должность его не препятствовала дѣлу.

Военный совѣтъ, по представленію Обручева, утвердилъ станціи на три года за выпрошенную на торгахъ сумму за Коринымъ. Заключивъ контрактъ, онъ сдѣлался хозяиномъ дѣла. Поѣхавъ по линіи, Коринъ нанялъ на всѣхъ станціяхъ казаковъ и частію чиновниковъ за меньшую цѣну. Причина выгодной передачи заключалась въ томъ, что Коринъ сдалъ станціи на условіи знать его одного, отъ него получать плату не только за отбытое время, но при нуждѣ и впередъ, а всякое придирчивое требованіе почтовыхъ чиновниковъ оставилъ за собою, а равно и отвѣтственность за потерю корреспонденціи при перевозкѣ по почтѣ, залоговъ же не бралъ ни съ кого.

Досужіе люди считали, что отъ этой операціи у Корина остается въ годъ не менѣе 12 т. руб. Аппетиты разгорѣлись, и заговорили о томъ, что Коринъ сумѣлъ ловко устроить хорошее дѣло. Онъ послѣ лично говорилъ мнѣ, что даже наказный атаманъ, графъ Цукато, за обѣдомъ у себя съ скрытою завистью говорилъ о немъ, какъ о будущемъ богачѣ.

Обручева дѣло это покорило. Совѣтники его говорили и такъ и иначе; придумали начать дѣло, противъ чего не былъ и правитель канцеляріи Лебедевъ. Нужно было узнать, что дѣлалъ Коринъ на мѣстѣ и какъ совершилась передача станцій. Для повѣрки дѣйствій Корина, какъ дежурнаго штабъ-офицера, изображавшаго собою все, не было въ войскѣ лица и военный губернаторъ послалъ для этого состоявшаго при немъ чиновникомъ особыхъ порученій войскового старшину Уральскаго войска Матвѣева.

Ураганомъ пронесся проѣздъ Матвѣева по всей линіи до Сибири; онъ допрашивалъ и собиралъ факты

мнимыхъ преступленій Корина, отобралъ на одной или двухъ станціяхъ пустыя записки, но ничего не обнаружилось кромѣ того, что говорилъ самъ Коринъ, т. е., что онъ сдалъ станціи за много меньшую плату, чѣмъ самъ взялъ. Результаты дознанія были пересланы Обручеву въ Петербургъ, гдѣ онъ находился по дѣламъ службы.

Въ Петербургѣ было составлено и послано военному министру донесеніе о такомъ крупномъ злоупотребленіи, въ допускѣ котораго обвиняли войсковое правленіе, которое въ дѣйствительности въ этомъ дѣлѣ не сдѣлало ничего противозаконнаго.

Въ отвѣтъ было получено отношеніе бывшаго департамента военныхъ поселеній, въ которомъ тогда сосредоточены были дѣла казачьихъ войскъ, направить настоящее дѣло къ законному производству и вмѣстѣ съ тѣмъ передано приказаніе военного министра, графа Чернышева, обратить вниманіе на то, «благонадеженъ»-ли состав членовъ войкового правленія «для исполненія лежащихъ на немъ обязанностей»?

Бумага департамента военныхъ поселеній была прислана въ Оренбургъ, гдѣ должность военного губернатора, за отсутствіемъ Обручева, исправлялъ генералъ-лейтенантъ Толмачевъ. Онъ назначилъ слѣдствіе, для производства котораго избраны были командиръ 1-го Оренбургскаго казачьяго полка полковникъ Бергъ и старшій адъютантъ корпуснаго штаба капитанъ Михайловъ. Въ перепискѣ прошла половина срочнаго по контракту времени. Коринъ спокоя получалъ контрактную плату и самъ удовлетворялъ нанятыхъ почтарей. Негласные компаніоны Корина, предвидя возможность потерять вложенный въ дѣло капиталъ, получили въ началѣ своденъги, которыя имъ были возвращены изъ прибыли перваго года, и такимъ образомъ вышли изъ дѣла безъ потери, но и безъ пользы,

а Коринъ остался единственнымъ хозяиномъ и собственникомъ предпріятія.

Слѣдствіе велось въ рамкахъ предварительнаго дознанія и тоже ничего не открыло. Сначала оно велось горячо и скоро, а потомъ за справками затянулось. Наступила страшная и повсемѣстная въ краѣ холера 1848 г. Коринъ умеръ, а за нимъ и правитель канцеляріи военнаго губернатора Лебедевъ, и дѣло потеряло свой острый характеръ. Военнаго губернатора занимали мѣры къ прекращенію холеры, которая начала ослабѣвать съ сентября. Въ ноябрѣ наказный атаманъ представилъ Обручеву произведенное слѣдствіе.

Обвиненіе основывалось совершенно на другомъ, чѣмъ въ началѣ, гдѣ стояло на первомъ мѣстѣ лицо дежурнаго штабъ-офицера, какъ начальника, заключившаго сдѣлку съ казаками, ему подчиненными и видимо имъ стѣсненными; но слѣдствіемъ ничего подобнаго не было найдено. Тогда остановились на другомъ. Почтовыми правилами передача станцій дозволяется съ разрѣшенія почтоваго начальства и за ту же плату, какую получаетъ самъ содержатель. Но и здѣсь прямого нарушенія не было сдѣлано. Коринъ передачу станцій сдѣлалъ на многихъ мѣстахъ безъ всякихъ письменныхъ условій и оставилъ за собою отвѣтственность въ случаѣ потери почты въ пути ямщиками. Дѣло было представлено военному министру съ обвиненіемъ Корина по послѣднему обстоятельству и войскового правленія въ допущеніи такого незаконнаго дѣйствія и за это Обручевъ полагалъ отнести расходъ по производству слѣдствія на виновныхъ. Изъ военнаго министерства дѣло, кажется, передавалось на заключеніе главнаго почтоваго начальства и въ перепискѣ прошелъ почти весь контрактный срокъ. Все это кон-

чилось тѣмъ, что чины войскового правленія, т. е. ассесоры и дьякъ, заплатили сдѣланный расходъ.

Обручевъ имѣлъ еще крупное столкновеніе съ наказнымъ атаманомъ Уральскаго войска, генераломъ Геке, имъ же назначеннымъ на этотъ постъ. Геке отказался исполнить приказаніе военнаго губернатора, которому онъ обязанъ былъ безусловно подчиняться, по упорядоченію почтовой части въ войскѣ и за это получилъ выговоръ военнаго министра.

Генераль Геке, прибывшій въ Оренбургъ въ свитѣ военнаго губернатора Сухтелена, во все время служенія здѣсь пользовался общимъ вниманіемъ и былъ любимъ подчиненными. Отдѣльною самостоятельною частью онъ не завѣдывалъ, состоя чиновникомъ особыхъ порученій при Сухтеленѣ и Перовскомъ при первомъ его управленіи краемъ. Съ изданіемъ 12 декабря 1840 г. положенія объ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ получилъ назначеніе на должность начальника штаба; эту должность онъ занималъ долгое время и приобрѣлъ расположеніе и любовь казаковъ своею справедливостью и умѣньемъ вести войсковыя дѣла. Жилъ онъ холостымъ почти во все время служенія, а въ 1845 г. женился въ Москвѣ и завелъ семейныя связи съ Обручевыми, и какъ говорили, жена послѣдняго Матильда Петровна благоволила къ своему сородичу, какъ къ нѣмцу, и съ выходомъ наказнаго атамана полковникова Кожевникова въ отставку Геке былъ назначенъ въ Уральскъ наказнымъ атаманомъ. Тогда многіе несочувственно огносились къ этому назначенію, особенно простые казаки, которые привыкли видѣть атамановъ изъ своей среды, а тутъ къ нимъ назначили нѣмца и лютеранина. Перовскій во второе управленіе краемъ въ назначеніи Геке видѣлъ крупную ошибку.

Въ 1845 г. пріѣхалъ въ Оренбургъ вновь назначен-

ный на мѣсто тайнаго совѣтника Генса *) председатель пограничной комиссіи генераль-маіоръ Ладыженскій, изъ офицеровъ генеральнаго штаба, бывшій въ Китаѣ и знакомый съ инородцами Сибири, гдѣ въ послѣднее время онъ служилъ председателемъ Тобольскаго общаго губернскаго управленія. Русскій по рожденію и православный по вѣрѣ Михаилъ Васильевичъ привезъ съ собою поляковъ, вѣроятно, служившихъ съ нимъ въ Сибири, а они въ свою очередь вызвали своихъ сородичей изъ западныхъ губерній, и канцелярія комиссіи обратилась въ польское учрежденіе, гдѣ чиновники говорили между собою по-польски, а русская рѣчь была на второмъ планѣ. Поляки, при благосклонномъ расположеніи начальника, сумѣли занять лучшія мѣста, часть ихъ осталась навсегда въ краѣ, устроившись выгодною женитьбою на богатыхъ купеческихъ дочеряхъ.

Діонисій Жуковскій, служившій въ комиссіи на низшихъ должностяхъ, не выше столоначальника, получилъ наконецъ мѣсто попечителя прилинейныхъ киргизъ, въ Троицкѣ женился на дочери золотопромышленника Бакакина, превратился въ богатаго человѣка и, выйдя потомъ въ отставку, жилъ роскошно. Генераль-губернаторъ Крыжановскій въ 60 гг. пригласилъ его къ себѣ чиновникомъ особыхъ порученій. Говорили, что по приѣздѣ въ Оренбургъ Жуковскій вмѣстѣ съ братомъ имѣли одинъ фракъ, въ которомъ поочередно ходили въ собраніе и въ частные дома.

Генераль Ладыженскій не имѣлъ собственнаго состоянія; человѣкъ онъ былъ семейный, имѣлъ 5 человѣкъ дѣтей, жилъ открыто, лучше другихъ начальниковъ от-

*) Генсъ умеръ въ отставку въ Оренбургѣ 10-го мая 1845 г.

Прим. С. И. Севастьянова.

дѣльныхъ частей; зимою часто у него бывали танцевальныя вечера, а карточные едва ли не каждый день; нерѣдки бывали и обѣды, на которые также приглашались и чиновники комиссіи. Ладыженскій въ праздныхъ случаяхъ ѣздилъ по старому дворянскому обычаю въ каретѣ четвернею съ фореиторомъ, что въ Оренбургѣ бывало рѣдко. Содержанія получалъ не болѣе 4 т. руб. при казенной квартирѣ.

Для широкой жизни этихъ денегъ и по тогдашнему времени было мало, а Ладыженскому въ особенности, потому что у него была взрослая дочь, Екатерина, туалеты которой стоили дорого. Она вышла за помѣщика Григорія Ѳедоровича Исѣева, довольно состоятельнаго чело-вѣка; оба они вели беззаботную жизнь и въ разгарѣ эмансипаціи переѣхали въ Петербургъ для воспитанія дѣтей и пріисканія мѣста. Исѣевъ въ двухъ банкахъ заложилъ свое имѣніе, взялъ болѣе 100 т. руб.; часть ихъ потерялъ на аферахъ въ столицѣ, часть прожилъ и, раззорившись, пріѣхалъ въ свое имѣніе въ 1880 или 81 г., устроить его не могъ и умеръ въ 1890 г., а имѣніе было продано съ торговъ, причемъ наслѣдникамъ досталось 15 или 16 т. руб.

Съ первыхъ годовъ управленія Обручева появляется въ Оренбургѣ театр, сначала любительскій, а потомъ стали пріѣзжать труппы провинціальныхъ актеровъ, правда далеко не изъ лучшихъ представителей театральнаго искусства, но въ общемъ-желательныхъ для общества, особенно для средняго класса и молодыхъ людей, не имѣвшихъ для себя разумныхъ развлеченій.

Любительскіе спектакли устраивались въ залѣ пограничной комиссіи, гдѣ нынѣ квартира Тургайскаго губернатора, и въ дворянскомъ собраніи, гдѣ сначала лю-

бители довольствовались только столовою, а съ постепеннымъ развитіемъ дѣла перешли въ зало и занимали его въ тѣ дни, когда не было танцевальныхъ вечеровъ.

IX.

Графъ В. А. Перовскій.

(1851—1857).

Назначенный послѣ Обручева Оренбургскимъ и Самарскимъ генералъ-губернаторомъ, Перовскій пріѣхалъ въ маѣ 1851 г. черезъ Сакмарскую станицу. Проѣзжая изъ Казани, онъ былъ въ Уфѣ, гдѣ губернаторомъ былъ Балкашинъ. При переправѣ черезъ Сакмару Перовскій щедро заплатилъ казакамъ золотомъ и сказалъ войсковому атаману Уральскаго войска, въ составѣ котораго была Сакмарская станица, что это дѣлаетъ онъ для того, чтобы показать этимъ, что онъ пріѣхалъ раздавать золото, а не брать его себѣ съ Оренбургскихъ земель, — намекъ на доносъ Обручева въ военное министерство, что Перовскій въ 1835—38 гг. утвердилъ приговоръ башкиръ о дозволеніи сестрѣ его—Аннѣ Алексѣевнѣ графинѣ Толстой разработки золота.

Отъ назначенія Перовскаго всѣ ждали многого: чиновники наградъ и повышенія въ должностяхъ; купцы — прибылей отъ оживленія торговли въ городѣ съ привле-

ченіемъ сюда богатыхъ людей вмѣсто той бѣдноты, ка-
кая ютилась около Обручева, жившаго скупю и держав-
шаго своихъ подчиненныхъ въ черномъ тѣлѣ; подрядчики
рабочихъ и мастеровыхъ надѣялись, что они уже не бу-
дутъ болѣе работать на мѣдные гроши; башкиры, казаки
и вообще простой народъ ждали одни облегченія, другіе
— свободы въ занятіяхъ.

Въ свитѣ Перовскаго пріѣхалъ статскій совѣтникъ
Василій Васильевичъ Григорьевъ, какъ отличный стили-
стъ въ писаніи разнаго рода бумагъ. Перовскій имѣлъ
такихъ людей и въ первое управленіе краемъ. Коллеж-
скій ассесоръ Павелъ Николаевичъ Глѣбовъ, служившій
въ Сенатѣ и приглашенный прямо на должность прави-
теля канцеляріи, черезъ 3 мѣсяца замѣнилъ Смольянино-
ва. Съ Перовскимъ прибыли также и два юнца, не бо-
лѣе года окончившіе курсъ въ Царскосельскомъ Алек-
сандровскомъ лицѣѣ, Поливановъ и Вельяминовъ — Зер-
новъ, бывшіе безъ опредѣленнаго назначенія, но полу-
чившіе вскорѣ мѣста: новообразованный для дѣлъ присо-
единенной Самарской губерніи отдѣлъ канцеляріи пору-
ченъ былъ Поливанову, а Вельяминовъ, какъ изучившій
восточные языки, считался при пограничномъ отдѣленіи
канцеляріи и былъ въ распоряженіи Григорьева, тоже
оріенталиста, и получалъ назначенія по командировкамъ
въ степь и на окраины ея.

Въ той же свитѣ былъ коллежскій совѣтникъ Миха-
иль Григорьевичъ Ржевскій. Для чего онъ былъ взятъ —
трудно сказать, да онъ и самъ не могъ бы отвѣтить на
подобный вопросъ. Ему поручено было докладывать всту-
павшія на имя генераль-губернатора просьбы, изъ кото-
рыхъ извлеченія дѣлали два писца, а Ржевскій подписы-
валъ и подавалъ Перовскому, причемъ получалъ замѣча-
нія за неграмотность. Ржевскій былъ страстный картеж-

никъ и шуллеръ. Здѣсь онъ обыгралъ многихъ: начальника таможеннаго округа „Веніера на 20—30 т. руб., Щербачева на такую же сумму, командира баталіона военныхъ кантонистовъ маіора Плотникова на 6 т. руб., заплатились также, но умѣренно; Еникуцевъ, Звенигородскій и Горячевъ,—бывшіе откупщики, но люди осторожные, и другіе мелкіе чиновники. Говорили, что Ржевскій увезъ изъ Оренбурга не менѣе 80 т. руб.; но изъ этихъ денегъ немного пошло на пользу; что-то около 10 т. руб. на сына, вышедшаго офицеромъ въ конную гвардію, а всѣ остальные деньги Ржевскій проигралъ, да еще прихватилъ у Перовскаго. Послѣдній, живя въ Москвѣ, собралъ у тамошнихъ капиталистовъ пожертвованія на православный храмъ во вновь покоренномъ Коканскомъ ханствѣ и поручилъ отнести 6 т. руб. въ опекунскій совѣтъ Ржевскому, но тотъ вмѣсто банка попалъ въ англійскій клубъ, гдѣ спустилъ все до копѣйки, и явился съ повинною къ Перовскому, который послалъ свои деньги, но уже съ Александромъ Петровичемъ Звенигородскимъ, который и передалъ мнѣ всю эту исторію. Послѣ Оренбурга Ржевскій, старикъ, раненый и ходившій на искусственной ногѣ, добился назначенія начальникомъ дружины въ народномъ ополченіи и въ этой должности умеръ, Дружба его съ Перовскимъ заключалась только въ томъ, что въ сраженіи подъ Анапой они оба были ранены и лежали въ одной палаткѣ.

Кружокъ молодыхъ людей увеличился прібытіемъ новыхъ лицъ; изъ нихъ можно упомянуть Александра Михайловича Жемчужникова, племянника Перовскаго отъ сестры, бывшей за сенаторомъ Жемчужниковымъ; маіора, а впослѣдствіи статскаго совѣтника Илью Александровича Киреевскаго, маіора Кузьмина-Караваева, лейбъ-гусарскаго корнета князя Ибрагима Чингиза. Къ этой

же категоріи принадлежали полковникъ Илья Андреевичъ графъ Толстой, *) родственникъ Перовскаго, и маіоръ, а впоследствии полковникъ, Александръ Афанасьевичъ Толмачевъ, женатый на Евгеніи Эдуардовнѣ Эверманъ, къ которой былъ неравнодушенъ Перовскій.

Анна Осиповна Жилкова, жена адъютанта наказнаго атамана Оренбургскаго войска, рожденная Иванова, сумѣла привлечь къ себѣ Перовскаго, но послѣдствіемъ этого было то, что мужъ ея, переведенный адъютантомъ къ Перовскому и быстро пошедшій по служебной лѣстницѣ, разошелся съ женою, возвратилъ ей полученный въ приданое капиталъ и уѣхалъ въ Петербургъ къ своему бывшему начальнику графу Цукато.

Къ свитѣ Перовскаго должно еще причислить домашняго его доктора, которымъ былъ сначала врачъ изъ Москвы Павловъ, разошедшійся съ Перовскимъ изъ-за одной неудачной операціи и замѣненный политическимъ ссыльнымъ Круневичемъ, который послѣ смерти Перовскаго былъ назначенъ лейбъ-медикомъ; кромѣ того, въ составъ свиты входилъ еще живописецъ для снятія видовъ во время походовъ.

Вся эта масса чиновниковъ каждый день обѣдала въ квартирѣ Перовскаго, пила и ѣла на его счетъ, а вечеромъ расходилась по частнымъ домамъ, ежедневно принимавшимъ гостей; такихъ домовъ было достаточно. Нѣкоторые предпочитали дворянское собраніе, гдѣ шла каждый вечеръ карточная игра.

Въ первый годъ пріѣзда въ Оренбургъ, въ Николинъ

*) Начальникъ штаба Орен. каз. войска, а со смертію Подурова назначенъ наказнымъ атаманомъ того же войска въ 1859 году. Управлялъ до 1863 г., когда уѣхалъ изъ Оренбурга.

Прим. С. Н. Севастьянова

день, (тезоименитство императора Николая Павловича) Перовскій въ дворянскомъ собраніи далъ балъ, какого не видалъ еще Оренбургъ и который стоилъ до 2 т. руб. Приглашенныхъ была масса. Буфетъ былъ открытъ для всѣхъ. Шампанское подавалось всякому, кто желалъ. Ужинать могли, начиная съ 11 часовъ, каждый по своему желанію. Другого подобнаго бала въ собраніи не было, а балы устраивались въ генераль-губернаторскомъ домѣ. Я бывалъ почти на каждомъ балу. Ужинъ всегда былъ общій. Перовскій, какъ и прежде, рѣдко досиживалъ до конца бала, а уходилъ много раньше въ свой кабинетъ, отдыхалъ и снова появлялся среди своихъ гостей. Онъ страдалъ удушьемъ и одинъ разъ припадокъ былъ такъ силенъ, что наканунѣ св. Пасхи исповѣдывался и причащался; у заутрени не былъ, но всѣ изъ церкви послѣ обѣдни поѣхали къ нему и разговлялись, какъ всегда, въ изобиліи поставленными кушаньями и напитками.

Въ концѣ мая и по сентябрь Перовскій уѣзжалъ на кочевку, гдѣ жили на его счетъ многіе изъ лицъ его свиты, остававшіеся въ городѣ, а другіе уѣзжали въ свои имѣнія или просто въ отпускъ. Одно лѣто (1853 г.) Перовскій не жилъ на кочевкѣ, потому что предпринялъ военную экспедицію противъ Кокана. Предположено было взять всѣ коканскія крѣпости по р. Сыръ-Дарьѣ и главную цитадель Акъ-Мечеть, гдѣ жилъ коканскій бекъ, собиравшій зякетъ съ киргизъ. Походъ былъ трудный и представлялъ много опасностей. Коканцы имѣли артиллерию и взятіе Акъ-Мечети штурмомъ потребовало бы значительнаго пролитія крови. Для избѣжанія этого нужна была правильная осада, а для послѣдней—требовалось взять всѣ принадлежности изъ Оренбурга чрезъ голодныя степи. Перовскій, помня свои неудачи въ хивинскомъ

походѣ 1839 г., былъ крайне остороженъ и вникалъ лично во всё приготовленія экспедиціи. Войска были всѣхъ трехъ родовъ оружія: пѣхота, кавалерія и артиллерія, а также нѣсколько понтонныхъ лодокъ. Начальникомъ всего отряда, состоявшаго подъ главнымъ начальствомъ самого Перовскаго, былъ назначенъ атаманъ Оренбургскаго казачьяго войска генераль-маіоръ Иванъ Васильевичъ Подуровъ. Для перевозки тяжестей отправлены были команды башкиръ, а верблюды взяты у киргизъ. Войско благополучно дошло до Акъ-Мечети, расположилось передъ крѣпостью, и начались траншейныя работы, доведенныя до крѣпостного вала; затѣмъ произведенъ былъ взрывъ стѣны и въ образовавшееся отверстіе штурмующія колонны вошли въ городъ. Это было 28 іюля 1853 г.

Внутреннее управленіе краемъ за это время не было ничѣмъ ознаменовано. При вступленіи въ должность Перовскій не говорилъ рѣчи и во все время управленія ни съ кѣмъ не совѣщался, не собиралъ комитетовъ; дѣла рѣшались или согласіемъ его съ докладчикомъ, или по его указанію. Начальники отдѣльныхъ частей, предварительно возбужденія ходатайства о благоустройствѣ въ ихъ вѣдомствѣ, лично объяснялись съ Перовскимъ и поступали по его указаніямъ. Чтобы удержать такую подчиненность, Перовскій подбиралъ начальниками людей болѣе или менѣе однихъ съ нимъ взглядовъ на дѣла и управленіе. Командующимъ башкирскимъ войскомъ былъ назначенъ Вятскій губернаторъ Середа, который вскорѣ по пріѣздѣ въ Оренбургъ скоропостижно умеръ. Его замѣнилъ Оренбургскій губернаторъ Балкашинъ. Наказнымъ атаманомъ Оренбургскаго войска былъ назначенъ Ив. Вас. Подуровъ, человекъ правдивый, честный, умный и хорошо знавшій войско.

Перовскій въ башкирахъ и Оренбургскихъ казакахъ

находилъ много непорядковъ, вредно дѣйствовавшихъ на ихъ благосостояніе; для устраненія ихъ принимались различныя мѣры.

Башкирь онъ нашелъ бѣдными, почти обнищавшими сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ они были въ 30-гг. Распоряженіями Обручева и Жуковского башкиры были стѣснены въ свободѣ кочевовъ, перестраивали свои деревни по планамъ, принуждаемы были къ занятію земледѣліемъ, но всѣ эти распоряженія оставались большею частью на бумагѣ.

Башкиры услышавъ, что строгій ихъ попечитель Филатовъ, или какъ они говорили «Пилатка», находится близко, принимались пахать кое-какъ землю и бросать сѣмена, хлопотали около домовъ. Но какъ только Филатовъ уѣзжалъ изъ деревни, все это бросалось и съ наступленіемъ теплаго времени всѣ уходили на кочевку.

Для пріохочиванія башкирь къ хлѣбопашеству, по мысли Перовскаго, еще въ первое его управленіе краемъ, построены были хлѣбные магазины; хлѣбъ для нихъ, по 2 пуда на душу, былъ купленъ на продовольственный башкирскій капиталъ и раздавался каждый годъ предъ посѣвомъ, а осенью долженъ быть возвращенъ, но и эта мѣра не привилась.

Послѣ коканскаго похода Перовскій испросилъ Высочайшее соизволеніе для облегченія лежавшихъ на служивыхъ башкирахъ повинностей на слѣдующія льготы: 1) нарядъ башкирь для перевозки тяжестей съ Оренбургской линіи на Сыръ-Дарью отмѣнить, а перевозку эту дѣлать наймомъ вольныхъ вошиковъ за плату по соглашенію; 2) на довольствіе башкирь во время нахождения на службѣ и въ пособіе на снаряженіе отпускать до 70 тыс. руб.; 3) уменьшить на 20 коп. сер. съ души земскій сборъ, производившійся съ башкирь на общемъ основаніи съ

другими поселянами, уплативъ происшедшую отъ этого разность изъ соединеннаго сбора; 4) постепенно устраивать у башкиръ русскія школы, постоянныя больницы и выстроить каменные зданія для кантонныхъ управленій во всемъ башкирскомъ войскѣ. На всѣ эти расходы ассигновано по 105 т. р. ежегодно изъ соединеннаго сбора.

Изъ всѣхъ этихъ мѣръ полезной оказалась только одна: отмѣна перевозки транспортовъ въ степь, вслѣдствіе чего служба у башкиръ сократилась.

Построена была больница въ д. Исянгуловой; она имѣла значеніе, пока существовалъ конскій заводъ, служившіе на которомъ башкиры и конюхи, въ лѣтнее время свыше 150 человекъ, лечились въ этой больницѣ; въ нее же посылались хроническіе больные изъ деревень, пока существовало отдѣльное башкирское управленіе; съ упраздненіемъ послѣдняго больница была заброшена и 1890 г. сгорѣла.

Каменное зданіе для кантонаго управленія было построено во 2-мъ кантонѣ, въ д. Сейткуловой, но никогда ни чѣмъ не было занято и, вѣроятно, тоже не существуетъ.

Для школъ не было даже выработано проекта.

Слѣдуя разъ намѣченному взгляду на башкиръ, графъ Перовскій въ каждомъ представлявшемся случаѣ желалъ доказать на самомъ дѣлѣ справедливость своего мнѣнія объ особенной способности и боевыхъ качествахъ башкиръ. Съ возникновеніемъ въ 1853 г. русско-турецкой войны, когда изъ Петербурга были потребованы по два полка казаковъ изъ Оренбургскаго и Уральскаго войскъ на театръ военныхъ дѣйствій, Перовскій предложилъ послать полки изъ башкиръ, выставя ихъ нисколько не уступающими Оренбургскимъ казакамъ. Послѣдовало Высочайшее повелѣніе о сформированіи четы-

Офицеръ.

Урядникъ.

Рядовой.

Рядовой.

Урядники.

Рядовой.

Башкирскій учебный полкъ.

рехъ конныхъ полковъ подъ начальствомъ полковыхъ командировъ изъ штабъ офицеровъ, а сотенныхъ изъ оберъ-офицеровъ регулярной кавалеріи; послѣдніе были, сверхъ того, назначены въ полки по нѣсколько человѣкъ на мѣста субалтернъ-офицеровъ. Два полка, 1-й и 3-й, изъ башкиръ Оренбургскаго и Орскаго уѣздовъ, выступили изъ Оренбурга, когда война еще продолжалась, и поступили въ составъ войскъ балтійскаго корпуса, и одна сотня участвовала въ отбитіи англійскаго десанта около Ревеля, а остальные сотни и весь 3-й полкъ провели время въ стоянкѣ, нигдѣ не видя непріятеля. Въ декабрь 1854 или въ началѣ 1855 г. посланы были другіе два полка, но они дошли до Воронежа и Саратова, когда ужъ былъ заключенъ миръ.

Сформированіе этихъ полковъ, сдѣланное съ пособіемъ на обмундированіе по новой формѣ, бѣлыя черкески, стоило очень дорого самимъ башкирамъ. Для сбора одного рядового складывалось до десяти человѣкъ; они обязаны были дать ему хорошую лошадь со всѣмъ конскимъ приборомъ, аммуницію, бѣлье, сапоги и прочія мелкія принадлежности. Многіе съ грустью говорили о производившихся съ нимъ поборахъ, не говоря о тѣхъ злоупотребленіяхъ, какія дѣлались отъ мѣстныхъ начальниковъ изъ башкиръ которымъ дано было право дѣлать назначенія людей не по очереди, которая у башкиръ не могла быть, какъ у отправлявшихъ службу кратко временную въ рабочихъ командахъ, а по непосредственному усмотрѣнію кантоннаго начальника, соображаясь съ имущественнымъ состояніемъ. Одни освобождались и за это благодарили начальника, а другіе несли тяжесть военной службы. Въ военномъ отношеніи полки изъ башкиръ никакой пользы не принесли, а для народа это было ощутительной тягостью. Сдѣланъ же ихъ нарядъ былъ въ

томъ убѣжденіи, что башкиры, какъ и казаки, могутъ выходить во всякое время на службу въ исправномъ видѣ, т. е. вооруженные и на собственныхъ коняхъ. Если бы тогда узнали, какъ производилось сформированіе полковъ, то несомнѣнно убѣдились бы, что каждый башкиръ итти на службу безъ значительной помощи отъ общества не въ состояніи, и слѣдовательно башкиры не могутъ быть приравняемы къ казакамъ, которые выходятъ на службу во всякое время по требованію во всемъ собственномъ безъ посторонней помощи.

Сформированіе башкирскихъ полковъ привлекло много регулярныхъ офицеровъ, жившихъ въ Оренбургѣ долгое время безъ всякихъ занятій. Происходя изъ хорошихъ дворянскихъ семействъ, они заняли мѣсто въ высшемъ Оренбургскомъ обществѣ, разроставшемся съ каждымъ годомъ.

Графъ Перовскій, стремясь поднять башкирскій народъ, носившій названіе казачьяго войска, очень и очень неблагоприятно относился къ Оренбургскому казачьему войску и, не обинуясь высказывалъ, что онъ пренебрегаетъ этимъ войскомъ. Ему многое не нравилось изъ того положенія, въ какомъ находились Оренбургскіе казаки послѣ изданнаго въ 1840 г. новаго положенія о войскѣ. Общественная запашка, введенная Перовскимъ крутыми мѣрами и по его проекту долженствовавшая давать войску дохода до 100 т. руб., на самомъ дѣлѣ ничего не давала и если продолжалась, то какъ фикція. Казаки заставляли общественныя поля небрежно, надзора за ними не было, установленное положеніемъ вознагражденіе надзирателямъ не выдавалось, потому что генераль Обручевъ не считалъ справедливымъ вознаграждать на счетъ труда казаковъ однихъ надзирателей, когда всѣ другія служенія въ войскѣ или скудно или совсѣмъ не оплачива-

лись. Все это привело къ заключенію о бесполезности для войска общественной запашки и ходатайство о семь войскового начальства, поддержанное бывшимъ губернаторомъ Обручевымъ, находилось на разсмотрѣніи военнаго министерства. Съ другой стороны милліоны десятинъ земли, предоставленной войску, и войсковые лѣса тоже не приносили никакого дохода, и сами казаки земельными угодьями за избыткомъ ихъ не пользовались. Во всемъ этомъ гр. Перовскій видѣлъ застой и отсутствіе предпріимчивости. Въ этихъ видахъ онъ считалъ Оренбургскихъ казаковъ ниже башкиръ и на послѣднихъ болѣе возлагалъ надежды при охранѣ восточной границы государства, а потому часть повинностей, лежавшихъ на башкирахъ, перенесъ на Оренбургское войско. По его представленію отправленіе почтовой повинности по Оренбургскому казачьему войску отъ Оренбурга до Западной Сибири Высочайше повелѣно было отнести на войсковой капиталъ и изъ этого же капитала единовременно взято 100 т. р. сер. на устройство новой Сыръ-Дарьинской линіи, содержаніе которой казна долго не принимала на свой счетъ.

Между начальствовавшими въ войскѣ лицами оказался одинъ, понявшій желаніе Перовскаго объ эксплуатаціи казачьихъ лѣсовъ; это былъ окружный штабъ-офицеръ 2 го округа полковникъ Харнскій, насаждавшій много о возможности получить большой доходъ въ войсковой капиталъ отъ очистки войсковыхъ лѣсовъ отъ валежнаго, буреломнаго и горѣлаго лѣса. По приказанію Перовскаго въ его распоряженіе былъ отданъ войсковой Саварскій боръ и назначена рабочая команда изъ казаковъ съ обязательнымъ трудомъ и безъ всякаго за оный вознагражденія. Очистка боровъ продолжалась нѣсколько лѣтъ, казаки работали даромъ, и былъ опытъ сплава лѣ-

са водою до г. Орска, но доходъ, полученный отъ операціи, былъ не великъ, и деньги можно было легче собрать съ казаковъ, оставивъ ихъ въ домахъ при обычныхъ занятіяхъ, на что они согласились бы охотнѣе, чѣмъ работать въ борахъ.

Впослѣдствіи генераль-губернаторъ Катенинъ, убѣдившись на мѣстѣ въ бесполезности и безвыгодности всего дѣла, прекратилъ наряды казаковъ для очистки лѣсовъ.

Самъ Харнскій, нѣсколько запутавшійся въ этихъ аферахъ, оставилъ мѣсто и въ своемъ стѣзненномъ положеніи просилъ выдачи ему въ долгъ изъ войскового капитала. Войсковое правленіе не рѣшалось само удовлетворить просьбу Харнскаго и представило объ этомъ генераль-губернатору. Графъ Перовскій разрѣшилъ выдачу за своей отвѣтственностію, а по смерти его братъ его графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій внесъ деньги въ войско.

Харнскій всегда умѣлъ выставить взятое на себя дѣло выгоднымъ и Перовскій вѣрилъ ему во всемъ. Въ г. Троицкѣ, мѣстѣ пребыванія своего, Харнскій построилъ себѣ изъ привезеннаго туда казачьяго лѣса хорошій домъ трудомъ казаковъ, высланныхъ по его приказанію изъ станицъ, а потомъ донесъ войсковому начальству и лично докладывалъ Перовскому, что онъ строилъ домъ по особой системѣ съ цѣлью приучить казаковъ строить свои дома по тому же плану. На самомъ же дѣлѣ различіе постройки заключалось въ томъ, что въ здѣшнемъ краѣ дома и простыя крестьянскія избы строятся срубомъ и бревна кладутся плашмя, а по системѣ Харнскаго ставятся одно около другого вертикально, укрѣпляются въ положенномъ въ основаніи толстомъ бревнѣ, поперекъ сшиваются болѣе тонкими перекладинами и потомъ заканчи-

ваются настилкой потолка. Способъ этотъ не имѣлъ примѣненія и совсѣмъ забытъ казаками, не видѣвшими въ немъ ничего хорошаго.

Вмѣстѣ съ очисткою боровъ Перовскій предложилъ войсковому начальству, не ожидая учрежденія въ войскѣ межевой комиссіи, немедленно надѣлать станицы по числу мужскаго населенія 30-десятинной пропорціей, излишнюю землю взять въ войско, образовавъ изъ нея оброчныя статьи и отдавать послѣднія съ торговъ. Для исполненія этой мѣры потребовалось усилить межевыя средства добавленіемъ землемѣрныхъ чиновъ, на что потребовался значительный расходъ и продолжительное время. Излишняя земля была раздѣлена на участки, которые отдавались съ торговъ подъ пастбу и сѣнокошеніе отъ 1 до 30 к. за десятину. Доходъ былъ ничтожный, а казаки преждевременно лишились земель, на которыхъ у нихъ въ Челябинскомъ уѣздѣ, гдѣ большая масса земли, съ давняго времени заводились займки (хутора), уменьшилось и скотоводство у казаковъ и перешло къ торговцамъ татарамъ г. Троицка, снимавшимъ за безцѣнокъ войсковыя земли и державшимъ тамъ табуны лошадей и рогатаго скота, приобретаемаго мѣною на товары у киргизъ.

Оренбургское войско со времени своего основанія и по положенію 1840 г. составляло конницу. Казаки обязаны были по этому положенію въ случаѣ надобности выставять 10 конныхъ полковъ 6-ти сотеннаго состава, а въ каждомъ полку съ офицерами, урядниками, приказными и нестроевыми чинами до 900 человекъ, и 3 конно-артиллерійскія баттарей 8 ми орудійнаго состава, послѣднія въ двойномъ комплектѣ нижнихъ чиновъ.

Севастопольская компанія показала особую пользу

отъ казачьей пѣхоты, существовавшей въ Черноморскомъ войскѣ и извѣстной подъ названіемъ «пластуновъ».

Перовскій призналъ полезнымъ завести пѣшіе баталіоны и въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ; такихъ баталіоновъ Высочайше повелѣно было сформировать 6. Баталіонные и сотенные командиры были назначены изъ Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ, а прочіе офицеры изъ войсковыхъ чиновъ. Казаки были обмундированы по особой формѣ, отличавшейся отъ формы конныхъ полковъ. Два баталіона были на постоянной службѣ въ г. Оренбургѣ и Троицкѣ; они скоро были обучены строю и всѣмъ приемамъ пѣхоты и замѣнили на первое время линейные баталіоны, выведенные изъ названныхъ городовъ въ Туркестанскій край. Одинъ баталіонъ стоялъ нѣкоторое время въ Ташкентѣ, но потомъ возвращенъ оттуда, вѣроятно потому, что при обычной у казаковъ службѣ не выше 2 хъ лѣтъ посылка новыхъ и возвращеніе старыхъ казаковъ составляла для казны лишній расходъ. Стоявшіе въ Оренбургѣ казаки были на службѣ въ одно только лѣтнее время, а на зиму распускались въ свои дома. Отъ экономіи въ продовольствіи образовался особый капиталъ, на который были построены казармы, занимаемая нынѣ льготной батареей Оренбургскаго войска. Въ управленіе Крыжановскаго эти баталіоны были упразднены за бесполезностью.

Изъ всѣхъ реформъ перваго и втораго управленія краемъ графа Перовскаго для казаковъ можно считать удавшимися и полезными слѣдующія. 1) Переселеніе казаковъ изъ внутреннихъ станицъ на линію, гдѣ Оренбургское войско составило одну территорію, что сблизило ихъ съ естественными врагами киргизами; казаки узнали всѣ качества послѣднихъ, а они въ свою очередь видѣли, что имъ нечего думать о какихъ либо нападеніяхъ на

линію, о плѣненіи тамъ русскихъ и о желаемомъ вытѣсненіи всего русскаго населенія за Волгу, откуда оно пришло, какъ хорошо это помнили киргизы и башкиры, а равно властители Хивы и Бухары, мечтавшіе, быть можетъ, о расширеніи своего вліянія до Казани. Въ послѣднемъ они, конечно, ошибались, заведя въ половинѣ 70 гг. войну, кончившуюся для нихъ потерю самостоятельности и подчиненіемъ русскому царю. Мысль о переселеніи Оренбургскихъ казаковъ въ одно мѣсто на линію не вполне принадлежала графу Перовскому: она высказана была его предѣстникомъ, графомъ Сухтеленемъ, но Перовскому должно быть приписано болѣе широкое ея развитіе и начальное приведеніе въ исполненіе.

2) Графъ Перовскій, по примѣру войска Донскаго, положилъ основаніе войсковому капиталу учрежденіемъ торговаго общества въ Оренбургскомъ войскѣ. Не желающій служить казакъ освобождался отъ службы и платилъ за это въ теченіе 30 лѣтъ по 200 р. (58 р. сер.); общая сумма въ первое время съ 500 человекъ простиралась до 100 т. р, и поступала ежегодно въ военный капиталъ и тамъ же оставались деньги, отпускавшіяся на довольствіе жалованіемъ и провіантомъ четырехъ линейныхъ баталіоновъ, обращенныхъ въ казаки. Изъ военнаго капитала почти не производились никакіе расходы, потому что назначеніе его—содержаніе въ лѣтнее время кордонной стражи на линіи видоизмѣнилось: казаки назначались изъ станицъ ближе 100 верстъ и довольствовались изъ своихъ домовъ. Капиталъ этотъ, составившійся чисто изъ войсковыхъ источниковъ, послужилъ пособіемъ казнѣ по содержанію почтоваго тракта и на первоначальные расходы по Сырь Дарьинской линіи, а въ послѣднее время соединенный съ общимъ войсковымъ капиталомъ, по недостатку послѣдняго, удовлетворялъ другимъ потребностямъ войска.

Въ 1853 г. Оренбургъ посѣтила азіатская гостыя-холера. Перовскій былъ въ походѣ подъ Акъ Мечетью. Люди умирали, но далеко не было того, что въ 1848 г., и съ этого времени оренбуржцы испросили дозволеніе приносить въ городъ изъ села Табынскаго (прежде ставица, изъ которой казаки были выселены на линію) чудотворную Казанскую икону Божіей Матери, какъ молитвенницу и заступницу всѣхъ православныхъ христіанъ отъ всякихъ бѣдъ и напастей. Приносъ иконы продолжается до настоящаго времени и къ приносу иконы, что бываетъ 7-го сентября, въ Оренбургъ собирается масса людей изъ ближайшихъ селъ, станицъ и даже селеній Бузулукскаго уѣзда. Икона остается въ Оренбургѣ до 22 октября, въ каковой день она выносится по особо составленному маршруту. Въ первые года икона выносилась ранѣе 22 октября по малому числу въ городѣ церквей и небольшому числу жителей, успѣвавшихъ принимать святыню въ своихъ домахъ для молебновъ, но впослѣдствіи раіонъ, куда приносится икона, расширился до г. Уральска, откуда икона несется въ Табынскъ.

Въ первый разъ принесенія св. иконы въ Оренбургъ оглашены два чуда, явленныя ею здѣсь. Одна казачка, слѣпая на одинъ глазъ и плохо видѣвшая другимъ, изъ особаго усердія и вѣры вышла съ народомъ встрѣтить Владычицу и при вносѣ въ бывшія Сакмарскія ворота увидѣла св. икону, а погомъ зрѣніе обоихъ глазъ совершенно возстановилось, такъ что она видѣла дома, людей и свободно дошла домой.

Другое чудо было при служеніи молебна въ домѣ казака-раскольника въ форштадтѣ. Какъ только устали св. икону, стоявшія вверху ея въ кіотѣ раскольническія иконы попадали безъ всякой причины.

Случаи эти, по надлежащемъ обслѣдованіи, записаны въ церковныхъ книгахъ.

Графу Перовскому Оренбургъ обязанъ началомъ устройства водопровода, которое положено было еще въ 30 гг., въ первое его управленіе краемъ. Былъ выписанъ механикъ англичанинъ, помощниками его были два казачьихъ малолѣтка изъ форштадта, обучавшіеся въ С.-Петербургѣ. Водопроводъ былъ проведенъ на недалекое разстояніе. Деньги расходовались Перовскимъ изъ находившихся въ его распоряженіи хозяйственныхъ суммъ; дрова отпускались тоже изъ казенныхъ запасовъ. Съ назначеніемъ генерала Обручева водопроводъ сталъ приходить въ упадокъ. Механикъ, получавшій большое жалованье, былъ уволенъ; два казака не могли поддерживать его въ должной исправности. Во второе управленіе краемъ графъ Перовскій возобновилъ водопроводъ и устроилъ фонтанъ, выкидывавшій воду вверхъ для освѣженія воздуха въ знойные лѣтніе дни. Водю изъ бассейна пользовались даромъ всѣ горожане. Въ этомъ видѣ оставался водопроводъ при генералъ губернаторѣ Катенинѣ, а замѣнявшій его генералъ Безакъ расширилъ водопроводъ; вода была проведена въ казачій форштадтъ, за что станица заплатила 7 т. р., устроены были разборныя будки въ разныхъ мѣстахъ города. Всѣ израсходованныя на это деньги Безакъ въ послѣдствіи вытребовалъ изъ городскихъ суммъ, а городъ обложилъ жителей небольшою платою за пользованіе водою. Въ настоящемъ своемъ видѣ водопроводъ дѣйствуетъ съ конца 80 гг.; законченное устройство дано ему при городскомъ головѣ Степанѣ Ивановичѣ Назаровѣ.

Графъ Перовскій положилъ основаніе устройству садовъ въ городѣ. Первый садъ былъ Караванъ-Сарай, разведенный обязательно работою башкиръ, посылаемыхъ для сего какъ на службу. Начало саду положено въ

1852 г. Деревья привозились изъ ближайшихъ башкирскихъ дачъ, но не ближе 100 верстъ, а хвойныя изъ Стерлитамакского уѣзда. Посадка производилась подъ наблюденіемъ опытнаго садовника Лебедева, крѣпостного человѣка, за освобожденіе котораго на волю помѣщикъ взялъ 1500 р.; деньги эти были отпущены Лебедеву заимообразно изъ башкирскихъ суммъ.

Деревья принимались медленно. много ихъ посохло; убыль замѣнялась подсадкою свѣжихъ. Причинами этого были: недостатокъ воды, которую привозили въ бочкахъ изъ Архіерейскаго озера, версты за 1½ отъ сада тѣ же башкиры, самая почва, на которой разведенъ садъ, заваленная глубоко мусоромъ, оставшимся послѣ постройки Караванъ-сарая. И при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ садъ находился въ исправномъ видѣ, разбиты были клумбы съ цвѣтами. Входъ въ садъ былъ позволенъ только чистой публикѣ и на всѣхъ нужныхъ мѣстахъ стояли караульные изъ башкиръ. Съ постепеннымъ расширеніемъ сада поливка сдѣлалась затруднительною, особенно когда нарядъ башкиръ былъ отмѣненъ, а на содержаніе сада ассигнована извѣстная сумма изъ казны. Въ 70 гг. городъ согласился отпустить воду даромъ изъ водопровода; были проложены трубы и поливка сдѣлалась правильною; садъ разросся и принялъ красивый видъ. Гулянье въ немъ было любимымъ для публики, а когда позволили построить тамъ вокзалъ съ кухнею и продажей крѣпкихъ напитковъ, явилась публика всѣхъ возможныхъ видовъ и начались безобразія.

Въ числѣ затѣй, несомнѣнно, полезныхъ, но для тогдашняго Оренбурга несвоевременныхъ, можно указать на двѣ мукомольныя мельницы, построенныя по распоряженію графа Перовскаго. Одна была на лѣвой сторонѣ Баннаго протока, въ Половой рощѣ, въ томъ мѣстѣ,

гдѣ протокъ, а тогда еще озеро, выходило изъ рѣки Урала.*) Зданіе построено было изъ кирпича, предназначалось для дѣйствія паромъ и предполагалось для размолы пшеницы на крупчатку, а при надобности и для простого размолы на обыкновенную муку, чтобы жители не ѣздили на водяныя мельницы, далеко находящіяся отъ города. Деньги на постройку тратились изъ лѣсныхъ суммъ, кирпичъ и известь приготовлялись башкирами, дрова отпускались изъ хозяйственного казеннаго заготовленія. Мельница не пошла въ ходъ. Подъ крупчатку нужно было имѣть постоянные запасы зерна, а для муки вѣрный сбытъ, ибо одинъ городъ былъ недостаточенъ по слабому требованію крупчатки, тогда довольно дорогой сравнительно съ обыкновенною пшеничною мукою. Размолъ пшеницы на послѣднюю требовалъ засыпки въ разъ значительнаго количества зерна, а на мельницы обыкновенно возить каждый хозяинъ по мѣрѣ надобности.

Кузнецъ Ѳеодоръ Горячевъ, изъ желанія угодить Перовскому, брать мельницу въ аренду за ничтожную плату, но держалъ не болѣе годъ. Мельница была или размыта весенними водами р. Урала, или просто разобрана. Горячевъ арендовалъ простую водяную мельницу у помѣщика Хоменко, передѣлалъ ее подъ крупчатку и имѣлъ хорошій доходъ, платя владѣльцу 4000 р. асс. (1115 р. сер.)

Другая мельница, построенная противъ училища земледѣлія и лѣсоводства, гдѣ нынѣ войсковою казачій арсеналъ, на продовольственный казачій капиталъ, была деревянная и должна была дѣйствовать лошадиною силою. Въ первое управленіе Перовскаго мельница эта нѣсколько работала, но не окупала требовавшихся на нее расходовъ. Въ управленіе генерала Обручева она была приостановлена. Зданіе оставалось пустымъ или

*) Прим. Въ томъ мѣстѣ гдѣ желѣзнодорожная дамба входить на Банный островъ.

занималось чѣмъ-либо постороннимъ по распоряженію войскового начальства. Со вступленіемъ вторично въ управленіе графа Перовскаго мельница снова приведена въ дѣйствіе; явился мастеръ, крестьянинъ Нижегородской губерніи, который обнадѣжилъ, что мельница можетъ давать хорошій доходъ. Отпущены были деньги на исправленіе, опредѣлена плата мастеру по 350 р. сѣр. въ годъ, куплена пшеница для размолу и мельница заработала, но вмѣсто обѣщанной прибыли получился убытокъ, который еще увеличился отъ недоброкачества муки. Мельникъ скрытно бѣжалъ, оказались мелкія злоупотребленія въ администраціи, и мельница была брошена.

Графъ Перовскій былъ замѣчательнаго ума человекъ, многосторонне образованный и знавшій многіе иностранные языки. Какъ администраторъ онъ былъ много лучше всѣхъ начальниковъ Оренбургскаго края. Съ нимъ можно сравнить только графа Сухтелена. Что задумалъ самъ Перовскій, то непременно осуществлялось, хотя не всегда удачно и послѣдующими событіями иногда измѣнялось. Перовскій по уму не считалъ никого равнымъ себѣ въ окружающихъ его лицахъ; онъ позволялъ имъ высказывать свои мнѣнія, но если послѣднія не совпадали съ его взглядами или докладчикъ не умѣлъ возражать ловко и умно, то приходилось слышать названіе «дурака», а иногда хуже; онъ рѣзко высказывалъ свои замѣчанія даже за распорядительныя дѣйствія.

Генералъ-лейтенантъ Балкашинъ, исправлявшій должность генералъ-губернатора во время похода Перовскаго подъ Акъ-Мечеть, получилъ предписаніе военного министра о прекращеніи въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ общественной запашки съ твердо выраженною волею государя Николая Павловича въ написанной имъ

Памятникъ освобожденія города отъ воинскаго поста.

Главная гауптвахта.

собственноручно резолюціи. Балкашинъ послалъ копію съ бумаги Перовскому въ Акъ-Мечеть, ожидая приказанія, какъ поступить въ дальнѣйшемъ. направленіи дѣла; но послѣ двухъ обратныхъ пріѣздовъ курьеровъ съ бумагами, посланными Перовскому съ докладомъ, не получивъ отвѣта на дѣло объ общественной запискѣ, Балкашинъ, опасаясь личной отвѣтственности за неисполненіе Высочайшаго повелѣнія, предложилъ войсковому правленію исполнить послѣднее. Оно было опубликовано войску и общественная записка считалась конченною.

По возвращеніи Перовскаго въ Оренбургъ Балкашинъ напомнилъ ему, что не получилъ отвѣта на докладъ объ общественной запискѣ.

Перовскій сказалъ ему: «Для чего тебѣ (близкимъ Перовскій всегда говорилъ ты) нужно было знать, что я хочу сдѣлать?».

Балкашинъ отвѣтилъ, что опасаясь отвѣтственности за неисполненіе Высочайшаго повелѣнія, онъ предписалъ опубликовать оное по войску.

Перовскій прямо сказалъ: «Дуракъ!.... Кто тебя просилъ?».

Разговоръ былъ при немногихъ свидѣтеляхъ, передавшихъ его мнѣ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ похода, Перовскій поѣхалъ въ Петербургъ и тамъ лично подалъ Государю письменный докладъ, включивъ въ него, что если общественная записка будетъ упразднена, то онъ не можетъ возвратиться въ Оренбургъ; казаки скажутъ: «За что же ты поролъ насъ плетями, шпицрутенами, отдалъ однихъ въ солдаты, а другихъ сослалъ въ Сибирь, если самъ Государь говоритъ другое?» Въ виду этого послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе продолжать записку на прежнемъ основаніи. Это показываетъ, какую силу имѣлъ Перов-

скій у такого государя, какъ Николай Павловичъ, не терпѣвшій возраженій противъ его повелѣній и требовавшій безусловнаго исполненія его воли.

При всѣхъ своихъ способностяхъ и большомъ умѣ графъ Перовскій былъ гордъ, самолюбивъ и при малѣйшей оплошности дерзокъ на слова. Съ второстепенными начальниками отдѣльных частей онъ никогда не говорилъ, зналъ только старшихъ, а тѣмъ передавалъ, чтобы они слушали доклады отъ подчиненныхъ имъ лицъ и ему передавали, когда найдутъ нужнымъ.

Во время служенія моего въ канцеляріи генералъ-губернатора начальникомъ отдѣленія иррегулярныхъ войскъ ни я, ни другіе два начальника отдѣленій не были у Перовскаго по службѣ; только большіе балы давали право по приглашенію являться въ его парадныя комнаты и тамъ, въ числѣ другихъ, откланяться его сіятельству. Одинъ только начальникъ гражданскаго отдѣленія Поповъ какъ-то сумѣлъ выпросить себѣ позволеніе быть на всенощныхъ во время говѣнья Перовскаго, куда допускались избранные, но и тутъ Перовскій не сказалъ ни одного слова Попову.

Сколько гордъ и недоступенъ былъ графъ Перовскій къ подчиненнымъ, на столько онъ былъ довѣрчивъ и расположенъ, коль скоро выбиралъ и назначалъ подходящее лицо на должность. Въ этомъ была причина неудачъ въ нѣкоторыхъ крупныхъ дѣлахъ, особенно въ хивинской экспедиціи 1839 г. Не смотря на урокъ, данный этою экспедиціею, характеръ Перовскаго повторился и въ походѣ 1853 г. подъ Акъ-Мечеть: онъ и тутъ положился на подчиненныхъ. По взятіи крѣпости онъ велѣлъ передать начальнику инженеровъ генералу Богданову, что построенные имъ понтоны никуда не годятся, что напрасно и бесполезно везли такую дрянъ за 1500 верстъ.

Приготовленіе посуды для воды и другихъ жидкостей всегда было большимъ мѣстомъ для отрядовъ, посылаемыхъ въ степь. Баклаги для воды и бочата для другихъ жидкостей (уксуса, спирта и т. п.) дѣлались въ Оренбургѣ изъ дубоваго недостаточно сухого лѣса; въ степи отъ жаровъ они разсыхались, вода въ нихъ не держалась, а жидкости испарялись.

Странный способъ предупрежденія такой порчи избралъ полковникъ Кузминскій, посланный въ 1854 г. въ степь съ казачьимъ отрядомъ для усмиренія киргизъ, убившихъ султана-правителя. Ему посланы были изъ Оренбурга, уже по выступленіи отряда, съ особою командою медикаменты, въ томъ числѣ въ бочатахъ уксусъ. Посуда была новая, способная впитывать въ себя влагу, а съ другой стороны были сильныя жары, вслѣдствіе чего въ отрядъ Кузминскаго доставили пустые бочата со спавшими съ нихъ желѣзными обручами. Полковникъ жестоко наказалъ плетью двухъ Оренбургскихъ казачьихъ урядниковъ, Лаптева и Грекова, подъ начальствомъ которыхъ была конвойная команда, и потомъ на каждой остановкѣ повторялъ это наказаніе. Долго страдали эти бѣдняки. Этотъ же штабъ-офицеръ показалъ, насколько непрактичны регулярные кавалеристы въ нашихъ степяхъ.

Нашъ отрядъ настигъ киргизъ и послѣдніе показывали готовность вступить въ бой. Между врагами лежалъ довольно большой оврагъ. Наши просились перейти его и ударить на киргизъ. Кузминскій не позволилъ на томъ основаніи, что въ оврагѣ могла быть скрыта засада, а ударъ съ боку по флангу гибеленъ для кавалеріи. Такихъ тонкостей военной тактики киргизы не знали и, прождавъ нѣсколько времени, ушли въ степь. Кузминскій пошелъ въ своихъ глупостяхъ еще дальше.

Однажды онъ послалъ съ донесеніемъ о дѣлѣ 10 человекъ казаковъ, зная, что онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ массою киргизъ и пробиться чрезъ нихъ маленькому отряду невозможно. Посылая 10 человекъ, онъ могъ видѣть, что посылаетъ ихъ на вѣрную смерть и притомъ бесполезную для отряда. Такъ и случилось. Киргизы не трогали маленькій отрядъ, давъ ему время удалиться отъ главныхъ силъ, которыя могли бы подать помощь.

Окруживъ затѣмъ горсть казаковъ, киргизы начали нападеніе. Казаки не желали даромъ отдать свою жизнь, добрались до озера и около него нашли нѣкоторую защиту, отдѣлившись отъ противника водою. Киргизы перемѣнили тактику: начали нападать по нѣсколько человекъ, но ничего сдѣлать не могли, пока у казаковъ были патроны; послѣдніе наконецъ истощились и киргизы, массою напавъ на казаковъ, изрубили ихъ и трупы побросали въ воду, кромѣ одного израненаго казака, котораго взяли въ плѣнъ живымъ и привезли въ аулъ, гдѣ желали всенародно казнить его.

Но для спасенія казака выпалъ благопріятный случай. Киргизы цѣлымъ ауломъ отправились въ сосѣдній для какого-то праздника, заковавъ казака въ желѣза и сказавъ ему, что завтра онъ простится съ жизнью. Лошадей у киргизъ въ аулѣ было много. Казакъ поймалъ одну, но сѣсть было нельзя: ноги скованы. Вскарабкавшись на коня, то бокомъ, то на брюхѣ, держась за гриву, казакъ помчался по тому направленію, гдѣ долженъ былъ находиться русскій отрядъ, дорогой сбиль оковы и наконецъ доскакалъ до отряда.

Отъ казака отобрали показаніе, какъ было дѣло, и представили графу Перовскому.

Въ Оренбургѣ въ отважномъ поступкѣ казака не нашли ни подвига, ничего особеннаго. Перовскій отъ себя

послалъ военному министру копію съ показанія казака. Въ министерствѣ посмотрѣли иначе и доложили государю, который повелѣлъ казаку за его подвигъ дать Георгіевскій крестъ, 50 руб., чинъ урядника и уволить въ отставку за ранами.

Какъ администраторъ, Перовскій былъ замѣчательнымъ лицомъ. Въ первое управленіе краемъ онъ быстро умирилъ волненіе въ Оренбургскихъ казакахъ по поводу введенія общественной запашки, у башкиръ — открытое неповиновеніе строить общественные запасные магазины, въ которыхъ народъ, по подстрекательству фанатиковъ муллъ, видѣлъ будущія церкви и намѣреніе силою обратить ихъ въ христіанство; вѣрить этому они могли и потому, что на выдаваемыхъ имъ планахъ и фасадахъ этихъ магазиновъ изображенъ былъ человекъ въ поповской шляпѣ, тогдашняя форма головного убора у крестьянъ внутреннихъ губерній.

Перовскій въ этомъ случаѣ показалъ, что для усмиренія волненія ему не нужно прибѣгать къ военной силѣ, достаточно ему было съ небольшимъ прикрытіемъ явиться въ скопище заговорщиковъ, перепоротъ нагайками виновныхъ, а изъ муллъ фанатиковъ по лишеніи духовнаго сана тотчасъ же прогнать сквозь строй, и шпицрутены прекращали неудовольствіе: народъ приходилъ въ полное повиновеніе. По усмиреніи возстанія въ Оренбургской губерніи по Высочайшему повелѣнію въ 1837 г. Перовскому поручено было усмиреніе волненія въ сосѣднихъ уѣздахъ Пермской губерніи, гдѣ тѣми же мѣрами быстро былъ восстановленъ порядокъ.

Перовскій съ перваго взгляда видѣлъ корень зла и ударялъ на уничтоженіе его, не давая ему распространиться и дойти до такихъ мѣстъ, гдѣ бы оно разгорѣлось во всю.

Графъ Перовскій въ оба управленія Оренбургскимъ краемъ и войсками, въ немъ расположенными, былъ жестокъ въ опредѣленіи наказаній виновнымъ за преступныя ихъ дѣйствія.

При губернаторѣ Игельстромѣ было по суду опредѣлено прогнать сквозь строй 12 разъ чрезъ тысячу человекъ казачьяго сотника Бухмастова съ другими казаками за ограбленіе киргизъ на ихъ свадьбѣ. Съ первой четверти 19 столѣтія взглядъ на наказанія сильно измѣнился, но гонка виновныхъ черезъ 1 т. до 3 т. человекъ еще долго продолжалась.

Перовскій въ первое свое управленіе испросилъ законъ, чтобы казаки и башкиры за всѣ роды преступленій, совершаемыхъ ими внѣ службы, судились военнымъ судомъ и по военнымъ законамъ. Отсюда вытекало, что казаки за тайный провозъ соли изъ степныхъ озеръ, за переходъ за линію для охоты должны были пробовать шпицрутеновъ; башкиры за воровство, неповиновеніе, ослушаніе и даже подачу несправедливой жалобы наказывались военнымъ судомъ.

Я помню, что почти каждый день съ ранней весны и до глубокой осени солдаты линейныхъ баталіоновъ, выводившіеся на ученіе на форштадтскую площадь или на таковую же отъ Водяныхъ до Чернорѣченскихъ воротъ, выстраивались въ двѣ шеренги и наказывали виновныхъ; утромъ и вечеромъ это было обычнымъ явленіемъ и никого не смущало. По окончаніи наказанія палки бросались, наказанные отправлялись въ госпиталь, а солдаты начинали свое обычное ученіе. При этомъ бывали случаи, выдававшіеся своею жестокостью.

Въ 1835 г., или около этого, содержащійся въ тюремномъ замкѣ плѣнный полякъ Левандовскій, по приговору военно-судной комиссіи, подтвержденному кор-

пуснымъ командиромъ Перовскимъ, долженъ былъ пройти свыше 3 т. ударовъ, а на слорахъ было приказано засѣчь его до смерти. Преступленіе Левандовскаго заключалось въ слѣдующемъ. Караульный начальникъ для повѣрки вызывалъ всѣхъ арестантовъ. Левандовскій не вышелъ, потому что не имѣлъ сапогъ, а время было холодное. Офицеръ подошелъ къ нему и грозилъ наказаніемъ, если онъ не выйдетъ на повѣрку. Левандовскій отвѣчалъ дерзко и потомъ сорвалъ съ офицера эполетъ. Ошеломленный такой дерзостью арестанта, караульный офицеръ немедленно донесъ о случившемся по начальству. Въ два или три дня состоялся судъ и виновный приговоренъ къ жестокому наказанію. Левандовскій заявилъ, что онъ не подлежитъ тѣлесному наказанію, какъ дворянинъ, но Перовскій не обратилъ вниманія на это заявленіе. Закованный въ желѣзо Левандовскій проведенъ былъ сквозь строй отъ Водяныхъ воротъ до госпиталя, куда привелъ его еле живого. Среди высшихъ военныхъ чиновъ были поляки и они такъ или иначе могли ослабить наказаніе. Поэтому Перовскій поручилъ начальнику корпуснаго штаба Рокассовскому быть при экзекуціи. Старшій врачъ госпиталя Колышко, тоже полякъ, позволилъ бывшимъ въ городѣ ручнымъ медвѣдямъ лизать кровь со спины Левандовскаго въ предположеніи, что медвѣди вылизутъ засѣвшіе въ мясѣ концы прутьевъ. Черезъ нѣсколько дней Левандовскій умеръ, былъ похороненъ на кладбищѣ; поляки на его могилѣ поставили большой деревянный крестъ по образцу выставляемыхъ въ западныхъ губерніяхъ на проѣзжихъ дорогахъ и на крестѣ сдѣлали надпись: «Здѣсь похороненъ убитый Левандовскій, убійца его генералъ Перовскій.» Надпись нѣсколько разъ стирали, но черезъ нѣкоторое время она появлялась сно-

ва. Потомъ перестали обращать на это вниманіе и самое дѣло вскорѣ вышло изъ народной памяти.

Начинавшееся въ 50 гг. броженіе между раскольниками-старовѣрами имѣло мѣсто и между Оренбургскими казаками, среди которыхъ не мало сектантовъ разнаго рода. Старовѣры больше всего недовольны были тѣмъ, что казакамъ не позволяютъ носить бороды; при малѣйшемъ уклоненіи отъ этого, даже въ степныхъ походахъ, гдѣ не представлялось возможности бриться, казаки нерѣдко наказывались.

Изъ Оренбургскаго войска съ давняго времени посылалась команда въ составѣ четырехъ сотенъ въ Нижній Новгородъ на время ярмарки. Тамъ казаки встрѣчались со своими единовѣрцами изъ разныхъ мѣстъ Россіи и отъ нихъ узнавали объ общемъ стремленіи всѣхъ старовѣровъ къ поддержанію исповѣдыванія старой вѣры. Изъ Нижняго казаки, жившіе по Уралу, сопредѣльно съ Уральскими, привозили православныхъ священниковъ, за деньги соглашавшихся перейти въ расколъ, и скрывали ихъ то въ Оренбургскихъ, то въ Уральскихъ станицахъ.

Епархіальное начальство, узнавъ объ этомъ, съ помощью полиціи ловило и выдворяло такихъ поповъ, но черезъ короткое время они появлялись снова и продолжали свою дѣятельность.

Въ станицахъ 2-го отдѣла, а по тогдашнему округа, 5 или 6 человекъ казаковъ явились на смотръ не въ мундирахъ, а въ обыкновенной одеждѣ и сказали, что они готовы служить царю вѣрью и правдою, если имъ дозволить носить бороды, какъ Уральскимъ и Донскимъ казакамъ. Особенное упорство проявилъ казакъ Пшеничниковъ (Троицкаго уѣзда, Кундравинской станицы). Онъ явился на смотръ въ простой одеждѣ съ книгою священныхъ правилъ и говорилъ, что не онъ, а св. отцы уста-

новили ношеніе бородъ; христіанскій государь не долженъ имъ дѣлать запрета; для царя нужна служба, которую казаки будутъ нести, а съ бородой или безъ бороды человекъ—не все ли равно? Объ этомъ случаѣ окружный штабъ-офицеръ полковникъ Ханскій лично доложилъ Перовскому. Пшеничниковъ съ его единомышленниками былъ привезенъ въ Оренбургъ. Тутъ его поручили опытному и кроткому протоіерею кадетскаго корпуса Петру Алексѣвичу Сахарову при участіи наказнаго атамана Ивана Васильевича Подурова и правителя генераль-губернаторской канцеляріи Глѣбова, отличнаго юриста. Сколько не убѣждали Пшеничникова, что для Бога вѣра и для государя служба никакъ не исключаютъ одна другой, онъ оставался при своемъ убѣжденіи потерпѣть за бороду. Перовскій подтверждалъ рѣшеніе въ 3 т шпицрутеновъ, но далъ разрѣшеніе Подурову простить казаковъ, если они раскаются. Когда выстроены были солдаты, Подуровъ объявилъ объ этомъ. Пшеничниковъ перекрестился и пошелъ первымъ, сказавъ, что онъ не для показу готовилъ себя и вынесетъ все, пока живъ. Нѣкоторыхъ изъ казаковъ нѣсколько разъ выводили для наказанія и добивали. Въ живыхъ остался, кажется, одинъ Пшеничниковъ.

Примѣнивъ наказаніе шпицрутенами, Перовскій превысилъ свою власть. За нѣсколько времени до этого состоялся законъ, что нижніе чины изъ раскольниковъ за поступки, имѣвшіе въ основаніи религію, не подвергаются тѣлесному наказанію, а подлежатъ ссылкѣ. Перовскій, находя такой законъ для Оренбургскаго края неудобнымъ, чрезъ военнаго министра просилъ объ оставленіи прежняго порядка и императоръ Николай Павловичъ на его представленіи положилъ резолюцію: «Зло нужно уничтожить въ началѣ и бородъ казакамъ не носить, исключая ста-

риковъ болѣе 50 лѣтъ, и вообще такихъ даже въ урядники не производить». Это послужило началомъ ношенія бородъ стариками *).

Съ покореніемъ коканской крѣпости Акъ-мечети, разбитіемъ коканскихъ скопищъ и прочнымъ утвержденіемъ нашего владычества на Сыръ-Дарьѣ, киргизы увидѣли свои надежды на ханства Хиву и Бухару потерянными, полную покорность русскому царю неизбѣжною, но тѣмъ не менѣе оставались кое-гдѣ думавшіе иначе. Они совершили гнусное дѣло: толпа киргизъ убила сул-

*) Воспрещеніе носить бороду Оренбургскимъ казакамъ, состоящимъ на службѣ, было установлено еще раньше при войсковомъ атаманѣ Могутевѣ: «Въ бытность мою въ прошломъ 1757 г. въ Ельдякѣ (крѣпость), писалъ Могутовъ атаману Елдяцкихъ казаковъ Чисметову, видѣлъ я, что всѣ казаки ходятъ въ бородахъ и волосы такъ отращаютъ, какъ у мужиковъ, а въ указѣ Ея Императорскаго Величества 1748 г. марта 31 написано: въ сборъ съ бородачей и раскольниковъ положенныхъ денегъ поступать по прежнимъ указамъ безо всякаго опущенія, токмо дабы разныхъ чиновъ люди опричь священниковъ и церковнаго причта и крестьянъ въ неуказанномъ платьѣ не ходили и бородъ не носили, того смотрѣть накрѣпко, а кто впротивность публикованныхъ о томъ указовъ въ какомъ неуказанномъ платьѣ ходитъ и бороды носить станутъ, съ таковыхъ по взысканію штрафа чинить по указамъ безъ всякаго послабленія,—того ради въ силу онаго Ея Императорскаго Величества указу всѣмъ команды свои старшинамъ и казакамъ бороды обрить и волосы подстричь такъ какъ со здѣшними казаками числится, чего ради фельдшера изъ ихъ же казаковъ выбравъ къ тому искуснаго опредѣлить и поступать по силѣ онаго, дабы всѣ какъ старшины такъ и казаки были во всякой чистотѣ и платьѣ носили по своему званію, а не мужичье, а кто тобою фельдшеромъ опредѣленъ будетъ, о томъ ко мнѣ репортовать. Василій Могутовъ. 12 янв. 1758 г. (Дѣло Войскового Архива 1735—1780 г. № 54)

Примѣч. С. Н. Севастьянова.

тана правителя западной части орды, полковника Дра-сланова, имѣвшаго для своего прикрытія отрядъ въ 200 человѣкъ Оренбургскихъ казаковъ. Дѣло было обставлено такъ, что самъ султанъ-правитель приказалъ начальнику отряда не вмѣшиваться въ частныя распри киргизъ. На ночь казаки встали вдали отдѣльнымъ лагеремъ, а утромъ узнали, что султанъ-правитель измѣннически убить въ своей кибиткѣ, имѣніе расхищено и скотъ у его приверженцевъ разграбленъ. Виновные подлежали тяжкому наказанію и должны были быть непременно розысканы. Для наказанія посланы были отряды казаковъ, которымъ было приказано грабить скотъ и убивать всѣхъ, кто попадется, дабы такой карою устрашить народъ и показать, что русскіе вездѣ найдутъ убійцъ, куда бы они не скрылись. У киргизъ отбиты были десятки тысячъ барановъ, лошадей, рогатаго скота и верблюдовъ. 1855 и 56 г., въ которыхъ совершалось это событіе, былъ голодный. Весь скотъ пригнали на линію, но ни сѣна, ни соломы, ни другого довольствія не было, продавали его за безцѣнокъ, а зимою все погибло. На слѣдующій годъ скота изъ степи въ пригонѣ не было и мы при дорогомъ хлѣбѣ имѣли дорогое мясо; вмѣсто 2 коп. за фунтъ баранины и 3 коп. говядины платили 7 и 10 коп. за фунтъ. Вышло, что одновременно съ наказаніемъ киргизъ наказали и своихъ, Дороговизна на мясо послѣ этого продолжалась еще долгое время.

Въ Оренбургской губерніи Челябинскій уѣздъ издавна извѣстенъ былъ зажиточностью крестьянъ. Плодородная почва, выгодныя условія для развитія скотоводства и другіе промыслы выдвинули челябинскихъ крестьянъ сравнительно съ другими. До половины 40 гг. челябинцы въ каждомъ пріѣзжавшемъ къ нимъ чиновникѣ видѣли начальника, принимали честно и непременно дарили

деньгами безъ всякаго повода или желанія заручиться покровительствомъ, и поступали такъ по старинѣ, какъ дѣлали ихъ дѣды. Приѣзжавшій подчивался водкою или виномъ, подносимыми въ стаканѣ, на дно котораго клались золотая или серебряная монета, а иногда ассигнація — подъ, стаканъ; вино выпивалось, а деньги, называемыя *честными*, брались гостемъ; не принять честного значило обидѣть хозяина. Простому народу жилось хорошо, привольно и легко, благо въ то далекое прошлое время чиновниковъ у крестьянъ было немного: исправникъ, засѣдатель земскаго суда, иногда уѣздный стряпчій, — вотъ весь персоналъ, съ которыми знался крестьянинъ; это не то, что нынѣ мужикъ не знаетъ, кто его начальникъ: земскій, мировой судья, предсѣдатель сѣзда, становой приставъ, исправникъ и другіе, коихъ цѣлый легіонъ. Въ концѣ 1830 г. правительство ввело надъ крестьянами опеку, въ особомъ учрежденіи подъ названіемъ палаты государственныхъ имуществъ, окружныхъ начальниковъ съ помощниками и волостными и сельскими старшинами. Въ Челябинскомъ уѣздѣ было введено это новое учрежденіе и, какъ все новое, вызывало разные толки, разносителями которыхъ были солдаты, какъ люди всюду бывавшіе и болѣе простого мужика развитые. Ранѣе всѣ крестьяне назывались казенными, а тутъ — новое наименованіе государственныхъ, главное учрежденіе названо Мистерствомъ государственныхъ имуществъ. Судили, ядили, что это за министерство. Мужикъ, можетъ быть, слышалъ, что у царя есть министры, значить это ихъ начальникъ, а тутъ пустили слухъ, что они не царскіе или казенные крестьяне, а министерскіе, значить, принадлежать министру. Солдаты добавили, что, вѣроятно, государь проигралъ ихъ въ карты своему министру Киселеву (первый министръ Государственныхъ имущест-

ву), котораго называли почему то Кульневымъ, быть можетъ потому, что Кульневъ былъ извѣстный воинъ и ему всего ближе быть министромъ у царя. Мужики пошли дальше: если они проигравы министру, т. е. барину, значить будутъ барскими, какъ внутри Россіи, и порѣшили въ барскіе не итти. Новымъ учрежденіемъ дарована была крестьянамъ нѣкоторая льгота во взносѣ податей назначеніемъ въ годъ двухъ сроковъ. Челябинскіе сборщики повезли въ казначейство подушныя за весь годъ. Казначейство взяло одну половину, а въ пріемъ другой отказало. Мужики начали говорить, что слухи оправдались: если они царскіе, то зачѣмъ казначейство не принимаетъ подушныхъ денегъ. Пошло обвиненіе волостныхъ головъ съ прочимъ должностнымъ людомъ въ томъ, что они скрываютъ отъ крестьянъ новое ихъ положеніе; окружный и въ Уфѣ палата тоже подкуплены и мужики рѣшили требовать отъ головъ указа о переходѣ ихъ въ барскіе крестьяне; когда тѣ клятвенно увѣряли, что ничего не получали, обратились къ духовенству, требуя отъ него объявить имъ указъ и не скрывать истину. Когда духовенство отказалось предъявить указъ по неимѣнію такового, крестьяне употребляли на силіе какъ надъ своимъ начальствомъ, такъ и надъ духовенствомъ; тѣхъ и другихъ купали въ холодной водѣ, въ прорубяхъ, но ничего, конечно, не добились; перерыли всѣ дѣла въ волостныхъ правленіяхъ, нашли земледѣльческую газету съ изображеніемъ плуга новой системы и рѣшили, что эти плуги назначены для обработки барской земли. Общее мнѣніе было то, что нужно всѣми мѣрами отстаивать свои прежнія права.

Мѣстныя власти слали въ Уфу донесенія и рапорты, что мужики бунтуютъ и чтобы прибыли высшія власти. Исправникъ де — Грече заявлялъ, что можетъ быть

личное присутствіе губернатора, которымъ былъ Талызинъ, остановить дальнѣйшее распространеніе бунта, который уже охватилъ сосѣдніе уѣзды Пермской и Тобольской губерніи. Талызинъ послалъ въ Челябинскій уѣздъ управляющаго палатою государственныхъ имуществъ Львова, но онъ рѣшительно ничего не могъ сдѣлать. Талызинъ написалъ военному губернатору Обручеву, что одно его присутствіе и войско могутъ укротить волненіе, а высланные небольшіе отряды изъ мѣстныхъ башкиръ были прогнаны крестьянами, оружіе и лошади у нихъ отобраны. Обручевъ наконецъ принялъ все дѣло на себя. Командующему башкирскимъ войскомъ, полковнику Балкашину предписано явиться съ нѣсколькими сотнями конныхъ падежныхъ башкиръ въ село Чумляцкое, наказному атаману Оренбургскаго войска графу Цукато, собрать нѣсколько полковъ казаковъ, начиная отъ Верхнеуральска до границъ Сибири, изъ Троицка направить стоявшій тамъ баталіонъ пѣхоты. Весь отрядъ былъ раздѣленъ на три части: съ восточной стороны атаманъ съ казаками, въ центрѣ Балкашинъ съ башкирами, а съ запада самъ Обручевъ съ пѣхотой и казаками. Мужики, узнавъ объ этомъ, немного струсили, но никто покорности не изъявилъ, ибо надѣялись отстоять свое дѣло. Въ отрядѣ Балкашина вступилъ и я въ чинѣ урядника. Въ отрядѣ Балкашина были: сотникъ Филатовъ, личный его адъютантъ ротмистръ Житковъ и поручикъ Шоттъ. Последнему поручено было въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ сформировать, кажется, 400 человекъ и слѣдовать съ ними въ Челябинскій уѣздъ, Житкову съ двумя кантонными начальниками башкиръ Челябинскаго уѣзда — сформировать двѣ сотни и имѣть ихъ въ своемъ распоряженіи. Мнѣ пришлось вести всю письменную часть по отряду: получать бумаги, писать предписанія и докладывать не-

посредственно Балкашину. Изъ Оренбурга я выѣхалъ, въ чемъ былъ, за два дня до праздника св. Пасхи и вмѣстѣ съ Житковымъ пріѣхалъ въ д. Аджитарову, Челябинскаго уѣзда, населенную мещераками. Вскорѣ туда прибылъ Балкашинъ, Обручевъ и графъ Цукато.

Въ Чумляцкое Обручевъ пріѣхалъ въ отрядѣ Балкашина и самъ повелъ все дѣло: собралъ мужиковъ, толковалъ и внушалъ имъ, для чего нужны магазины, почему ихъ подчинили новому начальству, много наговорилъ лишняго и наконецъ объявилъ, что мужики виновны въ бунтѣ, и тутъ же началъ расправу. Каждый попадавшійся на глаза мужикъ безъ разсужденія, кто онъ и откуда, раскладывался на землѣ и былъ сѣченъ розгами или казачьими плетями. Башкиры сѣкли хорошо, а бѣжавшихъ ловили еще искуснѣе и тутъ же наказывали, а потомъ отпускали; когда такой мужичекъ снова попадался, то онъ поднималъ рубаху на голову и пока зывалъ избитую спину; это служило ему билетомъ для дальнѣйшаго слѣдованія. Послѣ двухъ или трехъ экзекуцій все утихло. Балкашинъ прошелъ нѣсколько селеній и потомъ получилъ приказъ возвратиться съ башкирами въ дома.

Не то было у графа Цукато. Онъ образовалъ у себя цѣлый штатъ, въ каждомъ селѣ отбиралъ болѣе виновныхъ, которыхъ везли на подводахъ или коньюировали пѣшихъ. Обручевъ, встрѣтивъ такую массу людей, нашелъ лишнимъ держать ихъ при отрядѣ, въ одинъ или два дня перепоротъ ихъ всѣхъ и отпустилъ домой. Кто могъ итти, тотъ шелъ, а болѣе избитый плелся ползкомъ. Бунтъ вскорѣ былъ усмирень. Для наблюденія за спокойствіемъ разставлены были въ нѣкоторыхъ селахъ солдаты. Въ слѣдующемъ году послѣдовало высочайшее повелѣніе одну изъ казачьихъ конныхъ баттарей имѣть

въ Челябинскомъ уѣздѣ, расцѣлживъ ее въ селѣ Чумляцкомъ, гдѣ она оставалась до отпращиванія всей казачьей артиллеріи для военныхъ дѣйствій противъ кокандцевъ, что было при генераль-губернаторѣ Крыжановскомъ въ началѣ 60 г.

Открытаго сопротивленія войскамъ крестьяне не позволяли себѣ. Только въ селѣ Таловскомъ толпа забралась на какую-то хозяйственную постройку, гдѣ подгала удержаться и не допустить казаковъ до себя. Подъ тяжестью толпы постройка разрушилась, мужики провалились и очутились въ капканѣ, откуда казаки за бороды и волосы вытаскивали ихъ и жестоко наказывали за дерзость и упрямство.

Умомъ и умѣньемъ излагать свои мысли убѣдительно и съ полнымъ знаніемъ дѣла равняться съ Перовскимъ никто не могъ. Писалъ онъ чистымъ литературнымъ языкомъ, не употребляя канцелярскихъ оборотовъ рѣчи и не допуская ихъ въ бумагахъ, составленныхъ другими лицами. Обладая замѣчательнымъ даромъ слова, онъ все-таки не всегда рассчитывалъ на свои силы. У него какъ въ первое, такъ и во второе управленіе краемъ были стилисты для составленія отчетовъ, важнѣйшихъ бумагъ министрамъ; нерѣдко онъ прибѣгалъ къ помощи специалистовъ, если предметъ былъ мало знакомъ ему.

Когда Перовскій былъ моложе, доступъ къ нему былъ легче. Одинъ капитанъ по фамиліи Романовъ поспорилъ въ веселомъ кругу, что сейчасъ (12 ч. ночи) дойдетъ къ Перовскому и спроситъ, чѣмъ онъ занимается. Перовскій принялъ его и спросилъ, что ему надобно.

«Государь у насъ Романовъ, я тоже Романовъ и желаю знать, чѣмъ ваше превосходительство занимается».

Отвѣтъ былъ скорый: «Пьяныхъ сажаю на гауптвахту. Ординарецъ, сейчасъ же отведи этого господина подъ арестъ!».

Перовскій далекъ былъ преслѣдовать нахаловъ и раздѣлывался съ ними самъ. За свой образъ дѣйствій онъ былъ популяренъ въ народѣ.

Для устраненія злоупотребленій Перовскій не затруднялся принимать собственною властью исключительныя мѣры, не стѣсняясь тѣмъ, что въ какомъ-либо случаѣ онъ расходился съ законнымъ направленіемъ дѣла. Для примѣра приведу случай о взысканіи съ киргизъ билетнаго сбора. Сборъ этотъ былъ установленъ въ одномъ размѣрѣ съ паспортнымъ для крестьянъ, уходящихъ на заработки. Билетный сборъ всецѣло обращался на содержаніе Неплюевского кадетскаго корпуса; платить его обязаны были хозяева за билеты при наймѣ киргизъ въ работники.*) При слабомъ надзорѣ этотъ сборъ къ 50 гг. сильно упалъ и видимыхъ причинъ тому не было. У казаковъ работниками были всегда киргизы, но хозяева, чтобы избѣгнуть платежа билетнаго сбора, при наймѣ билетовъ не брали. Мѣстное начальство не стѣсняло ихъ за безбилетныхъ киргизъ. Перовскій послалъ своихъ чиновниковъ повѣрить число работниковъ и по книгамъ прослѣдить число взятыхъ билетовъ, выдавать которые обязаны были казачьи станичные начальники. Повсюду найдена была масса безбилетныхъ киргизъ, жившихъ по

*) Установленъ этотъ сборъ былъ въ 20-хъ годахъ XIX ст.; разрѣшеніе найма киргизскихъ работниковъ было однако мѣрою вредною: работники киргизы являлись тайными шпионами, передававшими о малѣйшемъ дѣйствіи русскихъ войскъ. Отъ этого зависѣла отчасти и малоуспѣшность поисковъ въ киргизскую степь для наказанія виновныхъ киргизъ.

Прим. С. Н. Севастьянова.

нѣсколько лѣтъ сряду у своихъ хозяевъ — казаковъ. Съ послѣднихъ Перовскій предписалъ взыскать всю невнесенную за прошедшее время сумму и такимъ путемъ было взыскано съ Оренбургскихъ казаковъ болѣе 30 т. р. сер. На неправильности исчислений чиновниковъ жалобъ не принимали, въ судъ никто не позволилъ себѣ обратиться и тѣмъ все дѣло было кончено.

Въ Челябинскомъ уѣздѣ съ давняго времени укренилось кормчество солью, привозимою изъ киргизскихъ озеръ безъ платежа пошлины. Обязанность не пропускать ввозъ этой соли лежала на кордонной стражѣ изъ казаковъ. Таможенное начальство въ свою очередь должно было слѣдить. Нѣтъ сомнѣнiя, что потворство и послабленiе допускалось съ той и другой стороны. Кордонная стража пропускала воза два или три соли, провозимой казаками для собственной домашней надобности. Таможенный объѣзчикъ невѣрно взвѣшивалъ обозъ крестьянъ, провозившихъ соль, а случалось, что и самъ таможенный надзиратель какъ-бы не видѣлъ провозимую соль изъ личныхъ интересовъ. Львиная доля неуплаченного акциза оставалась въ карманахъ таможенныхъ, но начальство ихъ постоянно приносило жалобы на слабое смотрѣнiе казаковъ.

Перовскій, это было во второе его управленiе, распорядился усилить кордонную стражу нарядомъ полка казаковъ въ дополненiе къ бывшему тамъ числу, расположивъ ихъ отъ Троицка до границы Сибири, и въ первый же годъ доходъ увеличился болѣе, чѣмъ въ три раза: съ 8 до 26 т. р. Казна выиграла, но войсковой капиталъ значительнымъ сверхсметнымъ расходомъ на содержанiе казаковъ чувствительно пострадалъ.

Графъ Перовскій всегда держалъ себя величаво, независимо, и никто не слышалъ, чтобы у него былъ не-

достатокъ денежныхъ средствъ, а расходы его были велики: роскошные праздники, обѣды и балы стоили дорого; на балахъ шампанское пили всѣ гости, а бывало ихъ 300—400 чел.

Въ обыкновенное время у него обѣдало не менѣе 15—20 человекъ. Какія были его личныя средства — неизвѣстно. Говорили, что государь Николай Павловичъ давалъ ему негласно изъ своей шкатулки.

Въ коронованіе императора Александра II въ Москвѣ Перовскій былъ пожалованъ графомъ и въ это же время появились слухи, что Перовскій скоро будетъ смѣненъ. Самъ онъ, вслѣдствіе болѣзни, тяготился лежавшими на немъ обязанностями, а еще болѣе передававшимися изъ Петербурга вѣстями, что онъ старъ, ничего не можетъ дѣлать, и даже указывали на нѣкоторыя неудачныя его дѣйствія, показывавшія, что онъ отжилъ свое время. Въ первый пасхальный день, въ самую пасхальную заутреню по церкви прошло извѣстіе, что Перовскій вслѣдствіе сильнаго удушья сидитъ въ банѣ, куда приходилъ соборный протоіерей Розановъ напутствовать его и пріобщить. Вслѣдствіе этого общее розговѣніе не состоялось, а родной племянникъ его отъ сестры, Александръ Михайловичъ Жемчужниковъ, говорилъ мнѣ, что онъ заперъ и опечаталъ кабинетъ дяди, сказавъ Балкашину, чтобы не смѣлъ входить туда, такъ какъ тамъ такіе фамилные документы, касаться которыхъ посторонніе не смѣютъ. На этотъ разъ дѣло обошлось благополучно. Перовскій остался живъ, но чувствуя близкую кончину, желалъ оставить память о своемъ пребываніи. Предъ праздникомъ Пасхи онъ собралъ всѣ экономическія суммы и роздалъ всѣмъ болѣе или менѣе близко служившимъ чиновникамъ при письмахъ или бумагахъ. Всего, кажется, было роздано 30 т. р.*).

*) Перовскій скончался на югѣ Россіи — на берегу Чернаго моря въ 1857 г.

Прим. С. Н. Севастьянова.

Ж.

А. А. Катенинъ.

(1858 — 1860).

Преемникомъ Перовскаго былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Александръ Андреевичъ Катенинъ. Онъ пріѣзжалъ сюда въ январѣ 1857 г. для предварительнаго ознакомленія съ краемъ подъ руководствомъ Перовскаго, окончательно же назначенъ Оренбургскимъ и Самарскимъ генералъ губернаторомъ въ 1858 г.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Оренбургъ онъ отправился въ степь и вновь присоединенныя владѣнія. Въ декабрѣ 1858 г. Катенинъ съ отчетомъ поѣхалъ въ Петербургъ, куда въ числѣ другихъ чиновниковъ взялъ и меня для объясненія казачьихъ и башкирскихъ дѣлъ, какъ служившаго въ его канцеляріи начальникомъ отдѣленія иррегулярныхъ войскъ. Тутъ были: правитель канцеляріи Адамъ Антоновичъ Арцимовичъ, Василій Васильевичъ Григорьевъ,*) полковникъ Дандевилъ,**) чиновники Галкинъ,

*) Предсѣдатель пограничной комиссіи.

**) Оберъ-квартирмейстеръ.

А. А. Катенинъ.
[1858—1860.]

Пасмуровъ, Сѣверцовъ, Тимашевъ, за адъютанта полковникъ Безносиковъ, ротмистръ Миллеръ. Послѣдніе ѣхали на свои средства, а я получилъ подъемныхъ 200 р. Въ свитѣ Катенина находились еще чиновники Лафаршъ и Иванъ Николаевичъ Кашкаровъ; они были домашними людьми — Лафаршъ для исполненія домашнихъ порученій и для практики съ дѣтьми, а Кашкаровъ, двоюродный братъ жены Катенина, кромѣ того, докторъ Нефтель. *)

Одновременно съ поѣздкою Катенина въ степь и на Сырь-Дарью изъ Оренбурга отправилось дипломатическое посольство въ Бухару и Хиву. Во главѣ его былъ флигель-адъютантъ полковникъ Игнатьевъ, бывший потомъ посломъ въ Турціи. Въ это посольство включенъ былъ Галкинъ, служившій въ канцеляріи Катенина по пограничному отдѣлу; съ этого времени начался его служебная карьера.

Всѣ прибывшія въ Петербургъ лица имѣли назначеніемъ содѣйствовать осуществленію представленныхъ Катенинымъ проектовъ, но далеко не все исполнилось по желанію Александра Андреевича. Будучи дежурнымъ у государя императора, онъ поднесъ записку о назначеніи ему по званію генерала-губернатора помощника, на какое мѣсто предполагалъ опредѣлить генералъ-лейтенанта Балкашина, устарѣвшаго для должности командующаго башкирскимъ войскомъ, а его мѣсто предоставлять полковнику Рейтерну, бывшему дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ корпусномъ штабѣ и тоже находившемуся въ Петербургѣ. На докладѣ резолюція Государя была «сог-

*) Крещеный еврей. Потомъ былъ посланъ на казенный счетъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ. Тамъ вступилъ въ кружокъ Герцена и его друзей и въ Россію не возвращался. Нѣкоторое время жилъ въ Лондонѣ, а потомъ поселился въ Нью-Йоркѣ.

ласень», но въ исполненіи вышло другое. Катенину предоставлялось право на время отсутствія его изъ края передавать должность генераль-губернатора одному изъ состоящихъ въ его распоряженіи генераловъ; въ число ихъ поступилъ генераль-лейтенантъ Балкашинъ и генераль-майоръ Ладыженскій; первый былъ замѣстителемъ Катенина, но вскорѣ умеръ, а второй оставался и во время управленія Безака.

Во время пребыванія Катенина въ Петербургъ былъ выработанъ планъ постепеннаго движенія въ Среднюю Азію и посылка особаго отряда подъ начальствомъ полковника Дандевиль въ Туркменскую область. Въ этотъ отрядъ прикомандированъ былъ также Галкинъ.

Для казачьихъ войскъ Катенинъ заручился позволеніемъ ходатайствовать о прибавкѣ жалованья казачьимъ офицерамъ, каковое ходатайство онъ началъ по прибытіи въ Оренбургъ, да Оренбургскому войску для внутренняго его благоустройства прибавлено 85 т. р. въ годъ взаменъ питейнаго откупнаго дохода.

Въ отношеніи башкиръ было ходатайство о сформированіи изъ нихъ четырехъ полковъ и посылки ихъ на службу въ Варшаву и на Кавказъ. Ходатайство это однако не было удовлетворено. Мысль эта принадлежала Балкашину; ее раздѣлялъ и Перовскій, желавшій оставленія башкиръ въ военномъ сословіи. При моемъ личномъ объясненіи съ начальникомъ главнаго управленія казачьихъ войскъ, генераль-лейтенантомъ Веревкинымъ, я узналъ и передалъ Катенину, что башкиръ ни въ Варшаву, ни на Кавказъ тамошнія начальствующія лица не берутъ, такъ какъ въ польскую компанію 1831 г. башкиры были въ арміи и оказались негодными для казачьей службы. Отказъ этотъ послѣдовалъ въ то время, когда для военно-строевого образованія въ Оренбургъ бы-

ли командированы 4 штабъ и 10 оберъ-офицеровъ армейской кавалеріи; нѣсколько человѣкъ изъ нихъ проводили 2—3 лѣтнихъ мѣсяца въ учебномъ полку, собиравшемся на это время въ Оренбургскомъ уѣздѣ около деревни Аллабердиной, гдѣ было много свободныхъ башкирскихъ земель, теперь уже распроданныхъ. Почти всѣ штабъ-офицеры (Гюбенетъ, Гвоздаковъ, Броссе, Базилевъ) впоследствии заняли мѣста попечителей Башкирскихъ кантоновъ, а оберъ-офицеры кантонныхъ начальниковъ.

Поѣздка въ Петербургъ 1858 г. не ознаменовалась ничѣмъ особеннымъ. Возвратившись въ маѣ въ Оренбургъ, Катенинъ занялся разработкою другихъ своихъ предположеній, потомъ въ концѣ 1859 г. снова ѣздитъ въ Петербургъ съ цѣлью ходатайствовать о продолженіи завоеваній на Сыръ-Дарьѣ, однакожъ это было отклонено. Въ 1860 г. Катенинъ ѣздитъ въ Уральскъ для осмотра войска и проѣзжалъ до Гурьева городка.

Темное пятно въ Уральскихъ казакахъ составляла принадлежность ихъ къ старовѣрству и исходящая отсюда ненависть и презрѣніе къ каждому православному. Коренной уралецъ, никогда не ходившій на службу, не позволить себѣ принимать пищу съ православнымъ и не дать ему для этого своей посуды, а если бы послѣдняя случайно была у русскихъ (они себя считаютъ казаками и другого названія не знаютъ), то каменную посуду разбиваютъ, а деревянную сожигаютъ. На искорененіе раскола *) или, по крайней мѣрѣ, на ослабленіе его, ата-

*) Подробнѣе объ этомъ массовомъ движеніи Уральцевъ въ сторону соединенія съ православною церковью можно читать у *Н. Чернавскаго* въ его трудѣ: «Оренбургская епархія въ прошломъ и настоящемъ», вып. II (X вып. «Трудовъ Комиссія»).

манъ уральскаго войска Арк. Дмит. Столыпинъ обратилъ вниманіе. Онъ началъ съ того, что извѣстныя духовныя лица, которыя тамъ всѣ изъ уральцевъ, по убѣжденію Столыпина склонились на нѣкоторыя уступки: одинъ изъ нихъ, Донсковъ, читалъ лекціи противъ раскола, громилъ отступниковъ отъ церкви гнѣвомъ Божиимъ. Это возымѣло нѣкоторое дѣйствіе на казаковъ: они уже были не тѣ, что въ 1837 г., когда подняли бунтъ за одно намѣреніе вresti между чиновниками и богатыми купцами казаками нѣкоторое подобіе общественной жизни, какъ напр. собранія, танцы, игру въ карты. Болѣе развитые согласились на предложеніе Столыпина имѣть у себя храмъ съ правильно рукоположеннымъ священствомъ, во всемъ остальномъ оно должно слѣдовать старымъ уставамъ и обрядамъ, ни въ чемъ ихъ не измѣняя, и не составлять общаго съ православнымъ духовенствомъ. Епархіальный епископъ можетъ только рукополагать избранныхъ обществомъ лицъ, а консисторія никакъ не могла вмѣшиваться въ управленіе и посылать предписанія и указы духовенству новообразованной церкви. Утвержденіе на такомъ основаніи церкви дано было свыше и въ особенное вниманіе къ явленному казаками желанію сообщить съ православною церковью. Покойная императрица Марія Ѳеодоровна пожелала дать въ новый храмъ икону св. Николая древняго письма изъ числа хранящихся въ дворцовыхъ церквахъ. Столыпинъ придавъ особенное значеніе этому дару, постарался сдѣлать это событіе извѣстнымъ всему войску, передавая это такъ: уральцы будутъ имѣть свою церковь съ духовенствомъ, никому изъ духовныхъ властей не подчиненную, съ уставомъ и порядками дониконовскаго времени, чего тщетно добивались они; послана была въ Петербургъ депутація благодарить царя и царицу за такой высокій даръ, больше и важнѣе котораго не можетъ

быть. Депутацію составляли полковники Бизяновъ, Кармановъ и сотникъ Мартыновъ (всѣ эти лица были послѣ генералами), торговые казаки Сергѣй Щелоковъ и Аржановъ (отецъ извѣстнаго самарскаго милліонера, перешедшаго въ купцы; на расходы отпущено было 3 т. руб. изъ войскового капитала *). Святая икона была вручена депутаціи. Я видѣлъ ее: небольшой образъ до 7 вершковъ высоты и 6 въ ширину, съ вѣнцомъ кругомъ лица, но безъ ризы, какъ вообще были иконы, закрывать которыя ризами въ древности не было принято, дабы поклоняющіеся видѣли какъ ликъ, такъ и одежды святого. По нѣкоторому сомнѣнію я, по порученію Катенина, возилъ икону эту для показанія извѣстному нашему знатоку и любителю старыхъ обрядовъ и уставовъ камергеру Муравьеву, который подтвердилъ несомнѣнность древняго писанія иконы.

Новая православная Никольская церковь въ народѣ считалась истинною, имѣла священниковъ, совершались правильно всѣ службы; народъ привыкъ чтить ее какъ самую святую и уподобленную древнимъ храмамъ; всѣ усердно ходили молиться; самъ атаманъ Столыпинъ молился въ ней большимъ крестомъ, отпустилъ себѣ бороду, чего тогда еще не позволялось; крестъ налагалъ на себя истово и руку на лобъ такъ закладывалъ, чтобы стоявшіе видѣли двухперстное сложеніе. Близко знавшіе Столыпина видѣли въ этомъ лицемѣріи, но такъ или ина-

*) Депутація въ короткое пребываніе въ Петербургъ не могла израсходовать такой суммы; придумали дать обѣдъ у Донона лицамъ, бывшимъ въ столицѣ съ Катенинымъ въ томъ числѣ былъ и я. Обѣдъ былъ роскошный, ѣли и пили до сыта. Я съ обѣда ушелъ пѣшкомъ, но когда легъ въ постель и заснулъ, не помню. Это былъ единственный случай въ моей жизни.

че вѣра въ церковь утвердилась. Православное духовенство въ церковь не ходило, а преосвященные съ 1858 г. хотя жили въ Оренбургѣ, но въ Уральскѣ ѣздили очень рѣдко. Столыпинъ для разсѣянія въ уральцахъ ихъ нелѣпыхъ убѣжденій о православныхъ иногда употреблялъ въ разговорѣ своеобразныя выраженія, съ которыми можно обращаться только къ простому и грубому народу.

Напримѣръ, онъ спрашиваетъ старовѣра: «какимъ крестомъ ты молишься Богу?» тотъ *правою* рукою дѣлаетъ двухперстное сложеніе.

«А покажи мнѣ, какъ прославные при молитвѣ крестятся?».

Казакъ *лѣвою* рукою дѣлаетъ трехперстное сложеніе.

«Почему же ты дѣлаешь не правою рукою?»

— Чтобы не опоганить руку, отвѣчаетъ казакъ.

«Дуракъ», говоритъ Столыпинъ: «теперь самъ разсуди, что мерзѣе и гнуснѣе. Всѣ безъ различія дѣянія дѣлаешь правою рукою, и черезъ это она не поганится, а для молитвы сложеніе трехъ перстовъ считаешь не только грѣховнымъ, но и поганымъ».

Вообще въ атаманство Столыпина міровоззрѣніе уральцевъ въ многомъ измѣнилось. За молодымъ поколѣніемъ, получавшимъ образованіе внѣ войска, потянулись и старики, у которыхъ уменьшился фанатизмъ, и они стали понемногу отвыкать отъ прадѣдовскихъ вѣрованій, особенно даровитый миссіонеръ-проповѣдникъ Крючковъ велъ успѣшно свои собесѣдованія съ народомъ; послѣдній добровольно и на свои средства началъ строить церкви на единовѣрческомъ началѣ.

Генераль-адъютантъ Катенинъ послѣ поѣздки въ Уральскъ возвратился больнымъ и въ іюнѣ 1860 г.

умеръ. *) Причину болѣзни относили къ простудѣ легкихъ. Смерть Александра Андреевича поразила городское и окрестное населеніе. Горожане везли на себѣ погребальную колесницу и положили его въ склепѣ графа Сухтелена въ оградѣ Петропавловской церкви, откуда тѣло покойнаго потомъ было взято въ имѣніе его Костромской губерніи, Кинешемскаго уѣзда.

Катенинъ пробылъ въ должности генераль-губернатора не болѣе двухъ лѣтъ, обѣщаль много, но скорая смерть помѣшала осуществленію его предположеній. При немъ положено начало раздѣленія Оренбургской губерніи на двѣ—Оренбургскую и Уфимскую; назначенъ въ Оренбургъ особый епископъ для казачьихъ войскъ и прилинейныхъ уѣздовъ, не включая сюда уѣздныхъ городовъ, которые были оставлены въ зависимости Уфы**), и какъ бы взамѣнъ сего на Оренбургскаго епископа возложили обязанность по обращенію инородцевъ язычниковъ въ

*) Старожилы передаютъ, что Катенинъ цѣлую ночь работать, а на другой день скончался. За годъ до смерти, провозжая въ 1859 г. въ августѣ мѣсяцѣ гробъ съ прахомъ наказнаго атамана Оренбургскаго каз. войска Ивана Васильевича Подурова, онъ оступился на кладбищѣ въ яму и тутъ же сказалъ «Вѣрно и мнѣ скоро придется послѣдовать за Иваномъ Васильевичемъ». Предчувствіе сбылось.

Прим. С. Н. Севастьянова.

**) Учрежденіе самостоятельной кафедры въ г. Оренбургѣ въ миссіонерскихъ цѣляхъ и ея матеріальное устроеніе было обязано главнымъ образомъ А. А. Катенину и составляетъ одну изъ крупныхъ его заслугъ. Объ этомъ подробнѣе можно читать у *Н. Чернавскаго* въ его трудѣ: «Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ» (Вып. VII и X Трудовъ Комиссіи) и въ брошюрѣ прот. *І. П. Кречетовича*: «Учрежденіе въ г. Оренбургѣ епископской кафедры».

христианство, для чего ежегодно ассигновалось изъ сбора съ этихъ инородцевъ 3 т. руб. сер.

Катенинъ своею открытою жизнью много способствовалъ развитію въ городѣ общественной жизни, давалъ большіе балы, гдѣ собиралось многочисленное общество; въ высокаторжественные дни, приходившіеся лѣтомъ, устраивались обѣды, на которые приглашались многіе изъ служащихъ.

Катенинъ при назначеніи получилъ на экстраординарные расходы 28 т. руб. изъ капиталовъ Оренбургскаго и Уральскаго войскъ, башкирскаго сбора и кибиточныхъ съ киргизъ. Отчетъ въ этихъ деньгахъ онъ представлялъ лично государю при своихъ поѣздкахъ въ Петербургъ.

Катенинъ былъ всегда и со всѣми любезенъ. Иногда случалось на раутахъ, что Александръ Андреевичъ бралъ меня за руку и велъ пить шампанское. Катенинъ выражалъ неудовольствіе, что чиновники его канцеляріи не бывають у него.

Послѣ назначенія Арцимовича губернаторомъ въ Самару, правителемъ канцеляріи былъ назначенъ Тарасовъ, служившій у меня въ отдѣленіи столоначальникомъ. Съ нимъ у меня начались неудовольствія, я заявлялъ о своемъ желаніи оставить службу въ канцеляріи, но при Катенинѣ этого нельзя было сдѣлать. При новомъ генералъ-губернаторѣ Безакѣ я перешелъ на должность попечителя башкиръ Оренбургскаго уѣзда.

XI.

А. П. Безакъ.

(1860—1864).

Послѣ Катенина генераль-губернаторомъ былъ назначенъ Александръ Павловичъ Безакъ. По прибытіи въ Оренбургъ въ концѣ 1860 г. при общемъ приѣмѣ всѣхъ служащихъ въ залѣ своего дома сказалъ, что управленіе краемъ онъ поведетъ на либеральныхъ началахъ, будетъ стремиться въ этомъ направленіи сдѣлать необходимыя реформы, для чего пригласить образованныхъ чиновниковъ изъ Петербурга и вообще при назначеніяхъ на должности будетъ держаться правила узнавать во всѣхъ отношеніяхъ избираемыхъ лицъ, дабы впослѣдствіи избѣгать необходимости смѣнять назначенныхъ, что ведетъ къ печальнымъ результатамъ какъ для пользы службы, такъ и для самихъ смѣняемыхъ.

Вступительная рѣчь была сказана хорошо, но замѣтно, что она была сочинена предварительно.

Еще со времени Катенина важныя мѣропріятія обсуждались въ особыхъ комитетахъ, состоявшихся изъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ, переданнымъ на об-

сужденіе особаго комитета, гдѣ руководителемъ былъ генераль-губернаторъ. Съ назначеніемъ Безака комитеты эти уничтожились.

Безакъ въ жизни былъ человѣкъ расчетливый, не допускавшій ни въ чемъ излишества. Это имѣло вліяніе на всѣхъ окружающихъ его лицъ и высшихъ начальниковъ; по этому частная жизнь въ Оренбургѣ сузилась, частные балы и вечера сократились. Почти всѣ служившіе при Катенинѣ разъѣхались: Столыпинъ уѣхалъ изъ Уральска, графъ Толстой смѣнился съ должности наказнаго атамана Оренбургскаго войска; его мѣсто занялъ полковникъ Петръ Васильевичъ Зварыкинъ. Управлявшій Оренбургскими киргизами Григорьевъ силою былъ столкнутъ съ мѣста, хотя онъ старался удержаться и писалъ даже государю. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ узналъ, что уволенъ въ отставку съ пенсіею въ 300 руб. и оставался нѣкоторое время безъ всякаго назначенія. Впослѣдствіи онъ поступилъ профессоромъ восточныхъ языковъ въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ онъ служилъ до перехода къ Перовскому, затѣмъ одновременно служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ при генераль-адъютантѣ Тимашевѣ предсѣдателемъ цензурнаго комитета и редакторомъ «Правительственнаго Вѣстника». Отъ этихъ послѣднихъ должностей отказался въ 1872 г. по болѣзни.

Я видѣлся съ нимъ въ Петербургѣ и слышалъ отъ него, какую горькую чашу пришлось ему испытать въ дѣлѣ гоненій Безака.

Вновь назначенный военнымъ министромъ генераль-адъютантъ Милютинъ офиціальнымъ письмомъ просилъ Безака заняться дѣломъ о новомъ устройствѣ башкирскаго войска, при этомъ высказалъ, что, оставшись войскомъ въ настоящемъ его видѣ, оно не можетъ приносить поль-

зы. Въ виду осложненія дѣла управленія башкирскимъ войскомъ и важныхъ послѣдствій при неудачѣ введенія новой реформы генераль Тетеревниковъ, командовавшій башкирскимъ войскомъ, былъ назначенъ начальникомъ 23-й пѣхотной дивизіи, составленной изъ Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ, остался въ Оренбургѣ и только переселился изъ Караванъ Сарая въ казенный домъ, бывшій на мѣстѣ нынѣшняго пансіона гражданской гимназіи. На мѣсто Тетеревникова былъ назначенъ полковникъ Богуславскій, а мѣсто послѣдняго Безакъ далъ своему зятю, князю Трубецкому, который въ теченіе двухъ, лѣтъ изъ прапорщиковъ произведенъ былъ въ есаулы Оренбургскаго казачьяго войска. Такимъ образомъ Безакъ въ первые два года управленія мѣста всѣхъ главныхъ начальниковъ заполнилъ своими избранниками и вся эта фаланга въ унисонъ пѣла хвалу Александру Павловичу.

Другому своему зятю, Галкину, Безакъ далъ мѣсто помощника управляющаго Оренбургскими киргизами, смѣстилъ Льва Николаевича Плотникова на должность чиновника особыхъ порученій при немъ на томъ основаніи, что онъ не имѣлъ высшаго образованія, а въ министерствѣ Безаку будто говорили, что при назначеніи помощниковъ при главныхъ мѣстныхъ начальникахъ необходимо выбирать молодыхъ и образованныхъ людей, ибо они первые кандидаты къ занятію такихъ мѣстъ. Григорьевъ, не совсѣмъ довольный новымъ помощникомъ, впалъ въ немилость и потерялъ мѣсто.

При Безакѣ театръ существовалъ круглый годъ, труппа актеровъ улучшалась съ каждымъ годомъ, постановителей въ театрѣ всегда было достаточно.

Въ послѣдній годъ управленія Безака образовался особый клубъ изъ казачьихъ семействъ, въ который по-

стунили лица средняго сословія. Въ танцевальные вечера публики набиралось до тѣсноты. Изящества въ дамскихъ туалетахъ даже по уставу сего клуба не требовались, и дамы приходили въ своихъ обыкновенныхъ платьяхъ и простыхъ прическахъ. Клубъ этотъ существовалъ не болѣе трехъ лѣтъ. Крыжановскій увидѣлъ въ немъ сепаратизмъ и закрылъ его.

Самъ Безакъ давалъ въ торжественные дни обѣды и балы, на которые гости приглашались изъ всѣхъ сословій. Зимой устраивались разъ въ недѣлю танцевальные вечера, но уже не при такой обстановкѣ, какъ при Катенинѣ: буфета съ винами не было; фрукты и сласти разносили, былъ даже арбузъ.

Безакъ былъ расчетливъ до скупости. Участвуя при докладахъ, я постоянно видѣлъ его въ старомъ сюртукѣ; новый онъ надѣлъ по пріѣздѣ жены своей Любви Павловны.

Генералъ Безакъ имѣлъ крупное столкновение съ Оренбургскомъ гражданскомъ губернаторомъ Егоромъ Ивановичемъ Барановскимъ. Послѣдній былъ правовѣдъ и принадлежалъ къ кругу либеральной молодежи, въ рукахъ которой въ 60 гг. было почти все управленіе. Барановскій получилъ мѣсто губернатора по представленію Катенина, столкнувшаго для него дѣйст. ст. сов. Потурова, быть можетъ и устарѣвшаго во взглядахъ на управленіе, но управлявшаго губерніей почти независимо отъ генералъ-губернаторовъ, которые мало вмѣшивались въ гражданскую часть, а въ непосредственной своей зависимости считали дѣла пограничныя, военные и инородцевъ. При томъ губернаторы, видя въ генералъ-губернаторахъ по ихъ государственному положенію царскихъ замѣстителей, не позволяли въ сношеніяхъ съ ними ни-

чего заносчиваго, были осторожны и устраняли все, что могло повести къ несогласіямъ.

Съ другой стороны, вліявшія на генераль-губернаторовъ лица—правитель канцеляріи и другіе—были петербуржцы, болѣе или менѣе далекіе отъ желанія проводить мысль о личномъ своемъ значеніи, потому что всѣ видѣли и знали ихъ вліяніе.

У Безака такихъ людей не было. Правитель его канцеляріи Тарасовъ служилъ въ главномъ управленіи Западной Сибири на должности что-то въ родѣ дѣлопроизводителя, Чебышевъ—въ надворномъ судѣ въ Петербургѣ. Люди эти были никому неизвѣстные и постоянно пѣли Безаку, что онъ, какъ генераль губернаторъ, игнорируется подчиненными и что для возвышенія своего значенія онъ долженъ лично сдѣлать ревизію гражданскихъ учрежденій и черезъ своихъ чиновниковъ требовать, чтобы представленія о замѣщеніи открывавшихся вакансій восходили дѣлѣе съ его одобренія.

Генераль Безакъ согласился съ этимъ взглядомъ и на второй годъ своего управленія послалъ всѣхъ своихъ чиновниковъ особыхъ порученій на ревизію уѣздныхъ управленій, а самъ съ правителемъ канцеляріи Тарасовымъ и чиновникомъ особыхъ порученій Чебышевымъ отправился въ Уфу. Чиновники явились въ канцелярію губернатора съ требованіемъ для ревизіи всѣхъ дѣлъ и показали предписанія генераль-губернатора. Правитель канцеляріи вѣжливо и почтительно сказалъ, что у нихъ одинъ начальникъ, Егоръ Ивановичъ Барановскій, и что если онъ прикажетъ, то все будетъ исполнено, а помимо его приказанія ни отъ кого не могутъ принять. Барановскій сказалъ Безаку, что если онъ желаетъ и находитъ нужнымъ, то можетъ лично самъ ревизовать дѣла и повѣрять всѣ его распоряженія, но чиновниковъ его къ

себѣ въ канцелярію не пустить, тѣмъ болѣе такихъ, какъ Чебышевъ — личность темная и никому неизвѣстная, и въ какіе — либо разговоры съ такими личностями губернаторъ не можетъ входить. При этомъ Барановскій добавилъ, что Тарасовъ и Чебышевъ, прибывъ съ визитомъ къ женѣ его, не умѣли прилично держать себя въ гостинной: имѣли руки въ карманахъ брюкъ и небрежно разваливались на диванѣ. — Безаку самому ревизовать и просматривать всѣ дѣла не было времени и такимъ образомъ ничѣмъ не вызванное недовѣріе къ губернатору кончилось торжествомъ послѣдняго.

Выше я сказалъ, что Безаку отъ военнаго министра Милютина было поручено составить новое положеніе о башкирахъ, сообразно съ ихъ современнымъ положеніемъ и общими государственными соображеніями. На собранномъ по этому поводу совѣщаніи было рѣшено всецѣло примѣнить къ башкирамъ начала управленія, данныя для крестьянъ положеніемъ 1861 г., съ необходимыми измѣненіями и сохраненіемъ вотчинныхъ правъ на земли. Въмѣсто должности командующаго войскомъ предполагалось образовать центральное коллегіальное учрежденіе и мѣстныхъ исполнителей, которымъ оставить прежнее названіе кантонныхъ начальниковъ, чтобы введеніемъ новыхъ названій не волновать народъ. Составленіе на сихъ началахъ положенія возложено было на генерала Тетеревникова, а онъ поручилъ дѣло правителю своей канцеляріи Долинскому. Написанный послѣднимъ проектъ представлялъ сколокъ съ крестьянскаго положенія, изъ котораго было все, касающееся мировыхъ посредниковъ, отнесено къ обязанностямъ кантонныхъ начальниковъ. Центральное управленіе проектировано подобно палатамъ государственныхъ имуществъ.

Въ такомъ видѣ проектъ разсматривался въ особомъ

комитетъ подъ предсѣдательствомъ Безака и послѣ значительныхъ измѣненій и дополненій представленъ военному министру.

Изъ министерства проектъ передавался на заключеніе главноуправляющаго вторымъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи. По измѣненію послѣдняго проектъ состоялъ изъ двухъ частей: одна половина—управляемая, т. е. народъ—получилъ широкое право самоуправленія, другая центральная, т. е. общее управленіе башкирами, удержало характеръ существующихъ учрежденій—могло все контролировать, обсуждать въ хозяйственныхъ дѣлахъ выгоду и пользу и безусловно могло отвергать и не позволять обществу распоряжаться въ своихъ дѣлахъ по собственному усмотрѣнію.

Генераль Безакъ былъ въ это время въ Петербургѣ и личнымъ докладомъ испросилъ у государя повелѣніе разсмотрѣть его проектъ въ государственномъ совѣтѣ при его участіи, измѣнить или пересоставить его здѣсь, а не возвращать для передѣлки въ Оренбургъ, на что требуется много времени. Ходатайство его были уважено, и 14 мая 1863 г. высочайше утверждено положеніе о башкирахъ.

Возвратившись въ концѣ мая въ Оренбургъ, Безакъ потребовалъ отъ Богуславскаго немедленнаго введенія у башкиръ новаго положенія и тутъ же далъ ему официальное предписаніе не давать мнѣ мѣста при назначеніи на новыя должности.

Богуславскаго послѣднее удивило, онъ тотчасъ призвалъ меня и спросилъ, не получаю ли я высшаго назначенія въ казачьемъ войскѣ. Съ моей стороны не было ничего такого, чтобы лишать меня права службы, и я отвѣтилъ Богуславскому, что новаго назначенія не ожидаю, а вижу тутъ интригу и нежеланіе Безака имѣть меня

на службѣ въ управленіи башкирами. Черезъ нѣсколько времени Богуславскій сказалъ мнѣ, что причина недоброжелательства ко мнѣ Безака выяснена: «Онъ очищаетъ мѣсто для своего зятя Трубецкого, а вы стоите на дорогѣ, и онъ знаетъ, что я желаю имѣть помощникомъ васъ, а не князя Трубецкого, и ни въ чемъ не уступлю ему».

Безаку онъ говорилъ: «Вы, Александръ Павловичъ, возлагаете на меня введеніе новаго положенія у башкиръ, а способныхъ и опытныхъ людей отнимаете у меня; чрезъ кого же я буду дѣйствовать? Черновъ ничѣмъ не заслужилъ изгнанія». Безакъ сказалъ: — «Я не желаю съ нимъ служить по совершенно постороннимъ причинамъ!»

Послѣ нѣкотораго спора Безакъ уступилъ и сказалъ: — «Я соглашаюсь оставить его кантоннымъ начальникомъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но не въ Оренбургѣ».

Богуславскій на это возразилъ: «Въ другомъ мѣстѣ онъ не нуженъ, а именно здѣсь, при мнѣ; я тогда своевременно могу знать, какъ пойдетъ новое дѣло, особенно трудное у кочевыхъ башкиръ, твердо стоящихъ за сохраненіе прежнихъ условій жизни». Наконецъ Безакъ согласился оставить меня въ Оренбургѣ и спросилъ Богуславскаго, будетъ ли онъ доволенъ княземъ Трубецкимъ, котораго онъ предназначилъ помощникомъ его.

Богуславскій для передачи всѣхъ этихъ подробностей лично пріѣхалъ ко мнѣ на домъ. Утвержденіе князя Трубецкого послѣдовало не сразу. Милютинъ не соглашался, считая его неопытнымъ и неподготовленнымъ къ такой должности. Безакъ повторилъ представленіе, прося повергнуть на высочайшее усмотрѣніе его скорбь и тоску, какъ отца, разлучающагося съ любимой дочерью.

Наконецъ ходатайство его было удовлетворено. Князь Трубецкой получилъ мѣсто помощника съ жалованіемъ 2 т. руб., а я былъ назначенъ начальникомъ башкиръ перваго Оренбургскаго кантона.

Съ половины іюня я уѣхалъ образовывать сельскія общества и волости, открывать волостные суды и волостныя правленія съ выборами на всѣ мѣста должностныхъ лицъ самими обществами. Эту работу я исполнилъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Волости составлялись большія, отъ 3 до 5 т. душъ.

При начальномъ введеніи положенія для ознакомленія съ тѣмъ порядкомъ, какъ я поступалъ, были посланы ко мнѣ изъ Верхнеуральскаго уѣзда кантонный начальникъ подполковникъ Броссе и изъ Белебеевскаго капитанъ Рѣдинъ, а въ 1864 г. Безакомъ были посланы чиновники во всѣ кантоны для повѣрки правильности дѣйствія у башкиръ новаго положенія. Лицамъ этимъ Безакъ приказалъ посмотриѣть въ моемъ кантонѣ волости, судъ и сельскія общества. Я показалъ имъ на мѣстѣ все введенное въ Оренбургскомъ уѣздѣ и съ запасомъ этихъ свѣдѣній они повѣряли другіе уѣзды. Чиновниками этими были Плачковскій, Рогали-Левицкій, Шульгинъ и Покровскій.

Отъ Безака я получилъ личную благодарность, а потомъ и высочайшую награду — орденъ св. Анны 2 й степени, и меня же обязали представить отставного подполковника Давлетшина за оказанное содѣйствіе, чего не было на самомъ дѣлѣ, ибо онъ только одинъ разъ былъ на сходѣ въ деревнѣ Имангуловой, гдѣ и жилъ. Давлетшинъ желалъ получить чинъ полковника, чтобы дѣти его считались дворянами, а ему дали Станислава 2-й степени.

Полковникъ Богуславскій, введя новое положеніе,

не пожелалъ болѣе оставаться на мѣстѣ завѣдывавшаго башкирами, не общавшемъ въ будущемъ ничего особеннаго, и въ 1864 г. весною уѣхалъ изъ Оренбурга въ отпускъ съ тѣмъ, чтобы болѣе не возвращаться. Онъ поступилъ помощникомъ начальника штаба Кавказской арміи, потомъ служилъ начальникомъ главнаго управленія казачьихъ войскъ и съ производствомъ въ генералы отъ инфантеріи назначенъ членомъ военнаго совѣта; умеръ въ 1896 г. Въ честь его станица Оренб. к. в. Угольная названа Богуславской.

Съ упраздненіемъ должности временно завѣдывавшій башкирами ст. сов. Плачковскій не пожелалъ остаться на прежнемъ мѣстѣ чиновника особыхъ порученій 5-го класса при генералѣ губернаторѣ, а перешелъ въ Кіезъ къ Безаку, переведенному туда генералъ-губернаторомъ, а впоследствии былъ Подольскимъ вице-губернаторомъ, приобрѣлъ на льготныхъ правахъ конфискованное польское имѣніе съ доходомъ въ 3 т. руб. и со смертію Безака оставилъ вовсе службу.

Начальникомъ штаба у Безака былъ генералъ-майоръ Данзасъ, переведенный на эту должность при Катенинѣ съ мѣста начальника Туркестанской линіи; онъ не поладилъ съ Безакомъ и вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ служилъ въ главномъ военномъ судѣ и умеръ въ чинѣ генерала отъ инфантеріи. Послѣ Данзаса исправляющимъ должность начальника штаба былъ полковникъ Черняевъ, но и онъ не сошелся съ Безакомъ и вскорѣ уѣхалъ изъ Оренбурга.

Безакъ, недовольный офицерами генеральнаго штаба, которые желали быть самостоятельными и не сходились съ нимъ во взглядахъ, избралъ на должность начальника своего штаба начальника инженеровъ Оренбургскаго округа генерала Левенгофа, которому и передалъ

во временное управленіе округъ и казачьи войска по отъѣздѣ въ С.-Петербургъ.

Отъѣздъ его состоялся въ январѣ 1865 г. Предъ выѣздомъ Безакъ далъ у себя большой балъ, на который было приглашено все оренбургское общество, чиновное и на общественной службѣ состоявшее; веселились, т. е. плясали, долго, а потомъ ужинали, но ужинъ былъ не въ опредѣленный часъ, а соображаясь съ тѣмъ, когда по счету ушедшихъ гостей, на остальное число хватило приготовленныхъ блюдъ.

При Безакѣ совершилась крестьянская реформа. Въ предѣлахъ настоящей Оренбургской губерніи число помѣщичьихъ крестьянъ не превышало 6 т. душъ, но много было горнозаводскихъ, число которыхъ простиралось до 20 т. душъ. Крѣпостные помѣщичьи крестьяне находились болѣе въ Оренбургскомъ уѣздѣ, въ небольшомъ числѣ въ Троицкомъ и Челябинскомъ.

Объявленіе манифеста было сдѣлано быстро и безпорядковъ нигдѣ не произошло. Уставныя грамоты составлены были безъ особенныхъ затрудненій и тотчасъ же начался выкупъ по соглашенію съ крестьянами. Въ одномъ имѣніи графа Нессельроде крестьяне отказались отъ выкупа и получили сиротскій надѣлъ по 1½ десятины на душу.

Обиліе башкирскихъ земель, окружавшихъ помѣщичьи имѣнія, порождало и въ другихъ мѣстахъ отказы, во такому желанію не давали развиваться. Мировые посредники, въ особенности Николай Сганиславовичъ Цюлковскій, умѣли уговаривать крестьянъ подписывать уставныя грамоты и выкупные договоры въ надеждѣ, что баринъ ихъ (А. В. Тимашевъ), какъ богатый помѣщикъ, подаритъ имъ усадьбы. Мужички согласились. Когда пріѣхалъ въ имѣніе самъ владѣлецъ, старики, прощаясь

съ нимъ при его отъѣздѣ въ Казань временнымъ генералъ—губернаторомъ, подошли и попросили дать имъ усадьбы. Тимашевъ дружески потрепалъ по плечу нѣкоторыхъ изъ нихъ, сказалъ, что хорошъ и славенъ онъ былъ своими крестьянами, а когда послѣднихъ освободили, онъ сталъ другой человѣкъ. Сказавъ это, Тимашевъ сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ, а крестьянамъ пришлось платить въ казну за полевые угодыя и помѣщику за усадьбы. Примѣръ этотъ подѣйствовалъ и на другихъ крестьянъ. Въ Оренбургскомъ уѣздѣ большинство перешло на выкупъ и платежъ за усадьбы, на издѣльной повинности остались имѣнія въ сѣверной части уѣзда: Бондаревскаго, Дурасова и Дашкова. Послѣдняго село Богудльчанъ на столько было упорно, что мѣстный помѣщикъ Лихошерстовъ—мировой посредникъ—ничего не могъ съ крестьянами подѣлать: въ 1865 г. Богудльчанъ передали въ Уфимскую губернію, гдѣ ихъ привелъ въ покорность извѣстный крестьянскій дѣятель—посредникъ Бухвостовъ.

Въ Троицкомъ уѣздѣ былъ такой случай: крестьяне помѣщика Епанешникова въ числѣ 40 душъ даже отказались принять даромъ отъ помѣщика надѣлъ изъ опасенія снова попасть подъ его власть и согласіе ихъ послѣдовало много позже. Въ томъ же уѣздѣ крестьяне графа Мордвинова до 700 душъ, получившіе по 5 дес. на душу, при переводѣ ихъ на выкупъ заявили протестъ противъ уменьшеннаго имъ отвода земли, указывая, что состоя помѣщичьими, пользовались всею землею—до 15 т. дес., а хотя помѣщикъ предъ изданіемъ новаго закона обязывалъ ихъ пользоваться 5 дес. на душу, но распоряженіе не было исполнено и все оставалось на прежнемъ положеніи. Кончилось дѣло въ новомъ составѣ губерніи отказомъ графу Мордвинову въ обязательномъ выкупѣ, а

крестьянамъ данъ даровой надѣлъ въ 1¹/₄ дес. Добавлю къ этому, что и въ Оренбургскомъ уѣздѣ при изобиліи у помѣщиковъ земли и по отсутствію лицъ для арендованія, крестьяне не были стѣснены въ пользованіи землею: сѣяли и косили, гдѣ желалъ каждый, пользовались лѣсомъ на домашнія нужды даромъ и неограниченно, а валежникъ собирали и возили на продажу въ Оренбургъ. Въ силу изданнаго крестьянскаго положенія они имѣли право на высшій надѣлъ противъ 5, 6 и 7 дес., назначеннаго положеніемъ для Оренбургскаго уѣзда, но законъ этотъ не примѣнялся здѣсь и крестьяне едва ли знали о существованіи его; помѣщикамъ же изъ мѣстныхъ дворянъ не было интереса въ этомъ отношеніи дѣйствовать противъ своихъ собратьевъ.

Въ иномъ положеніи оказались крестьяне частновладельческихъ заводовъ; за прекращеніемъ дѣйствія послѣднихъ они остались безъ средствъ къ существованію, ибо земля, на которой они жили, гористая и лѣсная, къ хлѣбонашеству неудобная. Тутъ было много хлопотъ. Одни изъ нихъ ушли на казенныя земли, другіе на временно арендованныя у башкиръ и у казаковъ Оренбургскаго войска, какъ ихъ работники, получая вмѣсто денегъ плату землею, на которой сѣяли хлѣбъ и перевозили въ свои дома; третьи бродяжничали, переселяясь съ мѣста на мѣсто, и наконецъ возвращались въ заводы, гдѣ имъ давали усадьбы.

Разскажу одинъ случай пониманія заводскими крестьянами своихъ правъ.

Въ Преображенскій заводъ пріѣхалъ гражданскій губернаторъ Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ, переговорить съ народомъ, сказавъ, что онъ губернаторъ, и уѣхалъ съ

однимъ тоже гражданскимъ чиновникомъ. Послѣ его отъѣзда крестьяне начали расуждать о томъ, что имъ говорилъ губернаторъ. Бывшій между крестьянами отставной солдатъ увѣрилъ ихъ, что это былъ или писарь, или такой же отставной солдатъ. «Губернаторы ѣздятъ съ адъютантами», говорилъ онъ: «и со свитою изъ чиновниковъ, а это что за губернаторъ: *никого даже не обругалъ*.»!. . Послѣ крестьяне увѣряли, что губернаторъ у нихъ не былъ и они его не видали.

Въ управленіе Безака развилось народное образованіе въ Оренбургѣ. Кромѣ Неплюевского кадетскаго корпуса, гдѣ воспитывались молодые люди всѣхъ сословій для военныхъ цѣлей, существовали въ городѣ одно уѣздное и два приходскихъ училища. Населеніе же города, безъ казачьяго форштадта, достигало 25 т. душъ и эти 3 школы съ ихъ ограниченнымъ курсомъ далеко не удовлетворяли потребности въ обученіи, особенно начальномъ. Пособіемъ служили частныя школы, въ которыхъ учили читать и писать по русски и первымъ четыремъ правиламъ ариметики; но и открытіе такихъ школъ было затрудняемо существовавшими формальностями: нужно было разрѣшеніе директора училищъ, жившаго въ Уфѣ, а отъ учителя аттестатъ въ основательномъ знаніи и въ умѣннѣ преподавать ученикамъ грамоту и письмо. При такихъ требованіяхъ формально открытыхъ школъ не было, а существовали негласныя на небольшое число мальчиковъ. Нужда въ ученіи была общая и всѣми сознаваемая.

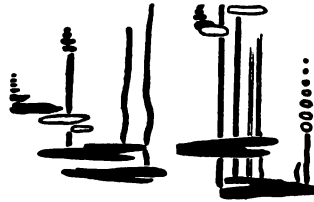
Въ Оренбургѣ съ вѣдома генералъ-губернатора ставилось общество частныхъ лицъ съ цѣлью насадить здѣсь школы грамотности. На пожертвованныя средства открыты были школы по участкамъ, всего до 7-ми. Учителями были назначены молодые мужчины и частію

дѣвицы, завѣдомо къ сему способные, а жалованье платилось изъ добровольныхъ пожертвованій населенія: пожертвованія стекались изъ различныхъ источниковъ: взаимныя праздничныхъ визитовъ вносились деньги, подписывались по приглашенію прямо на школы, устраивались любительскіе спектакли и лоттереи-аллегри при самой незначительной цѣнѣ за билетъ, общественныя гулянья съ иллюминаціей; изъ всего этого составлялась сумма, достаточная для содержанія участковыхъ школъ. Много помогали въ этомъ дѣлѣ оренбургскія дамы, особенно тѣ, мужья которыхъ занимали выдающіяся должности. Жена управляющаго Оренбургскою таможеню, Любовь Александровна Решко, собрала съ бухарскихъ купцовъ, приходившихъ сюда съ караванами, до 800 руб. сер. Усердіе ея породило ревность въ другихъ дамахъ, которыя никакъ не могли итти параллельно съ Решко и называли ее «мадамъ Монте-Кристо» по имени героя моднаго въ то время французскаго романа. Душою этого общества былъ Василій Павловичъ Долинскій, правитель канцеляріи командующаго башкирскимъ войскомъ, проявившій свою энергію въ открытіи русскихъ школъ у башкиръ; онъ много ратовалъ объ устройствѣ и поддержаніи участковыхъ школъ въ городѣ, доставляя для нихъ порядочныя средства и, несмотря на немолодые годы, игравшій въ театрѣ въ пользу школъ.

Такимъ образомъ, заведенныя участковыя школы впоследствии, съ дарованіемъ городу самоуправленія, были преобразованы въ приходскія училища, существующія и теперь на городскія средства.

Низшее или начальное обученіе много двинулось впередъ, но непосредственно за нимъ слѣдующее среднее отсутствовало. Оренбургское городское кучеческое и мѣ-

щанское общество, въ виду полного отсутствія учебнаго заведенія для женскаго образованія, открыло одну школу, преобразованную потомъ въ 1868 г. въ женскую прогимназію, которая существуетъ и теперь *).

*) За время управленія Безака слѣдуетъ отмѣтить его проектъ объ обращеніи Оренб. каз. войска въ податное состояніе. Благодаря дружному отпору войсковой администраціи — проектъ этотъ не осуществленъ. Государь, какъ говорятъ, на докладѣ объ упраздненіи войска изволилъ замѣтить: „Довольно уже упразднили стараго, пора обождать, что выйдетъ изъ новаго.“

Прим. С. Н. Севастьянова.

Генераль-адъютантъ Н. А. Крыжановскій.

ХІІ.

Н. А. Крыжановскій.

(1864—1881).

Послѣ Безака новымъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ его племянникъ, генералъ-адъютантъ Николай Андреевичъ Крыжановскій, служившій въ послѣднее время въ Варшавѣ генералъ губернаторомъ и уволенный отъ должности за упраздненіемъ мѣста.

Пріѣздъ Крыжановскаго былъ весною 1865 г. съ полнымъ составомъ новыхъ, имъ самимъ избранныхъ, лицъ на выдающіяся мѣста. Оренбургскимъ губернаторомъ и наказнымъ атаманомъ былъ полковникъ Бобарыкинъ, служившій у Крыжановскаго прежде адъютантомъ. Управляющимъ областью Оренбургскихъ киргизъ — полковникъ Баллюзекъ, тоже его сослуживецъ. Въ Уральскѣ былъ посланъ наказнымъ атаманомъ полковникъ Веревкинъ, выписанный сюда еще Безакомъ и исполнявшій при немъ должность чиновника особыхъ порученій. Личными адъютантами были Данауровъ и Кашкинъ (второй родной

брать жены Бобарыкина, а первый своякъ зятя Крыжановскаго Леонтьева, тоже перешедшаго сюда на службу).

При въѣздѣ Крыжановскій показалъ строгость къ подчиненнымъ увольненіемъ личнаго адъютанта Безака, ротмистра Левшина, остававшагося въ Оренбургѣ съ надеждою получить то же мѣсто при Крыжановскомъ. Вина Левшина заключалась въ томъ, что онъ выѣхалъ верхомъ для встрѣчи своего начальника не въ полной парадной формѣ. Крыжановскій сдѣлалъ ему замѣчаніе, приказавъ убраться изъ города.

При приѣмѣ всѣхъ должностныхъ лицъ подвѣдомственныхъ генераль-губернатору учреждений Крыжановскій произнесъ рѣчь о предстоящей всѣмъ дѣятельности и требовалъ отъ чиновниковъ полного усердія къ службѣ и трудовъ на общую пользу.

Оставшихся отъ Безака чиновниковъ 8-го класса Оголина и Плачкѣвскаго попросилъ оставить службу, сказавъ, что на этихъ мѣстахъ обыкновенно служатъ лица, близко извѣстныя начальнику, и такихъ онъ имѣетъ въ виду.

Вскорѣ по приѣздѣ Крыжановскаго была открыта новая Оренбургская губернія со всѣми губернскими учреждениями. Первымъ было открыто губернское правленіе, потомъ казенная палата и послѣднею судебная палата.

При открытіи губернскаго правленія было торжественное богослуженіе въ присутствіи Крыжановскаго. Послѣ молебна прочитанъ былъ высочайшій указъ объ открытіи губерніи и затѣмъ состоялся скромный завтракъ у губернатора Бобарыкина на 40 человекъ; выпили шампанскаго и актъ формальнаго открытія губерніи состоялся.

Вице-губернаторомъ назначенъ былъ надворный со-

вѣтникъ Василій Разумниковичъ Жуковскій, служившій мировымъ посредникомъ Нижегородской губерніи, гдѣ у него было имѣніе. Совѣтниками были: подполковникъ Оренбургскаго казачьяго войска Агаповъ Василій Васильевичъ — бывшій дежурный штабъ офицеръ, Давыдовъ — изъ совѣтниковъ упраздненнаго башкирскаго управленія, Головковъ изъ сенатскихъ секретарей, пробывшій въ должности не болѣе двухъ лѣтъ и уѣхавшій въ С.-Петербургъ. Ассесоромъ Похвистневъ изъ петербургскихъ; потомъ онъ былъ совѣтникомъ и кончилъ свою карьеру печально: изъ-за пустой ссоры съ однимъ акцизнымъ чиновникомъ дрался на дуэли, получилъ рану, отъ которой и умеръ. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что о дуэли его всѣ знали въ городѣ, но покойный прислалъ въ губернское правленіе рапортъ о болѣзни, чѣмъ формалисты были вполне удовлетворены.

Похвистневъ говорилъ мнѣ, что былъ богатымъ помѣщикомъ Смоленской губерніи, почти нигдѣ не служилъ, взялъ подрядъ по постройкѣ шоссе, передалъ его другимъ за своимъ залогомъ, уѣхалъ въ Ниццу и жилъ тамъ спокойно; когда же возвратился домой, то нашелъ имѣніе конфискованнымъ, а потомъ проданнымъ.

Первымъ прокуроромъ былъ Логиновъ, онъ скоро уѣхалъ изъ Оренбурга служить въ сенатъ, гдѣ ему дали должность оберъ-секретаря; на этой должности онъ сошелъ съ ума и умеръ.

Послѣднимъ изъ губернскихъ учрежденій было открыто губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Предсѣдателемъ былъ губернаторъ Вобарыкинъ, а членами — Оренбургскій уѣздный предводитель дворянства Виталій Станиславовичъ Цюлковскій, управляющій казенною палатою Александръ Ефимовичъ Ворошиловъ, губернский прокуроръ Логиновъ и я. какъ землевладѣлецъ-дворянинъ.

Одновременно съ открытіемъ новой Оренбургской губерніи генераль Крыжановскій занимался и другимъ дѣломъ, имѣвшимъ важное государственное значеніе — это движеніе внутрь Средней Азіи и покореніе самостоятельныхъ ханствъ Хивы, Бухары и Кокана, куда скрывались и жили спокойно враждебно настроенные къ русскому владычеству киргизскіе батыри. Они собирали тамъ вооруженныя пайки, грабили нашихъ киргизовъ подъ предлогомъ собиранія дани для хановъ.

Крыжановскій наслѣдовалъ приготовленное предшественниками его военное дѣло. Мѣстныя войска во главѣ съ Черняевымъ взяли Ташкентъ вопреки даннаго изъ Петербурга воспрещенія брать этотъ городъ, вотъ почему въ началѣ Ташкентъ, занятый уже русскими, официально не признавался принадлежащимъ Россіи, но послѣ дѣла вышло въ свою колею.

Бухарскій эмиръ, опасаясь за свои владѣнія, началъ войну съ русскими. Крыжановскій отправился въ Ташкентъ, взялъ у бухарцевъ, не разъ разбитыхъ нашими войсками, нѣсколько крѣпостей и дошелъ до р. Чирчика, на которой стоитъ Бухара, столичный городъ ханства, возвратился съ военными трофеями, отнятыми у бухарцевъ, и получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени-высшая военная награда, достигаемая на боевой службѣ.

Для участія въ этихъ военныхъ дѣйствіяхъ пріѣзжали изъ Петербурга лица, жаждавшія военныхъ отличій и желавшія составить военную карьеру. Достаточно назвать гвардіи ротмистра, а потомъ министра Двора, графа Воронцова-Дашкова и князя Барятинскаго. Первый съ сотнею Оренбургскихъ казаковъ разбилъ сильный отрядъ бухарцевъ, отбилъ у нихъ 40 т. барановъ. За это дѣло Воронцовъ-Дашковъ получилъ орденъ св. Владиміра съ бантомъ и мечами и пріобрѣлъ славу героя. Послѣ говорили,

что никакого бухарскаго отряда въ данномъ случаѣ не было, а были безоружные киргизы пастухи, которые гнали барановъ на продажу въ бухару къ празднику Курбанъ — Байрама.

Кромѣ военныхъ дѣйствій въ ханствахъ таковыя были и въ киргизской степи въ видѣ небольшихъ стычекъ съ хивинцами, которые усиленно и всѣми мѣрами старались вредить русскимъ, особенно когда двигались изъ Оренбурга въ Ташкентъ военные транспорты съ необходимыми принадлежностями для вчовъ занятаго края, въ которомъ въ первое время ничего не было, а все доставлялись изъ Оренбурга. Для этой цѣли были устроены небольшіе военные этапы съ небольшимъ числомъ казаковъ. Киргизы и хивинцы громадными толпами нападали на такіе пункты, иногда удавалось имъ громить ихъ и брать въ плѣнъ казаковъ, когорыхъ потомъ продавали въ Хиву, откуда они были возвращены по взятіи этого города.

Такія дѣла и успѣхи въ нихъ выдвинули генерала Крыжановскаго изъ среды сверстниковъ, оставшихся въ Петербургѣ. Всѣ его проекты проходили и утверждались безъ особыхъ затрудненій. Къ числу такихъ проектовъ, между прочимъ, относился проектъ раздачи казенныхъ участковъ частнымъ лицамъ на льготныхъ правахъ и за уменьшенную плату для увеличенія здѣсь дворянъ-землевладельцевъ, какъ необходимаго элемента для предполагавшихся земскихъ учреждений. Этотъ проектъ, получившій высочайшее утвержденіе, погубилъ Крыжановскаго, и онъ палъ съ большимъ позоромъ.

При ходатайствѣ о раздачѣ на льготныхъ условіяхъ земельныхъ участковъ чиновникамъ разумѣлись не одни служившіе въ Оренбургскомъ краѣ лица, но вообще всѣ

служащіе въ имперіи по военному и гражданскому вѣдомствамъ.

На этой удачно придуманной основѣ проектъ въ С.-Петербургѣ прошелъ безъ зацѣпки, такъ какъ нашлось много лицъ, сочувствовавшихъ такой мѣрѣ, между высокопоставленными чиновниками, которые потомъ и получили за безцѣнокъ лучшія земли.

Казенные участки, предназначенные въ раздачу, находились исключительно въ Оренбургской губерніи. Въ Оренбургскомъ уѣздѣ они были всѣ истощенные, пригодные только для пастбищъ скота, а потому малоцѣнные (отъ 1 до 10 коп. за десятину). Поступивъ въ частную собственность, они подчинялись общему закону о платежѣ земскихъ повинностей и государственному налогу, одинаковому здѣсь для всѣхъ земель. Раздавъ ихъ, казна мало потеряла вслѣдствіе ихъ низкаго качества.

Въ Челябинскомъ уѣздѣ, при густотѣ населенія и лучшему вообще плодородію, участки были цѣннѣе, и сколько я помню, ниже 20 коп. за десятину арендной платы не существовало.

Въ Уфимской губерніи малоцѣнныхъ казенныхъ участковъ почти и не было и едва ли ихъ тамъ раздавали чиновникамъ, но ихъ замѣнили запасныя башкирскія земли, излишнія для припущенниковъ. При выдѣленіи ихъ соблюдалась особая система для возвышенія ихъ цѣнности. Припущенникамъ при надѣлѣ въ число установленной пропорціи нарѣзывали земли при мѣстѣ ихъ жительства, а въ запасъ избиралось все количество подлежащей съ волости земли и отрѣзывалось чрезполосно одною площадью, въ составъ которой входили лѣсъ, луга и пахатная земля. Потомъ раздѣляли на мелкія части и раздавали. Въ нѣкоторомъ удаленіи отъ жилыхъ

мѣсть запасныя земли считались малоцѣнными, но это было не вѣрно, такъ какъ переселявшіеся изъ внутренней Россіи въ Уфимскую губернію крестьяне предпочитали такую землю и платили за нее дорого. Тѣ, кому достались эти участки, воспользовались крупнымъ вознагражденіемъ, выходящимъ по размѣрамъ изъ ряда обыкновенныхъ служебныхъ наградъ, если считать дачу земли наградой чиновникамъ за ихъ службу.

Раздача земель началась съ Оренбургскаго уѣзда, а потомъ пошла послѣдовательно, по мѣрѣ образованія свободныхъ участковъ.

Предпочтеніе однихъ чиновниковъ другимъ, болѣе бѣднымъ и семейнымъ, породило зависть и злобу; въ газетахъ появились рѣзкія статьи противъ этой мѣры искусственнаго насажденія помѣщиковъ, въ число которыхъ попадали только близко стоявшіе къ генералъ-губернатору. По его назначенію получили участки его сыновья, зятья и другіе родственники; затѣмъ тѣ, кто ближе были къ послѣднимъ. Получили участки изъ петербургскихъ директоры департаментовъ и чиновники сихъ учреждений, военные генералы, тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники, начальники отдѣленій генералъ-губернаторской канцеляріи и вообще всѣ служившіе въ ней, адъютанты генералъ-губернатора, чиновники особыхъ порученій, даже не былъ забытъ мажордомъ Крыжановскаго, казачій чиновникъ Мурзиковъ, и лютеранскій органистъ Егоръ Ивановичъ Грибелъ. Послѣдняго признали справедливымъ сдѣлать землевладѣльцемъ еъ надеждѣ, что онъ заведетъ культурное хозяйство и будетъ полезенъ другимъ; но онъ, какъ и большая часть другихъ, продержавъ участокъ нѣсколько времени, продалъ за тройную цѣну противъ той, какую самъ заплатилъ.

Крыжановскій, раздавая земли другимъ, не забылъ

и себя. Такъ какъ было неудобно генераль-губернатору брать землю на льготныхъ условіяхъ, то устроили такъ, что Крыжановскаго, Кауфмана (Туркестанскаго) и Непокойчицкаго пожаловали землею за ихъ особыя заслуги по 6 т. десятинъ каждому. Крыжановскій взялъ себѣ самую лучшую въ краѣ корабельную рошу на судоходной рѣкѣ Камѣ, стоимостью отъ 300 до 500 т. руб. Тамъ онъ выстроилъ на казенныя деньги дачу и два лѣта жилъ въ ней, а для докладовъ чиновники ѣздили къ нему изъ Оренбурга

Дѣло раздачи земель Крыжановскій, по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ, установилъ нижеслѣдующимъ образомъ. вмѣсто одного общаго представленія, каковое въ силу изданнаго о семъ закона должно исходить отъ генераль-губернатора, послѣдній будетъ представлять только на одну треть предназначенныхъ участковъ, а на остальные двѣ трети министр государственныхъ имуществъ назначить изъ лицъ, служащихъ внѣ края, не входя въ предварительное соглашеніе съ Крыжановскимъ. Такое соглашеніе имѣло мѣсто до послѣдовавшаго высочайшаго повелѣнія пріостановить раздачу земель на льготныхъ правахъ.

Бывшіе военные припущенники, лишась своихъ угодій, которыми они владѣли со времени поселенія, и видя отдачу земель чиновникамъ, сильно ожесточились и всѣми способами мстили послѣднимъ, поджигая заведенные ими хутора, посѣянный и собранный съ полей хлѣбъ, всюду приносили жалобы на лишеніе ихъ необходимыхъ земель.

Для собранія вѣрныхъ на мѣстѣ свѣдѣній былъ командированъ въ 1879 г. изъ министерства внутреннихъ дѣлъ дѣйст. ст. сов. Слгниковъ, служившій прежде въ канцеляріи Оренбургскаго генераль-губернатора. О резуль-

татахъ этой командировки я хорошо не знаю, но розданные на льготныхъ условіяхъ земли остались во владѣніи тѣхъ, кому были даны, и въ большинствѣ впослѣдствіи проданы крестьянамъ за высшую цѣну.

Раздача земель на льготныхъ условіяхъ недостаточно была соображена съ общимъ экономическимъ положеніемъ. На доходъ отъ 300 и 800 дес. невозможно было вести жизнь интеллигенту съ семействомъ *). Получивъ такой даръ, онъ не останется на самой землѣ, не устроитъ себѣ и потомству своему гнѣзда, а непремѣнно силою обстоятельствъ переѣдетъ въ городъ искать службы и доходныхъ занятій; земля въ лучшемъ случаѣ останется придаткомъ къ его содержанію, но вѣрнѣе будетъ продана, — что и случилось. Поэтому для такой проблемы не слѣдовало бы отбирать земли у поселянъ припущенниковъ, которые въ Уфимской губерніи, получивъ надѣлъ въ размѣрѣ крестьянскаго положенія 1861 г., прямо были обобраны въ пользу совершенно постороннихъ лицъ.

Припущенники селились въ Башкиріи и платили за земли деньги, причемъ переносили много обидъ отъ владѣльцевъ башкиръ, которые при каждомъ удобномъ случаѣ обирали ихъ. При раздачѣ участковъ припущенники лишились всего.

Мысль о раздачѣ земельныхъ участковъ чиновникамъ возникла не по инициативѣ Крыжановскаго. Мѣра эта за нѣсколько лѣтъ была примѣняема въ Западной Сибири, съ тою разницею, что тамъ казенныя земли, раздѣленные на мелкіе участки, продавались чиновникамъ съ торговъ, но и тамъ эта мѣра не принесла ожидаемой пользы.

Генераль Безакъ по примѣру Сибири, предполагалъ

*) Вѣроятно авторъ имѣетъ въ виду прежнюю дешевизну земли и аренды.

Прим. С. Н. Севастьянова.

допустить продажу казенныхъ оброчныхъ участковъ въ Оренбургской губерніи, но не успѣлъ осуществить эту мѣру, а оставилъ приведеніе ея въ исполненіе своему преемнику Крыжановскому. Послѣдній къ ходатайству объ этомъ какъ-бы вынуждался общимъ направленіемъ нашей прессы, трубившей, что казенная земля, заключающаяся въ оброчныхъ участкахъ, мало приноситъ дохода. Для возвышенія послѣдняго и вообще въ интересахъ хозяйственныхъ будетъ полезно продать такія земли частнымъ лицамъ, которыя будутъ платить земельный налогъ, а полученные деньги пойдутъ на усиленіе государственныхъ ресурсовъ.

Къ тому же въ Оренбургской губерніи была раздача земель небольшими участками для заведенія хуторовъ *),

*) Въ дѣлахъ войскового архива Оренб. каз. в. (Опись дѣлъ Войскового архива 1790—1800 г. № 120 за 1799 годъ. «Объ истребованіи свѣдѣній отъ поручика Авдѣева (Никиты) на заведеніе хутора и земель подъ онымъ») есть указанія, что еще при Неплюевѣ какъ для регулярныхъ, такъ и для казачьихъ чиновъ, по ихъ просьбамъ отводились земли для хуторовъ въ вѣчное владѣніе. Въ виду важнаго значенія этого указанія для исторіи Оренб. края приводимъ выдержки изъ указа Оренбургской губернской канцеляріи отъ 10 іюля 1757 года: «по справкѣ въ губ. канц. оказалось: 7 и 22 іюля 1746 года поданными прошеніями сотникъ Алексѣй Петровичъ Авдѣевъ (который нынѣ умеръ), хорунжій Алексѣй Мих. Могутовъ, дворянинъ, и казакъ Михайлъ Іевлевъ объявили, что они по указу Ея Императорскаго Величества на фундаментальное поселеніе переведены въ Оренбургъ, имѣютъ дома и удобные хутора за Сакмарою рѣкою, за покосами Пензенскаго полку по ту сторону Тулупова Ерика, на низъ отъ дачъ атамана Шилова и ротмистра Пастухова, и просили отвести тутъ землю. 26 го іюля данъ указъ находящемуся при геодезическихъ дѣлахъ прапорщику геодезіи Ар—ну сѣздить и отвести просимыя земли. Сотнику Авдѣеву—яко старшему 50, а прочимъ по 25

которые и теперь существуют. Караваевская дача образовалась изъ нѣсколькихъ такихъ участковъ *). Имѣлось въ виду создать побольше такихъ хуторовъ и землю получали тѣ изъ чиновниковъ, которые имѣли желаніе заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Тѣ участки, которые раздавались подъ хутора, нарѣзывались съ лучшими угодьями: съ хорошою проточною водою, лѣсомъ, лугами и пахотною землею.

*) Караваевская дача теперь составляетъ собственность города, который купилъ ее за сравнительно небольшую цѣну. Находится она къ сѣверу отъ города въ 7 верстахъ.

Прим. И. С. Шукшинцева.

десятинъ изъ тѣхъ мѣстъ, изъ коихъ отведены атаману Шиллову и ротмистру Пастухову. 13 марта 1743 года, по опредѣленію тайнаго совѣтника Неплюева, обще съ генераль-маіоромъ и Сибирскимъ губернаторомъ Сухаревымъ донесено, что нѣкоторые штабъ и оберъ офицеры, въ здѣшнихъ мѣстахъ служащіе, просятъ изъ порожнихъ мѣстъ отвести земель для поселенія деревень и къ содержанію своему въ службѣ Ея Императорскаго Величества дачи, что штатскіе чины просили, а такъ какъ свободныхъ земель съ обѣихъ сторонъ, т. е. внутри Оренбургской и Сибирской линіи, довольно и *давать, со взятіемъ пошлинъ по указамъ не токмо не противно, но и полезно, ибо черезъ такія дачи пустыя мѣста заселятся и служащіе люди свое удовольствіе возымѣютъ*, то и прошено у Правительствующаго Сената на то разсмотрѣнія и опредѣленія, на каковое по указу Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената 8 августа 1743 года. между прочимъ, въ 8 пунктѣ велѣно: „отводить въ дачное владѣніе, но съ крайнимъ осмотрѣніемъ по пропорціи. Буде же явится, что для казны надобныя земли раздадутся, то тѣ люди, кто на поселеніе оныхъ коштъ свой употребить, напрасной убытокъ безъ всегдашней заплаты понести будутъ принуждены». Согласно сего указа Прав. Сената мѣста были отведены атаману Шиллову и ротмистру Пастухову (кои по отставкѣ отселѣ выбыли)

Заведенная Крыжановскимъ раздача участковъ потерѣла крушеніе. можетъ быть, болѣе и потому, что въ сферу дѣйствія были включены и запасныя башкирскія земли.

Въ послѣднюю свою поѣздку въ Петербургъ, вызванную болѣе безпорядками въ распродажѣ башкирами своихъ

и переданы сотникамъ Михаилу Харитонову, Ивану Дьякову и Алексѣю Углицкому, коимъ изъ Оренбургской губернской канцеляріи 12 янв. 1749 года и владѣнный указъ данъ со взятіемъ четвертныхъ пошлинъ. Челобитчикамъ Могутову съ товарищи по ихъ службѣ и доброму состоянію, яко первымъ къ произвоженію поселянъ охотникамъ, а паче, что они себя къ здѣшнему поселенію показываютъ радѣтельными, означеннаго прошенія и для здѣшняго мѣста столь сходнаго и потребнаго намѣренія отказать не разсуждается, дабы и другіе, а паче ихъ братья-казаки, переведенные сюда, видя учиненное имъ удовольствіе, къ таковому же потребному дѣлу возымѣли охоту... Токмо сіе чтобы навсе, въ чертежѣ отказанное, имъ, Іевлеву съ товарищи, отдать, яко тутъ занята скряжность не малая, къ тому жъ они, и въ Самарѣ живучи, хуторы свои имѣли, да и въ писцовомъ Наказѣ 193 (1685 г.), 194 (1686 г.) г., изданномъ въ указныя статьи, давать по 63 пункту положено: боярамъ по 1000 четвертей, окольничимъ по 800, стряпчимъ 400, казначею по 600, стряпчимъ и дворянамъ московскимъ по 300, генераль-полковникамъ и всякихъ чиновъ служилымъ людямъ по чинамъ; а по 48 ст. того же писцоваго Наказа помѣщикамъ и вотчинникамъ въ дикихъ поляхъ подъ усадьбы по 100 четв. по 5 десятинъ, на сѣнокосные покосы по 25 десятинъ, да въ лѣсу лѣсныхъ угодій, а если лѣса нѣтъ, по 20 десятинъ, а всего по 50 десятинъ». Въ виду указанныхъ законоположеній Оренб. Губерн. канцелярія указомъ 10 іюля 1757 г. за № 3659 за подписью Неплюева выдала владѣнный указъ на отводъ въ вѣчное владѣніе сотнику Алексѣю Мих. Могутову, хорунжему Мих. Алексѣевичу Авдѣеву и казаку Мих. Иван. Іевлеву показанную выше сего землю.

Прим. С. Н. Севастьянова.

земель, Крыжановскій отправился одинъ и увидѣлъ полное неблаговоленіе къ себѣ со стороны высшихъ лицъ. Къ наслѣднику цесаревичу Александру Александровичу ѣздилъ онъ два или три раза и не былъ приглашенъ ни на одинъ обѣдъ или вечеръ; съ воцареніемъ его въ Петербургъ вызывались всѣ генераль-губернаторы, за исключеніемъ Крыжановскаго. Положеніе послѣдняго было настолько тяжело, что онъ самъ просилъ поручить сенатору Ковалевскому, бывшему на ревизіи въ Казанской губерніи, обревизовать находившіяся подъ его управленіемъ губерніи. Слѣдствіемъ этой ревизіи было закрытіе Оренбургскаго генераль-губернаторства 12 іюля 1881 года.

Впослѣдствіи я имѣлъ случай говорить съ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Тимашевымъ и спросилъ его о причинѣ гоненія на Крыжановскаго, когда раздача участковъ была допущена съ высочайшаго соизволенія и съ такового же разрѣшенія раздавались участки тѣмъ, кому были назначены. Тимашевъ сказалъ, что ходатайствомъ о такой мѣрѣ Крыжановскій обманулъ Императора Александра II, а изъ служившихъ въ Оренбургѣ никто не донесъ объ обманѣ. Поэтому-то проектъ и прошелъ такъ гладко.

Во время генераль-губернаторства Крыжановскаго совершился второй хивинскій походъ въ 1873 г. Въ составъ дѣйствующаго отряда войска выступали изъ четырехъ пунктовъ. Изъ Туркестантскаго военного округа прямо на Хиву черезъ Голодную степь; изъ Кавказскаго округа одинъ отрядъ изъ Баку черезъ Красноводскъ, другой изъ Новопетровскаго укрѣпленія; съ Оренбургской линіи изъ городовъ Орска, Уральска и Оренбурга три эшелона. Послѣдніе, соединившись въ одномъ пунктѣ, поступили подъ начальство наказнаго атамана Уральскаго войска генерала Веревкина.

Оренбургскій отрядъ состоялъ изъ двухъ Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ, 4 хъ сотенъ Оренбургскихъ и 2-хъ сотенъ Уральскихъ казаковъ, одной конно-артиллерійской батареи Оренбургскаго войска и нѣсколькихъ орудій пѣшей крѣпостной артиллеріи. Войска направились къ Аральскому морю, дошли благополучно и взяли Хиву до прибытія Ташкентцевъ и Кавказцевъ.

Генераль-адъютантъ Кауфманъ, главнокомандующій всѣми войсками, встрѣтилъ неимовѣрныя трудности при переходѣ песковъ Голодной степи; главную бѣду составлялъ недостатокъ воды, которую привозили летучіе отряды казаковъ изъ колодцевъ, лежавшихъ далеко въ сторонѣ отъ намѣченнаго пути. Едва не погибши, отрядъ достигъ наконецъ Аму-Дарьи, гдѣ его встрѣтилъ хивинскій ханъ. На вопросъ Кауфмана, почему хивинцы не послали войска для защиты себя, ханъ отвѣтилъ, что русскихъ ждали съ другой стороны, гдѣ и было собрано хивинское войско, а по тому пути, по которому пришелъ отрядъ, не ожидали, потому что дорога эта непроходима и носить названіе «смерть человѣку», и что только одинъ дуракъ, добавилъ ханъ, могъ дать совѣтъ итти этою дорогою военному отряду. Дуракъ этотъ былъ тутъ-же, въ свитѣ Кауфмана: полковникъ генеральнаго штаба баронъ Аманъ. Объ этомъ мнѣ говорили наши казачьи офицеры, бывшіе въ отрядѣ Кауфмана.

Туркестанскія войска, со включеніемъ оренбургскаго отряда, церемоніальнымъ маршемъ вошли въ Хиву. Кауфманъ не велѣлъ Веревкину открывать военныхъ дѣйствій и на вопросъ, по чему онъ не исполнилъ приказанія и взялъ городъ до прибытія его, Веревкинъ отвѣтилъ, что Хива была взята до полученія приказа главнокомандующаго. Потомъ Кауфманъ соединенными силами всѣхъ трехъ отрядовъ одержалъ рѣшительную и славную побѣду надъ

туркменами. Туркмены по приглашенію хивинцевъ въ огромныхъ силахъ собрались въ окрестностяхъ Хивы. Кауфманъ, узнавъ объ этомъ, повелъ войска противъ нихъ. Ночью, когда русскіе расположились спать, туркмены съ разныхъ сторонъ напали на нихъ. Положеніе было критическое: русскій отрядъ, расположенный по обѣимъ сторонамъ довольно широкаго и глубокаго арыка, черезъ который вели два ветхихъ мостика, не могъ быстро соединиться. Туркмены въ разныхъ пунктахъ прорвались въ интервалахъ отряда и смѣшались съ нашими. Въ темнотѣ и незнакомой мѣстности произошла страшная рѣзня, однакожъ русскіе взяли верхъ. На другой день казаки преслѣдовали и уничтожали мелкіе отряды туркменъ, которые послѣ этой побѣды изъявили покорность.

Третій отрядъ изъ Красноводска вышелъ подъ начальствомъ полковника генеральнаго штаба Наркозова въ составѣ пѣхоты, артиллеріи и казаковъ, и направился прямо на Хиву. Отряду этому предстоялъ самый короткій путь, но идти пришлось безводною степью, по мало обследованной мѣстности. Жгучіе жары, отсутствіе воды доводили до изнеможенія солдатъ, которые падали на ходу. Для одушевленія ихъ полковникъ Наркозовъ надѣвалъ на себя ранецъ и шелъ съ ружьемъ, какъ простой солдатъ; но и это не помогало, явилась полная деморализація: нижніе чины отказывались отъ повиновенія офицерамъ и возвращались назадъ. Наркозовъ возвратился въ Красноводскъ, не достигнувъ своего назначенія, а какъ послѣ оказалось, колодцы Игды съ водою были въ двухъ дняхъ пути отъ отряда; дойди до нихъ послѣдній, — и онъ ранѣе другихъ пришелъ бы къ Хивѣ.

Въ отрядѣ Наркозова находился флигель-адъютантъ поручикъ Милютинъ (сынъ военнаго министра). По возвращеніи отряда въ Красноводскъ, онъ на почтовыхъ лоша-

дахъ и кружнымъ путемъ доѣхалъ до отряда Кауфмана и участвовалъ въ бою съ туркменами.

Съ высочайшаго соизволенія въ войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ Хивы, былъ великій князь Николай Константиновичъ и принцъ Евгений Максимиліановичъ, герцогъ Лейхтенбергскій. Первый былъ съ Уральскими казаками, а второй съ Оренбургскими. По возвращеніи въ Оренбургъ, великій князь былъ зачисленъ въ Оренбургское казачье войско, гдѣ и состоялъ до самой кончины, послѣдовавшей въ августѣ 1901 года.

Въ этомъ походѣ также интересна другая его сторона — сформированіе отряда. Главная сила послѣдняго основывалась на транспортированіи военныхъ принадлежностей и обоза въ степи по пескамъ съ малымъ количествомъ воды, а иногда совершенно безводнымъ. Единственное животное, вполне пригодное къ этому и надежное, верблюдъ. Стада ихъ находились болѣе у киргизъ Оренбургскаго вѣдомства, а потому наемъ всего нужнаго количества ихъ возложенъ былъ на Крыжановскаго. Онъ вызывался для этого въ Петербургъ и тамъ рѣшено было отдать поставку верблюдовъ купцамъ, которые должны были отъ себя нанимать или покупать животныхъ у киргизъ за плату по соглашенію. Торги производились въ присутствіи Крыжановскаго; болѣе, сильные по капиталу Оренбургскіе купцы участвовали на торгахъ и выпросили извѣстныя цѣны. Дѣло пошло въ Петербургъ, откуда нужно было ожидать рѣшенія.

Купецъ Михаилъ Ефимовичъ Мякинковъ, тоже бывший на торгахъ, уѣхалъ изъ города на свой хуторъ, а оттуда скрытно отъ другихъ удралъ въ Петербургъ, гдѣ при содѣйствіи Крыжановскаго и исхлопоталъ отдачу поставки съ платою отъ 3 до 5 р. въ сутки за каждаго верблюда, сколько бы ихъ не потребовалось. По приѣздѣ въ Оренбургъ Мякинковъ объявилъ, что поставка утвержде-

на за нимъ. Товарищи его удивились, разинули рты, но дѣлать было не чего; впрочемъ, какъ говорилъ онъ мнѣ, по сотнѣ и по двѣ верблюдовъ онъ удѣлилъ товарищамъ, а львиную долю оставилъ себѣ и нажилъ громаднѣйшій капиталъ. Выгода дѣла заключалась въ томъ, что, получая требованіе на извѣстное количество верблюдовъ, онъ поставлялъ меньше и не всегда исправно, а получалъ за все, дѣлясь барышами съ чиновниками интендантскаго вѣдомства; изъ нихъ одинъ былъ подъ судомъ, но оправдался.

Дѣломъ Мякинкова въ юридическомъ отношеніи орудовалъ чиновникъ генераль-губернаторской канцеляріи Остроумовъ, которому Мякинковъ обѣщалъ устроить въ Оренбургѣ агентство для торговыхъ цѣлей съ залогомъ отъ себя. Обѣщаніе было исполнено, агентство открыто и существовало нѣсколько времени. Изъ получаемыхъ доходовъ Мякинковъ ему ничего не далъ, а назначилъ какое-то жалованье. Впослѣдствіи Остроумовъ сошелъ съ ума.

Сестра Мякинкова была замужемъ за казачьимъ подполковникомъ Калугинымъ. Скопивъ въ продолженіе своей службы при строгой экономической жизни до 15 т. руб. асс., Калугинъ далъ эти деньги для оборотовъ семьи Мякинковыхъ, дѣла которыхъ немного пошатнулись, а потомъ, желая самъ съ семьею устроиться въ Оренбургѣ и купить домъ, требовалъ возврата денегъ. Мякинковъ не давалъ, говоря, что ему деньги не нужны, проживетъ и безъ нихъ, а купцу безъ капитала, что рыбѣ безъ воды, смерть! Калугинъ обругалъ его и плюнулъ въ бороду, а тотъ говоритъ: „ничего, оботремъ; плевка твоего никто не увидитъ, а когда денегъ не будетъ, узнаютъ всѣ, и почетъ конченъ.“ Послѣ, надо полагать, Мякинковъ считался съ женою умершаго Калугина, такъ какъ у нея оказался порядочный домъ.

Русскіе въ 1848 г. заняли устье р. Сырь-Дарьи, гдѣ построили Раимское укрѣпленіе. Для сообщенія съ нимъ въ глубинѣ стени въ видѣ этаповъ были основаны два укрѣпленія—Оренбургское на р. Тургаѣ и Уральское на р. Иртызѣ. Въ 1853 г. русскіе заняли Акъ-Мечеть. Транспорты въ эти мѣстности посылались подъ военнымъ прикрытіемъ, а почту возили наемные киргизы. Отправляясь для инспектированія воинскихъ частей, начальствующія лица присоединялись къ транспортамъ и ѣхали болѣе верхомъ, а не въ экипажахъ, такъ какъ у киргизъ не было обѣзженныхъ для упряжи лошадей. Генералъ Катенчъ, осматривавшій укрѣпленія, весь путь совершилъ верхомъ. Возвратившись въ Оренбургъ, онъ испросилъ разрѣшеніе учредить правильное почтовое сообщеніе въ экипажахъ наймомъ для этого киргизъ и подчиненіе станцій казачьимъ урядникамъ. На этомъ основаніи въ 1858 г. было открыто почтовое сообщеніе, которое мало достигало цѣли по недостатку лошадей вслѣдствіе неисправности киргизъ. Недостатокъ правильнаго сообщенія особенно сдѣлался ощутительнымъ съ учрежденіемъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства. Кауфманъ находилъ болѣе скорымъ сообщеніе кружнымъ путемъ черезъ Сибирскую линію, гдѣ содержаниемъ почтовыхъ станцій и всего тракта былъ купецъ Кузнецовъ, принявшій на свою отвѣтственность исправное содержаніе тракта.

Генералъ Крыжановскій пожелалъ устроить подобный же трактъ отъ Орска до Казалинска. Условіями содержанія тракта были: удобные зимніе и лѣтніе экипажи, исправная упряжь, обѣзженные лошади, исправное содержаніе станцій, а главное—русскіе ямщики. Состоялись торги, на которыхъ торговавшіеся взяли по нѣсколько станцій въ однѣ руки и заявили, что они желали бы еще разъ состязаться рѣшительно. Крыжановскій объа-

вилъ, что разрѣшеніе этого дѣла не беретъ на себя, а представить все торговое производство на утверждение министра внутреннихъ дѣлъ; на глазахъ заинтересованныхъ лицъ онъ подписалъ бумагу, запечаталъ и передалъ торговавшимся для сдачи на почту. Купцы потирали руки и въ умѣ подсчитывали барыши, но къ общему удивленію отъ министра внутреннихъ дѣлъ получилась бумага утвердить содержаніе всего тракта за Мякинковымъ за громадную цѣну, что то по 500 р. за пару въ годъ.

Мякинковъ заказалъ въ Оренбургѣ экипажи, купилъ сбрую и отправилъ съ нанятыми ямщиками, преимущественно татарами. На слѣдующій же годъ отъ проѣзжавшихъ стали поступать во множествѣ жалобы, что станціи содержатся дурно, ямщики не понимаютъ русской рѣчи и большею частью киргизы, лошади худы, возятъ плохо или отчаянно носятъ, будучи взяты изъ киргизскихъ необѣзженныхъ. Оказалось, что Мякинковъ ничего не исполнилъ изъ поставленныхъ условій, а только получалъ за содержаніе Орско-Казалинскаго тракта до 50 т. руб. въ годъ. Послѣ оказалось, что Мякинкову трактъ былъ сданъ при содѣйствіи Крыжановскаго.

Въ числѣ особенностей въ управленіе генерала Крыжановскаго можно упомянуть о ничеслѣдующей.

Существовалъ законъ, по которому командированные въ киргизскую степь чиновники получали на подъемъ полугодовое жалованье. Законъ былъ изданъ тогда, когда командировки въ степь русскихъ чиновниковъ были рѣдки и вызывались какими-либо важными причинами. Ѣхать въ степь, гдѣ у киргизъ не было даже печенаго хлѣба, сопрягалось съ большими расходами, такъ какъ надобно было на все время поѣздки везти съ собою съѣстные припасы и, кромѣ экипажа для себя, имѣть арбу или телѣгу для багажа. Не всегда можно было на-

нять лошадей, сколько нибудь приученных къ колеснымъ экипажамъ, приходилось замѣнять ихъ для себя верховымъ конемъ, а для багажа брать верблюда. За послѣднее время все измѣнилось и на поѣздку въ степь смотрѣли, какъ на средство получить порядочный кушъ денегъ за исполненіе нетруднаго дѣла. Когда же были возведены мелкія степныя укрѣпленія, то каждый отдѣльный чиновникъ находилъ нужнымъ обзрѣть подчиненную ему часть въ новомъ мѣстѣ. Съ этою цѣлью ѣздили туда предварительно самъ командующій войсками Крыжановскій, потомъ постепенно начальникъ корпуснаго штаба, его помощникъ, окружной интендантъ, начальникъ артиллеріи и окружной врачебный инспекторъ. Всѣ эти лица были въ генеральскихъ чинахъ, получали полугодовое жалованье и прогоны по чину. Въ одну изъ поѣздокъ Крыжановскій взялъ деньги по чину генераль-лейтенанта, но возвратившись узналъ, что онъ произведенъ въ генералы отъ артиллеріи и потребовалъ добавочныхъ по этому чину. Контрольная палата, ревизуя книги, остановилась на этомъ расходѣ, считая его неправильнымъ и находя, что не всѣ выше перечисленные лица исполняли прямую свою обязанность, а потому должны получать только прогоны. Въ этомъ смыслѣ состоялось разъясненіе закона. Генералъ Крыжановскій съ другой стороны обошелъ новый законъ, представивъ министру, что ему нужно подробно и во всѣхъ частяхъ осмотрѣть киргизскую степь, причемъ по исчисленію на это требовалось до 30 т. руб. На этотъ расходъ потребовалось высочайшее соизволеніе.

Въ управленіе Крыжановскаго произошло сильное волненіе между Уральскими казаками изъ-за новаго положенія, которымъ отмѣнялась древняя ихъ привиллегія исполнять службу охотниками наемщиками, а требовалось

каждому лично выходить на службу *) и вводилась новая форма обмундирования, которая старикамъ раскольникамъ казалась печатью антихриста. За упорство принять новое положеніе было сослано, какъ я полагаю, до 3 т. казаковъ въ Туркестанъ, нѣсколько сотенъ сослано въ Сибирь и переселено въ станицы Оренбургскаго войска; послѣдніе были потомъ возвращены.

На мѣсто сосланныхъ, въ пополненіе количества служащихъ казаковъ, принимались въ Уральское войско крестьяне, чего прежде не было, такъ что уральцы едва ли справедливо гордятся тѣмъ, что весь составъ ихъ войска — коренные казаки.

При введеніи у киргизъ въ 1868—69 г. новаго положенія, недостаточно разъясненнаго и растолкованнаго народу, произошло возстаніе, охватившее всю степь. Для усмиренія были посланы отряды изъ казаковъ. Одинъ изъ такихъ отрядовъ былъ ввѣренъ чиновнику особыхъ порученій майору Байкову, брату извѣстнаго афериста, составлявшаго различныя акціонерныя компаніи, которыя быстро лопались.

Байковъ съ своимъ отрядомъ въ киргизскихъ аулахъ производилъ разнаго рода насилія. Слухъ объ этомъ дошелъ до Крыжановскаго и для повѣрки его на мѣстѣ посланъ былъ казачій полковникъ Карпъ Ильичъ Новокрещеновъ, лично извѣстный Крыжановскому и сопровождавшій его при поѣздкахъ по степи, какъ начальникъ конвоя.

Новокрещеновъ пріѣхалъ въ стоянку Байкова, нашелъ тамъ пьянство и всякое безобразіе. Байковъ не только не принялъ Новокрещенова, какъ старшаго, но

*) Т. е. общая обязательная воинская повинность.

Прим. С. Н. Севастьянова.

приказалъ казакамъ раскидать кибитку, въ которой остановился Новокрещеневъ, выбросить его вещи и не исполнять никакихъ его приказаній. Все было въ точности исполнено есауломъ Суровымъ.

По возвращеніи Новокрещеневъ подалъ обо всемъ подробный рапортъ, но Крыжановскому не хотѣлось оглашать этого дѣла на судѣ и онъ просилъ Новокрещенева написать полегче рапортъ. Новокрещеневъ отвѣчалъ, что за ложное донесеніе онъ самъ будетъ сильно отвѣчать, а поступки Байкова сами собою огласятся.

Байковъ былъ судимъ и сосланъ въ Сибирь, но черезъ нѣсколько лѣтъ даровано ему прощеніе, и онъ, кажется, снова поступилъ на службу.

При Крыжановскомъ въ 1876 г. проведена желѣзная дорога изъ Самары въ Оренбургъ и начато дѣло о постройкѣ въ Оренбургѣ Казанскаго кафедральнаго собора. Хотя постройка была начата въ 1886 г. послѣ упраздненія генераль-губернаторства, но мысль о ней принадлежитъ Крыжановскому. Освященъ соборъ въ 1896 г.

К О Н Е Ц Ъ.

ТРУДЫ
ОРЕНБУРГСКОЙ
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ.
OEUVRES

DE LA COMMISSION SCIENTIFIQUE DES ARCHIVES
D'ORENBOURG. RUSSIE.

ВЫПУСКЪ XIX.

Tome XIX.

ОРЕНБУРГЪ.
Паровая Типо-лит. «Т-ва Каримовъ, Хусаиновъ и К'»
1907.

Печатано по постановленію Оренбургской Ученой
Архивной Комиссіи.

ОТЧЕТЪ

О СОСТОЯНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ОРЕНБУРГСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССІИ ЗА 1906 ГОДЪ.

Составленъ правителемъ дѣлъ И. С. Шукшинцевымъ.

Истекшимъ годомъ закончилась 19-лѣтняя дѣятельность Комиссіи и она вступила въ 20-й годъ своего существованія.

І. Личный составъ Комиссіи.

Въ 1906 году непремѣннымъ попечителемъ Комиссіи состоялъ до апрѣля мѣсяца Оренбургскій губернаторъ Я. Ѳ. Барабашъ, а затѣмъ назначенный на его мѣсто баронъ Ѳ. Ѳ. фонъ-Таубе, который въ концѣ года также покинулъ Оренбургъ; предсѣдателемъ Комиссіи былъ Александръ Владиміровичъ Поповъ, товарищемъ предсѣдателя и казначеемъ Александръ Леонтьевичъ Аниховскій, правителемъ дѣлъ Иванъ Степановичъ Шукшинцевъ.

Въ отчетномъ году Комиссія понесла тяжелую утрату въ лицѣ скончавшагося почетнаго члена В. Н. Витевскаго, извѣстнаго исторіографа Оренбургскаго края.

Не менѣе тяжело отозвалась на Комиссіи и смерть дѣйствительнаго члена Ѳ. М. Самоцвѣта, принимавшаго дѣятельное участіе при основаніи музея Комиссіи.

Въ истекшемъ году въ дѣйствительные члены Комиссіи были избрабы слѣдующія лица: Александръ Николаевичъ *Резе*, Михаилъ Васильевичъ *Шкуновъ*, Осипъ Леонтьевичъ *Дылло*, Леонидъ Александровичъ *Словохотевъ*, Петръ Ивановичъ *Мамонтовъ*, Иванъ Ѳедоровичъ *Кернъ*, Иванъ Ивановичъ *Будяковъ*, Иванъ Михайловичъ *Лозуляевъ*, Николай Васильевичъ *Шляковъ*, Василій Андреевичъ *Байкинъ*, Мухамедъ-Закиръ Мухамедъ-Садыковичъ *Раисевъ*.

II. Помѣщеніе Комиссіи.

Архивная Комиссія помѣщается въ казенномъ каменномъ 2-этажномъ зданіи на берегу р. Урала. Въ верхнемъ этажѣ зданія находится архивъ, въ нижнемъ—музей, библіотека (она же и канцелярія) и сторожка.

Во многихъ отчетахъ за предшествующіе годы указывалось, что помѣщеніе, занимаемое Комиссіей, чрезвычайно тѣсно. Само собою разумѣется, что съ каждымъ годомъ это неудобство увеличивалось и нынѣ достигло такой степени, что въ музей, напримѣръ, рѣшительно повернуться негдѣ. Вслѣдствіе этого громадное большинство весьма важныхъ въ научномъ отношеніи предметовъ музея, скученныхъ на чрезвычайно маломъ пространствѣ, совершенно ускользаютъ отъ вниманія посѣтителей. Функционировать, какъ образовательное учрежденіе, музей по той же причинѣ не въ состояніи, тогда какъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе распространяется въ обществѣ убѣжденіе, что начальное и среднее образованіе далеко не полны, если въ программу ихъ не входитъ изученіе мѣстныхъ археологій, флоры, фауны, геологій и этнографіи. Во многихъ городахъ возникли, а въ другихъ возни-

каютъ или предположены такъ называемые школьные музеи. Но они не въ состояніи, конечно, дать той полноты прошлаго и настоящаго данной мѣстности, какъ музеи ученыхъ обществъ, если послѣднія владѣютъ достаточнымъ помѣщеніемъ, гдѣ могутъ свободно и систематически расположить свои богатые коллекціи и отвести мѣсто для аудиторій.

Не въ лучшемъ положеніи и помѣщеніе библіотеки Комиссіи. Книжныя богатства ея растутъ быстро, а размѣщать ихъ негдѣ.

Въ виду вышеизложеннаго въ отчетномъ году во многихъ засѣданіяхъ Комиссіи возбуждался этотъ наболѣвшій вопросъ, разсматривался со всѣхъ сторонъ, но полная матеріальная необеспеченность Комиссіи не позволяетъ ей немедленно приступить къ своей завѣтной мечтѣ — постройкѣ обширнаго музея, имѣющаго цѣлью обслуживать интересы подрастающаго поколѣнія и лицъ, изучающихъ Оренбургскій край.

Благодаря энергіи и настойчивости гг. председателя Комиссіи и его товарища удалось вызвать сочувствіе къ мысли о необходимости постройки отдѣльнаго зданія для музея среди мѣстной администраціи и общественныхъ дѣятелей.

Будемъ надѣяться, что при ихъ благосклонномъ содѣйствіи и при неустанной работѣ гг. членовъ Комиссіи это высокополезное дѣло будетъ приведено къ благополучному концу.

III. Собранія членовъ Комиссіи.

Въ отчетномъ году, какъ и въ предшествующіе годы, члены Комиссіи собирались большею частью въ любезно

уступаемомъ городскимъ самоуправленіемъ думскомъ залѣ и только иногда въ собственномъ зданіи.

Въ 1906 году Комиссія имѣла 13 засѣданій, въ которыхъ разрѣшались текущія дѣла, производились выборы новыхъ членовъ и заслушивались доклады по вопросамъ, относящимся къ дѣятельности Комиссіи.

1) И. С. Шукшинцевъ прочиталъ докладъ «Желѣзная дорога между Каспійскимъ и Аральскимъ морями».

2) Прочитанъ докладъ Н. Е. Макаренко о сассанидскомъ блюдѣ, хранящемся въ музеѣ Комиссіи.

3) Предсѣдатель сдѣлалъ сообщеніе о статьѣ Березина «Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева» (Труды Вост. Отд. Имп. Русс. Археолог. Общества, ч. 8, Спб., 1864 г.).

4) С. А. Подъяконовъ сдѣлалъ краткое сообщеніе о находкахъ въ курганахъ Дуванкульской согры.

5) П. А. Незнамовъ сдѣлалъ сообщеніе объ Екатеринославскомъ всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ.

6) В. В. Карлсонъ доложилъ справку членовъ Тургайской переселенческой партіи о встрѣченныхъ ими во время полевыхъ работъ достопримѣчательностяхъ въ Тургайской области лѣтомъ 1905 года.

7) Предсѣдатель вкратцѣ реферировалъ «Отчетъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Харьковской и Воронежской губерніяхъ» Н. Е. Макаренко и «Сказки сартовъ въ русскомъ изложеніи» Н. П. Остроумова.

8) Н. П. Лысовъ прислалъ съ Памира письмо о шести древнихъ Сіапушскихъ крѣпостяхъ.

9) І. А. Кастанье доложилъ о произведенныхъ имъ лѣтомъ 1906 года раскопкахъ шести кургановъ въ Актюбинскомъ уѣздѣ Тургайской области.

Сверхъ того, въ одномъ засѣданіи (23 марта) впервые за все время существованія Комиссіи произведенъ былъ

опытъ записыванія, со словъ спеціально выписанныхъ съ этою цѣлью киргизъ-пѣвцовъ, киргизскихъ былинь и пѣсенъ. Опытъ оказался удачнымъ: были записаны не только былины и пѣсни, имѣющія преимущественно историко-этнографическій характеръ, но и мелодіи ихъ напѣвовъ. Собранный этимъ путемъ матеріалъ, послѣ его обработки, имѣетъ появиться въ «Трудахъ Комиссіи».

Подобныя записи народныхъ былинь и пѣсенъ у киргизъ имѣютъ весьма важное значеніе.

Какъ у русскихъ, подъ вліяніемъ фабричной гармоники, постепенно исчезаетъ старинная пѣсня, замѣняясь кафе-шантанной, а «сказителей» древнихъ былинь приходится отыскивать съ большимъ трудомъ, такъ и у киргизъ, по мѣрѣ татаризаціи ихъ съ одной стороны и отрицательнаго вліянія русской культуры съ другой, утрачивается народный эпосъ, на смѣну котораго разливается по степи широкою и неудержимою волною передѣланныя татарами, но съ сохраненіемъ мелодіи, тѣ же кафе-шантанныя безсмысленныя пѣсенки, и недалеко то время, когда послѣдніе могикане киргизскаго эпоса вымрутъ, а вмѣстѣ съ ними умретъ и богатый матеріалъ для киргизскаго фольклора.

IV. Архивъ Комиссіи.

Архивъ Комиссіи въ отчетномъ году совершенно не разрабатывался. Объясняется это прискорбное обстоятельство опять таки недостаткомъ помѣщенія, приспособленнаго для работъ гг. членовъ, желающихъ трудиться въ этомъ направленіи, а отчасти и тѣмъ, что переживаемый нашей родиной политическій моментъ, нарушивъ теченіе жизни вообще, отодвинулъ на задній планъ и изученіе

архивныхъ документовъ. Будемъ надѣяться, что заря новаго солнца, быть можетъ, восходящаго надъ великой измученной Россіей, прольетъ свѣтъ и на богатые источники историческаго прошлаго нашего края, и за сумерками безвременья явятся для нихъ свѣтлые дни и новыя птицы, которыя запоютъ новыя пѣсни.

V. Библіотека Комиссіи.

Къ 1-му января 1907 года въ библіотекѣ Комиссіи числится 3827 названій книгъ, брошюръ и газетъ. Въ теченіе отчетнаго года поступило 987 названій главнымъ образомъ путемъ обмѣна изданіями съ другими учеными обществами и учрежденіями, а также и путемъ пожертвованій. Наиболѣе крупныя пожертвованія были сдѣланы П. Н. Столпянскимъ, Н. М. Чернавскимъ и М. Л. Юдинымъ.

Списокъ ученыхъ обществъ и учрежденій, обмѣнивающихся изданіями съ Дрхивной Комиссіей.

Академіи: Имераторская Академія Наукъ, Сербская Королевская, Юго-Славянская.

Археологическія Общества: Императорское Московское, Кавказское его отдѣленіе, Императорское Русское.

Архивы: Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, Московское Отдѣленіе Общаго Архива Мин. Имп. Двора, Сенатскій.

Библіотеки: Императорская Публичная, Московской Синодальной типографіи, Одесская Публичная, Самарская Публичная.

Вѣнское Антропологическое Общество.

Германское Общество Антропологіи, Этнологіи и Древностей.

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей.

Императорское Русское Географическое Общество. Восточно-Сибирскій Отдѣлъ. Западно-Сибирскій Отдѣлъ. Алтайскій подьотдѣлъ З.-Сибр. Отд. Оренбургскій Отдѣлъ. Туркестанскій Отдѣлъ.

Императорскіе Университеты: Казанскій, Кіевскій, Юрьевскій.

Императорскій Эрмитажъ.

Институты: С.-Петербургскій Археологическій, Восточный, С.-Петербургскій Политехнический.

Историко-филологическія общества: при Новороссійскомъ университетѣ, при Харьковскомъ университетѣ, Кавказскій учебный округъ.

Комиссіи: Императорская Археологическая. Ученыя Архивныя: Бессарабская, Владимірская, Воронежская, Вятская, Екатеринославская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Пермская, Полтавская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, Таврическая, Тамбовская, Тверская, Черниговская, Ярославская.

Комитеты: Воронежскій историко - археологическій, Геологическій, Русскій для изученія Восточной и Ср. Азіи.

Музеи: Александра III, Императорскій Историческій, Кавказскій, Минусинскій мѣстный, Румянцевскій, Тобольскій губерискій, Чешско-славянскій.

Нумизматическое Общество.

Общества: Археологін, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ; исторіи, филологіи и права при Варшавскомъ университетѣ, Историческое Нестора Лѣтописца, Императорское любителей естествознанія, антропологін и этнографіи при Московскомъ университетѣ.

Общества Естествоиспытателей: при Казанскомъ университетѣ. Императорское С.-Петербургское.

Оренбургское медико-статистическое бюро.

Оренбургское физико-медицинское общество.

Петровское общество изслѣдователей Астраханскаго края.

Редакціи — Епархіальныхъ Вѣдомостей: Оренбургскихъ, Уфимскихъ; Газетъ: Вактъ, Кобылка, Оренбургская газета, Оренбургскій край, Приуралье, Просторъ.

Русское Генеалогическое Общество.

Статистическіе Комитеты — Губернскіе: Воронежскій, Оренбургскій. Уфимскій; Областные: Семипалатинскій, Ставропольскій, Тургайскій. Уральскій.

Тульская Епархіальная Палата Древностей.

Туркестанскій кружокъ любителей археологій.

Уральское Общество любителей естествознанія.

Финно-Угорское Общество.

Церковно-историко - археологическія Общества: Калужское, Подольское.

Церковно - археологическое Общество при Кіевской Духовной Академіи.

VI. Музей Комиссін.

Въ отчетномъ году музей Комиссін продолжалъ пополняться частными пожертвованіями и предметами, находимыми при раскопкахъ кургановъ. Особенно цѣнною изъ числа послѣднихъ является коллекція, пожертвованная І. А. Кастанье.

Пожертвованія отчетнаго года, какъ видно изъ протоколовъ засѣданій Комиссін, были слѣдующія: 1) отъ С. А. Подьяконова нѣсколько находокъ въ курганахъ Дуванкульской согры; 2) отъ учениковъ приготовительнаго класса мужской гимназіи старинныя монеты (мѣдныя и серебряныя), 3) отъ К. К. Шендель японскій іенъ; 4) отъ П. С. Исаенко приспособленіе въ видѣ деревянныхъ трубочекъ для спуска мочи у дѣтей въ возрастѣ 2—3 мѣсяцевъ (изъ Туркестана); 5) отъ Ш. Салимъ 7 штукъ мѣдныхъ и 1 серебряная теньга 229 г. по хаджи; 6) отъ М. Л. Юдина нѣсколько израсцовъ (современныхъ) отъ Джули-медрессы и дворца Худояръ-хана и фотографіи Джули-медрессы, 34 портрета высочайшихъ особъ и общественныхъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; 7) отъ С. Н. Зеленина 22 китайскихъ вещи, а именно: серебряный божокъ, 2 серебряныя монеты (10 и 20 коп.), бумажная ассигнація (3 руб.), 2 каменныхъ бога, чашечка для питья ханши, игральныя карты, походный ножъ съ костяными палочками, двѣ пары палочекъ для ѣды, двѣ пары вышитыхъ квадратиковъ для изголовья, пара башмаковъ, девять разныхъ картинъ, китайскій карманъ (украшеніе); 8) отъ г. Яворскаго абордажный пистолетъ; 9) отъ свящ. Орлова портретъ-гравюра Августина, епископа Оренбургскаго и Уральскаго 1818 г., и 5 старинныхъ монетъ.

Платныхъ посѣтителей музея въ 1906 г. было 461 человекъ.

VII. Средства Комиссіи.

Это было, есть и, вѣроятно, будетъ самымъ большимъ мѣстомъ всѣхъ провинціальныхъ обществъ, преслѣдующихъ строго научныя цѣли.

Впрочемъ, скромная дѣятельность Архивной Комиссіи понемногу находить оцѣнку въ мѣстномъ обществѣ, безъ поддержки котораго Комиссія совершенно должна была бы прекратить свою издательскую дѣятельность. Благодаря этой поддержкѣ, въ настоящее время печатаются 3 выпуска «Трудовъ Комиссіи»—XVI, XVII и XVIII.

Орская городская дума, по примѣру прежнихъ лѣтъ, продолжала и въ 1906 г. пособие Комиссіи въ размѣрѣ 50 руб.

Затѣмъ войсковое хозяйственное правленіе Оренбургскаго казачьяго войска ассигновало Комиссіи ежегодное пособие, начиная съ 1906 г., въ размѣрѣ 150 р.

Оренбургское городское управленіе, по примѣру прежнихъ лѣтъ, гостепріимно разрѣшаетъ пользоваться думскимъ заломъ для собраній членовъ Комиссіи и отпускаетъ безплатно дрова для отопленія зданія Комиссіи.

Кромѣ того, въ отчетномъ году поступило членскихъ взносовъ 153 руб. и сбора съ посѣтителей музея до 50 р.

Эти факты указываютъ на упрощающіяся въ мѣстномъ обществѣ симпатіи къ дѣятельности Комиссіи, на пробуждающійся интересъ къ роднымъ древностямъ и служить вмѣстѣ съ тѣмъ нравственной поддержкой для членовъ Комиссіи въ ихъ скромной научной работѣ.

**Отчетъ о движеніи суммъ въ 1906 году Оренбургской
Ученой Архивной Комиссіи.**

П Р И Х О Д Ъ.		СУММА.	
		Р.	К.
1	Остатокъ отъ 1905 года	254	97
2	% по книжкамъ сберегательной кассы	9	53
3	Отъ Орской Городской Управы	50	—
4	Отъ Оренбургскаго Губернскаго Правленія на содержаніе дома Архивной Комиссіи	350	—
5	Отъ Оренбург. Войсков. Хозяйствен. Правленія	150	—
6	Отъ продажи «Трудовъ Комиссіи» выручено	3	57
7	Поступило членскихъ взносовъ за 1905 и 1906 гг.	153	—
8	Съ посетителей музея	46	10
9	Кружечнаго сбора за 1905 годъ	2	59
И т о г о		1019	76
Р А С Х О Д Ъ.			
1	Перенлетъ книгъ, канцелярскія книги, тетради, чернила, ручки, карта Оренбургской губерніи, бланки, марки, конверты, пересылка трудовъ и денегъ, телеграммъ и др. канцеляр. расходы	31	68
2	Содержаніе сторожа	240	—
3	На раскопки кургановъ Г. А. Кастанье	50	—
4	Выдано въ награду къ празднику 4 мъ сторожамъ Городской Управы, сторожу Комиссіи Гурееву, разносчикамъ газетъ и лѣснику, доставившему найденные въ с. Михайловскомъ древніе предм.	11	50
5	За доставку и содержаніе кирг. народн. пѣвцовъ	113	60
6	За фотографическія принадлежности для г. Ка- станье и мемуаровъ И. В. Чернова	31	52
7	За бумагу для трудовъ Комиссіи	65	38
8	За клише г. Макаренко	11	87
9	Разъѣзды по городу, пересылка трудовъ, доставка бумаги и дѣлъ архива и др	13	31
10	За 1/2 сажени дровъ, ихъ доставку и распилку	31	50
11	За набивку льдомъ погреба	3	—
12	Освѣщеніе	14	46
13	За чистку дымовыхъ трубъ и починку печей	4	30
14	За обои, стекла, вьюшки, дверку, кольца для вит- ринъ, лампу для канцеляріи, вставку оконъ, спиртъ, скипидаръ, сундукъ и другія хозяй- ственные расходы	10	79
И т о г о		632	91
Къ 1-му января 1907 года въ остаткѣ		386	85

Казначей Комиссіи А. Аниловскій.

СПИСОКЪ

членовъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссиі за 1906 г.

№ по порядку.	Имя, отчество и фамилія.	Годъ вступленія въ члены Комиссиі	Мѣсто жительства.
<i>Почетные Члены:</i>			
1	Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Михайловичъ.	1903 г.	
2	Антоновичъ, Владиміръ Бонифатьевичъ, заслужен. профессоръ университета св. Владиміра.	1904 г.	Кіевъ.
3	Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, през. Императ. Общества любит. естеств., антр. и этнографіи.	1900 г.	Москва.
4	Бобринскій, графъ, Алексѣй Александровичъ, председатель Императорск. Археологической Комиссиі.	1896 г.	С.Петербургъ
5	Забылинъ, Иванъ Егоровичъ, директоръ Императорскаго Московскаго Музея.	1898 г.	Москва.

6	Ключевскій, Василій Осиповичъ, профессоръ Императорскаго Московск. университета.	1901 г.	Москва.
7	Маслаковецъ, Николай Алексѣевичъ, ген.-лейтенантъ, состоящій при Военномъ Министерствѣ.	1898 г.	С.-Петербургъ
8	Покровскій, Николай Васильевичъ, директоръ Археологическаго института.	1899 г.	С.-Петербургъ
9	Ростовцевъ, Иванъ Яковлевичъ, попечитель Оренбургскаго учебнаго округа.	1898 г.	Оренбургъ.
10	Уварова, графиня, Прасковія Сергѣевна, Предсѣд. Импер. Моск. Археологич. Общества.	1898 г.	Москва.
11	Ханенко, Богданъ Ивановичъ, предсѣд. Кіевск. Общ. Древности и Искусствъ.	1904 г.	Кіевъ.
12	Хвойка, Викентій Вячеславовичъ, д. членъ Кіевск. Общ. Древн. и Искусствъ.	1904 г.	Кіевъ.
<i>Дѣйствительные Члены:</i>			
13	Аманацкій, Вячеславъ Николаевичъ, священникъ.	1901 г.	Пос. Михайловскій.

14	Аниховскій, Александръ Леонтьевичъ, чиновн. Оренб. Отдѣленія крестьянскаго поземельнаго Банка.	1901 г.	Оренбургъ.
15	Анчиковъ, Иванъ Васильевичъ, непр. членъ Губернскаго Присутствія.	1899 г.	Ковно.
16	Арабовъ, Хаметканъ Измагиловичъ, управляющій пріпсками Рамеева.	1901 г.	Орскъ.
17	Арсеньевъ, Юрій Васильевичъ, хранитель оружейной палаты.	1902 г.	Москва.
18	Базилевъ, Григорій Михайловичъ, землевладѣлецъ.	1896 г.	С. Рѣньевка.
19	Байкинъ, Василій Андреевичъ, инженеръ путей сообщенія.	1906 г.	Оренбургъ.
20	Балгимбаевъ, Габдулъ Галиевичъ, чиновн. Тургайск. Областного Правленія.	1903 г.	Оренбургъ.
21	Бартольдъ, Василій Владиміровичъ, профес. С.-Петербургскаго университета.	1904 г.	С.-Петербургъ.
22	Батурияъ, Николай Петровичъ, купецъ.	1903 г.	Оренбургъ.
23	Безинъ, Карлъ Карловичъ,	1903 г.	Оренбургъ.

	преподаватель Неплюевскаго кад. корпуса.		
24	Божуковъ, Михаилъ Яковлевичъ, протоіерей, законоучитель Оренбургской мужской гимназіи.	1887 г.	Оренбургъ.
25	Боковъ, Владиміръ Егоровичъ, лѣсничій Златоустовской горнозаводской лѣсной дачи.	1901 г.	Златоустъ.
26	Бомъ, Іосифъ Іосифовичъ, инженеръ.	1906 г.	Актюбинскъ.
27	Бравинъ, Николай Александровичъ, директ. Пермской мужской гимназіи.	1904 г.	Пермь.
28	Булгаковъ, Иванъ Ивановичъ, Тургайскій областной врачъ.	1906 г.	Оренбургъ.
29	Булычевъ, Николай Ивановичъ, вице-губернаторъ.	1902 г.	Калуга.
30	Бутовскій, Николай Ивановичъ, препод. мужской гимназіи.	1898 г.	Оренбургъ.
31	Бухаринъ, Петръ Никандровичъ, сотникъ.	1905 г.	Тоже.
32	Бѣлавинъ, Константинъ Александровичъ, преподав. мужской гимназіи.	1887 г.	Тоже.
33	Васильевъ, Александръ Васильевичъ, окружный инспекторъ.	1898 г.	Тоже.

34	Вяткинъ, Василій Лаврентьевичъ, хранитель Самаркандскаго музея.	1904 г.	Самаркандъ.
35	Гра, Арманъ Петровичъ, преподав. Неплюевск. кад. корпуса.	1900 г.	Оренбургъ.
36	Деревенсковъ, Алексѣй Ивановичъ, инженеръ.	1903 г.	Тоже.
37	Добросмысловъ, Александръ Ивановичъ, крестьянскій начальникъ.	1895 г.	Тургай.
38	Доливо-Добровольскій, Флоріанъ Петровичъ, присяжный повѣренный.	1900 г.	Оренбургъ.
39	Довнаръ-Запольскій, Митрофанъ Викторовичъ, проф. университет. св. Владиміра.	1905 г.	Кіевъ.
40	Дылло, Осипъ Леонтьевичъ, рецензентъ «Оренбургскаго Края».	1906 г.	Оренбургъ.
41	Евфорицкій, Владиміръ Александровичъ, священникъ.	1900 г.	Тоже.
42	Жариновъ, Павелъ Назаровичъ, влад. типографіи.	1899 г.	Бузулукъ.
43	Загоскинъ, Николай Павловичъ, ректоръ Казанскаго университета.	1887 г.	Казань.

44	Іоакимъ, епископъ Оренбургскій и Уральскій.	1904 г.	Оренбургъ.
45	Инфантьевъ, Александръ, священникъ.	1905 г.	с. Кипельское Челяб. уѣзда.
46	Ивановъ, Егоръ Ивановичъ, купецъ.	1896 г.	Оренбургъ.
47	Ивановъ, Николай Георгіевичъ, чиновникъ Тургайск. Областного Правленія.	1895 г.	Тоже.
48	Балачевъ, Кузьма Николаевичъ, врачъ.	1895 г.	Ст. Нижне-озерная.
49	Каримовъ, Мухамедъ Фатихъ-Гильмановичъ, редакторъ газеты.	1902 г.	Оренбургъ.
50	Карлсонъ, Викторъ Викторовичъ, преподаватель реального училища.	1904 г.	Тоже.
51	Кастанье. Іосифъ Антоновичъ, преподав. гимназій.	1902 г.	Тоже.
52	Качинскій, Мечеславъ Феликсовичъ, чиновникъ Государственного банка.	1902 г.	Тоже.
53	Киселевъ, Михаилъ Федоровичъ, управляющій отд. волжско-камскаго банка.	1896 г.	Тоже.
54	Кернъ, Иванъ Федоровичъ,	1906 г.	Тоже.

	помощн. начальника Ташкентской желѣзной дороги.		
55	Козулевъ, Иванъ Михайловичъ, чиновникъ крестьянскаго банка.	1906 г.	Оренбургъ.
56	Кононовъ, Дмитрій Михайловичъ, священникъ.	1901 г.	Тоже.
57	Константиновъ, Андрей Андреевичъ, прис. пов.	1901 г.	Тоже.
58	Корчагинъ, Александръ Федоровичъ, священникъ.	1900 г.	Ст. Челкаръ Т. ж. д.
59	Кречетовичъ, Іосифъ Павловичъ, протоіерей.	1901 г.	Саратовъ.
60	Курашкевичъ, Люціанъ Лаврентьевичъ, преп. реальнаго училища.	1902 г.	Оренбургъ.
61	Лобовъ, Николай Георгіевичъ, генераль-маіоръ.	1903 г.	Тоже.
62	Ломачевскій, Асинкрить Асинкритовичъ, ген.-лейтенантъ, Тург. губернаторъ.	1899 г.	Тоже.
63	Лысовъ, Николай Петровичъ, есаулъ.	1902 г.	Ново-Маргеланъ.
64	Макаренко, Николай Емельяновичъ, членъ С.-Петербург. Археолог. Института.	1903 г.	С.-Петербургъ

65	Мамонтовъ, Петръ Ивановичъ, бухгалтеръ Оренб. отдѣленія крестьян. поземельнаго банка.	1906 г.	Оренбургъ.
66	Медвѣдевъ, Дмитрій Степановичъ, преп. дух. сем.	1899 г.	Тоже.
67	Миллеръ, Сергѣй Михайловичъ, ст. лѣсничій.	1902 г.	Тоже.
68	Мабилъ, Юлій Петровичъ, преподад. реального учил.	1905 г.	Тоже.
69	Мухамедіаровъ, Гирей Асфендіаровичъ, членъ суда.	1905 г.	Тоже.
70	Мышковскій, Николай Осиповичъ, совѣтникъ Тург. областного Правленія.	1897 г.	Тоже.
71	Мякутинъ, Александръ Ивановичъ, подъясауль.	1900	С.-Петербургъ
72	Назаровъ, Василій Ивановичъ, купецъ.	1897 г.	Оренбургъ.
73	Назаровъ, Петръ Степановичъ, земскій начальникъ.	1895 г.	Орскъ.
74	Незнамовъ, Петръ Александровичъ, преподаватель реального училища.	1903 г.	Оренбургъ.
75	Набережновъ, Иванъ Ва-	1904 г.	Тоже.

	сильевичъ, членъ управы.		
76	Носковъ, Александръ Ки- пріановичъ, преп. гимназін.	1905 г.	Оренбургъ.
77	Нѣмечекъ, Мануилъ Мат- вѣевичъ, священникъ.	1901 г.	Тоже.
78	Оберлендеръ, Александръ Рудольфовичъ, землевлад.	1900 г.	Тоже.
79	Овчинниковъ, Николай Ива- новичъ, генераль-маіоръ.	1900 г.	Тоже.
80	Орловъ, Евгенийъ Андре- вичъ, священникъ Покров- ской церкви.	1905 г.	Тоже.
81	Остроумовъ, Николай Пет- ровичъ, вице - президентъ Турк. кр. люб. арх.	1904 г.	Ташкентъ.
82	Панкратовъ, Петръ Федо- ровичъ, купецъ.	1903 г.	Оренбургъ.
83	Подьяконовъ, Сергѣй Ари- старховичъ, войсковой гор- ный инженеръ.	1904 г.	Тоже.
84	Поповъ, Александръ Вла- диміровичъ, врачъ.	1895 г.	Тоже.
85	Пославскій, Александръ Ге- расимовичъ, топографъ Тур- гайской партіи.	1904 г.	Тоже.

86	Рамеевъ, Мухамедъ-Закиръ Мухамедъ-Садыковичъ, землевладѣлецъ и золотопромышленникъ.	1906 г.	Оренбургъ.
87	Реезе, Александръ Николаевичъ, топ. Тург. партіи.	1905 г.	Тоже.
88	Рамеевъ, Сулейманъ Шакировичъ, землевладѣлецъ.	1902 г.	Верхнеур.
89	Севастьяновъ, Сергѣй Никаноровичъ, есаулъ.	1887 г.	Оренбургъ.
90	Словохотовъ, Леонидъ Александровичъ, секр. суда.	1905 г.	Тоже.
91	Соколовскій, Иванъ Николаевичъ, Астраханскій губернаторъ.	1896 г.	Астрахань.
92	Соколовъ, Дмитрій Николаевичъ, земскій началън.	1896 г.	С. Семакино Оренб. уѣзда.
93	Стариковъ, Федоръ Митрофановичъ, атаманъ 2 отдѣла.	1895 г.	Верхнеур.
94	Столлянскій, Петръ Николаевичъ.	1902 г.	Майкопъ. Куб. обл.
95	Стрекаловъ, Андрей Андреевичъ, управляющій Оренб. казенной палатой.	1903 г.	Оренбургъ
96	Сукурено, Иванъ Михай.	1896 г.	Тоже.

	ловичъ, управляющ. Оренб. Отдѣл. Госуд. банка.		
97	Султановъ, Хаджа Мухамедіаръ Мухамедъ Шарифовичъ, Оренб. муфтій.	1899 г.	Уфа.
98	Сыровъ, Борисъ Сергѣевичъ, войск. архитекторъ.	1903 г.	Оренбургъ.
99	Сѣровъ, Дмитрій Егоровичъ, есаулъ.	1901 г.	Тоже.
100	Сѣдельниковъ, Тимофей Ивановичъ, топ. Тург. пар.	1904 г.	Тоже.
101	Таубе, Федоръ Федоровичъ, баронъ, командиръ отдѣльнаго корпуса жандармовъ.	1905 г.	Тоже.
102	Толмачевъ, Владиміръ Александровичъ, ген. маіоръ.	1897 г.	Тоже.
103	Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, секретарь Моск. Археологич. Общ.	1900 г.	Москва.
104	Фахретдиновъ, Абдрахманъ Ризаеддиновичъ, членъ редакціи газ. «Вактъ».	1906 г.	Оренбургъ.
105	Фишеръ, Карлъ Андреевичъ, предс. фотогр. общ.	1901 г.	Москва.
106	Фонъ-Шлихтингъ, Леонидъ Петровичъ, врачбный инспекторъ.	1903 г.	Оренбургъ.
107	Хорошхинъ, Иванъ Павловичъ, подполковникъ.	1904 г.	Уральскъ.

108	Хрусталеѡъ, Григорій Семеновичъ, преподав. Неплюевскаго корпуса.	1895 г.	Оренбургъ.
109	Цабель, Леопольдъ Николаевичъ, завѣд. Тург. пар.	1904 г.	Тоже.
110	Чернавскій, Николай Михайловичъ, преп. дух. уч.	1889 г.	Тоже.
111	Шемяновъ, Николай Николаевичъ, преп. реал. уч.	1903 г.	Тоже.
112	Шляковъ, Николай Васильевичъ, преподаватель Неплюевскаго кад. корпуса.	1906 г.	Тоже.
113	Шморель, Германъ Карловичъ, чиновникъ Оренб. отд. госуд. банка.	1901 г.	Тоже.
114	Шкуновъ, Михаилъ Васильевичъ, произв. работъ Тургайской партіи.	1906 г.	Тоже.
115	Шукшинцевъ, Иванъ Степановичъ, преп. гимн.	1895 г.	Тоже.
116	Эрдманъ, Александръ Густавовичъ, ген.-маіоръ.	1904 г.	С. Семакино, Оренб. уѣз.
117	Юдинъ, Михаилъ Львовичъ, войсковой старшина.	1895 г.	Оренбургъ.
118	Юровъ, Александръ Васильевичъ, купецъ.	1901 г.	Тоже.
119	Яковлевъ, Іосифъ Дмитріевичъ, купецъ.	1901 г.	Тоже.
120	Яржиновскій, Эдуардъ Антоновичъ, топографъ тургайской партіи.	1904 г.	Тоже.

**ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ
АРХИВНОЙ КОМИССИИ**

ЗА 1906 Г.

1906 г.

ПРОТОКОЛЬ № 1.

Очередное собраніе 23 января.

Подъ предсѣдательствомъ А. В. Попова присутствовали: С. Н. Севастьяновъ, В. С. Сыровъ, А. Л. Аниховскій, Д. Н. Соколовъ, М. Л. Юдинъ, П. А. Незнамовъ, А. И. Гра, Н. Г. Лобовъ, І. Д. Яковлевъ, І. А. Кастанье, Ю. П. Мабилъ, правитель дѣлъ И. С. Шукшинцевъ.

Предметы обсужденія были слѣдующія:

1) Предсѣдатель сообщилъ о смерти почетнаго члена комиссіи В. Н. Витевскаго и предложилъ почтить память его вставаніемъ, что и было исполнено. Послѣ общаго мнѣнія по поводу дѣятельности покойнаго, какъ исторіографа Оренбургскаго края, постановлено: 1) просить М. Л. Юдина и С. Н. Севастьянова написать краткую біографію В. Н. Витевскаго для напечатанія въ ближайшемъ выпускѣ «Трудовъ Комиссіи»; 2) о смерти В. Н. Витевскаго сообщить Оренбургской Городской Думѣ, указавъ, что покойный былъ, между прочимъ, иниціаторомъ по сбору пожертвованій на памятникъ И. И. Неплюеву, и просить думу почтить память покойнаго исторіографа Оренбургскаго края хотя бы учрежденіемъ стипендіи его имени при одномъ изъ учебныхъ заведеній въ г. Оренбургѣ, состоящемъ въ вѣдѣніи городского управленія, и 3) просить предсѣдателя написать наслѣдникамъ В. Н. Витевскаго, не найдутъ ли они возможнымъ и даже нужнымъ, въ цѣляхъ лучшей сохранности, передать всѣ письменные матеріалы, которые сохранились въ бібліотекѣ покойнаго,

въ Оренбургскую Ученую Архивную Комиссію; кромѣ того просить наслѣдниковъ прислать фотографическую карточку почившаго; 4) привести въ исполненіе давнишнее предложеніе В. Н. Витевскаго: приобрѣсти альбомъ для фотографическихъ карточекъ членовъ Комиссіи, ассигновавъ на это до 25 рублей.

2) Заслушано предложеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 15 января за № 113 о командированіи депутатовъ въ Москву для участія въ предварительномъ комитетѣ по выработкѣ программъ и правилъ XIV Археологическаго съѣзда, имѣющаго быть въ 1908 году въ г. Черниговѣ.

Постановлено: просить быть депутатомъ Д. Н. Соколова и поручить ему возбудить въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ вопросъ о созывѣ слѣдующаго Археологическаго съѣзда въ г. Оренбургѣ съ цѣлью поднятія интереса къ мѣстной археологіи.

3) Заслушано предложеніе Оренбургскаго губернатора на имя предсѣдателя Комиссіи отъ 16 января за № 138 о томъ, не пожелаетъ ли Комиссія приобрѣсти экземпляръ изданія исторической монографіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ уступкою въ цѣнѣ 25⁰/₁₀₀.

Постановлено: просить Оренбургскаго губернатора, какъ непремѣннаго попечителя Комиссіи, возбудить ходатайство предъ М. В. Д. о высылкѣ изданной послѣднимъ исторической монографіи въ бібліотеку Комиссіи бесплатно.

4) Заслушанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

5) И. С. Шукшинцевъ прочиталъ свой докладъ: «Желѣзная дорога между Каспійскимъ и Аральскимъ морями».

Постановлено: докладъ напечатать въ «Трудахъ Комиссіи», а докладчика благодарить.

6) Прочитанъ докладъ Н. Е. Макаренко о Сассанидскомъ блюдѣ, хранящемся въ музеѣ Комиссіи. Для иллюстраціи доклада г. Макаренко прислалъ 350 экземпляровъ оттисковъ.

Постановлено: докладъ напечатать отдѣльною брошюрою и г. Макаренко благодарить.

7) Вскрыта кружка для сбора пожертвованій въ пользу музея Комиссіи. Въ ней оказалось 2 руб. 59 коп. денегъ и жетонъ въ память воцаренія императрицы Викторіи англійской.

Постановлено: деньги передать кассачею, а жетонъ хранить въ музеѣ.

ПРОТОКОЛЬ № 2.

Очередное собраніе 20-го февраля.

Подъ предѣдательствомъ А. В. Попова присутствовали: М. Л. Юдинъ, А. П. Гра, І. А. Кастанье, А. Л. Аниховскій, С. А. Подьяконовъ, П. А. Незнамовъ, правитель дѣлъ И. С. Шукшинцевъ.

Предметы обсужденія были слѣдующіе:

1) Заслушанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

При этомъ г. предѣдатель прочелъ письмо г. Рождествина, въ которомъ онъ сообщаетъ свѣдѣнія объ оставшемся послѣ В. Н. Витевскаго семействѣ и просить Архивную Комиссію возбудить ходатайство о продолженіи выдачи пособія сиротамъ Витевскаго изъ «Постоянной комиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ» при Императорской Академіи Наукъ.

Постановлено: возбудить такое ходатайство по полученіи дополнительныхъ свѣдѣній о положеніи сиротъ Витевскаго.

2) Заслушано отношеніе Екатеринославской ученой архивной комиссіи отъ 11 февраля за № 139 о препровожденіи въ библіотеку Комиссіи «Лѣтописи» названнаго общества за второй годъ его существованія.

Постановлено: благодарить.

3) Г. председатель сдѣлать краткое сообщеніе о статьѣ Березина «Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева», помѣщенной въ VIII части «Трудовъ Восточнаго отдѣленія Императорскаго Археологич. Общества».

Постановлено: благодарить г. председателя и просить его сдѣлать болѣе подробный докладъ по затронутымъ г. Березинымъ вопросамъ для напечатанія въ «Трудахъ Комиссіи».

4) С. А. Подъяконовъ сказалъ нѣсколько словъ о представленныхъ имъ находкахъ въ курганахъ Дуванкульской согры (между Троицкомъ и Челябинскомъ, около Дуванкульскаго поселка).

Постановлено: благодарить и просить написать краткій очеркъ произведенныхъ раскопокъ.

5) Предложенъ и избранъ въ дѣйствительные члены Комиссіи Александръ Николаевичъ Реезе.

6) М. Л. Юдинъ принесъ въ даръ библіотекѣ Комиссіи 3 оттиска изъ журнала «Историческій Вѣстникъ» статьи «Плещеевъ за время пребыванія его въ Оренбургскомъ краѣ»; очеркъ составленъ г. Юдинымъ по мѣстнымъ архивнымъ даннымъ.

Постановлено: принять и благодарить.

ПРОТОКОЛЬ № 3.

Общее Собраніе 27-го февраля.

Подъ председательствомъ А. В. Попова присутствовали: М. Л. Юдинъ, А. П. Гра, Н. М. Чернавскій, П. А.

Незнамовъ, Б. С. Сыровъ, Л. Л. Курашкевичъ, С. Л. Подьяконовъ, В. В. Карсонъ, А. Л. Аниховскій, Ю. П. Мабилъ, Г. А. Кастанье, правитель дѣлъ И. С. Шукшинцевъ.

Предметы обсужденія были слѣдующіе.

1) Прочитанъ составленный правителемъ дѣлъ «Краткій отчетъ о состояніи и дѣятельности Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи за 1905 годъ».

Постановлено: отчетъ утвердить.

2) Постановлено благодарить Оренбургскую Городскую Думу за предоставленіе помѣщенія для собраній гг. членовъ Комиссіи и за бесплатный отпускъ дровъ для отопленія зданія Комиссіи; Орскую Городскую Думу за отпускъ пособія въ размѣрѣ 50 руб. въ годъ; А. П. Гра за составленіе систематическаго каталога бібліотеки Комиссіи.

3) Заслушано сообщеніе П. А. Незнамова объ Екатеринбургскомъ всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ, на которомъ онъ былъ депутатомъ отъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи.

Постановлено: благодарить г. Незнамова.

4) Предложенъ и избранъ въ дѣйствительные члены Михаилъ Васильевичъ Шкуновъ, производитель работъ Тургайской переселенческой партіи.

5) Произведены закрытою баллотировкою выборы должностныхъ лицъ Комиссіи на 1906 г.

Избранными оказались: председателемъ А. В. Поповъ, товарищемъ председателя А. Л. Аниховскій, правителемъ дѣлъ И. С. Шукшинцевъ, казначеемъ Г. А. Кастанье.

6) Избрана ревизіонная комиссія въ слѣдующемъ составѣ: А. Л. Аниховскій, Н. М. Чернавскій и А. П. Гра.

ПРОТОКОЛЬ № 4.

Очередное собраніе 15-го марта.

Подъ предсѣдательствомъ А. В. Попова присутствовали: А. М. Аниховскій, Н. Г. Лобовъ, М. Л. Юдинъ, правитель дѣлъ И. С. Шукшинцевъ.

Предметы обсужденія были слѣдующіе.

1) Заслушаны и утверждены протоколы засѣданій 20-го и 27-го февраля текущаго года.

2) Прочитано сообщеніе Г. Витевскаго о бумагахъ, оставшихся послѣ покойнаго отца его В. Н. Витевскаго.

Постановлено: просить г. предсѣдателя обратиться къ г. Витевскому съ просьбою передать для храненія въ Комиссію всѣ бумаги, оставшіяся послѣ его отца.

3) Доложено письмо Г. А. Кастанье, въ которомъ онъ просить освободить его отъ должности казначея Комиссіи.

Постановлено: уважить просьбу г. Кастанье и просить С. А. Подьяконова принять на себя должность казначея Комиссіи.

4) Правитель дѣлъ доложилъ, что учениками приготовительнаго класса мѣстной мужской гимназіи пожертвовано въ музей Комиссіи русскихъ мѣдныхъ монетъ 22, серебряныхъ 6, китайскихъ 2 и 1 серебряная медаль въ память покоренія Западнаго Кавказа; кромѣ того, онъ же доложилъ, что г-жа О. А. Аникіева передала въ музей мексиканскій долларъ, два деревянныхъ китайскихъ гребня.

Постановлено: жертвователей благодарить.

5) Постановлено просить А. Л. Аниховскаго принять на себя трудъ завѣдыванія музеемъ и приведенія его въ порядокъ.

ПРОТОКОЛЬ № 5.

Очередное собраніе 23-го марта.

Подъ предсѣдательствомъ А. В. Попова присутствовали: Е. И. Ивановъ, А. В. Васильевъ, І. А. Кастанье, Г. Г. Лобовъ, А. П. Гра, П. А. Незнамовъ, В. А. Карлсонъ, Л. А. Словохотовъ, киргизскіе пѣвцы Казакпай и Батшелекъ и за переводчика г. Варатуловъ.

В. В. Карлсонъ доложилъ о своей повѣздѣ по порученію Архивной Комиссіи за киргизскими пѣвцами, сообщилъ о нихъ біографическія данныя, изложилъ причину почему онъ вмѣсто одного, какъ было постановлено Комиссіей, привезъ двухъ: за старшимъ киргизомъ трудно, записывать, но за то онъ знаетъ гораздо больше младшаго пѣсенъ.

Тутъ же В. В. былъ прочитанъ списокъ пѣсенъ, которыя они поютъ: выяснилось, что есть среди нихъ много нигдѣ еще не записанныхъ.

Затѣмъ пѣвцамъ было предложено что нибудь спѣть; оба они импровизировали на тему о своемъ пріѣздѣ, о дорогѣ, объ ихъ удовольствіи пѣть передъ «тюря», которыхъ они привѣтствуютъ и для удовольствія которыхъ не пожалѣютъ своихъ силъ.

Языкъ пѣвцовъ, насколько можно было судить по импровизаціи, чисто киргизскій, безъ всякихъ постороннихъ элементовъ, что тоже очень цѣнно.

Затѣмъ былъ поднятъ вопросъ, какъ использовать пѣвцовъ для того, чтобы согласно идеѣ Комиссіи увѣковѣчить для потомства могущія безслѣдно исчезнуть киргизскія былины и пѣсни; было постановлено: пригласить къ любезному участию знающихъ киргизскій языкъ людей записать по возможности всѣ, нигдѣ неизданныя или

имѣющія варианты пѣсни, отдавая предпочтеніе пѣснямъ, носящимъ историко-этнографическій характеръ; для этого просить А. В. Васильева и Т. И. Сѣдельникова взять на себя трудъ организовать ихъ записъ.

Кромѣ того, было постановлено: если окажется возможнымъ, то записать и мелодіи, и поручить А. П. Гра обратиться съ этой просьбой къ Г. Ф. Эстеррейхъ.

Затѣмъ обсуждался денежный вопросъ этого дѣла, который является особенно животрепещущимъ при общей скудости средствъ Комиссіи. Выяснилось, что ко дню засѣданія расходъ по этому дѣлу въ 3 раза превысилъ ассигнованную на это сумму; главными причинами являются бездорожіе и выписка двухъ киргизовъ вмѣсто одного, чего Комиссія раньше въ виду не имѣла.

Было также рѣшено задержать киргизовъ еще дней на десять, какъ для всесторонняго ихъ использованія, такъ и для того, чтобы на Пасхѣ устроить публичное засѣданіе для ознакомленія интересующихся изъ большой публики съ пѣніемъ и игрою киргизъ, къ каковому засѣданію и приурочить небольшой докладъ о киргизахъ и ихъ музыкѣ.

Подъ конецъ засѣданія старшій изъ пѣвцовъ Казакпай сыгралъ на домбрѣ нѣсколько мелодичныхъ и искусно исполненныхъ кый (мелодія безъ пѣвія).

ПРОТОКОЛЬ № 6.

Очередное засѣданіе 12-го апрѣля.

Подъ предсѣдательствомъ А. В. Попова присутствовали: А. Л. Аниховскій, М. Л. Юдинъ, Е. И. Ивановъ, І. А. Кастанье, Н. М. Чернавскій, В. В. Карлсонъ, правитель дѣлъ И. С. Шукшинцевъ.

Предметы засѣданія были слѣдующіе.

1) Предсѣдатель доложилъ, что сверхъ ассигнованныхъ Комиссіею 20 рублей на выпускъ въ г. Оренбургъ киргизскаго народнаго пѣвца Казакпая г. Карлсонъ, пригласивъ еще двоихъ подобныхъ же пѣвцовъ, перерасходовалъ на нихъ 92 рубля, и просилъ высказаться, — принимаетъ-ли Комиссія этотъ перерасходъ на себя.

Послѣ продолжительныхъ и оживленныхъ преній постановлено: перерасходъ въ суммѣ 92 рублей принять на счетъ Комиссіи.

2) Ревизоръ Оренбургской контрольной палаты, г. Баженовъ пожертвовалъ въ библіотеку Комиссіи книгу «Всемирный путешественникъ или познаніе стараго и новаго свѣта». Т. XIV. СПб. 1783 г.

Постановлено: принять и благодарить.

3) По предложенію предсѣдателя постановлено пригласить дѣйствительнаго члена Комиссіи барона Ө. Ө. Таубе, получившаго назначеніе на постъ Оренбургскаго губернатора и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлавшагося, по должности, непремѣннымъ попечителемъ Архивной Комиссіи. Привѣтствовать г. Таубе поручено предсѣдателю.

4) Предложены и избраны въ дѣйствительные члены Комиссіи Осипъ Леонтьевичъ Дылло, сотрудникъ «Оренбургскаго Края», и Леонидъ Александровичъ Словохотовъ — помощникъ присяжнаго повѣреннаго.

5) За отказомъ отъ должности казначея І. А. Кастанье и С. А. Подьяконова постановлено просить принять на себя эту обязанность А. И. Аниховскаго, на что послѣдній изъявилъ свое согласіе.

ПРОТОКОЛЬ № 7.

Очередное засѣданіе 5-го мая.

Подъ предсѣдательствомъ А. В. Попова присутствовали: А. Л. Аниховскій, Д. Н. Соколовъ, С. А. Подьяконовъ, І. А. Кастанье, М. Л. Юдинъ, А. П. Гра, прavitель дѣлъ И. С. Шукшинцевъ.

1) М. Л. Юдинъ представилъ полученные имъ отъ г. Александрова 6 экземпляровъ некролога В. Н. Витевскаго и № 83 газеты «Обновленіе» за 1906 годъ, гдѣ также помѣщенъ некрологъ Витевскаго, написанный г. Александровымъ.

Постановлено: принять и благодарить.

2) Предсѣдатель доложилъ, что отъ сына Витевскаго получены двѣ фотографическія карточки его покойнаго отца.

Постановлено: просить г. Аниховскаго переговорить съ фотографами Оренбурга объ увеличеніи карточки Витевскаго, болѣе позднiго періода его жизни, для помѣщенія въ музей Комиссіи.

3) Д. Н. Соколовъ, присутствовавшій въ качествѣ депутата отъ Комиссіи на одномъ засѣданіи предварительнаго комитета XIV Археологическаго съѣзда, сообщать, что предсѣдательница предварительнаго комитета графиня П. С. Уварова, заявила, что г. Оренбургу дѣлалось предложеніе о созывѣ въ немъ Археологическаго съѣзда, но отвѣта не было получено.

Такъ какъ въ Архивную Комиссію такого предложенія не поступало, то постановлено: запросить Императорское Московское Археологическое Общество, когда и куда именно обращалось названное Общество съ предложеніемъ о созывѣ Археологическаго съѣзда въ Оренбургъ.

4) Предложены и избраны въ дѣйствительныя члены

Комиссіи о. Александръ Инфантьевъ, священникъ, Петръ Ивановичъ Мамонтовъ, бухгалтеръ Оренбургскаго отдѣленія крестьянскаго банка, Владимиръ Игнатьевичъ Стульгинскій—управляющій Ташкентской жел. дор. и Иванъ Ѳеодоровичъ Кернъ помощникъ управляющаго той же дороги.

5. Доложено о слѣдующихъ пожертвованіяхъ въ музей Комиссіи: К. К. Шендель—японскій іенъ, П. С. Исаенко—приспособленіе въ видѣ деревянныхъ трубочекъ для спусканія мочи у дѣтей въ возрастѣ 2—3 мѣсяцевъ (изъ Туркестана), Ш. Салимъ—7 штукъ мѣдныхъ и одна серебряная теньга 229 года по ходжи.

Постановлено: принять и благодарить.

6) По предложенію предсѣдателя постановлено приобрѣсти, для предположенной лѣтней экскурсіи г. Кастанье, 3 кассеты для фотографическаго аппарата на сумму 9 руб. 75 к. и фонарь для проявленій стоимостью 35 коп., а всего на 10 р. 10 к.

7) Д. Н. Соколовъ представилъ для осмотра кусочекъ кремня, напоминающаго наконечникъ стрѣлы каменнаго вѣка; такъ какъ у самаго г. Соколова явилось сомнѣніе, дѣйствительно-ли это часть орудія, то постановлено просить его выяснить этотъ вопросъ и о результатахъ доложить въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій.

8) Онъ же сообщилъ, что въ каменоломняхъ около Мертвыхъ солей, по дорогѣ въ Илецкъ, найдены двѣ серебряныхъ монеты, изъ которыхъ одна относится къ царствованію Михаила Ѳеодоровича.

ПРОТОКОЛЬ № 8.

Очередное засѣданіе 16-го мая.

Подъ предсѣдательствомъ А. В. Полова, присутствовали: М. Л. Юдинъ, Б. С. Сыровъ, С. Н. Севастьяновъ, Е. И. Ивановъ, А. Л. Аниховскій, Н. А. Бравинъ, В. В. Карлсонъ, І. А. Кастанье, Ю. П. Мобилъ, І. Д. Яковлевъ.

На засѣданіи дебатировался вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи дѣла по сбору пожертвованій на памятникъ Неплюеву и объ обращеніи собранныхъ на этотъ предметъ денегъ на сооруженіе въ Оренбургѣ историко-археологическаго музея, мысль о чемъ подана была на одномъ изъ засѣданій Комиссіи членомъ ея—г. Аниховскимъ.

Предсѣдатель припомнилъ собравшимся, что мысль о постановкѣ памятника преобразователю Оренбургскаго края и первому Оренбургскому губернатору, тайному совѣтнику Ивану Ивановичу Неплюеву, принадлежит изслѣдователю Оренбургскаго края, почетному члену Комиссіи Владиміру Николаевичу Витевскому, высказавшему эту мысль въ 1893 году, въ годовщину 150-лѣтія основанія Неплюевымъ нынѣшняго Оренбурга.

Мысль эта хотя и нашла сначала откликъ въ обществѣ и даже получила широкое оповѣщеніе въ виду высочайшаго соизволенія отъ 31-го декабря 1898 года на открытіе повсемѣстной въ Имперіи подписки на сооруженіе въ Оренбургѣ памятника Неплюеву, по притокъ пожертвованій съ каждымъ годомъ становится меньше, и собранный капиталъ достигъ всего въ настоящее время около 5000 рублей; этого капитала, конечно, совершенно не достаточно для увѣковѣчиванія памяти П. И. Неплюева въ той формѣ, какъ ее выразилъ покойный Витевскій: «когда бронзовая фигура Неплюева будетъ вознесена на пьедесталъ изъ горныхъ мѣстныхъ породъ, что

будеть служить украшеніемъ городу на его Караванъ-сарайской площади». Кроме того, и самая караванъ-сарайская площадь съ 1893 года совершенно измѣнила свой видъ, будучи густо засажена деревьями, такъ что памятникъ Неплюеву могъ быть потерянъ, будучи постановленъ среди этой рощи деревьевъ.

По предложенію предсѣдателя Комиссіи, вопросъ собственно о постановкѣ памятника рѣшено пока оставить открытымъ, а обратить особое вниманіе на мысль о постройкѣ зданія для историко-археологическаго музея Оренбургскаго края.

При обсужденіи этого вопроса было высказано общее пожеланіе, чтобы въ этомъ музеѣ внутри зданія или при входѣ въ вестибюль зданія былъ бы поставленъ бюстъ Неплюева, а самый музей можно было бы наименовать тогда именемъ Неплюева.

Однако, наименованіе музея именемъ Неплюева, какъ выяснилось изъ возраженій нѣкоторыхъ изъ членовъ, могло бы имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, если собранный капиталъ на сооруженіе памятника Неплюеву, будетъ обращенъ на сооруженіе историко-археологическаго музея въ Оренбургѣ «какъ памятника Неплюеву», что будетъ зависѣть отъ Высочайшаго разрѣшенія на передачу собраннаго капитала на сооруженіе вышеупомянутаго музея.

Членъ Комиссіи, г. Аниховскій, доложилъ собранію, что онъ по порученію Архивной Комиссіи былъ у городского головы, г. Кузьмина, который весьма сочувственно отнесся къ мысли о сооруженіи зданія для историко-археологическаго музея въ Оренбургѣ, основаніе которому, какъ выяснилось изъ доклада предсѣдателя Комиссіи, положено еще въ 1831 году однимъ изъ просвѣщенныхъ дѣятелей Оренбургскаго края — Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ Павломъ Петровичемъ Сухтеленымъ 2 мѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, обширный Оренбургскій край, полный историческихъ преданій старины и имѣющій несомнѣнно богатое будущее, до сихъ поръ не имѣетъ своего музея.

Почти все губернскіе города Россіи обзавелись уже своими музеями, а городъ Оренбургъ все остается позади, несмотря на то, что въ отношеніи учебныхъ заведеній стоитъ далеко впереди многихъ изъ этихъ городовъ. Изъ за отсутствія музея масса учащейся Оренбургской молодежи совершенно лишена возможности изучать по образцамъ прошлое своего края и тѣмъ самымъ закрѣпить духовныя и кровныя свои связи съ его прошлымъ, развить и воспитать свою любовь къ этому краю, дабы принести и свой посильный трудъ на развитіе дремлющихъ богатыхъ его силъ,—этихъ ключей и вратъ Средней Азіи—по гениальному предопредѣленію Петра Великаго.

Существующій музей при Архивной Комиссіи до невозможности малъ и тѣсенъ, а между тѣмъ многіе желали бы потрудиться для расширенія и измѣненія этого музея. Болѣе обширное помѣщеніе дало бы возможность размѣстить и теперь уже богатые коллекціи этого музея въ должномъ порядкѣ, издать указатель, дабы этотъ музей могъ имѣть воспитательное значеніе для населенія края.

Докладчикъ г. Аниховскій сообщилъ, что въ бесѣдѣ съ г. городскимъ головой послѣдній заявилъ ему, что онъ всемѣрно будетъ стараться, чтобы идея украшенія города Оренбурга зданіемъ для историко археологическаго музея не заглохла; онъ ручается, что городъ не откажетъ въ просьбѣ Комиссіи о предоставленіи для сооруженія музея подходящаго мѣста; съ своей же стороны, идя навстрѣчу желанію Комиссіи, онъ полагалъ бы возможнымъ уступить, съ согласія Думы, даже зданіе вокзала на буль-

варѣ (Бѣловскій вокзалѣ), когда окончится срокъ сдачи его въ аренду.

При обсужденіи этого вопроса рѣшено держаться прежняго проекта о сооруженіи новаго зданія, причемъ мѣсто для зданія музея проектировано противъ дома Мохнина, около зданія почт.-телегр. конторы, т. е. въ центрѣ города, что имѣетъ громадное значеніе въ смыслѣ и посѣщенія музея горожанами и пріѣзжающими въ Оренбургъ и въ смыслѣ украшенія города новымъ общественнымъ зданіемъ, имѣющимъ научное значеніе. Предсѣдатель Комиссіи доложилъ, что на 3-мъ Археологическомъ сѣздѣ въ Кіевѣ (1874 г.) П. В. Павловъ, въ дополненіе къ реферату г. Брюкнера, представилъ планъ археологическаго музея, каковой могъ бы быть принятъ при постройкѣ зданія музея въ Оренбургѣ (см. Труды сѣзда, протоколы стр. XXIII).

Г. предсѣдателемъ было доложено о томъ, что онъ представлялся вновь вступившему въ должность Оренбургскаго губернатора и наказнаго атамана генераль-маіору барону Таубе, какъ непремѣнному попечителю Архивной Комиссіи.

Баронъ Таубе просилъ, впервыхъ, передать свой сердечный привѣтъ всѣмъ членамъ Архивной Комиссіи, дѣйствительнымъ членомъ которой онъ состоялъ, а вовторыхъ, что онъ вполне присоединяется къ проекту о сооруженіи въ Оренбургѣ зданія для историко археологическаго музея и съ своей стороны приметъ всѣ мѣры для осуществленія этой мысли, а также изыщетъ мѣры къ ассигнованію ежегоднаго пособія отъ Оренбургскаго казачьяго войска для нуждъ Архивной Комиссіи, дѣятельность которой направлена къ изученію прошлаго какъ всего Оренбургскаго края, такъ и Оренбургскаго казачьяго войска въ частности.

Предсѣдатель Комиссіи напомнилъ, что 1-го іюня въ

Оренбургѣ состоится Епархіальный съѣздъ представителей духовенства Оренбургской епархіи и что, по мнѣнію его, было бы полезно воспользоваться этимъ съѣздомъ для проведенія среди духовенства мысли о необходимости учрежденія при музеѣ Комиссіи особаго церковно-историко-археологическаго отдѣла. Съ этою цѣлью предсѣдатель намѣренъ побывать у его преосвященства епископа Іоакима и просить его содѣйствія къ осуществленію этой мысли. Его преосвященство состоитъ уже давно дѣйствительнымъ членомъ Комиссіи и несомнѣнно сочувственно отнесется къ начинаніямъ Комиссіи. Постановлено: просить предсѣдателя Комиссіи принять на себя трудъ къ исполненію его предложенія.

Дѣйствительный членъ Комиссіи С. Н. Севастьяновъ доложилъ собранію, что во время командировки его отъ войска въ 1904 году по собиранію историческихъ матеріаловъ къ исторіи Оренбургскаго казачьяго войска въ г. Москвѣ онъ имѣлъ возможность, благодаря любезному вниманію А. И. Успенскаго, ознакомиться съ прекрасными работами особой комиссіи при церковно-археологическомъ отдѣлѣ общества любителей Древняго Просвѣщенія по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и Московской епархіи, учрежденной 12 сентября 1892 г. съ благословенія архіепископа Московскаго и Коломенскаго. Духовенство Оренбургской епархіи, по мнѣнію г. Севастьянова, могло бы принести неоцѣненную услугу для исторіи Оренбургскаго края, если бы приняло на себя таковой же трудъ по описанію, охраненію и снятію фотографическихъ снимковъ съ древнихъ храмовъ, часовень и другихъ предметовъ церковнаго обихода Оренбургскаго края для помѣщенія своихъ трудовъ въ проектируемый церковно-археологическій отдѣлъ музея.

При обсужденіи вопроса о музеѣ дѣйствительный

членъ Комиссіи и въ то же время вице-президентъ Оренбургскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества г. Бравинъ доложилъ, что Отдѣлъ вполне раздѣляетъ пожеланіе Архивной Комиссіи о сооруженіи зданія для музея, причемъ возможно, что при общемъ стремленіи къ достиженію этой идеи Отдѣлъ приметъ участіе и въ матеріальныхъ расходахъ по постройкѣ зданія для музея, залы котораго могли бы служить для общихъ засѣданій Архивной Комиссіи и Географическаго Отдѣла.

Въ этихъ же залахъ могли бы быть и засѣданія другихъ ученыхъ обществъ города Оренбурга, что послужило-бы несомнѣнно къ общенію интеллигентныхъ силъ г. Оренбурга.

Но обсужденіи всего вышеизложеннаго было рѣшено, не откладывая дѣла, обратиться съ просьбою въ Оренбургскую думу отвести бесплатно указанное мѣсто подъ постройку зданія для музея и возбудить ходатайство о разрѣшеніи передачи собраннаго на памятникъ Неплюеву капитала на сооруженіе указаннаго музея, причемъ, въ случаѣ передачи этого капитала, музей этотъ будетъ наименованъ музеемъ имени Неплюева — какъ преобразователя и устроителя Оренбургскаго края а внутри зданія или внѣ его въ вестибюлѣ послѣдняго, помѣститъ бюстъ Неплюева съ соотвѣтствующей надписью. Этимъ и будетъ осуществлена идея изслѣдователя Оренбургскаго края В. Н. Витевскаго, такъ неустанно проводившаго эту идею при своей жизни.

Въ заключеніе всѣ присутствующіе на засѣданіи выразили полную увѣренность въ томъ, что все мѣстное общество и населеніе Оренбургскаго края, при проsvщенномъ содѣйствіи епископа Оренбургскаго и Уральскаго Іоакима, его превосходительства начальника губерніи

городского головы, поддержать благое начинаніе Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи и что скоро нашъ Оренбургъ украсится величественнымъ зданіемъ музея Оренбургскаго края.

По предложенію г. Аниховскаго обсуждался вопросъ о пользованіи библіотекой и музеемъ Комиссіи членами Комиссіи и посторонними лицами. Постановлено: 1) пользоваться означенными пособиями могутъ только члены, уплачивающіе членскій взносъ; 2) изъ постороннихъ лицъ только занимающіеся учеными изслѣдованіями въ области исторіи и археологій.

ПРОТОКОЛЬ № 9.

Очередное засѣданіе 23-го августа.

Подъ предѣдательствомъ А. В. Попова присутствовали: А. Л. Аниховскій, И. В. Набережновъ, Н. А. Бравинъ, Д. Н. Соколовъ, А. П. Гра, А. К. Носковъ, С. Н. Севастьяновъ, І. А. Кастанье, Ю. П. Мобилия, гости: В. И. Пюнтковский, И. И. Булгаковъ и К. А. Стратонитскій.

1) Прочитаны и утверждены протоколы за №№ 5, 6, 7 и 8.

2) По прочтеніи протокола № 6 предѣдатель доложилъ, что чрезмѣрные расходы на выписку киргизскихъ пѣвцовъ вознаграждаются записью двухъ старинныхъ былинъ и нѣсколькихъ мелодій; былины обрабатываются А. В. Васильевымъ, мелодіи же записаны г. Эстеррейхъ.

3) По поводу протокола № 8 предѣдатель доложилъ, что онъ былъ у его преосвященства, епископа Іоакима; его преосвященство отнесся очень сочувственно къ устройству цѣлковно-археологическаго отдѣла при музей

Архивной Комиссии и предложил представить доклад о необходимости его устройства; докладъ былъ составленъ председателемъ и представленъ на епархіальный съѣздъ гдѣ встрѣченъ былъ съ сочувствіемъ.

Постановлено: составить воззваніе и программу отдѣла, каковой трудъ и взялъ на себя г. председатель.

4) Былъ снова поднятъ и обсуждался вопросъ о постройкѣ зданія музея.

Было высказано пожеланіе, чтобы музей былъ построенъ на самыхъ широкихъ научно-образовательныхъ началахъ, чтобы помѣщеніе музея могло служить къ совмѣстному объединенію всѣхъ существующихъ въ Оренбургѣ научныхъ обществъ, чтобы эти общества могли найти въ помѣщеніи будущаго музея пріютъ, какъ для своихъ засѣданій, такъ и библіотекъ, причемъ было высказано предположеніе, что Оренбургскія ученые общества не откажутся, вѣроятно, прійти на помощь и матеріальными средствами.

Затѣмъ рѣшаяся принципиально вопросъ, совмѣстить ли постройку съ сооруженіемъ памятника И. И. Неплюеву или нѣтъ.

Послѣ горячихъ дебатовъ постановлено вести постройку того и другого отдѣльно.

Вопросъ о мѣстѣ и числѣ нужныхъ помѣщеній оставленъ открытымъ до разсмотрѣнія предварительнаго эскиза зданія, который любезно предложилъ составить присутствовавшій на засѣданіи гость В. И. Піонтковскій.

Рѣшено пригласить на это разсмотрѣніе членовъ другихъ научныхъ обществъ, а пока, не теряя времени, рѣшено приступить къ подпискѣ на сооруженіе зданія музея и за разрѣшеніемъ ея обратиться къ непремѣнному попечителю Комиссии, Оренбургскому губернатору барону Таубе.

5) Г. Набережновъ пожертвовалъ мѣдный наконечникъ стрѣлы, найденный на Маячной горѣ при добываніи камня. Наконечникъ этотъ входилъ на $\frac{1}{3}$ своей длины въ остатки черепа, который тутъ же развалился, а другихъ костей не было найдено.

Постановлено: принять и жертвователя благодарить.

6) Предсѣдатель предложилъ въ члены Комиссіи областного врача Тургайской области И. И. Булгакова, который и былъ единогласно избранъ.

7) Предсѣдатель доложилъ, что въ Комиссію поступили описи рѣшеннымъ дѣламъ Оренбургскаго уѣзднаго полицейскаго управленія и Оренбургскаго губернскаго правленія, подлежащія разсмотрѣнію членовъ Комиссіи. Трудъ ихъ разсмотрѣнія приняли на себя предсѣдатель Комиссіи, гг. Севастьяновъ, Бравинъ, Гра и Булгаковъ.

ПРОТОКОЛЪ № 10.

Очередное засѣданіе 7-го сентября.

Подъ предсѣдательствомъ А. В. Попова присутствовали: А. Л. Аниховскій, Н. Г. Лобовъ, А. П. Гра, Л. А. Словохотовъ, В. В. Карлсонъ, Г. Носковъ и гость г. Будринъ.

1) Заслушанъ и утвержденъ протоколъ № 9.

2) Товарищъ предсѣдателя доложилъ, что у С. Н. Блударова имѣется большой архивъ старинныхъ указовъ и грамотъ, старинные дневники и т. п., и что С. Н. обѣщалъ кое что пожертвовать въ пользу музея.

Постановлено: просить А. Л. Аниховскаго содѣйствовать полученію вышеупомянутаго дара.

3) Товарищъ предсѣдателя доложилъ, что имъ былъ произведенъ опытъ продажи изданій Комиссіи для уси-

денія ея средствъ чрезъ посредство книжныхъ магазиновъ; были помѣщены нѣкоторыя изданія въ витрины магазина попечительства о народной трезвости и опытъ оказался довольно удачнымъ: въ теченіи нѣсколькихъ дней было продано почти на 8 рублей, но затѣмъ опытъ былъ прекращенъ, во первыхъ потому, что надо было привести въ извѣстность количество могущихъ быть проданными томовъ, а, во-вторыхъ, потому, что надо было точнѣе обусловить условія продажи. Оба эти вопроса и были предложены на усмотрѣніе гг. членовъ, причемъ г. председатель предложилъ кому-нибудь изъ членовъ завѣдывать выпусками и ихъ расходомъ, на что уже согласился И. А. Кастанье.

Постановлено: оставлять у себя по 10 экземпляровъ každого изданія, остальные продавать, а объ условіяхъ продажи (10% скидки для покупателей и 10% комиссіонныхъ) просить А. И. Аниховскаго переговорить съ г. завѣдующимъ магазиномъ попечительства и просить его ограничиться только 10% комиссіонныхъ.

4) И. В. Будринъ, въ связи съ проектомъ постройки зданія для музея, сообщилъ, что городъ предполагаетъ ознаменовать день созыва 1-го Русскаго Парламента—Государственной Думы—сооруженіемъ какого-нибудь общепользнаго учрежденія и что для этого городомъ уже выбрана комиссія, гдѣ онъ состоитъ членомъ.

По поводу этого сообщенія постановлено: 1) просить И. В. провести мысль въ этой комиссіи о постройкѣ зданія историко-археологическаго музея Оренбургскаго края и 2) въ случаѣ согласія этой комиссіи и по представленію г. Пюнтковскимъ обѣщаннаго имъ плана подвергнуть проектъ совмѣстному съ ней обсужденію.

5) Заслушано отношеніе городской управы отъ 20 мая 1906 г. по поводу капитала, собраннаго на соору-

женіе памятника Неплюеву, изъ котораго видно, что къ 1 мая 1906 г. капиталъ составлялъ 5268 руб. 90 к.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію:

6) Заслущанъ журналъ городской думы на 13 апрѣля 1906 г., изъ котораго видно, что городская дума, согласно предложенію Комиссіи ознаменовать память Витевскаго чѣмъ-нибудь полезнымъ, постановила учредить съ текущаго года стипендію имени Витевскаго при Оренбургской мужской гимназій.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и сообщить объ этомъ семьѣ почившаго.

7) Изъ того же журнала думы видно, что ею предложено образовать, по сношенію съ Архивной Комиссіей, особый фондъ для увѣковѣченія памяти перваго исторіографа Оренбургскаго края Н. И. Витевскаго. И. В. Будринъ, гласный городской думы, присутствовавшій на означенномъ засѣданіи, пояснилъ, что дума имѣла въ виду учрежденіе поощрительной преміи имени Витевскаго для изслѣдователей мѣстнаго края, по всѣмъ отраслямъ знанія, а выработку условій и правилъ о преміи представить Архивной Комиссіи. Предложеніе думы принято, а разработка вопроса поручена г. предсѣдателю Комиссіи.

8) Предсѣдатель доложилъ, что вопросъ объ ассигнованіи войсковымъ хозяйственнымъ правленіемъ Оренбургскаго казачьяго войска субсидіи Архивной Комиссіи, повидимому, близится къ благополучному окончанію.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

9) Предсѣдатель доложилъ, что г. Каримовъ отказался печатать изданія Комиссіи по прежней цѣнѣ (5 р. съ печатнаго листа) и проситъ теперь 10 рублей въ виду болѣе тяжелыхъ условій типографскаго дѣла.

Постановлено: просить г. Каримова продолжать печатаніе по 8 рублей за листъ (цѣна другихъ типогра-

фій), а въ случаѣ отказа, донечатать у него изданіе, а затѣмъ искать болѣе подходящей типографіи.

10) Предсѣдатель доложилъ, что за услуги, оказанныя Комиссіи, были избраны въ дѣйствительные члены начальникъ Ташкентской дороги г. Стульгинскій и помощникъ начальника г. Кернъ; г. Кернъ за избраніе прислалъ благодарность, а г. Стульгинскій навсегда выѣхалъ изъ Оренбурга, такъ что даже извѣщеніе Комиссіи не отыскало его.

Постановлено: относительно г. Стульгинскаго считать избраніе его не состоявшимся.

11) Предсѣдатель доложилъ, что г. Рождествинъ, другъ семьи Витевскаго, прислалъ свою рукопись о Витевскомъ, которую и просилъ напечатать въ трудахъ Комиссіи. Въ виду того, что Комиссіей уже поручено составить некрологъ Витевскаго М. Л. Юдину и С. Н. Севастьянову, то постановлено и этотъ матеріалъ передать имъ и просить М. Л. Юдина доложить о немъ Комиссіи.

12) Товарищъ предсѣдателя доложилъ, что портретъ Витевскаго уже увеличенъ и остается его отретушировать, о чемъ онъ уже и просилъ члена Комиссіи Курашкевича.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

13) Предсѣдатель доложилъ, что согласно просьбы Комиссіи старшій сынъ г. Витевскаго прислалъ бумаги покойнаго, имѣющія отношеніе къ его работамъ объ Оренбургскомъ краѣ.

Постановлено: благодарить и хранить въ отдѣлѣ рукописей Комиссіи.

14) Товарищъ предсѣдателя доложилъ, что ему удалось розыскать считавшееся пропавшимъ дѣло объ учиненіи негласнаго надзора надъ А. С. Пушкинымъ.

Постановлено: благодарить.

15) Предсѣдатель доложилъ, что П. Н. Столпянскій пожертвовалъ Комиссіи около 100 книгъ и плановъ, среди которыхъ есть библиографическія рѣдкости. При этомъ П. Н. Столпянскій прислалъ письмо, въ которомъ предлагаетъ слѣдующее: 1) какъ жертвуемые имъ книги, такъ и имѣющіяся подобнаго же содержанія въ библиотекѣ Комиссіи выдѣлить въ особый отдѣлъ—мѣстный съ особой нумераціей и особымъ каталогомъ; 2) обратиться во всѣ учрежденія какъ города, такъ и губерніи съ просьбою присылать всѣ печатныя изданія этихъ учреждений, какъ-то отчеты, доклады и проч.

Постановлено: П. Н. Столпянского благодарить, второе его предложеніе принять и привести въ исполненіе, хотя оно уже практикуется Комиссіей, а первое его предложеніе выполнить въ настоящее время не позволяетъ тѣснота помѣщенія Комиссіи, во всякомъ случаѣ имѣть его въ виду и привести въ исполненіе, когда это позволитъ помѣщеніе музея.

16) Товарищъ предсѣдателя доложилъ, что при покупкѣ помѣщичьихъ земель крестьянскимъ банкомъ инвентарь ихъ продается съ аукціона, причемъ много старинныхъ вещей, книгъ, рукописей и т. п. продаются или за безцѣнокъ, или съ пуда.

Постановлено: въ виду предупрежденія столь печальной утраты съ историко-археологической точки зрѣнія часто весьма цѣнныхъ вещей просить крестьянскій банкъ, не можетъ-ли онъ въ подобныхъ случаяхъ увѣдомлять о продажѣ Архивную Комиссію, чтобы она могла съ своей стороны принять мѣры къ ихъ сохраненію. Г-нъ предсѣдатель взялъ на себя лично переговорить объ этомъ съ управляющимъ Оренбургскимъ отдѣленіемъ крестьянскаго банка.

17) Предсѣдатель доложилъ, что проданъ одинъ экземпляръ монографіи Витевскаго за 9-ть рублей.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и деньги передать Городской Управѣ.

18) товарищъ предсѣдателя предлагаетъ поспѣшить съ подпискою на сооруженіе музея. Собраніе согласилось съ мнѣніемъ г. Аниховскаго.

19) Предсѣдатель для облегченія труда правителя дѣлъ предложилъ избирать 2-хъ правителей дѣлъ, какъ это было въ началѣ дѣятельности Комиссіи, при чемъ одинъ-бы вѣдалъ дѣла Комиссіи,—какъ административнаго учрежденія, другой, какъ ученаго общества, или учредить должность помощника правителя дѣлъ.

Постановлено: въ принципѣ согласиться съ предсѣдателемъ, но окончательное обсужденіе возбужденнаго имъ вопроса отложить до слѣдующихъ засѣданій.

20) В. В. Карлсонъ представилъ слѣдующую справку членовъ Тургайской партіи за лѣто 1905 года.

1) Агафоновъ, Н. старшій топографъ: въ № 1-мъ аулѣ Кара-Тургайской волости Актюбинскаго уѣзда на лѣвой сторонѣ р. Илека, въ 3 хъ верстахъ отъ ст. Ташкентской ж. д. Яйсанъ имѣется масса старинныхъ могилъ, всѣ въ одномъ мѣстѣ, въ видѣ бугровъ. Бугры каменные и земляные, повидимому, старинные, т. е. обросли травою. Въ 1-й верстѣ отъ берега есть старое кладбище, въ серединѣ котораго возвышается холмъ «Оба» съ крутою могильною насыпью, а на послѣдней навалены груды камней, все дикари. На этихъ камняхъ имѣются какія-то надписи.

2) Пославскій, Александръ Герасимовичъ, старшій топографъ. Въ 45-ти верстахъ отъ г. Оренбурга, у р. Бердянки, расположенъ поселокъ Михайловскій: въ 1 1/2-верстномъ разстояніи отъ рѣчки, по сѣверной границѣ

поселка, въ 50-ти саженьяхъ вправо отъ границы находится, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ — калмыцкая — могила, обрацающая на себя вниманіе большою кучею наваленныхъ камней. Раскопки, повидимому, не производились.

Въ Кустанайскомъ уѣздѣ, въ Джеты-Гаринской волости, существуетъ гора, выдѣляющаяся надъ общей поверхностью сажень въ 30—40. Около горы имѣются могилы съ искусственно наложенными камнями.

По словамъ одной слѣпой старухи киргизки (калмыцкаго происхожденія) въ одной изъ такихъ могилъ имѣется кладъ. Въ одной верстѣ отъ горы, если не убоина, лежитъ каменная баба, (?) мѣстами поврежденная.

3) Реезе, Александръ Николаевичъ, топографъ; въ 1-мъ аулѣ Бестамакской волости, на Южной окраинѣ Актюбинскаго уѣзда, имѣется старинная могила, по имени Кара-Мола — «Черная могила». Съ одной стороны она обложена четырехугольными плитами съ изразцами. Въ землѣ, у основанія могилы, сохранились простыя кирпичи и обожженные, наружная сторона которыхъ была съ поливой. — Маршрутъ поѣздки: черезъ Бестамакъ (почт. ст.).

Въ 1-мъ аулѣ той же волости на р. Коктюбѣ, въ 15-ти верстахъ отъ ж. дорожной станціи, имѣется могила, подъ названіемъ «Кутебай-Батыръ-Мола», сложенная изъ кирпичей. Въ ней, говорятъ, похоронена только одна рука богатыря Кутебая, который былъ убитъ въ борьбѣ съ какимъ-то народомъ. Камни и кирпичи могилы съ поверхности обросли травой. Форма могилы круглая.

Маршрутъ поѣздки: черезъ ст. Акъ Кемиръ Ташкентской ж. дороги.

4) Скобейко, Адольфъ Адольфовичъ, топографъ. Въ Джамбейтинской волости Уральскаго уѣзда, въ 30-ти верстахъ на с.-в. отъ Джамбейтинской ставки (базаръ),

находится могила „Абиль“. Въ 12-ти верстахъ отъ того-же базара на ю-в. имѣется деревянная могила, называемая Абель-бейсь, существующая около 100 лѣтъ.

Въ верховьяхъ рѣчки Кара-Оба, въ юго-восточной части Бурлинской волости, имѣется замѣчательная насыпь „Кара-Оба“; она представляетъ собою насыпь, устроенную на плоской возвышенности, съ выемкою. Стѣны насыпи вышиною около 15 саж., діаметръ, углубленія 6 - 8 саж., по наружному виду насыпь представляетъ съ одной стороны, съ запада, наклонный усѣченный конусъ, съ другой стороны эллиптическую форму. Выемка настолько глубокая, что въ ней можно спрятаться верхомъ на лошади.

Кругомъ эта насыпь окружена рядомъ насыпей меньшей величины.

Въ верховьяхъ р. Чедырты въ Лбищенскомъ уѣздѣ Уральской области имѣется каменная могила.

5) Котковский, топографъ Въ 5-мъ аулѣ Чингырлауской вол., Уральск. у., есть возвышенный курганъ «Оба». На этой возвышенности устроенъ валъ четырехугольный, въ одномъ мѣстѣ имѣющій выходъ; стѣна вала высотой $1\frac{1}{2}$ арш., толщиною тоже $1\frac{1}{2}$ арш., и каждая сторона длиною въ 30 сажень. Валъ стоитъ на плато и сложенъ изъ земли. Около вала разрытый холмъ.

Киргизы говорятъ, что валъ этотъ сдѣланъ для защиты отъ нападенія калмыковъ. Теперь всѣ стѣны поросли ковыломъ.

На границѣ Карабдинской и Бурминской волостей находится могила, называемая «Машбетъ-тау-мола» или просто «Молбаса» (настоящее киргизское названіе); могила сложена въ видѣ свода изъ бѣлаго известняка, очевидно привезеннаго, т. к. сама гора не известковаго происхожденія и кругомъ извести нѣтъ. Стоитъ она на

высокомъ плато. Въ могилѣ похороненъ богатырь Молбаса и къ этой могилѣ ходитъ молодежь (особенно мужская) поклоняться и на камняхъ вѣщаютъ тряпочки съ завернутыми въ нихъ монетами. Есть повѣрье, что отъ этого человѣкъ набирается смѣлаго духа; мѣсто считается священнымъ; такъ, напримѣръ, когда при работахъ партіи необходимо было ставить тригонометрическій пунктъ, то жители совѣтывали не лазить на верхъ, т. к. это «грѣшно», и пришлось устроить пунктъ на сторонѣ. Маршрутъ поѣздки: черезъ г. Уральскъ, оттуда 60 верстъ.

Въ 12-мъ аулѣ Джамбейтинской волости, Уральскаго уѣзда, есть замѣчательная гора Джиренъ-тау (Джесенъ-тау на нѣкоторыхъ картахъ), въ восточной общинѣ. Здѣсь, около самой дороги, возвышается отвѣсная гора высотой сажень въ 40, а длиною сажень 200. По другую сторону образовался въ горѣ провалъ, отчего получился хребетъ. На вершинѣ одной изъ горъ находится могила богатыря, рядомъ съ нимъ по преданію былъ похороненъ его сынъ, но вслѣдствіе провала, образовавшагося въ горѣ, могила сына оказалась отдѣленной и отчасти разрушилась. Взобраться на вершину горы совершенно невозможно. Могила этого Джиренъ-батыря тоже считается священной. Отъ нея получили свое названіе вся гора и протекающая внизу рѣчка Джиренъ (Исентау), мутная отъ частицъ мѣла, изъ котораго состоитъ гора, и богатая змѣями. Между прочимъ гора замѣчательна тѣмъ, что вечеромъ на разстояніи $\frac{1}{2}$ версты отъ нея издается прекрасное эхо.

Постановлено: благодарить В. В. и просить его передать благодарность Комиссіи всѣмъ принявшимъ участіе въ собираніи справокъ, а также нанести эти пункты на карту.

21) В. В. Карлсонъ доложилъ, что у г. Леопольдова и г. Пославскаго имѣются интересные находки: у г. Пославскаго нѣсколько мѣдныхъ пластинокъ, а у г. Леопольдова плоскій сосудъ.

Постановлено: просить гг. Леопольдова и Пославскаго черезъ г. Карлсона пожертвовать эти вещи въ музей.

22) Предсѣдатель доложилъ объ имѣющихся у него слѣдующихъ археологическихъ замѣткахъ:

1. Въ № 1859 «Оренбургской Газеты» за 1903 г. въ корреспонденціи изъ д. Кульчумовой, Бурзянъ-Капчакской волости, сказано, что вокругъ этой деревни встрѣчаются большіе курганы, а на возвышенныхъ мѣстахъ и на горахъ есть древнія могилы, заваленныя кучами каменьева.

2. Земскій начальникъ 1 участка Оренбургскаго уѣзда г. Мазинъ сообщилъ Комиссіи, что значительное число кургановъ находится на возвышенности Сырта между деревнями Петропавловской, Хлѣбородомъ, С.-Екатериновской и с. Григорьевкой Никольской волости, Оренбургскаго уѣзда.

3. Въ № 14 «Тургайской Газеты» 1903 г. помѣщена замѣтка Н. Иванова подъ заглавіемъ: «Къ археологіи Тургайской области», въ которой авторъ указываетъ, на основаніи архивныхъ справокъ, нѣкоторые памятники древности въ киргизскихъ степяхъ

4. Д. чл. д-ръ Венедиктовъ сообщилъ предсѣдателю выписку изъ письма доктора Блажеевича о найденной имъ каменной бабѣ; баба лежала на землѣ въ дачахъ 2-го аула Эмбо-Темировской области, Темирскаго уѣзда, Уральской области; баба разбита пополамъ по грудь, верхняя часть (голова и грудь) цѣла, туловище разбито на куски. Ранѣе она была, по словамъ киргизъ, цѣла и стояла. Мѣстность холмистая, кругомъ овраги, но особен-

ностей нѣтъ никакихъ. Баба изъ плоскаго чечаника крупныхъ размѣровъ (верхній обломокъ 1 1/4 арш.); замѣтны черты лица, очертаніе женскихъ грудей и, повидимому, на шеѣ ожерельѣ. Д-ръ Блажевичъ отправилъ ее въ этнографическій музей въ Варшавѣ. Д-ръ Венедиктовъ опредѣляетъ, что мѣстность нахожденія бабы находится близъ желѣзнодорожной станціи «Мугоджарская».

Постановлено: принять къ свѣдѣнію:

23) Предсѣдатель доложилъ о составленномъ нѣкогда А. И. Добросмысловымъ проектѣ воззванія на построеніе памятника Неплюева.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и хранить на случай могущей встрѣтиться надобности.

24) Предсѣдателемъ былъ возбужденъ окончательный вопросъ о печатаніи мемуаровъ И. В. Чернова.

Постановлено: начать печатаніе ихъ въ обработкѣ И. С. Шукшинцева, просить только послѣдняго опустить предисловіе, предполагавшееся было къ отпечатанію въ видѣ примѣчанія; статьи изъ «Огонька» о Перовскомъ — опустить, какъносящія слишкомъ анекдотическій характеръ; помѣстить слѣдующія, размѣромъ 9×12, портреты и виды зданій:

Портреты:

И. В. Чернова.
И. И. Неплюева.
О. А. Игельстрома.
Н. И. Бахметьева.
Г. С. Волконскаго.
П. К. Эссена.
П. М. Сухтелена.
В. А. Перовскаго.
В. А. Обручева.
А. А. Катенина,

Виды:

Могила И. В. Чернова.
Домъ И. В. Чернова.
Домъ Ладыгина.
Бесѣдка въ саду.
Колонна Александра I.
Губернаторскій домъ.
Караванъ-Сарай.
Общественное собраніе.
Водопроводъ.
Контрольная палата,

А. П. Безака. Соборъ.

Н. А. Крыжановскаго.

Списаться относительно исполненія этихъ иллюстрацій автотипіей.

Напечатать изданіе въ количествѣ 600 экземпляровъ.

25) М. Л. Юдинъ пожертвовалъ въ музей Комиссіи нѣсколько израсцовъ (современныхъ) отъ Джуми-медресе и дворца Худояръ-хана и фотографии Джуми-медресе.

Постановлено: благодарить и принять.

26) И. В. Будринъ пожертвовалъ 6 томовъ «Пермской лѣтописи» изданной директоромъ народныхъ училищъ Пермской губ. В. Шишонко.

Постановлено: принять и благодарить.

ПРОТОКОЛЬ № 11.

Очередное засѣданіе 16-го ноября.

Подъ предсѣдательствомъ А. В. Попова присутствовали: А. Л. Аниковскій, А. П. Гра и гость М. И. Козуляевъ.

Предметы засѣданія были слѣдующія:

1) Предсѣдатель доложилъ замѣтку учителя Петра Чижова, помѣщенную въ «Оренбургской Газетѣ» отъ 28 октября 1906 года за № 2712, о томъ, что въ Архивной Комиссіи уже много дѣлъ есть использованныхъ, но не имѣется данныхъ, гдѣ, въ какомъ печатномъ органѣ и съ какой стороны использованы дѣла.

Постановлено: завести при канцеляріи Архивной Комиссіи особую книгу, куда и долженъ будетъ каждый, использовавшій дѣло, заносить «къмъ, когда, въ какомъ печатномъ органѣ и съ какой стороны использовано дѣло».

2) Предсѣдатель доложилъ о полученіи ассигнован-

ныхъ войсковымъ хозяйственнымъ правленіемъ на усиленіе средствъ Архивной Комиссіи на 1906 г. 150 р.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и напечатать въ трудахъ Комиссіи описаніе дѣлъ казачьяго отдѣла.

3) Предсѣдатель доложилъ, что онъ обращался къ г. управляющему Оренбургскимъ отдѣленіемъ крестьянскаго поземельнаго банка В. Н. Фоссъ и просилъ его, что если отдѣленіемъ будутъ куплены имѣнія, въ коихъ могутъ оказаться какіе либо предметы старины, имѣющіе археологическое значеніе, или библіотеки,—то освѣдомлять объ этомъ Комиссію, дабы она имѣла возможность приобрести таковыя для себя, на что г. Фоссъ выразилъ свое согласіе и любезно обѣщалъ исполнить просьбу.

Постановлено: благодарить г. Фоссъ за его сочувствіе къ дѣятельности Комиссіи.

4) Предсѣдатель представилъ письмо дочери покойнаго почетнаго члена Комиссіи В. Н. Витевскаго—Зинаиды Витевской, въ которомъ она проситъ исходатайствовать ей и сестрѣ ея Ольгѣ передъ Постоянною комиссіею для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, состоящею при Императорской Академіи Наукъ, о продленіи ежемѣсячнаго пособія на 1907 годъ по 10 рублей.

Постановлено: войти съ ходатайствомъ передъ вышеуказанною Комиссіею о продленіи пособія г-жамъ Витевскимъ, представивъ копію протокола совѣщательнаго присутствія врачебнаго отдѣленія Казанскаго губернскаго правленія отъ 1 февраля 1906 года за № 3155 и свѣдѣтельства, выданнаго приватъ-доцентомъ Казанскаго университета Левчаткинымъ, отъ 25 октября 1906 года за № 150—79 о болѣзненномъ состояніи просительницъ.

5) Оренбургская духовная консисторія отношеніемъ отъ 25 сентября 1906 года за № 11081, увѣдомила, что

предложеніе Архивной Комиссіи объ образованіи при музее особаго церковно-археологическаго отдѣла обще-епархіальнымъ съѣздомъ депутатовъ Оренбургскаго духовенства принято къ свѣдѣнію и выражено желаніе всѣми членами содѣйствовать образованію отдѣла.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію:

6) Доложено увѣдомленіе непремѣннаго секретаря Императорской Академіи Наукъ отъ 9 ноября 1906 года за № 1395 о высылкѣ Академическихъ изданій, просимыхъ Комиссіею, и просьба въ свою очередь о высылкѣ полной серіи изданій Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи въ Азіатскій музей Академіи.

Постановлено: выслать.

7) Доложено письмо г. Миронова, въ которомъ онъ проситъ выслать ему по адресу С.П.Б., Мойка 32. кв. 8, по три экземпляра всѣхъ изданій Комиссіи и затѣмъ высылать таковыя по мѣрѣ выхода новыхъ изданій — въ томъ же количествѣ, для комиссіонной продажи.

Постановлено: послать г. Миронову оглавленіе всѣхъ изданій, при этомъ увѣдомивъ его, что таковыя могутъ быть высылаемы лишь наложеннымъ платежемъ со скидкой 20%.

8) Письмо дѣйствительнаго члена Комиссіи А. И. Мякутина, въ которомъ онъ сообщаетъ, что на фронтонѣ Георгіевскаго войскаго собора съ незапамятныхъ временъ помѣщался щитъ съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца; въ этомъ-же году лѣтомъ этотъ щитъ по случаю ремонта былъ куда-то убранъ, а на его мѣстѣ были нарисованы иконы «Покровъ Божіей Матери», «Серафима Саровскаго» и др. св. Докладчикъ высказывается, что такая замѣна стариннаго и дорогаго для казачества предмета не желательна, а потому проситъ Комиссію обратить вниманіе, когда слѣдуетъ, на это новшество,

Постановлено: содѣйствовать возвращенію традиціоннаго щита на его прежнее мѣсто или же просить причтъ войскового собора Георгія Побѣдоносца пожертвовать означенный щитъ въ Комиссію.

9) Наслѣдниками умершаго почетнаго члена Комиссіи И. И. Евфимовскаго-Мировицкаго пожертвованъ его портретъ, исполненный масляными красками.

Постановлено: принять означенный портретъ и хранить въ музеѣ.

10) Предсѣдатель вкратцѣ реферировалъ «Отчетъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Харьковской и Воронежской губерніяхъ» Н. В. Макаренко и «Сказки сартовъ въ русскомъ изложеніи» Н. П. Остроумова.

11) М. Л. Юдинъ пожертвовалъ 34 портрета Высочайшихъ особъ и общественныхъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и нѣсколько номеровъ газеты «Россія», посвященныхъ 19-му февраля 1861 года, съ приложеніемъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

Постановлено: принять и благодарить.

12) Письмо начальника Ишкашимскаго поста Памирскаго отряда хорунжаго Лысова отъ 20 августа 1906 года за № 84, въ которомъ онъ сообщаетъ, что въ окрестностяхъ Ишкашимскаго поста есть шесть древнихъ Сіанушскихъ (Сіанушъ — человекъ, одѣтый въ черное) крѣпостей, хорошо сохранившихся и построенныхъ на большой высотѣ, въ видѣ орлиныхъ гнѣздъ; по преданію Сіануши поселились здѣсь слѣдующимъ образомъ: когда Александръ Македонскій покорилъ древній Самаркандъ, то выслалъ на югъ черезъ горы отрядъ для покоренія Индіи, дабы этотъ отрядъ тамъ его встрѣтилъ; по преданію извѣстно, что этотъ отрядъ ушелъ, но что съ нимъ случилось — неизвѣстно. Докладчикъ предполагаетъ, что от-

рядъ этотъ былъ остановленъ въ своемъ движеніи горными племенами Яшеніана, Бадахшана, Каттагана и Асагара, очень воинственными, и долженъ былъ укрѣпиться, покоривъ жителей нынѣшняго Вахана, Ишкашима и Горома; спустя нѣсколько столѣтій, по преданію, они были изгнаны горцами — или сами ушли (докладчикъ высказывается, что это хорошенько нельзя было узнать отъ мѣстныхъ жителей) и поселились около озеръ «Цакаръ-Чумо» и «Цакаръ-Морари», на самыхъ страшныхъ высотахъ Гималайскаго хребта, недалеко отъ границы Тибета. Въ настоящее время это бѣдное горное племя, вымирающее, со своеобразными обычаями и нравами: по словамъ знающихъ языкъ Сіапушей, ихъ осталось немного въ Ваханѣ, очень походить на греческій и даже есть много чисто греческихъ словъ. Далѣе докладчикъ указываетъ мѣстонахожденіе означенныхъ шести крѣпостей и въ то же время сообщаетъ, что объ этихъ крѣпостяхъ и людяхъ существуетъ между мѣстнымъ населеніемъ масса всевозможныхъ легендъ. Въ концѣ письма докладчикъ предлагаетъ свои услуги Комиссіи, такъ какъ Комиссія съ давнихъ поръ поставила себѣ непремѣнною обязанностью, по мѣрѣ возможности, производить всевозможныя изысканія и изслѣдованія въ области археологіи, естествознанія, этнографіи и т. п., не ограничиваясь лишь Оренбургскою губерніею.

Постановлено: навести справку у компетентныхъ лицъ, напр. профессора В. В. Бартольда, объ указанныхъ выше племенахъ, засимъ принять любезное предложеніе г. Лысова и просить его доставлять въ Комиссію свѣдѣнія не только о Сіапушахъ, но вообще обо всемъ, что на его взглядъ можетъ быть интереснымъ изъ жизни другихъ племенъ; мелкія предметы высылать наложеннымъ пла-

тежемъ, а о высылкѣ крупныхъ предварительно списываться съ Комиссіею.

13) По предложенію А. Л. Аниховскаго избранъ въ дѣйствительные члены Комиссіи М. И. Кузуляевъ, чиновникъ Оренбургскаго отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка.

14) Вслѣдствіе неприбытія на засѣданіе правителя дѣлъ, председатель снова просилъ избрать въ помощь ему кого либо изъ членовъ Комиссіи, самъ онъ не можетъ справиться со всѣми дѣлами, отъ чего могутъ пострадать интересы Комиссіи.

Постановлено: просить М. И. Козуляева исполнять обязанности помощника правителя дѣлъ, на что онъ любезно согласился.

15) С. П. Ванновъ пожертвовалъ части украшенія сѣдла и узды, найденныя въ с. Шарлыкѣ при рытѣхъ погребѣ у одного изъ крестьянъ.

Постановлено: принять и благодарить г. Баннова и выслать лѣснику, доставившему найденныя вещи, вознагражденіе въ размѣрѣ 1 р. 50 к.

16) Капитаномъ С. Н. Зеленинымъ пожертвовано 22 китайскія вещи, какъ-то: 1) серебряный божокъ, 2) двѣ серебряныя монеты (10 и 20 коп), 3) Одна бумажная ассигнація (3 р), 4) два каменныхъ бога, 5) китайская чашечка для питья «ханши», 6) китайскія игральныя карты, 7) походный ножъ съ костяными палочками, 8) двѣ пары палочекъ для ѣды, 9) двѣ пары вышитыхъ квадратиковъ для изголовья, 10) одна пара китайскихъ башмаковъ, 11) девять штукъ разныхъ китайскихъ картинъ, 12) китайскій карманъ (украшеніе).

Постановлено: принять и глубоко благодарить Зеленина.

17) По предложенію А. Л. Аниховскаго постановлено

послать въ Московское Нумизматическое общество съ просьбою объ опредѣленіи восточныя и др. неизвѣстныя монеты изъ числа пожертвованныхъ г. Мосевянинымъ изъ его раскопокъ «Мамаева городища» около Астраханіи.

ПРОТОКОЛЬ № 12.

Очередное засѣданіе 30-го ноября.

Подъ предѣдательствомъ А. В. Попова присутствовали: товарищъ предѣдателя А. Л. Аниховскій, А. П. Гра, А. В. Васильевъ, І. А. Кастанье, В. В. Карлсонъ, Ю. А. Мабилъ, С. А. Подьяконовъ, П. А. Незнамовъ, И. И. Ивановъ, священникъ Е. А. Орловъ, М. Л. Юдинъ и М. И. Козуляевъ и около 100 человекъ посторонней публики.

Предметы засѣданія были слѣдующіе.

1) Предѣдатель доложилъ о смерти дѣйствительнаго члена Комиссіи Ф. М. Самоцвѣта; обрисовавъ свѣтлую личность покойнаго, какъ человека, много потрудившагося, и какъ общественнаго дѣятеля, предѣдатель указалъ, что благодаря трудамъ и попеченіямъ Ф. М. была спасена часть основаннаго графомъ Сухтеленемъ музея Оренбургскаго края. Музей былъ основанъ графомъ Сухтеленемъ въ 1831 году; за недостаткомъ помѣщенія часть его хранилась при агрономическомъ училищѣ, часть при штабѣ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса и часть при Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ; потомъ всѣ части, хранившіяся какъ при агрономическомъ училищѣ, такъ и при штабѣ отдѣльнаго корпуса, при ликвидаціи генераль-губернаторства въ 1881 году, безслѣдно исчезли; только благодаря попеченіямъ покойнаго Ф. М. главнымъ образомъ сохранилась часть музея при Неплюевскомъ кадет-

скомъ корпусѣ, которая и послужила въ послѣдствіи для П. П. Биркѣ основаніемъ нынѣшняго музея Архивной Комиссіи, причемъ предсѣдатель предложилъ составить некрологъ его и напечатать въ трудахъ Комиссіи. Память почившаго была почтена вставаніемъ.

Постановлено: принять предложеніе предсѣдателя и просить А. П. Гра составить некрологъ покойнаго Ф. М., на что А. П. изъявилъ согласіе.

2) Дѣйствительный членъ І. А. Кастанье доложилъ о произведенныхъ имъ минувшимъ (1906 г.) лѣтомъ раскопкахъ шести кургановъ въ Тургайской области Актюбинскаго уѣзда. Раскопки были произведены въ бассейнѣ рѣки Жаксы-Каргала; изъ раскопанныхъ кургановъ оказались:

четыре съ однимъ погребеніемъ,
одинъ съ двумя погребеніями,
одинъ съ тремя погребеніями.

Всѣ предметы, найденные при раскопкахъ, докладчикъ г. Кастанье жертвуетъ въ музей, а также жертвуетъ чучело утки «Морянки» съ Аральскаго моря и нѣсколько препарированныхъ ящерицъ, змѣй и хамелеоновъ.

Постановлено: докладчика благодарить, пожертвованія принять, а отчетъ о раскопкахъ напечатать въ Трудахъ Комиссіи.

3) Дѣйствительный членъ Комиссіи священникъ Е. А. Орловъ доложилъ, что въ бытность его на службѣ при церкви поселка Смѣлаго имъ случайно были замѣчены въ домѣ владѣльца паровой мукомольной мельницы Владиміра Тимофеева, Троицкаго купца, древняя стальная кольчуга и 2 наконечника желѣзныхъ копій, каковыя вещи были найдены при раскопкахъ башкирами 2-хъ кургановъ значительной величины, находящихся верстахъ въ 15 на ю.-з. отъ поселка Смѣлаго, по дорогѣ на мель-

ницу Тимофеева; докладчикъ предупреждаетъ Комиссію о хищническихъ раскопкахъ и предложилъ принять мѣры, дабы памятники древности не подвергались расхищенію.

Постановлено: принять докладъ къ свѣдѣнію и просить докладчика оказать содѣйствіе къ пожертвованію означенныхъ вещей въ Комиссію, о чемъ и спестись съ г. Тимофеевымъ.

4) Предсѣдатель Комиссіи доложилъ, что А. П. Гра, по просьбѣ Комиссіи, разсмотрѣлъ въ рукописи некрологъ В. Н. Витевскаго, составленный г. А. Рождественнымъ, и нашелъ его вполне отвѣчающимъ желаніямъ Комиссіи. Предсѣдатель предлагаетъ напечатать этотъ некрологъ съ портретомъ г. Витевскаго.

Постановлено: означенное предложеніе принять.

5) Предсѣдатель доложилъ замѣтку, помѣщенную въ «Оренбургской газетѣ» отъ 28 ноября 1906 г. за № 2736, о нѣсколькихъ памятникахъ древности въ станицѣ Донецкой Оренбургскаго уѣзда. Замѣтка слѣдующая: «Въ урочищѣ станицы до сего времени сохранились памятники древности, едвали извѣстные Оренбургскимъ любителямъ древностей. По лѣвую, на примѣръ, сторону протекающей здѣсь р. Сакмары расположено восемь холмовъ, подъ общимъ названіемъ «восемь чудскихъ кургановъ». Одинъ изъ нихъ господствующій по своему положенію и объему. Точныхъ указаній ни словесныхъ, ни письменныхъ объ этихъ памятникахъ не имѣется, но судя по событіямъ, происходившимъ здѣсь во время оно, въ нѣдрахъ означенныхъ памятниковъ должны содержаться вещественныя доказательства времени ихъ возникновенія. Холмъ «землянка Стеньки Разина», представляетъ остатокъ развалившейся древней постройки. Еще холмъ «Стеньки Разина дворъ» содержитъ также остатки древнихъ сооруженій».

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

6) Предсѣдатель представилъ письмо дѣтей умершаго Витевскаго, въ которомъ они благодарятъ Оренбургскую Ученую Архивную Комиссію за учрежденную, благодаря ея почину, Оренбургской городской думой при мужской гимназіи стипендію имени умершаго В. Н. Витевскаго и премію его же имени за лучшія сочиненія, касающіяся Оренбургскаго края.

7) Г. Яворскій пожертвовалъ абордажный пистолетъ и «Виды изображенія къ живописному путешествію въ Южную и Сѣверную Америку». Священникъ Орловъ пожертвовалъ старинную рукопись, портретъ-гравюра Августина епископа Оренбургскаго и Уфимскаго 1818 года и 5 старинныхъ монетъ. М. Л. Юдинъ — нѣсколько книгъ. Г. Шляковъ — нѣсколько изданій своихъ трудовъ, какъ-то: 1) «Ермакъ Тимофѣевичъ лѣтомъ 1581 года». 2) «Троянъ въ словѣ о полку Игоревѣ», 3) «Начало казачества въ Россіи», 4) «Легкій способъ опредѣленія дня недѣли и пасхи» и 5) «Крестный ходъ на воду» и просилъ зачислить его дѣйствительнымъ членомъ Архивной Комиссіи.

Постановлено: принять, благодарить жертвователей и избрать г. Шлякова членомъ Комиссіи.

8) По предложенію г. Незнамова избранъ въ дѣйствительные члены Комиссіи Василій Андреевичъ Байкинъ — помощникъ начальника службы движенія Ташкентской желѣзной дороги.

12) Постановлено: возмѣстить расходы, понесенные г. Кастанье при раскопкахъ имъ шести кургановъ; размѣръ вознагражденія обсудить въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій.

протоколъ № 13.**Очередное засѣданіе 21-го декабря.**

Подъ предсѣдательствомъ А. В. Попова присутствовали: А. А. Аниховскій, В. В. Карлсонъ и А. П. Гра.

1) Заслущаны и утверждены протоколы № 10, 11 и 12.

2) Разсматривался вопросъ о возмѣщеніи расходовъ І. А. Кастанье, произведенныхъ имъ во время археологической экскурсіи лѣтомъ 1906 года.

Постановлено: выдать І. А. Кастанье въ возмѣщеніе расходовъ 50 рублей.

3) Разсматривался вопросъ о праздничныхъ наградахъ.

Постановлено: сторожу Комиссіи Гурееву въ виду его непродолжительной еще службы отложить выдачу награды до Пасхи, а думскимъ служителямъ выдать награды въ прежнемъ размѣрѣ.

4) Разсматривался вопросъ о назначеніи дня годишнаго общаго собранія; въ виду того, что правитель дѣлъ въ текущемъ году засѣданій не посѣщалъ, то и постановили просить г. предсѣдателя составить вмѣсто него годишный отчетъ и по изготовленіи онаго созвать общее собраніе.

5) Предсѣдателемъ былъ снова возбужденъ вопросъ объ учрежденіи новой должности второго правителя дѣлъ или его помощника, одного завѣдующаго научной частью, а другого завѣдующаго административной частью дѣлопроизводства Комиссіи.

Постановлено: просить предсѣдателя выработать инструкцію ихъ дѣятельности и затѣмъ поставить этотъ вопросъ на общее собраніе.

6) Предсѣдатель предложилъ въ члены Комиссіи

Мухамедъ-Закиръ Мухамедъ-Садыковича Рамеева, который и былъ избранъ единогласно.

8) Предсѣдатель согласно постановленія № 10 протокола доложилъ составленный имъ проэктъ объ учрежденіи преміи имени Витевскаго.

По разсмотрѣннй проэктъ былъ одобренъ и постановлено сообщить его всѣмъ существующимъ въ Оренбургѣ обществамъ для просмотра и заключенія, а затѣмъ уже представить на разсмотрѣніе и утвержденіе въ городскую думу.

9) Предсѣдатель доложилъ, что XVI и XVII выпуски Трудовъ Комиссіи вышли изъ печати.

10) А. В. Леопольдовымъ принесены въ даръ Комиссіи каменное плоское блюдо на 3-хъ ножкахъ, удила, и стремена, добытыя изъ кургановъ.

Постановлено: принять, жертвователя благодарить и просить А. Л. Аниховскаго узнать отъ г. Леопольдова обстоятельства находки.

11) Уѣзднымъ исправникомъ доставлены дополнительные предметы къ посылкѣ Баннова (см. прот. № 11) состоящія изъ бусъ, обломка мѣднаго кольца и украшеній сбруи.

Постановлено: принять.

12) Дѣйствительнымъ членомъ Комиссіи Н. М. Чернавскимъ принесено въ даръ Комиссіи около 200 книгъ и 12 цинковыхъ клише архіереевъ и начальниковъ края и всѣ его изданія, находящіяся у мѣстныхъ книгопродавцевъ Шагидуллина и книжнаго магазина Михаило-Архангельскаго братства на комиссіи.

Постановлено: принять, жертвователя благодарить и просить А. Л. Аниховскаго привести въ извѣстность вышепоименованныя пожертвованія Н. М. Чернавскаго.

13) Предсѣдатель предложилъ въ почетные члены
академика В. Ө. Миллера.

Вопросъ отложенъ до общаго собранія.

В. Н. Витевскій.

ВЛАДИМІРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ВИТЕВСКІЙ.

Скончавшійся въ Казани 3 января 1906 г. почетный членъ Комиссіи Владиміръ Николаевичъ Витевскій принадлежалъ къ числу видныхъ педагоговъ и ученыхъ. Если принять во вниманіе одно только количество лѣтъ его педагогической дѣятельности и число учено-литературныхъ работъ, то одно это уже даетъ ему право на довольно почетное мѣсто въ исторіи русской науки и просвѣщенія.

В. Н. Витевскій, сынъ священника села Подвалья, Сентилеевскаго уѣзда, Симбирской губерніи, родился 22 іюля 1845 года. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Симбирскомъ духовномъ училищѣ и Симбирской духовной семинаріи. Полнаго семинарскаго курса онъ впрочемъ, не окончилъ. Судя по его автобіографической запискѣ, упоминаемой въ одномъ изъ его некрологовъ, онъ вышелъ изъ семинаріи, разочаровавшись въ схоластической семинарской наукѣ. «Схоластика семинарской науки, говорится въ запискѣ, фарисейство и полный монашескій деспотизмъ, а также недостатокъ профессоровъ, были причиной того, что семинаристъ Витевскій подалъ прошеніе объ увольненіи изъ семинаріи, чтобы приготовить себя въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній» *).

*) «Уральскія Войсковыя Вѣдомости», 1906 г., № 10.

Въ 1866 году, будучи уже 21 года отъ роду, Витевскій выдержалъ экзаменъ въ Императорской Казанской гимназiи и былъ принятъ въ Казанскій университетъ на историко-филологическiй факультетъ стипендіатомъ министерства народнаго просвѣщенiя, а въ 1870 году окончилъ курсъ университета со степенью кандидата и въ томъ же году былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка въ Уральскую, войсковую гимназiю, гдѣ получилъ также уроки исторiи, какъ въ этой гимназiи, такъ и въ «дѣвичьемъ училищѣ», впослѣдствiи преобразованномъ въ гимназiю.

Въ 1874 году Витевскій былъ перемѣщенъ наставникомъ въ Казанскую русско-инородческую учительскую семинарію, гдѣ сначала преподавалъ русскій языкъ, а потомъ исторiю и географію. Здѣсь онъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ съ 1876 по 1890 г. безплатно завѣдывалъ семицарской библіотекой, какъ фундаментальной, такъ и ученической. Вмѣстѣ съ назначеніемъ въ семинарію онъ въ томъ же году былъ допущенъ къ преподаванію русскаго языка и словесности въ Казанской женской Маріинской гимназiи, въ которой служилъ въ теченіе 23 лѣтъ.

Какъ наставникъ, В. Н. Витевскій принадлежалъ къ числу тѣхъ скромныхъ людей, которые безъ шума и рекламы исполняютъ свое скромное дѣло, не заискивая ни у кого популярности, а оставаясь вѣрными своимъ убѣжденіямъ и вѣрованіямъ. Это была типичная великорусская натура. Самая главная отличительная черта его — русское простодушіе и благодушіе. Обладая спокойнымъ, уравновѣшеннымъ характеромъ, онъ имѣлъ замѣчательно доброе, отзывчивое сердце въ тѣ минуты, когда обсуждался проступокъ того или другого ученика. Ни разу не слышалось отъ него холоднаго чиновничьяго приговора,

въ родѣ слѣдующаго: «уеолить какъ непокорнаго, строптиваго, лѣниваго, неисправимаго!» Всегда онъ старался найти осованія, такъ или иначе смягчающія вину подсудимаго. Рѣчь его была всегда необычайно проста и прик-тична. Онъ никогда не виталъ въ области отвлеченныхъ теорій: онъ смотрѣлъ на все съ жизненной точки зрѣнія и потому относился къ ошибкамъ людей вообще и учащихся въ частности въ высшей степени снисходительно.

Онъ часто прихварывалъ и чувствовалъ себя уставшимъ. Но и тогда онъ пользовался огромнымъ авторитетомъ и уваженіемъ со стороны учащихся. Къ каждому его слову ученики прислушивались внимательно и цѣнили его высоко. Чтобы заслужить такую репутацію, учителю нужно обладать очень многими достоинствами, и Влади-миръ Николаевичъ дѣйствительно обладалъ ими.

Среди преподавателей семинаріи есть его ученики. Они съ истиннымъ восторгомъ вспоминаютъ своего лю-бимаго учителя въ лучшіе годы его преподавательской дѣятельности. Въ женской Маріинской гимназіи его на-зывали папашей, и это названіе какъ нельзя больше подходило къ доброму, благодушному преподавателю.

Умѣлое преподаваніе и доброе нравственное воздѣй-ствіе Витевскаго на учащихся неоднократно обращало на себя вниманіе окружного начальства. Педагогическіе со-вѣты учебныхъ заведеній, въ которыхъ служилъ Витеп-скій, многократно поручали ему обязанности, выходящія изъ предѣловъ преподавательской дѣятельности. Онъ много разъ составлялъ и произносилъ рѣчи на торжественномъ актѣ, а также по случаю смерти или юбилейнаго чество-ванія выдающихся писателей и государственныхъ дѣятелей. Когда въ 1883 году извѣстный своей плодотворной педа-гогической дѣятельностью попечитель Казанскаго учебнаго округа Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ оставилъ службу,

педагогическій совѣтъ Маріинской гимназіи поручилъ Витевскому составить привѣтственный адресъ уважаемому попечителю. Нужно отдать справедливость, между многочисленными адресами, поднесенными Шестакову по выходѣ его въ отставку, адресъ Маріинской гимназіи отличается особенной обстоятельностью и изобразительностью.

Насколько высоко цѣнили этотъ адресъ П. Д. Шестаковъ; видно изъ слѣдующихъ заключительныхъ словъ его автобіографіи: «Глубоко трогательны для меня особенно послѣднія слова адреса Казанской Маріинской женской гимназіи: «Да благословитъ васъ Господь своими щедротами и утѣшитъ васъ и глубокоуважаемую супругу вашу Анну Яковлевну счастьемъ дѣтей вашихъ». Спасибо вамъ, мои дорогіе сослуживцы за вашу добрую обо мнѣ память и за ваши теплыя сердечныя пожеланія счастья моимъ милымъ дѣтямъ, доставляющимъ мнѣ столько отрады и утѣшенія. Повторю еще разъ ваши отъ сердца идущія и глубоко проникшія въ сердце слова: «да утѣшатъ насъ съ женою Господь счастьемъ дѣтей нашихъ».

Помимо внѣклассныхъ чтеній въ стѣнахъ учебныхъ заведеній Витевскій нѣсколько разъ читалъ и публичныя лекціи съ благотворительной цѣлью. Въ періодъ служенія въ Уральскѣ онъ прочиталъ въ 1873 году рядъ лекцій объ И. И. Неплюевѣ въ пользу бѣднѣйшихъ учениковъ войсковой гимназіи. Въ томъ же году имъ были прочитаны двѣ лекціи «О голодѣ въ древней Руси» въ пользу голодающихъ крестьянъ Самарской губерніи. Въ 1889 г. Витевскій прочиталъ нѣсколько лекцій объ оренбургской дѣятельности Неплюева въ пользу общества археологій, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ, а въ 1892 году прочелъ въ пользу голодающихъ крестьянъ Казанской губерніи лекцію «О нищенствѣ и мѣрахъ къ прекращенію его въ городахъ».

Въ статьѣ Я. А. Александрова, посвященной памяти В. Н. Витевскаго и весьма тепло написанной, есть такія справедливыя строки: «Вполнѣ компетентные ученые люди, знавшіе труды Витевскаго, считали его достойнымъ быть въ числѣ профессоровъ исторіи, но неумолимая судьба указала ему тернистую дорогу школьнаго учителя. И создалось положеніе, которое подѣ силу лишь такимъ вѣрующимъ и терпѣливымъ людямъ, какъ Владиміръ Николаевичъ. Но и въ его письмахъ иногда вырывались прямо стоны и вопли души. Вотъ что, напримѣръ, читаемъ мы въ одномъ письмѣ: «Не могу даже выразить того прискорбнаго чувства, которое я испытываю при взглядѣ на груды присланныхъ мнѣ для прочтенія изъ сенатскаго архива дѣлъ, сознавая, что до наступленія лѣтнихъ каникулъ я не имѣю времени заняться ихъ изученіемъ. А всему виной, скажу откровенно, матеріальныя недостатки: имѣя и 30 уроковъ въ недѣлю, трудно жить съ семьей, состоящей изъ 10 человѣкъ... Условія учителя, имѣющаго по нуждѣ 30 уроковъ въ недѣлю и труды письменныхъ ученическихъ работъ, далеко не такъ пріятны, какъ положеніе, напримѣръ, профессора университета, обеспеченнаго хорошимъ жалованьемъ и располагающаго достаточнымъ количествомъ времени для ученыхъ занятій: имѣть пять уроковъ ежедневно или пять лекцій въ недѣлю—разница громадная. Я положительно не имѣю времени для отдыха: встаю въ 7 часовъ утра, въ 8 иду на службу, въ 3 часа пополудни измученный и усталый прихожу домой. Съ 5 до 9 занимаюсь съ дѣтьми, репетируя ихъ и разясняя уроки; съ 9 до 12, а иногда до 1 часу ночи сижу или за исправленіемъ ученическихъ тетрадей или за своей монографіей: исправляю корректуру,

читаю архивные материалы, пишу и т. п., и это каждый день» *).

И вотъ несмотря на всѣ столь тягостныя условія жизни В. Н. Витевскій не переставалъ заниматься литературой. Впервые его имя появляется въ нашей періодической печати въ 1869 году, когда въ журналѣ «Странникъ» была напечатана его рецензія на книгу крестьянина В. И. Душина «Воспоминанія о святыхъ мѣстахъ или путешествіе въ Соловецкую обитель». Съ этихъ поръ Витевскій сотрудничалъ въ различныхъ органахъ провинціальной и столичной прессы, помѣщая въ нихъ статьи историческаго, этнографическаго, педагогическаго, публицистическаго и библиографическаго характера. Его статьи печатались въ журналахъ: «Русскій Архивъ», «Древняя и новая Россія», «Семья и Школа», «Православный Собесѣдникъ», «Странникъ», «Благовѣсть», а также въ газетахъ: «Берегъ», «Волжско-Камское Слово», «Волжскій Вѣстникъ», «Казанскій Биржевой Листокъ», «Казанскія Вѣсти», «Оренбургскій Листокъ», «Уральскія Войсковыя Вѣдомости».

Изъ учено-литературныхъ трудовъ Витевскаго наиболѣе извѣстны слѣдующіе: 1) «Расколъ въ уральскомъ войскѣ и отношеніе къ нему духовной и гражданской власти въ XVIII и XIX вв.» 1877—1878 г. 2) «Яицкое войско до появленія Пугачева». 1879 г. 3) «В. А. Жуковскій въ своихъ письмахъ, какъ человекъ и наставникъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II.» К. 1883. 4) «Н. И. Ильминскій, директоръ Казанской учительской семинаріи». К. 1892.

Ко дню священнаго коронованія Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы

*) «Обновленіе», 1906 г., № 83.

Александры Θεодоровны Витевскій составилъ брошюру «Священное коронованіе русскихъ царей и царицъ и чинъ миропомазанія ихъ при вѣнчаніи на царство». Брошюра была издана въ двухъ видахъ: сокращенная и полная. Первая была напечатана на средства переводческой комисіи при братствѣ св. Гурія и переведена на нѣкоторые инородческіе языки для учащихся въ инородческихъ школахъ. Вторая брошюра была издана Казанской городской думой для раздачи народу въ день торжественнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1896 г.

Но самымъ главнымъ и въ то же время самымъ любимымъ, учено-литературнымъ трудомъ Витевскаго является его обширная историческая монографія «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край до 1758 г.». Надъ ней Витевскій работалъ около десяти лѣтъ. Въ февралѣ 1886 года вслѣдствіе предложенія оберъ-прокурора св. синода Витевскій составилъ краткую библиографическую записку о своихъ печатныхъ научно-историческихъ трудахъ, объ ихъ значеніи и цѣли и о потребности изданія въ свѣтъ новаго историческаго труда «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край до 1758 г.», съ приблизительнымъ расчетомъ стоимости изданія. Въ маѣ 1887 года Государь Наслѣдникъ, нынѣ царствующій Государь Императоръ, изволилъ назначить изъ собственныхъ суммъ 1500 рублей въ единовременное пособіе Витевскому на изданіе монографіи о Неплюевѣ, со всѣми приложеніями, какія авторъ признаетъ нужными и полезными.

Въ 1891 году 31-го іюля Витевскій имѣлъ счастье являться Государю Наслѣднику во время его пребыванія въ Уральскѣ по случаю 300-лѣтняго юбилея боевой жизни и существованія уральскаго казачьяго войска. Благоклонно принявъ отъ Витевскаго третій выпускъ монографіи о Неплюевѣ, Государь Наслѣдникъ сказалъ автору

слѣдующія милостивыя слова: «Я въ настоящее время непосредственно знакомлюсь съ тѣмъ краемъ, надъ исторіей котораго вы такъ много потрудились и продолжаете трудиться. Благодарю васъ, желаю вамъ новаго успѣха и надѣюсь, что при помощи Божіей вы кончите свой интересный и полезный трудъ о Неплюевѣ и Оренбургскомъ краѣ».

Въ мартѣ 1895 года при письмѣ генераль-адъютанта Г. Г. Даниловича Витевскій получилъ отъ Государя Императора Николая Александровича 500 руб. на окончаніе монографіи о Неплюевѣ. Въ 1898 году Государь, принявъ экземпляръ законченной Витевскимъ монографіи, посвященной Его Имени, повелѣлъ выразить автору благодарность за поднесеніе означеннаго труда.

Монографія о Неплюевѣ, единодушно признанная ученымъ міромъ весьма цѣннымъ вкладомъ въ историческую науку, за-границей доставила бы автору не только извѣстность и ученую степень, но и капиталъ. Витевскій не подучилъ ни того ни другого. И только благодаря вниманію Государя Императора, давшего средства на печатаніе труда и денежной поддержкѣ Н. Н. Неплюева, потомка основателя Оренбурга, монографія увидѣла свѣтъ и русская историческая наука пополнилась весьма солиднымъ сочиненіемъ. Академія Наукъ удостоила трудъ Витевскаго почетнымъ отзывомъ.

Состоя по выбору дѣйствительнымъ членомъ Оренбургскаго статистическаго комитета съ 1877 г. и общества археологій, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ съ 1879 года, Витевскій за его многочисленные труды по исторіи Оренбургскаго края былъ единогласно избранъ 27 января 1898 г. почетнымъ членомъ Оренбургской ученой архивной комиссіи.

Состоящая при Императорской академіи наукъ «По-

стоянная коммисія для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ» въ своемъ совѣщаніи 21 декабря 1897 года постановила назначить Витевскому пособіе на двѣнадцать мѣсяцевъ съ 1 января 1898 года по 30 рублей въ мѣсяцъ. Это пособіе было возобновляемо и въ послѣдующіе годы.

Имѣя большую семью, терпя постоянную матеріальную нужду, В. Н. Витевскій весьма сочувственно относился всегда къ нуждѣ и горю другихъ. До послѣдняго, можно сказать, дня своей многотрудной жизни онъ принималъ участіе въ судьбѣ многихъ обездоленныхъ лицъ. Не имѣя возможности лично ходатайствовать за нуждающихся, онъ писалъ просительныя письма своимъ друзьямъ и знакомымъ. Письма весьма разнообразны по содержанію, но во всѣхъ нихъ непременно такъ или иначе проявляется одна постоянная черта—это необыкновенная доброта ихъ автора. Его участіе къ судьбѣ бѣдняковъ было удивительно. Онъ вѣчно за кого нибудь хлопоталъ, просилъ и ходатайствовалъ.

Участливое отношеніе В. Н. Витевскаго къ бѣднякамъ и всѣмъ вообще обездоленнымъ въ значительной степени объясняется тѣмъ, что онъ самъ отлично зналъ и понималъ, что такое нужда, что значитъ жить на учительское жалованье съ большой семьей.

Владиміръ Николаевичъ питалъ надежду, что во вниманіе къ его продолжительной педагогической службѣ и учено-литературнымъ трудамъ, ему дадутъ мѣсто директора или по крайней мѣрѣ инспектора въ какомъ нибудь учебномъ заведеніи. Желаніе получить директорскую или инспекторскую должность исходило у Витевскаго не изъ честолюбія, а изъ желанія обезпечить свою семью болѣе или менѣе приличной пенсіей. Надеждамъ, однако, не суждено было осуществиться...

Въ 1897 году Витевскій оставилъ службу въ женской Маріинской гимназіи, а въ 1901 году онъ вышелъ въ отставку и изъ наставниковъ Казанской учительской семинаріи. Получая незначительную пенсію, Владиміръ Николаевичъ терпѣлъ страшную матеріальную нужду. Эта нужда тѣмъ болѣе была чувствительна, что въ послѣдніе два года ему приходилось тратиться на лѣченіе. Тяжело было смотрѣть на физическія и духовныя страданія этого благороднаго и благодушнаго человѣка, всю жизнь проведшаго въ тяжеломъ трудѣ и лишеніяхъ.

Послѣдніе часы жизни В. Н. Витевскаго описаны въ вышеупомянутой мною статьѣ Я. А. Александрова. Вотъ что читаемъ мы здѣсь: «Вечеромъ 2 января Владиміръ Николаевичъ подозвалъ своихъ дѣтей къ себѣ и долго бесѣдовалъ съ ними, говорилъ, что можетъ быть это его послѣдняя бесѣда, и выразилъ сожалѣніе, что не можетъ сдѣлать ничего полезнаго въ такое интересное время для Россіи. «Слабъ становлюсь», добавилъ онъ, стараясь не слишкомъ тревожить дѣтей. Затѣмъ, попросивъ напомнить ему какъ начинается 14 псаломъ царя Давида, онъ сказалъ наизусть все стихотвореніе Языкова: «Кому, о Господи, доступны Твои Сіонскіи высоты». Ночью, часа въ два, онъ впалъ въ безсознательное состояніе, а въ четыре закрылъ глаза и тихо навѣки заснулъ».

Въ прощальной глубоко-прочувствованной рѣчи, произнесенной на могилѣ В. Н. Витевскаго, тотъ же г. Александровъ сдѣлалъ прекрасную характеристику, назвавъ его учителемъ не въ узко спеціальномъ только, но и въ самомъ широкомъ и лучшемъ значеніи этого слова.

А. Рождествинъ.

Геофилъ Матвеевичъ
Самоевътъ.

ОЕОФИЛЬ МАТВЕЕВИЧЪ САМОЦВѢТЪ.

27 ноября 1905 года скоропостижно скончался въ мѣстѣчкѣ Бѣжицахъ дѣйствительный членъ Комиссiи генераль отъ инфантерiи Оеофилъ Матвеевичъ Самоцвѣтъ, имя и личность котораго были извѣстны всему Оренбургу и добрая память о которомъ еще долго будетъ жить среди насъ.

Покойный Оеофилъ Матвеевичъ происходилъ изъ дворянъ Черниговской губерни.

Родился онъ 10 iюня 1834 года. Окончивъ курсъ фельдфебелемъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ онъ въ 1853 году вышелъ поручикомъ въ Люблинскiй Егерскiй полкъ (нынѣ 59 Люблинскiй пѣхотный), который въ то время стоялъ въ Придунайскихъ княжествахъ. Прибывши туда, покойный участвовалъ въ переправѣ черезъ Прутъ 22 октября 1853 года, въ дѣлакъ подъ Силистріей въ апрѣлѣ 1854 года и въ переправѣ черезъ Дунай 13 iюля того же года.

Затѣмъ покойный поступилъ въ академію генеральнаго штаба, по окончанiи курса въ которой перемѣнилъ чисто военную карьеру на военно-педагогическую, занявъ должность инспектора классовъ 2-го Петербургскаго кадетскаго корпуса.

Въ 1867 году покойный былъ назначенъ инспекторомъ классовъ Оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго

корпуса и съ этого времени до 1906 года, т. е. почти 40 лѣтъ (изъ которыхъ почти 30 лѣтъ директоромъ корпуса) служба его протекла въ Оренбургѣ, посвященная дорогому ему корпусу, которому онъ отдалъ всѣ свои силы и все свое здоровье, большую часть своей жизни.

Много пришлось покойному положить трудовъ на этомъ поприщѣ.

Несмотря на то, что къ 1867 году корпусъ считалъ болѣе 40 лѣтъ существованія, онъ далекъ былъ отъ того, чтобы являть хорошо обставленное и приспособленное къ воспитанію и обученію юношества заведеніе. Корпусъ былъ разбросанъ въ разныхъ зданіяхъ, не удовлетворявшихъ даже самымъ простымъ требованіямъ гигиены и удобства, воспитательно-педагогическій персоналъ тоже оставлялъ желать много лучшаго.

При Теофилѣ Матвеевичѣ было отстроено новое зданіе, въ этой постройкѣ покойный принималъ самое близкое участіе, такъ какъ постройка велась подъ его личнымъ наблюденіемъ и по его личнымъ указаніямъ.

Одновременно съ этимъ велась и нравственная перестройка учебно-воспитательнаго дѣла и персонала: водворялись гуманные принципы 60-хъ годовъ, идеи Пирогова и Ушинскаго, которыя составляли краеугольный камень воззрѣній покойнаго.

И вотъ подъ неуклоннымъ и просвѣщеннымъ наблюденіемъ Теофила Матвеевича и создался тотъ Неплюевскій корпусъ, который оказалъ неоцѣненные услуги какъ Оренбургскому краю, такъ и всему отечеству, выпустивши и продолжая выпускать немало полезныхъ дѣятелей не только на военной, но и на другихъ аренахъ жизни.

Многолѣтніе труды покойнаго на пользу общества и отечества были оцѣнены, какъ правительствомъ, такъ и обществомъ.

Онъ получилъ всѣ награды до Бѣлаго Орла включительно, былъ членомъ совѣта Оренбургскаго Николаевского института, былъ выбранъ почетнымъ казакомъ Оренбургской станицы, почетнымъ мировымъ судьей Оренбургскаго уѣзда.

Не смотря на свою многостороннюю дѣятельность по Неплюевскому корпусу, Теофилъ Матвеевичъ находилъ время удѣлять свой досугъ и свою посильную лепгу разнымъ просвѣтительнымъ и благотворительнымъ обществамъ г. Оренбурга.

Онъ всегда шелъ навстрѣчу всякому благому начинанію и въ особенности носящему научный или педагогическій характеръ. Этой отзывчивости много обязана и Оренбургская Ученая Архивная Комиссія.

Какъ извѣстно, въ 30-хъ годахъ по инициативѣ графа Сухтелена, тогдашняго Оренбургскаго военного губернатора, было приступлено къ собиранію разныхъ коллекцій для музея Оренбургскаго края и даже предназначалось особое зданіе для этого музея.

Коллекціи быстро стали накапливаться, но зданія для храненія ихъ не оказалось, и тогда они были распределены по различнымъ учрежденіямъ. Часть этихъ коллекцій, состоявшая изъ очень цѣннаго этнографическаго, археологическаго и нумизматическаго матеріала была передана Неплюевскому корпусу. Эта то часть и сохранилась, а остальные коллекціи, бывшія въ другихъ учрежденіяхъ, исчезли почти безслѣдно. Когда покойный предсѣдатель Архивной Комиссіи П. П. Биркъ задался мыслью основать музей при Архивной Комиссіи, то Теофилъ Матвеевичъ одинъ изъ первыхъ отозвался на это благое начинаніе и передалъ въ музей коллекціи, сохранившіяся при корпусѣ. Передача коллекцій потребовала многосложной переписки съ центральными учрежденіями и могла

состояться только при просвѣщенной настойчивости покойнаго Теофила Матвеевича, подкрѣпленной вѣрой во всеобщую полезность публичныхъ музеевъ. Эти коллекціи и составили то ядро, около котораго стали постепенно группироваться и другія вещи, составляющія въ настоящее время очень цѣнный матеріалъ по изученію Оренбургскаго края въ самыхъ разнообразныхъ научныхъ отношеніяхъ.

Вспоминая всю многолѣтнюю разносторонне-просвѣдательную дѣятельность покойнаго, направленную только къ добру и правдѣ, всегда проникнутую лишь лучшими побужденіями, намъ остается только пожалѣть, что ему не суждено было подольше отдохнуть въ кругу любимой семьи отъ всѣхъ его многополезныхъ трудовъ и вмѣстѣ со всѣмъ Оренбургомъ сказать: «Да будетъ тебѣ вѣчная память!»

А. Гра.

Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева.

В. Березина. Труды Вост. Отд. Имп. Рус. Археолог. Общ.
ч. VIII, С.-Пб. 1864.

(Рефератъ А. В. Попова).

Въ виду того, что наши киргизскія степи нѣкогда входили въ составъ Золотой орды, а внутренняя жизнь этого государства крайне интересна, опубликованныхъ же источниковъ по этому вопросу крайне мало, я позволю себѣ занять Ваше вниманіе краткимъ изложеніемъ содержанія поставленной въ заголовкѣ статьи извѣстнаго Востоковѣда В. Березина, ставшей уже библиографической рѣдкостью.

Указавъ, что кочевыя государства номадовъ до Чингисъ-хана всегда поглощались сосѣдними организованными осѣдлыми государствами Китая и Персіи, авторъ говоритъ, что Чингисъ-ханъ надѣялся устоять противъ перерабатывающей силы Китайской цивилизаціи, во первыхъ, крѣпко на крѣпко заповѣдавъ своимъ монголамъ держаться древнихъ народныхъ обычаевъ, во вторыхъ, быстрыя и громадныя завоеванія монголовъ подавали ему надежду, что у его народа есть будущность, что новая имперія не только возможна, но и осуществима.

Повидимому, Чингисъ-ханъ и его потомки задались

несбыточной мечтой — развить государственный порядок на началах кочевого быта и съ другой стороны — перенести въ цивилизацію эти же начала.

Плодомъ Чингисъ-хановой идеи была кочевая держава, существовавшая на берегахъ Волги два съ половиной вѣка. Трудная задача была разрѣшена въ границахъ почти невозможныхъ и съ этой стороны исторія Золотой орды получаетъ для философа-ислѣдователя новый огромный интересъ.

Главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній объ административномъ и юридическомъ устройствѣ монархіи Чингисъ-хана авторъ считаетъ сохранившіеся отрывки изъ уложенія Чингисъ-ханова — ясы (полное слово — ясакъ — законъ, благоустройство), которая едвали когда-либо была писаная, но повидимому болѣе передавалась въ потомствѣ Чингисъ-хана путемъ устнаго преданія. Несомнѣнно, что основаніемъ Чингисовой ясы послужилъ народный ясакъ.

Одно изрѣченіе Чингисхана говоритъ: «Если у дѣтей множества государей, которыя явятся послѣ этого, вельможи, богатыри и беки, находящіеся у нихъ, будутъ грубо обращаться съ ясакомъ, то дѣло государства будетъ потрясено и прервано».

Въ предсмертномъ завѣщаніи дѣтямъ Чингисханъ говорилъ: «Вы не должны изыначивать моего ясака послѣ меня».

Батый, основатель Золотоордынскаго царства, выражался такъ: «Всякъ, кто нарушитъ ясу, лишится головы».

Изъ этого видно, какое значеніе имѣла яса для цѣлостности монархіи Чингисхана.

Яса имѣла значеніе уголовного и гражданскаго кодекса, она же опредѣляла устройство государства. Онъ (Чингисханъ) предписалъ своимъ преемникамъ лично

дѣлать смотрѣ войску и вооруженію передъ выступленіемъ въ битву, представлять имъ все, съ чѣмъ воинъ совершаетъ походы, и осматривать все до иголки и до нитки и если у кого 'нибудь изъ воиновъ недоставало нужной ему вещи, они должны были наказывать его. Онъ приказалъ, чтобы женщины, сопутствующія войскамъ, исполняли труды и обязанности мужчинъ въ то время, какъ послѣдніе отлучались на битву... Онъ поставилъ эмировъ надъ войсками и учредилъ эмировъ тысячи, эмировъ сотни и эмировъ десятка. Онъ узаконилъ, чтобы старѣйшій изъ эмировъ, когда онъ проступится и государь пошлетъ къ нему послѣдняго изъ своихъ служителей для наказанія его, отдавалъ себя въ руки посланнаго и распростерся бы передъ нимъ, пока онъ исполнить предписанное государемъ наказаніе, хотя бы то было лишеніе живота. Онъ запретилъ эмирамъ обращаться къ кому 'нибудь кромѣ государя, а кто обратится къ кому 'нибудь кромѣ государя, того предавать смерти. Онъ предписалъ султану учрежденіе постоянныхъ почтъ, дабы знать скоро о всѣхъ событіяхъ въ государствѣ. Онъ предписалъ наблюдать за исполненіемъ ясы сыну своему Джагатаубенъ-Чингисхану». Такъ излагаетъ ясу историкъ Макризи.

Золотоордынскіе ханы въ началѣ держались ясы во всей ея строгости.

Завѣтъ основателя монархіи и суровость ясы сковали кочевое государство, не имѣвшее опредѣленной территоріи.

Современники такъ выражаются о власти великаго хана въ Золотой ордѣ. «Императоръ татарскій имѣетъ удивительную власть надъ всѣми. Никто не смѣетъ жить нигдѣ кромѣ того мѣста, которое онъ ему назначитъ. Онъ назначаетъ, гдѣ кочевать воеводамъ, тысячники сотникамъ, сотники десятникамъ; сверхъ того, чтобы онъ не приказалъ, въ какое бы время и гдѣ бы то ни было,

на войну-ли, на смерть-ли, на жизнь-ли, все это исполняют они безъ прекословія».

Куюкъ-ханъ такъ опредѣлялъ свою императорскую власть: «исполнять мою волю; являться, когда позову; идти, куда велю; предать смерти всякаго, кого назову».

Такъ какъ кочевой элементъ составлялъ существенную часть имперіи и такъ какъ имперія эта была основана завоеваніемъ и могла держаться на такомъ обширномъ пространствѣ лишь силою оружія, то общій характеръ этой необходимости долженъ былъ отразиться и на самой организаціи государства. Каждый индивидуумъ въ монгольской имперіи, бывшій охотникомъ и воиномъ, какъ по собственной склонности, такъ и по уставу, принадлежалъ къ какому нибудь десятку. Каждый десятокъ имѣлъ отдѣльнаго начальника; изъ десятковъ составлялись сотни, изъ сотенъ тысячи, а изъ тысячъ десяти-тысячья или тьмы, и всѣ эти отдѣлы имѣли особенныхъ начальниковъ. Конечно, при этомъ дѣленіи могла не соблюдаться арифметическая точность. Тьма (туманъ по монгольски) составляла уже отдѣльную область, если не въ самомъ началѣ существованія орды, то впоследствии времени. Сверхъ тумановъ существовали улусы, болѣе известные въ народѣ, чѣмъ туманъ, и носившіе названія по своимъ владѣльцамъ. Военное дѣленіе замыкалось общимъ подраздѣленіемъ на правое крыло (по монгольски — барунгаръ, по турецки — унгъ-куль) и лѣвое (джунгаръ и суль-куль). Это государственное устройство съ Чингисхановой имперіи было перенесено и на Золотую орду. Общее названіе государства было «Улугъ-улусъ» — великій улусъ (удѣлъ).

Въ такомъ видѣ была разрѣшена задача внутренняго устройства государства, не имѣвшаго территоріи и точныхъ границъ. Всегда кочевавшее на пространствѣ отъ

Арала до Дона и отъ предгорій Кавказа почти до Оки—Золотая орда вѣдала не Землю съ ея волостями, уѣздами и губерніями, а однихъ Людей, составлявшихъ десятки, сотни, тысячи и тѣмы, скованныхъ строго выработанной іерархіей начальниковъ. Это не была орда въ современномъ пониманіи этого слова—орущая, воплящая, скрипящая немазанными телѣгами, давящая и обгоняющая другъ друга, гдѣ въ безумномъ бѣгѣ безчисленныя стада домашняго скота, потерявшія пастуховъ, носились бы въ безпорядкѣ, подымая пыль и давя обозы съ людьми и домашнимъ скарбомъ,—нѣтъ, это было стройное государство! Только безбрежное раздолье нашихъ степей могло дать условія для его существованія. Нельзя не повторить словъ автора, что исторія Золотой орды имѣетъ для философа изслѣдователя новый глубокий интересъ.

Люди Золотой орды дѣлились на сословія, среди которыхъ преобладало дворянство, носившее названіе бѣлой кости, простолюдины назывались черной костью; бѣлый цвѣтъ въ ордѣ былъ въ почтеніи. Къ дворянству примыкали тарханы — вольные люди, получившіе отъ европейскихъ миссіонеровъ названіе бароновъ. Дворянство имѣло право, а также обязанность, начальствовать надъ низшими, тарханы не имѣли этого права, но также освобождались отъ податей и повинностей. Въ силу вѣротерпимости духовенство разныхъ исповѣданій освобождалось отъ податей, а магометанское, когда оно появилось, и отъ повинностей. Рабство процвѣтало въ ордѣ; рабами были всѣ военноплѣнные и ихъ потомство; они не имѣли никакихъ гражданскихъ правъ и вполне принадлежали своему господину; положеніе ихъ было крайне жалкое. Рабы иногда отпускались на волю.

Свободное населеніе (черная кость) Золотой орды состояло изъ пришлаго и покореннаго элемента—монго-

ловъ и туземцевъ -- на берегахъ Урала и Волги разнаго рода тюрки, оставшіеся здѣсь отъ временъ Великаго Переселенія Народовъ, и на сѣверъ къ Окѣ -- финскія племена. Здѣсь монгольскій элементъ даже отступалъ на задній планъ.

При всемъ главенствѣ кочевого быта въ ордѣ было земледѣльческое сословіе, конечно, немногочисленное и игравшее подчиненную роль среди другихъ сословій. Земледѣлецъ это -- сабанчи, другой терминъ, сюда относящійся -- уртачки, -- значитъ пайщикъ, компаньонъ, арендаторъ. На нѣкоторое существованіе земледѣлія указываетъ существованіе низшей должности сборщика податей -- поллужникъ.

Болѣе значительную роль играло сословіе мастеровъ. Въ началѣ существованія Золотой орды она не имѣла ремесленниковъ изъ своей среды; таковыя набирались изъ военно-плѣнныхъ и были на положеніи рабовъ. Съ теченіемъ времени положеніе ихъ измѣнилось, благодаря процвѣтанію торговли и возникновенію городовъ -- они стали свободными.

Купеческое сословіе играло въ ордѣ уже значительную роль. Орда сама ничего не производила, она жила на грабленіи добычей. На содержаніе войскъ ничего не отпускалось; каждый воинъ снаряжалъ и содержалъ себя самъ на полученную долю добычи. Конечно, онъ пускалъ ее въ оборотъ, продавалъ, и поэтому каждый ордынецъ былъ уже продавцомъ и купцомъ. Главная же торговля была транзитная между Россіей и Европой съ одной стороны и Ср. Азіей и Индіей съ другой. Многочисленные клады золотоордынскихъ монетъ, находимые по всей Россіи, говорятъ объ этой торговлѣ.

Крупнѣйшими капиталистами въ ордѣ, своего рода

банкирами, были Харезмскіе выходцы (изъ Бухары и Хивы).

Что касается гражданскаго управленія, то Золотая орда многое заимствовала отъ Китая черезъ посредство своей метрополіи—великаго улуса Чингисханова.

Во главѣ администраціи стоялъ ханъ, который впрочемъ не входилъ въ ея подробности. Отличіемъ чиновниковъ служили разнаго рода «пайзе»—дощечки, носимыя на груди, заимствованныя изъ Китая. Первостепенныя чины имѣли золотыя пайзы, съ изображеніемъ тигровъ и безъ изображеній (чины второго класса). Затѣмъ слѣдовали серебряныя пайзы, позолоченныя и непозолоченныя, и наконецъ деревянныя.

Руководствуясь отрывочными данными ханскихъ ярлыковъ, авторъ перечисляетъ слѣдующіе гражданскіе чины Золотой орды. Высшіе: вельможа—альпаутъ, начальники—даруга, волостной—туманъ, городской—шегеръ, сельскій—кентъ, князь волостной—туманъ-беги, городской—шегеръ-беги, посолъ—ильчи, посолъ ѣдущій—юркюръ-ильчи, посолъ мимоѣздящій—ишуръ-ильчи, баскакъ, баскакъ людскій—иль-баскакъ.

Бросается въ глаза въ этомъ перечнѣ отсутствіе министровъ и судей; это, впрочемъ, происходитъ, главнымъ образомъ, въ силу того, что административная власть въ ордѣ была нераздѣлена отъ судейской, а также въ смѣшеніи въ одномъ лицѣ начальствованія надъ разными вѣдомствами.

Вельможи пользовались въ Золотой ордѣ большимъ почетомъ. Иноземцы допускались къ нимъ не иначе, какъ послѣ троекратнаго колѣнопреклоненія передъ дверьми ставки, говорить же съ ними слѣдовало стоя на колѣняхъ.

Даруги начальствовали надъ областями, городами и вообще населеніемъ Золотой орды; обязанностью ихъ былъ

сборъ дани и податей и административное управленіе своимъ округомъ. Баскаки завѣдывали тѣмъ же въ покоренныхъ земляхъ.

Ханскіе послы, ѣздившіе по порученіямъ хановъ, и баскаки играли въ покоренныхъ странахъ болѣе или менѣе важную роль, смотря по степени подчиненія страны ханской власти. Они вмѣшивались во внутреннія дѣла покоренныхъ странъ и доносили хану о томъ, что ими замѣчено.

Государственные акты носили названіе ярлыкъ (публикація) и дефтеръ или дептеръ (свертокъ).

Затѣмъ слѣдуютъ второстепенныя должности: таможникъ—тамгачи, вѣсовщикъ—тыртынакчи, раскладчикъ подушныхъ—селихъ или селганъ, кормовщикъ (интендантъ)—шусунчи, архитекторъ, лагерщикъ—юртларъ-шлятчи, заставщикъ—туткаулъ, почтмейстеръ—купурчи и т. д. Почта и ея устройство пользовались въ ордѣ большимъ вниманіемъ; такъ какъ при обширности государства центральной власти необходимо было быть всегда освѣдомленной о его жизни и событіяхъ.

Говоря о финансовомъ развитіи Золотой орды, прежде всего слѣдуетъ припомнить, что это было государство военное по преимуществу. Поэтому военная добыча въ финансовомъ хозяйствѣ орды занимала едва-ли не первое мѣсто. На счетъ военной добычи содержались войны. Въ станѣ Батыя насчитывалось до милліона войска. Конечно, среди нихъ монголовъ было немного; армія постоянно пополнялась изъ побѣжденныхъ народовъ; при Батыѣ ханскій комиссаръ бралъ въ наборъ арміи одного изъ трехъ сыновей. Раздѣлъ добычи составлялъ предметъ особой важности и большихъ подробностей въ мусульманскомъ законодательствѣ. Войсковой бакаулъ занимался счетомъ и раздѣломъ добычи.

Подати, повинности и налоги въ государственномъ хозяйствѣ улуса Джучіева играли особенную роль, такъ какъ производительность труда кочевниковъ была крайне незначительна. Изъ современниковъ, писавшихъ о монголахъ, болѣе подробныя свѣдѣнія относительно податной системы въ ордѣ, доставляютъ намъ Викентій Бовезскій и армянскій духовный Гирагосъ.

Первый изъ нихъ говоритъ, что беретъ дань, во-первыхъ, ханъ (по меньшей мѣрѣ 15 драхмъ или динаровъ съ человѣка, конечно, если онъ можетъ заплатить), во-вторыхъ, мѣстный владѣлецъ (бекъ?), въ третьихъ, областной владѣлецъ (даруга?), въ четвертыхъ, торжественные послы (илчи), въ пятыхъ — существуютъ частные подносы даровъ; послѣ этого должно давать проѣзжающимъ гонцамъ лошадей и содержаніе. Сверхъ того отъ каждого работающаго крестьянина берутъ по 3 аскера, отъ каждыхъ 3 быковъ 1, отъ 6 овецъ 3; приходящимъ съ данью посольствамъ должно давать лошадей, подводы и содержаніе.

Плано-Карпини пишетъ, что все принадлежитъ хану, такъ что никто не смѣетъ сказать, что это — мое или его, но все — императорское. Такую же власть имѣютъ воеводы надъ принадлежащими имъ людьми, ибо татарскіе люди, какъ и другіе также, раздѣлены между воеводами. Императоръ и воеводы берутъ изъ ихъ имѣнія то, что хотятъ и сколько хотятъ, да и самими ими располагаютъ, какъ хотятъ. Требуютъ отъ покоренныхъ ходить съ ними, когда имъ угодно, на войну противъ всѣхъ и давать десятину всего, какъ отъ людей, такъ и отъ вещей: отсчитавъ 10, берутъ одного. Тоже самое дѣлаютъ и съ дѣвцами, коихъ уводятъ въ свою землю и держать для услугъ.

Относительно собиранія дани и поборовъ въ Россіи тотъ же авторъ сообщаетъ слѣдующія любопытныя дан-

ныя: «Въ бытность нашу въ Россіи присланъ былъ, какъ говорили, отъ Куюкъ-хана и Батыя сарацинъ (т. е. харезмскій баскакъ-откупщикъ?) и сей начальникъ отъ каждого человѣка, имѣвшаго троихъ сыновей, бралъ одного. Мужчинъ, не имѣвшихъ женъ, уводили, тоже самое дѣлали и съ женщинами, у коихъ не было мужей. Нищихъ, кои снискивали себѣ пропитаніе милостынею, также уводили. Остальныхъ же по ихъ обычаю переписавъ, приказалъ, чтобы каждый, какъ малый, такъ и большой, даже младенецъ однодневный, бѣдный и богатый, давалъ дань. Съ народовъ же, которыхъ они (татары) почему-либо опасаются, берутъ дань челоѣколюбиво: такъ съ грузиновъ берутъ по 50 и 40 тысячъ иперберевъ или византиновъ дани. Въ Сарацинской же землѣ и въ другихъ берутъ они лучшихъ ремесленниковъ и заставляютъ ихъ работать на себя, а другіе платятъ имъ подать отъ своей работы».

Конечно, говорить авторъ, варварское распоряженіе о захватѣ всѣхъ холостыхъ и незамужнихъ не исполнялось строго; въ крайнемъ случаѣ можно было спастись бѣгствомъ, а еще вѣрнѣе—прибавимъ отъ себя—было откупиться, что вѣроятно и было главною цѣлью этой своеобразной финансовой системы.

Общая черта этой финансовой системы было хищничество: монголы нисколько не щадятъ побѣжденныхъ и обираютъ ихъ до послѣдней нитки. Всеобщія жалобы на эту жадность повторялись современниками безпрестанно.

Сначала ханы улуса Джучіева посылали своихъ чиновниковъ для сбора дани и налоговъ въ Россію, а потомъ переложили эту обязанность на русскихъ князей, не потому, конечно, что имѣли къ нимъ болѣе довѣрія, а потому, что раздраженіе народа во многихъ мѣстахъ дѣлало опасной эту операцію для баскаковъ и вообще

для власти самой орды. Ханы вообще любили отдавать сборъ податей и налоговъ на откупъ.

Величина и распредѣленіе налоговъ зависѣли отъ воли хана и правителей и потому поборы основывались не столько на государственныхъ нуждахъ, сколько на прихоти высшихъ лицъ. Въ завоеванныхъ земляхъ дань устанавливали также ханы, посланцы которыхъ разъѣзжали повсюду для собиранія ея.

Главныя статьи расхода составляли содержаніе хана и правителей и дополнительная плата войску; точно исчисленныхъ суммъ не было, да и не могло быть, потому что не существовало понятія о бюджетѣ.

Разсматривая подати и налоги, упоминаемые въ ханскихъ ярлыкахъ, авторъ находитъ различіе между коренными ордынскими подданными и покоренными народами, какъ въ самыхъ налогахъ, такъ вѣроятно и въ величинѣ ихъ. Подати и налоги съ ордынцевъ были: 1) подушныя — салыгъ, 2) оброчный ясякъ или ясачный оброкъ — кланъ-ясякъ, 3) бурловая тамга — бурлатамгасы; точное опредѣленіе этой подати неизвѣстно, 4) хлѣбная подать амбарная — амбаръ-малы; 5) повинность — индырчикъ; точно также неопредѣлимая подать, 6) тамговые — тамга и вѣсовые — тыртынакъ, при шествіи — барыръ, приходъ — килеръ, входъ — киреръ, выходъ — чикаръ, при покупкѣ — алырда, при продажѣ — сатырда; въ цвѣтущія времена Золотой орды эта статья дохода была не мало-важна. Слѣдуютъ еще нѣсколько податей, менѣе важныхъ.

Подати и налоги съ подвластныхъ народовъ были слѣдующіе: 1) дань десятинная — ясякъ. это была самая главная и всеобщая подать, 2) тамга — таможенная подать, 3) пошлина — кланъ; ее собиралъ каждый правитель въ честь хана и себя, поэтому величина ея была неопредѣленна; кто умѣлъ и успѣвалъ — тотъ полу-

чалъ больше, 4) полпужное — сабанлыкъ, 5) ямъ — почта, 6) подводы — улакъ, 7) кормъ — шусонъ, содержаніе ханскаго двора, пословъ, 8) мытъ — пошлина на базарахъ, 9) мостовщина — купруликъ и т. д.

Просматривая списокъ податей и налоговъ, мы (авторъ) еще болѣе убѣждаемся въ хищническомъ характерѣ финансовой системы въ ордѣ, въ особенности въ отношеніи къ покореннымъ народамъ. Напрасно мы стали бы искать здравыхъ экономическихъ началъ въ этомъ хаосѣ поборовъ: мало или вовсе не обращается вниманія на то, какимъ бы образомъ извлечь болѣе доходовъ, не подвергая конечному истощенію самые источники. Вся задача финансовой мудрости состояла въ томъ, чтобы во всякую минуту собрать какъ можно болѣе денегъ или натурой.

При такой системѣ государственнаго бюджета, о которомъ никто не имѣлъ яснаго понятія, не удивительно, что большая часть казенныхъ сборовъ попадала не въ ханское казначейство, а въ руки безсовѣстныхъ сборщиковъ. Въ силу этого для насъ остаются неизвѣстны не только общая цифра государственныхъ доходовъ орды, но и величина и способъ взиманія разныхъ податей и налоговъ въ частности; мало того — даже самые налоги не всегда могутъ быть удовлетворительно объяснены, съ какого предмета они собирались.

По словамъ Ибн-Ульомари ханы кыпчакскіе не имѣли столько дохода, сколько персидскіе государи.

Съ появленіемъ въ ордѣ мусульманства въ числѣ лицъ административныхъ появились духовныя особы. Первоначальная религія средне-азійцевъ, а также и монголовъ, былъ Шаманизмъ. Первые потомки Чингисхана исповѣдывали эту религію. Гаданіе, игравшее большую роль въ жизни монголовъ, и врачеваніе, производившееся также шаманами, давало имъ почетное положеніе. Буддизмъ также

давно проникъ въ Ср.-Азію и имѣлъ извѣстное число приверженцевъ среди монголовъ.

Исламъ былъ принятъ Золото ордынскими ханами потому, что уже большая часть ихъ поданныхъ исповѣдывала его. Монголы, покоривъ Среднюю-Азію, часть Персіи, Болгаровъ на Волгѣ, нашли уже здѣсь господство Ислама. При извѣстной активности проповѣдниковъ Ислама онъ быстро возобладалъ надъ языческимъ культомъ шаманизма. Ханъ Узбекъ, принявъ Исламъ, приказалъ умертвить множество ламъ и шамановъ. Ибн-Батута, посетившій орду во время этого хана, пишетъ, что въ Сараѣ, столицѣ ханства, было до 13 соборныхъ мечетей и сверхъ того множество другихъ.

Вмѣстѣ съ Исламомъ явилась и мусульманская духовная іерархія, изъ которой ярлыки упоминаютъ о слѣдующихъ званіяхъ. 1) Духовный судья, книжникъ—казы; Ибн-Батута рассказываетъ, что Узбекъ—ханъ обращался съ особеннымъ почтеніемъ съ однимъ изъ имамовъ, который даже не вставалъ передъ ханомъ. 2) Духовный законовѣдъ, уставодержатель—муфтіи. 3) Наставникъ—мударрисъ. 4) Настоятель—шейхъ; старцы—мешанхи; 5) отшельникъ—суфи.

«Изъ этого обзорѣнія государственныхъ учреждений улуса Джучіева, говоритъ авторъ, видно, что собственно идея государственности здѣсь была очень слаба, связи очень непрочны и неискусны, а между тѣмъ съ другой стороны ни социальныя отношенія ни идея личности не были развиты. Если государство съ одной стороны не заботится объ обезпеченіи существованіи своихъ защитниковъ—солдатъ даже и въ военную пору, предоставляя это дѣлу случая, то съ другой стороны участь каждаго гражданина и все его достоинство находятся въ рукахъ хана или правителя. Смѣшеніе разныхъ властей идетъ рука объ ру-

ку съ хаосомъ въ законодательствѣ: Чингисъ-ханова яса, составляющая государственное уложеніе и конечно, по всей вѣроятности, болѣе выработанная, чѣмъ первобытная или народная яса, состоитъ изъ смѣси кое какихъ государственныхъ началъ съ моралью общежитія. На какой низкой степени стояли процессы гражданскій и уголовный, можно заключать изъ словъ Рашидъ Эддина, который приводитъ какъ замѣчательный юридическій принципъ, изреченіе Хутуку—нойона, тогдашней юридической знаменитости, что не должно считать признаваемъ отвѣтъ изъ страха или испуга. Такъ какъ вся власть исходила отъ хана, то при такой громадной централизаціи не могло быть и рѣчи о самоуправленіи или соблюденіи мѣстныхъ или личныхъ интересовъ. Въ финансовомъ устройствѣ улуса видно отсутствіе коренныхъ принциповъ государственной экономіи. Эти неутѣшительные выводы являются естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ условій и элементовъ, изъ которыхъ сложилась жизнь въ Золотой ордѣ. Припомнимъ недетскую характеристику монголовъ—Татаръ, первенствующаго племени въ улусѣ, сдѣланную арабскими историками и католическими миссіонерами; изъ такого грубаго матеріала весьма трудно было выработать сносное развитіе государственныхъ формъ, тѣмъ болѣе, что эти народы, благодаря волжскимъ степямъ и на новой родинѣ остались кочевниками.

Посторонніе элементы, вошедшіе въ юную державу Джучидовъ, были не такого качества, чтобы съ пользою возобладать надъ пошлѣе бытомъ пришельцевъ—завоевателей: финскія и турецкія племена, покоренныя монголами, стояли на нѣсколько высшей степени развитія, но не столь высоко, чтобы разомъ поглотить кочевую орду. Турецкій элементъ въ улусѣ Джучидовъ является преобладающимъ и это то преобладаніе повело къ распро-

страненію въ Золотой ордѣ мусульманской религіи. Наряду съ Исламомъ идетъ и оскѣдность, возникаютъ большіе города; но съ введеніемъ этой религіи является также множество условій, задерживающихъ общественное развитіе и культуру, такъ что упадокъ орды настаетъ раньше появленія въ ней умственного движенія. Матеріальное благосостояніе горожанъ идетъ здѣсь рука объ руку съ дикостью кочевниковъ; уровень общественнаго развитія чрезвычайно волнистъ и разнообразенъ. Однако о литературной дѣятельности въ ордѣ почти и не слышно. Сосѣдство Россіи не приносило улусу особенной пользы по многимъ причинамъ: во первыхъ, русское общество само стояло тогда на невысокой степени образованности и, во вторыхъ, сношенія съ Россіей были довольно рѣдки и не очень то пріязненны. Просвѣтитъ обитателей Поволжья предоставлено было Россіи въ позднѣйшее время.

Съ другой стороны Золотая орда представляетъ весьма любопытное явленіе, какъ соединеніе двухъ крайнихъ полюсовъ общественнаго развитія: кочевого быта и государственныхъ формъ. Съ одной стороны вы видите здѣсь массу подвижнаго и грубаго населенія, переходящую въ кибиткахъ съ мѣста на мѣсто, сообразно временамъ года, со всѣми условіями кочевого быта—обиліемъ стадъ, звѣроловствомъ и другими атрибутами кочевника; съ другой стороны находите вы здѣсь государя съ многочисленнымъ дворомъ, нѣчто въ родѣ государственнаго уложенія, развитіе центральной власти до самыхъ нисшихъ ступеней, систему государственныхъ доходовъ, нѣсколько огражденное право собственности и многое другое, что совмѣстно лишь съ извѣстнымъ развитіемъ идеи государства. Положимъ, что всѣ эти учрежденія находятся еще въ зародышѣ, что въ цѣломъ господствуетъ нѣкоторый хаосъ, очень далекій отъ гармоніи государственнаго строя, но

при тѣхъ невыгодныхъ условіяхъ, которыми было обставлено существованіе Золотой орды, и такое проявленіе государственнаго уклада немало изумительно».

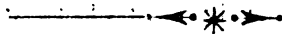
Касаясь вкратцѣ причинъ распаденія Золотой орды, авторъ упоминаетъ какъ таковую—отпаденіе Джучидовъ отъ главной монгольской имперіи. Первые Джучиды признавали свою зависимость отъ великаго хана, хотя у себя распоряжались вполне самовластно. При ханѣ Береке зависимость улуса Джучіева выражалась только подарками, а преемники Береке уже отпали отъ великаго хана. Ханская власть въ ордѣ стала падать, какъ потому, что ханы сами первые подали примѣръ къ неуваженію ея, отложившись вопреки Чингисхановой ясы отъ великой орды, такъ и потому, что законъ о престолонаслѣдіи сталъ часто нарушаться, стало являться сразу нѣсколько претендентовъ на престолъ и власть не по избранію часто доставалась въ неискусныя руки.

Изъ исторіи Золотой орды извѣстно, что уже съ раннихъ поръ ханы стали восходить на тронъ по трупѣ предшественника, а впослѣдствіи треномъ стали располагать сильные князья, предпочитавшіе дѣйствительную власть въ своихъ рукахъ номинальной власти хана.

Законъ Чингисхана о престолонаслѣдіи былъ таковъ: старшая жена умершаго хана становилась временно регентшей, а въ то же время всѣ принцы крови и именитѣйшіе сановники съѣзжались на сеймъ (курултай) и выбирали достойнѣйшаго изъ Чингизидовъ, на котораго указывала иногда и послѣдняя воля умершаго хана.

Вліяніе Ислама, по мнѣнію автора, также роняло въ глазахъ послѣдователей новой религіи ясу, старые обычаи, и въ томъ числѣ и законъ о престолонаслѣдіи.

Таково вкратцѣ содержаніе рефированной мною статьи г. Березина. Она заслуживаетъ нашего вниманія, какъ ставшая библиографическою рѣдкостью. Это сочиненіе доставило автору степень доктора восточной словесности; въ немъ онъ бросилъ общій взглядъ на исторію Золотой орды и несмотря вообще на неразработанность источниковъ съумѣлъ возвыситься до философскаго ея пониманія.

ОТЧЕТЪ

О РАСКОПКАХЪ ШЕСТИ КУРГАНОВЪ

въ Актюбинск. уѣздѣ лѣтомъ 1906 г.

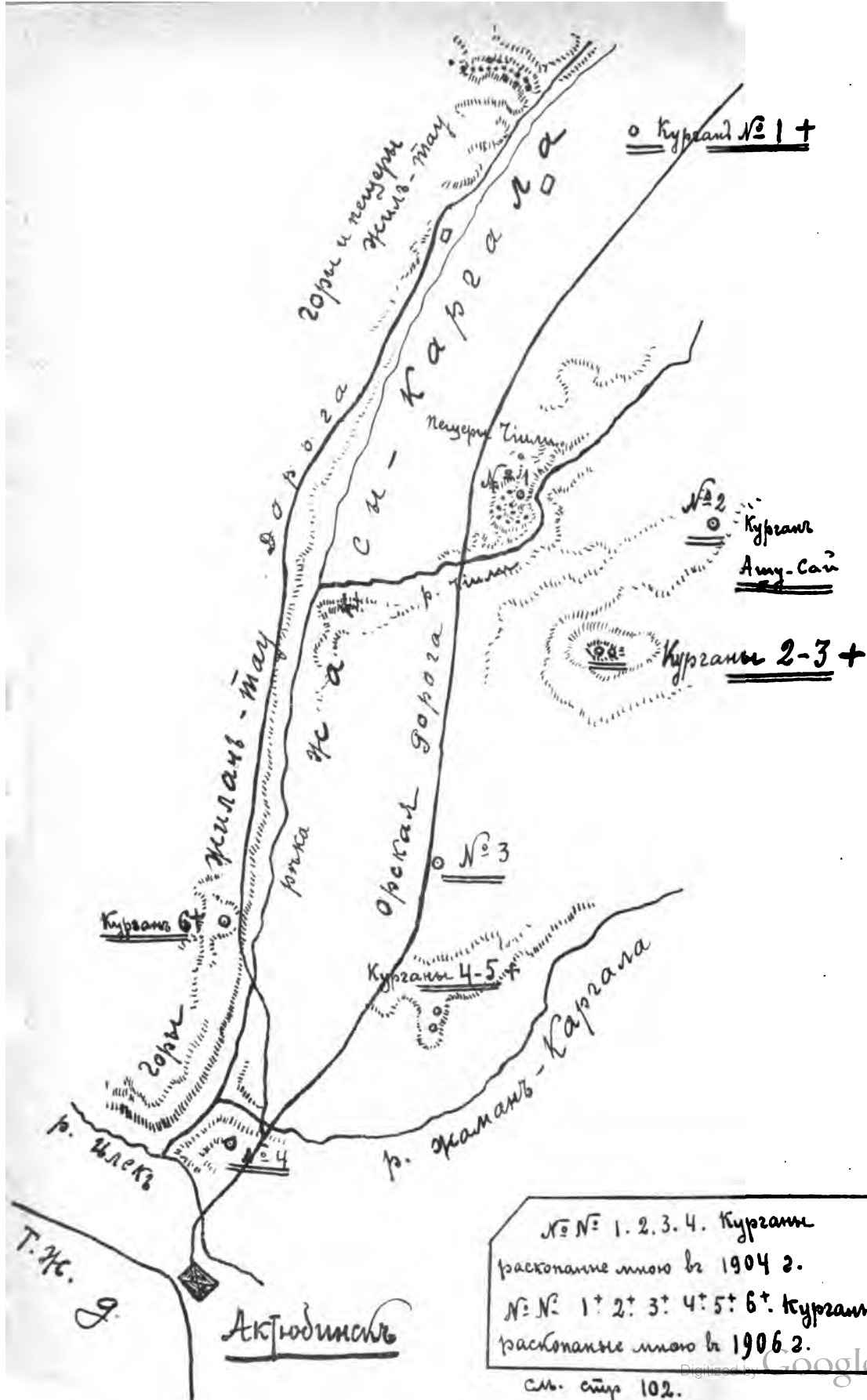
Пользуясь каникулярнымъ временемъ, я лѣтомъ 1906 г. поѣхалъ въ Актюбинскій уѣздъ, гдѣ и произвелъ раскопки нѣсколькихъ кургановъ въ бассейнѣ рѣки Жаксы-Каргала. Всего было мною раскопано 6 кургановъ, изъ которыхъ:

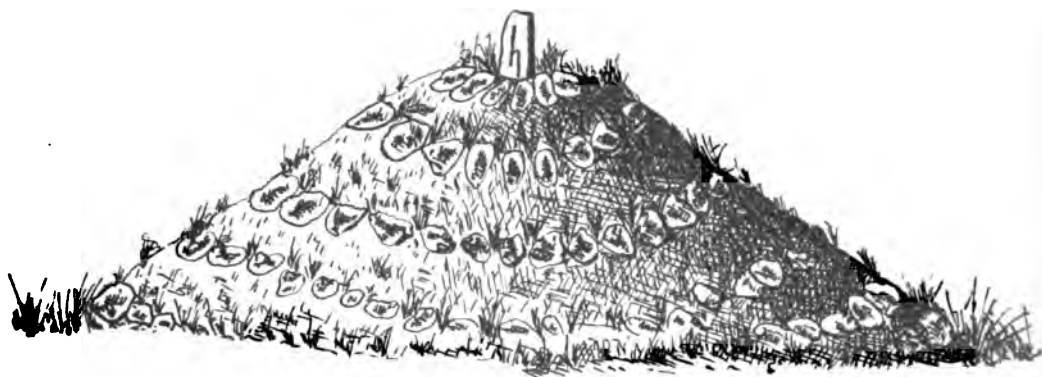
- 4 съ однимъ погребеніемъ
- 1 съ двумя погребеніями
- 1 съ тремя погребеніями.

Курганъ № 1 съ однимъ погребеніемъ расположенъ въ степи версты за полторы на востокъ отъ р. Жаксы-Каргала, въ третьемъ аулѣ, противъ горы Жиль-таю, по близости отъ Орской дороги и въ 45 слишкомъ верстахъ отъ Актюбинска. Это курганъ куполообразнаго вида, высотой почти въ метръ при 35 метрахъ окружности.

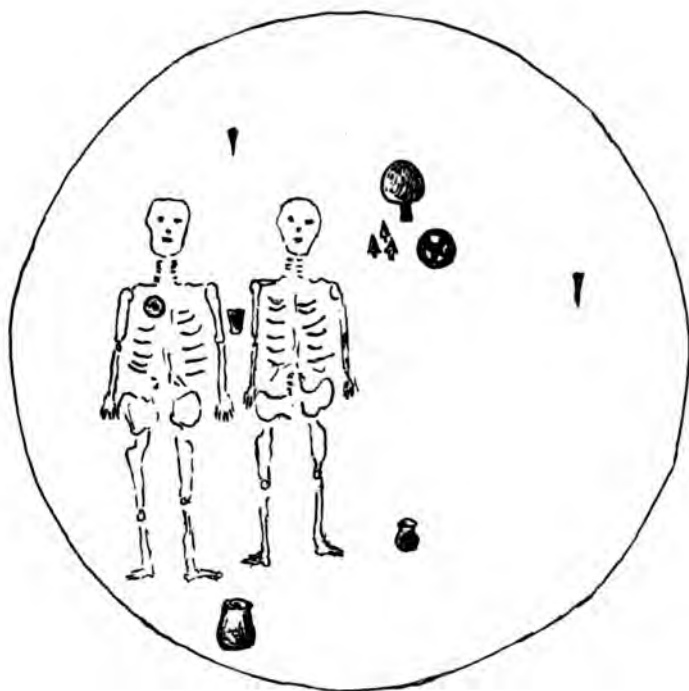
Снявъ землю слой за слоемъ, мы нашли скоро куски сгнившаго дерева, попадавшіеся все въ одномъ и томъ же мѣстѣ, а уже на глубинѣ полутора метра обнаружился костякъ.

Скелетъ лежалъ съ запада на востокъ, головой на сѣверо-западъ, лицо обращено на сѣверъ. Кости истлѣли такъ, что не удалось ничего собрать.

Курганы № 2 + с глыбе погребения

Буги. буги Кургана № 2+

Сн. снп 103

Кромѣ бронзовой бляхи и куска бронзовой крученой проволоки, напоминающей браслетъ, никакихъ другихъ предметовъ не было найдено.

Курганъ № 2 (съ двумя погребеніями). Этотъ курганъ представляетъ большой интересъ для археолога и заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія.

Онъ расположенъ на высокой горѣ, рядомъ съ еще нѣсколькими погребеніями разныхъ народовъ, о которыхъ будетъ говорено дальше.

Съ этой горы кругозоръ простирается на 25 или 30 верстъ въ окружности. обнимая степь, хохмы Чили и цѣлый рядъ возвышенностей, разстилающихся передъ нашими взорами. У ея подножія на разстояніи 2—3 в. рѣка Чили (Грязнушка) омываетъ сѣверные склоны горы, которые за рѣкой составляютъ рядъ пещеръ и проваловъ Чили.

Окружность кургана у подножія 55 метровъ, высота насыпи 1 метръ 55 сант.

Видъ кургана куполообразный, онъ весь обложенъ плитами, которыя расположены правильными рядами и образуютъ какъ бы кольца; въ центрѣ кургана нами была поднята глубоко врытая въ землю плита съ вырѣзаннымъ знакомъ съ обѣихъ ея сторонъ; плита эта безъ сомнѣнія нѣкогда стояла надъ курганомъ; форма ея продолговатая, высота ея—одинъ метръ, ширина—35 сант., толщина—10 сант. Знакъ вырѣзанъ довольно правильно и напоминаетъ маленькую латинскую букву **h**.

Снявъ камни, покрывающіе скаты кургана, работу начали сверху. Слой за слоемъ былъ снятъ такъ, чтобы поверхность, занимаемая курганомъ, была всегда ровна; интересно то, что слой земли, смѣшанный съ пескомъ, чередовался со слоемъ большихъ бѣлыхъ камней или плитъ, которыя видимо были привезены издалека, т. е. по близости такіе камни не встрѣчались. Послѣ первыхъ

слоевъ мы нашли одинъ зубъ свиньи или кабана.

На глубинѣ одного слишкомъ метра (1 м. 10 сант.) стали попадаться куски сгнившаго дерева.

На глубинѣ полутора метровъ, т. е. приблизительно когда достигли горизонта, обнаружались доски, сильно сгнившія и расположенныя по краямъ ямы, которая уже ясно обрисовывалась. Эти доски толщиной въ 3 вершка, шириной въ 5 вершковъ, лежали по двѣ, образуя такіе образцы что то въ родѣ ограды въ 10 вершковъ ширины. Ряды досокъ лежавшихъ одна на другой нѣсколько разъ повторялись, затѣмъ совершенно прекратились и тогда только показался обыкновенный грунтъ. Здѣсь были найдены два желѣзныхъ гвоздика, одинъ длиною въ $3\frac{1}{2}$ сант. съ круглой головкой, а другой длиной въ $5\frac{1}{2}$ сант. съ плоской головкой.

На сѣверной сторонѣ ямы, между досками и самой ямой на узкой полоскѣ земли было найдено мѣдное зеркало съ рукояткой, въ видѣ древнихъ мѣдныхъ зеркалъ; такіе зеркальца были найдены Нефедовымъ и Харузинымъ въ киргизскихъ степяхъ. Это зеркало, въ 16 сант. въ діаметрѣ, видимо было хорошей отдѣлки и напоминало греческія и этрусскія зеркала, покрытыя орнаментомъ; оно лежало на тонкой дощечкѣ одинаковой формы и величины съ зеркаломъ.

Рядомъ съ мѣднымъ зеркаломъ было найдено маленькое бронзовое колесо съ четырьмя спицами.

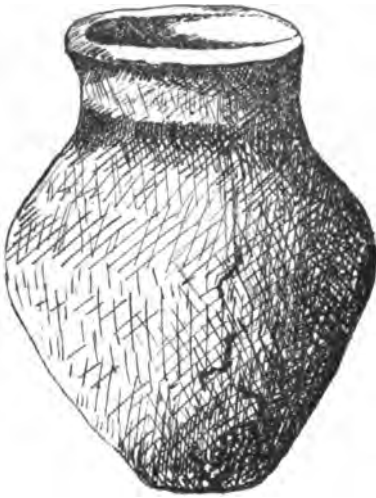
На глубинѣ трехъ метровъ (4 арш. 5 верш.), что сравнительно очень глубоко, на восточной сторонѣ ямы лежалъ горшокъ съ боковыми дырочками изъ жженой глины, размѣръ котораго слѣдующій:

діаметръ 9 сант.

толщина $\frac{1}{2}$ сант.

высота 10 сант.

4

5

6

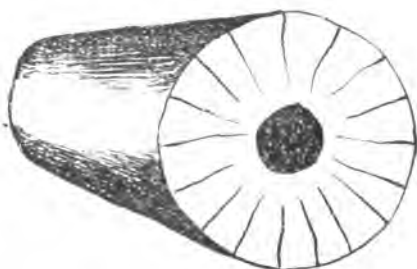

7

cm. comp. 104.

1

2

3

№№ 1-3 см. кат. 108-109
 № 2 см. кат. 113.

На немъ видѣется примитивный орнаментъ изъ точекъ. Скоро обнаружались костяки, такъ какъ курганъ содержалъ два погребенія. Скелеты лежали рядомъ въ вытянутомъ положеніи головою на сѣверъ, кости до того истлѣли, что при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ они превращались въ прахъ. На этой глубинѣ (3 метра слишкомъ) въ головахъ лежали въ кучѣ 11 бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ безъ втулки съ еще нѣсколько сохранившимися древками; на груди западнаго скелета было найдено круглое каменное колесо съ маленькимъ отверстіемъ въ центрѣ, въ діаметрѣ 5 сант., а толщиною въ 5 миллим. У ногъ скелетовъ стоялъ еще горшокъ большихъ размѣровъ, наполненный пескомъ, какъ и первый; онъ былъ изъ жженой глины, размѣры его слѣдующіе:

высота 24 сант.

діаметръ верхняго отверстія 14 сант.

діаметръ дна $8\frac{1}{2}$ сант.

толщина отъ 7 до 8 миллим.

Горшокъ первобытнаго производства безъ орнаментовъ и съ дырочкой на днѣ.

Наконецъ, между двумя скелетами лежала бронзовая продолговатая пластинка, вѣроятно украшеніе отъ пояса; больше ничего не оказалось.

Судя по найденнымъ предметамъ, этотъ курганъ можетъ быть отнесенъ къ концу бронзоваго періода и къ началу желѣзнаго, что можно предположить по присутствію въ могилѣ двухъ гвоздей, найденныхъ тамъ. Своимъ устройствомъ этотъ курганъ нѣсколько напоминаетъ курганъ Ашу Сай, раскопанный мною въ позапрошломъ году и стоящій на разстояніи приблизительно четырехъ верстъ отъ вышеописаннаго кургана. Въ курганѣ Ашу Сай встрѣчадись такія же правильныя ограды по краямъ ямы, но

только съ тою разницею, что онѣ были выложены изъ камня, тогда какъ въ данномъ курганѣ онѣ составлены изъ толстыхъ досокъ; поверхность кургана въ обоихъ случаяхъ обложена плитами.

Его устройство, его господствующее мѣстоположеніе на горѣ и его сравнительно большая глубина наводятъ на разныя предположенія. Къ тому же присутствіе въ немъ второго костяка, повидимому женскаго, рядомъ съ мужскимъ, указываетъ на то, что здѣсь былъ погребенъ одинъ изъ древнихъ властителей степи. смерть котораго влекла за собою и смерть его супруги. Знакъ, вырѣзанный на плитѣ, нѣкогда стоявшей на вершинѣ кургана, былъ «там-гой» его рода. Что же касается до предметовъ, сопровождавшихъ ихъ въ загробный міръ, слѣдуетъ упомянуть о присутствіи каменнаго круга, назначеніе котораго трудно установить; однако такіе каменные круги встрѣчаются въ придиѣпровскихъ скиѣскихъ могилахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Россіи и могли служить талисманомъ. Первобытныя народы еще и теперь носятъ при себѣ камни, играющіе роль талисмана; еще до конца XVIII столѣтія въ нѣкоторыхъ гористыхъ мѣстностяхъ Норвегіи народъ почиталъ круглые камни.

Не менѣе интереса представляетъ собою и бронзовое колесо съ четырьмя спицами. Подобнаго рода колеса были найдены и въ Россіи, такъ напр., Нефедовымъ при раскопкахъ Костромскихъ кургановъ; Спицынымъ при раскопкахъ кургановъ Ковенской губ.; точно также и на Кавказѣ въ нѣкоторыхъ могильникахъ Осетіи. Но гдѣ колесо заставляетъ обратить на себя особенное вниманіе — это въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ и главнымъ образомъ во Франціи, гдѣ въ рѣкѣ Луара ихъ было найдено нѣсколько тысячъ экземпляровъ. Въ музеѣ Монпелье можно видѣть желѣзное колесо съ четырьмя спицами,

найденное въ *Cachette du fondeur*, «кладъ литейщика», которыя встрѣчаются въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ и относятся къ первымъ временамъ появленія желѣза.

Въ Сенъ—Жерменскомъ музеѣ можно видѣть сотни такихъ колесъ съ четырьмя или пятью спицами (*Salle XVII*). Въ Италіи были тоже найдены подобныя колеса, хотя не въ такомъ количествѣ. Въ древней Галліи, и до Римскаго владычества, колесо пользовалось особеннымъ значеніемъ, оно составляло принадлежность божествъ и часто было предметомъ культа. Въ Сенъ—Жерменскомъ музеѣ сохраняется цѣлый рядъ бронзовыхъ статуетокъ Юпитера съ колесомъ въ рукахъ. Благодаря присутствію колеса у этого божества, нѣкогда почитаемаго Галлами, Французскіе ученые предають ему значеніе «бога солнца».

Какъ бы тамъ ни было, колеса относятся къ концу бронзоваго періода и играли важную роль въ вѣрованіяхъ нѣкоторыхъ народностей. Слѣдовательно мы можемъ также придать такое же значеніе найденному колесу и считать его за символъ культа у древнихъ народовъ киргизской степи.

Курганъ № 3 (одно погребеніе). Рядомъ съ вышеописаннымъ курганомъ на той же горѣ видно нѣсколько старыхъ киргизскихъ могилъ и выше всѣхъ большое нагроможденіе камней въ видѣ памятника. Камни, видимо, были подобраны и привезены издалека, такъ какъ всѣ имѣли болѣе или менѣе круглую форму и могутъ только встрѣчаться въ руслѣ или на берегу рѣкъ. Этотъ памятникъ имѣетъ конусообразную форму, высотой въ 60 сантим. и 3 метра въ діаметрѣ. Камни покрыты лишаемъ, что указываетъ, что они долго лежали на одномъ мѣстѣ, между ними проросла трава. Но то, что меня особенно поразило, это присутствіе на памятникѣ нѣсколькихъ круглыхъ камней, грубо обтесанныхъ и на-

поминающихъ человѣческія головы. Два изъ нихъ, лучше выдѣланные были мною взяты и привезены одинъ въ Оренбургъ, а другой оставленъ въ Актюбинскѣ у крестьянскаго начальника Сухина.

Снявъ осторожно всѣ камни, мы принялись за земляныя работы; слой за слоемъ земля была снята; скоро былъ найденъ зубъ, напоминающій клыкъ кабана; времянами попадались куски угля; хотя въ маломъ количествѣ; на глубинѣ одного метра замѣтны были слѣды досокъ до того сгнившихъ, что осталась одна только пыль; скоро подъ ними на 20 сант. ниже обрисовался скелетъ или лучше сказать слѣды его, такъ какъ отъ него осталась только бѣловатая пыль, съ рѣдкими косточками. Однако мнѣ удалось собрать нѣсколько кусковъ черепа, часть челюсти и нѣсколько зубовъ. Я особенно обращаю вниманіе на эти скудные остатки въ виду ихъ свинцоваго цвѣта, которымъ они были окрашены изнутри и снаружи. Какъ можно было видѣть по слѣдамъ скелета, трупъ лежалъ съ сѣвера на югъ въ вытянутомъ положеніи, головой на сѣверъ. Вдоль лѣвой стороны скелета, въ рукѣ, длинный желѣзный кинжалъ до того заржавленный, что при прикосновеніи къ нему онъ рассыпался на многочисленные куски. По правой сторонѣ скелета около ногъ найдена круглая полированная бронзовая пластинка съ легка приподнятымъ краемъ. Это повидимому зеркало скифскаго образца въ діаметрѣ 12 сант.; оно лежало на круглой тонкой дощечкѣ одинаковой формы и величины съ зеркаломъ. Ближе къ ногамъ стоялъ миниатюрный горшочекъ хорошей отдѣлки изъ жженой глины высотой 5 сант. Тамъ же въ кучѣ лежали 26 бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ съ втулкой и конусообразной формы камень съ отверстіемъ посрединѣ, который можетъ быть принять за пряслицу (Fusaïole). По Нидерле пряслицы обыкновен-

но употреблялись для того, чтобы сдѣлать болѣе тяжелымъ нижній конецъ веретена и легче удерживать его при пряденіи въ равномерномъ вращательномъ движеніи. Наконецъ на мелкихъ кускахъ угля были найдены три маленькихъ раковины, въ одной изъ нихъ можно было еще замѣтить слѣды какого-то порошка ярко-голубого цвѣта, въ другой раковинѣ кусокъ какого то бѣлаго состава, повидимому, мѣла: съ большими предосторожностями я собралъ и то и другое; что касается до третьей раковины, она содержала зеленоватый составъ сильно смѣшанный съ землею.

Курганы такого рода встрѣчаются по всей киргизской степи и въ Китаѣ. Они составляютъ особаго рода могилы, отличающіяся отъ обыкновенныхъ кургановъ изъ земли. Рѣдко они попадаются группами, а скорѣе отдѣльно и чаще всего на высокихъ мѣстахъ. Куча камней надъ ними составляетъ родъ надгробнаго памятника. Такого рода сооруженія только безъ погребеній существуютъ и въ Монголіи подъ названіемъ «Обо»; они воздвигнуты въ честь духа горъ. Это сходство по устройству и мѣстонахожденію подобныхъ памятниковъ должно было бы обратить вниманіе археологовъ и оставить за ними примитивное ихъ названіе. Подъ этимъ именемъ «обо» я ихъ теперь буду обозначать.

Согласно вышеуказанному мы видимъ, что «обо» есть памятникъ, воздвигнутый на высокихъ мѣстахъ и предназначенный духамъ горъ. Отсюда вытекаетъ, что эти возвышенныя мѣста — священны; это же могло выпасть на долю данной горы; и въ самомъ дѣлѣ, здѣсь среди камней попались нѣсколько камней въ видѣ человѣческихъ головъ, болѣе или менѣе грубо обтесанныхъ. Что эти камни носили отпечатки человѣческой отдѣлки это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; допустимъ даже,

что нѣкоторые изъ нихъ представляли неискusstвенно обработанныя человѣческія головы; тѣмъ не мѣнѣе является вопросъ, что вѣдь надо было ихъ нарочно искать и какая именно причина побудила прежнихъ людей выбирать именно такіе камни, если не для извѣстнаго рода культа?

Какъ бы тамъ ни было, присутствіе этихъ каменныхъ фигуръ довольно загадочно. Не замѣняли-ли онѣ каменныхъ бабъ? Быть можетъ еще онѣ служили жертвоприношеніемъ, замѣняя тѣхъ лицъ, которыя по древнему обычаю должны были сопровождать въ могилу вліятельныхъ особъ. Извѣстно, что нѣкоторые народы, какъ напр. малайцы, считали нужнымъ при смерти одного изъ родственниковъ кого нибудь убивать, чтобы принести его въ жертву покойнику и голова этого несчастнаго возлагалась на могилу родственника.

Что касается до окраски, покрывавшей кости черепа, я прибавлю слѣдующее: процессъ окрашиванія костей не есть рѣдкость въ курганахъ Россіи; но до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не были найдены скелеты, окрашенные сѣрой краской, такимъ образомъ это является крайне интереснымъ событіемъ въ археологіи.

Я здѣсь приведу главные извѣстные по литературѣ примѣры окрашиванія костей въ древности: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной Россіи, а именно въ Екатеринославской губ., Забѣлинымъ были найдены скелеты или черепа, покрытые густымъ и довольно сплошнымъ слоемъ ярко-красной краски, отлично на нихъ сохранившейся; тоже самое было встрѣчено и въ Херсонской губ. Ястребовымъ, въ Кіевской губ. гр. Вобринскимъ, въ Крыму по свѣдѣнію Кондакова, въ Подольской губ. Нейманомъ, въ Кубанской обл. и т. д. Въ другихъ европейскихъ странахъ можно прослѣдить окрашиваніе человѣческихъ костей въ

красный цвѣтъ въ періодъ каменнаго вѣка, какъ то кости, найденныя въ Ментонскихъ и пр. пещерахъ Франціи.

Подобные обычаи можно прослѣдить и до сихъ поръ у современныхъ дикарей, какъ напр., у нѣкоторыхъ американскихъ индѣйцевъ, въ Андахъ, въ Африкѣ у Бушменовъ, у жителей Гибридныхъ острововъ, гдѣ лицо покойниковъ обмазываютъ красной краской.

Окрашиваніе въ красный цвѣтъ человѣческихъ костей замѣчается въ древнихъ курганахъ (mounds) сѣверной Америки, на берегу р. Ohio *).

По Ануцину сдѣланныя въ Россіи находки окрашенныхъ костей относятся по преимуществу къ началу металлической эпохи.

Заслуживаетъ также вниманія порошокъ ярко-голубого цвѣта, найденный въ раковинѣ. Такого рода предметы встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ Россіи. По Самоквасову куски краски и сѣры встрѣчаются особенно въ могилахъ нео-скиѣскаго періода. Антоновичъ говоритъ, что въ скиѣскій періодъ женщины красились и сохраняли въ шкатулкахъ разные куски красокъ. Въ своихъ раскопкахъ Нефедовъ, описывая курганъ, разрытый на землѣ Оренбургскаго казачьяго войска, говоритъ, что онъ нашелъ около лѣвой руки скелета морскую раковину, а подлѣ правой—кусокъ мѣла и ноздреватый легкій камень съ выдолбленнымъ наверху углубленіемъ, наполненнымъ краснымъ веществомъ.

Краски и раковины были найдены и у другихъ народовъ, главнымъ образомъ въ Пуническихъ саркофагахъ въ странѣ древнихъ карфагенянъ.

Въ заключеніе я скажу, что этотъ курганъ очень

*) Revue 1903. Dr. Latouche—Tréville.

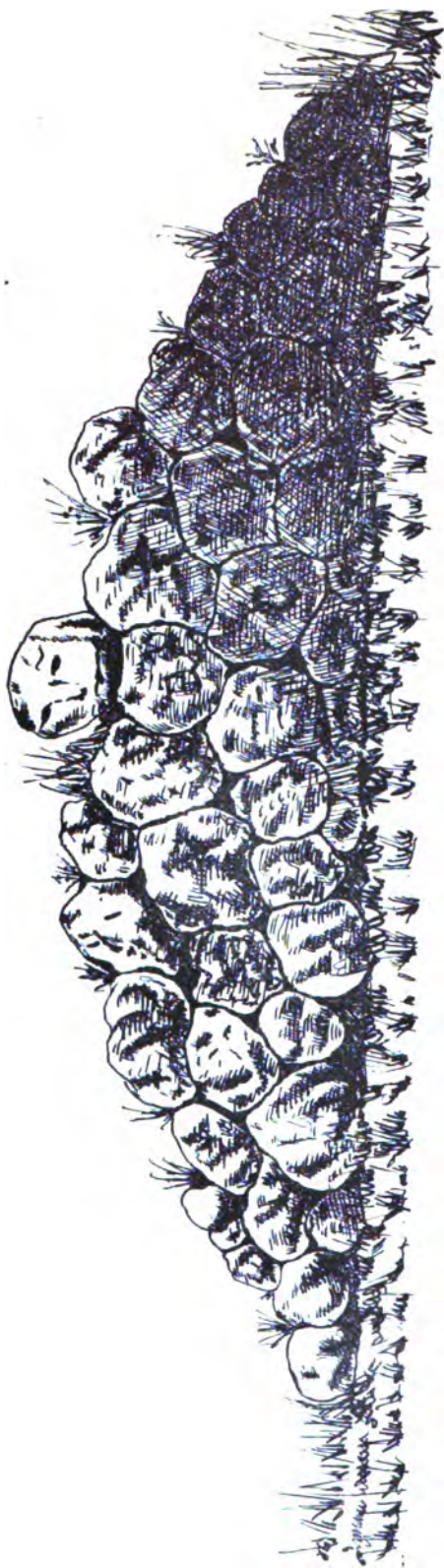
древній и можетъ быть отнесенъ къ первымъ вѣкамъ нашей эры.

Курганъ № 4 (одно погребеніе). Этотъ курганъ состоитъ, какъ и предыдущіе, изъ правильной кучи круглыхъ камней, возвышающихся приблизительно на полметра надъ землею. Окружность его 25 метровъ.

Этотъ памятникъ расположенъ на узкой продолговатой возвышенности среди степи, являющейся послѣднимъ отрогомъ холмовъ, подножіе которыхъ омываетъ рѣка Жаманъ Каргала, притокъ Жаксы Каргала. Орская дорога проходитъ недалеко и отсюда даже видѣнъ г. Актюбинскъ, верстахъ въ 10-ти приблизительно.

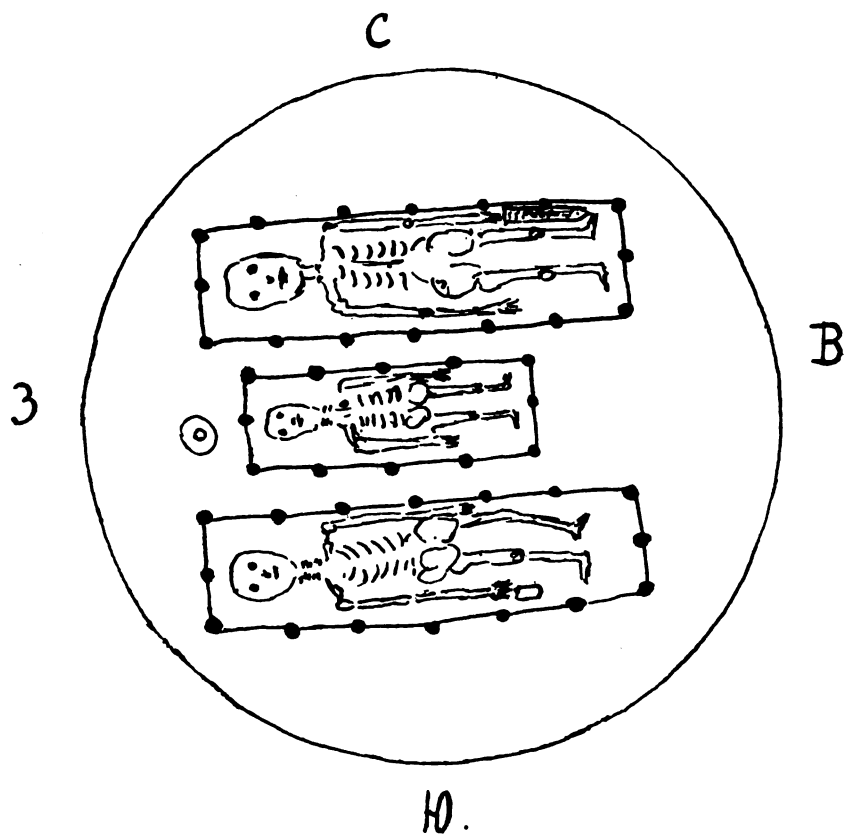
Этотъ выступъ земли въ видѣ языка своимъ господствующимъ положеніемъ долженъ былъ привлечь вниманіе кочевниковъ и служить имъ даже обороной во время войны. Многіе народы оставили здѣсь слѣды своего пребыванія, судя по множеству разнообразныхъ надгробныхъ памятниковъ, которыми эта мѣстность усѣяна. Расположеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ даетъ возможность предположить, что здѣсь нѣкогда имѣли мѣсто кровопролитныя сраженія, гдѣ разнообразные народы взаимно истребляли другъ друга. Прилагаемый здѣсь мною планъ дастъ возможность наилучше ознакомиться съ расположеніемъ и разнообразіемъ могилъ этого древняго кладбища.

Здѣсь мнѣ удалось насчитать до 30-ти кургановъ, куполообразной формы, высота которыхъ начиная отъ полметра доходила до 12 метровъ отвѣсной высоты. Одинъ изъ нихъ высотой 12 метровъ, 110 метровъ окружности, 8 метровъ въ діаметрѣ; онъ возвышается вначалѣ этого «языка» и окруженъ ровомъ; передъ нимъ расположены 6 кургановъ, которые всѣ похожи другъ на друга и одинаковой высоты, которая равняется почти половинѣ главнаго кургана, т. е. приблизительно четы-

Курганы № 3[±] (одно погребение)

см. Бур. 107-109

Курган № 6 + с тремя погребениями.

см. стр. 114.

ремъ метрамъ, за ними идутъ 23 другихъ кургана еще меньшихъ по размѣру. Среди нихъ, и главнымъ образомъ въ противоположномъ концѣ отъ высокаго кургана, виднѣются 10 надгробныхъ памятниковъ въ видѣ кучи камней. Наконецъ, въ этомъ же концѣ встрѣчаются 7 киргизскихъ могилъ, одна изъ нихъ помѣщена на краю кургана. У подножія этого «языка» на юго-западной сторонѣ возвышаются двѣ киргизскихъ мазарки.

И такъ, располагая только очень ограниченными средствами, я выбралъ для раскопокъ вышеописанный курганъ № 4, составленный изъ груды камней.

Снявъ камни, скоро обнаружили яму; временами въ разныхъ углахъ ямы попадались куски сгнившаго дерева, которые, безъ сомнѣнія, составляли обычный колъ, ставившійся на краю древнихъ могилъ. Наконецъ на глубинѣ 2 метровъ открылся скелетъ подъ сгнившими досками. Благодаря прикрытію этими досками и въ виду большой глубины ямы костякъ довольно хорошо сохранился. Длина скелета 1 метръ 87 сантим.; онъ лежалъ съ запада на востокъ въ вытянутомъ положеніи, головой на западъ, лицо обращено на югъ. Рядомъ съ нимъ на лѣвой сторонѣ видимо былъ положенъ желѣзный обломокъ пика; въ ногахъ сложены одно на другое два желѣзныхъ стремени, желѣзная пряжка и обломокъ лошадиныхъ удилищъ.

Этотъ курганъ можетъ быть отнесенъ къ концу язычества въ киргизскихъ степяхъ и къ началу распространенія ислама, на что указываетъ скудность предметовъ въ могилѣ и лицо покойника, обращенное на югъ.

Курганъ № 5-й (одно погребеніе). Этотъ курганъ куполообразнаго вида, высотой полтора метра и 25 метровъ въ окружности, расположенъ на этомъ же самомъ плато. Снявъ насыпь, обнаружили яму. По бокамъ

ея были посажены колы, навѣрно для того, чтобы под-
держать песчаные края ямы. На глубинѣ 1 метра 40
сантиметровъ лежалъ скелетъ съ сѣверо-запада на юго-
востокъ, лицо обращено на югъ, головой на сѣверо-западъ.
Въ этомъ курганѣ никакихъ предметовъ не оказалось.
Курганный способъ погребенія и отсутствіе какихъ либо
предметовъ заставляетъ предположить, что этотъ курганъ
былъ воздвигнутъ народомъ, который еще не успѣлъ
воспринять вполне магометанскіе обычаи. Мусульманство
видимо еще у нихъ не укоренилось и не успѣло вытѣ-
снить прежніе обычаи погребеній.

Курганъ № 6. (съ тремя погребеніями). Этотъ кур-
ганъ расположенъ у подножія горы Жиланъ-тау на пра-
вомъ берегу рѣки Жаксы-Каргала и на маленькой возны-
шенности, верстѣ за 12 отъ Актюбинска. Размѣры его
слѣдующіе:

окружность отъ 40 до 42 шаговъ

діаметръ 3 метра 65 сант.

высота 2 метра 10 сант.

Какъ видно, высота этого куполообразнаго кургана
довольно значительна, поэтому онъ замѣтенъ издалика.
Насыпь трудно поддается копанію; вскорѣ попадаются
куски сгнившаго дерева; на глубинѣ 1 метра 15 сант.,
почти въ центрѣ кургана, обнаруженъ былъ глиняный
горшокъ грубой отдѣлки, опрокинутый и разбитый. Раз-
мѣры его и форма слѣдующіе:

высота $8\frac{1}{2}$ сант.

діам. 11 сант.

діам. дна 7 сант.

Скоро стали замѣтны шесть правильныхъ рядовъ
колышковъ, довольно хорошо сохранившихся, которые
ограничивали края трехъ ямъ.

Эти колышки были выдѣланы изъ березы, имѣли отъ 6 до 7 сант. въ діаметрѣ и были разставлены въ одинаковомъ разстояніи одинъ отъ другого по 7 въ каждомъ ряду, а у центрального погребенія по пяти.

Очистивъ осторожно каждую изъ ямъ, на глубинѣ 2 м. 60 сант., т. е. на полметра ниже почвеннаго слоя, мы нашли скелетъ ребенка, который былъ обернутъ въ кору березы, костьякъ плохо сохранился. Нѣсколько сант. ниже, справа и слѣва, обнаружены были еще два погребенія. Скелеты были до того плотно обернуты въ кору березы, что пришлось ломомъ разбить ее. Открывъ этого рода целену, хотя и съ большимъ трудомъ обнаружили скелеты. Они до того хорошо сохранились, что всѣ кости были видны, но тутъ нестати разразившаяся гроза заставила насъ поторопиться съ работами. Дождь лилъ какъ изъ ведра, и опасаясь, какъ бы онъ не испортилъ все, пришлось продолжать раскопки до конца подъ ливнемъ. Одинъ изъ череповъ, заключающій всѣ зубы, превосходнаго вида, былъ взятъ мною.

Скелеты лежали съ запада на востокъ, головами на западъ. Каждый изъ нихъ въ отдѣльной ямѣ, которая окружена колышками въ видѣ оградъ. Всѣ лежали въ вытянутомъ положеніи, развѣ только у праваго скелета ноги какъ будто были немного согнуты; лицо cadaго изъ боковыхъ скелетовъ было обращено къ ребенку, который занималъ центральную яму. Рядомъ съ лѣвымъ скелетомъ, кости котораго были болѣе крупны, чѣмъ у скелета правой стороны, виднѣлся длинный колчанъ изъ березовой коры; онъ лежалъ вдоль лѣваго бока, заключалъ 4 древка и большія желѣзные наконечники стрѣлъ. У ногъ скелета меньшаго размѣра съ правой стороны была найдена маленькая коробка въ родѣ табакерки; тутъ же еще былъ найденъ кусочекъ матеріи съ

золотыми нитками и куски кожи; больше ничего не оказалось.

Судя по содержимому кургана, лица, похороненныя въ немъ, не были ни богаты, ни знатны, но присутствіе трехъ скелетовъ (вѣроятиѣ всего отца, матери и ребенка) является загадочнымъ. Не разыгралась ли тутъ нѣкогда семейная драма или, что еще болѣе правдоподобно, не были ли они всѣ трое скошены какой нибудь заразной болѣзнію, соединившей ихъ всѣхъ подъ одной насыпью. Трудно допустить, чтобы смерть одного изъ членовъ семьи влекла за собою смерть остальныхъ членовъ ея. Курганъ не кажется такимъ древнимъ, чтобы эти дикіе нравы могли еще существовать, когда онъ былъ воздвигнутъ.

Курганъ засыпанъ былъ снова и ввиду непогоды я возвратился въ Актюбинскъ, окончивъ этимъ мои археологическія изслѣдованія.

І. А. Кастанье.

Исторія Чингисхана и Тамерлана.

Д. чл. Мухамедъ Садыковичъ Рамеевъ въ 1904 г. принесъ въ даръ музею Комиссiи старинную рукопись на Джагатайскомъ нарѣчiи, которую Комиссiя переслала д. чл. проф. В. В. Бартольдъ съ просьбой просмотрѣть рукопись и дать отзывъ. Г. Бартольдъ съ крайней любезностью исполнилъ просьбу Комиссiи и отзывъ его здѣсь помѣщается (см. также вып. XVI, стр. 45, прот. засѣд. 26 нояб. 1904 г.). Съ Джагатайскаго на русскiй переводъ сдѣланъ д. чл. А. В. Васильевымъ и Г. Г. Балгимбаевымъ.

«Разсмотрѣвъ присланную мнѣ рукопись на Джагатайскомъ языкѣ, имѣю честь сообщить о ней слѣдующiя свѣдѣнiя. Л. 1 б—II а содержитъ сочиненiе религiознаго содержанiя (приводятся изрѣченiя пророка Мухаммеда по разнымъ вопросамъ); съ 11 б—29 б—легендарную исторiю Чингисхана (до л. 22 б) и Тимура. Это сочиненiе (анонимное) было издано въ Казани лекторомъ Хальфинымъ въ 1822 г. подъ заглавiемъ: «Жизнь Джангизъ-хана и Аксакъ Тимура»; вторая часть (исторiя Тимура) вошла также въ «Турецкую хрестоматiю» покойнаго профессора И. Н. Березина. Присланная мнѣ рукопись представляетъ, сравнительно съ печатнымъ текстомъ, много вариантовъ. Рукопись того же сочиненiя имѣется въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ (atdd II 725) и описана въ каталогѣ Британскаго музея Vieu — p. L. 81 б—282 а. Тамъ приведены данныя, по которымъ это сочиненiе можетъ

быть отнесено ко второй половинѣ XVII вѣка; генеалогія чингизидовъ обрывается на Касимовскомъ царевичѣ Бурханъ-Султанѣ, о которомъ сказано, что онъ въ странѣ русскихъ сдѣлался вѣроотступникомъ. По историческимъ извѣстіямъ этотъ царевичъ принялъ христіанство около 1653 г.

Дальше (л. 29 б—31 б) помѣщенъ легендарный рассказъ о царевичѣ Аметѣ, не находящійся въ книгѣ Хальфина; послѣ этого (л. 31 б - 32 а) приводится фантастическая генеалогія мурзы Едигея, родъ котораго производится отъ халифа Абу-Беира; эта генеалогія также находится въ упомянутой книгѣ Хальфина (стр. 83—85).

Вторая половина стр. 32 а содержитъ перечисленіе нѣкоторыхъ татарскихъ правителей и ихъ столицъ, помѣщенное въ книгѣ Хальфина на стр. 86. Въ концѣ рукописи (л. 32 б) приводятся стихи персидскаго поэта Адеби.

Въ книгѣ Хальфина (стр. 79 - 91) помѣщенъ еще лѣтописный рассказъ повидимому того же неизвѣстнаго автора, доведенный до 1733 г.; изъ этого можно заключить, что сочиненіе это было напечатано еще позже, чѣмъ полагалъ Vieu».

ПРЕДАНІЯ О ЧИНГИСХАНѢ.

У Ноя было 4 сына и 4 дочери; имена сыновей: Хамъ, Самъ, Киньганъ и Іафесь, дочери — Ряжабъ, Захабъ, Рахатъ и Ряжибъ. Первая была родная ¹⁾ дочь — отъ жены, а Захабъ, Рахатъ и Ряжибъ произошли, по молитвѣ праведнаго Ноя, отъ щенка, кошки и осла.

¹⁾ Въ подлинникѣ: сабырлыкы.

Отъ Хама произошелъ народъ арабскій, отъ Сама—персы ¹⁾, Киньганъ во время потопа погибъ и потомковъ отъ него не осталось, отъ Іафеса произошли европейскіе народы ²⁾; его еще называли Абульжаханомъ. Отъ Абульжахана родился Бакырханъ, отъ Бакырхана—Узьханъ, отъ Узьхана—Кокханъ, отъ Кокхана—Богдаханъ, отъ Богдахана—Караханъ, отъ Карахана—Кунъмирканъ, отъ Кунъмиркана—Ушам-Бурылханъ, отъ Ушам-Бурылхана—Шамшуши, отъ Шамшуши—Лекаберди, отъ Лекаберди—Кашумергенъ, отъ Кашумергена—Карадусанъ, отъ Карадусана—Тормакайшешенъ, отъ Тормакайшешена—Тумакулмергенъ, отъ Тумакулмергена—Дойан-байанъ, отъ Дойан-байана—Шынгызханъ (по татарски Чингисханъ), отъ Шынгызхана—Юшиханъ, отъ Юшихана—Байанъ, отъ Байана—Байанханъ, отъ Байанхана—Сыртакханъ, отъ Сыртакхана—Биртакханъ, отъ Биртакхана—Тогалыханъ, отъ Тогалыхана—Токтагыханъ, отъ Токтагыхана—Узбекханъ, отъ Узбекхана—Джанибекханъ, отъ Джанибекхана—Бердіекханъ, отъ Бердіекхана—Султанханъ, отъ Султанхана—Шабакханъ, отъ Шабакхана—Муртазаханъ, отъ Муртазахана—Көшумханъ (по татар. Кучумханъ), отъ Көшумхана—Арысланханъ, отъ Арысланхана—Бурханъ, который принялъ русскую вѣру ³⁾.

Итакъ, начнемъ съ Чингисхана.

Въ то время на берегу ⁴⁾ Вѣлаго моря былъ городъ Малтаба, въ немъ былъ ханомъ Алтынханъ; жену его звали Курдуяшъ, отъ которой родилась дочь, прозванная Гулямаликъ-Курукти. Дочь эту воспитывали въ совер-

¹⁾ Хожам-халыкы.

²⁾ Рум-халыкы.

³⁾ Орус мѣртед болду.

⁴⁾ Ишенде (въ морѣ).

шенно темномъ 40-саженномъ дворцѣ ¹⁾, куда не доходили ни лучи солнца, ни лучи мѣсяца. Она была до того красива, что если взглянуть на дерево — на немъ являлись листья, взглянуть на голую землю — выросла зеленая трава; когда она расчесывала свои волосы, то сыпался жемчугъ, когда плевала — выбрасывалось золото. Однимъ словомъ, она была совершенство ²⁾. Къ ней приставлены были подруги-служанки ³⁾, главную изъ которыхъ называли Уртханъ.

Однажды, когда Гулямаликъ была уже совершеннолѣтней, она обратилась къ Уртханъ съ слѣдующей просьбой:

— «Выведи меня Уртханъ, изъ этого дворца! Что это такое міръ Божій!? Походить-ли на этотъ дворецъ, или онъ что-нибудь другое?»

— «Міръ — снаружи, — отвѣтила Уртханъ, — онъ представляетъ изъ себя широкое пространство ⁴⁾; есть тамъ солнце и луна, которые его освѣщаютъ».

— «Покажи мнѣ эти предметы», сказала дочь хана.

— «Если увидишь ихъ, можешь умереть», отвѣчала Уртханъ.

Но дочь хана не испугалась, а произнесла: «Хотя и умру, но хочу видѣть ихъ!»

Тогда Уртханъ открыла окно. Лучи солнца проникли въ комнату и Гулямаликъ лишилась чувствъ. Служанки перепугались и съ плачемъ говорили: «Что мы скажемъ хану!?» Черезъ часъ дочь хана пришла въ себя, къ общему удовольствію ея подругъ, которыя стали ее спра-

¹⁾ Кырыкулаш тас сарайда.

²⁾ Артыкъ тутан жон еди.

³⁾ Дія.

⁴⁾ Джиханъ.

шивать: «что она видѣла?» Гулямаликъ отвѣтила: «Отъ видѣннаго мною свѣта солнечнаго образовалось у меня дитя. Что вы скажете теперь родителямъ моимъ!»...

Любя свою дочь, отецъ ея, Алтынханъ, навѣщалъ всегда свою любимицу въ извѣстное время. Однажды онъ пришелъ къ ней и увидѣлъ, что дочь беременна. Онъ спросилъ ее: «Отчего у тебя появились на лицѣ матежи? ¹⁾ Какая бѣда случилась!» Съ такою думою, опечаленный, онъ возвратился къ себѣ и сказалъ своей женѣ:

— «Ахъ, Курляушъ, со дня нашего супружества не было у насъ еще такого постыднаго дѣла: съ дочерью случилась бѣда! Что будемъ теперь дѣлать?»

Курляушъ на это отвѣтила: «Выдать ее замужъ за кого-либо изъ здѣшнихъ — неудобно, много будетъ разговоровъ и дурныхъ предположеній, такъ какъ люди все равно, какъ дьяволы. Прибѣгнемъ къ хитрости: пустимъ ее въ корабль по морю!»...

Устроили корабль, наполнили его золотомъ, серебромъ и большимъ запасомъ пищи; посадили въ него дочь, и 40 дѣвицъ служанокъ съ сизыми голубками; для освѣщенія устроили плошки ²⁾ и пустили корабль въ море, ночью ³⁾ (?), пожелавъ ему благополучія! ⁴⁾.

Прошло нѣсколько дней. Въ это время сынъ Турумтай-шешеня Тумакул-мергенъ охотился далеко отъ своего дома, при немъ было 40 сверстниковъ и 1 караульщикъ — Шаба-сокуръ, прозванный такъ потому, что былъ съ однимъ глазомъ. Онъ-то и сказалъ Тумакул-мергену: «Тамъ вдали что-то чернѣетъ»... — «Что-же это такое?»

¹⁾ Секпель.

²⁾ Шрак.

³⁾ Тун денгизне.

⁴⁾ Буквально: встрѣтиться со счастьемъ — *машыкыла жун-луккай ден!*

спрашивает Тумакуль. Шаба-сокуръ отвѣчалъ: «Это како-то золотой корабль, хотя трудно разобрать; завтра къ обѣду онъ подойдетъ сюда».

Дѣйствительно, къ этому сроку корабль подошелъ къ берегу. Онъ былъ золотой но входа въ него не было — не знали, какъ войти въ него. Тутъ нашелся Шаба-сокуръ, который сказалъ: «Эй, Мергенъ, стрѣляй въ корабль!»

— «Какъ стрѣлять, — возразилъ Тумакуль, — прямо или вкось?»

Шаба-сокуръ былъ родомъ Туркменецъ, онъ сказалъ: «Если будешь стрѣлять прямо, можешь убить того, кто внутри, — стрѣляй лучше вдоль борта корабля ¹⁾».

— «Хорошо, въ такомъ случаѣ я выстрѣлю изъ лука вкось!» сказалъ Тумакуль и выстрѣлилъ. Три доски отъ стрѣлы выпали ²⁾. Въ отверстіе вышла красавица Гулямеликъ Куректи съ 40 сверстницами, голубками и попугаями; ихъ взялъ себѣ Тумакуль, а корабль достался Шаба-Сокуру.

Красавица Гулямеликъ сказала Тумакулу: «Теперь я навсегда твоя, но въ данное время ты не касайся меня, такъ какъ я беременна и притомъ не отъ человѣка, а отъ солнца». Тумакуль на эти слова не обращалъ вниманія, говоря, что для него это безразлично. Тогда Гулямеликъ сказала: «Я была какъ соколъ на небѣ и сѣла на твое дерево ³⁾; ты герой и я не буду тебѣ противорѣчить, только бы исполнилось мое желаніе». «Хорошо, сказалъ Тумакуль, я исполню его».

¹⁾ Кыйа.

²⁾ Оттого, что онъ стрѣлялъ въ бокъ *кыйат*, а родъ его называется *«кыйат-калык»*.

³⁾ Карагагай дай бутагынызга.

Въ тотъ-же вечеръ они поставили палатку ¹⁾.

«Теперь я вижу, сказалъ Тумакулъ, что ты забеременѣла отъ солнца, иначе ты не была-бы дѣвицею!» ²⁾ и стала она ему еще болѣе мила.

Гулямеликъ сказала: «Ты не повѣришь, быть можетъ, что я не знала мужчины въ жизни». Но тотъ сказалъ: «Ты и беременна и вмѣстѣ дѣвица, такая можетъ достаться лишь особенно счастливому человѣку и я такую именно искалъ». Тутъ Гулямеликъ сказала: «Умей цѣнить меня». А онъ говорить: «Въ знакъ моей любви къ тебѣ, пусть отнынѣ моимъ любимымъ деревомъ будетъ сосна, соколомъ моимъ — сациннарагай, а тамгой моей пусть будетъ ашамай». Отсюда и произошло названіе «ашамай тамги» (X).

Черезъ нѣкоторое время явился на свѣтъ Божій ребенокъ, котораго назвали Тѣнгребергенемъ-Доян Баяномъ.

Нѣсколько дней спустя, отецъ Тумакулъ-мергеня Турмтай-шешенъ умеръ и Томакулъ, возвратившись на родину, сдѣлался ханомъ.

Затѣмъ, у Гулямалики родились еще два сына: Боденетай и Болектай.

По рожденіи этихъ дѣтей Гулямаликъ стала печальна.

Замѣтивъ это, мужъ спрашиваетъ ее: «Обыкновенно, когда рождаются мальчики — радуются; что-же ты кручинишься?»

— «Я скорблю за перваго сына, — отвѣтила жена, — ибо, по пословицѣ нашей: «кто поведется съ куланами, тотъ будетъ рѣзвиться на цвѣтахъ; а кто подружится со

¹⁾ Въ подлинникѣ говорится такъ: *сол кеме шатыр коруб жыттылар, мурагларын тайтылар...*

²⁾ Кыз болмас единг деди.

свиньей, тотъ будетъ валяться въ грязи»; или по другой: «кто не ханскаго рода — тотъ не для народа; кто не знаетъ своего положенія, — бываетъ ненасытнымъ...» ¹⁾). А потому Боденетай и Болектай — не для народа. Я — дочь льва; придя къ тебѣ, что хорошаго я увидѣла!»

Тумакулъ сказалъ: «Не говори больше... я понимаю..

Но она продолжала: «Послѣ твоей смерти Боденетай и Болектай раздѣлять твой народъ (и будутъ царствовать); а сынъ мой, Дуянь-баянъ, рожденный отъ свѣта, ничего не получитъ и вотъ о немъ-то я и скорблю!... Отправь-ка лучшихъ Боденетая и Болектая къ калмыкамъ».

Послушался мужъ и отправилъ ихъ къ калмыкамъ, давъ каждому по 7-ми провожатыхъ.

Братья поселились среди калмыковъ, построивъ дома ²⁾). Отъ нихъ то и произошли калмыцкіе ханы ³⁾.

Между тѣмъ, отецъ съ матерью женили оставшагося дома старшаго брата ихъ Дуянь-баяна на Алангу — дочери младшаго изъ семи сыновей Алтынхана — Тулекти.

Отъ ихъ брака произошли три сына: Боденжаръ, Кюнжаръ и Сальжуть. Отъ Боденжара пошелъ родъ кый-атовцевъ, а отъ Сальжута — китайцы. Тамакулъ былъ ханомъ 20 лѣтъ; послѣ него — Дуянь баянъ — 19 лѣтъ. Послѣдній однажды, собравъ свой народъ, сказалъ: «Я думалъ умереть вмѣстѣ съ женою, но вижу: смерть моя приближается. Я умру, а вы останетесь. Къ вамъ у меня есть слово: всѣ три моихъ сына недостойны управлять народомъ послѣ меня. Жена моя останется вдовою, но я

¹⁾ «Куланга ерген, шешекке аунар, донгузга ерген, балшыкка аунар»; или по другой: «Хан оло емес журтка лайык емес деуше ади; ба халын белмес кѡзу малга тоймас».

²⁾ Въ подлин. сказано: Журт салдыб жорленди

³⁾ Төрелер.

приду послѣ моей смерти ¹⁾ и у меня родится хорошій мальчикъ. Прошу васъ, народъ, подчинитесь ему! Знакомъ этого будетъ служить: послѣ смерти я буду горѣть какъ солнце, выйду изъ видѣ волка. Тамъ и знайте».

Слова эти распространились въ народѣ.

Когда Водентай и Болектай услышали о смерти старшаго брата, то пришли изъ калмыцкой земли ко вдовѣ и видятъ, что она убита горемъ по случаю смерти мужа. Они сѣли на лучшихъ лошадей брата и поѣхали на охоту на гору Байыртау. Тамъ охотились на сайгаковъ. Одного поймали живымъ и направились домой. Въ это время изъ лѣсу вышла навстрѣчу имъ толпа народа ²⁾. Они спросили: «Что вы за народъ и откуда?» — «Мы изъ китайскаго города, говорили тѣ, и вотъ уже 3 мѣсяца, какъ его оставили ³⁾. Мы голодны, будьте милостивы: дайте намъ этого сайгаченка!» Тѣ сказали: «Зачѣмъ же вы бѣжали отъ своихъ хановъ?» Толпа отвѣчала: «Правители наши испортились, мы не стерпѣли и убѣжали».. Охотники сказали: «Въ такомъ случаѣ мы не дадимъ цѣлаго сайгана, — его мы ведемъ для доставленія развлеченія оставшейся по смерти брата нашего вдовѣ!» Толпа говорила: «Если такъ, то возьмите одного мальчика у насъ, а сайгака дайте намъ». Охотники дали одну лишь заднюю ногу сайгаченка и получили мальчика, сказавъ: «Онъ будетъ хорошимъ развлеченіемъ для вдовы». Мальчика этого называли Валенъ, а по отцу онъ былъ Мангытай-дульжа.

И такимъ образомъ, сынъ знатнаго бѣи Валенъ былъ отданъ изъ-за голода за одну сайгачью ногу!...

¹⁾ Въ подлин. сказано: «мин келермин» (я приду).

²⁾ Каум-калык.

³⁾ Воеуб келемиз — бѣжимъ.

По возвращеніи домой мальчика вручили вдовѣ, которая, узнавъ о его зинтномъ происхожденіи, позаботилась о надлежащемъ воспитаніи. Сами братья стали проситься домой — къ калмыкамъ, въ виду дурного извѣстія относительно Маньхытай.

Вдова на это сказала: «Побудьте еще нѣсколько дней. Мои три сына не уважаютъ меня, испортились, своевольничаютъ, и причиняютъ обиды. Наставьте ихъ на добрый путь».

Бодентай и Болектай отвѣтили: «Ахъ, сношенька, наши наставленія имъ заключаются въ томъ, чтобы они соблюдали тишину и оказывали уваженіе, слушались старшихъ и передовыхъ людей, ибъ признакъ благоустроеннаго народа — родное благополучіе въ ихъ хозяйствахъ и сокрытіе отъ враговъ тайны, почтеніе къ старшимъ и расположеніе младшихъ къ ихъ услугамъ; напротивъ, въ неустроенномъ народѣ — родныхъ своихъ хулятъ, чужихъ хвалятъ, братьевъ и родичей не уважаютъ, младшіе пербиваютъ разговоры старшихъ, дѣти — разговоры отцовъ, допускаютъ насмѣшки (другъ надъ другомъ). Кто поступаетъ по совѣту старшихъ, тотъ настоящій человекъ. Если весь народъ будетъ слушаться совѣта одного старшаго и исполнять его волю, то народъ такой не пропадетъ¹⁾. Кто не услуживалъ султанамъ, тотъ, если ему придется это дѣлать, захочетъ пытаться и человѣческимъ мясомъ. Кто не имѣлъ охота, и потомъ сразу получить его, тотъ сдѣлается гордымъ. Подобные люди и богатыхъ считаютъ бѣдняками, хорошихъ — дурными, родовитыхъ — неродовитыми. Гдѣ такіе люди, — тамъ нѣтъ единодушія. Знающіе пусть остаются при своемъ знаніи, а незнающіе — пусть учатся. Но нужно помнить, что не слѣдуетъ

¹⁾ Въ подли. есть фраза объ охотничьихъ птицахъ...

обращаться за совѣтомъ къ пекарю, кузнецу и котельщику; ибо каждый изъ нихъ знаетъ только свое ремесло и его хвалить, между тѣмъ какъ опытный—хвалить всегда хлѣбъ ¹⁾). Пусть братья, покаившись, надѣются на Бога и обратятся за совѣтомъ къ старшимъ, передовымъ людямъ. Болѣе этого мы не можемъ дать никакихъ наставленій».

Сказавъ это Бодентай и Болектай уѣхали домой—къ калмыкамъ. Племянники, однако, не послушались ихъ; по прежнему не почитали мать, были безсовѣстны, не уважали старшихъ лицъ, самовольничали, отбирали у богатыхъ лучшихъ верблюдовъ, иноходцевъ, аргамаковъ; у передовыхъ лицъ отбирали дочерей. Вслѣдствіе такихъ поступковъ народъ взволновался и пришелъ къ матери ихъ со слѣдующими словами: «У насъ остались только кости да кожа, дольше терпѣть не можемъ!» Мать на это сказала: «Они и моихъ словъ не слушаютъ: вѣдь покойный Дуянь-баянь говорилъ, что они раззорятъ народъ и что родится еще сынъ, который и будетъ управлять народомъ». Народъ, услышавъ это, возрадовался. Вѣсть эта быстро распространилась и всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ появленія новорожденного.

Между тѣмъ, три старшихъ сына Дуянбаяна, узнавъ объ этой вѣсти и разсердившись, пришли къ матери и говорили: «Мы слышали твои лживыя слова!» А мать говорила: «Ахъ, вы злодѣи, почему вы называете ихъ лживыми?»— «Какъ-же не считать ихъ лживыми, говорили дѣти, когда ты говоришь, что ты беременна сыномъ и вводишь въ обманъ народъ, а насъ не считаешь за дѣтей. Съ чего у тебя появился ребенокъ, которому ты дала уже имя Мѣни, не съ воды-ли, которую ты пьешь?!

¹⁾ Итмеген (хлѣбъ)—тат. слово, а не *нан*.

Не похожа-ли ты на ту курицу, которая, валяясь въ золѣ, носить яйца безъ пѣтуха? Не мать-ли ты Куа, которая, покушавъ пѣны, стала оттого беременною? Вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ прошло, какъ умеръ мужъ твой, а ты обманываешь народъ свой, говоря, что беременна. Не отъ мальчика-ли Бѣлена, купленного за заднюю ножку сайгаченка?!»

Тогда Алангу обратилась къ народу съ вопросомъ: «Чья это слова—народа или ихъ (дѣтей ея)?» Народъ съ гнѣвомъ единогласно закричалъ: «Это слова—твоихъ дѣтей». На это Алангу говорить: «Вы также, пожалуй, не повѣрите; лучше назначьте караулъ изъ 3-хъ людей: вѣдь сказано, что предъ появленіемъ новорожденного явится свѣтило, которое обратится потомъ въ волка и уйдетъ».

Народъ ничего на это не сказалъ, приставивъ незамѣтно для Алангу 3-хъ лицъ для наблюденія: Пшака, Еря и Одаша. Они стали сторожить. И вотъ, однажды, съ неба сошелъ свѣтъ ¹⁾; они съ испуга лишились чувствъ; но, опаматовавшись черезъ нѣкоторое время, спрашивали другъ у друга: «куда дѣвался тотъ свѣтъ?» Никто не зналъ. «Будемъ, говорили они, внимательно наблюдать: долженъ-же онъ выйти волкомъ?!» И дѣйствительно, чрезъ нѣкоторое время сѣрый волкъ, величиною съ лошадь, вышелъ наружу, посмотрѣлъ назадъ и ушелъ въ лѣсъ. Все это хорошо видѣли наблюдавшіе и передали сыновьямъ Алангу, добавляя, что теперь должно сбыться все сказанное ею.

Алангу никто уже не беспокоилъ и вотъ чрезъ нѣкоторое время она родила сына. У него былъ золотой клочекъ волосъ на верхушкѣ головы, на спинѣ печать

¹⁾ Кѣн—солнце, свѣтъ.

имени Джабраила; лицомъ онъ былъ очень красивъ, такъ что, кто его разъ видѣлъ, не могъ оторваться отъ него и готовъ былъ принести ему (въ подарокъ) и коня, и одежду.

Вотъ такъ и началъ расти Чингизъ. Возмужавъ, онъ былъ справедливымъ къ народу, полезнымъ для него и народъ сталъ его во всемъ слушаться, восхваляя его и называя его лучшимъ сыномъ хана.

Братья стали завидовать ему, говоря: «наша дружина и народъ почитаетъ незаконнорожденнаго ²⁾). Уничтожимъ его, иначе намъ не будетъ покоя». Но народъ, услышавъ объ этомъ, сказалъ, что онъ не позволитъ этого сдѣлать, потому что Чингизъ болѣе ихъ достоинъ быть ханомъ и посовѣтовалъ имъ, взявъ того, раздѣлить наследство (заключавшееся въ скотѣ), добавивъ, что если этого они не сдѣлаютъ, то народъ самъ раздѣлитъ наследство. Послѣ этого братья не рѣшились выполнить свой планъ открыто, ибо видѣли, что народъ преданъ Чингису, а задумали убить его тайно. Отцовское богатство раздѣлили они между собой, только не могли раздѣлить драгоцѣннаго золотого лука. Не зная, какъ его оцѣнить, пришли они къ матери, условившись между собою въ томъ, что получить его тотъ, кому передать она ханство; они сказали ей: «Мать! Кому ты, сжалившись, присудишь ханство, тому пусть достанется и этотъ золотой лукъ». Алангу отвѣчала: «Кто хулить, дѣти, свой народъ, тотъ получить возмездіе отъ другого; а кто хулить свою мать, тотъ будетъ терпѣть обиды отъ враговъ. Коварные! будете-ли вы слушаться меня?» — «Будемъ!» отвѣчали всѣ трое въ одинъ голосъ. «Въ такомъ случаѣ, сказала мать, пусть каждый изъ васъ выставить свой

²⁾ Ойностан туган балага.

золотой поясъ на солнце, у окна, и тотъ, у кого онъ будетъ ярко блестѣть (издавая свѣтъ), тотъ будетъ и ханомъ и владѣтелемъ драгоцѣннаго лука».

Братья одобрили такое рѣшеніе; сняли съ себя золотые пояса и выставили ихъ на солнце. Но ни у кого изъ нихъ поясъ не свѣтилъ. Наконецъ, выставилъ свой шелковый поясъ Чингисъ и отъ него сталъ исходить свѣтъ. Увидѣли братья это, удивились и говорили: «мать наша волшебница»... Съ такою дурной мыслью они ушли отъ матери, порѣшивъ, во что бы то ни стало убить Чингиса.

Чингисъ зналъ это и, опасаясь ихъ мщенія, сталъ совѣщаться съ своими приближенными, намѣреваясь уйти къ киргизамъ. И вотъ, съ тремя своими сверстниками приходитъ онъ къ Алангу и говорить: «Матушка! Я ухожу отсюда на вершину той рѣчки, гдѣ черная гора «Куркурлен»; тамъ я буду жить и буду посылать тебѣ клочки птичьяго пера: увидишь ты ихъ плывущими по теченію, знай, что я живъ! Тамъ я медвѣдей заставляю рычать, львовъ—заставлю скакать. Кто пожелаетъ отыскать меня, пусть явится туда».

Мать со слезами рассталась съ Чингисомъ.

На другой день народъ пришелъ къ Чингису на свиданіе, но уже его не засталъ. Заплакали всѣ, пришли къ Алангу и спрашиваютъ: «гдѣ нашъ ханъ, начальникъ Чингисъ?» Алангу сказала: «Вашъ ханъ ушелъ къ киргизамъ».

По уходѣ Чингиса, братья его Бѣденжаръ, Конжаръ и Сальжутъ стали своевольничать и обижать народъ. Разобиженный народъ не могъ выносить этого—пришелъ къ Алангу и со слезами на глазахъ говорилъ: «Зачѣмъ ты лишь показала намъ Чингиса, а потомъ отпустила его: лучше бы ты совершенно не показывала его намъ на глаза».

Алангу отвѣчала: «въ такомъ случаѣ я скажу вамъ, что онъ ушелъ утромъ», а когда они спросили: «куда?» —то Алангу сказала: «Идите къ этой рѣкѣ —Текеликъ и смотрите на нее: тамъ получите отъ него вѣсть». Народъ пошелъ къ рѣкѣ, но ничего на ней не видитъ, кромѣ птичьяго пуха. По возвращеніи народа къ Алангу, та спрашиваетъ: «что же вы видѣли?» Народъ отвѣчаетъ: «кромѣ клочковъ плавающего птичьяго пуха ничего не видали». Тогда Алангу говоритъ: «Вотъ этотъ пухъ и есть вѣсть отъ сына Чингиса. Теперь вы можете отправиться искать его прямо по этой рѣкѣ Текеликъ на верховье ея, гдѣ гора Куркурленъ; на этой горѣ есть шесть деревьевъ, тамъ-то и живетъ Чингисъ, занимаясь охотой на птицъ, пухъ которыхъ онъ и бросаетъ въ рѣку (такъ онъ, уходя, говорилъ самъ). Главная особенность этой рѣки та, что она днемъ разливается, такъ что вода выходитъ изъ береговъ, ночью же она убываетъ и рѣка входитъ въ берега. Идите на указанное мною мѣсто и ожидайте прибытія Чингиса. Если кто спроситъ васъ, откуда и зачѣмъ вы, отвѣчайте: «дун-дуйен!» Примѣты моего сына Чингиса слѣдующія: красивое лицо, въ бѣлой одеждѣ и шапкѣ, съ золотымъ лукомъ, печатью Джабраила и на сивой лошади; если онъ ударитъ лошадь кнутомъ, то исчезаетъ изъ виду. Если увидите такого человѣка, это и будетъ Чингисъ».

Посланные за Чингисомъ люди были: 1) Майкы-бій, 2) Калдар-бій, 3) Уркеш-бій, 4) Кипчак-бій, 5) Таміан-бій, 6) Керейт-бій, 7) Кунрад-бій, 8) Темиркутлу-бій, 9) Тулак-бій, 10) Толенгут-бій. Вотъ эти-то 10 біевъ и вознамѣрились ѣхать искать Чингиса. Только четыре бія: Кунрад-бій, Хитай-бій, Санжут, Кійат, изъ коихъ послѣдніе трое имѣли большое вліяніе въ народѣ, затруднялись ѣхать за Чингисомъ, не желая обидѣть своихъ мѣстныхъ

правителей и не желая искать хана вдали. За исключеніем Кунрада, который отсовѣтывалъ ѣхать за Чингисомъ, остальные, не обращая вниманія на его совѣты, все-же поѣхали къ нему. Майкы-бій взялъ у матери Чингиса перстень съ печатью, не поставляя объ этомъ въ извѣстность другихъ своихъ товарищей.

И вотъ они дошли до указаннаго мѣста, взобрались на гору, гдѣ было шесть деревьевъ, осмотрѣли кругомъ и видятъ вдали два дворца: бѣлый и синій. Они не вошли въ нихъ, а остановились на «Черной горѣ». Кругомъ было тихо и только черезъ недѣлю они слышали голосъ, подобный карканью вороны и разговору человѣка. Затѣмъ, они увидѣли, что къ нимъ на гору идетъ какой-то мужчина, но они ничего не говорили и лежали спокойно на землѣ.

Наступило утро. Зарычалъ гдѣ-то медвѣдь, заревѣлъ левъ... Тутъ-то посланные догадались, что здѣсь живетъ Чингисъ; побѣждали посмотреть и увидѣли Чингиса на сивой лошади, въ бѣлой одеждѣ, съ золотымъ лукомъ, по красотѣ похожаго на Джабраила. Чингисъ спросилъ. «Что вы за люди и зачѣмъ преслѣдуете меня?» Посланные отвѣтили: «дун-дуйентъ!» Услыхавъ эти слова Чингисъ, ударилъ лошадь плетью и исчезъ ¹⁾. Заплакали послы и рѣшили возвратиться на старое мѣсто.

Наступило другое утро, но кромѣ крика птицъ они ничего не слышали. Такъ они прождали на горѣ 2—3 дня.

Но вотъ, однажды, рано утромъ снова они слышали знакомые звуки—рычаніе медвѣдя и ревъ льва; изъ чего они заключили, что Чингисъ выѣхалъ на охоту. Съ радостью бросились къ нему на встрѣчу и опять увидѣли его.

¹⁾ Гайыб болду—сталъ невидимъ.

Чингисъ, считая ихъ за воровъ, сказалъ: «кто вы такіе и что вы всегда за мной слѣдуете?!» Въ отвѣтъ они закричали въ одинъ голосъ: «дун-дуйен!» Увидя ихъ слезы, Чингисъ и самъ заплакалъ и сказалъ: «Зачѣмъ вы сюда пріѣхали?» Тѣ отвѣчали: «Слѣдуя за тобой, мы готовы умереть». Тутъ Чингисъ сказалъ: «кто васъ направитъ сюда?—«Смиловалась надъ нами, — отвѣчали они, — мать твоя, Алангу и сюда направила насъ».

— «Въ такомъ случаѣ, говорить Чингисъ, есть-ли у васъ какое нибудь тому доказательство?»

Всѣ стояли, не зная, что сказать. Только Майкы-бій вынулъ изъ кармана перстень съ печатью и показалъ Чингису. Тотъ узнавъ, что это перстень матери, улыбнулся и говоритъ: «Если я буду ханомъ, то должность бека (беглек) пусть будетъ за тобой, Майкы-бій; если-бы ты не доставилъ перстня матери, то я разсердился бы на васъ, — такъ какъ вы, а равно и другіе бій для меня ничего не значили. Не обижайтесь на это, ибо вы мои теперь друзья, идѣте въ мою кибитку». Взошли они въ домъ (сарай), прожили тамъ недѣлю, пили опьяняющіе напитки и кушали разные явства.

Чингисъ сказалъ: «вы отыскиваете меня по предварительному рѣшенію общества; а сколько подвѣдомственно вамъ народа?» Они поднялись на ноги и, кланаясь, говорили: «мы здѣсь 10 человекъ—старшіе главари, отъ 9 родовъ и только Калдар-бій отъ себя. Мать твоя Алангу поддерживала насъ въ этомъ рѣшеніи. Кунградъ не согласился съ нимъ и остался у своихъ родовичей; а мы пожелали видѣть лицо твое и присоединиться къ тебѣ. Теперь желаніе наше исполнилось: мы и народъ нашъ отнынѣ въ твоихъ рукахъ».

Чингисъ сказалъ: «о, почтенные бій! съ сего дня я съ вами и вы со мной!» Услыхавъ это отъ Чингиса, они

очень обрадовались и преподнесли ему своих лошадей въ подарокъ, испросивъ на то его разрѣшеніе. Затѣмъ Чингисъ имъ сказалъ: «какъ вы меня повезете: у меня много вещей». Калдар-бій отвѣтилъ: «я сдѣлаю одну вещь, на нее мы и наложимъ» и сдѣлалъ телѣгу. Если спросятъ: кто первый сдѣлалъ телѣгу, знайте, что имя Калдар-бій Баленевъ. Нагрузили они вещи на телѣгу посадили на нее Чингиса и отправились къ своимъ.

Черезъ нѣсколько дней они добрались до города пославъ спросить Алангу о разрѣшеніи остановиться. Біи не знали, кому изъ нихъ первому идти во дворецъ, вслѣдъ за Чингисомъ, а потому Майкы-бій предложилъ вопросъ: «кто долженъ взойти — быкъ, который везъ телѣгу, или хозяинъ, управлявшій имъ». Чингисъ отвѣтилъ: «прилично-ли быку взойти раньше хозяина?!» И Майкы-бій взошелъ первымъ, занявъ мѣсто съ правой стороны хана. Другіе разсѣлить послѣ него.

На другой день они напали на аулы, біи которыхъ не поѣхали къ Чингису, а именно: Боденжара, Кѣнжара, Сальджута и Кунграда; всѣхъ они перебили вмѣстѣ съ народомъ. У Кунград-бія была сестра — Бортакшинъ, она успѣла скрыть дѣтей четырехъ убитыхъ биевъ: Боденжара, Кѣнжара, Сальджута и Кунграда. Узнавъ объ этомъ, народъ доложилъ Чингисхану. Тотъ разсердился и сказалъ: «идите, приведите сюда этихъ дѣтей». Они явились къ Бортакшинъ и сказали: «тебя требуетъ Чингисъ, скорѣе пойдемъ!». Та отвѣтила: «хорошо. пойду». И затѣмъ встала, накинула верхній костюмъ, надѣла расшитые туфли, на голову — шапку чернубурой лисицы, захватила съ собой 4-хъ мальчиковъ, изъ коихъ одному было 10, другому 11, третьему 13 и четвертому 4 года, отличавшихся красотою; но сама Бортакшинъ была красивѣе всѣхъ — ей не находилось равной соперницы въ то время:

косы ея—въ 40 саж.—двѣ женщины носили позади на золотомъ блюдѣ. Народъ говорилъ ей: «ахъ, Бортакшинъ, будучи такой красавицей, почему ты совершила такое дѣло;—скрывъ этихъ дѣтей, сдѣлалась воровкой!» Бортакшинъ отвѣчала: «зачѣмъ вы называете меня воровкой; если я и стала воровкой, то предъ ханомъ». Ее привели къ хану. Увидѣвъ ея красоту и длинные волосы, ханъ удивился и сказалъ: «Бортакшинъ, зачѣмъ въ моихъ глазахъ явилась ты воровкой? Зачѣмъ скрыла этихъ дѣтей?» Та, умоляя, говорила: «я стала воровкой изъ сожалѣнія къ тебѣ». — «Какимъ образомъ?» спросилъ Чингисъ. Бортакшинъ сказала: «я думала, что твоей душѣ трудно будетъ отвѣтить за участь этихъ дѣтей». — «Почему?» сказалъ Чингисъ. — «Во времена Ноя, отвѣтила Бортакшинъ, Господь послалъ невѣрнымъ потопъ; потопилъ ихъ и уничтожилъ; но чтобы не прекратился родъ человѣческій спасъ лишь тѣхъ, кто былъ въ кораблѣ Ноя. Ты—ханъ, не рабъ ли Божій? вѣдь и левъ, когда бросается на сайгака, если перескочить его, то не возвращается къ нему и освобождаетъ его; а ты человѣкъ, потому освободи меня и этихъ дѣтей. Народъ въ гнѣвѣ, не зная ихъ происхожденія, могъ убить и тѣмъ прекратить родъ; чтобы этого не произошло, я и рѣшилась скрыть ихъ».

«Ради хорошихъ твоихъ словъ, сказалъ Чингисъ, а также ради твоего сердца, подобнаго по широтѣ морю, избавляю отъ ста смертей, только не оставь меня безъ вниманія и не уходи отъ меня». Тогда Бортакшинъ сказала: «если ты любишь меня, то я—твоя». Ханъ, услышавъ это, обрадовался. Полюбивъ другъ друга, они стали законными супругами, устроили пиръ и веселились.

Отъ Бортакшинъ у Чингиса родилось четверо сыновей: Юшиханъ, Джидияханъ, Керейтханъ и Таулейханъ. Чингисханъ, будучи справедливымъ и добрымъ, благодаря

преданности своего народа, завоевалъ много ордъ и, та-
кийъ образомъ, имя свое (славу о себѣ) распространилъ
по всему міру. Чингисъ всѣмъ своимъ біямъ, которые
пріѣзжали къ нему, а также и другимъ біямъ, указалъ
извѣстное мѣсто, каждому давъ особую тамгу, особую
птицу, особое дерево.

Раздавъ мѣста посланнымъ біямъ, Чингисханъ соста-
вилъ изъ нихъ одинъ народъ и сказалъ первому изъ нихъ
Кыайту Будянжарову: «пусть твоимъ (любимымъ) дере-
вомъ будетъ сосна, птицей—соколъ, ураномъ твоимъ
(народнымъ кличемъ)—«араушанъ», тамгой—знакъ вер-
блюжьяго сѣдла»; другому—Сепкилю Кунградову сказалъ
«пусть твоимъ деревомъ будетъ яблоня, птицей—кречеть,
ураномъ—«кунградъ», тамгой—знакъ полной луны». По-
томъ обратился Чингисъ къ Майкы-бію: «пусть твоимъ
деревомъ будетъ черное дерево, птицей—орелъ, ураномъ—
«салаватъ», тамгой—знакъ козла». Затѣмъ сказалъ Ордаш-
бію: «о, ты, съ тысячею стрѣлъ Ордаш-ханъ». Съ тѣхъ
поръ и осталось за нимъ это названіе. Ордашъ былъ
очень храбрый человѣкъ; въ битву онъ выходилъ, воору-
жившись тысячею стрѣлъ. Ему Чингисъ сказалъ: «пусть
твоимъ деревомъ будетъ береза, птицей—ястребъ, ураномъ
—«алашъ», тамгой—знакъ пары реберъ». Далѣе обратился
онъ къ Таміен-бію, сказавъ: «пусть твоимъ деревомъ бу-
детъ ива, птицей—ворона, ураномъ—«тотія», тамгой
—знакъ кряка». Кипчак-бію назначилъ деревомъ—«ка-
рама», птицей—беркута, ураномъ—«токсаба», тамгой—
знакъ гребня. Жумарт-бію назначилъ деревомъ вязъ, пти-
цей—пустельгу, ураномъ—«актайлакъ», тамгой—знакъ
вилъ. Обращаясь къ другимъ, Чингисъ говорилъ: «Ке-
рейт-біи! пусть твоимъ деревомъ будетъ липа, птицей—
гусь, ураномъ—«арбуръ», тамгой—знакъ глаза. Мойтак-
біи! пусть твоимъ деревомъ будетъ «мійляшъ», птицей—

журавль, ураномъ — «байгуанъ». Буржан-бій! пусть твоимъ деревомъ будетъ дубъ, птицей — «кошелгенъ», ураномъ — «актуганъ», тамгой — «жагалбай». Буркут-бій! твоимъ деревомъ пусть будетъ кленъ, птицей — «хѳт-хѳтъ», ураномъ — «борхъ», тамгой — изображеніе арабской буквы «аинъ». Кытай-бій Каганжаровъ! твоимъ деревомъ пусть будетъ «артшъ», птицей — дудакъ, ураномъ — «тяйлекъ», тамгой — «сердей». Калдар-бій! твоимъ деревомъ пусть будетъ сандалъ, птицей — голубъ, ураномъ — «арнау», тамгой — уполовникъ. Шальжут-бій! пусть твоимъ деревомъ будетъ «куйрушъ», птицей — «куйлау», ураномъ — «барласъ», тамгой — изображеніе дома. Темир-котлу-бій! пусть будетъ твоимъ деревомъ шырык (гниль), птицей — сорока, ураномъ — «табанъ», тамгой — знакъ половины гребня. У самага Чингисхана ураномъ было — «жанкаба».

Назначивъ всѣхъ этихъ біевъ военачальниками (аскеръ-басы), Чингисханъ отправилъ ихъ для завоеванія ордъ. Каждый изъ нихъ находилъ своихъ среди многочисленнаго войска по уранамъ. Названія всѣхъ урановъ слѣдующія: у Чингисхана — «жанкаба», другихъ — «уржанъ», «кунградъ», «салаватъ», «алашъ», «тотія», «токсаба», «актайлакъ», «абуръ», «байгуанъ», «актуганъ», «борхъ», «тайлекъ», «арнау», «барласъ» и «табанъ». Когда выѣзжалъ Чингисханъ на охоту за сайгаками, то названные военачальники выѣзжали съ нимъ вмѣстѣ со своими птицами, названіе которыхъ слѣдующее: у Чингисхана — двухглавый кур-кус, у другихъ: кречетъ, соколъ, орелъ, ворона, беркутъ, пустельга, гусь, журавль, хѳт хѳт, дудакъ, голубъ, сорока и др. Деревомъ у Чингисхана было — шынар, у другихъ: черное дерево, яблоня, береза, осина, вязъ, липа, мыйлат, дубъ, кленъ, сандалъ и др. Тамгой у Чингисхана было — птичья голова, у другихъ — знакъ верблюжьяго сѣдла, знакъ луны, знакъ козла,

знакъ пары реберь, знакъ крюка, знакъ гребня, знакъ виль, знакъ глаза, жагадбай; изображеніе арабской буквы «аин», «сердей», уполовника, изображеніе дома, знакъ половины гребня.

Каждому военачальнику далъ для войны по кольчугѣ съ отдѣльной для каждой названіемъ. Кольчуга Чингиса называлась «буян»; старшаго сына его Юшы— «каратау», второго сына Джудая— «алтын садукъ», третьяго сына Тутея— «от жуйрокъ» (огненное сердце). А у военачальниковъ онѣ носили названія: у Кыята— «кала» (городъ), Кунграда— «ай колтукъ» (подъ мышкой луна), Майки— «сяни»(?), Урдаша— «шеше-гушъ» (материнъ глазъ), Таміяна— «куйлексе», Кайгаку— «кок жага» (синій воротникъ), Жуморта— «он кырышъ», Керейта— «аделемъ» (справедливый мой), Муйтака— «катты кабакъ» (суровые брови), Боржана— «кутту» (счастливый), Буркута— «курляшъ», Кытая— «без калпакъ» (шляпа изъ корня), Калдара— «шака-турганъ» (кусающійся), Сальджута— «кау-буршукъ» Темиръ-кутлы— «бузаубасъ» (телячья голова).

Однажды Чингисъ съ сыновьями и военачальниками своими выѣхалъ на охоту, гдѣ встрѣтили сайгака видомъ съ тигра; всѣ, прицѣлившись, выстрѣлили въ него, но не попали. Тогда трое погнались за нимъ и, догнавши, пристрѣлили его. Это были: сынъ Конграда Секле, второй— Ордашъ (прозванный Мынгсадакты), а третій— Таміян-бій. Убитаго сайгака они доставили Чингису. Тотъ удивился ихъ храбрости и далъ каждому въ награду по 1000 руб., и восхвалялъ ихъ храбрость на каждомъ собраньи.

Въ другое время они выѣхали опять на охоту и увидѣли сайгака изъ породы «буланъ». У Боржан-бія былъ скакунъ, на немъ онъ догналъ булана, схватилъ за хвостъ и притащилъ къ Чингису. Тотъ за это наградилъ его 50-ю рублями.

Такъ они забавлялись ежедневно.

Одинъ разъ Чингисъ послалъ военачальниковъ однихъ на охоту съ охотничьими птицами. Каждый выѣхалъ съ своей птицей. Кыйатъ — своего сокола пустилъ на лебедя, Майкы-бий «орла» — на утку, Урдаж ястреба — на гуся, Таміен «ворону» — на перепелку; каждый пойманную имъ птицу доставилъ хану. Тотъ и имъ далъ въ подарокъ 1000 рублей.

Послѣ этого Чингисъ передалъ богатство своему старшему сыну Юшы, надѣлъ на него свою шапку (корона) и поставилъ на свое мѣсто ханомъ. Второго сына — Джудая назначилъ ханомъ въ Индостанъ, гдѣ жили разные народы. Третьяго сына, Керейта, надѣвъ на него шубу героя, назначилъ ханомъ среди благороднаго народа — кѣнлер арасында (?). Четвертаго сына Тауалея, надѣвъ на него шубу съ атласнымъ воротникомъ, поставилъ ханомъ въ московскую орду, къ народу милостивому (ише аш каты тянли тоймас) и великому... Такимъ образомъ, Чингисъ подѣлилъ всѣ орды между сыновьями; всѣ ханы въ этихъ ордахъ происходятъ отъ Чингиса.

Чингисъ родился чрезъ 549 лѣтъ послѣ смерти Магомета (да будетъ надъ нимъ миръ), въ годъ Донгуза, въ мѣсяцъ Джульгара. Онъ прожилъ 72 года. 10-ти лѣтъ былъ уже ханомъ и ханствовалъ 59 лѣтъ. Городъ, въ которомъ онъ былъ ханомъ, назывался Китаемъ. Послѣ 72-хъ лѣтъ, въ годъ Донгуза, въ 15-й день Рамазана, вечеромъ, онъ умеръ — въ 621 году.

II.

ПРЕДАНИЕ ОБЪ АКСАКЪ-ТЕМИРЬ (ТАМЕРЛАНЪ).

Теперь перейдемъ къ разсказу о происхожденіи Аксакъ-Темира.

Въ г. Индостанѣ ханствовалъ сынъ Чингисхана Жудай-ханъ. Однажды онъ увидѣлъ во снѣ дурной сонъ. Испугавшись, онъ проснулся и дрожалъ. Потомъ созвалъ кудесниковъ (баксъ) и гадателей (балши) узнать его судьбу ¹⁾. Тѣ сказали: «ханъ, въ твоей судьбѣ вотъ что значится: у тебя въ государствѣ, въ аулѣ Алмалы есть человекъ, по имени Торагай, его степъ Тарнажъ, дѣлъ — Тагуши, прадѣдъ — Олокси, прапрадѣдъ — Каракши; примѣта его — на спинѣ (лопаткѣ) родимое пятно, а на лѣвомъ глазу — бѣльмо; жена у него беременна; смерть твоя и послѣдуетъ отъ этого ребенка».

Услышавъ эти слова, ханъ тотчасъ разыскалъ въ аулѣ Алмалы Торагая, и, осмотрѣвъ, нашелъ у него на спинѣ родимое пятно, а на глазу — бѣльмо. При этомъ Жудайханъ спросилъ: «есть-ли у тебя въ домѣ, Торагай беременная женщина?» Тотъ отвѣтилъ утвердительно. Тогда ханъ сказалъ: «Торагай, ребенокъ отъ этой женщины будетъ моимъ убійцей; а потому, до появленія его на свѣтъ, я убью его».

Сказавъ это, онъ приказалъ привести жену Торагая. Глупый, онъ хотѣлъ измѣнить свою судьбу; но предопредѣленія Божьяго можно-ли измѣнить?

Стали совѣтоваться, какъ убить. Одни говорили, надо убить женщину и осмотрѣть, что у нея внутри; другіе совѣтовали: не убивая женщины, лучше уничто-

¹⁾ Въ подлин. «талыгын (т. е. жолдузын) каратты»

жить плодъ путемъ придавливанія. Согласились съ послѣднимъ мнѣніемъ и стали приводить его въ исполненіе, давя животъ сильно колѣнами. Отъ этихъ дѣйствій женщина лишилась чувствъ. Тогда ханъ сказалъ: «вѣроятно, что не только ребенокъ, но и сама мать его уже умерла, оставьте ее въ покоѣ!» Съ этими словами ханъ успокоился, считая себя теперь избавившимся отъ опасности. Но умерщвленная-было женщина ожила, оправилась и родила сына, у котораго одна нога оказалась поврежденною. Его назвали Аксак-Темиромъ ¹⁾, въ виду того, что несмотря на тяжкія мученія, которымъ онъ подвергся до рожденія, онъ все же остался живъ (былъ какъ-бы желѣзнымъ).

Аксак-темиръ происходилъ изъ рода Ласъ, приходясь племянникомъ по женской линіи одному изъ хановъ. Вскорѣ по рожденіи родители его умерли и воспитывать его было не кому, онъ предоставленъ былъ самому себѣ. Выросши, онъ ушелъ ²⁾ въ г. Шамаху, гдѣ и находился сначала безъ дѣла, а потомъ нанялся пасти телятъ. Вспоминая свое сиротство и сожалея о немъ, онъ приласкалъ къ себѣ 6—7 сиротъ, которые вмѣстѣ съ нимъ пасли телятъ и играли. Однажды онъ въ степи прислонился къ испорченной стѣнѣ и видитъ, какъ одинъ хромой и слѣпой муравей взбирался на стѣну; взобравшись нѣсколько, онъ падалъ внизъ, потомъ опять взбирался, но приблизившись къ верху, снова упалъ. Аксак-темиръ дивился этому. Наконецъ, съ трудомъ муравей поползъ все-же до верху.

Тутъ Аксак-темиру и пришло въ голову: вотъ этотъ

¹⁾ Аксак—хромой, темир—желѣзо.

²⁾ Въ подлин. стоитъ: «казактан шыгыб, Шамты шаарина барды».

незначительный муравей—слѣпой и хромой, благодаря упорному старанію достигъ своей цѣли; потому не будетъ нисколько удивительно, если я буду домогаться быть ханомъ, и, если то угодно Богу, завоюю аулы, города и орды. Съ этою мыслью онъ продолжалъ свое занятіе, забавляясь съ сверстниками. Однажды, Аксак-темиръ сказалъ имъ: «поставимъ на одно мѣсто какую-нибудь вещь; кто раньше прибѣжитъ къ ней и завладѣетъ ею, того мы и назначимъ ханомъ своимъ». Всѣ одобрили это предложеніе. Вдалекѣ положили какую-то вещь и всѣ побѣжали къ ней. Аксак-темиръ не могъ опередить своихъ сверстниковъ; добѣжавъ до мѣста, онъ упалъ въ то время, какъ два товарища его готовы были схватить эту вещь, но онъ все же успѣлъ опередить ихъ, коснувшись ея палкою. Онъ сказалъ: «я опередилъ васъ!» Но тѣ стали оспаривать, каждый выставляя себя первымъ. «Нѣтъ—я!» говорилъ Аксак-темиръ, «пока вы руками хотѣли коснуться, у меня голова была уже тамъ». Во время ихъ спора подошелъ къ нимъ старикъ, къ которому они и обратились съ просьбою разрѣшить ихъ споръ. Старикъ спросилъ: «будете-ли вы согласны съ моимъ рѣшеніемъ?» Всѣ отвѣтили: «Что ни скажешь, во всемъ будемъ согласны». Тогда старикъ сказалъ: «эй, молодцы, у этого хромого мальчика оказывается голова была тамъ прежде, чѣмъ вы коснулись предмета рукою; поэтому его и назначьте ханомъ». Съ этимъ всѣ согласились и выбрали Аксак-темира ханомъ.

Однажды Аксак-темиръ говоритъ своимъ товарищамъ: «кто зарѣжетъ одного изъ телятъ и угоститъ имъ всѣхъ, того и выберемъ ханомъ». Никто, однако, на это не рѣшался. Аксак-темиръ—зарѣзалъ теленка, сварилъ мясо и угостилъ всѣхъ. Тутъ его подняли на верхъ, избравъ ханомъ. А по возвращеніи домой, сказали хозяину, что

одного теленка съѣлъ волкъ. Тотъ ничего на это не сказалъ: «видно, такъ угодно Богу», замѣтилъ только онъ-Аксак-темиръ послѣ сего предложилъ товарищамъ: «будемъ те грабить ѣдущихъ на базаръ; отберемъ у нихъ скоть». Тѣ согласились. «Вотъ мой наказъ вамъ», говорилъ Аксак-темиръ, «постарайтесь вооружиться сегодня-же вечеромъ». Къ полуночи, вооружившись кто ружьемъ, кто саблею, а кто лукомъ, вышли изъ города Шамахи. Распожившись на дорогѣ въ Индостанъ, они занялись грабежомъ лицъ, ѣдущихъ туда и возвращающихся оттуда. Сдѣлались извѣстными разбойниками. Всякій обглый находилъ у нихъ пріютъ. Скоро ихъ шайка достигла 200—300 человѣкъ. Благодаря имъ, опасно было ѣхать и потому караваны приостановились. Это дошло до свѣдѣнія Индостанскаго хана—Жудая. Онъ послалъ къ Аксак-темиру пословъ изъ 300 человѣкъ, которые и спросили его: «зачѣмъ ты грабишь проѣзжающихъ?» Но шайка Аксак-темира убила начальника посланнаго отряда, а самихъ ихъ, одаривъ подарками, присоединила къ себѣ. Вѣсть объ этомъ дошла до Жудай-хана; онъ сильно разгнѣвался и выслалъ вновь 591 человѣка. Аксак-темиръ, захвативъ всѣхъ ихъ, отправилъ одного начальника этого отряда къ Жудая. Въ третій разъ Жудай послалъ пословъ сказать, что онъ готовъ одарить ихъ золотомъ серебромъ, лишь бы они не обижали проѣзжающихъ. Услышавъ это отъ пословъ, Аксак-темиръ сказалъ имъ: «скажите хану своему, что у насъ богатства больше, чѣмъ у него, и если ему нужно, то пусть придетъ къ намъ и возьметъ его». Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Аксак-темиръ услышалъ, что къ нему идетъ съ войскомъ самъ Жудай-ханъ и послалъ навстрѣчу ему нѣсколько человѣкъ узнать: дѣйствительно-ли самъ онъ идетъ. Посланные встрѣчаютъ хана, ѣхавшаго впереди съ 30 провожатыми. Жу-

дай-ханъ спрашиваетъ ихъ: «не видали-ли они на дорогѣ разбойниковъ?» Тѣ отвѣтили: «никакихъ разбойниковъ не видали, а потому и нечего опасаться». Тутъ Жудай-ханъ и думаетъ: «вѣроятно, разбойники, узнавъ о нашемъ выѣздѣ, разбѣжались». Посланные другой дорогой вернулись къ Аксак-темиру, сообщивъ, что ханъ ѣдетъ впереди войска, окруженный 30 всадниками. Онъ и говоритъ: «если такъ, то навьючите на 30 верблюдовъ разнаго товара и встрѣтите ихъ». Такъ и сдѣлали. При встрѣчѣ ханъ спросилъ ихъ издали: «кто вы такіе? не видали на дорогѣ разбойниковъ?» Тѣ отвѣтили: «нѣтъ, никого не видали». Жудай ханъ подѣхалъ къ нимъ ближѣ; они его спросили: «кто вы такіе?». «Я—Жудай-ханъ, мы выѣхали разыскивать разбойниковъ». Тѣ сказали: «мы—торговцы; просимъ наложить клейма на нашъ товаръ, чтобы не было препятствія къ продажѣ его и покупкѣ новаго». Жудай-ханъ повѣрилъ этому и велѣлъ наложить клейма (тамги) и осмотрѣть, нѣтъ-ли чего рѣдкостнаго. Люди принялись исполнять волю хана. Въ это время ихъ и стали избивать. Аксак-темиръ схватилъ самого Жудая и хотѣлъ убить; но тотъ говоритъ: «я дѣлалъ тебѣ добро, неужели ты сдѣлаешь мнѣ злое». Аксак-темиръ отвѣтилъ: «ты безпечный, а я—нѣтъ; ты самъ себѣ дѣлаешь злое, а я дѣлаю себѣ добро». Съ этими словами онъ снесъ ему голову.

Послѣ этого Аксак-темиръ прибылъ въ Индостанъ и сдѣлался ханомъ, захвативъ городъ съ помощью своего войска, прибывшаго другимъ путемъ. Когда войско Жудай-хана, не найдя его, вернулось къ себѣ, то видитъ, что въ ихъ городѣ другое войско и другой ханъ, а потому поневолѣ покорилось.

Такъ рассказываютъ о покореніи Аксак-темиромъ

Индостана, при помощи Божіей, ибо и доброе и злое дѣло зависить отъ Бога.

Послѣ этого онъ завладѣлъ и другими городами — всѣмъ свѣтомъ.

У Аксак-Темира было два сына: Сафи и Вали. Собравши войско, онъ началъ готовиться въ походъ на Стамбулъ (Константинополь); навьючилъ массу верблюдовъ и слоновъ разной провизіей и орудіями. Войска у него было такъ много, что земля содрогалась. По дорогѣ онъ взялъ гор. Мисръ (Каиръ) и затѣмъ подошелъ къ Стамбулу. Въ одномъ мѣстѣ войско сдѣлало продолжительную стоянку и стало приводить себя въ порядокъ къ предстоящей битвѣ.

Въ то время въ Стамбулѣ былъ царемъ Шах-Султанъ. До него дошли свѣдѣнія, что къ его городу подступаетъ непріятель съ намѣреніемъ захватить городъ, а его самого убить. А потому и Шах-Султанъ набралъ также многочисленное войско и выступилъ противъ. Каждая сторона выдвинула развѣдчиковъ (караулиши) и слѣдила одна за другой. Наконецъ, оба войска встрѣтились и вступили въ бой, кончившійся пораженіемъ Шах-Султана: войска его обратились въ бѣгство и укрѣпились въ самомъ Стамбулѣ. Аксак-темиръ сталъ преслѣдовать ихъ и обложилъ Стамбулъ.

Осада продолжалась цѣлыхъ пять лѣтъ и была безуспѣшна, потому что городъ былъ окруженъ восемью курганами (валами), а дорога, ведущая въ городъ, оставалась неизвѣстною. Видя, что нельзя взять города силой, Аксакъ-темиръ прибѣгъ къ хитрости: онъ притворился больнымъ, все тѣло обмазалъ «зафраномъ» (шафраномъ) и сталъ совершенно желтымъ; затѣмъ онъ послалъ сказать осажденнымъ, что за грѣхи свои онъ наказанъ и рѣшилъ болѣе не воевать, а просить міра. Посланный передалъ

это съ вершины кургана осажденнымъ. Шах-Султанъ не повѣрилъ этому и послалъ въ свою очередь человека узнать, дѣйствительно ли это такъ. Посолъ прибывъ въ станъ Аксак-темира, видитъ его совершенно пожелтѣвшимъ и лишившимся силъ (больнымъ). Аксак-темиръ говорилъ послу: «вотъ, видишь, каково мое положеніе!» Тотъ, вернувшись, передалъ о всемъ, что видѣлъ. Шах-султану, добавивъ, что Аксак-темиръ усиленно просилъ передать поклонъ и оказать милость заключеніемъ мира.

Султанъ повѣрилъ этому, велѣлъ отворить ворота и самъ съ войскомъ пошелъ къ Аксак-темиру провѣдать его здоровье. По прибытіи султана Аксак-темиръ ожидался, схватилъ его и тутъ-же убилъ; разбивъ загнѣвъ войско, онъ вошелъ въ городъ.

Такимъ только путемъ Аксак-темиръ взялъ Стамбулъ и покорилъ себѣ тамошній народъ.

Въ Стамбулѣ Аксак-темиръ прожилъ нѣсколько лѣтъ, а потомъ, собравъ большое войско, отправился въ г. Ашмахи. Послѣ битвы захватилъ городъ Ашдарханъ (Астрахань). Тамъ онъ прожилъ 5—6 лѣтъ и отправился въ походъ на Болгаръ, сѣвъ на лодки и держа путь по Волгѣ на сѣверъ. Войска у него было такъ много, что одному только Богу извѣстно его число.

Въ это время у Болгаръ былъ царемъ Габдулла-ханъ. Услышавъ о наступленіи на него Аксак-темира онъ тоже собралъ большое войско и пошелъ на встрѣчу. Произошла очень сильная битва. Никто не могъ выдержать натиска Аксак-темира. Габдулла-ханъ также принужденъ былъ бѣжать и заперся въ городѣ Болгарахъ. Много умерло, а кто остался еще живъ — всѣ заперлись въ крѣпости. Осаду Аксак-темиръ производилъ въ теченіи 7 лѣтъ. Наконецъ въ 700 году въ 28 число мѣсяца Джол-хаджи взялъ онъ Болгары, уничтоживъ 124 на-

чальника (бек) и оставивъ ихъ женъ-красавицъ—вдовыми. Самаго Габдуллу-хана онъ также убилъ. Дѣтей его—Алтыбенка и Гилимбека—Болгары, оставшіеся въ живыхъ, скрыли въ лѣсу и тамъ воспитывали; одному изъ нихъ было—9 лѣтъ, а другому—7.

Нѣкоторые изъ спасшихся пришли въ г. Буляры, вырыли тамъ рвы и поселились. Въ то время тамъ былъ ханомъ Саметь. Большинство его народа было Бескалпаки, прозванные «*Бараж*» по змѣю, который тамъ находился. Когда змѣй этотъ сталъ народу причинять вредъ, они выступили было противъ него, но не могли осилить и оставили свой городъ, направившись къ сторонѣ Болгаръ; на рѣкѣ Болгары они построили четыре города, называвшихся Болгарами. Вотъ почему народъ этотъ назывался *Бараж* и ураномъ его былъ «бараж».

Однажды Самет-ханъ сказалъ имъ: «когда старшіе Баражовцы, оставивъ прежніе города свои, въ виду вреда, причиняемаго баражемъ, пришли сюда, то и Аксак-темиръ также построилъ на нашей землѣ дома. Что мы теперь будемъ дѣлать?» Тѣ отвѣтили: «какъ самъ знаешь: воля твоя ханъ; если прикажешь, будемъ воевать съ нимъ; либо мы его уничтожимъ, либо сами умремъ». Самет-ханъ на это сказалъ: «у меня есть одинъ святой человѣкъ; лучше спросимъ его».

Привели святого и просятъ его сказать: „воевать-ли имъ съ Аксак-темиромъ?“ Тотъ отвѣтилъ: «посмотрю» и пошелъ на вышку (минаретъ). Тамъ онъ видитъ войско Аксак-темира и между ними Хазыра. Спустившись внизъ, святой сказалъ: «нѣтъ вамъ разрѣшенія воевать, потому что съ Аксак-темиромъ —Хазыр¹⁾». Нужно покориться судьбѣ и приказать отворить ворота».

¹⁾ Хазыр или Кадыр—имя святого, покровителя путниковъ.

Народъ Баража сталъ плакать; но, не смотря на это, отворили всѣ ворота кургановъ, говоря: «нельзя противиться Богу». Безъ бою Аксак-темиръ съ войскомъ вошелъ въ городъ и перебилъ народъ.

Вечеромъ Аксак-темиръ ходилъ по городу, скрывая себя отъ другихъ. Подойдя къ собравшемуся въ одномъ мѣстѣ народу, онъ спросилъ: „отъ кого эта вся бѣда?“ Ему сказали: «вся бѣда на насъ отъ Аксак-темира; отъ его злости мы пропадаемъ». На слѣдующій день Аксак-темиръ ихъ замучилъ раскаленнымъ желѣзомъ.

Въ другой разъ вечеромъ Аксак-темиръ снова отправился къ Баражовцамъ и спросилъ ихъ: «отчего произошла гибель?» Тѣ сказали: «не знаемъ отчего; только знаемъ, пришелъ Аксак-темиръ, насъ перебилъ и раззорилъ!» Среди толпы была вдова одного изъ начальниковъ, по имени Жауши-бека, умершаго до прибытія еще Аксак-темира. Она сказала: «нужно сознаться, что вся эта гибель и разореніе произошли отъ нашихъ грѣховъ и злыхъ дѣлъ. Что могъ-бы сдѣлать самъ Аксак-темиръ?! Видно, таково ужъ предопредѣленіе Божіе». У нея было два сына: Ихсанъ и Инсанъ. На другой день повели ихъ къ Аксак-темиру: но народъ не зналъ, для чего ихъ повели. Сами дѣти думали, что ихъ ведутъ на смерть, а потому плакали. Аксак-темиръ сказалъ вдовѣ: «ты признала грѣхи свои, а потому тебя я милую: куда бы ты ни пошла, никто тебя не тронетъ». Объ этомъ объявилъ онъ и по войску.

Послѣ того дѣти стали совѣтываться между собой и рѣшили уйтти. Инсанъ сказалъ матери: «мы пойдемъ съ Волги во внутрь страны, въ гористую мѣстность и тамъ поселимся, ибо лучше ея нѣтъ». Мать согласилась, но другой братъ не хотѣлъ итти, сказавъ, что онъ пойдетъ лучше въ сторону предковъ и тамъ поселится. Ин-

сан-бекъ съ матерью пошелъ въ гористую мѣстность и тамъ на рѣкѣ Кубня построилъ домъ. У Инсана родился сынъ, котораго назвали Сулейманомъ; отъ него произошелъ сынъ Боръ, а отъ Бора—Нурдаулетъ, затѣмъ произошли: Нурхасенъ, Нурбулъ, Котужъ, Мактымъ, Икне, Махмутъ, Хожа-мухаммедъ, Тяукель, Бир-мухамедъ, Бабажъ, Ульмесъ, Жокамышъ; а отъ Ихсана произошли: Альмухамедъ, Кан-мухаммедъ, Ток-мухаммедъ. Атакъ, Шымакъ, Индерши, Текенишъ и Базергенъ. Тамгой у нихъ было «*кос-слисон*», а ураномъ—«*баранъ*».

Послѣ завоеванія г. Булгаръ Аксак-Темиръ отправился по направленію къ Москвѣ, дошелъ до г. Владиміра и рѣшилъ дать сраженіе. Русскіе собрали во всѣ города много войска. Въ то время въ Москвѣ былъ царемъ Михаилъ. Услышавъ, что Аксак-Темиръ на пути своемъ завелъ уже всѣ города, онъ испугался. Когда Аксак-Темиръ окружилъ г. Владиміръ, то къ нему явился Хазыръ и сказалъ: «тебѣ не дается разрѣшенія воевать съ этимъ народомъ; только покажи имъ что-либо выдающееся». Тогда Аксак-Темиръ, вставъ съ мѣста, схватилъ 2-хъ лѣтняго жеребенка и бросилъ его въ сторону города. По допущенію Божию брошенный жеребенокъ сломалъ каменную башню и упалъ за версту. Въ мѣстѣ его паденія образовалась вода. А когда закричалъ Аксак-темиръ, то у войска отъ страха отнялся языкъ и всѣ поблѣднѣли.

Послѣ этого Аксак-Темиръ, не получивъ разрѣшенія воевать, ¹⁾ пошелъ обратно со своимъ войскомъ, по нап-

¹⁾ Считаемъ нужнымъ привести въ этомъ мѣстѣ выдержку изъ Русской исторіи (по П. Полевому, стр. 68).

«Не прошло и двухъ недѣль съ того дня, когда икона Владимірской Божіей Матери была съ торжествомъ внесена

равленію къ Бухарѣ. По пути, онъ зашелъ къ народу на урочище «Кыйа», гдѣ были ханами Аметъ и Саметъ. Услыхавъ, что къ нимъ идетъ Аксакъ-темиръ, они зарѣзали кобылу, собрали свой народъ и стали совѣтываться,

въ Москву и поставлена въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, какъ изъ Коломны въ Москву пришла радостная вѣсть о томъ, что «Тамерланъ повернулъ отъ Ельца свои полчища на Югъ и поспѣшно удалился отъ русскихъ предѣловъ!»

Древніе наши лѣтописцы сохранили намъ ооъ этомъ дивное преданіе. Она разсказываютъ, что въ тотъ самый день и часъ, когда московскіе жители встрѣчали чудотворную икону Владимирскую, Тамерланъ дремалъ въ своемъ шатрѣ подъ Ельцомъ и видѣлъ ужасный сонъ. Ему представилась высокая гора, которая вершиною своею скрывалась въ облакахъ; многіе святители, въ блистающихъ ризахъ съ золотыми жезлами въ рукахъ, сходили съ этой горы, а надъ ними, въ лучезарномъ сіяніи, шествовала Небесная Владычица, окруженная тьмами грозныхъ воиновъ, которые всѣ разомъ устремились на Тамерлана.

Онъ въ трепетѣ очнулся отъ этого сна, собралъ своихъ вельможъ и сталъ съ ними совѣщаться, спрашивая ихъ о смыслѣ сновидѣнія. Нѣкоторые изъ вельможъ объяснили Тамерлану.

— „Небесная владычица, которую ты видѣлъ во снѣ, никто иная, какъ какъ Богоматерь, защитница христіанъ“.

— «Если такъ, то намъ не одолѣть ихъ!»—воскликнулъ Тамерланъ и приказалъ немедленно своимъ полчищамъ удалиться отъ предѣловъ Руси.

Когда радостная вѣсть объ удаленіи полчищъ Тамерлана достигла Коломны, великій князь благодарилъ Бога за милость, оказанную Русской землѣ, распустилъ войско и со своею дружиною поспѣшилъ къ Москвѣ. По возвращеніи въ Москву, князь Василій Дмитріевичъ соорудилъ каменный храмъ Богоматери и монастырь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Владимирская икона Божіей матери была встрѣна митрополитомъ, духовенствомъ и гражданами московскими».

куда имъ теперь откочевать. На этомъ собраніи о дѣлѣ не говорили: кто хвалилъ свою лошадь, кто собаку, а кто жену. Поѣли мяса и стали расходиться.

Одинъ изъ собравшихся, по имени Кенже, сказалъ: «если бы изъ моего рода было сорокъ человѣкъ, то я, конечно, сдѣлалъ-бы дѣло. А вы, Калтаки, не посовѣтовавшись съ людьми умными о дѣлахъ, только смѣтаетесь. Насъ непременно постигнетъ бѣда. Откочуйте лучше отсюда, оставивъ здѣсь, на берегу Камышеваго озера, караульщиковъ (развѣдчиковъ)». Въ это самое время къ нимъ прискакалъ на взмыленной лошади верховой и сообщилъ, что враги уже пришли.

Ханъ объявилъ о приходѣ Аксак-темира народу и сейчасъ-же сталъ откочевывать; въ торопяхъ у одного потерялся крутъ, у другого шанка. Какой-то пастухъ хотѣлъ поднять укрюкомъ шанку, но лошадь, напугавшись привязаннаго сзади кѣнека (кожанное ведро, въ которое доятъ кобылъ), уронила сѣдока, когда тотъ нагнулся за шанкой, и умчалась, напугавъ цѣлый табунъ. Народъ пустился въ погоню, кто за лошадью, кто за табуномъ. Лица, незнавшія въ чемъ дѣло, тоже поскакали, крича: «враги догоняютъ, враги догоняютъ!»

Между тѣмъ, войско Аксак-темира дѣйствительно скоро догнало ихъ и остановило, перебивъ часть изъ нихъ.

Аксак-темиръ потребовалъ къ себѣ хановъ Амета и Самета и объявилъ имъ: «если вы желаете сохранить жизнь и избѣжать мученій въ аду, то должны принять исламъ». Они спросили его: «если мы примемъ исламъ, то возвратишь ли ты намъ наше добро?!!» Аксак-темиръ отвѣтилъ: «если вы дѣйствительно примете исламъ со своимъ народомъ, произнесете членъ вѣры, будете исполнять 5 тн кратн. молитвы, постъ въ 30 дней, совершать

омовеніе, давать «закет» (подаваніе со скота), совершать хажъ, если позволять средства, то ни вамъ, ни народу вашему, я не сдѣлаю никакого вреда». Послѣ этого они приняли исламъ. Аксак-темиръ наставлялъ ихъ въ вѣрѣ, проживъ тамъ 2 года. Потомъ, простившись, онъ ушелъ въ сторону Самарканда и, завоевавъ его, остался тамъ жить, будучи ханомъ до конца жизни.

Тамъ онъ сдѣлалъ много преобразованій (буквально: перевернулъ все вверхъ дномъ). Слава о немъ сохранилась и до сего времени, а я для примѣра изложилъ исторію о немъ. Читающіе и слушающіе, помолитесь: временными удовольствіями не прельщайтесь, исполняйте повелѣнія Божіи, чтобы не быть наказану.

РАЗСКАЗЪ О ЖАНЫБЕК-ХАНѢ И АМЕТЬ.

Однажды Жаныбек-ханъ собрался выѣхать на охоту, а жена его была почти наканунѣ родовъ; поэтому онъ и говоритъ ей: «если у тебя родится въ мое отсутствіе дочь, то умертви ее; въ противномъ случаѣ ты сама будешь лишена жизни; если же родится сынъ, то пришли объ этомъ вѣсть, выславъ человѣка на разстояніе полдневнаго пути».

По отъѣздѣ хана жена разрѣшилась дочерью, но пожалѣла умертвить ее, а послала за старшимъ сыномъ Бердыбекомъ, который взялъ новорожденную къ себѣ на воспитаніе. Послѣ того, хотѣли было послать человѣка къ хану, но никто не рѣшился ѣхать. Между тѣмъ, время прошло, Жаныбекъ возвратился и узналъ о рожденіи дочери. Онъ спросилъ: «убили дочь или нѣтъ?» Знающіе отвѣтили: «вѣроятно, нѣтъ!» Въ это время вышла на встрѣчу жена. Ханъ выстрѣлилъ въ нее изъ

ружья. Пуля попала въ бедро. Она была матерью 9 сыновей— султановъ. Тѣ разсердились и сказали отцу: «если тебѣ нужно сына, то у тебя уже вѣдь есть девять; единственная дочь неужели кажется тебѣ лишнею?!» Но ханъ еще болѣе разгнѣвался, вновь настаивая на умерщвленіи дочери.

Между тѣмъ мать дала знать старшему сыну, у котораго было два аргымака (Ашытха и Тутухжа), чтобы онъ увезъ дочь и скрылъ ее. Бердыбекъ увезъ ее къ Черкесамъ и остался тамъ жить. Жаныбекъ объ этомъ узналъ и, сознавая, что народъ этотъ поступокъ хана не одобряетъ, объявлялъ: «тому, кто доставитъ мнѣ сына (Бердыбека), отдамъ свою дочь».

Сынъ Гайсы Аметъ заявилъ: «хорошо, я согласенъ доставить». При этомъ онъ поставилъ условіемъ хану, чтобы тотъ выразилъ въ чемъ нибудь публично свой на него гнѣвъ, говори, что это поможетъ дѣлу. Ханъ согласился на это. Устроилъ обѣдъ, созвалъ народъ и пригласилъ Амета. Когда они пришли, Жаныбекъ сталъ угощать всѣхъ горячимъ мясомъ, а Амету велѣлъ подать холодного. Тогда Аметъ сказалъ: «почему всѣхъ угощаете горячимъ, а меня — холоднымъ?» Ханъ разсердился на это замѣчаніе, велѣлъ схватить Амета и убить, но тотъ успѣлъ выбѣжать и на ранѣе приготовленной лошади укачалъ.

Прибывъ къ Бердыбеку, Аметъ сказалъ, что онъ бѣжалъ отъ ханскаго гнѣва. Тотъ принялъ его радушно, угостилъ и окружилъ почетомъ. Въ одно время Бердыбекъ отправился на охоту. Аметъ воспользовался его отъѣздомъ и говоритъ одной старухѣ: «я возьму тебя въ матери подарю много вещей; только узнай: не питаетъ-ли ко мнѣ симпатіи жена Бердыбека?» (буквально: не лежитъ-ли у нея сердцѣ ко мнѣ). Старуха пошла къ хан-

пѣ и все время дремала, показывая видъ, что не можетъ открыть глазъ. Ханша спросила ее: «что это ты все спишь?» Та отвѣтила: «у меня не стало совершенно силъ, ибо бѣжавшій отъ Жаныбек-хана Аметъ не оставляетъ меня въ покоѣ; онъ очень богатъ и красивъ; много видѣла я на своемъ вѣку, но такого красавца еще не видала». Ханша соблазнилась и сказала: «если такъ, то приведи его ко мнѣ и познакомь». Старуха привела Амета къ ханшѣ, а сама ушла. Ханша приняла его хорошо. Аметъ говорилъ ей: «скажи своему мужу, что ты не согласна быть его женой. если онъ не будетъ играть съ тобой въ „толтузъ“¹⁾; если онъ согласится, то запутаю ему руки и дай мнѣ знать; я приду и убью его». Насталъ вечеръ, Бердыбекъ вернулся домой и около часу проигралъ съ женою въ «колтузакъ», пока жена не запутала ему руки. Когда узналъ объ этомъ Аметъ, то приказалъ слугѣ (въ подлин. рабу) рубить Бердыбека, но тупою стороною меча. Слуга исполнилъ это, сталъ рубить Бердыбека. Тотъ разгнѣвался, вырвалъ изъ рукъ слуги мечъ и зарубилъ его самого, затѣмъ жену и старуху.

Послѣ этого Аметъ говоритъ Бердыбеку: «вотъ видишь, какія дѣла натворила твоя жена; что же ожидать отъ другихъ—чужихъ людей?! Поѣдемъ лучше на родину къ хану». Бердыбекъ согласился и они отправились.

Жаныбекъ встрѣтилъ возвращающагося сына на дорогѣ. Они остановились всѣ вмѣстѣ у богача Мунгала и угощались у него разнаго рода винами. Жаныбекъ опьянѣлъ и заснулъ. У богача былъ сынъ по имени Темиръ. Когда онъ вошелъ въ кибитку, ханъ проснулся и уви-

¹⁾ Игра эта состояла въ томъ, что одинъ надѣвалъ другому на пальцы обѣихъ рукъ нитки, въ видѣ фигуры, тотъ долженъ былъ умѣло снять ихъ и самъ продѣлать тоже и т. д.

дѣвъ красавца Темира, думалъ про себя: «вотъ достой-
ный женихъ для моей дочери!» Тогда Аметъ высказалъ:

Ухсарма, бійлер, ухсарма,
Мунши даулет бѣринде
Аргымыктынъ айагын
Жибекъ мечен тусарма;
Темир еген атканъ
Гайсы оглу Амет бѣринде
Мунгалъ оглу Темирге
Казыбен бирмек ухсарма?!

Въ русскомъ переводѣ:

Можетъ-ли быть, друзья,
Чтобы ноги аргымака
Спутаны были шелкомъ;
Можетъ ли быть, чтобы все это богатство
Вмѣстѣ съ дѣвицей
Я, сынъ Гайсы Амет,
Вытачивавшій пули изъ желѣза,
Отдалъ сыну Мунгала — Темиру?!

Послѣ этого Аметъ, съ сорока своими сверстниками, пошелъ въ Крымъ и просилъ тамъ войска; но ему въ немъ отказали. Былъ также онъ у Хундкаръ и Персовъ: они также ему въ просьбѣ отказали.

Возвратившись на родину, Аметъ послалъ челоуѣка сторожить, когда Жаныбекъ выѣдетъ изъ дому. Скоро тотъ увѣдомилъ Амета о выѣздѣ хана съ сыномъ на охоту. Воспользовавшись ихъ отсутствіемъ, Аметъ захватилъ дочь его и увезъ къ берегамъ Волги. (на устьѣ р. Зай). Мѣстность эта называлась Кызыл-тау (Красногорье). По возвращеніи съ охоты, ханъ узналъ о похищеніи дочери Аметомъ, но не могъ узнать, гдѣ они находятся. И только по прошествіи 2 лѣтъ появилась вѣсть о нихъ и о томъ, что дочь стала беременною. Ханъ послалъ вой-

ско въ 300 человекъ, во главѣ съ Алау, родомъ изъ Алпинецвъ. Было лѣто. Аметъ жилъ на вершинѣ горы, Ицали дочь увидала нѣсколько вооруженныхъ человекъ, идущихъ къ нимъ и передала объ этомъ мужу. Тотъ, присмотрѣвшись, узналъ Алау и говорить, что это — неприятели, посланные ханомъ. У нихъ былъ уже ребенокъ, а потому съ нимъ вмѣстѣ они не могли бѣжать; они и повѣсили его въ зыбкѣ на сукъ дерева, положивъ въ ротъ кусокъ бараньяго сала. вмѣсто соски. Предавъ его въ руки Бога, сами они убѣгли. Алау догналъ ихъ и выстрѣлилъ въ заднюю часть сѣдла, на которомъ сидѣлъ Аметъ. Тотъ, обернувшись, самъ выстрѣлилъ, прицѣлившись въ лошадь Алау, говоря: «не такъ стрѣляешь. а вотъ какъ!» Лошадь подъ Алау пала, но онъ пересѣлъ на другого аргымака. Аметъ и ее подстрѣлилъ. Въ третій разъ Алау пересѣлъ на бѣлаго (боз) аргымака, но и этого постигла таже участь. При паденіи лошади Алау и самъ очутился подъ ней. Тогда Аметъ вынулъ саблю и сѣлъ на Аллау. Аллау говорить ему: «другъ Аметъ, пощади меня (буквально: не убивай изъ-за ложки крови)»! Аметъ скавалъ: «разскажи, что ты видѣлъ (на роднѣ) и что знаешь?..»

Затѣмъ, часть народа отдѣлилась и поселилась на берегахъ Волги. Послѣ смерти Жаныбека, народъ присоединился къ Бердыбеку и жилъ на ханской землѣ. Въ то время въ Астрахани былъ ханомъ Темир-котлу: онъ былъ бездѣтнымъ. Сплавлившіе съ верховьевъ Волги лѣсъ люди его привезли найденнаго ими ребенка и передали ханшѣ на воспитаніе. Мальчикъ выросъ, но былъ нехорошимъ, занимался поревствомъ; народъ не любилъ его и жаловался хану, говоря: «будь или съ нимъ или съ нами». Ханъ звалъ его Салши (что значитъ сплавщикъ) въ виду того, что его нашли сплавщики, а также и по-

тому, что для него онъ былъ совершенно чужимъ. Салши ходилъ къ войску и изучалъ разные приемы и музыку (кобуз). Онъ часто ссорился со всѣми, а потому его часто укоряли, называя безроднымъ (атасыз); онъ же отвѣчалъ:

Аксарайда балшмын,
Аштарханда тайшимин;
Атам сорасанг-белисез
Анамъ сорасанг-накахсыз;
Озум артык туган сонг
Сѳз сорайсыз нишек сез?

Въ русскомъ переводѣ:

Въ царскихъ палатахъ я фальшивый,
Въ Астрахани я въ гостяхъ — на пиру;
Если спросишь объ отцѣ — неизвѣстенъ онъ,
Если спросишь о матерѣ — незаконная она;
Разъ я самъ родился молодцомъ,
То для чего вы меня спрашиваете (о происхож-
деніи)?

Это и былъ сынъ Амета, родившійся отъ дочери
Жаныбек-хана.

ГРИГОРІЙ ФЕДОРОВИЧЪ ГЕНСЪ.

Изучая прошлое Оренбургскаго края, я имѣлъ возможность еще въ 1890—1891 г. ознакомиться съ рукописными трудами, хранящимися въ Оренбургской городской библіотекѣ, такого знатока Средней Азіи, какимъ былъ, по рассказамъ старожиловъ, Григорій Федоровичъ Генсъ.

Не касаясь собственно этихъ научныхъ трудовъ Г. Ф. Генса, о которыхъ недавно сдѣланъ докладъ въ засѣданіи Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи г. А. В. Поповымъ, я желалъ-бы только дополнить въ настоящей запискѣ свѣдѣнія объ этомъ выдающемся дѣятелѣ Оренбургскаго края тѣми біографическими данными, которыя сохранились у меня изъ рассказовъ о немъ мѣстныхъ старожиловъ.

Часто заходя къ покойному старожилу Оренбурга Николаю Михайловичу Бекчурину *), чтобы побесѣдовать съ нимъ о стародавнихъ временахъ, я неоднократно слышалъ отъ него самые восторженные отзывы о Григоріѣ Федоровичѣ Генсѣ.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній 10 декабря 1890 г. вотъ что сообщилъ мнѣ достоуважаемый старожилъ:

Григорій Федоровичъ былъ очень дѣятельный чело-

*) Неплюевецъ—выпуска 1838 г.

Г. О. Генерал.

вѣкъ, но человѣкъ кабинетной работы. Бывало, когда ни придешь, онъ все сидитъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ и что-то записываетъ карандашемъ. Большею частью это были записки о Средней Азіи по разсказамъ плѣнниковъ, торговцевъ и разныхъ очевидцевъ.

Жилъ Генсъ при Перовскомъ въ домѣ—что рядомъ съ дворянскимъ собраніемъ (нынѣ домъ купца Рыжкова, бывшій Назарова).

Семья Генса состояла изъ жены, сына и двухъ дочерей: Софьи и Александры. Софья была замужемъ за священникомъ, а Александра за полякомъ офицеромъ Адольфомъ Ивановичемъ Обнинскимъ, сосланнымъ въ Оренбургъ. Умерла въ Польшѣ 27 декабря 1860 года. Сынъ Дмитрій учился великолѣпно въ Дерптскомъ университетѣ, но былъ, къ несчастію, чахоточный. Когда 10 мая 1845 г. умеръ Генсъ, то изъ Петербурга прислали бумагу о высылкѣ записокъ Генса. Дочери передали эти записки и за это получили 3000 руб. пособія и пожизненную пенсію въ 1500 руб. т. е. получали таковую и въ замужествѣ.

По словамъ Михаила Николаевича Бекчурина Генсъ пользовался особымъ благоволеніемъ Государя Императора Николая Павловича. Однажды онъ былъ вызванъ по Высочайшему повелѣнію въ Петербургъ и по прибытіи во дворецъ въ полной парадной формѣ былъ принятъ въ кабинетъ Государя. Его Величество любезно усадилъ около себя въ кресло взволнованнаго Генса, взялъ его руку и, не выпуская ее изъ своихъ рукъ, просилъ Григорія Ѳеодоровича разсказать подробно все, что дѣлается въ Оренбургѣ и сосѣднихъ ханствахъ. Государь Императоръ въ теченіи цѣлаго часа, не прерывая разсказа Генса, съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ его и на прощанье сердечно благодарилъ и расцѣловалъ Григорія Ѳеодоровича.

Благодарный Генсъ счелъ своимъ долгомъ запечатлѣть свою бесѣду съ Монархомъ и заказалъ для сего особую шкатулку, въ которой и сохранялъ ту перчатку, которую онъ не снималъ во время бесѣды съ Государемъ, какъ священную и дорогую для него память того, что она находилась въ рукахъ Императора.

Григорій Ѳедоровичъ зналъ киргизскую степь и прилегавшія среднеазіатскія ханства какъ свои пять пальцевъ, но что удивительно, въ этихъ ханствахъ онъ никогда не бывалъ. Всѣ эти свѣдѣнія онъ почерпалъ изъ рассказовъ очевидцевъ. У него была организована цѣлая система секретнаго изученія степи и внутренней жизни Хивы, Бухары, Кокана и т. п. ханствъ. Онъ не брезговалъ никѣмъ, — приходи хоть самый послѣдній «байгушъ», онъ все равно любезно его приметъ и выпроситъ все, что только нужно ему знать.

Зная хорошо условія степныхъ походовъ въ Хиву (наилучшимъ для этого временемъ была осень), Генсъ былъ страшно огорченъ рѣшеніемъ Перовскаго, склонившагося на доводы генерала Ціолковскаго, идти на Хиву зимой. По словамъ Бекчурина, Генсъ плакалъ, какъ ребенокъ, когда провожалъ колонны русскихъ войскъ, идущія послѣ молебна за р. Уралъ. По мнѣнію Генса, зимній походъ въ Хиву обрекалъ ихъ на явную гибель, но благоразумный голосъ былъ заглушенъ тщеславіемъ и самохвальствомъ господъ Ціолковскихъ и К^о. Перовскій, едва переживъ тяжелый ударъ своему самолюбію и гордости, прибылъ въ Оренбургъ, а за нимъ, въ началѣ марта 1840 года стали прибывать жалкіе остатки его отряда съ гробами замерзшихъ и умершихъ отъ истощенія людей. Потрясающее зрѣлище представляло шествіе этихъ гробовъ и истомленныхъ людей черезъ мостъ на рѣкѣ Уралѣ.

Нѣкоторымъ дополненіемъ къ рассказамъ Н. М. Бек-

чурина о Григоріѣ Ѳеодоровичѣ Генсѣ могутъ служить свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось почерпнуть изъ разсказовъ другого лица, близко знавшаго семейство Гр. Ѳеодоровича. Таковой была хорошая знакомая семьи Генса — покойная Матрена Яковлевна Новокрещенова, вдова полковника Оренбургскаго казачьяго войска Карпа Ильича Новокрещенова, по первому мужу Бадаева. По ея словамъ еще раньше до Перовскаго Генсѣ жилъ противъ госпиталя и до назначенія на службу въ Пограничную комиссію былъ первымъ директоромъ Неплюевскаго кадетскаго корпуса, гдѣ служилъ съ 1824 г. по 1832 годъ. По прибытіи въ Оренбургскій край В. А. Перовскій посѣтилъ Генса и просилъ его быть предсѣдателемъ Пограничной комиссіи. «Весь къ услугамъ вашимъ, ваше высокопревосходительство, — отвѣтилъ Генсѣ Перовскому, — но мнѣ не дозволяетъ чинъ занять такой постъ». «Все въ нашей власти!», возразилъ Перовскій и вскорѣ послѣ того Генсѣ получилъ мѣсто предсѣдателя Пограничной комиссіи и чинъ генераль-маіора. Затѣмъ Генсѣ перешелъ въ домъ рядомъ съ дворянскимъ собраніемъ. Домъ былъ большой, на 18-ть оконъ по улицѣ. Генсѣ жилъ на одной половинѣ дома, жена съ дѣтьми на другой. Посѣтителей принимали въ особой пріемной. Генсѣ былъ очень доступенъ. Киргизы, особенно во время бывшихъ у нихъ въ началѣ XIX столѣтія голодовокъ и другихъ бѣдствій, приходили къ нему цѣлыми толпами и просили помощи и даже оставляли своихъ дѣтей.

Разсказываютъ, что во время такихъ голодовокъ киргизы охотно отдавали своихъ дѣтей прилинейнымъ русскимъ жителямъ иногда просто за три чашки муки *).

*) Изъ дѣлъ войскового архива Оренбургскаго казачьяго войска по описи 1800—1810 г. за № 69 видно, что 23-го мая

У Генса деньщикомъ былъ татаринъ Абдулъ. Онъ исполнялъ должность и дворника, и камердинера, и купчера. Оставленныхъ у Генса киргизскихъ дѣтей онъ мылъ, покупалъ для нихъ тюбштейки и халаты. Эти-то воспитанники-киргизята прислуживали за столомъ у Генса и вѣтками отъ деревьевъ сада отгоняли за обѣдомъ отъ гостей назойливыхъ мухъ.

Въ день столѣтняго юбилея основанія Оренбурга праздновавшагося въ 1843 году, главнаго начальника края генерала отъ инфантеріи Владиміра Афанасьевича Обручева не было: онъ былъ въ Петербургѣ. Всѣ хлопоты по устройству и празднованію юбилея до тались на долю Григорія Ѳеодоровича Генса. Въ день юбилея была обѣдня въ лѣтнемъ Преображенскомъ соборѣ, оттуда всѣ участвующіе въ церемоніи перешли въ манежъ Неплюевскаго кадетскаго корпуса (нынѣ городской театр). Въ манежѣ былъ устроенъ обѣдъ для бѣдныхъ. Были также устроены скачки около бывшаго дровяного базара. Киргизы скакали отъ самыхъ Гребеней (Сакмарской станицы) до дровяного базара.

Для киргизъ были устроены палатки, причемъ угощали ихъ бараниной и конскимъ мясомъ. На торжество были вызваны всѣ султаны-правители съ ихъ женами. Вечеромъ былъ данъ въ Оренбургскомъ дворянскомъ со-

1808 г. былъ изданъ именной Высочайшій указъ, по которому дозволялось всѣмъ свободнаго состоянія русскимъ подданнымъ покупать и вымѣнивать киргизскихъ дѣтей вслѣдствіе бѣдствія, постигшаго киргизъ, кочующихъ около Оренбургской линіи и отъ Каспійскаго моря до Сибири. По достиженіи 25 лѣтъ киргизскія дѣти должны были быть освобождены и могли сами выбрать родъ жизни. Заявленія о куплѣ -- продажѣ киргизскихъ дѣтей сосредоточивались въ Оренб. Пограничной комиссіи.

Прим. автора.

браніи балъ. Балъ былъ блестящій: присутствовало масса генераловъ. Уже стало свѣтать, когда начались тосты; первый бокаль поднѣлъ Генсъ за Государя Императора. Могучее «ура!» слилось съ звуками народнаго гимна. Второй тостъ Генсъ провозгласилъ за начальника края Владиміра Афанасьевича Обручева — тостъ былъ принятъ какъ то сухо, официально: Обручевъ не пользовался особыми симпатіями въ Оренбургѣ — его недолюбливали за его черствость и скупость; но когда Генсъ поднѣлъ бокаль за здоровье «бывшаго Оренбургскаго военнаго губернатора Василя Алексѣевича Перовскаго», то раздалась такая буря «ура!», какой не было и раньше. Стучали стульями, бокалами, тарелками и повторяли этотъ тостъ, кажется, безъ числа. Единодушно приняли тостъ одного изъ присутствовавшихъ за Григорія Ѳедоровича Генса, устроителя юбилея. Такъ передавала намъ объ этомъ юбилейномъ вечерѣ сама участница бала Матрена Яковлевна Новокрещенова.

Исторія, однако, должна воздать должное генералу Обручеву: путемъ самаго настойчиваго контроля и безпощаднаго обличенія взяточниковъ, дутыхъ отчетовъ и смѣтъ — Обручевъ за время своего управленія (съ 1841 по 1851 г.), по словамъ старожиловъ, скопилъ одинъ миллионъ серебромъ казенныхъ денегъ; по тогдашнимъ временамъ это была какая-то небывало-колоссальная цифра экономіи. Деньги эти были представлены имъ въ Петербургъ. Но все это не спасло Обручева. Перовскій, вызванный въ Петербургъ послѣ несчастной Хивинской экспедиціи и жившій «не у дѣль», страдалъ нравственно и со слезами на глазахъ просилъ Императора Николая I-го снова вернуть его въ Оренбургъ. Государь колебался, но когда Перовскій категорически заявилъ, что онъ «не переживетъ отказа», Государь рѣшилъ уважить просьбу

своего любимца. Обручеву дали Владиміра I степени и вызвали въ Петербургъ. Возстановленіе спокойствія на Оренбургской линіи много обязано Обручеву, который провелъ и осуществилъ въ высшей степени цѣлесообразную государственную мѣру: онъ построилъ въ степи рядъ вооруженныхъ укрѣпленій и заселилъ ихъ солдатами и казаками *).

На другой день послѣ бала Генсъ почувствовалъ себя нехорошо, но все время былъ въ парикѣ и мундирѣ. Онъ ужасно усталъ и по окончаніи юбилейныхъ торжествъ слегъ въ постель... Хворалъ долго—года съ два. Наконецъ вышелъ за штагъ, а потомъ и въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника. Въ воздаяніе его заслугъ по Оренбургскому краю Государь Императоръ всемилостивѣйше пожаловалъ ему орденъ и пенсію, такъ что въ общей сложности онъ получалъ около 22 тысячъ ассигнаціями (6285 руб. сереб.). На сколько честенъ и неподкупенъ былъ въ своихъ убѣжденіяхъ Генсъ лучше всего характеризуетъ рассказъ той же Матрены Яковлевны о пріѣздѣ къ Генсу Баймухамета Айчувакова-султана правителя западной части киргизской орды. Правитель этотъ кочевалъ противъ Затоннаго и Бердинскаго форпостовъ. Уже давно велся между киргизами и Уральскими казаками споръ

*) Оренбургское—на р. Тургаѣ возведено въ 1845 году. Уральское въ томъ же году—на р. Ирғизѣ, Ново-Александровское—перенесено въ 1846 г. на полуостровъ Мангышлакъ и названо Ново-Петровскимъ; на Сырь-Дарьѣ заложено лично Обручевымъ въ 1847 г. укрѣпленіе Раимское, переименованное въ 1850 году въ Аральское; въ 1848 г. построенъ Карабутакскій фортъ. Набѣги киргизъ сразу потеряли свой настойчивый характеръ, такъ какъ оружіе русскихъ было уже въ самомъ центрѣ ихъ кочевовъ и о прежней безнаказанности нечего было и думать.

изъ-за земли. Зная, что одной перепиской дѣлу не поможешь и, держась, вѣроятно, пословицы: «сухая ложка ротъ деретъ», Айчуваковъ рѣшилъ задобрить Генса подарками и поѣхалъ въ Оренбургъ. Генсъ, соблюдая этикетъ, послалъ ему карету въ четверку лошадей. Правитель пріѣхалъ къ Генсу разъ, другой, наконецъ въ третій, при чемъ на сей уже разъ привезъ брилліантовые ожерелья дочерямъ Генса—Софьѣ и Александрѣ, а сыну Генса—Димитрію, учившемуся въ Дерптскомъ университетѣ, великолѣпный ергакъ (халатъ изъ жеребѣчьихъ шкурокъ, шерстью вверхъ, обшитый золотомъ). Передавая подарки, правитель убѣдительно просилъ Генса поддерживать его дѣло и рѣшить споръ въ пользу киргизъ. Генсъ отвѣчалъ съ достоинствомъ, что это невозможно, что этимъ рѣшеніемъ онъ обидитъ Уральскихъ казаковъ. Настойчивый киргизъ стоялъ на своемъ, оставилъ подарки у Генса, а самъ уѣхалъ на квартиру. Генсъ показалъ подарки семьѣ. Конечно, дамы были въ восхищеніи, но ненадолго! Генсъ на другой день --призываетъ къ себѣ дочерей и жену и говоритъ имъ: «Ну, Соничка и Вѣрочка! принесите-ка ко мнѣ ожерелья, а ты, Дуничка, обращай къ женѣ, --заверни-ка ергакъ въ чистую скатерть». Тѣ безпрекословно исполнили волю отца. Тогда Генсъ призвалъ мужа Матрены Яковлевны Петра Григорьевича Бадаева, своего крестника, служившаго письмоводителемъ въ Оренбургской Пограничной комиссіи и велѣлъ тотчасъ же отвезти подарки къ правителю Айчувакову и «благодарить его за любезность». —«Такъ и остался султанъ —закончила свой разсказъ Матрена Яковлевна--при своихъ подаркахъ!...» Киргизы не только любили Генса за его ласку и справедливость, но прямо таки боготворили. Бывало, поѣдетъ Григорій Ѳедоровичъ—разсказываетъ Матрена Яковлевна,—на Мѣновой дворъ, а киргизы

обступать Генса со всехъ сторонъ, цѣлуютъ его руки, полу его одежды. «Нѣтъ-ли просьбы какой?» спрашиваетъ кто либо изъ сопровождающихъ Генса. «Нѣтъ-нѣтъ — горланять киргизы - хотимъ только енераль смотрѣть!»

Генсъ скончался 10 мая 1845 г. на 55-мъ году отъ рожденія. Свѣтлый умъ этого недюжиннаго работника не могъ выдержать усиленной работы и... Генсъ помѣшался. Хоронили Генса, какъ лютеранина, въ мѣстной киркѣ. Праху воздали подобающія воинскія почести: были наряжены въ парадъ два баталіона пѣхоты, артиллерія, казаки. Похоронили Генса недалеко отъ нынѣшней могилы бывшаго наказнаго атамана Оренбургскаго казачьяго войска генераль-маіора Падурова. Доски надгробной, къ сожалѣнію, не сохранилось.

Въ годъ холерной эпидеміи — 27 іюня 1848 г. — скончался сынъ Генса Димитрій, на 29 году жизни, служившій въ Пограничной комиссіи и подававшій большія надежды своими способностями. Онъ былъ въ гостяхъ у Ѳ. Ив. Улянова — бывшаго секретаря бывшаго Оренбургскаго военнаго губернатора П. П. Сухтелена, гдѣ и заболѣлъ холерой. Послѣ смерти сына Генса скончалась 16 августа 1848 г. и его мать Авдотья Матвеевна. Домъ Генса продали всего за 3000 рублей.

Полковникъ генеральнаго штаба Карлъ Ивановичъ Кернъ, завѣдывавшій училищемъ земледѣлія и садоводства, успѣлъ сохранить записки Генса и послалъ ихъ Государю. Вотъ за эти то труды дочерямъ и дали 3000 руб. пособія и пожизненную пенсію. Много цѣнныхъ вещей, въ особенности оружія, при продажѣ дома пропало. Замужъ дочери Генса вышли уже послѣ смерти отца.

Такими чертами рисуютъ рассказы очевидцевъ симпатичный и далеко незаурядный образъ одного изъ видныхъ научныхъ работниковъ въ Оренбургскомъ краѣ.

Изученіе его трудовъ будетъ поэтому лишь вполне заслуженной данью нашего глубокаго уваженія къ памяти почившаго, неустоимаго изслѣдователя нашего родного Оренбургскаго края Григорія Ѳедоровича Генса.

С. Н. Севастьяновъ.

РУКОПИСИ Г. Ѳ. ГЕНСА.

Въ Оренбургской городской общественной библіотекѣ (отдѣлъ IV, № 343—119) хранятся рукописи Генса. въ количествѣ 8 тетрадей, переплетенныхъ. 5 изъ нихъ малаго формата, въ обыкновенный листъ писчей бумаги, 3—нѣсколько большаго.

Первыя имѣютъ такую нѳмерацию: 4 b., 4 c., 4e, 4 f. 4 g., вторыя—XIII, XIV, XV.

Рукопись 4 b. имѣетъ на первомъ листѣ такое оглавление.

	стр.
1) Торговля въ Оренбургѣ	135
2) Богослуженіе у здѣшнихъ магометанъ	136
3) О хлѣбопашествѣ въ Оренбургской губерніи	141
4) О шаяхъ французскихъ	144
5) О ногойцахъ	151
6) О торговлѣ и караванахъ	155
7) Султаны киргизскіе. Убійство хана Джантюри	157
8) Торговля. Появленіе англійскихъ товаровъ въ Средней Азій	164
9) Шали Европейскія	166
10) Замѣчанія на путешествіе монаха Плано-Карпини	169
11) Объ опасности, угрожающей Восточной Россіи отъ магометанъ	194
12) Взятіе въ плѣнъ киргизами сотника Подурова и прап. Медвѣдева	221

13) Обь усмирении киргизовъ	238
14) Извѣстія о Сѣверѣ и Востокѣ Россіи (изъ Карамзина)	241
15) Торговля	246
16) Выписка изъ Чулкова историческаго опи- санія Россійской коммерціи	249

Рукопись 4 с.

1) Выписка изъ Чулкова та же	267
2) Сходство Россіянъ съ татарами въ XVI ст.	303
3) Обь учрежденіи въ Оренбургѣ торговой ком- паніи	305
4) О построении крѣпости при Аральскомъ морѣ	308
5) Разсужденіе обь управленіи Оренбургскимъ краемъ	315
6) О Восточныхъ народахъ	326
7) Тѣнь Чингисъ-хана	326
8) Вопросы Иркутскіе	362
9) На Иркутскіе вопросы (Германа)	374
10) О имени казакъ	379

Рукопись 4 е имѣетъ оглавленіе.

1) Древніе жители Кавказа (Броневскаго)	539
2) О восточныхъ народахъ (Буткова)	543
3) Торговля въ Оренбургѣ	557
4) Продолженіе разсказа Муртазы Файзуллина	560
5) Разсказъ переводчика Оренб. погран. таможи Баикіева	595
6) Разсказъ татарина Абзалила Варкіева	648

Рукопись 4 f.

1) Выписка изъ Чулкова та же	671
2) Продолженіе разсказа татарина Абзалила Варкіева	684
3) Хлѣбопашество киргизовъ	697
4) Ханы Хивинскіе	697

- 5) Ханъ киргизской меньшей орды Ширгазы Айчуваковъ 698
- 6) Происхождение Башкирцевъ 699
- 7) Мнѣніе магометанъ о подданствѣ иновѣр-
нымъ владѣльцамъ 699
- 8) Ханы киргизскіе 700
- 9) Объ имени киргизовъ 701
- 10) Дѣйствіе экспедиціи къ Аральскому морю . 702
- 11) Показаніе мѣщанина Кекина, бывшаго въ
плѣну у киргизовъ 702
- 12) Мраморъ, найденный въ Губерлинскихъ го-
рахъ 705
- 13) Дорога въ Хиву по словамъ Гарифа Ата-
галіева 706
- 14) Разсказъ вышедшаго изъ хивинскаго плѣна
мѣщанина Ковырзина 711

Рукопись 4 г. Оглавленія нѣтъ, оно составлено мною.

- 1) Продолженіе разсказовъ выш. изъ Хивин-
скаго плѣна Астраханскаго мѣщанина Мат-
вея Андреева сына Кавырзина 781
- 2) Происшествія въ Бухаріи 1826 г. 838
- 3) Восточная часть киргизской степи. 27-го
ноября 1826 г. 838
- 4) Малая Бухарія 840
- 5) Замѣчанія о внутренней киргизской ордѣ
и о перепускѣ скота зауральскихъ киргизовъ.
Май 1827 г. 841
- 6) Разсказъ Грузинскаго дворянина губернскаго
секретаря Рафаила Осиповича Данныкова . 879
- 7) О Гуммеръ-ханѣ. 1828 г. янв. 8 882
- 8) О исправленіи киргизами направленія рѣки
Уила 884

9) Показаніе бухарца Телеубая Маркаваева.	
11 іюля 1828 г.	884
10) Нападеніе киргизъ на г. Ташкентъ . . .	885
11) Разскавъ киргиза Таманскаго рода Бикъ-Ку-	
лы Медетова. 3 фев. 1828 г.	886
12) Объ убійствѣ купца на Узенской линіи .	888
13) Показаніе Тюленгута Танаса Кумубаева .	900
14) О происхожденіи имени Башкирскаго и	
Киргизскаго народовъ	903
15) О лошадяхъ киргизскихъ	903
16) О теленгутахъ (изъ Соч. и пер. къ пользѣ	
и увес. служ. фев. 1760 г.)	905
17) Показаніе Магиумъ Ходжи. Ханы Кукан-	
скіе изъ нынѣ владѣющаго дома (съ 1650 г.)	906
18) О происхожденіи Худжей	912
19) О ханствѣ Куканскомъ	913
20) Показаніе Бухарскаго еврея Якупа Маман-	
дарова. 14 окт. 1829 г.	921
21) О народахъ, прежде обитавшихъ въ киргиз-	
ской степи	922
22) Показанія Афганца Миръ-Гуламъ Накшбандъ	932
23) Свѣдѣнія о Хивѣ	938

Рукопись XIII. Оглавленія нѣтъ.

1) Сношенія Россіи съ Бухаріею въ XVI ст.	1
2) Несогласія между Бухаріею и Хивою въ	
1820 г.	1
3) Жители Ср. Азіи	2
4) Война между Бухаріею и Кабуломъ . . .	14
5) Несогласія между Бухарцами и Хивинцами	16
6) Жида въ Бухаріи	16
7) Дорога въ Бухарію	17
8) Аральское море	18

9) Тигры въ киргизской степи	18
10) Чиновники русскіе въ Бухаріи	20
11) Военная сила Бухаріи	21
12) Рѣки и озера въ киргизской степи и Бухаріи	23
13) Походъ на Хиву кн. Бековича	25
14) Раздѣленіе киргизцевъ на орды, роды и отдѣленія	27
15) Описаніе, учиненное изъ записокъ и словесныхъ свѣдѣній, отобранныхъ отъ выходца изъ Азіи плѣннаго Габайдуллы Амирова, странствовавшаго болѣе 30 лѣтъ и проводившаго по большей части жизнь свою въ разныхъ мѣстахъ Индіи	31
16) Извлеченіе изъ записки, составленной по препорученію Г. Л. Глазенапа Кабульскимъ жителемъ Мехти Рафаиловымъ въ г. Тибетѣ	58
17) <i>Tableau historique et moral de l'Inde (extrait de la géographie de Malte-Brun [?])</i>	64
18) Разсказъ бухарца Насыръ хана о народахъ Ср. Азіи и тутъ-же о башкирахъ	108
19) Изысканія о Каспійскомъ морѣ и древнемъ устьѣ Океуса (или Гинона) (на фр. языкѣ)	118
20) Извлеченіе изъ Дневныхъ записокъ путешествія капитана Николая Рычкова въ киргизской степи	131
Рукоп. XIV. 1) Продолженіе извлеченія	137
2) Разсказъ плѣннаго Якова Петрова	151
3) Разсказъ кол. сов. Миндіара Бекчурина. 1819.	171
4) Историческое извѣстіе о Бухаріи (изъ странствованія Ефремова)	177
5) Выписки изъ исторіи и топографіи Рычкова	181
6) Осѣдность киргизцевъ	189
7) Новѣйшія происшествія заграничныя	189
8) Бухарія. Выдержки изъ Dörptsch. Zeit.	

- 9) Продолженіе разсказа Петрова 192
- 10) Золотая гора въ Хивѣ 196
- 11) Польза заведенія крѣпости на р. Сыръ-Дарьѣ 196
- 12) Возможность завести лѣсъ въ кирг. степи 199
- 13) Война между Бухаріею и Хивою въ 1822 г. 200
- 14) Образъ жизни Бухарцевъ 201
- 15) Переводъ письма д-ра Эверсмана изъ г. Бухары отъ 11 янв. 1821 г. къ г. Оренбург. военному губернатору 208
- 16) Обхожденіе Бухарскаго правительства съ Россійскою миссіею 219
- 17) Продолженіе разсказовъ Якова Петрова . 223
- 18) Разсказъ Персіяннина Байрамъ-Алія . . . 226
- 19) Auszüge aus der Geschichte der englischen Gesandtschaft an den Hof von Kabul im Jahr 1808, von Mounth Stuart Elphinston 233
- 20) Разсказы татарина Муртаза-Фейзъ-Уллуны-Марзянъ. 1823 264

Рукоп. XV. Оглавленія нѣтъ.

- 1) Продолженіе разсказа Муртазы Фейзуллина 279
- 2) Къ статьѣ «о народахъ» (см. рукопись XIII, стр. 2 ?) 283
- 3) Разсказы чиновниковъ, бывшихъ при миссіи (Г. Негри и д-ра Эверсмана) 306
- 4) Прод. разск. Муртазы Фейзуллина 318
- 5) Разсказы чиновниковъ, бывшихъ при миссіи 326
- 6) Прод. разск. Муртазы Фейзуллина 330
- 7) Разск. плѣннаго Василія Ларіонова Кашлева 366
- 8) Прод. разск. Муртазы Фейзуллина (бывшаго въ Бухарѣ въ одно время съ Негри и Эверсманомъ) 379
- 9) Изъ разсказовъ Филиппа Ефремова 392

На самыхъ рукописяхъ нигдѣ не указано, кто ими написаны Пенсомъ.

На рукописяхъ стоятъ по 2 штемпеля: Оренбургской общественной библіотеки и Оренб. Отдѣла И. Р. Г. О—ва изъ чего слѣдуетъ, что они собственно принадлежать послѣднему. Когда они попали и отъ кого въ библіотеку Отдѣла-- узнать не удалось.

Въ рукописяхъ на поляхъ встрѣчаются сноски на тетради рукописей, не имѣющіяся въ библіотекѣ.

Изъ этого обзорѣнія рукописей Генса видно, что, отъ нихъ сохранилась лишь небольшая часть.

Значеніе рукописныхъ трудовъ Генса оцѣнено давно. Утрата значительной части ихъ представляется невознагради-мой, но, какъ увидимъ ниже, есть нѣкоторая надежда на ихъ розыскъ, хотя, къ сожалѣнію, надо при-знаться, что Оренбургъ изобилдовалъ въ прежнее время недобросовѣстными изслѣдователями, которые частью крали чужіе труды и архивные документы и выдавали ихъ за свои, частью небрежно обращались съ ними, затеривая и уничтожая. Возможно, что часть драгоцѣннѣйшихъ рукописей Генса навсегда погибла подобнымъ путемъ.

Какъ видно изъ выше помѣщенной статьи о Генсѣ безвременно погибшаго нашего мѣстнаго историка С. Н. Севастьянова рукописные труды Генса еще при его жизни пользовались заслуженной извѣстностью. В. В. Григорьевъ, упоминая о рукописяхъ Генса, говоритъ вообще о подобныхъ трудахъ слѣдующее: «Это -- документы для исторической географіи; не говоря о значеніи ихъ въ исторіи географической науки, они весьма важны и въ томъ отношеніи, что даютъ возможность вѣрнѣе понимать и оцѣнивать дѣйствія и предположенія, какъ правительствъ, такъ и отдѣльных лицъ, въ извѣстное время и въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Разсматривая дѣйствія администраціи въ данное время по отношенію къ тому или другому предмету, историкъ необходимо долженъ

знать — какія имѣлись тогда свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Только при такомъ знаніи и можетъ онъ сказать, хорошо или дурно распоряжалась администрація для достиженія своихъ цѣлей, была она впереди или позади общества; если же нѣтъ у историка документовъ, которые сообщили бы это знаніе, невозможенъ для него и безпристрастный и непогрѣшительный судъ надъ прошлымъ; судить объ этомъ прошломъ, не зная положенія средствъ его и свѣдѣній, по средствамъ и свѣдѣніямъ современнымъ историкъ — промахъ страшный, въ который однакоже впадали и продолжаютъ впадать весьма многіе» *)

Таковыми именно свѣдѣніями, современными Генсу, и полны его рукописи. Въ нихъ Ср. Азія представлена только таковою, каковою она могла быть извѣстна лучшему ея знатоку при тогдашнихъ способахъ сношеній съ Ср. Азіей.

Однако, рукописи Генса имѣютъ не только историческій интересъ. Они имѣютъ значеніе живой національной исторіи для Средне-Азіатскихъ ханствъ. Жизнь этихъ небольшихъ государствъ столь полно и разносторонне изображена Генсомъ, что мы нисколько не колеблясь говоримъ, что его труды представляютъ единственный источникъ для исторіи внутренней, гражданской и экономической, ихъ жизни конца XVIII и нач. XIX в.

Я. В. Ханыковъ, говоря о разспросныхъ свѣдѣніяхъ, какъ о важномъ источникѣ географическихъ знаній по Ср. Азіи, высоко цѣнилъ труды Генса. Онъ говоритъ. «Но преимущественно обязана географія въ этомъ отношеніи предсѣдателью Оренб. Пограничной комиссіи Григорію Ѳедоровичу Генсу. Прибывъ на службу въ Оренбургъ

*) Описаніе Хивинскаго ханства. В. В. Григорьевъ. Оренбургъ, 1861 г., стр. 1—2.

въ первые годы настоящаго столѣтія (XIX) въ качествѣ инженернаго офицера и съ отличнымъ университетскимъ образованіемъ, Генсъ неоднократно былъ посылаемъ въ степь, а въ 1815 г. сопровождалъ экспедицію въ свинцовымъ горамъ, вслѣдствіе чего составилъ весьма отчетливое обзорнѣе совершенно неизвѣстнаго тогда пространства между Тоболомъ и Тургаемъ. Въ 1818 г. онъ былъ употребленъ для произведенія въ порядокъ архива Оренб. погр. комиссіи, что ознакомило его съ имѣвшимися прежними данными о Ср. Азій, а вслѣдъ затѣмъ Генсъ назначенъ председателемъ этой комиссіи, чѣмъ и оставался въ продолженіи слишкомъ 20 лѣтъ.

Во все это время, будучи въ безпрерывныхъ сношеніяхъ со всѣми пріѣзжавшими въ Оренбургъ Азіатцами, купцами и путешественниками, онъ не упускалъ ни одного случая обратить это на пользу географіи и, разспрашивая каждого, извлекъ изъ него всевозможныя свѣдѣнія о знакомыхъ ему странахъ, послѣ чего эти показанія либо излагались въ видѣ особыхъ записокъ, либо просто записывались въ дневникъ. Нѣкоторыя изъ этихъ записокъ издамы г.г. Беромъ, Гельмерсеномъ и Далемъ; другія имѣются въ копіяхъ, но мелкія дневныя замѣтки, сколько мнѣ извѣстно, существуютъ только въ подлинникѣ. Сынъ покойнаго Генса во время пребыванія своего въ Петербургѣ въ 1846 году сказалъ мнѣ, что намѣренъ составить изъ нихъ систематическій сводъ; но черезъ 2 года этотъ молодой человекъ самъ погибъ отъ холеры въ Оренбургѣ.

Важнѣйшія разспросныя свѣдѣнія, собранныя Генсомъ, заключаются въ слѣдующихъ статьяхъ:

- 1) 1818 года. Показанія купца Гоголина о Бухарѣ.
- 2) 1819 года. Показанія Оренбургскаго мѣщанина

Якова Петрова, находившагося въ плѣну въ Хивѣ и Бухарѣ съ 1787 по 1819 годъ.

3) 1821 года. Показанія солдатскаго сына изъ Желѣзинской крѣпости Ларіона Кашлева, находившагося въ плѣну въ Бухарѣ съ 1775 г. по 1821 г.

4) 1822 года. Показанія о Бухарѣ еврея Дезерцева.

5) 1822 года. Показанія о Бухарѣ бухарца Атарифа Галліева.

6) 1822 года. Маршруты, составленные по рассказамъ татарина Абзалила Варкіева.

7) 1824 года. Свѣдѣнія о Бухарѣ, Коканѣ и вообще о Средне-азиатской торговлѣ, составленные изъ распросовъ Казанскаго татарина Муртазы Фейзуллина, неоднократно посѣщавшаго поименованныя страны въ продолженіе 1807—1823 годовъ.

8) 1826 года. Показанія о Хивинскомъ ханствѣ вышедшаго изъ плѣна Астраханскаго мѣщанина Матвея Ковырзина.

9) 1826 г. Показанія о Шерсавесѣ, Бадакшанѣ и Бухарѣ, посѣщавшаго эти страны въ концѣ XVIII в., толмача Оренб. Погр. ком. Бакшіева.

10) 1828 г. Показанія о Хивѣ вышедшаго изъ плѣна мѣщанина Болдырева.

11) 1829 г. Показанія о Хивѣ вышедшаго изъ плѣна Сызранскаго мѣщанина Грушина.

12) 1829 г. Показанія объ Авганистанѣ, Кундузѣ и Бадакшанѣ авганца Миръ-Гуламъ Накшбѣнлѣ.

13) 1829 г. Показанія Магсумъ-Ходжи о Коканѣ.

14) 1830 г. Показанія о Бухарѣ бухарца Телеубая Маркаваева.

15) 1834 г. Показанія о Хивѣ киргизца Бабаса Избасарова.

16) 1835 г. Свѣдѣнія о Бухарской исторіи и о на-

стоящемъ положеніи Кокана и Бухаріи, составленные по рассказамъ родственника Бухарскаго хана Абдуль-Керима.

17) 1835 г. Показанія о Хивѣ бухарца Атарифа Галліева.

18) 1837 г. Показанія о Хивѣ киргиза Манапая Алчинова и Куламана Бишбаева.

19) 1837 г. Показанія о Хивѣ бухарца Атарифа Галліева.

20) 1838 г. Псказанія о Хивѣ киргизскаго Ходжи Утягана Баиходжина.

21) 1840 г. Маршруты отъ Сыръ-Дарьи въ Хиву, составленные по разспросамъ киргизъ» *).

Въ другомъ мѣстѣ своей записки (стр. 79) г. Ханьковъ называетъ Генса «величайшимъ знатокомъ киргизскихъ степей и киргизскаго быта».

Изъ сличенія оглавленій сохранившихся тетрадей рукописей и перечня статей г. Ханькова видно, что утеряны тетради, заключающія статьи №№ 1, 4, 10, 11, 15, 16, 18, 19, 20, 21.

Гдѣ эти драгоцѣнные свидѣтели трудолюбія и пытливой любознательности Григорія Ѳедоровича Генса?

Изъ словъ г. Ханькова можно понять, что нѣкоторыя статьи изъ рукописей Генса были изданы г.г. Беромъ и Гельмерсеномъ. Эти ученые помѣщали свои труды, какъ извѣстно, главнымъ образомъ въ изданіяхъ Академіи Наукъ, да повидимому и занимались при ней. Отсюда можно сдѣлать предположеніе, находящее нѣкоторую опору въ предыдущей статьѣ г. Севастьянова, не сохранились-ли хотя нѣкоторыя тетради рукописей при Академіи, куда они могли быть вытребованы послѣ смерти Генса?

*) Пояснительн. записка къ картѣ Аральскаго моря и Хив. ханства. С.-Пб. 1851. Я. В. Ханьковъ. Стр. 74.

Наконецъ, гдѣ видѣлъ рукописи г. Ханыковъ, какъ не въ Петербургѣ?

Отсюда является нѣкоторая надежда отыскать эти неисчерпаемые источники свѣдѣній о Ср. Азіи въ ея прошломъ, изъ которыхъ, конечно, извлечена для печати академиками Беромъ и Гельмерсеномъ лишь небольшая часть.

Важно знать, сколько тетрадей рукописей считать утерянными. Сохранилось малаго формата 5 тетрадей подъ № 4. Положимъ, что тетради № 1, 2 и 3 были въ одномъ экземплярѣ. Большого формата есть №№ XIII, XIV и XV. Вѣроятно были I—XII. Такимъ образомъ утрачено по крайней мѣрѣ 15 тетрадей.

Кромѣ того, послѣдняя тетрадь, находящаяся въ нашемъ распоряженіи, не позднѣе 1835 года. Изъ статьи же г. Ханыкова видно, что Генсъ записывалъ еще въ 1840 г. Стало быть, утраченное литературное наслѣдство Генса еще больше.

Въ заключеніе мы считаемъ необходимымъ дополнить статью г. Севастьянова свѣдѣніями изъ формуляра Генса, хранящагося въ архивѣ Тург. Обл. правленія. Формуляръ составленъ въ 1834 году и въ немъ сказано, что Генсъ имѣлъ отъ роду 47 лѣтъ; стало быть онъ родился въ 1787 году. Происхожденія дворянскаго. На службѣ въ инженерномъ корпусѣ юнкеромъ съ 20 ноября 1806 г., подпоручикомъ съ 31 іюля 1807 года, поручикомъ съ 27 ноября 1807 года. за отличіе по службѣ штабсъ-капитаномъ 30 мая 1815 года, капитаномъ 1 дек. 1817 года. Въ 1807 году былъ откомандированъ изъ С.-Петербурга въ Оренбургъ на службу. Въ 1814 году съ 16 мая по 1 сентября былъ командированъ вверхъ по Оренбургской линіи до Звѣриноголовской крѣпости для осмотра инженерныхъ командъ и въ киргизскую степь къ отысканію

находящагося въ 700 вер. отъ границы по р. Тургаю свинцоваго рудника. 6 фев. 1815 г. въ С.-Петербургъ по порученію бывшаго Оренбургскаго военнаго губернатора генерала отъ кавалеріи князя Волконскаго, а съ 15 мая въ крѣпость Звѣриноголовскую и оттуда въ киргизскую степь съ военною экспедиціею для дальнѣйшаго освидѣтельствванія найденной свинцовой горы и прочихъ рудниковъ, открытыхъ киргизами.

За отличную дѣятельность и сбереженіе въ пользу казны болѣе 7000 руб. при построеніи тюремнаго замка въ Оренбургъ 5 февр. 1820 г. пожалованъ орденомъ св. Анны 3-й степени.

16 января 1820 г. назначенъ начальникомъ инженеровъ отд. Оренб. корп. Получилъ чинъ подполковника 27 февр. 1821 г., за отличіе по службѣ полковникомъ 1 янв. 1825 г.

По Высочайшему повелѣнію опредѣленъ директоромъ въ Оренб. Неплюев. военное училище 4 авг. 1824 г.

Назначенъ предсѣд. Оренб. Погр. ком. съ оставленіемъ при прежней должности 16 янв. 1825 г. Переведенъ въ генеральный штабъ 2 апр. 1830 г.; изъ онаго назначенъ состоять по арміи 10 апр. 1832 г.

Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ во 2-й день февраля 1830 года по представленію Е. И. Выс. блаженной памяти Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича объявлено Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе за отличное исправленіе возложеннаго на него порученія, которое состояло въ построеніи зданія для помѣщенія Неплюев. воен. училища.

25 іюня 1834 года за отличіе по службѣ награжденъ чиномъ генералъ-маіора.

По назначенію директоромъ въ Оренб. Непл. воен.

учил. другого чиновника 15 іюня 1832 г. предоставлено званіе попечителя онаго училища.

За отличное исполненіе возложеннаго на него порученія касательно усмиренія киргизъ Джигайбайлинскаго рода 13 октября 1831 г. объявлено Высочайшее благоволеніе.

«(Знаеть) Россійской грамотѣ читать, писать, ариѳметику, геометрію, алгебру, фортификацію, артиллерію, атаку и оборону крѣпостей, по нѣмецки и по французски читать и писать умѣетъ». Женатъ на дочери Курскаго помѣщика Рѣдина Авдотьи Матвеевнѣ, у нихъ сынъ Дмитрій 15 л.; дочери—Софья—13 и Наталья 11 лѣтъ.

Благопріобрѣтенное имѣніе — у самого Генса въ г. Оренбургѣ деревянный домъ. у жены въ предмѣстьи города тоже деревянный домъ.

Имѣлъ награды: Станислава 2 степ., Владиміра 3 ст., алмазами украшенный Анны 2 ст., Георгія 4 кл.

Таковы крайне отрывочныя и сухія данныя формуляра.

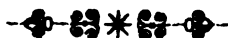
Наконецъ, по поводу отставки Генса имѣется слѣдующая официальная бумага: *) 25 мая 1844 г., № 447: «Г. управляющій М—вомъ И. Д. отношеніемъ 9-го мая увѣдомилъ Оренб. воен. губернатора, что онъ доводилъ до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія о болѣзненномъ состояніи ген.-маіора Генса, не позволяющемъ ему съ прежнею неутомимою дѣятельностью исправлять многотрудныя обязанности предсѣд. Погран.

*) Дѣло архива Тург. обл. правл. № 4150, нач. 26 мая 1844 г., конч. 23 іюля 1847 г. Объ увольненіи отъ должности предсѣд. Погр. ком. ген.-маіора Генса и опредѣленіи на его мѣсто ген.-маіора Ладыженскаго.

комиссии. Вслѣдствіе сего Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизвоилъ: по разстроенному здоровью ген.-маіора Генса уволить его согласно съ прошеніемъ отъ настоящей должности и въ награду отлично усердной службы его произвести въ тайные совѣтники съ оставленіемъ въ вѣдомствѣ М—ва И. Д. и съ сохраненіемъ всѣхъ получаемыхъ имъ окладовъ».

А. И. Добросмысловъ *) добавляетъ еще слѣдующія свѣдѣнія о Г. Θ. Генсѣ: послѣдній годъ службы въ Пограничной Комиссии былъ для него тяжелымъ. Сенаторъ Плещеевъ обвинялъ Генса въ разныхъ не порядкахъ, якобы существовавшихъ въ этомъ учрежденіи. Для обревизованія дѣлъ комисіи въ Октябрѣ 1849 г. прибылъ въ Оренбургъ чиновникъ М. И. Д. д. ст. с. Родофиникинъ, который, однако, не нашелъ никакихъ существенныхъ упущеній за исключеніемъ мелкихъ канцелярскихъ недосмотровъ, встречающихся ежедневно въ каждомъ учрежденіи. По словамъ г. Добросмылова Генсъ умеръ отъ апоплексіи.

А. Поповъ.

*) Тургайск. Область. Истор. Очеркъ, вып. II, стр. 216.

Описаніе Хивинскаго Ханства

И ДОРОГИ ТУДА ИЗЪ САРАЙЧИКОВСКОЙ КРѢПОСТИ.

Предлагаемое «Описаніе» составлено было, какъ видно изъ помѣтки на послѣдней страницѣ рукописи, въ Оренбургѣ, въ 1803 году: стало быть это *первый*, по времени, опытъ систематическаго описанія Хивинскаго Ханства, на русскомъ языкѣ.

Есть основаніе думать, что предлагаемое «Описаніе» составлено было или самимъ П. Е. Величкою, который былъ въ 1803 году директоромъ Оренбургской таможни, или по его распоряженію; его тогда сильно занимала мысль объ учрежденіи русской купеческой компаніи для развитія торговыхъ сношеній съ Среднею Азіею, и онъ старательно собиралъ все, какія могъ, свѣдѣнія о находящихся въ ней владѣніяхъ.

І. Дороги въ Хиву изъ Россіи. 1. Прямѣйшая изъ Оренбурга, чрезъ Киргизъ-Кайсацкую Степь и кочевья Каракалпакъ, имѣя Аральское озеро въ лѣвѣ; растоянія до 700 верстъ; по сей ѣздить одни Хивинцы на верховыхъ лошадяхъ и на легкѣ ¹⁾.

¹⁾ Нынѣ отъ Оренбурга къ Хивѣ черезъ Киргизскую Степь и плоскую возвышенность Усть-Уртъ пролегаютъ не одинъ, а нѣсколько путей, которыми и ходятъ исключительно (оставивъ все прочіе, ниже упомянутыя дороги) хивинскіе и киргизскіе караваны, направляющіеся изъ Оренбурга въ

2. Черезъ ту же степь и Каракалпакъ, имѣя Аральское озеро въ правой рукѣ; разстояніемъ до 900 верстъ; по сей и караваны ходятъ ¹⁾).

3. Отъ Монгишлакской пристани Сарташъ между Каспійскимъ моремъ и Аральскимъ озеромъ; разстояніемъ до 500 верстъ. ²⁾)

Хиву или обратно. Подробное описаніе одного изъ самыхъ обыкновенныхъ путей отъ Оренбурга до Хивы, которымъ ѣхало туда русское посольство, отправленное въ 1842 году съ полковникомъ Данилевскимъ, находится въ Базинеровомъ *Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa. St. Petersburg. 1848. С. 42—118.* Одомитрическое пзмѣреніе этого пути дало извилистую линію въ 1409 верстъ. Путь изъ Оренбурга до Хивы, которымъ слѣдовало въ 1858 году по посольство наше туда подъ начальствомъ Игнатьева, описанъ г. Н. Залѣсовымъ въ «Военномъ Сборникѣ» на 1858 годъ, книга VI, стр. 487—491, и книга VIII, 491—497. Сверхъ того, описаніе пути изъ Хивы до Оренбурга, которымъ слѣдовали находившіеся въ плѣну у Хивинцевъ Андрей Никитинъ и португей-прапорщикъ Мѣдяникъ, напечатано, со словъ ихъ, В. И. Далемъ въ «Альманахѣ Владиславлева на 1838 годъ», стр. 201—204, и въ «Литературной Газетѣ» на 1840 годъ, № 14, стр. 326.

¹⁾ Нынѣ этимъ путемъ караваны въ Хиву и обратно вовсе не ходятъ. Въ этомъ направленіи проѣхали въ Хиву изъ Оренбурга, въ 1741 году, геодезистъ Муравинъ и въ 1841—Капитанъ Генеральнаго Штаба Никифоровъ. Подробный маршрутъ Муравина напечатанъ въ «Географическихъ Извѣстіяхъ» И. Р. Географическаго Общества на 1850 годъ, стр. 557—585. По этому маршруту насчитано отъ Оренбурга до Хивы 1472½ версты.

²⁾ Въ этомъ направленіи пролегаютъ также не одна, а нѣсколько или, по крайней мѣрѣ, двѣ дороги: одна—на Куня-Ургенчъ, другая—прямо на Хиву. Дороги эти были въ теченіе долгаго времени самымъ обыкновеннымъ путемъ торговаго сообщенія Хивы съ Россією, черезъ Астрахань. Тою или дру-

4. Удобнѣйшая, съ Уральской линіи выше Гурьева городка отъ форпоста Сарайчиковаго; разстояніемъ до 700 верстъ ¹⁾).

гою изъ нихъ слѣдовали въ 1794 и 1795 годахъ майоръ Бланкеннагель, ѣздившій въ Хиву съ дипломатическимъ порученіемъ отъ Императрицы Екатерины II, и греческій митрополитъ Хрисанфъ, путешествовавшій по Азіи изъ любознательности. Но о дорогахъ этихъ означенныя лица не сообщили никакихъ свѣдѣній; равно-какъ не сообщили ихъ о пути своемъ и англійскіе агенты, капитаны Абботъ и Шекспиръ, проѣхавшіе въ 1840 году изъ Хивы не на Мангышлакъ, а на бывшее Ново-Александровское Укрѣпленіе (при Кайдацкомъ заливѣ Мертваго Култука на Каспійскомъ морѣ). О Бланкеннагелевомъ пути см. въ «Вѣстникѣ» И. Р. Географическаго Общества на 1858 годъ, книжка 3; о митрополитѣ Хрисанфѣ — въ «Чтеніяхъ И. Московскаго Общества» на 1858 годъ; о Шекспировомъ Blackwood Magazine, за іюнь 1842; объ Абботовомъ — въ его Narrative of a journey from Herat to Khiva, Moscow and St. Petersburg. Loncon. 1843. По какой-бы дорогѣ, впрочемъ, ни ѣхать съ Мангышлака въ Хиву, разстояніа менѣе 1000 верстъ не будетъ. Въ послѣдніе годы ходъ каравановъ изъ Хивы на Мангышлакъ почти вовсе прекратился.

¹⁾ Нижеслѣдующее подробное описаніе этой дороги, извѣстной подъ именемъ «Старой ногайской», тѣмъ важнѣе, что, судя по остаткамъ большихъ и прочныхъ путевыхъ по ней сооруженій, каковы мосты, колодцы, каравансарай, укрѣпленія, — должно съ полною достовѣрностію заключать, что это во времена монгольскаго владычества и процвѣтанія Сарая на Волгѣ, а быть можетъ и ранѣе того — еще въ періодъ Итиля и хазарскаго владычества — былъ главный путь, коимъ ходили торговые караваны изъ Средней Азіи въ Восточную Европу и обратно, переправляясь черезъ Уралъ у Сарайчика, нынѣшняго Сарайчиковскаго Форпоста. Теперь этою дорогою караваны не ходятъ вовсе, а направляются изъ Хивы въ Оренбургъ и обратно однимъ изъ путей, о коихъ сказано въ примѣчаніи 1; потому и неизвѣстно, сохраняются ли по ней доселѣ и въ какомъ видѣ разныя путевыя сооруженія, су-

У сего форпоста. переправясь чрезъ рѣку Уралъ, дорога идетъ въ лѣво до рѣчки *Самисъ*, разстояніемъ около 80 верстъ; рѣчку сію переѣзжаютъ по нѣкотораго роду плотинѣ изъ тесаныхъ бѣлыхъ дикихъ камней, сдѣланной такъ, что вода по верху ея течетъ, имѣя глубины меньше четырехъ вершковъ. Строеііе сіе по словеснымъ преданіямъ есть одного изъ Чингизъ-хановыхъ сыновъ. Рѣчка *Самисъ* впадаетъ въ соляное озеро *Тенз-тякз-шуръ*, лежащее недалеко отъ рѣки *Ембы*, и въ немъ теряется ¹⁾).

шествовавшая, какъ видимъ изъ настоящаго описанія, еще въ началѣ настоящаго столѣтія.

¹⁾ Рѣка *Самыъ*, имѣющая всего теченія 375 верстъ, дѣйствительно теряется, близъ береговъ Каспійскаго моря, въ огромныхъ солонцахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Тинтякз-Соръ*, «Дурацкихъ-Солонцевъ». Это названіе *Тинтякз-Соръ* носятъ и многіе другіе большіе солонцы въ Степи, напримѣръ, находящійся по правому берегу р. Иргыза близъ озера Мельде-Куль. Вообще, названіе *соръ* или *суръ* присвоится Киргизами сухимъ и мокрымъ солонцамъ, составляющимъ одну изъ отличительныхъ особенностей степныхъ пространствъ Каспійскаго Бассейна, и состоящимъ или изъ сѣроватаго сухаго соленаго илу, или изъ соленыхъ грязей, тонкихъ, а нерѣдко и вовсе непроходимыхъ. «Иные солонцы (хоки) пересыхаютъ въ продолженіе лѣта»—говорится въ «Военно-статистическомъ Обзорѣніи Зауральской Степи Оренбургскаго вѣдомства», изданномъ Генеральнымъ Штабомъ (Спб. 1848. стр. 19)— «и представляютъ въ такомъ случаѣ твердый грунтъ, на которомъ копыта лошадей не оставляютъ даже слѣдовъ». Такія, весьма часто встрѣчающіяся по правому берегу Сыра, пространства желтоватой или бѣлосвѣтлой глины, крѣпко-накрѣпко засохшей подъ вліяніемъ палящихъ лучей солнца, и принявшей почти глянцевитую поверхность, не суть солончаки, и называются по-киргизски не *хакъ* и не *соръ*, а *такыръ*; *такъ* значитъ просто-на-просто «болото» или «топкое мѣсто», почему

Отъ мосту дорога склоняется въ право до ключей *Кайнаръ*, разстояніемъ до 20 верстъ; тутъ имѣются развалины каменныхъ и кирпичныхъ зданій.

Отъ сихъ ключей до урочища *Баканчинъ* около 25 верстъ; къ нему переходъ чрезъ рѣку Ембу въ бродъ; таковыя же развалины и тутъ имѣются ¹⁾.

Къ сему же урочищу отъ показаннаго форпоста есть другая дорога камышами и между озеръ, имѣя рѣчку Сагысъ и озеро, ее въ себя принимающее, въ лѣвъ; разстоянія до 100 верстъ.

Отъ урочища Баканчинъ, оставя Ембу, дорога склоняется нѣсколько къ берегамъ Каспійскаго моря до ключей *Учуканъ* ²⁾; вода въ нихъ, солоноватая и прѣсная, соединяясь въ одинъ ручей, протекающій версты съ двѣ къ морю, впадаетъ разными ручейками, въ земляные провалы и болѣе не показывается. Около ключей имѣются развалины каменныхъ зданій, строенные, по словамъ кочующихъ, ордами Чингизъ-хана. Въ сторону, съ правой руки до 3-хъ верстъ, есть озеро, именуемое Учуканскимъ же, въ немъ соль сухая, ко употребленію весьма хорошая; длиною сіе озеро до 15, а широтою съ полверсты.

Отъ Учуканъ ключей гладкою безводною степью кочевьями киргизскими до горы *Чинъ* съ 90 верстъ; на всякой станціи въ трехъ мѣстахъ сего разстоянія имѣю-

хакомъ и называется и *такыръ*, когда онъ покрытъ весеннею водою отъ стоявшаго снѣга. По Левшину («Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей», 1, 181), черезъ Сагысъ, по описываемой дорогѣ, переправляются близъ развалинъ древняго укрѣпленія, называемаго *Узунъ тамъ*.

¹⁾ По Левшину (1. с.), это развалины древняго кладбища, которое завется не *Баканчинъ*, а *Баканъ аулія*.

²⁾ *Учуканъ* есть, по всей вѣроятности, испорченное *Учпанъ* «три ручья».

тся развалины каменныхъ строеній изъ бѣлаго дикаго камня, родъ крѣпостей. Гора Чинъ, начавшаяся съ запада у Мангишлака, продолжается разными возвышеніями, склоняясь къ юго-востоку степью, почти на 500 верстъ, до песковъ большихъ *Бурсукъ* ^{*)}. Лѣсу, кромѣ кустарниковъ, по всей дорогѣ и по самой горѣ вовсе никакого не имѣется. Дорога на гору подымается до 20 верстъ; пройдя 15, къ правой рукѣ есть родникъ хорошей воды; въ лѣвой же, на самыхъ вершинахъ горы, три крѣпостцы, могущія помѣстить каждая до 300 человекъ; разстояніемъ одна отъ другой въ полуверстѣ; построены изъ плитъ бѣлаго крѣпкаго камня, и многія около ихъ развалины. Поднявшись на гору, открывается равнина до 200 верстъ, склоняясь въ лѣво къ Аральскому озеру.

Отъ Родника хорошей воды до палатъ *Куптамъ*, гдѣ имѣются и другія еще зданія, столько же верстъ. Строенія сіи изъ четверугольнаго кирпича на известковой смазкѣ, стоятъ по обѣимъ сторонамъ дороги въ разныхъ мѣстахъ; разстояніями одно отъ другаго по верстѣ и болѣе. Тутъ же имѣются два колодезя хорошей воды, выложенные кирпичемъ, около коихъ можно насчитать до 10 зданій, а всѣхъ болѣе 30: всѣ безъ крышъ со сводами, и многія изъ нихъ цѣлы.

Отъ палатъ *Куптамъ* до двухъ копаней чистой воды,

^{*)} Горы, или даже гряды горъ, которая-бы называлась *Чинъ*, не существуетъ; а зовется не *Чиномъ*, а *Чинкомъ* обрывъ, мѣстами крутой, мѣстами довольно-отлогій, которымъ плоская возвышенность Усть-Урта переходитъ. съ юга и сѣвера, въ прилежающія къ ней измѣненные равнины Туркиенскихъ и Киргизскихъ степей, а съ запада и востока упирается въ Каспійское и Аральское моря. Впрочемъ, сѣверо-западный чинкъ Усть-урта носить у киргизовъ имя «горъ», именно зовутъ они его «Туманными Горами».

называемых *кощи*, до 30 верстъ, съ переходомъ песковъ *Шамъ* ¹⁾; пески сѣя тянутся по длинѣ горы до 200 верстъ, имѣя въ поперечникѣ около 20: по всѣмъ пескамъ вода въ конаняхъ не глубже полутора аршина, самая чистая. Трава по всему пространству горы двухъ родовъ: янтакъ, способная для корму верблюдовъ, и карачульникъ—для лошадей и мелкаго скота ²⁾).

Отъ Колани Коши до ключа *Чурукъ*. Съ 30 верстъ отъ него къ лѣвой рукѣ имѣется большой дѣсь, главнѣйше изъ дерева Саксауль, не столь высокаго, но толщиною до аршина ³⁾; дерево въ рубкѣ твердое, но хрупкое, листь имѣетъ продолговатый, въ огнѣ горитъ жарко и къ дѣланію углей отнѣсно выгодно; на что по большой части и употребляется ⁴⁾).

¹⁾ Пески эти зовутся Киргизами *Самъ*, а не *Шамъ*. Отсюда старая ногайская дорога идетъ, по Левшину (1. с.), на Айбогиръ (т. е. Айбугиръ) черезъ колодцы Айдобуль, Актюбя и Кургурукъ; описываемый-же путь на колодцы Коши, Чурукъ и такъ далѣе—составляетъ особую вѣтвь этой дороги.

²⁾ *Янтакъ*, по татарскому произношенію, или *джантакъ* по киргизскому, есть извѣстное *Alhagi camelorum* Fisch., описанное у Ледебура въ *Flora Rossica*, 1. 716. Какое-же растеніе называется въ настоящемъ описаніи *карачульникомъ*, мнѣ неизвѣстно: такого названія я и не слыхивалъ.

³⁾ По Ледебуру толщина ствола отъ 6 до 8 дюймовъ. Листья длиною отъ $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ линіи. чешуйчатая, собранные колечками.

⁴⁾ *Саксауль*—это *Anabasis ammodendron* С. А. Мей. Описанъ у Ледебура въ *Flora Altaica*, 1, 375. Листья этого растенія, подобныя сосновымъ игламъ (это не листья а молодыя вѣтви), служатъ, послѣ морозовъ, пищею для неприхотливаго киргизскаго скота, а стволъ и сучья составляютъ лучшее въ степи топливо. Растеніе это служить топливомъ и для паромовъ на Сыръ-Дарьѣ и Аральскомъ морѣ. По чрезвычайной плотности древесины зарытый въ золу уголекъ саксаула

Отъ Чурукъ до двухъ колодязей *Блявули* до 50 верстъ; колодязи выложены кирпичемъ; подлѣ нихъ имѣется большая старая каменная палата съ одною башнею, родъ крѣпости, вышиною съ домъ, о дву-жильяхъ, со сводами и съ нѣсколькими во внутренности покаями, во многихъ мѣстахъ разбитая. Строеніе сіе по словеснымъ преданіямъ есть одного изъ Чингизъ-хановыхъ сыновъ, шедшаго изъ Астрахани обратно въ Хивинскую землю.

Въ сей палатѣ долгое время имѣли пристанище разбойники изъ Каракалпакъ и Трухменцовъ, грабившіе ходившіе мимо сихъ мѣстъ караваны, или бравшіе за водопой съ проѣзжающихъ не малую подать. Киргизцы, лѣтъ 30 тому, наскучивъ симъ притѣсненіемъ, выгнали разбойниковъ изъ ихъ убѣжища и колодязи забросали пескомъ и камнемъ; съ тѣхъ поръ нѣтъ уже тутъ ни воды ни разбойниковъ. Въ правую сторону до 50 противъ сего мѣста верстъ есть въ землѣ три глубокихъ провала, въ которыхъ шумъ какъ-бы текущей воды слышится ¹⁾).

Отъ Блявули до двухъ ключей, именуемыхъ *Кушбулака*, около 50 верстъ; вода въ нихъ солоновата; вышеупомянутый лѣсъ примыкаетъ къ симъ мѣстамъ съ лѣвой

сохраняетъ огонь сутки и болѣе; на водѣ саксаулъ тонетъ, а подъ топоромъ даетъ искры, и можетъ быть скорѣе изломанъ, нежели перерубленъ. Подробное описаніе саксаула см. у Базанера, 1. с., С. 93—95.

¹⁾ Это общее въ Средней Азіи повѣрье, о которомъ до послѣдняго времени нельзя было сказать опредѣлительно—вздорное оно или нѣтъ. Но въ 1858 году все пространство Усть-Урта было окончательно пройдено полуинструментальною съемкою и теперь наука въ правѣ ожидать отъ гг. офицеровъ Корпуса Топографовъ при Отдѣльномъ Оренбургскомъ Корпусѣ, что они разъяснятъ, въ чемъ тутъ дѣло.

руки. Пройдя отъ сего становища верстъ съ 10, дорога раздѣляется на двѣ:

Одна, прямо чрезъ городъ *Старый-Урианчи*, идетъ въ Хиву чрезъ продолженіе 300 верстъ, подаваясь болѣе въ правую руку: лѣтомъ безводная, идетъ кочевьями Каракалпаковъ, имѣя Аральское озеро въ лѣвѣ, разстояніемъ до 50 верстъ. По сей дорогѣ, пройдя 10 верстъ отъ ея раздѣленія, въ сторону около пяти, есть островъ, имянуемый *Барса Кильмесъ*, то есть: «входящему путь невозвратенъ». Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ мелкою соленою водою, или лучше соленою тиною до двухъ верстъ ширины. Самъ островъ продолговатъ, имѣя окружности до 15 верстъ; на срединѣ его примѣчается обширное старое зданіе, но невысокое, не извѣстно кѣмъ и когда построенное; называютъ еще сей островъ *волшебнымъ*, почитая его житіемъ нечистыхъ духовъ; по словамъ нѣкоторыхъ, бывавшихъ недалеко отъ сего острова, тамъ слышатся по вечерамъ и чрезъ всю ночь разные голоса звѣрей, лай собакъ и крики ночныхъ птицъ, почему никто на оный и не ѣздитъ ¹⁾.

Другая дорога идетъ чрезъ *Кократъ*, отъ Кушбулака ключей до Аральскаго озера до 60 верстъ.

Отъ сего мѣста, дорога съ 10 верстъ спускается круто подъ гору, съ правой стороны идетъ высокая гора

¹⁾ Солонецъ *Барса-Кильмесъ* показанъ на картѣ, приложенной къ путешествію Базинера въ Хиву, между параллелими Кара-Умбетъ и Коска Джула, въ разстояніи 30—45 верстъ отъ дороги, идущей по низменности между помянутыми спусками съ Усть-Урта. О существованіи посреди этого солонца острова, на которомъ находится замокъ, упоминаетъ и Рукавкинъ, со словъ вожаконъ его Киргизовъ. Разъясненіе, что-такое этотъ замокъ, должно ожидать тоже отъ гг. офицеровъ Корпуса Топографовъ, производившихъ съемку Усть-Урта.

съ разными холмами *Карауметь*. Она начинается съ юга отъ Каспійскаго моря, идетъ на востокъ и оканчивается у песковъ Бурсукъ ¹⁾. По горѣ имѣется довольно лѣсу изъ дерева саксаулъ, джонгель и чангаль ²⁾; сіе послѣднее имѣетъ пенъ, покрытый большими крѣпкими иглами. По вершинѣ горы стоятъ 12 будокъ, разстояніемъ одна отъ другой до пяти верстъ, изъ плитъ бѣлаго камня одѣланные, какъ увѣряють, какимъ-то Бариханомъ ³⁾. Дорога, продолжаясь около камышей и горъ, отдѣлившихся отъ Карауметь горы, лежитъ по берегу Аральскаго озера по каракалпацкимъ кочевьямъ до Конрата 60 верстъ ⁴⁾.

¹⁾ *Карауметь* и *Кара-умбетъ*, или правильнѣе *Кара-Кумбедъ*, называется не какая-либо гряда горъ, а юго-восточный чинкъ или обрывъ Усть-Уртской плоской возвышенности, подобно тому, какъ сѣверо-западный чинкъ или обрывъ Усть-Урта зовется «Туманными Горами» (см. прим. 8). Затѣмъ въ частности название это (Кара-Кумбедъ) носитъ подъемъ на Усть-Уртъ, находящийся не вдалекѣ отъ мыса Урга.

²⁾ О саксаулѣ сказано выше. *Дженаль*, правильнѣе *джангаль*, называется русскими „гребешникъ“, по Линнею *Tamarix Gallica*, описанъ у Ледебура въ *Flora Rossica*, II, 134. Кустарникъ этотъ, достигающій иногда высоты 10 и болѣе футовъ, растущій нерѣдко густыми рощами, листомъ сходный съ кипарисомъ, а цвѣты имѣющій кистеобразныя, красно-лиловаго цвѣта,—составляетъ лучшее украшеніе степей. *Чангаль*, правильнѣе *чинель*,—невисокій кустарникъ съ колючими иглами, который, видѣли мы, густо покрываетъ многія проетранства по берегамъ Сыра. Какъ окрещенъ онъ учеными ботаниками, не знаемъ. Во всякомъ случаѣ киргизское названіе его должно быть въ связѣ съ персидскимъ *джениаль*, которое вошло въ англійскій языкъ въ видѣ *jungle*.

³⁾ Объ этихъ „будкахъ“ или башняхъ, см. Базинера. 1. с., р. 88—89.

⁴⁾ Описывая эту дорогу, слѣдовало упомянуть, что на пути отъ Кара-Кумбеда до Конграда надо переправляться

Рѣка *Аму-Дарья*, въ древности называлась Оксусъ, потомъ Гигонъ. Отъ Коврата до кочевья *Кизиль-хозя* ѣдутъ въ верхъ по лѣвому же берегу Аму Дарьи, лѣсомъ и кочевьями Каракалпакъ: разстояніе до 120 верстъ.

Отъ Кизиль-Хозя—по той же сторонѣ рѣки, кочевьями Трухменцовъ до *Мангута* 30 верстъ ¹⁾.

Между Кизиль-Хозя и Мангутомъ въ лѣвой рукѣ, на самой Аму-Дарьѣ, крѣпость земляная *Копчакъ* ²⁾.

В. Григорьевъ.

Оренбургъ.

Въ февралѣ 1861 г.

черезъ Айбугирскій заливъ Аральскаго моря. Подробности о *Кунградѣ* изъ 1840-хъ годовъ см. у Данилевскаго, въ его «Описаніи Хивинскаго Ханства» (помѣщенномъ въ «Запискахъ И. Р. Геогр. Общества», книга V, стр. 106—107). Въ настоящее время, разоренный нѣсколько разъ Хивинцами и Туркменами, *Кунградъ* почти совсѣмъ опустѣлъ.

¹⁾ О *Мангутѣ*, правильнѣе *Мангытѣ*, см. Данилевскаго, 1. с., р. 108.

²⁾ О *Копчакѣ*, правильнѣе *Кипчакѣ*, см. тамъ же, стр. 105. По нашему «описанію», какъ *Кипчакѣ*, такъ и *Мангытѣ*, обнесены глиняными или земляными стѣнами; ошибочно ли было это извѣстіе, или въ теченіи 40 лѣтъ стѣны эти совершенно развалились, только у Данилевскаго читаемъ, что оба означенные города ни стѣнъ, ни валовъ, не имѣютъ.

Къ статьѣ „о башкирскихъ тамгахъ“

Д. Н. Соколова, вып. XIII.

Уже послѣ напечатанія моей статьи удалось мнѣ розыскать у самихъ башкиръ преданія о времени нашествія Бурзянъ на кипчакскую территорію. Въ небольшой деревнѣ Смакъ—Тангауръ, расположенной въ сѣверо-восточномъ углу Бурзянъ—Кипчакской волости Оренбургскаго уѣзда недалеко отъ р. Ика (по среднему его теченію), тамги преобладаютъ бурзянскія. На просьбу объяснить вторую половину названія деревни жители отвѣтили, что ихъ предки дѣйствительно пришли изъ Тангаурской земли *за пять поколѣній* тому назадъ. Бурзянскія (а не Тангаурскія—по происхожденію, и не Кипчакскія—по мѣсту поселенія) тамги можно объяснить только тѣмъ, что башкиры этой деревни пришли вмѣстѣ съ Бурзянами, такъ сказать, подъ ихъ знаменемъ и потому указаніе времени я отношу къ Бурзянскому нашествію.

Другое указаніе еще прямѣе. Въ противоположномъ углу той—же волости, при р. Сакмарѣ, въ д. Биктемировой, я нашелъ бурзянскія тамги; да и наружность башкиръ, хотя и не типично—бурзянская, но совсѣмъ не кипчакская. На разспросы, откуда и когда пришли предки, я получилъ отвѣтъ: «изъ—за вершинъ р. Ика, за шесть поколѣній тому назадъ.» Указаніе мѣста очень точно соответствуетъ тому пути, который я описывалъ, на основаніи косвенныхъ соображеній, на стр. 62—63 своей статьи.

Неточное совпаденіе времени въ обоихъ преданіяхъ исполнѣ допустимо при счетѣ такою приблизительною единицею какъ «поколѣніе». Если считать, какъ это обычно принято, три поколѣнія на столѣтіе, то время нашествія опредѣлится въ началѣ XVIII вѣка (въ теченіи первой его трети). Указаніе времени въ этихъ преданіяхъ особенно цѣнно потому, что я опредѣлялъ его (хотя довольно удачно) по соображеніямъ очень гадательнымъ. Оба преданія интересны тѣмъ, что свидѣтельствомъ башкиръ подтверждаютъ фактъ (Бурзянское нашествіе), установленный мною въ Каракипчацкой волости *вопреки* показаніямъ тамошнихъ башкиръ. Какъ я уже указывалъ въ своей статьѣ, тамги — драгоцѣнный матеріалъ для этнографа именно тѣмъ, что являются достовѣрными данными тогда, когда башкиры скрываютъ истину о своемъ племенномъ происхожденіи или ее позабыли.

Въ протоколахъ засѣданій Туркестанскаго кружка любителей археологій*) помѣщенъ подробный отзывъ о моей статьѣ, составленный ген.-лейт. И. Т. Пославскимъ. По выслушаніи его доклада въ засѣданіи кружка «выяснилась еще разъ крайняя необходимость въ собираніи мѣстныхъ киргизскихъ тамгъ»**), а авторъ отзыва заканчиваетъ его словами: «прочтеніе этой брошюры можетъ приохотить къ коллекціонированію киргизскихъ тамгъ и къ систематизированію ихъ, что можетъ дать весьма интересные результаты». Въ виду этихъ заключеній я пользуюсь случаемъ высказаться о задачахъ собиранія киргизскихъ тамгъ съ моей точки зрѣнія.

Литература о киргизскихъ тамгахъ накопилась зна-

*) За 1905 годъ, стр. 42—45.

**) Тамъ-же, стр. 27.

чительная и записываніе ихъ началось уже давно. Большинство авторовъ считало, что у всѣхъ киргизовъ каждаго рода тамга одна и таже; это далеко не всегда такъ, что можно видѣть и по приложенной къ моей статьѣ таблицѣ киргизскихъ тамгъ: особыя тамги имѣютъ обыкновенно также отдѣленія родовъ и вотъ ихъ — то желательно установить точнѣе. Возможно, что такимъ путемъ выяснятся несогласія въ данныхъ различныхъ авторовъ (одинъ могъ принять за тамгу рода тамгу одного, другой — другого его отдѣленія).

Чтобы «систематизированіе» киргизскихъ тамгъ могло дать интересные результаты, я крайне сомнѣваюсь: какъ я уже излагалъ въ своей статьѣ, выводы изъ сличенія между собою родовыхъ тамгъ крайне ненадежны. Измѣненія ихъ (образованіе производныхъ) могли проследить очень рѣдко и должны были отстоять другъ отъ друга по времени и пространству такъ далеко, что опредѣленныхъ обычаевъ или правилъ въ отношеніи способовъ измѣненія — въ томъ смыслѣ, какъ я установилъ это для башкирскихъ (*семейныхъ*) тамгъ, образоваться не могло. Поэтому заключенія о такихъ измѣненіяхъ, какъ показалъ опытъ Н. А. Аристова, будутъ почти всегда слишкомъ недостаточно обоснованными и потому мало убѣдительными для читателя.

Весьма интересно было-бы знать, какой характеръ имѣютъ тамги тѣхъ киргизъ, которые живутъ осѣдло и занялись земледѣліемъ, не перешли-ли они, подобно тому, какъ я установилъ это для Астраханскихъ татаръ — ногайцевъ, отъ родовыхъ тамгъ къ семейнымъ.

Сочленъ по Архивной Комиссіи, И. В. Набережновъ говорилъ мнѣ, что и у не киргизскихъ народностей Средней Азіи употребительны тамги — вѣроятно семейныя (помнится, онъ называлъ Хивинцевъ). Члены Туркестанскаго

кружка любителей археологii, заинтересовавшіеся моею работою, могли-бы изслѣдовать эти тамги.

Авторъ реферата о моей статьѣ какъ будто запуганъ массою неблагодарной, по его мнѣнію, работы, вложенной мною въ составленіе таблицы башкирскихъ тамгъ. Чтобы тѣ, которыхъ онъ приглашаетъ воспользоваться моимъ примѣромъ, не пугались слишкомъ большого труда, замѣчу, что при составленіи таблицы я бралъ тамги не по одной изъ «хаотическихъ грудъ» въ нѣсколько тысячъ, а разбиралъ ихъ по каждой деревнѣ отдѣльно (какъ онѣ и приведены въ таблицѣ), при чемъ рѣдко встрѣчались деревни, изъ которыхъ я имѣлъ болѣе сотни тамгъ. При малочисленности основныхъ типовъ разобраться въ нѣсколькихъ десяткахъ тамгъ вовсе не такъ трудно. При томъ, какъ и всегда бываетъ, постороннему лицу трудъ спеціалиста (или вообще лица, хорошо изучившаго свой предметъ) представляется гораздо значительнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Наоборотъ, совершенно ускользаетъ обыкновенно отъ неспеціалиста масса труда, употребленнаго на изученіе литературы предмета, ибо иногда толстую книгу приходится прочитать только для того, чтобы цитировать изъ нея выраженіе въ двѣ строки или мимоходомъ упомянуть ея названіе.

Автора отзыва поразило, по его словамъ, какіе «цѣнные и научные выводы оказалось возможнымъ извлечь изъ такихъ, казалос-бы, незначительныхъ данныхъ, какъ тамги». Слышу это не въ первый разъ; среди насъ, членовъ провинціальныхъ научныхъ обществъ, къ сожалѣнію, очень распространена эта разборчивость на матеріалъ для работы: постоянно мы брезгуемъ тѣмъ, что у насъ подъ руками, какъ «незначительнымъ», постоянно ищемъ себѣ

крупной темы и, при томъ, хотимъ цѣнные выводы получить безъ большаго труда — и такъ пропускаемъ и случай, и время, пока заѣзжіи изъ научныхъ центровъ ученые не напишеть по «незначительному» матеріалу солиднаго, иногда многотомнаго труда—укажу для примѣра диссертацию проф. М. И. Ростовцева о *тессерахъ*, знакахъ, по значенію отчасти родственныхъ тамгамъ и, можетъ — быть, еще болѣе «незначительныхъ».

Д. Соколовъ.

И. И. Евфимовскій-Мировицкій.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ЕВФИМОВСКІЙ-МИРОВИЦКІЙ,

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕНЪ АРХИВНОЙ КОМИССИИ *).

7 мая 1905 года умеръ почетный членъ Комиссии Иванъ Ивановичъ Евфимовскій-Мировицкій.

Покойный происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Черниговской губерніи и родился въ 1839 г. По окончаніи курса въ Черниговской духовной семинаріи съ званіемъ дѣйствительнаго студента и С.-Петербургскаго университета съ ученой степенью кандидата правъ (вып. 1869 г.) онъ назначенъ былъ въ 1871 г. секретаремъ Оренбургской духовной консисторіи. На службѣ по духовному вѣдомству въ такой отдаленной тогда окраинѣ, какъ Оренбургъ, покойный очутился повинуваясь вѣянію эпохи 60-тыхъ годовъ. Гр. Д. А. Толстой, министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ св. Синода еще въ 1869 году задался мыслью провѣтрить епархіальныя болота, для чего лучшимъ средствомъ считалъ за-

*) Матеріалами для составленія настоящей статьи послужили: 1) Бъ 25 лѣтію газеты «Оренбургскій Листокъ», 1 янв. 1876 г. — 1 янв. 1901 г., А. Попова, «Оренб. Газета», № 1116, 14 янв. 1901 г.; 2) И. И. Евфимовскій-Мировицкій, некрологъ, «Тург. Газета», № 20, 1905 г., Н. Г. Ивановъ; 3) Памяти Ив. Ив. Евфимовскаго-Мировицкаго, его же, «Оренб. Газета», 1905 г., № 2314.

мѣщеніе должностей секретарей въ консисторіяхъ лицами съ высшимъ образованіемъ. На зовъ гр. Толстого откликнулось 15—20 студентовъ, въ числѣ коихъ былъ Иванъ Ивановичъ. Гр. Толстой обѣщалъ этимъ молодымъ людямъ всякую поддержку въ ихъ жизни, что пригодилось и покойному, такъ какъ, не выдержавъ борьбы съ «болотомъ», онъ при поддержкѣ графа въ 1875 году былъ перемѣщенъ на должность перваго правителя канцеляріи попечителя новаго тогда Оренб. уч. округа. Въ 1880—81 годахъ Ив. Ив. состоялъ сверхштатнымъ чиновникомъ особыхъ порученій при Оренб. ген.-губернаторѣ и съ упраздненіемъ ген.-губернаторства остался за штатомъ въ чинѣ надворнаго совѣтника. За время службы покойный получилъ Высоч. награды: св. Станислава 2 ст. св. Анны 3 ст. Съ 1 авг. 1871 г. по 1875 г. Ив. Ив. состоялъ частнымъ преподавателемъ въ Оренб. Николаевскомъ институтѣ по предметамъ русскаго языка, теоріи словесности и исторіи русской литературы и за успѣхи ученицъ удостоился Высоч. денежной награды.

Покойный былъ учредителемъ и первымъ редакторомъ «Оренб. Епархіальн. Вѣдомостей», состоялъ редакторомъ «Циркуляровъ по Оренб. уч. Округу», членомъ-сотрудникомъ Оренб. отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества, дѣйствит. членомъ Оренб. стат. комитета, членомъ учредителемъ, а затѣмъ и почетнымъ, Оренб. Уч. Архивной Комиссіи, Оренб. отд. Петербургскаго славянскаго благотв. комитета, членомъ-учредителемъ Оренб. отд. Имп. Росс. общ. садоводства, секретаремъ комитета по постройкѣ новаго кафедральнаго собора въ г. Оренбургѣ и мн. др.

Съ 1874 г. по 1887 г. покойный былъ гласнымъ городской думы и одно трехлѣтіе состоялъ въ званіи поч. мирового судьи по Оренб. уѣзду. Въ званіи гласнаго онъ проявлялъ большой интересъ къ общественнымъ дѣ-

ламъ. Въ теченіи 12 лѣтъ онъ былъ предсѣдателемъ многочисленныхъ думскихъ комиссій и положилъ много труда на улучшеніе просвѣтительныхъ учрежденій города, какъ-то: городской общественной библіотеки, городскихъ училищъ и т. п.

Главнѣйшей же заслугой Ивана Ивановича передъ обществомъ является основаніе въ г. Оренбургѣ первой частной газеты 1 янв. 1876 г. — «Оренбургскій Листокъ»*), 25-лѣтній юбилей котораго праздновался 1 янв. 1901 г. За время своего существованія «Оренб. Листокъ» является лѣтописью жизни не только г. Оренбурга, но всего Оренбургскаго края. Это была газета не только общественно-литературная, но и научная: въ ней заключается масса свѣдѣній по мѣстной этнографіи, археологіи, географіи и исторіи. Къ сожалѣнію полный экземпляръ этой замѣчательной газеты имѣется лишь въ Оренб. город. обществ. библіотекѣ. Въ адресъ-календарѣ Оренб. губерніи за 1895 г. помѣщено библиографическое обозрѣніе «Оренб. Листка» за первые 20 лѣтъ его существованія (трудъ г. Н. М. Гутъяра).

«Оренб. Листокъ» началъ издаваться при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ прежде всего съ технической стороны. Для газеты на первый разъ не было ни машинъ, ни достаточно шрифта. Клише для заголовка газеты редактору-издателю самому пришлось вырѣзать изъ дерева и первый годъ газета печаталась на деревянныхъ ручныхъ станкахъ. Подписная плата едва окупала бумагу, типографскіе и почтовые расходы.

«Оренб. Листокъ» всегда былъ органомъ либеральной

*) О ней подробнѣе см. «Исторія открытія и первые годы существованія первой частной газеты въ г. Оренбургѣ» П. Н. Столпянскій, XII вып. «Трудовъ» Арх. Ком.

прогрессивной мысли и редакторъ-издатель его никогда не измѣнилъ своему знамени. Не мало пришлось покойному пережить тяжелыхъ минутъ въ борьбѣ съ мѣстными некультурными общественными силами и многіе эпизоды этой борьбы занесены на страницы «Листка». Только поддержка интеллигентной части мѣстнаго общества дала Ив. Ив. силы въ теченіе 30 лѣтъ неизмѣнно служить идеаламъ гуманности и прогресса. Цензурныя условія, отягченныя усмотрѣніемъ мѣстныхъ властей, доставляли несравненно болѣе терзаній, чѣмъ служеніе некультурному обществу. Скрѣпя сердце, молча, нужно было подчиняться красному карандашу цензора, тогда какъ съ невѣжествомъ можно было бороться и... иногда побѣждать!

Въ теченіе 30 лѣтъ нести ярмо провинціального редактора, нести и не изнемочь—нужны необыкновенныя духовныя силы! «Горе мнѣ, аще не благовѣтствую»—вотъ девизъ, имъ избранный, вполне гармонизировавшій съ духовнымъ укладомъ его натуры, необыкновенно мѣтко характеризующій его пониманіе писательскаго долга.

Иванъ Ивановичъ былъ человѣкъ глубокоувѣрующій; эта религіозность, вѣра въ Бога, помогала ему твердо держаться разъ понятаго долга служенія обществу и поддерживала его въ трудныя минуты жизни.

Особенно труднымъ было время, по словамъ самого покойнаго, 1879—82 гг. Въ пожаръ 16 апр. 1879 г. сгорѣли незастрахованными домъ Ивана Ивановича, типографія и редакція. Однако, неутомимый труженикъ съ небывалой энергіей набираетъ очередной № своей газеты (отъ 22 апр.) въ подвалѣ сгорѣвшей типографіи изъ остатковъ шрифта, а печатаетъ въ губернской типографіи; покойный не считалъ возможнымъ изъ-за личнаго несчастья нарушить правильность выхода №№ газеты, уже ставшей необходимымъ органомъ общественной мысли,

тѣмъ болѣе въ тяжелые дни послѣпожарныхъ бѣдствій, когда общественный органъ необходимъ былъ для описанія бѣдствія, воззваній о помощи погорѣльцамъ и т. п.

Какъ ни тяжело временами приходилось редактору-издателю «Оренб. Листка», однако онъ никогда не падалъ духомъ. Въ передовой статьѣ на 1878 г. Иванъ Ивановичъ писалъ: «Поступая по современному, практически, намъ, конечно, слѣдовало бы вовсе бросить «игру» (убыточное изданіе газеты), не стоящую свѣчь. Но... бросить задушевное дѣло для насъ теперь также трудно, какъ разстаться съ давно излюбленной мечтой. Да и совѣстно. Бояться усилій, труда и дальнѣйшихъ жертвъ значило бы просто струсить, оробѣть, и поддавшись эгоистическимъ разсчетамъ уложить дѣло, которое быть можетъ обществу годится таки, хотя бы въ видѣ «Листка» для житейскихъ рекламъ. Нѣтъ, пусть загубитъ наше дѣло тотъ, кто хочетъ, а мы опустимъ руки только уступая давленію неотразимыхъ условій». Еще грустнѣе говоритъ редакторъ въ концѣ третьяго года: «Къ обычнымъ тяготамъ дѣла прибавились еще новыя напасти — судебныя преслѣдованія съ цѣлью не только обидѣть насъ всякими карами писаннаго правосудія, но и сгубить газету до конца. Не шутя говоримъ: передъ судомъ было выставлено требованіе — закрыть «Листокъ» навсегда! Вы, улыбаясь, думаете, что это «распни» вылетѣло изъ бѣшеннѣйшей мощи какого-нибудь невѣжественнаго самодура ошибаетесь. Насъ бьютъ «свои», люди одного ученія, одного упованія, одной фабрикаціи» *).

Газета ежегодно приносила Ив. Ив. убытки. И при такихъ условіяхъ онъ все-таки издавалъ ее до самой смерти, 30 лѣтъ!

*) П. Н. Столпянскій. Исторія открытія и первые годы существованія первой частной газеты въ Оренбургѣ.

Нельзя не упомянуть, что содержа типографию и литографию болѣе 30 лѣтъ (съ 24 апр. 1875 г.) Ив. Ив. не мало способствовалъ развитію въ Оренбургѣ печатнаго дѣла. Большинство послѣдующихъ типографій были основаны его сотрудниками и большинство ихъ наборщиковъ выучилились въ типографи Ив. Ив.

Среди другихъ общественныхъ заслугъ Ив. Ив. является его участіе въ работахъ Оренб. ученой Архивной Комиссіи. Онъ былъ ея членомъ-учредителемъ. Въ 1895—7 гг. состоялъ ея правителемъ дѣлъ и много сдѣлалъ для сохраненія цѣннаго архива Комиссіи, ведя всю переписку по приобрѣтенію дома для его помѣщенія, чѣмъ была предотвращена окончательная гибель архива. Онъ постоянно приходилъ на помощь Комиссіи матеріально, напечатать въ своей типографіи почти даромъ 2, 3, 4, 5 и 6 выпуски ея «Трудовъ». Въ собраніи Архивной Комиссіи 21 Дек. 1900 г. Иванъ Ивановичъ по случаю 25-лѣтняго юбилея изданія и редактированія имъ «Оренб. Листка» былъ избранъ въ почетные члены Комиссіи.

Со смертью Ивана Ивановича Оренбургскій край лишился виднаго дѣятеля старыхъ временъ; Оренбургскій край со временъ Рычкова и Кириллова служилъ обширнымъ полемъ культурной дѣятельности для лучшихъ русскихъ людей, стремившихся сюда не для цѣлей наживы, но ради государственной пользы, ради просвѣщенія и изученія населенія вновь приобрѣтенныхъ окраинъ.

Къ числу такихъ просвѣтителей принадлежалъ покойный Иванъ Ивановичъ, со студенческой скамьи ринувшійся въ борьбу сначала съ епархіальными болотами, а затѣмъ путемъ изданія газеты бросившій вызовъ всему нашему невѣжеству, всей нашей обломовщинѣ. До самой смерти, втеченіе болѣе 30 лѣтъ, онъ ни разу не опустилъ своего знамени, ни разу не измѣнилъ глубоко христіан-

скому девизу, на немъ начертанному: «Горе мнѣ, аще не благовѣтствую».

Миръ праху его и вѣчная память.

А. Поповъ.

ПАМЯТИ

ИВ. ИВ. ЕВФИМОВСКАГО-МИРОВИЦКАГО.

(мой внукъ на могилу почившаго *).

Впервые я узналъ покойнаго Ивана Ивановича въ 1885 г., когда онъ, полный еще силы и энергіи, ведя трудное и отвѣтственное редакторско-издательское дѣло, съ непреклонною волей возстановлялъ свое трудовое гнѣздо, безжалостно разрушенное пожаромъ 1879 г.: у него тогда сгорѣли, не будучи застрахованными, типографія и помѣщеніе редакціи, какъ равно и самый жилой домъ. Съ чисто американской настойчивостью, неутомимый труженникъ собираетъ остатки шрифта и матеріала и, забившись въ тѣсномъ подвалѣ сгорѣвшей типографіи, набираетъ и печатаетъ очередной номеръ своего «Листка», ставшаго уже привычнымъ органомъ общественной жизни, отражавшимъ послѣднюю во всей ея колейдоскопической пестротѣ.

Безъ сомнѣнья, найдутся друзья и почитатели свѣтлой личности почившаго, которые помянутъ добрымъ словомъ обширныя и драгоцѣнныя заслуги «стараго дида» на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности; я же съ своей стороны считаю святымъ долгомъ посильно обрисовать тѣ дорогія черты нравственнаго облика моего престарѣлаго друга-учителя, которыя на вѣки запечатлѣлись въ моей памяти.

*) Перепечатано изъ № 2314 «Оренб. Газ.» за 1905 г.

Начну съ того, что первое литературное произведение свое я помѣстилъ въ «Оренб. Листкѣ», высокопресвѣщенный редакторъ котораго съумѣлъ привить мнѣ (да и не мнѣ одному!) беззавѣтную любовь къ печатному слову, научивъ бережно обращаться съ перомъ... Въ кабинетъ нынѣ покойнаго редактора смѣло входили разнаго рода самоучки, изобрѣтатели, начинающіе писатели, поэты и просто молодежь, жаждавшая услышать живое и поучительное слово.

И всѣ находили радушный пріемъ, получали необходимый совѣтъ, и многіе изъ извѣстныхъ нынѣ служителей пера начали свое поприще на страницахъ гостепріимнаго «Листка». Самъ редакторъ послѣдняго, чуждый всякой рекламы, отдавалъ все свое время любимому дѣлу, оставаясь между тѣмъ совершенно въ тѣни, т. е. всѣ его работы въ своей газетѣ съ внѣшней стороны носили безличный обликъ «руководящихъ статей» и «редакціонныхъ замѣтокъ». А между тѣмъ сколько истиннаго патріотизма, сколько состраданія къ слабымъ и обездоленнымъ, сколько доброжелательной правды было въ этихъ статьяхъ и замѣткахъ!

Я никогда не забуду свѣтлый образъ моего друга-учителя, никогда не забуду пріятныхъ минутъ тихой бесѣды съ нимъ, когда «старый студентъ и редакторъ» съ чисто юношескимъ воодушевленіемъ говорилъ обо всемъ: о всемогуществѣ Божіемъ, о красотахъ природы, о лучшихъ человѣческихъ идеалахъ, критиковалъ послѣднія произведенія новѣйшей декадентской литературы, цитировалъ классиковъ, отдавался воспоминаніямъ молодости, студенческой жизни; говорилъ, увлекался, спорилъ и поучалъ, и именно поучалъ: Иванъ Ивановичъ былъ высокообразованный, глубоковѣрующій человѣкъ, много зналъ онъ и многому могъ научить. Верховлядство, напускная

ученость, жалкая посредственность и присущая нашему вѣку реклама вызывали въ немъ чувства огорченія, досады и даже возмущенія... Зато все мало—мальски незаурядное встрѣчало въ немъ живѣйшее участіе и нравственную поддержку. И не одни юные представители науки, литературы и искусства прислушивались къ авторитетному голосу покойнаго редактора; всѣ заѣзжія знаменитости считали долгомъ посѣтить его гостепріимный кабинетъ: въ немъ побывали въ свое время и знаменитый путешественникъ Пржевальскій, ученые этнографы проф. Негри и Рыбаковъ, писатели Ф. Д. Нефедовъ, Щегловъ, Дѣдловъ (Кингъ), И. Захарьинъ-Якунинъ, С. Пономаревъ, С. Гусевъ (Слово-Глаголь) и др., археологъ баронъ Де—Бай, извѣстные артисты И. О. Горбуновъ, Андрей Бурлакъ, баянъ Д. А. Славянской, артистки Никита, Горева, Альма Фостремъ и др.

Къ Ивану Ивановичу какъ нельзя больше подходило наименованіе: *человѣкъ*, въ широкомъ смыслѣ этого слова... Какъ человѣку, ему, конечно, не были чужды и недостатки, какъ человѣкъ, онъ имѣлъ и друзей и враговъ, но время-ли объ этомъ говорить передъ свѣжею еще могилой, памятуя, что всѣ—не безгрѣшны, что, *смерть примиряетъ* и что въ ксшницѣ прожитаго, какъ рельефъ, выдается все «разумное, доброе, вѣчное», за что, можетъ быть, скажетъ «спасибо сердечное русскій народъ»...

Какъ можно забыть, напримѣръ, трогательную любовь покойнаго къ дѣтямъ и къ... цвѣтамъ! А дѣти—не тѣже-ли это «цвѣты земли»!

И дѣти, въ свою очередь, любили «дѣда», они ластились къ нему, тормозили его и служили ему сладкимъ утѣшеніемъ въ горькія минуты жизни...

Какъ характеристику идеальной скромности покой-

наго редактора-публициста, я приведу одинъ фактъ изъ его жизни, подтверждаемый его же собственноручнымъ письмомъ.

Въ 1901 г. «Оренб. Листку» исполнилось 25 лѣтъ изданія. Когда кружокъ почитателей и мѣстной пишущей братіи, въ томъ числѣ и авторъ настоящихъ строкъ, явились въ квартиру юбиляра съ привѣтствіемъ, престарѣлый редакторъ былъ растроганъ до слезъ, но съ хохлаткой упрямостью отказался отъ всякихъ юбилейныхъ овацій. Спустя нѣсколько дней послѣ сего пишущій эти строки получилъ отъ почтеннаго юбиляра слѣдующее, написанное на редакціонномъ бланкѣ, любопытное письмо:

«Diligentissime Amice mi,

Николай Георгіевичъ!

Посылаю Вамъ некрологъ коллеги моего, хотя и «пасынка» *). Вчитайтесь въ некрологъ хорошенько (обративъ, конечно, вниманіе на редакторскій мой карандашъ), и скажите, положя руку на сердце: не правъ-ли я былъ, когда (6 января), обнимая, цѣлуя Васъ, говорилъ и убѣждалъ Васъ: «Не чепайте мэнэ своими юбилейными «оваціями», пока не зйду въ могилу»...

Вчитайтесь же и вдумайтесь въ некрологъ сей, — да хорошенько.

*) Примѣчаніе: При этомъ письмѣ Ив. Ив. прислалъ мнѣ номеръ (1816) «Туркест. Вѣдомостей» за 1900 г., посвященный памяти редактора этихъ „Вѣдомостей“ Аполлонія Павловича Романовича. Весь этотъ № испещренъ карандашными помѣтками и подчеркиваніями, сдѣланными рукой Ив. Ивановича, отмѣтившаго всѣ тернии и шипы на многотрудномъ пути редактора-издателя провинціальной газеты. Этотъ номеръ, а равно и подлинное письмо И. И. Ефимовскаго-Мировицкаго, какъ дорогіе автографы, передаются мною въ музей мѣстной ученой архивной комиссіи на вѣчную память о неусыпномъ работникѣ на нивѣ народной.

Н. И — въ.

Я глубоко убѣжденъ, что Вы до сихъ поръ,—кстати скажу,—не знаете: откуда вытекаетъ право наше (редактора и публициста) писать и говорить *ко всѣмъ*? Это право, въ основаніи его, намѣчено Божьими пророками, но ясныѣ указалъ намъ на него дивный послѣдователь Иисуса Христа (хотя и не Самовидецъ Его), философъ и ученикъ философа Гамалиила, Апостоль Павелъ (Савль). Онъ прямо (категорически) написалъ такъ: «Горе Мнѣ, аще не благовѣствую!»...

Найдете-ли Вы этотъ стихокъ въ посланіяхъ Павла? Я же его давно нашелъ и потому пребуду *смирениымъ* рабомъ Иисуса Христа до могилы моей. *Не надо мнѣ овацій!!! Слышите??!* Adieu.

Душевно Вамъ преданный и уважающій Васъ, покорнѣйшій слуга Вашъ и доброжелатель—Ив. Евфимовскій-Мировицкій».

Оренбургъ.

8—9 января.

(Ночь).

Развѣ это не золотыя слова и развѣ читатель посѣтуетъ на меня за то, что я цѣпцомъ привелъ ихъ, именно теперь.—во дни поминовенія новопреставленнаго Іоанна?!

Свѣжа еще могила, горе всѣхъ близко знавшихъ Ивана Ивановича еще слишкомъ недавно, утрата его не даетъ еще возможности воздать все должное, но да будутъ эти искреннія, изъ души идущія строки, сердечнымъ выраженіемъ глубокаго и искреннаго къ нему чувства уваженія и благодарности.

Н. Г. Ивановъ.

ИЗЪ ПОѢЗДОКЪ ПО СТЕПИ.

(НАБЛЮДЕНІЯ и ЗАМѢТКИ).

Д. Н. Соколова

Въ лѣтніе мѣсяцы 1906 и 1907 гг. я производилъ, по порученію Геологическаго Комитета, геологическое обследованіе зауральскихъ частей Оренбургскаго и Уральскаго уѣздовъ въ предѣлахъ 130-го листа 10-верстной карты Европ. Россіи; южная граница листа проходитъ почти параллельно Уральско-Уильскому почтовому тракту, на разстояніи 20—30 в. къ сѣверу отъ него. Такъ какъ цѣлью порученнаго мнѣ обследованія служить составленіе геологической карты, то понятно, что я долженъ былъ изѣздить всю данную мѣстность сплошь. Поэтому, хотя наблюденіе надъ памятниками древности и не входило въ мою задачу, но я не могъ не видѣть всѣхъ или почти всѣхъ ихъ, какіе бы тамъ не находились.

Небольшую часть той-же мѣстности объѣзжалъ въ 1903 году (совмѣстно со мною) Н. Е. Макаренко, помѣстившій описаніе всего имъ замѣченнаго и интереснаго съ археологической стороны въ выпускѣ XVI Трудовъ Оренб. Уч. Арх. Ком. въ статьѣ «Раскопки Красногорскаго кургана». Фотографію описаннаго имъ на стр. 93 кургана на Кузнечной горѣ я представилъ въ Архивную Комиссію въ 1906 году.

Значительная часть кургановъ за-Уральской части Оренбургскаго уѣзда перечислена въ статьѣ И. С. Шукшинцева «Свѣдѣнія о курганахъ Оренбургской губерніи» (Труды Оренб. Уч. Арх. Ком. вып. VI стр. 78—81 и 102—106) и въ статьѣ М. Л. Юдина «Замѣтка о курганахъ» (Труды О. У. А. К., вып. IV, стр. 65—71), Курганы въ этой мѣстности *рѣже попадаются на горахъ *)*. *чѣмъ на возвышенной степи* — смежной съ долинами рр. Урала и Илека. Еще рѣже курганы въ долинахъ рѣкъ, какъ Большой Марѣ близъ пос. Дѣдуровскаго. *Курганы второй категоріи* имѣютъ крутой сѣверный и пологій южный склоны, тогда какъ курганы на вершинахъ горъ обыкновенно правильной конусо- или куполообразной формы. *Первые часто* располагаются рядами, по 4 или по 5 въ ряду, какъ въ группѣ Бишъ-Уба надъ долиною р. Илека близъ пос. Григорьевскаго и въ замѣчательной группѣ кургановъ на сѣверъ отъ пос. Филипповскаго, не вполне точно описанной (по записи учителя Хлѣбникова) въ статьѣ М. Л. Юдина: насколько помню, кургановъ не 12, а 14 или 16 и они расположены въ 3 или 4, а не въ два параллельныхъ ряда, идущихъ ЗЮЗ на ВСВ.

Въ Уральскомъ уѣздѣ кургановъ на вершинахъ горъ совсѣмъ нѣтъ, но по возвышенной степи, идущей вдоль долинъ крупныхъ рѣкъ Б. Хобды, Илека и Урала, расположены цѣлый рядъ большихъ (отъ 6 до 10 сажень вышины) кургановъ. Таковы: линія изъ четырехъ кургановъ около «лимана» (заливная низина) Джиренъ-Бопа близъ устья р. Ишкыргана въ Б. Хобду подъ названіемъ Дюртъ-Колакъ (четыре уха), огромные курганы съ одинаковымъ названіемъ Кара-Уба — одинъ ниже устья Б. Хобды надъ

*) Напримѣръ, на г. Каменной у р. Бердянки, Кузнечной около р. Донгуза, Остромъ Шиханѣ у пос. Черновскаго.

долиною Илека, другой—надъ долиною р. Урала между устьями Илека и Утвы, третій—ниже устья р. Утвы. Все эти курганы по формѣ и мѣсту возведенія принадлежатъ ко «второй категоріи».

Мѣстность между рр. Ураломъ и Илекомъ ранѣе основанія г. Орска и принятія киргизами Малой орды русскаго подданства (1734 г.) по преданіямъ принадлежала башкирамъ и отдана была киргизамъ, которыхъ въ то время съ востока тѣснили джунгары, одновременно съ основаніемъ Орска и Оренбурга и устройствомъ казачьихъ линій по р. Уралу, для чего были отобраны у башкиръ ихъ земли между рр. Сакмарой и Ураломъ. Часть этой полосы къ западу отъ рѣчекъ Бердянки и Куралы, составляющая нынѣ за-Уральскую часть Оренбургскаго уѣзда, была отнята у киргизовъ при устройствѣ Илецкой линіи (1810 г.); стало быть, она пробыла во владѣніи киргизовъ около 75 лѣтъ. Обычай киргизовъ (замѣченный еще Палласомъ)—придерживаться старыхъ кладбищъ и эта кратковременность владѣнія ими за-Уральскою частью Оренбургскаго уѣзда объясняютъ отсутствіе киргизскихъ мазарокъ въ этой мѣстности, кромѣ одного небольшого кладбища около пос. Прохладнаго. Дѣлать могилы отдѣльно отъ общихъ кладбищъ могли рисковать только знатные или богатые; таковъ надгробный камень на Большомъ Яру у рѣчки Линевской Песчанки съ отлично высѣченною надписью и тамгою рода Табынъ отдѣленія Джулкеше, рисунокъ котораго я представилъ въ Архивную Комиссію въ прошломъ году.

Киргизамъ же принадлежатъ, вѣроятно, и курганы на вершинахъ выдающихся горъ, но въ сторонѣ отъ крупныхъ рѣкъ (Урала и Илека), какъ напримѣръ на горѣ Острый Шиханъ у рѣчки Черной, гдѣ, какъ говорятъ,

при раскопкѣ (хищнической) были найдены желѣзные вещи и обрывки парчевой одежды.

Нѣсколько верстъ ниже пос. Черновскаго впадаетъ въ рѣчку Черную ручей, который русскіе называютъ Пупай (и даже Купай); на 10-верстной картѣ Оренбургскаго Военно Топографическаго Отдѣла около этого ручья, на лѣвой его сторонѣ на высокомъ холмѣ показана «Папая, ханьшина могила». На (рукописной) одноверстной картѣ Оренбургскаго казачьяго войска и среди мѣстныхъ жителей этотъ холмъ называется «Мечетка». Ханьша эта — жена Абдулхаира, хана Малой орды, принявшаго русское подданство. Рычковъ *) называетъ ее «Пупай», И. И. Крафтъ **) — «Папай». Вѣроятно, послѣдняя транскрипція правильнѣе, но транскрипція Рычкова интересна тѣмъ, что совпадаетъ съ современнымъ названіемъ ручья. Можно предполагать изъ сопоставленія этихъ названій, что на холмѣ Мечетка, гдѣ нынѣ виднѣется едва замѣтный издали бугорокъ, была могила и памятникъ вдовы хана Абулхаира, вѣроятно такого же приблизительно вида, какъ и памятникъ ея мужа. Описаніе послѣдняго не лишне будетъ привести здѣсь, такъ какъ оно помѣщено въ рѣдкомъ теперь изданіи: «Памятникъ Абулхаира сложенъ изъ сѣроватаго кирпича и имѣетъ видъ усѣченнаго конуса, покрытаго полушаромъ. Вышина его — аршина четыре, поперечникъ при основаніи — сажени три. Въ вершину полушара воткнуто, по обыкновенію, копье, обвѣшанное разными лоскутками, ложками, чашками, конскими хвостами и узелками съ пшеномъ. При совершеніи

*) «Исторія Оренбургская». отдѣльное изданіе Оренбург. статистич. комитета, стр. 81 и 89.

**) «Принятіе киргизами русскаго подданства» въ «Извѣстіяхъ» Оренб. отд. И. Р. Геогр. Общ., вып. 12, стр. 47, со ссылкой на Полн. Собр. Зак. № 7885.

ежегодной тризны копые вынимается, въ ямку кладутъ снѣди и мясо, вѣшаются новыя доскутья и копые ставится опять на свое мѣсто» *). На могилѣ ханыши едва-ли могло быть поставлено копые; по названію «Мечетка» можно скорѣе предполагать, что на верху памятника былъ помѣщенъ полумѣсяцъ. Теперь изъ мѣстныхъ жителей никто не помнитъ о существованіи памятника и не можетъ объяснить происхожденіе названія Мечетка; вѣроятно: при самомъ поселеніи русскихъ памятникъ разобранъ и кирпичи изъ него пошли на устройство печей.

Если курганы *первой категоріи* оказались-бы болѣе новыми, а *второй категоріи* — болѣе древними, то форму послѣднихъ можно объяснить дѣйствіемъ смыва дождевою волюю и сноса вѣтромъ, такъ какъ господствующимъ вѣтромъ всей мѣстности является юго-западный и съ той-же стороны приносится (почти исключительно) и дождь; для такого объясненія необходимо допустить очень значительную древность этихъ кургановъ **).

Курганъ на Кузнечной горѣ имѣетъ на вершинѣ воронкообразное углубленіе, которое Н. Е. Макаренко объяснялъ проваломъ погребальной камеры. Оказывается, однако, что онъ былъ раскопанъ кѣмъ-то въ сравнительно недавнее время. При подобныхъ хищническихъ раскопкахъ онъ дѣлается не въ видѣ траншеи, а съ вершины кургана вглубь колодцемъ. Я это наблюдалъ между прочимъ на г. Бишъ-Уба, къ С. отъ пос. Григорьевскаго и на 3 отъ пос. Прохладнаго, гдѣ изъ пяти большихъ кур-

*) Энциклопедическій словарь изд. Плюшара, СПб 1834. т. I, стр. 54. Авторъ статьи — князь Д. Эристовъ.

**) Поэтому, если это предположеніе было-бы признано правдоподобнымъ, представляло-бы интересъ для геологій составленіе при раскопкахъ кургановъ ихъ профилей въ направленіи съ ЮЗ на СВ.

гановъ, давшихъ горѣ названіе, раскопано 2 или 3. Любопытно и стоитъ отмѣтить, какъ проводникъ объяснилъ мнѣ это: «нѣсколько лѣтъ тому назадъ было отъ начальства распоряженіе, чтобы кургановъ не раскапывать—такъ тогда народъ бинулся раскапывать, все кладовъ искали, думали: если запрещаютъ, стало-быть дознались, что много цѣннаго можно найти; много въ тотъ годъ раскопали кургановъ».

Повсюду я разспрашивалъ о каменныхъ бабахъ, но ихъ не оказалось и даже никто изъ киргизовъ о нихъ не слыжалъ.

На разспросы о древнихъ постройкахъ мнѣ рассказывали объ одной развалинѣ, построенной изъ плоскаго квадратной формы жженого кирпича. Она находится неподалеку (къ СВ) отъ озера Черхалъ Уральской области, къ востоку отъ устья рѣки Исень Анкаты въ Танасъ-Анкаты.

Одинъ образованный киргизъ (окончившій курсъ въ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, теперь уже старикъ) показывалъ мнѣ мѣсто около своей зимовки, гдѣ при случайной раскопкѣ (подвала, ямы для картофеля или чего-то подобнаго) были найдены: горшокъ, желѣзо отъ рукоятки сабли и желѣзный крестикъ. Всѣ эти предметы затеряны и онъ не могъ мнѣ ихъ показать. Мѣсто это—близъ верховьевъ рѣчки Джаксы-Кураганцы, впадающей въ р. Утву по верхнему ея теченію.

По порученію г. предсѣдателя я искалъ тѣ непонятнаго назначенія загородки ромбической формы, которыя по описанію г. Шкунова тянутся иногда въ степи на большое протяженіе одна за другою. Нѣчто подобное я наблюдалъ, только загородки были не каменные, а земляныя, и это не что иное, какъ брошенные киргизскія зимовки. Послѣднія всегда огорожены дворомъ, на кото-

ромъ помѣщаются скотные сараи, мѣста для ометовъ сѣна, и т. п. Когда зимовку бросаютъ (переносятъ на другое мѣсто), то изъ жилыхъ домовъ и всѣхъ вообще построекъ вынимаютъ все деревянное—столбы, переклады, косяки и т. д.; вслѣдствіе этого постройки эти, сложенные изъ самаго кирпича, быстро разваливаются, гораздо скорѣе, чѣмъ изглаятся земляные валы изгороди. Если же послѣднія были сложены изъ камня, то тѣмъ долѣе онѣ сохраняются.

Загороди зимовокъ иногда не примыкаютъ непосредственно другъ къ другу, тѣмъ болѣе, что для двора зимовки выбираютъ ровное мѣсто, обходя овраги или крупные бугорки—и въ результатѣ легко можетъ получиться расположеніе изгородей въ «шахматномъ порядкѣ» и ромбическая форма ихъ (то и другое я наблюдалъ, хотя довольно рѣдко). Подобнаго рода изгородами огораживаются даже луговые участки и гумна для сѣна около нихъ.

РАЗВАЛИНЫ БОЛГАСЫНЪ.

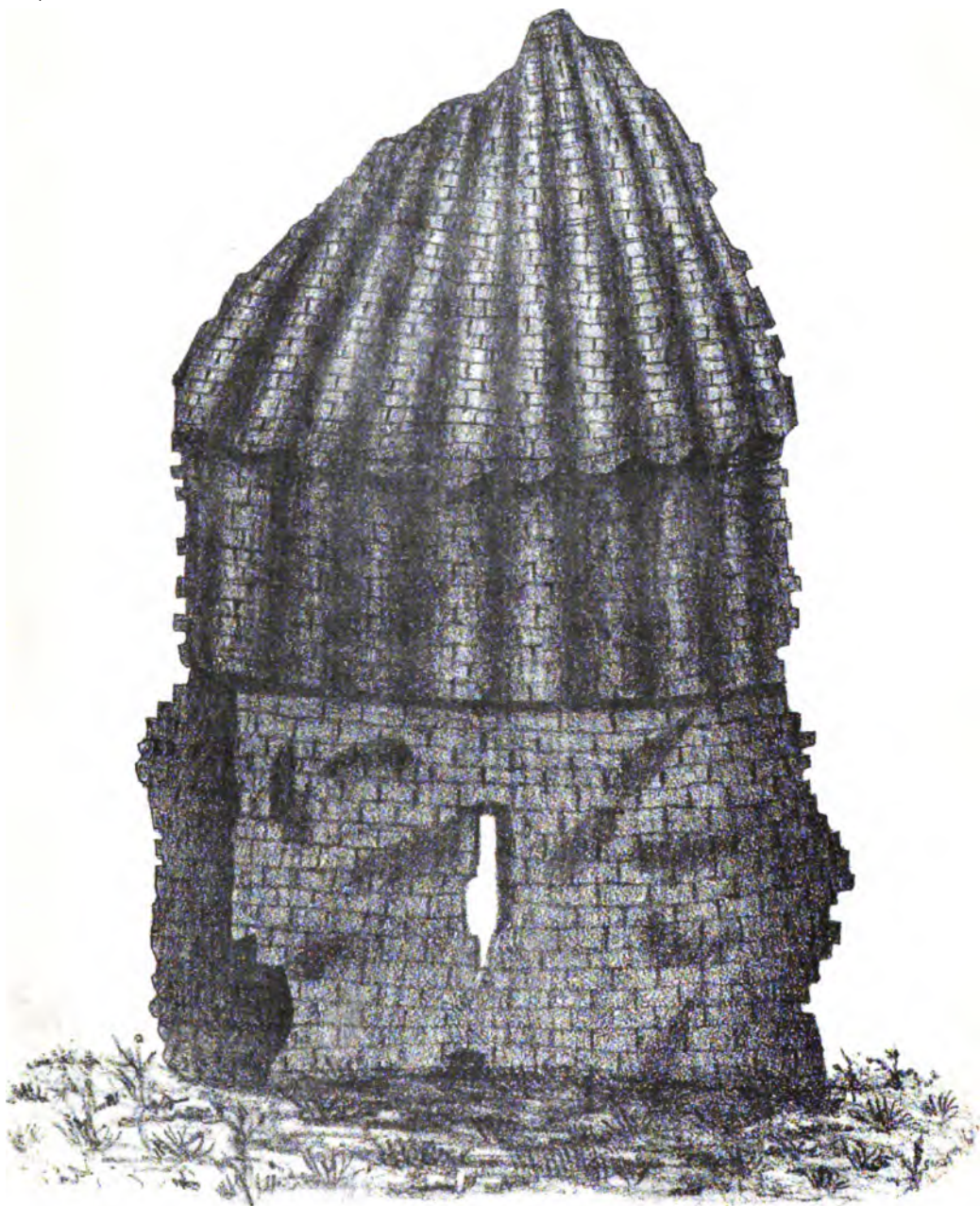
И ЧЕЛКАРСКАЯ СТЕПЬ.

Неоднократно въ трудахъ Комиссіи были помѣщены статьи, касающіяся развалинъ памятниковъ древности Тургайской области. Среди этихъ памятниковъ особенное вниманіе на себя обращаютъ развалины Болгасынъ *). Вообразите себѣ развалины, заброшенные среди пустыни, вдали отъ прѣсноводныхъ рѣкъ и озеръ, едва доступныя для проѣзда. Онѣ представляются какъ-бы подъ покровомъ какой-то вѣчной тайны и кочевники-киргизы, проходя мимо этого могильнаго памятника, чувствуютъ себя охваченными невольнымъ религіознымъ трепетомъ. Много легендъ приурочены къ памятнику Болгасынъ; они дѣлаютъ его интереснымъ для чувствительныхъ киргизъ, принимающихъ эти сказанія на вѣру.

Какъ бы тамъ ни было, находясь въ послѣднихъ числахъ іюня въ Челкарѣ, я предполагалъ воспользоваться случаемъ посѣтить этотъ таинственный уголокъ. Какъ разъ въ это время до меня дошли слухи о прибытіи въ Челкаръ каравана изъ окрестностей Болгасына (я говорю изъ окрестностей, по словамъ добродушнаго татарина, который меня познакомилъ съ главаремъ каравана, хотя

*) Болгасынъ лежитъ верстахъ въ 200 къ юго-западу отъ Иргиза, а отъ ст. Челкара верстахъ въ 50 къ с.-в.

БАШНЯ БОЛГАРЫНЪ

СВОДЪ БАШНИ СИНЯГО ЦВѢТА

Рис. А. И. Матова.

этотъ киргизъ былъ за 20 верстъ отъ Болгасына). Воспользовавшись любезностью начальника русско-киргизской школы въ Челкарѣ г. Сырова, который предложилъ сопровождать меня въ Болгасынъ, я окончательно рѣшилъ туда отправиться. Нанявъ киргиза съ тремя верблюдами и забравъ необходимые припасы, мы двинулись въ путь изъ Челкара послѣ полудня. По мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ Челкара, степь все болѣе и болѣе принимала пустынный характеръ; одни только пучки джусана или кара-джусана (*artemisia fragrans*, *artemisia monogyna*), придавали ей нѣкоторое оживленіе. Мы ѣхали не по Иргизской дорогѣ, которую оставили направо отъ себя, а прямо черезъ степь на угадъ, держась съверо-восточнаго направленія. Время отъ времени, какъ бы съ сожалѣніемъ о покинутомъ Челкарѣ, мы поворачивали голову назадъ и тогда нашимъ глазамъ открывалась далекая панорама чудныхъ построекъ станціи и высокіе купола церкви. По мѣрѣ того, какъ мы удалялись, этотъ культурный оазисъ то исчезалъ, то снова появлялся, благодаря неровностямъ степи. День уже склонился къ вечеру, а мы все еще ѣхали, не предвидя конца пути... Нигдѣ ни малѣйшаго признака жизни. На право отъ насъ тянется параллельно нашему направленію темно-фіолетовая полоса — это сыпучіе пески, которые при закатѣ солнца принимаютъ кровавый цвѣтъ. По всему было видно, что въ этотъ день до Болгасына намъ не добраться. Верблюды, гоняясь за пучками полыни, уклонялись отъ прямой дороги. Наконецъ наступила ночь и вмѣстѣ съ ней предательская мгла. Мы все тянемся верблюжьимъ шагомъ по неизвѣстной намъ мѣстности, предоставляя нашему вожаку позаботиться о мѣстѣ ночлега. Полная ночная тишина, ничѣмъ не нарушаемая. Развѣ только раздастся

жалобный крикъ верблюда, напоминающій крикъ плачущаго дитяти.

Къ одиннадцати часамъ ночи вдаль показались огоньки. Ауль! говоритъ намъ киргизъ, указывая кнутомъ на густой дымъ, бѣлизна котораго выдѣлялась на темномъ фонѣ степи. Яростный лай раздраженныхъ собакъ скоро извѣстилъ ауль о нашемъ приближеніи. Не успѣли мы подъѣхать къ одной бѣдной кибиткѣ, какъ толпа киргизъ окружила насъ. Продолжать путь ночью мы не рѣшались и волей-неволей пришлось воспользоваться неприѣтливой кибиткой далеко негостепріимныхъ, кажется, хозяевъ, чтобы провести остатокъ ночи.

Войдя въ кибитку, мы чуть было не раздавили лежавшаго на полу киргиза, который насъ привѣтствовалъ какимъ-то ворчаніемъ. При слабомъ свѣтѣ дымящагося очага мы кое-какъ расположились въ кибиткѣ. Люди, какъ и обстановка, намъ не понравились и, кажется, взаимно, такъ какъ и хозяева недружелюбно насъ оглядывали. Такой встрѣчи, надо сказать, мы не ожидали, зная по опыту, насколько киргизы вездѣ гостепріимны. Дѣлать было нечего, мы усиленно стали подбрасывать кизякъ и вскорѣ на очагѣ закипѣлъ чай. Во время чая угрюмые киргизы держали себя еще болѣе вызывающе. Дѣйствительно, со всѣхъ концовъ аула приходили киргизы въ надеждѣ урвать у насъ часть и безъ того скудной провизіи. Угостить такое многочисленное собраніе было невозможно, ввиду ограниченнаго количества запасовъ, а между тѣмъ путешествіе только начиналось. Пришлось угостить только однихъ хозяевъ. Тогда просьбы прочихъ гостей становились все болѣе и болѣе настойчивыми, а въ концѣ концовъ приняли угрожающій характеръ. Мы рѣшили было сейчасъ же послѣ чая отправиться въ дальнѣйшій путь, но нашъ вожакъ почему то отказался ис-

полнить наше желаніе. Пришлось покориться; однако мы рѣшили по очереди бодрствовать всю ночь. По счастью и киргизы стали скоро уходить одинъ за другимъ. Въ кибиткѣ, наполненной дымомъ, остались мы, нашъ вожакъ и хозяева кибитки. Вскорѣ и послѣдніе отблески свѣта погасли и надъ заснувшимъ ауломъ воцарилась мертвая тишина.

Не успѣли показаться первые проблески зари, какъ царство болотныхъ птицъ—утокъ и утятъ, гусей и мартышекъ принялось воспѣвать наступленіе утра. Не долго собирались и мы; мигомъ забравъ нашъ багажъ пустились въ дальнѣйшій путь...

Передъ нами тянулась обширная котловина, наполненная водою; вода эта горько солоноватаго вкуса и имѣла цвѣтъ молока.

Долго мы ѣхали по этой низменности, лишенной всякой растительности, но за то изобилующей крошечными ящерицами своеобразной породы. Вдали показалось огромное бѣлое пятно. Это—сорь, говорить намъ вожакъ киргизъ и чтобы намъ лучше объяснить значеніе этого слова, онъ направился прямо туда. Сорями киргизы называютъ пространства, покрытыя бѣловато-сѣрымъ составомъ, обильно пропитаннымъ солью. Отсюда происходитъ русское названіе солончакъ. За соромъ вдали виднѣлись невысокіе песчаные холмы, составляющіе сѣверную оконечность песковъ «Большіе Барсуки»; пески эти названы подъ названіемъ «Талды-кумъ».

Черезъ нѣсколько часовъ ѣзды мы подъѣхали къ рѣкѣ Болгасынъ, которая мѣстами засыпана песками и лѣтомъ высыхаетъ. Рѣка эта омываетъ подножіе возвышенности Болгасына, на которой расположень цѣлый рядъ могилъ. Здѣсь то нѣкогда возвышалась красивая башня, подъ которой, если вѣрить преданію, похоронена

киргизская святая дѣвушка *), а по другой версіи какой то святой. Еще въ началѣ 1901 г. эта башня все еще стояла. Это видно изъ описанія И. Хохлова **), которое я цѣликомъ приведу здѣсь: «Недалеко отъ Талды-Кумовъ находится древняя мечеть (?) въ видѣ башни (а можетъ быть какойнибудь памятникъ). Теперь она уже наполовину разрушена. Замѣчательна прочность постройки этой мечети. Она сложена изъ довольно большихъ красныхъ кирпичей, квадратной формы. На бокахъ нѣкоторыхъ кирпичей доселѣ хорошо сохранилась глазурь голубого цвѣта. Кирпичи такъ прочны, что и въ настоящее время вполне годятся на постройки; при постукиваніи они издаютъ звукъ, похожій на металлическій. Киргизы говорили мнѣ, что эта башня или мечеть стоитъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ; очень жаль, что киргизы разрушаютъ этотъ древній памятникъ и увозятъ изъ него кирпичи въ свои зимовки на разные хозяйственные надобности».

Теперь я приведу описаніе этой башни изъ словъ г. Матова въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ еще засталъ ее въ 1897 году.

«Башня возведена на фундаментѣ изъ красного удивительно прочнаго кирпича. Сѣверная сторона развалины имѣетъ 13 шаговъ въ длину, восточная до обвала 10 шаговъ; надо полагать, что длина башни была не менѣе 20 шаговъ. Наружная часть купола выложена изъ пре-краснаго глазированнаго кирпича... Башня достигаетъ саженъ 10 вышины. Южная часть ея обвалилась. Внутренность облицована штукатуркой; входъ въ башню былъ

*) Докладъ г. Матова въ засѣд. Арх. Ком. Напечатанъ въ №№ 124 и 125 «Тургайской Газеты» за 1897 г.

**) Повѣдка къ Аральскому морю (съ 20 ноября до 23 декабря 1900 г.).

съ южной стороны, потому что на остальныхъ сторонахъ пробиты окна. Описываемая башня построена изъ сплошного кирпича. вмѣсто извести, употреблена простая глина сѣроватаго цвѣта. Кирпичи разной формы и съ неправильными сторонами».

Десять лѣтъ прошло и «громадное кирпичное зданіе прочной и красивой архитектуры съ сохранившимися доселѣ деревянными балками» представляетъ изъ себя ничто иное, какъ груду кирпичей. Разрушительный вѣтеръ пронесся надъ этимъ памятникомъ старины, не оставивъ послѣ себя ни одного цѣлаго кирпича.

Однако, между тѣмъ какъ г. Матовъ видѣлъ кирпичи только одного типа, а именно покрытые глазурью синяго цвѣта «точно бирюзой», мнѣ удалось извлечь изъ подъ развалинъ кирпичи, покрытыя глазурью сѣро-зеленаго цвѣта. Тутъ-же показались куски штукатурки изъ бѣлой извести. Сосѣдняя мазарка съ куполообразнымъ сводомъ почти всецѣло построена изъ кирпичей Болгасына; извѣстно также, что киргизы чтутъ кирпичи Болгасына, и хранятъ ихъ въ своихъ кибиткахъ или кладутъ на могилахъ своихъ покойниковъ. Здѣсь среди развалинъ я нашелъ черепъ барана съ рогами, видимо принесенный по обѣту какимъ-нибудь благочестивымъ киргизомъ на священную могилу. Кто похороненъ подъ этими развалинами? Сказать пока было-бы трудно, а вопросъ о раскопкахъ не можетъ быть и поднятъ. Это дѣйствительно потребовало-бы, во первыхъ, слишкомъ большихъ затратъ, а во вторыхъ, отсутствіе прѣсной воды по близости будетъ всегда служить важнымъ препятствіемъ для всякой работы. Кромѣ того у киргизовъ Болгасынъ считается святыней и едва ли бы они отнеслись пассивно къ раскопкѣ его. Даже и теперь на нашемъ обратномъ пути киргизы не-

однократно высказывали намъ свое неудовольствіе только потому, что мы посѣтили Болгасынъ.

Я склоненъ думать, что здѣсь поконится какой нибудь полководецъ, современникъ Тамерлана, пораженный смертью во время похода. Это отчасти подтверждается рассказами одного стараго киргиза, который, согласно преданію, приписываетъ этотъ памятникъ какому-то татарскому хану, который умеръ въ походѣ.

Какъ бы тамъ ни было, я не могу согласиться съ мнѣніемъ г. Матова, который утверждаетъ, что Болгасынъ нѣкогда былъ населенъ. Мое предположеніе подтверждается вполнѣ 1) полнѣйшимъ отсутствіемъ прѣсной воды на много десятковъ верстъ въ окружности, 2) бесплодной мѣстностью Болгасына, который представляетъ изъ себя сплошной солончакъ. Арыка «который идетъ изъ горько-соленого озера Кара-Соръ на прилегающую къ башнѣ равнину» я не видалъ; это, по моему, скорѣй полузасыпанная канава, созданная самой природой для воспринятія весенней снѣговой воды. Что касается до воды рѣки Болгасынъ, которая еще не успѣла вездѣ высохнуть, то она горько соленого вкуса. Въ нѣкоторыхъ даже мѣстахъ на высохшемъ руслѣ выступаетъ нефть.

Что «въ окрестностяхъ арыка находятся древнія глинобитныя постройки, занесенныя пескомъ» *), я этого не замѣтилъ. Мѣсто хотя и песчаное, однако грунтъ довольно прочный; кромѣ того онъ покрытъ травой, главнымъ образомъ джусаномъ, которая укрѣпляетъ почву. Наконецъ, если даже предположить, что постройки могли быть занесены песками, то могилы Болгасына съ башней и вимовки, расположенныя по близости, были бы тоже

*) Докладъ А. В. Попова 29 мая 1906 г. «Нѣсколько словъ по археологiи Тургайск. и Уральск. области».

КИРГИЗСКІЯ ТАМГИ РАЗЛИЧНЫХЪ РОДОВЪ

МАЛОЙ ОРДЫ,

вырѣзанныя на камняхъ могилахъ Балгасына и Акгая
въ окр. ст. Челкара Иргизск. у., а также на могилахъ
Актюб. у.

Годъ посѣщ.	№ по таблиц.	Р О Д Ы.	мѣсто на- хожденія.
1907	1,2,3,4.	Рода жаппасъ (производныя *)	Балгасынъ Иргизск. у.
1907	5. 9.	Шекты.	
1907	6.	Шиклинскій.	
1907	7.	Алтынъ.	
1907	8.	Каракесекъ (живутъ теперь за Сыръ Дар)	
1907	10.	На Акчайск. могилахъ	Окрест. ст. Челкара въ 10 верст.
1905	11.	Табынск., Чумушл. отд.	около пещ. Чина 25 вер. отъ Актюб. (2 аула)
1906	12.	— тоже	У Сумат. вост. окр. близъ р. Жаксы- Каргала Актюб. у.
1905, 1906, 1907.	3.	Встрѣчена мною въ 3 мѣст.: въ Балгасынъ Иргизск. у., въ Чина и у Сумат. окр. Актюб. у.	
<p>*) Основную тамгу рода жаппасъ по А. И. Добро- мыслову „Скотоводство въ Тург. обл.“ Оренб. 1895 стр. 102 таб. I) см. № 13.</p> <p>Примѣч. Д. Соколова.</p>			

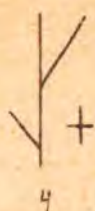
1

2

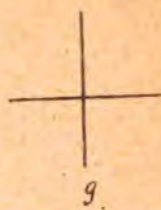
3

4

5

9

6

7

8

8

8

10

12

12

12

11

13

занесены. По моему мнѣнію Болгасынъ есть ничто иное, какъ обширное кладбище, гдѣ кочевники хоронятъ своихъ умершихъ, въ сосѣдствѣ и подъ покровительствомъ святого, похороненнаго подъ башней. Могилы находящіяся тамъ разнообразны какъ по формѣ, такъ и по величинѣ, также какъ и тамги вырѣзанныя на плитахъ.

Характерно то обстоятельство, что г. Матовъ вмѣстѣ съ караваномъ скоро заболѣлъ отъ недостатка хорошей воды, то же случилось и съ нами. Пришлось довольствоваться соленой водой рѣки Болгасына и покинуть это непривѣтливое мѣсто, гдѣ жизнь почти невозможна, какъ можно скорѣе.

Къ двумъ часамъ мы покинули некрополь Болгасына съ его призрачными могилами, преслѣдуемые криками цѣлаго міра птицъ, гнѣздящихся въ этихъ степныхъ могилахъ.

Опасаясь нападенія со стороны тѣхъ киргизовъ, которые такъ недружелюбно насъ приняли наканунѣ, мы избрали другую дорогу. Но, какъ мы увидимъ дальше, намъ пришлось объ этомъ пожалѣть. Дѣйствительно, нашъ вожакъ, желая намъ показать свой аулъ, повезъ насъ по неблагонадежнымъ дикимъ мѣстамъ, гдѣ расположились со своими кибитками одни только воры-киргизы. Нѣсколько разъ мы были остановлены и осыпаны вопросами: Кто, куда, зачѣмъ и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ опять таки упрекали нашего киргиза за то, что онъ насъ повезъ въ Болгасынъ — мѣсто, которое они считаютъ священнымъ. Затѣмъ они начали вести между собой очень подозрительные разговоры и мы, ускоривъ аллюръ, удалились изъ этого аула. Въ сумеркахъ мы опять проѣзжали черезъ подобный маленькій аулъ изъ 4—5 кибитокъ и опять намъ пришлось выдержать цѣлый рядъ допросовъ. Наконецъ, киргизы настойчиво стали требо-

вать хлѣба, сахару или чего нибудь, все загараживая намъ дорогу. Одна старуха киргизка, сунувъ руки въ корзинку, начала уже вытаскивать оттуда чайникъ, который мнѣ пришлось силой отобрать, за что я и получилъ легкій ударъ палкой. Освободившись отъ нихъ, мы тронулись въ путь, избѣгая всякой встрѣчи и все оглядываясь назадъ, чтобы удостовѣриться, не ѣдутъ ли за нами въ погоню. Къ 9 часамъ вечера мы подъѣхали къ аулу, состоящему изъ 5—6 кибитокъ; аулъ расположенъ въ небольшомъ ущельѣ, на днѣ котораго извивается высохшее русло рѣки Болгасына. Кибитки здѣсь большія и на видъ болѣе богатые. Есть даже одинъ состоятельный киргизъ, который насъ пригласилъ къ себѣ, предложивъ намъ кумыса. Тутъ же рядомъ стояла кибитка нашего вожака, все семейство котораго насъ приняло весьма радушно, приглашая остаться переночевать и «побаловаться» свѣжимъ кумысомъ. Освѣжившись кумысомъ, мы вышли, чтобы подышать прохладнымъ воздухомъ ночи. Вокругъ кибитокъ скотъ уже былъ размѣщенъ, на определенныхъ мѣстахъ. Справа—табунъ лошадей, рядомъ съ ними верблюды и налѣво бараны...!

Во время чая невольно мы заговорили о Болгасынѣ. Узнать чего нибудь новаго мнѣ не удалось, такъ какъ мои хозяева были освѣдомлены не лучше меня. Они, кажется, скорѣе отъ меня ожидали какого нибудь объясненія, чѣмъ я отъ нихъ. Однако, они не допускали мысли, чтобы въ окрестностяхъ Болгасына когда нибудь существовалъ городъ; они предполагаютъ только, что подъ башней находится могила знаменитаго благочестиваго человѣка.

На разсвѣтъ мы простились съ нашими гостепріимными хозяевами и пустились въ обратный путь къ Челкару.

И опять передъ нами потянулась безотрадная обширная степь, по которой двѣнадцать часовъ мы ѣхали, убаюкиваемые ритмическимъ шагомъ верблюдовъ. Мертвая тишина царила надъ этой безмолвной равниной. Время отъ времени, чтобы развлечься, нашъ вожакъ затягивалъ гнусливымъ голосомъ своеобразную восточную мелодію. Иногда, хотя и рѣдко, вдали обрисовывался какой-нибудь силуэтъ, какъ оказывалось это-киргизскій пастухъ, который забрался на вѣковой курганъ и благодаря прозрачности воздуха кажется намъ громаднѣхъ размѣровъ. Прозрачность и сухость воздуха здѣсь достигаетъ такихъ предѣловъ, что малѣйшая неровность почвы кажется намъ горой и даже киргизъ, ѣхавшій верхомъ впереди насъ, представлялся намъ какимъ-то баснословнымъ богатыремъ.

Уже полдень! Восемь часовъ мы ѣдемъ и наши усталые глаза отказываются что-нибудь видѣть. Сонливые и молчаливые, мы двигаемся подъ палящими лучами беспощаднаго солнца. Всюду сожженная, унылая степь, нѣтъ ничего, что бы не повторялось; все тотъ же унылый ландшафтъ, тѣже растенія, тоже безконечное пространство, залитое сверкающимъ свѣтомъ, которое, какъ мы уже говорили выше, у киргизъ называется «сорами». Мѣстами почва проваливается подъ ногами и тогда испытываешь такое ощущеніе какъ будто погружаешься въ вату. Эти предательскія мѣста, по которымъ скотъ инстинктивно отказывается идти, приходится объѣзжать.

Но вотъ маленькій оврагъ, когда-то весной наполненный водой, а теперь совершенно высохшій; на днѣ его выступаетъ соль. Здѣсь по словамъ киргизъ долженъ находиться колодезь. И дѣйствительно, на днѣ оврага было замѣтно маленькое углубленіе, заполненное водой; къ несчастію собака насъ опередила и искупалась въ немъ. Но мы открыли по близости еще малень-

кую лужу, изъ которой съ большимъ трудомъ удалось начерпать чайникъ воды, но она оказалась такой невкусной, что пришлось отказаться отъ чая и удовлетвориться кумысомъ, который у насъ былъ въ запасѣ въ турсукѣ.

Къ пяти часамъ вечера, послѣ утомительнаго путешествія наконецъ мы добрались до Челкара.

І. Кастанье.

Оренбургъ.
30 октября 1907 г.

ОПИСИ КАЗАЧЬИ

1795 — 1800.

Составлены изъ дѣлъ Архива бывшаго Оренбургскаго
генераль-губернаторства

И. С. Шукшинцевымъ.

1795.

О нарядѣ донскихъ казаковъ на службу на кавказскую линію.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской изъ государственной военной коллегіи господину генераль-поручику, сенатору, правящему должность Симбирскаго и Уфимскаго генераль-губернатора, командующему Оренбургскимъ корпусомъ и кавалеру Вязьмитинову.

По именному Ея Императорскаго Величества высочайшему указу, данному военной коллегіи сего іюня 20 дня за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, изображено: «Разсмотрѣвъ докладъ поднесенный Намъ отъ военной коллегіи и мнѣніе предсѣдательствующаго оной о донскихъ старшинахъ и казакахъ, въ нарядѣ на поселеніе на кавказскую линію оказавшихъ упорство и неповиновеніе, простершееся даже до того, что пять станицъ, именно: Есаульская, Кобыляцкая, Нижне-Чирская, Верхне-Чирская и Пятиизбянская, отложась отъ

всякаго послушанія, осмѣлились буйственное предпріятіе свое защищать оружіемъ, обязавшись въ томъ между собою присягою, къ чему особенно возмущалъ и поощрялъ ихъ есауль Иванъ Рубцовъ, который чрезъ злодѣйское намѣреніе умножа толпу своихъ послѣдователей, вооруженною рукою къ городу Черкаску произвести убійство надъ тамошними чиновниками, устремиться потомъ къ повсемѣстному бунту и грабежамъ и въ случаѣ неудачи пробраться на Кубань, передаться въ покровительство турокъ; въ чемъ во всемъ, какъ онъ, такъ и его сообщники и участники предъ судомъ воинскимъ добровольно признались, находимъ, что важность толикихъ преступленій, хотя всѣми принятыми благовременно мѣрами въ самомъ начальномъ ихъ пресѣченныхъ, и по законамъ и по справедливости подвергаютъ виновныхъ смертной казни. Мы однакожъ, взирая съ на оную и по сродному Намъ милосердію и человеколюбію облегчая жребій преступниковъ, повелѣваемъ: *Первое.* Есаула Ивана Рубцова, яко перваго начинщика возмущенія и простиравшаго законо-преступныя предпріятія къ явному бунту и измѣнѣ, высѣчь кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри и наставя на лицо знаки, сослать вѣчно въ каторжную работу. *Второе.* Изъ главныхъ его сообщниковъ въ числѣ ста сорока шести человекъ состоящихъ, которые во всѣхъ дѣяніяхъ и намѣреніяхъ Рубцова согласны съ нимъ были и ему во оныхъ способствовали, выбравъ по жеребью изъ пяти бунтовавшихъ станицъ по одному старшинѣ, высѣчь ихъ кнутомъ и сослать въ ссылку, по два человека послать въ крѣпостныя работы на десять лѣтъ, десятого человека сослать въ Сибирь, а остальныхъ выслать на поселеніе на Оренбургскую линію, лиша при томъ есауловъ, хорунжихъ, сотниковъ и прочихъ урядниковъ старшинскихъ ихъ званій. *Третье.*

Изъ числа двухсотъ пятидесяти пяти старшинъ и казаковъ, угрозами есаула Рубцова и его сообщниковъ къ согласію съ ними приступившихъ и равное неповиновеніе правительству оказавшихъ, десятого по жеребью сослать на поселеніе на ту же Оренбургскую линію. *Четвертое.* Всѣхъ прочихъ, какъ штабъ и оберъ офицеровъ, такъ старшинъ и казаковъ, вмѣня имъ въ наказаніе долговременное содержаніе подѣ стражею, всемилостивѣйше прощаемъ. Таковое же прощаніе относится и изъ виновныхъ на всѣхъ тѣхъ, кои болѣе тридцати лѣтъ Намъ служили и раны въ трехъ послѣднихъ войнахъ получили; равномѣрно и тѣ, которые при усмирении или при изслѣдованіи паче чаянія наказаны были, отъ вторичнаго наказанія уже освобождаются. *Пятое.* Царицынскаго гарнизона сержанта Петра Лобова и города Черкаска казака Андрея Жмурина сослать въ Сибирь на поселеніе. *Шестое.* Царицынскаго купца Алексѣя Кикина, вмѣня ему въ наказаніе долговременное содержаніе въ оковахъ, изъ оныхъ освободить и отпустить въ домъ его».

А предсѣдательствующій въ сей коллегіи госп.динъ генералъ аншефъ и кавалеръ графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ предложеніемъ отъ 25 сего же мѣсяца далъ знать, что раздѣленіе сихъ сужденныхъ послѣдовало не по списку, который отъ военной коллегіи, но по тѣмъ двумъ, какіе при его мнѣніи Ея Императорскому Величеству поднесены, съ коихъ списковъ препроводилъ копіи ради удобнѣйшаго назначенія, именно который изъ составляющихъ оное высочайшее повелѣніе пунктовъ исполненъ быть долженъ.

Государственная военная коллегія приказали: объ оныхъ въ неповиновеніи къ переселенію на кавказскую линію сужденныхъ и къ тому дѣлу прикосновенныхъ чиновниковъ и казаковъ, сдѣлавъ изъ присланныхъ отъ

предсѣдательствующаго въ сей коллегіи двухъ списковъ одинъ, съ показаніемъ изъ означенныхъ въ томъ высочайшемъ указѣ пунктовъ, который кѣмъ именно исполненъ быть долженъ, препроводить оный къ предсѣдательствующему въ томъ судѣ господину генералъ майору и кавалеру князю Щербатову, равно и къ войсковому донскому гражданскому правительству и имъ обще приказать исполнить во всей точности въ томъ указѣ предписанное, начавъ слѣдующимъ порядкомъ. *Первое.* Назначить для экзекуціи время и къ оному времени всѣ нужныя распоряженія приготовить князю Щербатову относительно воинской команды, а гражданскому правительству относительно частей, до земства принадлежащихъ. *Второе.* Быть при экзекуціи воинскій судъ составляющимъ и двумъ-тремъ или сколькоимъ возможно членамъ и сверхъ въ войсковомъ гражданскомъ правительствѣ засѣдающимъ тоже чиновникамъ и казакамъ, ежели возможность позволить, хотя по три изъ каждой вообще донскихъ станицъ. *Третье.* Надъ есауломъ Рубцовымъ экзекуцію произвести въ станицѣ Есауловской, такъ какъ она главнымъ у мятежниковъ мѣстомъ была. *Четвертое.* По второму и третьему пунктамъ указа жеребьи кинуть въ томъ мѣстѣ, гдѣ сіи преступники нынѣ содержатся и кому изъ нихъ предлежать будетъ наказаніе кнутомъ, тѣмъ оное произвести каждому въ той изъ пяти упорствовавшихъ станицъ, въ коей кто свое жительство имѣетъ и потомъ сослать ихъ въ Нерчинскъ въ ссылку; тѣхъ, коимъ по жеребью достается въ крѣпостныя работы, сослать въ крѣпости, что на сибирской линіи; а затѣмъ по второму пункту всѣхъ остальныхъ, а по третьему десятого по жеребью выслать на поселеніе на Оренбургскую линію. *Пятое.* Царицынскаго сержанта Петра Лобова и черкаскаго казака Андрея Жмурина сослать въ Сибирь

на поселеніе. *Шестое.* Прочимъ всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ, старшинамъ и казакамъ, коихъ въ томъ же спискѣ подъ названіемъ къ дѣлу тому прикосновенными означить и коихъ числомъ сорокъ семь, тоже царицынскому купцу Алексѣю Татаркину всемилостивѣйшее отъ Ея Императорскаго Величества прощеніе объявить, изъ подъ стражи освободить и въ ихъ дома отпустить, но при томъ внушить, дабы они, сіе оказываемое имъ безпримѣрное милосердіе познавая, потщились соотвѣтственно тому исполнять тѣ должности, коими съ одной стороны званіе ихъ, а съ другой правила благоразумія и общежитія ихъ обязываютъ, и тѣмъ бы свои настоящія погрѣшности совершенно загладили и показали себя достойными оной столь великодушной къ нимъ милости. *Седьмое.* Господь правящихъ должности генераль губернаторовъ Сибирскаго и Уфимскаго изъ коллегіи тотчасъ предувѣдомить каждого о имѣющихъ отправиться въ ихъ намѣстничества арестантахъ, дабы они учинили зависящія отъ нихъ распоряженія относительно приѣма сихъ арестантовъ и распредѣленія ихъ. *Восьмое.* Въ разсужденіи назначенныхъ къ поселенію на Оренбургскую линію отправленіе ихъ сдѣлать не вдругъ всѣхъ, а по частямъ, и о лучшей въ томъ удобности учредиться съ вами господиномъ генераль поручикомъ и кавалеромъ на такомъ основаніи, чтобъ до половины пути препровождать преступниковъ воинскими командами, состоящими нынѣ на Донѣ подъ распоряженіемъ генераль майора и кавалера князя Щербатова, а съ другой половины до мѣста они оставаться должны командами изъ войскъ Оренбургскаго корпуса, состоящихъ въ вѣдомствѣ вашемъ, господина генераль поручика и кавалера. *Девятое.* Кому именно по жеребью тѣлесное наказаніе учинено и кто по жеребью же куда и когда точно посланы будутъ,

прислать въ коллегію именной списокъ. *Десятое.* Таковой же именной списокъ прислать и о тѣхъ, кои на основаніи четвертаго въ высочайшемъ указѣ пункта за обращеніе въ службу болѣе тридцати лѣтъ и за бытіе въ послѣднихъ трехъ войнахъ и полученіе въ нихъ ранъ или же, какъ при усмирении и изслѣдованіи подъ наказаніемъ уже бывшіе, прощены будутъ съ объясненіемъ о каждомъ изъ первыхъ, сколько имѣть отъ роду лѣтъ, когда въ службу вступилъ, гдѣ и какъ оную продолжалъ и какія именно раны при какомъ сраженіи получилъ и не былъ ли до сего въ какихъ порокахъ или же въ наказаніяхъ и за что именно,—а о послѣднихъ, когда и какъ были уже наказываемы, разумѣя наказаніе, ежели какое отъ команды или суда при усмирении и изслѣдованіи сдѣлано, а не то, какое быть можетъ, что мятежники, будучи въ общей связи неповиновенія единомысленны дѣлами между собою другъ другу за неточное исполненіе какихъ-либо ихъ собственныхъ постановленій. *Одиннадцатое.* При отправленіи каждой партіи, что на поселеніе, означая маршрутъ пути ея и кому именно смотрѣніе за нею поручено и какая конвойная команда провождать ее будетъ присылать въ коллегію вѣдомости. Іюня 30 дня 1795 года.

Государственной военной коллегіи
рапортъ.

Вслѣдствіе указа Ея Императорскаго Величества изъ государственной военной коллегіи отъ 30 іюня 795 года № 9975 относительно приема отправленныхъ отъ господина генераль-маіора и кавалера князя Щербатова преступниковъ войска Донского изъ чиновниковъ и казаковъ и распредѣленія на поселеніе по Оренбургской линіи 143 человекъ съ семействами имѣлъ я честь какія распоря-

женія на то учинены были рапортомъ моимъ отъ 7 августа того жъ года № 965 государственной военной коллегіи донесли, а потому въ сходственность оныхъ въ назначенномъ для того городѣ Сызранѣ офицеровъ, съ Дону ихъ ведшихъ, командированными мною Оренбургскаго корпуса изъ Оренбургскаго 2-го мушкетерскаго полевого баталіона оберъ офицерами же съ конвойными командами за исключеніемъ умершихъ на мѣстѣ бывшихъ есаула Тараса Дербенцова и дочери сотника Дмитрія Махина малолѣтней Парасковьи, оставленныхъ за болѣзнь женщинъ въ станицахъ Кобылянской одной, Нижне-Чирской трехъ и Пятиизбянской осьми, принято сто сорокъ одинъ человекъ. которые слѣдуя по распредѣленію моему въ линейныя крѣпости за умертвіемъ въ трактѣ преступниковъ двѣнадцати изъ семействъ ихъ малолѣтнихъ осьми рѣченными офицерами доставлены и комендантамъ сданы, какъ о томъ рапортами донесли они мнѣ исправно.

Въ разсужденіи же поселенія, содержанія и употребленія ихъ по тѣмъ жительствовамъ, то какъ узаконеніями до сего предмета относящимися повелѣно: указами 1730 мая 14 «прежде посланныхъ въ Сибирь на житье въ Тару разныхъ чиновъ людей и кои еынѣ пошлются и впредь посылаться будутъ, тѣхъ всѣхъ писать тамо въ подушный окладъ токмо по присылкѣ ихъ давать льготы на два года, въ которыхъ тѣхъ подушныхъ денегъ съ нихъ не брать, а по прошествіи тѣхъ двухъ лѣтъ подушныя деньги брать съ нихъ съ прочими въ равенство, и о томъ кому надлежитъ послать указы»; 1730 года февраля 11 дня пунктовъ 10-го «въ Табынску къ назначенной одной ротѣ другую роту прибавить ту, которую селить надлежитъ въ тайнѣ, да тутъ же учредить служилыхъ мещеряковъ охотниковъ и казаковъ и ссыльныхъ до трехъ сотъ человекъ, и земли и угодій имъ

отвести противъ поселенныхъ на Уфѣ и въ другихъ тамошнихъ мѣстахъ, тако же прежній городокъ Осу возобновить и служилыми людьми прибавя къ тому изъ ссылочныхъ поселянъ». 21-го «ко умноженію въ тѣхъ новыхъ мѣстахъ русскихъ людей ссылочныхъ вмѣсто Сибири къ статскому совѣтнику Кириллову посылать, изъ которыхъ годныхъ въ службу нерегулярную, а другихъ на пашню. третьихъ, кои за тяжелыя вины и къ воздержанію не надежны, въ шахты опредѣлять, а излишнихъ по прежнему Нашему указу въ работу на сибирскіе казенные заводы отсылать». Опредѣленіе Оренбургской губернской канцеляріи, кое утверждено указомъ Правительствующаго Сената 1748 года декабря 7, пунктовъ 1-го, дѣтей отъ ссыльныхъ рожденныхъ брать въ школы подъ вѣдомствомъ губернской канцеляріи учрежденныя, по возрастѣ же ихъ распредѣлять въ разныя службы по губернскаму штату положенныя, оставшіеся жъ за укомплектованіемъ могутъ опредѣляемы быть въ военную регулярную и нерегулярную службу; 5-го, что же касается до такихъ, которыхъ отцы хотя и ссыльные, но уже по крѣпостямъ дѣйствительно въ казачьей службѣ находятся, каковыхъ по присланной изъ Красногорска вѣдомости показано тамъ семь человекъ, а прочихъ вѣдомствъ вѣдомостей еще не прислано, то оныхъ всѣхъ въ предписанную школу не брать, но оставлять ихъ впредь до комплекту казачьяго въ тѣхъ крѣпостяхъ, гдѣ отцы ихъ казаками находятся, или въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они къ той же службѣ потребны будутъ, однакожъ послать во всѣ новыя крѣпости указы, чтобъ не только объ нихъ, но такожде и о прочихъ казакахъ, сколько у кого дѣтей мужеска полу имѣется и коликихъ лѣтъ, учинены и присланы были туда обстоятельныя

вѣдомости, въ которыхъ оныхъ отцовъ дѣтей особливо показать.

А по сему на основаніи оныхъ приказалъ я, *первое*, причислить сихъ поселенцевъ въ число казаковъ въ Уфимскомъ намѣстничествѣ обитающихъ и состоять имъ въ вѣдомствѣ Оренбургской войсковой казакской канцеляріи, для обзаведенія домовъ и хозяйства дать имъ отъ службы льготы на два года, не отлучая ихъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они поселены, землею же, къ изворотамъ ихъ надобною, пользоваться съ прочими жителями по общевѣдно по усмотрѣнію на мѣстѣ распорядить господамъ комендантамъ; *второе*, по прошествіи льготныхъ лѣтъ возлагать службу на нихъ относящуюся до казака и отправлять имъ оную не далѣе крѣпостной земли подъ строгимъ всегда у начальниковъ присмотромъ и далѣе крѣпостной земли никуда не отлучать; *третье*, на службу не употреблять ихъ иначе, какъ подъ начальствомъ старослужащихъ здѣсь и никакого порученія онымъ не дѣлать; *четвертое*, потомство оныхъ причислять въ число прочихъ обитающихъ въ Уфимскомъ намѣстничествѣ и состоящихъ въ вѣдомствѣ казакской войсковой канцеляріи казаковъ, чего о наблюденіи господамъ комендантамъ тѣхъ крѣпостей, куда упомянутые казаки поселены строжайшее сдѣлано предписаніе.

№ 595. Въ Уфѣ. Апрѣля 1 дня 1796 года.

1796.

По объявленію отставного казака Алексѣя Логинова о задержанныхъ подозрительныхъ людяхъ.

Въ первыя числа сего мѣсяца (іюня) поѣхалъ я изъ Уральска обще съ отставнымъ казакомъ Степаномъ

Щелоковымъ на Общій Сыртѣ для набранія ягоды, коей набравъ полтелѣги, возвратился я сюда въ Уральскъ уже одинъ и. ѣдучи на Общемъ Сырту, съѣхался съ казаками Иваномъ Карячихинымъ и Матвѣемъ Кирпичниковымъ, съ коими и ѣхалъ до Озернаго умета, гдѣ по наступленіи ночи принуждены были ночевать обще съ пріѣхавшими до насъ еще невѣдомо намъ съ какими російскими людьми четырьмя человѣками, ѣдущими сюда къ Уральску, кои по утру на другой день, вставши напередъ насъ, поѣхали, а мы, за ними ѣдучи, дорогою усмотрѣли у нихъ въ одной повозкѣ, везущей парю лошадей, довольно разной пажити, а притомъ и два ружья, почему мы замѣтя, что они люди подозрительные и конечно были гдѣ-либо на воровствѣ, поелику изъ разговоровъ ихъ дорогою ничего добраго ими говорено не было, кромѣ безчинныхъ поступковъ, не видно было ни малаго въ нихъ постоянства; ради чего по пріѣздѣ на Красный уметъ мы оныхъ людей, исключая изъ нихъ одного убѣгшаго и невѣдомо гдѣ скрывшагося, трехъ человѣкъ поймавъ, связали, изъ которыхъ одинъ при той поимкѣ ихъ назвавшійся Антономъ угрожалъ, ежели бѣ имѣлъ при себѣ ножъ, перерѣзатъ всѣхъ, конхъ ко учиненію съ ними надлежащаго ко встрѣтившемуся въ городской башнѣ правящему здѣсь полицейскую должность господину старшинѣ Ивану Щанову и представили со всѣмъ при нихъ имѣвшимся экипажемъ, съ двумя лошадьми—сивымъ и саврасымъ мереньями, а третій гнѣдой меринъ за худобою брошенъ нами на дорогѣ у Теплаго умета. Будучи въ трактѣ, дабы оные російскіе люди, встревожась, не могли намъ причинить каковымъ либо скрытымъ оружіемъ и чрезъ то учинить утечки, подъ видомъ обнадеживалъ ихъ подѣхавъ къ городу отпустить на волю, подтверждая при томъ, что если и въ самомъ дѣлѣ мнѣ объявить ихъ

непремѣнно надобно будетъ; тогда по привозѣ въ Уральскъ представлю ихъ съ однимъ холстомъ, почему они, имѣя видно за собою злодѣяніе и лѣтя себя тѣмъ отпускомъ, отдали мнѣ изъ везущагося съ ними экипажа одно алое атласное одѣяло, одинъ на холсту лисій мѣхъ, одну женскую на заячьемъ мѣху голубого атласу мантилію, одинъ заячій мѣхъ, еще одѣяло на холсту, перейской занавѣски, одинъ бѣлый мѣхъ русскихъ мерлушекъ, одно сѣдло съ желѣзными стремянами, одно ружье фузею, одну шпагу солдатскую, одни сапоги яловишныя черныя русскіе, денегъ мѣдныхъ сорокъ копѣекъ, которые при семъ представляю.

Къ сему объявленію вмѣсто казака Логинова по его прошенію руку приложилъ сотникъ Никита Карповъ. Іюня 29 дня 1796 года.

1797 года марта 11 дня по указу Его Императорскаго Величества Симбирской губерніи палата суда и расправы въ департаментѣ уголовныхъ дѣлъ, рассматривая дѣло, предоставленное во оный изъ бывшаго симбирскаго верхняго земскаго суда перваго департамента по уничтоженіи онаго, произведенное въ общемъ симбирскаго уѣзднаго суда и нижней расправы присутствіи надъ подсудимыми бѣглыми Оренбургскаго шестого баталіона пятой роты солдатомъ Петромъ Петровымъ, морского флота солдатомъ Осинимъ Ивановымъ, помѣщичьими крестьянами Тагайской округи села Сосновки помѣщика Зиновія Дурасова Иваномъ Егоровымъ, Котяковской—села Вѣлаго Ключа помѣщика Гурьева крестьяниномъ Парфеномъ Федоровымъ, каторжнымъ утеклемъ Сергѣемъ Александровымъ сыномъ Ситниковымъ, Тагайской округи села Архангельскаго надворной совѣтницы Дьяконовой крестьянами Степаномъ Дмитріевымъ, Назаромъ Осиповымъ, Дмитріемъ Егоровымъ сыномъ Воронинымъ, сыномъ его

Никифоромъ Дмитріевымъ, женою Воронина Пелагеею Ивановою, которая содержась здѣсь подъ стражею умре. Налатирской округи села Чуварлей отданнаго въ рекруты крестьянина Михайлы Бутова, женою Авдотьей Петровою, Сызранской округи села Самайкина графа Ивана Пегровича Салтыцова крестьянскими женками Федосьею Михайловой, Матреною Степановою, которая, содержась подъ стражею, умре, помѣщицы жъ Дьяконовой Елистратомъ Михайловымъ сыномъ, Евдокимомъ Филипповымъ, Леонтьемъ Васильевымъ, Антономъ Степановымъ деревни Атяшкиной изъ мордвы новокрещеномъ Іовомъ Осиповымъ, первыми семерыми въ разбоѣ госпожи Дьяконовой дому, въ сожженіи онаго и самой ее, во взятыѣ при томъ дедѣ, разнаго имущества и въ грабежѣ на дорогѣ проезжающихъ Самарской и Котавской округъ селъ Печерскаго и Ключицъ крестьянъ, изъ коихъ первые двое со учи недѣнымъ экстрактомъ во исполненіе указа 792 года генваря 21 числа отъ верхняго земскаго суда отосланы на разсмотрѣніе его превосходительству тайному совѣтнику симбирскому губернатору и кавалеру Александру Дмитріевичу Карпову при рапортѣ; Воронинымъ, сыномъ его, Дмитріевымъ и женою Воронина Ивановою въ побѣгѣ и въ знаніи про разбой и во взятыѣ ограбленнаго имущества, женками Петровою въ побѣгѣ, въ перемѣнѣ себѣ именъ, въ названіи себя рекрутскими женами, а Петрова въ блудномъ сожитіи съ разбойникомъ Ситниковымъ, въ знаніи о разбоѣ и въ найденіи у послѣднихъ двухъ изъ ограбленнаго нѣкоторой части имущества; Михайловымъ, Филипповымъ, Васильевымъ, Степановымъ въ подговорѣ къ разбою, а послѣднимъ Осиповымъ въ дачѣ разбойникамъ хлѣба, по которому мнѣніемъ въ общемъ симбирскихъ уѣзднаго суда и нижней расправы присутствія декабря 23 дня прошлаго 796 года присуждены за вы-

шеписанныя преступленія подсудимымъ Осипу Иванову, Петру Петрову, Ивану Егорову, Назару Осипову, Сергѣю Ситникову, Парфену Федорову учинить наказаніе кнутомъ, потомъ, вырѣзавъ ноздри и поставивъ на лбу и на щекахъ указные знаки, сослать вѣчно въ каторжную работу Иркутской губерніи къ Нерчинскимъ заводамъ. Дмитрія Воронина и сына его, Никифора Дмитріева, которые въ разбоѣ госпожи Дьяконовой участіе хотя и не имѣли, но поелику изъ нихъ первый по пріѣздѣ тѣхъ разбойниковъ съ пажитью про содѣянное ими преступленіе зналъ и пажить тое скрыть, то его за сіе, а Дмитріева по желанію г-на Дьяконова наказать кнутомъ, потомъ сослать по неприему къ Нерчинскимъ заводамъ; жевокъ Авдотью Петрову и Федосью Антонову наказать также кнутомъ и отдать Антонову въ жительство по прежнему, а Петрову сослать на поселеніе, а оговоренныхъ помѣщицы Дьяконовой крестьянъ Евстрата Михайлова, Евдокима Ефимова, Леонтыя Васильева, Антона Степанова, деревни Атяшкиной изъ мордвы новокрещена Іова Осипова, какъ они во взводимомъ на нихъ отъ показанныхъ разбойниковъ дознаніи не признались и ни отъ кого на нихъ въ томъ, кромѣ показанія отъ разбойниковъ, доказательства нѣтъ и что они по обыскамъ одобрены и отъ принятія по прежнему не отреклись, отдать по прежнему въ селеніе. Соображая существо сего дѣла съ силою высочайшихъ узаконеній, приказали: *первое*. Какъ изъ оныхъ подсудимыхъ Таганской округи села Сосновки помѣщика Зиновія Дурасова крестьяне Иванъ Егоровъ, Катявской округи помѣщика Гурьева Парфень Федоровъ, каторжный утелецъ Сергѣй Ситниковъ, надворной совѣтницы Дьяконовой Степанъ Дмитріевъ, Назаръ Осиповъ, какъ по пониманію ихъ въ Уральской войсковой канцеляріи, такъ и въ общихъ симбирскихъ нижнихъ и среднихъ мѣстъ присут-

ствіяхъ въ прїѣздѣ въ домъ показанной помѣщицы Дьяконовой, въ битвѣ ея ѣзжалыми внутрями и шпагою, въ связаніи ей рукъ, въ заженіи дома, гдѣ и она сгорѣла, во взятыѣ чрезъ то денегъ, разнаго имущества и въ грабежѣ также на дорогѣ проѣзжающихъ людей и въ намѣреніи, содержась здѣсь, учинить утечку—признались чистосердечно и показали, что они, отлучась изъ селеніевъ своихъ и находясь въ бѣгствѣ, проживали въ Уральскѣ у тамошнихъ казаковъ и наконецъ, еопедшись съ Антономъ Ивановымъ, сыномъ Комонинымъ, и согласясь, поѣхали для разбоя помѣщика Дьяконова, ибо изъ числа показанныхъ крестьянъ Дмитріевъ и Осиповъ сказали, что у помѣщика ихъ много денегъ и непременно найдется тысячь тридцать, и сказавши о семъ ихъ намѣреніи уральскому казаку Ивану Иванову Калугину и получа отъ него для того ружья, поѣхали по Сызранской дорогѣ и, проѣзжавши состоящіе на ней мосты, въ называемыхъ воротахъ, напавъ на ѣхавшихъ съ рыбою Котявской округи села Ключищъ помѣщика Гурьева на крестьянъ одного Кубарева, а другого Ивана Матвѣева, отняли у нихъ семь лошадей съ тремя повозками и денегъ взяли государственными ассигнаціями двѣсти восемнадцать рублей; потомъ, ѣхавши тою жъ дорогою, напавъ на нихъ уральскіе казаки всего двадцать шесть человекъ, намѣрялись ихъ поймать, почему видя таковую опасность, оставались въ небольшихъ колкахъ, кторые тѣ напавшіе казаки зажгли, причемъ приглася къ себѣ ѣдущихъ дорогою съ рыбою неизвѣстно какихъ людей десять человекъ чинили съ обѣихъ сторонъ изъ ружей выстрѣлы и войдя они въ превеликое сердце и видя, что казаки и крестьяне смѣло къ нимъ не приступаютъ, закричавъ на нихъ азартно, отчего казаки поѣхали въ степь, а крестьяне остались на томъ мѣстѣ и на спрашиваніе ихъ,

для чего они на нихъ нападали, отвѣтствовали, что они къ оному пошли изъ принужденія показанныхъ казаковъ, да и они были на оное наняты отъ невѣдомаго имъ проѣзжающаго какого-то купца, который въ обозѣ ихъ оставилъ лошадь съ повозкою, кою, не найдя въ ней ничего, сожгли, а крестьянъ пересѣкли, чтобъ они впредь къ поимкѣ приступать не отваживались и, оставя имъ своихъ усталыхъ лошадей, а получше взявъ, поѣхали въ село Архангельское, но не доѣзжая до онаго, поѣхали въ лѣсныя деревни Атяшкиной дачи, гдѣ находясь одни сутки и не имѣвъ у себя хлѣба, ходилъ изъ нихъ Осиповъ въ показанную деревню Атяшкину къ новокрещену изъ мордвы Юву Осипову и, возвратясь изъ оной, принесъ два карава, и съ нимъ онъ приходилъ и говорилъ, ежели будетъ угодно хлѣба, то онъ доставлять имъ станетъ; потомъ, дождавши ночи, атаманъ Комонинъ, есаулъ Алексѣй Федоровъ и помѣщицы Дьяконовой крестьянинъ Степанъ Дмитріевъ ѣздили въ село Архангельское къ крестьянину Евстрату Михайлову для освѣдомленія дома ли будетъ помѣщица Дьяконова и мужъ ея и не будетъ ли во время разбоя помѣщицы ихъ какого либо помѣшательства, кои возвратясь оттолъ объявили, что они дома и отъ крестьянъ въ дѣлѣ ихъ помѣшательства не будетъ, и наконецъ, пріѣхавъ днемъ въ показанное село и отрѣзавъ колокола, вѣхавъ на господскій дворъ и не видя въ немъ, какъ помѣщицы Дьяконовой и мужа ея, такъ равно и изъ людей никого, не мѣшкали. Атаманъ Антонъ Комонинъ и есаулъ Алексѣй Федоровъ, сѣвъ на лошадей верхами, поѣхали искать въ гумнѣ и найдя въ ономъ въ конопляхъ помѣщицу Дьяконову съ малолѣтнею ея дочерью, привели въ покои, а дочь ушла неизвѣстно куда, и напоследокъ, по показанію ея найдя въ сундукахъ золотою, серебряною монетою и государственными

ассигнаціями только тысячу шестьдесятъ рублей и не увѣряясь, чтобъ было столько, сѣкли ее ѣзжалыми кнутъями и шпагою и, связавъ ее, положили въ кладовую; ежели бь помѣщикъ Дьяконовъ былъ сысканъ, то бы сдѣлано было то, что и съ женою его; послѣ чего, забравши нѣкоторое имущество и деньги, положили въ повозки, а домъ зажгли, который съ тою помѣщицею сгорѣлъ; потомъ поѣхали безъ всякой опасности и, ѣдучи мимо дома тамошняго священника, есаулъ Федоровъ выстрѣлилъ изъ ружья въ повѣтъ, отъ чего тотъ домъ сгорѣлъ; сіе сдѣлано было для того, чтобъ онъ раскольниковъ не отводилъ отъ ихъ вѣры. Изъ того села продолжали путь къ городу Уральску чрезъ настоящія селенія, а потомъ пріѣхали въ село Поповку, гдѣ изъ числа ограбленныхъ ими лошадей села Блючищъ крестьянинъ Шуруповъ узналъ свою лошадь, сдѣлалъ чрезъ колокольный набатъ тревогу, по которой выходилъ неизвѣстный имъ помѣщикъ съ дворовыми людьми съ ружьями, коихъ увидя есаулъ въ страхъ выстрѣлилъ изъ ружья, не причиня имъ тѣмъ выстрѣломъ никому вреда, отъ чего тотъ помѣщикъ съ тѣми своими людьми ушелъ невѣдомо куда, и болѣе сего ни отъ кого никакой погони не происходило, и остановясь подъ селомъ Собанинымъ въ лѣсу, взятые у показанной помѣщицы Дьяконовой раздѣлили на равныя части, и не доѣзжая до города Уральска, заѣхали на Озерный уметъ въ вышеписанному казаку Калугину и, возвратя ему взятое ружье, отдали два заячьихъ мѣха, а по пріѣздѣ уральской степи до Краснаго умета, гдѣ сотникомъ Головановымъ съ прочими казаками пойманы. Причина жъ къ разбою тому побудила ихъ слѣдующая: когда помѣщицы Дьяконовой крестьяне Евдокимъ Филипповъ, Леонтій Васильевъ и Антонъ Степановъ пріѣзжали въ городъ Уральскъ для поимки ихъ, то

онѣ просили ихъ неотступно, чтобъ прѣхать къ помѣщицѣ, разбить домъ и лишить жизни, поелику де имъ отъ налогъ жить нельзя,—почему видя собственное ихъ въ разбоѣ показанной помѣщицы Дьяконовой дома, въ сожженіи онаго и самое ее и во взятьѣ при томъ денегъ и разнаго имущества, такъ и въ грабежѣ ѣдущихъ сель Ключицъ и Печерскаго крестьянъ признаніе и находя во ономъ виновными, учинить имъ Егору Федорову, Ситникову, Дмитріеву и Осипову наказаніе кнутомъ, давъ онимъ по пятисотъ ударовъ, потомъ, вырѣзавъ ноздри и поставя на лбу и на щекахъ указные знаки, сослать вѣчно въ каторжную работу Иркутской губерніи къ Нерчинскимъ заводамъ.

Второе. Что принадлежитъ до крестьянъ помѣщицы Дьяконовой Дмитрія Егорова и сына его Никифора Дмитріева, Ворониныхъ, кои хотя въ грабежѣ показанной помѣщицы своей Дьяконовой съ показанными разбойниками не признались, а показали первый, что онъ бѣжалъ отъ помѣщицы своей и проживалъ въ городѣ Уральскѣ, но какимъ образомъ согласились они для разграбленія госпожи ихъ не знаетъ и съ ними къ тому согласія не имѣлъ, а наконецъ возвратясь привезли съ собою и дали ему разной господской пажити и денегъ, а сколько чего не знаетъ. которыя спрятали въ камышъ, о которомъ объявили ему, что оное госпожи ихъ, домъ ея разграбили и самое ее умертвили; второй, что онъ какимъ образомъ означенные разбойники ѣздили для разбоя помѣщицы ихъ и что чего по прѣздѣ оттолъ привезено ими ничего не видалъ и не знаетъ и о злодѣйствѣ ихъ ни отъ кого изъ нихъ не слыхалъ, потому что онъ находился тогда у разныхъ жителей въ поденныхъ работахъ, а помѣщикъ ихъ надворный совѣтникъ Дьяконовъ въ отобранномъ къ дѣлу сему показаніи изъяснилъ, что онъ ихъ въ разсужденіи

побѣга и сдѣланнаго съ разбойниками общаго жительства принять по прежнему не желаетъ, а проситъ всѣхъ ихъ бить кнутомъ и сослать къ Нерчинскимъ заводамъ, а по симъ ихъ показаніямъ, находя изъ нихъ Дмитріева и Воронина въ знаніи о пріѣздѣ показанныхъ разбойниковъ съ пажитью, про содѣянное ими преступленіе, но необъявленіи объ ономъ тогда нигдѣ, а при томъ во взятіи отъ нихъ нѣкотораго количества пажити и въ сокрытіи онаго, за что учинить какъ ему Воронину, такъ и сыну его по желанію помѣщикуему наказаніе кнутомъ, давъ онымъ первому двѣсти, а послѣднему двадцать пять ударовъ, потомъ Дмитрія Воронина сослать вѣчно въ каторжную работу къ Нерчинскимъ заводамъ, а сына его на поселеніе въ Иркутскую губернію.

Какъ по дѣлу сему оказались виновными женки Авдотья Петрова и Федосья Михайлова, первая въ знаніи про разбой показанной помѣщицы Дьяконовой дома, въ необъявленіи объ ономъ никому и въ блудномъ съ разбойникомъ Ситниковымъ сожитіи, а послѣдняя во взятѣ изъ пограбленнаго имущества тихимъ образомъ шелковой ленты одного аршина трехъ четвертей, за что учинить имъ наказаніе: первой кнутомъ, давъ сто ударовъ, а послѣдней плетьюми, потомъ первую сослать на поселеніе, а послѣднюю отдать попрежнему въ селеніе.

1797.

По жалобѣ повѣреннаго Исецкихъ казаковъ Скобелкина на разныя притѣсненія, дѣлаемая казакамъ командуящимъ Оренбургскимъ казачьимъ корпусомъ майоромъ Улицкимъ.

Въ прошеніи казака Скобелкина изображено: 1-е. Всѣ здѣсь находящіеся Исецкіе казаки никакими въ ра-

венствѣ съ Оренбургскими выгодами не пользуются, а довольствуются всею на часть казаковъ доставшеюся землею и покосами одни только Оренбургскіе богатые по позволенію начальства своего.

2-е. Командующій казачьимъ корпусомъ майоръ Углецкій принуждаетъ изъ 15-рублеваго годоваго жалованья имѣть суконныя куртки, шаровары и шапки, и нынѣ, не донося ихъ, заводить другого цвѣта сукна.

3-е. По смѣнѣ съ линейной службы, не имѣя времени снискать чрезъ труды и работу пропитанія и содержанія, посылаются отъ него Углецкаго безъ всякой за труды платы для жженія угля, рубкѣ дровъ и сплавунныхъ по рѣкѣ Уралу чрезъ немалое разстояніе, какъ то и прошедшею 796 года осенью по наряду вырублено въ лѣсу до 3000 бревенъ и сужены къ сплаву на ихъ служебныхъ лошадяхъ.

По поводу этого прошенія, поданнаго на Высочайшее имя, баронъ Игельстромъ писалъ Трошинскому.

Оренбургскіе казаки, при заведеніи города будучи переселены изъ Самары и другихъ въ губерніи состоящихъ крѣпостей, составляли сперва корпусъ по штату 1748 года изъ 700 человекъ рядовыхъ, а впоследствии времени бывший здѣсь губернаторъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Неплюевъ, по обстоятельствамъ заграничнымъ признавая надобнымъ увеличить тотъ корпусъ, представлялъ военной коллегіи о прибавленіи еще къ 700 триста рядовыхъ, что въ 1755 году правительствующимъ Сенатомъ и апробовано и положено имѣть при нихъ, какъ и при всѣхъ прочихъ въ здѣшней губерніи казакахъ, войскового атамана, которому и быть подъ точною дирекціею и распоряженіемъ Оренбургскихъ губернаторовъ; почему то количество 1000 человекъ, бывъ укомплектовано изъ Самары же и другихъ крѣпостей,

напослѣдокъ по случающейся убыли комплектовались уже сами по себѣ они Оренбургскіе; но въ 779 году, по увеличившемуся некомплекту отъ бывшаго здѣсь замѣшательства такъ, что изъ однихъ Оренбургскихъ казакскихъ дѣтей укомплектовать корпусъ было уже не позволено, а обстоятельства требовали имѣть оный въ комплектѣ находившимся здѣсь тогда губернаторомъ генераломъ поручикомъ Рейнздорномъ предписано войсковой канцеляріи укомплектовать корпусъ изъ всѣхъ подъ вѣдомствомъ ея состоящихъ казаковъ, почему и поступило изъ Исецкихъ и другихъ казаковъ надобное количество. Потомъ въ первую мою здѣсь бытность начальникомъ, узнавъ, что въ Оренбургѣ казачьихъ дѣтей совсѣмъ почти не было, въ другихъ же крѣпостяхъ не только не поверстанныхъ въ службу дѣтей, но и закомплектныхъ казаковъ состояло довольно, приказалъ я войсковой канцеляріи укомплектовать корпусъ изъ всего войска, и съ того времени по повелѣніямъ губернаторовъ, а не самою войсковою канцеляріею, наполняемъ былъ корпусъ изъ всего войска, причемъ изъ собранныхъ документовъ ни видится ни мало злоупотребленій ни со стороны войсковой канцеляріи, ни здѣсь бывшаго начальства.

По служенію Исецкихъ и другихъ крѣпостей казаковъ въ здѣшнемъ корпусѣ какъ извѣстно и по изслѣдованію открылось, что всѣ они по правамъ принадлежащими пахатною землею и сѣнными покосами наравнѣ съ Оренбургскими невозбранно пользуются, только бы охотно употребляли себя къ работамъ.

Поелику казакское войско не иное что есть, какъ были и государственные крестьяне, обложенныя выѣсто податей отправлять военную службу, а потому сверхъ положеннаго жалованья, которое не столь достаточно для содержанія каждому себя и двухъ лошадей, пользуясь

они землями, угодыми и тѣмъ правомъ, кое присоединено имъ по установленіямъ имѣть, между отправленія службы промыселъ, должны бытъ всегда во всей исправности по употребленію себя на службу свойственную казачу, а по примѣру, что въ селеніяхъ государственныхъ крестъянъ учрежденные старосты и другіе начальники пекутся о исправномъ платежѣ податей, войсковой казакскій атаманъ и всѣ по немъ чиновники обязаны стараться о исправности своихъ подчиненныхъ, дабы оны имѣли лошадей и прочую аммуницію во всей ихъ годности и отнюдь во исполненіи службы не предстояло бѣ ни малѣйшаго чрезъ неисправность ихъ преткновенія, имѣеть по сему тотъ войсковой атаманъ непремѣнный долгъ входить съ своими старшинами и въ хозяйственное состояніе казаксвъ и, разсматривая ихъ прилежность къ домостроительству, промысламъ и заведеніямъ, лѣннихъ, побуждаетъ къ исправному себя содержанію, а вслѣдствіе того равномерно его долгъ есть снискивать къ вспомоствованію средства недостаточнымъ казакамъ быть по службѣ исправными, почему нѣсколькихъ челоуѣкъ казаксвъ командированіе для сожженія угля, приготовляемаго на случай починокъ ружей и другихъ желѣзныхъ вещей и вырубки дровъ и бревенъ хотя и происходило, однакожъ ни малѣйшей собственности тутъ со стороны начальниковъ не видно и по изслѣдованію не открылось, и сіе командированіе ни законамъ, ни установленіямъ сего войска не противно. поелнку приобрѣтать пользу собственно для нихъ предоставлено и по ихъ правымъ, на что и время нѣкоторое дается имъ отъ службы, и я по долгу моего начальства здѣсь не только въ таковомъ случаѣ воспретить, но и подтвердить о дальнѣйшихъ промыслахъ, доставляющихъ пользу казакамъ къ содержанію, домовъ ихъ и исправными по службѣ, быть обязанъ съ тѣмъ,

чтобы не имѣло мѣста ни малѣйшее между тѣмъ злоупотребленіе; въ разсужденіи же дороговизны здѣсь дѣлового да и всякаго лѣса выплавка сюда бревенъ наилучшій есть промыселъ для имѣющихъ возможность употребить себя на оный, а потому слишкомъ 2000 бревенъ, вырубленные и спавленные казаками, которыя употребляются уже въ продажѣ, знатную доставятъ сумму на исправленіе неимущихъ и другихъ по войску потребностей, и какъ сіе приготовленіе бревенъ учинено изъ общаго больше половины казаковъ согласія и съ дозволенія бывшаго здѣсь начальника губерніи. то въ семъ случаѣ полковникъ того войска, майоръ Углецкій и виннымъ поставиться не долженъ.

Что Оренбургскіе казаки носятъ крутки и шаровары. тому никто иной причиною, какъ я, ибо по опредѣленіи меня въ 785 году въ должность Симбирскаго и Уфимскаго генераль-губернатора и къ начальствованію войсками Оренбургскаго корпуса, мнѣ данъ былъ вмѣсто коннаго регулярнаго полка и назывался Оренбургскимъ регулярнымъ казачьимъ полкомъ, по прибытіи же моемъ сюда нашелъ я казаковъ въ немъ не только, чтобы подобіе хотя имѣли регулярныхъ, но столь малоконными и безъ всякаго оружія, такъ что не больше къ службѣ употребить ихъ могъ я, какъ до трехъ сотъ человекъ, и большею частью на весьма худыхъ лошадяхъ; каковая неисправность онаго полка подавала причину прилежать, чтобы полкъ сей въ полномъ состояніи комплектъ людей и лошадей и имѣли бы исправное оружіе, дабы нашелся способнымъ къ отправленію военной службы, притомъ находя казаковъ тѣхъ въ мужичьемъ и множество разодранномъ и нисколько признака военного человека не имѣющимъ и разноцвѣтномъ одѣяніи, старался я не меньше по поводу названнаго полка регулярнымъ казачьимъ.

чтобы имѣлъ онъ нѣкоторый видъ военный, потому входя въ разсужденіе съ казакскими чиновниками и съ самими казаками, дабы устроить платье единоцвѣтное и видъ военный подающее, наконецъ получилъ отъ нихъ согласіе о построеніи крутокъ краснаго солдатскаго сукна, которыя по ихъ расчисленію гораздо дешевле обходились, нежели длинные сѣрмянные кафтаны, почему и дозволилъ я одѣть весь полкъ того цвѣта крутки, равно и шаровары, употреблявшіеся до того разныхъ цвѣтовъ, носить цвѣта уже одинаковаго, что все безъ малѣйшаго затрудненія, а по собственной волѣ казачковъ будучи введено, и по днесь существуетъ, и съ того времени до самаго моего изъ здѣшнихъ мѣстъ въ исходѣ 789 года отъѣзда никакой объ отгнѣ сего платья просьбы, а того менѣе рапорта, не происходило; и нынѣ, при бывъ я въ Оренбургъ, нашелъ корпусъ тотъ противу прежняго въ весьма хорошемъ состояніи въ разсужденіи лошадей, одежды и оружія, а таковой порядокъ по причинѣ изобилія у нихъ въ земляхъ и другихъ угодьяхъ безъ всякаго отягощенія продолжаться можетъ, ибо и теперь отъ немногихъ и даже самаго малаго количества казачковъ и тѣхъ, кои по вкоренившейся лѣности, не радѣя о приобрѣтеніи себѣ лучшаго состоянія, стараются только отбывать отъ службы и жить послѣ въ праздности, объявляютъ о желаніи носить прежнее мужичье платье. Маіоръ же Углецкій по сему пункту нисколько виновникомъ не состоитъ и ни съ его стороны, и ни чьей другой злоупотребленія, чтобы излишнихъ на построение одежды денегъ, не открыто.

Калмыки, что находятся въ зимнее время не въ Оренбургѣ, а въ своихъ кочевьяхъ по примѣру подобныхъ имъ народовъ,—сіе есть истина; поелику никогда почти не заготавливается ими для скота своего и слу-

жебныхъ лошадей сѣла, то потому и отпускаются туда съ давнихъ временъ не изъ злоупотребленія также какаго, но по дозволенію начальства и до моей первой еще здѣсь бытности начальникомъ притомъ лѣтомъ употребляются всегда безъ вспомоствованія живущихъ въ Оренбургѣ казаковъ по зауральской дистанціи въ степи киргизъ-кайсацкой къ Илецкой Защитѣ, гдѣ отправление службы, въ разсужденіи безпрестаннаго перекочевыванія киргизъ-кайсакъ, гораздо лучше, нежели въ прочихъ мѣстахъ, требуетъ исправности. Что-жъ слѣдуетъ до русскихъ казаковъ, будто-бы и изъ нихъ нѣкоторые не несутъ службы, а упражняются въ своей домашней экономіи, доноситель казакъ Скобелкинъ никого доказать не могъ, кромѣ какъ самъ же при очной съ объявленными имъ ставкѣ оправдать ихъ въ томъ, изобличая себя тѣмъ, что хотя они и служатъ, но больше только въ выгодныхъ якобы мѣстахъ.

Хотя сей казакъ Скобелкинъ на маіора Углецкаго и объявлялъ, будто бы онъ его и прочихъ казаковъ во время рабочей поры лѣтомъ употребляетъ въ собственную свою работу и именно къ сѣнокошенію и каждое лѣто для него ставили сѣна стога по 10, по 15 и по 20 и за то платы не получали; но какъ онъ Скобелкинъ сего не доказалъ, а маіоръ Углецкій отозвался, что никогда отъ него и никто изъ казаковъ въ свои собственныя работы употребляемы не были, что и всѣ спрашиваемые чиновники и казаки подтвердили, слѣдственно и остается доказательство его Скобелкина ложнымъ. Почему, какъ и по всѣмъ изслѣдованнымъ обстоятельствомъ, не открывается ни мало, чтобы войсковая Оренбургская казакская канцелярія и командующій корпусомъ маіоръ Углецкій были въ чемъ либо по жалобѣ Скобелкина виновными; а напротивъ того самъ онъ, Скобелкинъ, виною состоитъ: 1-е, когда отобрано у него было противу просьбы въ

поясненіе доказательство, онъ ко оному изъ упрямства своего не прикладывая руки. отзывался съ грубостью, что до тѣхъ поръ не приложить, покуда корпуса всего казаки спрошены и отъ командованія оныхъ Углецкій отрѣшены не будутъ; 2-е, когда спрошены были многіе казаки по его показанію и по ихъ показаніямъ не открывалось ни мало истины жалобы его, которые всѣ единогласно говорили, что они сообщниками ему, Скобелкину, никогда не были и довѣренности просить ни письменной, ни словесной не давали, да жалобу Его Императорскому Величеству на Углецкаго приносить резону не быдо, ибо они никакихъ обидъ и притѣсненій отъ него не имѣли, поборовъ съ нихъ, то жъ употребленія въ партикулярныя услуги не чинится и хлѣбопахатною землею и сѣнными покосами пользуются безпрепятственно, то, дабы учинилъ онъ рукоприкладство, объявленъ ему 746 года сентября 30 состоявшійся указъ, повелѣющій какъ поступать съ ослушниками при судахъ, онъ, Скобелкинъ, отозвался уже, что Его Императорскому Величеству прошеніе написалъ онъ и отправилъ одинъ самъ по себѣ, а не съ общаго всѣхъ казаковъ согласія, и ни кто изъ нихъ о томъ не знаетъ; однакожъ сія просьба которая ему объявлена, не та самая, что онъ слышавши желалъ отправить, ибо въ той нигдѣ ни объ отставныхъ и ни о томъ, чтобъ Углецкій былъ гонитель, не написано, чего онъ никогда и доказать не можетъ, а просилъ больше того только, чтобы выбранные изъ Исецкаго войска казаки обращены были по прежнему въ дома ихъ и къ сему единственно приступилъ онъ по поводу казака Смирнова, жившаго тогда у бывшаго Исецкаго войска старшины, а нынѣ въ Рыльскомъ мушкатерскомъ полку рядовымъ Григорья Высотина, который де предъ тѣмъ, увидя его, говорилъ сими словами: «Что дѣ вы

смотрите, теперь есть указъ, чтобъ прямо просить обо всемъ Его И—го В—ва, а вы де имѣете довольно угнетенія отъ своихъ начальниковъ», прибавляя къ тому, что просьбу написать можетъ означенный Высотинъ, котораго и показали онъ, Смирновъ, квартиру и къ коему, избравъ онъ время, пришедъ, просилъ о написаніи прошенія, отъ чего не отказавшись сей Высотинъ и вытвердя состоявшійся о подачѣ просьбъ указъ, писецкія права, послалъ съ казакомъ Смирновымъ къ секретарю Ивану Высотину, того Высотина родственнику, а сей, написавъ просьбу и прочитавъ, оставилъ для показанія рядовому Высотину, который и отправилъ ее, а когда, онъ, Скобелкинъ, не знаетъ: почему и открылось, что онъ, Скобелкинъ, не имѣвъ основательныхъ причинъ и самъ, затѣялъ просьбу, назвавъ ложно себя повѣреннымъ, по поощренію помянутого Высотина, а сіе даетъ по тому поводъ заключить, что онъ, злобствуя, повидимому, на атамана Исецкихъ казаковъ Ханжина, что онъ при пріемѣ отъ него Высотина войска по жалобѣ казака Морюнова о засѣченіи его брата входилъ представленіемъ войсковой канцеляріи, а сей канцеляріи присутствовавшій Углецкій доложилъ по командѣ, и за то по суду и по высочайшей Его И—го В—ва конфирмаціи онъ, Высотинъ, изъ поручиковъ написанъ въ рядовые на полгода, который срокъ ему нынѣ уже и кануль и тотъ чинъ возвращенъ съ опредѣленіемъ въ гарнизонный полкъ, и желая обнестъ ихъ предъ всевысочайшимъ Его И—го В—ва престоломъ, наклонилъ Скобелкина ко отправленію той просьбы, которую и сочинилъ по своей волѣ вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ секретаремъ Высотинымъ, проживающимъ здѣсь безъ должности и за его дѣянія подъ судомъ палаты суда и расправы находящимся, за что сіи, какъ и оный Скобелкинъ, подлежатъ поступленію по законамъ.

*Списка именной Оренбургскаго казакскаго корпуса каза-
камъ, выбраннымъ во оный изъ Исецкихъ казаковъ.*

Мая 1797 года.

№.	Званіе именъ.	Кто куда выбылъ и нынѣ находится на лицо.
1779.		
По ордеру бывшаго оренбургскаго губер- натора, господина ге- нераль-поручика и ка- валера Ивана Андрее- вича Рейсдорпа.		
Исецкіе казаки:		
1	Илья Розепинъ.	} Померли.
2	Михаилъ Розепинъ.	
3	Федоръ Рудаковъ.	
4	Павель Синицынъ.	781 года марта 1 числа выклю- ченъ въ городъ Челябину.
5	Гаврила Черепановъ.	Умеръ.
6	Иванъ Варлаковъ.	Въ Оренбургѣ.
7	Климентій Кезачевъ.	} Умерли.
8	Иванъ Казанцевъ.	
9	Леонтій Коркинъ.	
10	Ефимъ Баландинъ.	Въ Оренбургѣ.
11	Василій Цыпушкинъ.	Умеръ.
12	Степанъ Резепинъ.	Въ Оренбургѣ.
13	Петръ Зайковъ.	Умеръ.
14	Василій Кокшаровъ.	790 года командированъ былъ въ финляндскую армію и по возвращеніи оттоль по повелѣ- нію главной команды отпущенъ обратно въ домъ.
		Въ Оренбургѣ.

15	Иванъ Пановъ.	По прибытіи изъ финляндской арміи отпущенъ въ домъ.
16	Ермолай Кезачевъ.	} Въ Оренбургѣ.
17	Степанъ Коноваловъ.	
18	Анисимъ Чипышевъ.	788 года сентября 26 числа отставленъ отъ службы и отпу- щенъ въ домъ.
19	Александръ Никитинъ.	Въ Оренбургѣ.
20	Петръ Бородинъ.	По прибытіи изъ финляндской арміи отпущенъ въ числѣ про- чихъ обратно въ домъ.
21	Семень Патысьевъ.	Умеръ.
22	Сергѣй Черкасовъ.	Въ Оренбургѣ.
23	Павель Пашнинъ.	794 года мая 16 числа по пред- ложенію господина генераль- поручика, бывшаго правителя Уфимскаго намѣстничества и кавалера Александра Алексан- дровича Пеутлинга отставленъ и отпущенъ въ домъ.
24	Иванъ Сафоновъ.	} Въ Оренбургѣ.
25	Поликарпъ Минѣевъ.	
26	Алексѣй Заслоновъ.	По прибытіи изъ финляндской арміи отпущенъ въ домъ.
27	Миронъ Пановъ.	Умеръ.
28	Иванъ Широковскій.	Въ Оренбургѣ.
29	Василій Сивцовъ.	По прибытіи изъ финляндской арміи отпущенъ въ домъ.
30	Андрей Шумовъ.	Въ Оренбургѣ.
31	Никита Зеленинъ.	Умеръ.

1785.

По предложенію ба-
рона Игельстрема.

Челябинскіе казаки:

1	Ефимъ Воронинъ.	} По прибытіи изъ Финляндской арміи отпущены въ дома ихъ.
2	Афанасій Казанцевъ.	
3	Иванъ Бутаковъ.	
4	Василій Кузнецовъ.	
5	Степанъ Плещевъ.	
6	Макаръ Вешняковъ.	} Умеръ.
7	Ефимъ Вешняковъ.	
8	Андрей Уржумцевъ.	
9	Андрей Замятинъ.	
10	Степанъ Максимовъ.	
11	Иванъ Долгачевъ.	} Въ Оренбургъ.
12	Козьма Ефимовъ.	
13	Владиміръ Еремѣевъ.	
14	Трофимъ Невзоровъ.	
15	Василій Пермяковъ.	
16	Семенъ Плещевъ.	} По прибытіи изъ Финляндской арміи отпущены въ дома.
17	Иванъ Угрюмовъ.	
18	Андронъ Плещевъ.	
19	Петръ Заварухинъ.	
Казацьи дѣти:		
20	Андрей Клещевъ.	} По прибытіи изъ Финляндской арміи отпущены въ дома.
21	Леонтій Завьяловъ.	
22	Иванъ Коркинъ.	
23	Терентій Вешняковъ.	
24	Федоръ Урюпинъ.	
25	Михей Патысьевъ.	} Въ Оренбургъ
26	Иванъ Завьяловъ.	
27	Алексѣй Ножевинъ.	
Міасскіе казаки:		
28	Феклисъ Щелкановъ.	
29	Бондратій Пятковъ.	
30	Иванъ Сафоновъ.	
31	Елисей Распоповъ.	
32	Петръ Поздѣевъ.	
33	Сергѣй Пановъ.	} Въ Оренбургъ.

34	Федотъ Соколовъ.	
35	Семенъ Лыковъ.	
36	Илья Шевяковъ.	
37	Леонтій Курочкинъ.	По прибытіи изъ финляндской арміи отпущены въ дома.
38	Иванъ Пашнинъ.	
39	Антонъ Калмановъ.	
40	Архипъ Худяковъ.	
41	Петръ Мануиловъ.	
42	Тимофей Воронинъ.	Умеръ.
	Казацѣи дѣти:	
43	Никита Стариковъ.	
44	Дмитрій Харинъ.	Въ Оренбургѣ.
45	Яковъ Кадышевъ.	
46	Иванъ Стариковъ.	
47	Александръ Невѣровъ	
	Эткульскіе казаки:	
48	Трофимъ Шеломенцевъ	По прибытіи изъ финляндской арміи отпущены въ дома.
49	Осипъ Печенкинъ.	
50	Василій Уткинъ.	
51	Елизаръ Петровъ.	Померли.
52	Потапъ Никитинъ.	
53	Тимофѣй Петровъ.	
54	Еремѣй Шундеевъ.	Въ Оренбургѣ.
55	Давыдъ Лаптевъ	
56	Никифоръ Киселевъ.	794 года мая 16 числа отстав- ленъ отъ службы и отпущенъ въ домъ.
57	Ефимъ Печеркинъ.	
58	Федоръ Печенкинъ.	По прибытіи изъ финляндской арміи отпущены въ дома.
59	Федотъ Казанцевъ.	
60	Панкратій Шахматовъ	Умеръ.
61	Петръ Замятинъ.	Въ Оренбургѣ.
62	Петръ Прибытковъ.	Умеръ.
63	Гаврила Сухоруковъ.	Въ Оренбургѣ.
64	Яковъ Киселевъ.	794 года мая 16 отставленъ отъ службы и отправленъ въ домъ.

65	Яковъ Потаповъ.	}	Въ Оренбургѣ.
66	Ефремъ Галинъ.		
67	Терентій Овсянниковъ	}	Умерли.
68	Егоръ Саночкинъ.		
69	Борисъ Щербаковъ.	}	Въ Оренбургѣ.
70	Моисей Казанцевъ.		
71	Фадей Рѣчкаловъ.		
72	Венедиктъ Печенкинъ		
73	Ермолай Горбачевъ.		796 года по повелѣнію главной команды отпущенъ въ домъ.
Казацѣи дѣти:			
74	Анисимъ Мясниковъ.	}	По прибытіи изъ финляндской арміи отпущены въ дома.
75	Ефремъ Марковъ.		
76	Козьма Шишеловъ.	}	Въ Оренбургѣ.
77	Иванъ Плотниковъ.		
78	Потапъ Баяндинъ.		
79	Егоръ Кораблевъ.		
80	Григорій Давыдовъ.		
81	Гаврила Шеинъ.		
82	Варфол. Гладышевъ.		Въ киргизъ-кайсацкомъ плѣну.

1798 *)

Росписаніе, сколько должно выкомандировать на сей 798 годъ для содержанія въ лѣтнее время линейной стражи съ Пермской и Оренбургской губерніи башкирцевъ и мещеряковъ и ихъ чиновниковъ и куда именно.

Въ крѣпость Зѣрино-головскую.		Съ Пермской губ.		Число людей
		Старшинъ		1
		Сотниковъ		6
		Пятидесятниковъ		12
		Десятниковъ		55
		Башкирцевъ и мещеряковъ		549
		Итого		623
		Изъ башкирцевъ		
		Сотниковъ		3
		Пятидесятниковъ		7
		Десятниковъ		34
		Башкирцевъ		348
		Итого		392
		Изъ мещеряковъ:		
		Десятниковъ		2
		Мещеряковъ		21
		Итого		23
		Изъ башкирцевъ:		
		Сотниковъ		1
		Пятидесятниковъ		3
		Десятниковъ		16
		Башкирцевъ		166
		Изъ мещеряковъ:		
		Пятидесятниковъ		1
		Десятниковъ		5
		Мещеряковъ		56
Въ городъ Троицкѣ.		Съ Троицкаго уѣзда.		

*) О выкомандированіи на лѣтнюю линейную службу иррегулярныхъ войскъ.

Въ городѣ Троицкѣ.		Въ городѣ Верхоуральскѣ.		Въ городѣ Кизильскую.		Всего:	
Съ обихъ уѣздовъ.		Съ Челябин. уѣзда.		Съ Бирскаго уѣзда.			
Сотниковъ				Десятниковъ		4	
Пятидесятниковъ				Десятниковъ		11	
Десятниковъ				Пятидесятниковъ		57	
Башкирцевъ и мещеряковъ				Десятниковъ		591	
				Башкирцевъ		663	
				Итого		1	
				Пятидесятниковъ		7	
				Десятниковъ		76	
				Башкирцевъ		84	
				Итого		1	
				Старшина		5	
				Сотниковъ		11	
				Пятидесятниковъ		51	
				Десятниковъ		509	
				Башкирцевъ		577	
				Итого		1	
				Сотникъ		3	
				Пятидесятниковъ		15	
				Десятниковъ		159	
				Мещеряковъ		169	
				Итого		3	
				Десятниковъ		30	
				Мещеряковъ		33	
				Итого		1	
				Старшина		4	
				Сотниковъ		8	
				Пятидесятниковъ		40	
				Десятниковъ		403	
				Башкирцевъ		456	
				Итого		1	
				Сотникъ		2	
				Пятидесятниковъ		10	
				Десятниковъ		102	
				Мещеряковъ		115	
				Итого			

Въ городъ Оренбургъ. Съ Мензелин. Съ Оренбург. уѣзда.	Въ крѣпость Верхнеозерную Со Стерлита- мацкаго уѣзда.	Въ крѣпость Орскую. Съ Уфимскаго уѣзда.			
		Въ крѣпость Орскую.	Съ Уфимскаго уѣзда.		
				Сотниковъ	2
				Пятидесятниковъ	4
				Десятниковъ	18
				Мещеряковъ	185
				Итого	209
				Старшина	1
				Сотниковъ	5
				Пятидесятниковъ	10
				Десятниковъ	46
				Башкирцевъ	463
				Итого	525
				Старшина	1
				Сотниковъ	4
				Пятидесятниковъ	8
				Десятниковъ	37
				Башкирцевъ	370
				Итого	420
				Сотникъ	1
				Пятидесятниковъ	2
				Десятниковъ	10
				Мещеряковъ	100
				Итого	113
				Старшина	1
				Сотниковъ	4
				Пятидесятниковъ	8
				Десятниковъ	36
				Башкирцевъ	362
				Итого	411
				Старшина	1
				Сотниковъ	5
				Пятидесятниковъ	10
				Десятниковъ	47
				Башкирцевъ	478
				Итого	541
				Сотниковъ	3
				Пятидесятниковъ	6
				Десятниковъ	33
				Башкирцевъ	334
				овъ	9

Въ крѣпость Нижне-озерную.	Съ Бугульминскаго уѣзда.	Сотникъ	1
		Пятидесятниковъ	2
		Десятниковъ	12
		Башкирцевъ	123
		Итого	138
		Пятидесятникъ	1
		Десятниковъ	5
		Мещеряковъ	51
		Итого	57
		По всей линіи:	
		Старшинъ	7
		Сотниковъ	46
		Пятидесятниковъ	99
		Десятниковъ	492
		Башкирцевъ и мещеряковъ	4485
		А всего	5519

Да сверхъ того кондуровскихъ татаръ 40, кои должны быть на службѣ въ крѣпости Верхнеозерной.

Каждый башкирецъ и мещерякъ долженъ былъ имѣть двѣ лошади годныхъ къ употребленію по службѣ, исправный къ верховой ѣздѣ приборъ, вооруженъ къ дѣйствию военному исправнымъ копьемъ, саблею и огнестрѣльнымъ, кто какое имѣетъ, оружіемъ и стрѣлами, а сверхъ того по одной косѣ и по одному топору.

К Р Ъ П О С Т И.				Каза- ковъ.	Баш- кирцев.	Меще- ряковъ.	Калмы- ковъ.
Звѣриноголовская	.	.	.	178	355		
Усть-Уйская	.	.	.	40	140		
Крутоярская	.	.	.	40	128		
Каракульская	.	.	.	40	128		
Городъ Троицкъ	.	.	.	171	370		
Степная	.	.	.	61	165		
Петропавловская	.	.	.	100	226		
Карагайская	.	.	.	50	50		
Городъ Верхоуральскъ	.	.	.	125	373		
Магнитная	.	.	.	100	181		
Кизильская	.	.	.	110	387		
Уртазымская	.	.	.	65	217		
Таналыцкая	.	.	.	180	204		
Орская	.	.	.	270	570		
Губерлинская	.	.	.	50	198		
Ильинская	.	.	.	160	295		
Верхнеозерная	.	.	.	150	325		
Красногорская	.	.	.	70	230		
Оренбургъ	.	.	.		562		516
Оренбургскій казакскій корпусъ.							
Уфимскій пехотскій полкъ.							
Илецкая Защита	.	.	.	100			104
Чернорѣченская	.	.	.	100	130		
Татищевская	.	.	.	100	130		
Нижнеозерная	.	.	.		95		
Разъѣзная	.	.	.	30	100		

1800.

*По прошенію повѣреннаго Оренбургской округи Возд-
виженской крѣпости нагайскихъ казаковъ походнаго сот-
ника Кирбангула Янгилдина.*

Предки наши находились въ Кубани, но по согла-
сію и желанію мурзъ и старшинъ нашихъ прибѣгнули
подъ державу Всероссійскія Имперіи. Сначала обселены

были въ Казанской губерніи, въ которой съ двадцать пять лѣтъ имѣли наше пребываніе, но по предвидимымъ въ землѣ недостаткѣ и къ житію нашему стѣсняющія обстоятельства принуждены были во время путешествія блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти великія Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны въ 1767 году въ Казани всѣ свои невозможности объяснить и просить о переселеніи насъ изъ той Казанской губерніи; въ томъ же 1767 году іюня въ 1 день послѣдовавшимъ именнымъ указомъ переведены въ Оренбургскую губернію, по которому бывшій господи́нь Оренбургскій губернаторъ, тайный совѣтникъ и кавалеръ князь Путятинъ опредѣленіемъ въ 1768 году августа 7 дня постановилъ къ тому насъ поселенію лучшаго и способнаго мѣста, какъ за выводомъ съ Сакмарской линіи Шешминскаго драгунскаго полка Воздвиженская крѣпость, Старый Желтый и Никитинскій редуты, за выводомъ почти въ пустѣ лежащая и которая еще бывшимъ господиномъ Оренбургскимъ губернаторомъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и кавалеромъ Неплюевымъ на всевысочайшихъ правилахъ и приведенныхъ съ 1743 года, при томъ съ такимъ имъ предложеніемъ, дабы по учрежденіи и обселеніи по рѣкѣ Сакмарѣ российскіхъ людей не было ни малѣйшаго помѣшательства и поселившуюся противъ Верхнеозерной крѣпости башкирскую деревню, называемую Канчуруну, имѣть подъ своимъ присмотромъ и чтобъ въ береженіи лѣсовъ поступали, того за ними накрѣпко смотрѣть и вновѣ башкирцамъ по той Сакмарѣ рѣкѣ сидеться не позволять, а избрали бѣ они къ поселенію своему подалѣ отъ поселенія российскіхъ людей, яко то по рѣкѣ Бѣлой и по впадающимъ во оную рѣчкамъ, ближе къ старымъ башкирскимъ землямъ, гдѣ они всякими угоду-

ями безпрепятственно пользоваться могутъ, что въ данной господину подполковнику Буткевичу отъ него господина помянутаго тайнаго совѣтника Неплюева того 1742 года іюля 14 числа инструкціи видно и которая по днесь имѣется при дѣлахъ Оренбургской пограничной комиссіи въ цѣлости, — съ коего времени они башкирцы поселеніемъ и правительствомъ допускаемы не были. Мы же Салтанаульскіе нагайцы съ 1769 года фундаментально обселены и къ безспорному владѣнію по межамъ и урочищамъ съ состоящей въ Сакмарской линіи генеральной карты 1756 года, съ оной планомъ и владѣннымъ указомъ снабжены, съ коего времени ни самаго дѣйствительнаго отъ кого либо предвидѣли себѣ препятствія и притѣсненія и въ безспорномъ владѣніи дачу имѣли.

Въ прошломъ 1789 году Усерганской и Каракипча-ской волостей башкирцы невѣдомо почему приступили и учинили своевольственную изъ дачи, принадлежащей къ вѣрности Воздвиженской, за рѣкою Сакмарою на правой сторонѣ при рѣчкѣ Асселѣ оренбургскаго верхняго суда стряпчему Андрею Федорову сыну Васильеву подъ одно хуторское обзаведеніе, который предвидя, что земля не можетъ быть ему прочною въ разсужденіи томъ, что предузналъ о томъ, что она не только въ дѣйствительномъ нагайцевъ отводѣ, но и казенною состоятъ, то учинилъ перепродажу господину поручику Петру Дмитріеву сыну Крашенинникову, оный же Крашенинниковъ по покупкѣ своей отъ помянутаго Васильева земли, предвидя по присутственнымъ мѣстамъ, яко о казенности, въ рѣшеніи неудачу, то наклоня оренбургской межевой конторы перво-класснаго землемѣра Андрея Иванова сына Либина, дабы чрезъ посредство уже его получить обойденіемъ и утвержденіемъ себѣ во владѣніе, приглася его, землемѣра Либина, въ деревню свою, дистанцію гдѣ до самаго его

отъѣзда и который на сихъ дняхъ отправился въ Кананикольскій заводъ, имѣлъ свое пребываніе, съ коего мѣста 26 августа мѣсяца сего года помянутый землемѣръ Либинъ съ поручикомъ Крашенинниковымъ, кантоннымъ начальникомъ поручикомъ же Барангуломъ Куватовымъ во многомъ количествѣ башкирцевъ прибыли въ деревню Ассель государственныхъ крестьянъ, которая состоитъ поселеніемъ по указу казенной палаты въ дачѣ крѣпости Воздвиженской, не давъ мнѣ повѣренному о прибытіи своемъ знать; когда жъ отъ жителей помянутой деревни Ассель увѣдомленъ я былъ, то по явкѣ моей и на вопросъ оны, землемѣръ Либинъ, при понятыхъ людяхъ мнѣ объявилъ, что оны начинаетъ обмежеваніе производить по отводу и показанію безспорному кантоннаго начальника Куватова въ дачу поручику Крашенинникову, и какъ я, предвидя, что оны землемѣръ такое предпріятіе начинаетъ первоначальнымъ пунктомъ при рѣчкѣ Асселѣ по правую сторону выше устья, при самомъ межевомъ признакѣ, состоящемъ ногойской дачѣ гдѣ поставя формальный столбъ съ государственнымъ гербомъ съ означеніемъ при немъ же межевой ямы, при каковомъ случаѣ отъ меня, повѣреннаго, объявленъ былъ письменный споръ и при поданномъ объявленіи представляемо было къ разсмотрѣнію его на владѣніе дачи Воздвиженской крѣпости планъ съ описью и владѣнный указъ, по которому значатся указные межевыя признаки, а именно: «начавъ отъ крѣпости внизъ по рѣчкѣ Сакмарѣ къ Никитинскому редуту разстояніемъ отъ оной крѣпости въ двѣнадцати верстахъ, при берегѣ рѣки Сакмары, по теченію оной, въ лѣвой сторонѣ на вязу нарублена грань, коя показываетъ прямо въ степь къ рѣчкѣ Яику до склоности отъ горъ къ рѣченной рѣчкѣ Сакмарѣ, 2 я грань вверхъ по рѣчкѣ Сакмарѣ къ Старому Желтому редуту разстояніемъ.

отъ вышеписанной крѣпости въ 10 верстахъ 200 саженьхъ отъ рѣки Сакмары при озерцѣ на матерой вѣтлѣ порублено двѣ грани, изъ коихъ одна показываетъ въ степь къ Яику на вышеписанную жъ горную склонность, а другая чрезъ рѣку Сакмару и рѣчку Балагушъ также и и Бердели на устьѣ ключа Сиплай, который впалъ въ рѣчку Ассель, по теченію онаго по правую сторону и самаго устья до рѣки Ику и отъ онаго устья перешедъ помянутую рѣку Ассель и внизъ по рѣкѣ Ику по теченію онаго по лѣвой сторонѣ до устья и до рѣки Сакмары, а отъ онаго устья перешедъ рѣку Сакмару до пограничнаго пункта».

Во владѣнномъ же данномъ бывшимъ господиномъ оренбургскимъ губернаторомъ и кавалеромъ Рейнсдорпомъ 1779 года мая 1 дня указъ явствуетъ: «Данъ сей Ея Императорскаго Величества указъ живущимъ въ Воздвиженской крѣпости и въ Желтомъ редутѣ Салтанаульскихъ и Нуидровскихъ ногайцевъ старшинѣ Салтыку мурзѣ Кизбулатову съ мірскими людьми и ногайцами, которые принесли къ нему жалобу, что отправляющіеся разнаго званія люди вѣсто позволительныхъ имъ билетовъ по Сакмарѣ и Ику рѣкамъ коронѣ принадлежащихъ мѣстъ на дрова и строенія лѣсъ рубятъ, не ѣздя въ даль въ ихъ ногайскія дачи, близъ самыхъ селеній и тѣмъ причиняютъ имъ притѣсненіе, а лѣсу не малую гибель, въ чемъ и просили его защищенія, а какъ тотъ лѣсъ и прочія угодья отведены для довольствія ихъ ногайцевъ отъ губернской здѣшней канцеляріи, потому слѣдовательно и не долженъ никто ихъ дачамъ касаться, чего ради симъ Ея Императорскаго Величества указомъ объявляется всѣмъ, чтобы въ принадлежащихъ помянутымъ ногайцамъ отводныхъ дачахъ на дрова и на строеніе лѣсу никто отнюдь не рубилъ и производили бѣ тою рубку единственно въ

коронныхъ мѣстахъ, а ежели кто въ томъ усмотрится, у таковыхъ не только дѣсь отбирать, но и такихъ яко своевольныхъ ловить и присылать за присмотромъ въ губернскую канцелярію для наказанія».

И хотя таковыя отъ меня неоспоримыя права на владѣніе дачи крѣпости Воздвиженской представлены были, токмо во уваженіе отъ меня землемѣромъ Либинымъ не приняты, и такъ отъ помянутаго поставленнаго имъ при прежнемъ межевомъ, какъ выше сказано, граннаго формальнаго столба, проходя межею вверхъ по рѣчкѣ Ассель по теченію оной по правую сторону до указной же межевой ямы, которая состоитъ при Зелаирской дорогѣ, и отъ оной выше близъ версты поставилъ таковой же гранный столбъ съ назначеніемъ государственнаго герба и ямы съ повороткою и пересѣкая онымъ дачу крѣпости Воздвиженской шедъ до самой рѣки Сакмары съ постановленіемъ таковыхъ же формальныхъ столбовъ и 28 дня окончили оную, чѣмъ самымъ самовластно въ дачу поручику Крашенинникову не только деревни Ассель поселившіеся въ оной по указу казенной палаты государственныхъ крестьянъ, но и казеннаго лѣса строевого и молодоро въ ращеніи до нѣсколькихъ тысячъ десятинъ отграничилъ и Воздвиженской крѣпости жителей по малоимѣнію на лѣвой сторонѣ рѣки Сакмары къ сѣнокошенію удобныхъ мѣстъ удаляетъ отъ владѣнія и къ службѣ дѣйствительно несостоятельными рѣшительно, отграничилъ въ явную противность именныхъ въ 27 день 1798 и 19 августа подтвердительныхъ Правительствующаго Сената сентября 5 дня 1799 годовъ указовъ, поелику что оное спорное въ землѣ дѣло окончательнаго рѣшенія не только по казенной палатѣ, но и Правительствующаго Сената 2-му департаменту не воспріяло. Дѣло конца не имѣетъ.

О переводѣ Донскихъ казаковъ изъ Верхнеуральска въ крѣпость Разсыпную.

Прошеніе Донскихъ казаковъ военному губернатору Бахметеву.

Назадъ тому пятый годъ по повелѣнію главнаго начальства переселены мы съ Дону съ семействами своими въ здѣшній городъ Верхнеуральскъ, гдѣ хотя мы и имѣемъ хлѣбопашество, но по неурожаю хлѣба пришли въ крайнее раззореніе, такъ что по старости нашихъ лѣтъ и пропитывать себя находимся не въ силахъ, да и дѣти наши уже приходятъ не въ состояніе отправлять службу Его Императорскаго Величества, а лучшее прожитіе находимъ мы Оренбургской линіи въ крѣпости Разсыпной, а потому, прибѣгая подъ покровительство вашего превосходительства, всенижайше прошу кому слѣдуетъ приказывать на жительство насъ, именованныхъ, съ семействами нашими въ помянутую крѣпость Разсыпную перевести, на что и имѣемъ ожидать отъ вашего превосходительства благоразсмотрительной резолюціи; кто жъ именно—при семъ вашему превосходительству прилагается именной списокъ.

Октября дня 1800 года.

*Списокъ именной находящимся при городѣ Верхоуральскѣ
поселеннымъ изъ Донскихъ казаковъ а кто именно и
сколько лѣтъ, о томъ значить ниже сего.*

1	Урядникъ Иванъ Лазаревъ	17
2	У него отецъ отст. каз Филимонъ Лазаревъ	72
3	У него сыновья: служащій Дѣи (?)	18
4	Малолѣтній Дмитрій	13
5	Агафонъ Понявкинъ	70
6	У него дѣти: служащій Василій	17
7	Малолѣтній Иванъ	13
8	» Семіонъ	12
9	Григорій Чиркинъ	62
10	У него сынъ служащій Степанъ	17
11	Данила Чудовцевъ	72
12	Тихонъ Крючковъ	77
13	Федоръ Заплаткинъ	79
14	Григорій Сусоевъ	77
15	Козьма Барабановъ	77
16	У него сынъ служащій Андрей	17
17	Ефимъ Чуприковъ	61
18	У него сынъ малолѣтній Василій	17
19	Иванъ Варсошкинъ	68
20	У него внукъ малолѣтній Иванъ	10
21	Федотъ Пронинъ	78
22	Данила Околзинъ	79
23	Никифоръ Тапилинъ	72
24	У него сынъ служащій Иванъ	20
25	Макаръ Рубцовъ	82
26	У него сынъ служащій Михайла	18
27	Исай Прокоповъ	42
28	У него дѣти малолѣтніе: Антонъ	14
29	Козьма	12
30	Тимофей	10
31	Матвей	1
32	Андрей Прокоповъ	32

33	Никита Телушкинъ	72
34	У него дѣти малолѣтніе: Дмитрій	22
35	Николай	14
36	Сидоръ Дардыкинъ	67
37	У него сынъ служащій Иванъ	18
38	Служащіе казаки: Стенанъ Ребухинъ	21
39	Афанасій Ребухинъ	20
40	Малолѣтній Филиппъ Ребухинъ	18
41	Служащій Власъ Полупановъ	37
42	» Иванъ Чернажуповъ	18
43	У него отецъ отставной Семіонъ Чернажуповъ	82
44	Служащій казакъ Петръ Дремовъ	32

Предписаніе военнаго губернатора войсковой канцеляріи отъ 8 марта 1801 года за № 249.

Жительствующіе въ городѣ Верхоуральскѣ переведенные въ 795 году на линію Оренбургскую на поселеніе казаки подали мнѣ просьбу, изъясняя, что въ теперешнемъ мѣстѣ ихъ пребыванія не могутъ они въ разсужденіи малаго пространства земли и по неурожаю хлѣба имѣть хорошаго домоводства, просятъ позволить имъ переселиться въ крѣпость Разсыпную. Снисходя на просьбу ихъ, предлагаю войсковой канцеляріи по приложенному поименному списку значущихся людей, изъ прежняго мѣста исключивъ, причислить въ крѣпость Разсыпную и мнѣ по исполненіи отпрапортовать.

По отношенію Оренбургскаго гражданскаго губернатора, испрашивающаго, есть-ли надобность причислить въ регулярное войско присяжныхъ Бузулукской округи разныхъ деревень ясашихъ татаръ.

По указу Правительствующаго Сената, послѣдовавшему ко мнѣ по просьбѣ Бузулукскаго уѣзда разныхъ

деревень ясацныхъ татаръ о выключкѣ ихъ 155-ю душами въ нерегулярное войско съ поселеніемъ Оренбургскаго уѣзда въ деревню Чесноковку, обязываюсь просить увѣдомленія вашего превосходительства. предстоитъ ли таковая надобность, чтобъ далѣе умножать число войска нерегулярнаго, и съ переименованіемъ упоминаемыхъ просителей новое званіе. можетъ ли соответствовать пользѣ государственной противу дохода по теперешнему ихъ состоянію съ поставкою рекрутъ донынѣ платимаго?

Карлъ Глазенапъ.

На отношеніе вашего превосходительства честь имѣю увѣдомить, что о наполненіи въ здѣшнемъ краѣ находящихся войскъ иррегулярныхъ нѣтъ никакой надобности, поелику и безъ означенныхъ 155-ти душъ состоитъ казакъ, башкирцевъ и мещеряковъ весьма довольно; что слѣдуетъ до желанія упомянутыхъ ясацныхъ татаръ, то уповательно происходитъ оное отъ того наиболѣе, дабы избѣгнуть узаконенныхъ повинностей, не принося въ прочемъ ни малѣйшей государству пользы, ибо изъ 155 душъ ежели бы и нашлись годныхъ къ употребленію пятьдесятъ, то и сіи не могутъ быть прежде исправными казаками, какъ по прошествіи пяти лѣтъ, и слѣдственно до того времени какъ они, такъ и прочіе семейства ихъ мужескаго пола должны оставаться единственно лишь тунейдцами.

Бахметевъ.

О Высочайшемъ соизволеніи, чтобъ чиновники Уральскаго войска имѣли мундиры, подобные лейбъ-казацкимъ.

Г-ну полковнику Бородину.

Его Императорское Величество желая, чтобъ чиновники войска Уральскаго имѣли мундиры, подобные лейбъ-казацкимъ, Высочайше указать соизволилъ мнѣ сообщить о томъ вамъ, и что Его Императорское Величество, не находя нужнымъ давать вамъ на сей случай особое Высочайшее свое повелѣніе, полагается на оное на извѣстное Его Величеству усердіе ваше.

Христофоръ Ливенъ.

Объ угонь скота киргизъ-кайсаками.

Рапортъ Вахметеву Оренбургскаго земскаго суда.

Сейчасъ до свѣдѣнія земскаго суда чрезъ сеитовскихъ купцовъ Абдухалика Абдряшитова и Абзалила Бектемирова дошло, что пасущійся вблизи посада Сеитовскаго купеческій и каргалинскихъ казаковъ табунъ, составляющій около четырехъ сотъ лошадей на 25 число сего мѣсяца въ ночи киргизъ-кайсаками угнать, при чемъ и пасущіе оный табунъ пастухи два человека чаятельно захвачены, поелику ихъ по сіе время не найдено, третій же пастухъ, каргалинскій казакъ Фейзулла Ибрагимовъ, на шляхахъ найденъ убитымъ, гдѣ также поднято копье, ножны отъ сабли и плеть. Перегонъ же учиненъ тому табуну чрезъ рѣку Уралъ выше отряда Каменнаго въ восьми верстахъ.

Засѣдатель Михайло Приѣзжевъ.

О нападеніи киргизъ-кайсаковъ близъ урочища Гребени и объ отгонъ лошадей у жителей Разсыпной станицы.

Рапортъ Бахметеву войсковой канцеляріи отъ 10 декабря.

Каргалинское станичное присутствіе таковымъ же сей канцеляріи донесло, что тамошней станицы полковникъ Пулатовъ вчерашняго числа будучи во обще съ сеитовскимъ купцомъ Резяпомъ Улеевымъ и съ состоящими при нихъ работниками въ деревнѣ Чебенъяхъ, оттоль возвращаясь не дѣзжая до Каргалы по здѣшнюю сторону урочища Гребеней при лежащей изъ города дорогѣ наѣхавшими киргизскими ворами, бывшими примѣрно человекъ въ тридцати, были захвачены въ плѣнъ, изъ коихъ при чинимомъ ими сопротивленіи сперва находившійся на запряженной въ сани лошади полковника Пулатова работникъ татаринъ Исхапъ Рисметевъ, спасшись отъ нихъ киргизцевъ бѣгствомъ и явясъ въ станичномъ присутствіи, объявилъ, почему къ преслѣдованію оныхъ и отряженъ полковникъ Бикметевъ въ числѣ сорока человекъ казаковъ, а между тѣмъ упомянутые полковникъ Пулатовъ и купецъ Улеевъ возвратясь объявили, что они тѣми киргизцами дѣйствительно захвачены и прибиты такъ, что едва могутъ на спросу соотвѣтствовать, и везены по лежащей отъ Гребеней къ Оренбургу дорогѣ верстъ съ пять, гдѣ де тѣ киргизцы, напавши на ѣдущій изъ Оренбурга обозъ, начали оный грабить и захватя бывшихъ при томъ обозѣ людей, а ихъ еще отвезли впередъ верстъ съ пять, отпустили, причемъ ограбили у купца Улеева на немалую сумму имущества и денегъ.

Генераль-маіоръ Углецкій.

Репортъ Сакмарскихъ станичныхъ дѣлъ отъ 11 декабря.

Отряженная отъ сей станицы для преслѣдованія воровъ киргизъ-кайсаковъ при начальникахъ сотенная команда, которая, слѣдуя по шляхамъ ихъ, перелѣзла чрезъ Уралъ ниже Нѣженскаго форпоста, простирая вверхъ по Бердянкѣ мимо казачьяго рудника, но не догнавъ, сего числа безъ всякаго успѣха прибыла благополучно.

Войсковой старшина Иванъ Качемасовъ.

Репортъ 4-й дистанціи дистанчнаго походнаго начальника разсыпнинскихъ казаковъ атамана Халина отъ 11 октября.

При объѣздѣ моемъ по дистанціи отъ находящагося при Разсыпной крѣпости въ лѣтней линейной службѣ казакскаго хорунжаго увѣдался я, что на 7 число сего мѣсяца въ ночи со внѣшней на внутреннюю сторону и обратно чрезъ рѣку Уралъ въ разстояніи отъ крѣпости вверхъ по теченію оной рѣки въ шести верстахъ былъ киргизскій переходъ, койми угнано обывательскихъ шестьдесятъ лошадей, въ преслѣдованіе которыхъ отъ начальника сей крѣпости господина майора Антонова послана была команда, коя возвратилась уже 9 числа сего октября, выгнавъ отъ киргизцевъ шестьдесятъ лошадей, въ числѣ коихъ оказались краденныхъ тѣми киргизцами въ минувшемъ сентябрѣ семь да въ прошломъ 798 году одна лошадь, съ коими пригнато и рогатыхъ большихъ и малыхъ сто семь скотинъ.

Репортъ Оренбургскаго казакскаго войска кантоннаго начальника поручика Сычугова о состояніи пятаго кантона за ноябрь мѣсяцъ.

Званіе расхода		СЛУЖАЩИХЪ.										ОТСТАВНЫХЪ.										ВСЕГО ВСѢХЪ.
		ЧИНОВЪ.										ЧИНОВЪ.										
		атаманъ, въ томъ числѣ поруч. 1	есаулъ.	сотникъ.	хорунжихъ.	пятидесятн.	урядниковъ.	писарей.	капраловъ.	рядовыхъ.	Итого.	атаманъ.	хорунжихъ.	урядниковъ.	писарей.	капраловъ.	рядовыхъ.	Итого.	Малолѣтновъ.			
ВЪ РАСХОДѢ. Баженихъ. Дальнихъ. Ивъ Барской кра- пости Въ киргизъ-кайсац- пѣвку изъ Нижнеозери Въ караулъ. Въ караулъ. Въ караулъ. На вѣстяхъ у кантон. начальн., атамановъ, есаула и сотника. Итого. Здоровыхъ. Больныхъ.	По списку состоитъ	9	1	1	13	1	12	5	34	1069	1145	1	6	5	3	18	672	405	1148	2698		
	Черноярченск.	—	—	—	—	—	—	—	—	30	30	—	—	—	—	—	—	—	—	30		
	Татищевской.	—	—	—	—	—	—	—	1	29	30	—	—	—	—	—	—	—	—	30		
	Нижнеозерной.	—	—	—	—	—	—	—	1	14	15	—	—	—	—	—	—	—	—	15		
	Разоминной.	—	—	—	—	—	—	—	1	14	15	—	—	—	—	—	—	—	—	15		
	Безвѣстно пропалъ ст- лучившійся съ деркуль- ской лин. г. Самары.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1		
	Въ бѣгахъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1		
	Содержался въ г. Бузулука подъ стражемъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1		
	Въ киргизъ-кайсац- пѣвку изъ Нижнеозери	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	3	3	2	7		
	Для содержанія подножи. гонимы по подорожи.	—	—	—	—	—	—	—	—	2	32	34	—	—	—	—	—	—	—	34		
У храма Божія въ Черноярчен. крѣпости.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1			
На вѣстяхъ у кантон. начальн., атамановъ, есаула и сотника.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	12	—	—	—	—	14	15	2	12			
Итого.	1	—	—	—	—	1	1	3	34	34	40	—	1	—	—	14	15	2	57			
Здоровыхъ.	9	1	13	1	11	4	26	875	940	1	6	4	2	18	388	369	1124	2433				
Больныхъ.	—	—	—	—	—	—	—	25	25	—	—	—	1	—	—	15	16	20	61			
Требуется въ добавку	—	—	—	1	—	2	2	3	—	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	8		
Всего и съ добавкою.	9	1	1	14	1	13	7	51	1069	1153	1	6	5	3	18	372	405	1148	2706			

Послѣ отправленнаго за прошедшій октябрь мѣсяцъ
репорта

П р и б ы л о: вновь рожденныхъ казачьихъ дѣтей

въ крѣпостяхъ Чернорѣченской 1, Нижнеозерной 1, Разсыпной 4, городѣ Ставрополѣ 3, итого 9; переселившихся по ордеру Оренбургскаго казакскаго войска войсковой канцеляріи и причисленныхъ изъ разныхъ въ Разсыпную крѣпость: переведенныхъ въ прошломъ 795 году на линію Оренбургскую на поселеніе изъ станицъ, по Дону стоящихъ, преступниковъ изъ Верхнеозерной служащій урядникъ 1, рядовой казакъ 1, отставной казакъ 1, малолѣтокъ 1; изъ Орской служащій капраль 1, рядовыхъ казаковъ 16, отставныхъ казаковъ 20, малолѣтковъ 28; изъ Орской же служащихъ рядовыхъ казаковъ 4, отставныхъ 3, малолѣтковъ 13. Всего прибыло 98.

Убыло: Умершихъ въ крѣпостяхъ Чернорѣченской малолѣтнихъ казачьихъ дѣтей 2, Татищевской малолѣтнихъ же 1, Нижнеозерной отставной казакъ 1, города Самары находящійся въ лѣтней линейной службѣ въ Татищевской крѣпости служащій рядовой казакъ 1, всего убыло 5.

Переименовано: По ордеру войсковой канцеляріи отъ 29 числа прошедшаго сентября подъ № 1630 произведенныхъ въ Красносамарской станицѣ изъ капраловъ въ хорунжіе 1, изъ казаковъ въ капралы 1; итого 2.

Перечислено по кантону. По рапорту нижнеозернинскихъ казаковъ атамана Дмитріева, а къ нему по ордеру послѣдовавшему отъ войсковой канцеляріи исключенныхъ изъ Татищевской и причисленныхъ въ Нижнеозерную крѣпость служащихъ рядовыхъ казаковъ 4, отставныхъ 2, малолѣтковъ 3; итого 9. По рапорту борскихъ казаковъ атамана Чеботарева, а къ нему по ордеру послѣдовавшему отъ войсковой канцеляріи находящіеся для конвоирования почтъ на станціи въ деревнѣ Ломовѣ бирскіе казаки 4 человека сего ноября 10 числа сняты и отпущены въ ихъ дома. Находящіеся въ тѣтней линейной

службѣ на 4 дистанціи отъ всего кантона чиновники и казаки въ крѣпостяхъ Чернорѣченской атаманъ 1, хорунжихъ 2, урядниковъ 2, капраловъ 2, рядовыхъ 123, итого 130; Татищевской — капралъ 1, рядовыхъ 109, итого 110; Нижнеозерной — хорунжій 1, писарь 1, капраловъ 4, рядовыхъ 59, итого 65; Разсыпной — атаманъ 1, капраловъ 2, рядовыхъ 60, итого 64. Всего, за умертвіемъ рядовыхъ 3-хъ, 369 человекъ прибыли.

ОГЛАВЛЕНИЕ XIX вып.

	Стр.
1. Отчетъ о состояніи и дѣятельности Комиссіи за 1906 г.—И. С. Шукшинцевъ	1
2. Протоколы засѣданій Комиссіи за 1906 г.	28
3. Владиміръ Никлаевичъ Витевскій.—А. Рож- дествинъ	71
4. Теофилъ Матвеевичъ Самоцвѣтъ.—А. П. Гра	81
5. Очеркъ внутренняго устройства улуса Джу- чиева. В. Березина.—Рефератъ А. Попова	85
6. Отчетъ о раскопкахъ шести кургановъ въ Актюбинскомъ уѣздѣ лѣтомъ 1906 г.—І. Кастанье	102
7. Исторія Чингисхана и Тамерлана.—Перев. съ Джагатайскаго А. Васильева и А. Балгимбаева	117
8. Григорій Ѳеодоровичъ Генсъ.—С. Н. Севастья- новъ	158
9. Рукописи Г. Ѳ. Генса.—А. Поповъ	168
10. Описаніе Хивинскаго Ханства и дороги туда изъ Сарайчиковской крѣпости. В. Григорьева.—Сообщ. А. Поповъ	181
11. Къ статьѣ о башкирскихъ тамгахъ.—Д. Н. Соколова	194
12. Иванъ Ивановичъ Евфимовскій-Мировицкій. —А. Поповъ	199
13. Памяти Ив. Ив. Евфимовскаго-Мировиц- каго.—Н. Г. Ивановъ	206
14. Изъ поѣздокъ по степи (наблюденія и за- мѣтки).—Д. Н. Соколовъ	210
15. Развалины Волгасынъ и Челкарская стѣнь. —І. Кастанье	217
16. Описи казачьи 1798 — 1800 г. — И. С. Шукшинцевъ	228

Труды

Оренбургской Ученой Архивной Комиссии.

Вып. I-й. Указы Оренбургскимъ военнымъ губернаторамъ Императрицы Екатерины II (1764 г.) и Императора Павла I (1797—1800). 1889 г. Въ прод. нѣтъ.

Вып. II-й. *Н. Н. Ардашевъ*: «Къ 100—лѣтнему юбилею Оренбургской губерніи» — *Н. Г. Ивановъ*: «О задачахъ, дѣятельности и общественномъ значеніи Ученыхъ Архивныхъ Комиссій». Отчетъ Комиссіи за 1895—96 г. Цѣна выпуска 25 коп.

Вып. III-й. *С. Н. Севастьяновъ*: «Князь Г. С. Волконскій, какъ иниціаторъ памятника Неплюеву — «Неплюевского Кадетскаго корпуса». — *В. Водопьяновъ*: «Неудавшееся посольство въ Бухару поручика Гавердовскаго въ 1802 году». — *Д. Н. Соколовъ*: «Башкирское войско въ походѣ русскихъ противъ Наполеона». — *С. Н. Севастьяновъ*: «Къ лѣтописи холерной эпидеміи въ Оренбургѣ въ 1848 г.». — Цѣна выпуска 50 коп.

Вып. IV. Протоколы засѣданій Комиссіи за 1897 г. Отчетъ о дѣятельности Комиссіи за 1897 г. — *Д. Н. Соколовъ*: «Опытъ разбора одной Башкирской лѣтописи». — *М. Л. Юдинъ*: «Замѣтка о курганахъ». — *Его же*: «Прошеніе Оренбургскаго обывателя Императору Александру I». — *С. Н. Севастьяновъ*: «Нѣсколько старинныхъ нѣ-

сентъ», *Д. Н. Соколовъ*: «Замѣтка о двухъ монетахъ Царя Михаила Ѳеодоровича». — *Ф. М. Стариковъ*: «Свѣдѣнія о предметахъ старины въ станицахъ и поселкахъ III военного отдѣла Оренбургскаго казачьяго войска». — *А. В. Поповъ*: «Дневникъ раскоповъ, произведенныхъ лѣтомъ 1897 г.». — *Н. М. Гутьяръ*: «Къ біографіи И. С. Тургенева (письмо Тургенева къ Щепкину)». — Рескриптъ Имп. Павла I. — Цѣна выпуска 1 р.

Вып. V-й. Протоколы засѣданій Комиссіи и отчетъ за 1898 г. — *М. Л. Юдинъ*: «Матеріалы къ исторіи Оренбургскаго края». — *И. С. Шушкинцевъ*: «Изъ неизданныхъ произведеній Державина». — *Его же*: «Первая частная женская школа въ Оренбургѣ». — *С. Н. Севастьяновъ*: «Исторія Оренбургскаго казачьяго войска по начертаніямъ войсковой печати» — 1890 годъ. Цѣна 80. коп.

Вып. VI-й. *Н. С. Шушкинцевъ*: «Некрологъ Предсѣдателя Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи ген.-лейт. П. П. Биркѣ». — *И. И. Архангельскій*: «Матеріалы къ исторіи города Троицка». — *И. С. Шушкинцевъ*: «Свѣдѣнія о курганахъ Оренбургской губерніи». — Протоколы засѣданій Комиссіи. Отчетъ о дѣятельности Комиссіи за 1899 г. — «Пушкинскіе дни въ Оренбургѣ». — Цѣна выпуска 1 р. 20 коп.

Вып. VII-й. *Н. М. Чернавскій*: «Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ». — Выпускъ первый, 1900 г. — Цѣна выпуска 2 р. 50 коп.

Вып. VIII-й. *А. И. Додросмысловъ*: «Башкирскій бунтъ въ 1735, 1736 и 1737 годахъ». 1900 г. Цѣна вып. 1 руб.

Отд. изданіе: Отзывъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи о книгѣ проф. Самокусова «Архивное дѣло въ Россіи». 1902 г. Цѣна 25 коп.

Вып. IX-й. *М. Л. Юдинъ*: «Положеніе торговли съ

III

Средне-Азіатскими ханствами до занятія Туркестанскаго края». — *А. И. Добросмысловъ*: «Заботы Императрицы Екатерины II о просвѣщеніи киргизовъ». — *П. С. Шушкинцевъ*: «Къ исторіи Пугачевского бунта (неизданные матеріалы)». — *С. Н. Севастьяновъ*: «Біографическая замѣтка о графѣ П. П. Сухтеленѣ, Оренбургскомъ Военномъ губернаторѣ». — *Н. И. Архангельскій*: «Матеріалы для исторіи г. Троицкѣ. II. Основаніе въ г. Троицкѣ гимназій. III. Казанскій женскій монастырь». — *П. М. Чернавскій*: «Спасо-Преображенскій храмъ въ Оренбургѣ». — *Ею же*: «Значеніе Спасо-Преображенскаго храма въ Оренбургѣ». — Отчетъ о дѣятельности Архивной Комиссіи въ 1900 г. Протоколы засѣданій за 1900 г. — *Н. С. Шушкинцевъ*: Описаніе дѣлъ архива Комиссіи за 1779 г. (гражданскій отдѣлъ). 1900 г. Цѣна 75 коп.

Вып. X-й. *П. М. Чернавскій*: «Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ», выпускъ второй, съ приложеніемъ портретовъ 4 главныхъ начальниковъ Оренбургскаго края и 9 архіереевъ Оренбургско-Уфимскихъ. 1902 г. Цѣна 6 руб. 75 коп.

Вып. XI-й. *А. П. Гра*: «Матеріалы по исторіи Оренбурга. Оренбургъ 40-хъ г.г. XIX столѣтія по описанію Базинера». — *П. С. Шушкинцевъ*: «Первые врачи изъ башкиръ въ Оренбургскомъ краѣ». — *Н. И. Чернавскій*: «Неудавшаяся попытка къ учрежденію женской общины въ с. Линхайловскомъ Оренбургскаго уѣзда». — *А. П. Гра*: «Первая попытка устройства водопровода въ Оренбургѣ». — *Прот. І. П. Иречетовичъ*: «Къ исторіи открытія Самарской епархія. Надѣленіе Самарскаго архіерейскаго дома мельницей, земельными угодьями и рыбными ловлями». — *Н. И. Архангельскій*: «Василій Михайловичъ Пупышевъ, потомственный почетный гражданинъ г. Троицка». — *И. С. Шушкинцевъ*: «Волненія въ Башкиріи въ 1835 году».

—*Ею же*: «Филиппъ Діомидовичъ Нефедовъ» — *Д. Н. Соколовъ*: «Нѣсколько словъ памяти Вегенгейма фонъ-Кваленъ» — *Свящ. М. Я. Божукова*: «О рукописномъ сборникѣ, пожертвованномъ А. И. Мякутинымъ» — Отчетъ о дѣятельности Архивной Комиссіи за 1901 г. — Приложение къ отчету. «Описаніе дѣлъ гражд. отдѣл архива Комиссіи» *И. С. Шукшинцевъ*. 1903 г. Цѣна 1 руб.

Вып. XII. *П. Н. Столянский*: I. «Оффиціальная и оффиціозная пресса въ Оренбургскомъ краѣ». II *Ею же*: «Исторія открытія и первые годы существованія первой частной газеты въ г. Оренбургѣ». — III. *А. И. Гра*: «Научныя общества». — IV. *И. С. Шукшинцевъ*: «Газета «Оренбургскій Край»». — V. *А. В. Васильевъ*: «Тургайскія областныя вѣдомости и Тургайская газета». — VI. *И. С. Шукшинцевъ*: «Другія періодическія изданія въ г. Оренбургѣ». — VII. *А. В. Поповъ*: «Къ исторіи типографскаго искусства въ г. Оренбургѣ». VIII. *Г. Е. Королевъ-Антошечкина*: (перепечатана) «Первая попытка изданія газеты въ Оренбургскомъ краѣ». — IX. *Н. М. Чернавскій*: «Оренбургскія Епархіальныя Вѣдомости». — Цѣна 1 руб.

Вып. XIII. *Д. Н. Соколовъ*: «О башкирскихъ тамгахъ». — Цѣна 1 руб.

Вып. XIV. Отчетъ о дѣятельности Комиссіи зр 1902 г. — *А. Л. Аниховскій*: «Древніе курганы-могильники въ Кустанайскомъ уѣздѣ Тургайской области». — *Ею же*: «Раскопка древнихъ кургановъ-могильниковъ въ Актюбинскомъ уѣздѣ». — *И. С. Шукшинцевъ*: «Попечительный комитетъ о бѣдныхъ въ г. Уфѣ». — *Ею же*: «О введеніи въ судопроизводствѣ гласности. Историческая справка». — Отчетъ о состояніи Комиссіи за 1903 г. — *И. А. Кастань*: «Погребальныя обряды у калмыковъ и у ламаитовъ вообще». — *Ею же*: «Отчетъ объ экспедиціи въ Актюбинскій уѣздъ лѣтомъ 1904 г.» — *А. В. Васильевъ*: «Путешествіе

доктора Эверсмана въ Бухару». 1905 г. Цѣна вып. 75 коп.

Вып. XV. Народный судъ обычнаго права киргизъ Малой орды. *Л. А. Словохотовъ*. Цѣна 1 руб.

Вып. XVI. Протоколы засѣданій Комиссіи за 1904 г. Приложенія къ нимъ: 1) Отчетъ о раскопкахъ кургановъ въ имѣніи г. Биберштейна. *И. Кастанье*. 2) Замѣтка о словѣ «огнищанинъ». *А. Макутинъ*.—Отчетъ о дѣятельности Архивной Комиссіи за 1904 г.—Раскопка кургана въ пос. Красногорскомъ. *А. Аниховскій*.—Продолженіе раскопки кургана около пос. Красногорскаго и др. раскопки. *Н. Макаренко*.—Событія въ Оренбургскомъ краѣ, подготовившія экспедицію въ Хиву 1839—1840 гг. *С. Севастьяновъ*.—О желѣзной дорогѣ между Каспійскимъ и Аральскимъ моремъ. *И. Шукшинцевъ*.—Отчетъ о поѣздкѣ въ Туркестанъ. *И. Кастанье*.—Исслѣдованіе послѣднихъ кургановъ на Бердинской горѣ. *А. Поповъ*.—Обзоръ археологическихъ раскопокъ въ Оренб. губерніи и Киргизской степи. *А. Поповъ* и *И. Кастанье*.—Популяризація археологическихъ знаній во Франціи. *И. Кастанье*.—Отчетъ о дѣятельности Комиссіи и протоколы засѣданій за 1905 годъ. Приложение къ нимъ: «Прозектъ закона объ охранѣ древностей». Списокъ членовъ Комиссіи за 1905 годъ. Цѣна 1 р.

Вып. XVII. Серебряная чаша музея Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи. *Н. Макаренко*. Цѣна 75 коп.

Вып. XVIII. Записки ген.-маіора *И. В. Чернова*. Ц. 1 р.

Вып. XIX. Отчетъ о состояніи и дѣятельности Архивной Комиссіи за 1906 годъ. *И. Шукшинцевъ*.—Протоколы засѣданій Архивной Комиссіи за 1906 г.—Владиміръ Николаевичъ Витевскій. *А. Рождественъ*.—Феофилъ Матвеевичъ Самоцвѣтъ. *А. Гра*.—Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева. В. Березина. Рефератъ *А. Попова*.—Отчетъ о раскопкахъ шести кургановъ въ

Актюб. уѣздѣ лѣтомъ 1906 г. *Г. Кастанье*.—Исторія Чингисхана и Тамерлана. Переводъ съ Джагатайскаго *А. Васильева* и *А. Балтимбаева*.—Григорій Ѳеодоровичъ Генсъ. *С. Н. Севастьяновъ*.—Рукописи Г. Ѳ. Генса. *А. Поповъ*.—Описаніе Хивинскаго Ханства и дороги туда изъ Сарайчиковской крѣпости. *В. Григорьева*. Сообщ. *А. Поповъ*.—Къ статьѣ о башкирскихъ тамгахъ. *Д. Н. Соколовъ*.—Иванъ Ивановичъ Евфимовскій-Мировицкій. *А. Поповъ*.—Памяти Ив. Ив. Евфимовскаго-Мировицкаго. *Н. Г. Ивановъ*.—Изъ поѣздокъ по степи. (Наблюденія и замѣтки). *Д. Н. Соколовъ*.—Развалины Болгасынъ и Челкарская степь. *Г. Кастанье*.—Описи казачья 1795—1800 г.г. Составлены изъ дѣлъ Архива бывшаго Оренбургскаго Генераль-Губернаторства. *Н. С. Шукшинцевъ*. 1907 г. Цѣна 75 к.

OEUVRES

**de la Commission scientifique des Archives
d' Orenbourg.**

Russie.

Tomes.

- I. Ukazes de l' Impératrice Catherine II (1764) et de l' Empereur Paul Ier (1797—1808—1809) aux gouverneurs militaires d' Orenbourg.
- II. Centième jubilé du gouvernement d' Orenbourg par M. Ardacheff. — Du but des Archives et de leur importance au point de vue social. N. Ivanoff. — Compte rendu de la Commission des Archives pour l' année 1895—1896.
- III. Le prince Volkonsky comme initiateur du monument de Nepluiéff et de la fondation du corps de cadet «de Nepluieff». S. Sevastianoff. — Insuccès de l' ambassade du lieutenant Gaverdovsky à Boukhara 1803. V. Vodopianoff. — Les régiments Bachkirs pendant la campagne des Russes contre Napoléon. D. Sokoloff. — Sur l' épidémie du choléra à Orenbourg 1848. S. Sévastianoff.
- IV. Compte rendu des séances de la Commission des Archives pour l'année 1897 ainsi que des travaux de la dite commission. — Essai d'analyse d'un traité sur les Bachkirs. D. Sokoloff. — Note

sur les tumuli. M. Ioudine.—Demande adressée à l'Empereur Alexandre 1er par un habitant d'Orenbourg. M. Ioudine. — Chansons anciennes par S. Sévastianoff.—Notes sur deux monnaies du tzar Michel Fedorovitch. D. Sokoloff.—Sur des objets antiques trouvés dans la 3ème section militaire des Cosaques d'Orenbourg. G. Starikoff. — Fouilles effectuées l'été de 1897 par A. Popoff.—Notes biographiques sur Tourguéneff. N. Gouthiar.—Brescrit de l'Empereur Paul 1er.

V. Compte rendu des séances de la Commission des Archives 1898.—Documents pour servir à l'histoire du gouvernement d'Orenbourg. M. Ioudine. —Quelques mémoires non encore parus de Derjavine I. Choukhintzeff.—Du même. La première école privée de demoiselles à Orenbourg.—Pour l'histoire des Cosaques d'Orenbourg d'après l'effigie de leur sceau. Sévastianoff.

VI. Sur la mort du général Birk, président de la Commission des Archives d'Orenbourg. I. Choukhintzeff.—Documents pour l'histoire de la ville de Troitzk. I. Arkhangelsky.—Tumuli du gouvernement d'Orenbourg. I. Choukhintzeff. — Compte rendu des travaux et des séances de la Commission des Archives pour l'année 1899.—Les fêtes de Pouchkine à Orenbourg.

VII. Le diocèse d'Orenbourg depuis ses origines jusqu'à nos jours. N. Tchernavsky.

VIII. L'insurrection des Bachkirs (1735—36—37). A. Dobrosmislóff.

Sur le livre du professeur Samokvassoff «Travaux des Archives en Russie». Réponse de la Commission des Archives d'Orenbourg.

Tiré à part.

- IX. De l'état du commerce avec les khanats de l'Asie centrale avant l'occupation du Turkestan M. Indine.—De Catherine II dans son désir de répandre l'instruction chez les kirghizes. A. Dobrosmisloff.—Sur le soulèvement de Pougatcheff. I. Choukhintzeff.—Notes biographiques sur le comte P. Soukhtalén, ancien gouverneur d'Orenbourg. S. Sévastianoff.—Documents pour l'histoire de la ville de Troitzk. M. Arkhangelsky.—Sur l'église de la Transfiguration du Sauveur à Orenbourg. Tchernavsky.—Compte rendu des travaux et des séances de la commission des Archives pour l'année 1900.—Nomenclature des dossiers contenus aux Archives depuis 1779 jusqu'à l'année 1790. I. Choukhintzeff.
- X. Le diocèse d'Orenbourg depuis ses origines jusqu'à nos jours avec illustrations (tome II). Tchernavsky.
- XI. Documents pour l'histoire d'Orenbourg. Orenbourg vers la moitié du XIX-e siècle d'après une description de Basiner. A. Gras.—Les premiers médecins Bachkirs dans le gouv. d'Orenbourg I. Choukhintzeff.—Essai de fondation de la communauté religieuse des femmes de Mikhaïlovsky (district d'Orenbourg). Tchernavsky.—Premier essai de conduite d'eau à Orenbourg. A. Gras.—Documents concernant la fondation du diocèse de Samara. Archevêque Krétchérovitch.—Sur A. Poupuicheff, citoyen honoraire de la ville de Troitzk. M. Arkhangelsky.—Soulèvement en Bachkirie 1835. I. Choukhintzeff.—Notes biographiques sur P. D. Néfédoeff. Du même.—Quelques mots sur la vie de

V. von Kvalen. D. Sokolof.—D'un manuscrit offert par M. Miakoutine. M. Bojoukoff.—Compte rendu des travaux et des séances de la commission des Archives pour l'année 1901.—Nomenclature des documents contenus aux Archives par L. Choukhintzeff.

XII. Presse officielle et officieuse du gouvernement d' Orenbourg. Sur la fondation du premier journal paru à Orenbourg. P. Stolpiansky.—Les sociétés savantes. A. Gras.—Le journal du pays d' Orenbourg I. Choukhintzeff.—Journal officiel de la prov. d Tourgaï et «Journal de Tourgaï». A. Vassilieff.—Autres feuilles périodiques d' Orenbourg. I. Choukhintzeff.—Historique de la typographie à Orenbourg. A. Popoff.—Essai de première impression de gazette dans le pays d' Orenbourg. G. Koreleff-Antochetchkine.—Le journal du diocèse d' Orenbourg. Tchernavsky.

XIII. Du timbre ou sceau (tamga) en usage chez les Bachkirs. D. Sokoloff.

XIV. Compte rendu des travaux et des séances de la Commission des Archives pour l'année 1902.—Anciens tombeaux-tumuli du district de Koustanai (prov. de Tourgaï) A. Anikhovsky.—Fouilles d' anciens tombeaux tumuli dans le district d' Aktioubinsk (province de Tourgaï) A. Anikhovsky.—Comité de secours aux pauvres de la ville d' Oufa. De l'introduction de la publicité dans l' administration de la justice. Renseignements historiques. I. Choukhintzeff.—Compte rendu des travaux et des séances de la Commission des Archives pour l' année 1903.—Cérémonies funebres en usage chez les Kalmouks et chez les lamaïtes en général. Castagné.—Expédi-

tion archéologique dans le district d' Aktioubinsk (province de Tourgai) l' été 1904 par Castagné.— Voyage du docteur Eversmann à Boukhara par A. Vassilieff.

XV. La justice populaire en matière de droit usuel chez les Kirguizes de la Petite-Horde par L. A. Slovokhotoff.

XVI. Compte rendu des travaux et des séances de la Commission d' Archives pour l' année 1904. Appendices: 1) Fouilles des tumuli dans le bien de Biberstein. I. Castagné; 2) Remarque sur le mot «ognischanine». A. Miakoutine.—Fouilles d' un tumulus à Krasnogorsk. A. Anikhovsky. — Continuation des mêmes fouilles et autres fouilles. N. Makarenko. —Événements dans la contrée d' Orenbourg précédents la campagne de Khiva 1839—1840 en vue de sa préparation. S. Sevastianoff.—D'un chemin de fer entre la mer Caspienne et la mer d' Aral. I. Choukchintzeff.— Notes sur un voyage en Turkestan. I. Castagné.— Exploration des derniers tumuli situés sur le monticule de Berda. A. Popoff.— Revue des fouilles effectuées dans le gouvernement d' Orenbourg et dans les steppes Kirguizes. A. Popoff. et I. Castagné.— Popularisation des sciences archéologiques en France. I. Castagné.— Compte rendu des travaux et des séances de la Commission pour l' année 1905 avec un projet de loi sur la garde des objets d'art et des edifices anciens.— Liste des membres de la Commission pour l' année 1905.

XVII. Tasse en argent du Musée d' Orenbourg. I. Makarenko.

XVIII. Memoires du general J. Tchernoff. Edition postume.

VI

Tome XIX Compte rendu de l'état et des travaux de la Commission d'Archives pour l'année 1906 par J. Choukchinzeff. — Protocoles des séances de la Commission d'Archives pour l'année 1906.

Vladimir Nicolaevitch Vitavsky, par A. Rojdestvine.

Théophile Matveevitch Samozvet par A. Gras.
Précis de l'organisation intérieure de l'oulo-
usse Djoutchy par V. Bérésine, référé par A. Popoff

Compte-rendu des fouilles de six tumuli dans le district d'Aktiubinsk exécutées en été 1906 par I. Castagné.

Histoire de Djengis-Khan et de Tamerlan du Djagathay par A. Vassilieff et Balguimbaeff.

Grigory Thedorovitch Gens par S. N. Sevastianoff. Manuscrits de G. Gens. A. Popoff.

Description du Chanat de Chiva et de la route y menant de la forteresse de Saraïtchik par V. Grigorieff, référé par A. Popoff.

Notes relatives à l'article sur les sceaux (tamga) des Bachkirs par D. N. Socoloff.

Ivane Ivanovitch Evfimovsky-Mirovitsky par A. Popoff. A la mémoire de I. I. Evfimovsky Mirovitsky par N. G. Ivanoff.

Excursions dans la steppe (observations et remarques) par D. N. Socoloff. Ruines de Bolgassine et steppe de Tchelkar, par I. Castagné.

Descriptions des documents relatifs aux cosaques (1795—1800) élaborées des actes de l'Archive ci-devant de Général-Gouverneur d'Orenbourg par I. Choukchintzeff.

Николай Макаренко.

СЕРВЕРНАЯ ЧАСТЬ

МУЗЕЯ

ОРЕНБУРГСКОЙ

Ученой Архивной Комиссии.

ТРУДЫ ОРЕНБ. УЧ. АРХ. КОМИССИИ.

Вып. XVII.

Oeuvres de la Commission scientifique des Archives d' Orenbourg.
Russie.

Tome XVII.

ОРЕНБУРГЪ.

Паровая Типо-лит. Т-ва «Каримовъ, Хусайновъ и К^о».

1907.

Case

Shelf

HARVARD UNIVERSITY

LIBRARY

OF THE

PEABODY MUSEUM OF AMERICAN
ARCHÆOLOGY AND ETHNOLOGY.

GIFT OF

Harvard College Library

Received January 19, 1923.

ЦѢНА 50 КОП.

ЗАПИСКИ

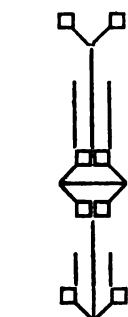
ГЕНЕРАЛЪ-МАЙОРА

ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ЧЕРНОВА.

ТРУДЫ
СКОЙ
АРХИВНОЙ
ВЫП.

ОРЕНБУРГ-
УЧЕНОЙ
КОМИССИИ.
XVIII.

КАТЕДРАЛЬНЫЙ СОБОРЪ ВЪ Г. ОРЕНБУРГЪ.

ОРЕНБУРГЪ.

ПАРОВАЯ ТИПО-ЛИТ. „Т-ВО ПЕЧ. ДЪЛА КАРИМОВЪ, ХУСАИНОВЪ И К-О“

1907.

ЦѢНА 75 КОП.

1.500.000

**ТРУДЫ
ОРЕНБУРГСКОЙ
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ.**

O E U V R E S

de la Commission scientifique des Archives
d' Orenbourg. Russie

ВЫПУСКЪ XIX

Tome XIX

ОРЕНБУРГЪ

Типо-лит. Т-ва Карпюковъ, А.И. Онеговъ и К^о. Оренбургъ.

1908.

ЦѢНА 1 РУБ.

TOZZER LIBRARY

3 2044 041 787 417

